

Воспоминания соловецких узников

Посвящается памяти заключенных
Соловецкого лагеря особого назначения

Состав редакционной коллегии

Иерей Вячеслав Умнягин (ответственный редактор)

Майя Евгеньевна Бабичева, кандидат филологических наук

Ольга Владимировна Бочкарева

Олег Геннадьевич Волков

Сергей Владимирович Волков, доктор исторических наук

Игорь Петрович Воронин

Андрей Владиславович Ганин, кандидат исторических наук

Лидия Алексеевна Головкова

Архимандрит Иоанн (Недачин), кандидат богословия

Марина Васильевна Осипенко,
кандидат физико-математических наук

Михаил Сергеевич Скрипкин

Вениамин Алексеевич Слепков

Марина Александровна Смирнова, кандидат исторических наук

Елена Григорьевна Сойни, доктор филологических наук

Воспоминания соловецких узников

1925–1928

Издание Соловецкого монастыря
2014

УДК 94(470.11)(082)+271.2-9(470.11)(082)
ББК 63.3(2)61-361ю14+
63.3(2Рос-4Арх, 99Соловки)61-361ю14+
86.372.24-3ю14
В 77

Рецензенты:
д-р геол.-минерал. наук, профессор РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина,
академик РАЕН П.В. Флоренский,
канд. филол. наук., руководитель ингушского «Мемориала» М. Д. Яндиева.

Предисловие:
С. В. Волков

Статья «Соловецкие лагеря особого назначения в 1925–1928 гг.»:
О. В. Бочкарева

Топографический указатель:
О. Г. Волков

Библиографический список:
М. А. Смирнова

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) благодарит за помощь в выпуске второго тома серии «Воспоминания соловецких узников» Губернатора Архангельской области **Игоря Анатольевича Орлова**, заместителя Губернатора Архангельской области **Романа Викторовича Балашова**,

а также
Фонд развития Соловецкого архипелага

Воспоминания соловецких узников : [1923–1939] / отв. ред.: иерей В. Умнягин ; художж.: С. Губин ; дизайн: М. Скрипкин]. — Соловки : Спасо-Преображ. Соловец. ставропиг. муж. монастырь, 2014. — [Т. 2.] : 1925-1928. — 2014. — 640 с. : ил. — ISBN 978-5-91942-027-9.

В 77

Агентство CIP Архангельской ОНБ.
УДК 94(470.11)(082)+271.2-9(470.11)(082)
ББК 63.3(2)61-361ю14+
63.3(2Рос-4Арх, 99Соловки)61-361ю14+
86.372.24-3ю14

Книжная серия посвящена памяти заключенных Соловецкого лагеря особого назначения. Во второй том серии вошли мемуары узников, находившихся в заключении в период с 1925 по 1928 г., а также справочные материалы по истории лагеря и тематический библиографический список. Книга ориентирована на самый широкий круг читателей и специалистов, интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-91942-027-9

© Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6
От редакции 8
О.В. Бочкарева. Соловецкие лагеря особого назначения в 1925–1928 гг. 11
Е.Г. Сойни. Иван Савин под «чужим небосводом» 20
Иван Савин. Очерки о Соловках 30
Ианнуарий (Недачин), архимандрит. Протопресвитер Михаил Польский – исповедник и свидетель мученического и исповеднического подвига православного духовенства на соловках 44
Михаил Польский, протопресвитер. Публикации о Соловках 55
М.Е. Бабичева. «Индийский гость» по воле рока 84
С. Курейши. Пять лет в Советских тюрьмах и лагерях 90
М.В. Осипенко. Пасхальные богослужения в Соловецком лагере 150
А.В. Ганин. «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева 162
И.М. Зайцев. Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти) 172
Вячеслав Умнягин, иерей. Священномученик Иларион (Троицкий) глазами соузников 332
И.П. Воронин. Борис Солоневич, младший брат Ивана 342
Б.Л. Солоневич.
Молодежь и ГПУ (Жизнь и борьба советской молодежи) 356
Тайна Соловков 427
Топографический указатель 592
Именной указатель 600
Глоссарий и список аббревиатур 618
Библиографический список 622

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том воспоминаний соловецких узников охватывает более позднее время, чем первый. Вторая половина 1920-х гг. стала в СССР преддверием нового пика политических репрессий, который пришелся на 1928–1932 гг. и был связан с решающим этапом преобразования общества в нашей стране, сопровождавшимся как массовой коллективизацией, так и искоренением остатков старого российского культурного слоя.

Но и середина 1920-х гг., эпоха НЭПа, когда оказались на Соловках большинство авторов публикуемых здесь воспоминаний, не была на самом деле столь уж «вегетарианской», как она выглядит по сравнению со временем «красного террора» 1918–1922 гг. или массовыми репрессиями конца 1920-х — начала 1930-х и конца 1930-х гг.

Политика коммунистической партии и советского государства по построению нового общества и формированию «нового человека» исходила из необходимости искоренения или максимальной изоляции всех тех социальных слоев и групп, которые не вписывались в картину желаемого будущего. И меры по уничтожению представителей таких групп населения советская власть проводила весьма последовательно.

Именно в это время обострилось внимание руководства к социальному составу служащих государственных учреждений, учебных заведений и вооруженных сил: процент «бывших» в этих структурах стал тщательно отслеживаться с принятием мер по его возможно более быстрому сокращению. Хотя масштабные судебные процессы против таких лиц были еще впереди, тем не менее, и в эти годы уже имела место фабрикация дел по «корпоративному» признаку — типа «дела лицеистов» и разоблачения ряда «офицерских организаций», поводом для которых служили элементарные контакты между бывшими однополчанами. Не улучшилось в это время и положение членов бывших политических партий, даже близких в прошлом к большевикам.

Преддверие развертывания массовых репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг. отразилось, разумеется, и на самих Соловецких лагерях, которые, постепенно увеличивая численность заключенных, готовились к тому, чтобы стать не только местом заключения, но и крупным хозяйствующим субъектом, исполь-

зующим даровую рабочую силу. Именно тогда были проведены опыты по переводу их на частичную самоокупаемость.

В помещенных в томе материалах нашли отражение как общие тенденции развития советского общества того времени, так и изменения условий лагерного быта. Практически все они никогда не издавались в СССР и РФ, а известны только по эмигрантским публикациям, некоторые до сих пор не были включены в научный оборот.

Все авторы публикуемых воспоминаний относились к традиционно преследовавшимся тогда группам: за небольшим исключением это представители духовенства, бывшие офицеры или члены нежелательных для власти организаций. Лишь некоторые из них принимали активное участие в борьбе с большевизмом, и сама эта борьба не является в данном случае темой повествования.

В этих рассказах примечательна, прежде всего, картина мученичества и духовного подвига людей, сумевших в нечеловеческих условиях сохранить силу духа и свои убеждения. Те из них, кто смог выжить и даже бежать из руко-творного советского ада, донесли до будущих читателей не только правду о порядках в советских лагерях (тогда еще мало кому известную), но — и это главное — свидетельство об образцах нравственного величия своих товарищей по несчастью, которым суждено было погибнуть в заключении.

Портреты людей, сохранивших чувство собственного достоинства и веру в будущее, выглядят особенно ярко на фоне чудовищного повреждения психологии широких слоев населения того времени, деформации нравственных начал, ужасающие примеры чего во множестве встречаются в мемуарах. Авторы далеко не всегда сознательно преследовали именно такую цель — создать образы современных им праведников, но едва ли современный культурный читатель нуждается в специальных разъяснениях. Тот большой материал, который содержится в воспоминаниях, вполне позволяет обойтись без специальных комментариев.

Сергей Владимирович Волков,
доктор исторических наук

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередное обращение к воспоминаниям соловецких узников обусловлено непреходящим интересом к осознанию опыта лишения свободы и борьбы за сохранение личности в неблагоприятных, нацеленных на ее подавление условиях.

Подобное внимание закономерно, учитывая то, что места заключения не просто формируют представление о той или иной исторической эпохе. Обращение к данному репрезентативному феномену позволяет взглянуть на проявления человеческой природы в ситуациях, когда в борьбе за выживание люди показывают свое истинное лицо.

Сказанное в полной мере относится к событиям XX в., эпохе тоталитарных форм правления, которые находили свое предельное выражение в тюрьмах и лагерях.

Их изучению, включая историю советского ГУЛАГа, посвящена масса исследований, в которых «теснейшим образом переплелись все существующие жанры научного и художественного творчества»[1]. Не последнее место в этом всемирном наследии занимают воспоминания соловецких летописцев.

Существует два, внешне взаимоисключающих и не лишенных внутренних противоречий подхода к оценке поведения заключенных, которые являются отголоском более обширной проблемы соотношения светского и религиозного в жизни человека.

Первый подход в отечественной традиции обычно ассоциируется с творчеством атеиста В. Т. Шаламова, который был «убежден, что лагерь — весь — отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя — это час растления»[2].

Верное отчасти, это утверждение опровергают многочисленные воспоминания жертв политических репрессий, сами по себе являющиеся свидетельствами несломленного человеческого духа.

Другой подход может быть выражен мыслью о том, что в заключении «устоять человеческими силами невозможно, а можно только нечеловеческими, благодатными»[3].

---

[1] Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М: Наука, 2006. С. 32.

[2] Шаламов В. Т. Что я видел и понял в лагере // Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/37.htm.

[3] Дамаскин (Орловский), иг. Православный церковный календарь. М.: Соловецкий монастырь, 2006. С. 279–280.

Такая точка зрения, предполагающая положительный нравственный опыт в местах лишения свободы, не всегда объясняет поступки далеких от веры людей, которые в самых тяжелых условиях сохраняли верность жизненным принципам.

В действительности указанные антиномии не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Первая напоминает о последствиях политических экспериментов, чреватых подрывом основополагающих принципов общественной жизни, вторая — о том, что духовно ориентированная личность, как минимум, более подготовлена к испытаниям, связанным с разрушением привычного образа жизни и изменением социального статуса, которые не являются смыслом и конечной целью ее существования.

При этом обе точки зрения, косвенно и напрямую, свидетельствуют о высших ценностях, в первую очередь религиозных, которые позволяют людям сохранять внутреннюю целостность и нравственную автономию перед лицом любых потрясений.

Отказ от духовных ориентиров, в свою очередь, ведет к уравниванию ценностей и, как следствие, к дезинтеграции сознания и деятельности человека, о чем свидетельствуют все авторы, чьи произведения представлены в настоящем сборнике.

Второй том «Воспоминаний соловецких узников» продолжает выпуск одноименной книжной серии, первый том которой вышел в свет летом 2013 г. под грифом Издательского отдела Соловецкого монастыря.

О значимости проекта говорят положительные отзывы представителей научного сообщества и общественных организаций, звучавшие во время многочисленных презентаций книги в интеллектуальных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска. На актуальность издания указывает повышенный интерес к нему со стороны читательской аудитории, а также победа в конкурсе Архангельской области «Книга года—2013» в номинации «Лучшая книга о Русском Севере».

В этот, как и в предыдущий, том серии вошли воспоминания о первых годах существования Соловецкого лагеря.

Центр повествования сосредоточен на событиях 1925—1928 гг., важных как с точки зрения истории СЛОНа, так и формирования всей советской пенитенциарной системы, что подробно рассматривается в статье «Соловецкие лагеря особого назначения в 1925—1928 гг.».

За редким исключением предлагаемые вниманию читателя тексты в нашей стране не публиковались, значительная их часть только вводится в научный оборот.

Открывают книгу очерки Ивана Савина, впервые опубликованные в 1925—1926 гг. в берлинской газете «Руль» и парижском «Возрождении». Статьи стали итогом общения поэта с бежавшими в Финляндию соловчанами

Ю. Д. Бессоновым, А. Клингером, С. А. Мальсаговым, воспоминания которых представлены в первом томе настоящей серии.

Далее идут отрывки из публикаций разных лет протопресвитера Михаила Польского: «Соловецкий лагерь» (Сан-Франциско, 1951), «Новые мученики Российские» (Джорданвилль, 1957), «Положение Церкви в Советской России» (Иерусалим, 1931), «О духовном состоянии русского народа под властью безбожников» (Белград, 1938), в которых затрагиваются важные вопросы духовной жизни российского общества.

Следующее произведение — мемуары индуса Саида Курейши «Пять лет в советских тюрьмах», были напечатаны в ноябре-декабре 1927 г. в парижской газете «Последние новости». Помимо прочего они интересны тем, что представляют взгляд на события в России иностранца, чье знакомство со страной происходило в ее тюрьмах и лагерях.

Статья «Пасхальные богослужения в Соловецком лагере» включает в себя несколько малоизвестных свидетельств о праздновании Пасхи, ставшем для многих заключенных самым ярким событием в жизни.

Значительное по объему место в сборнике занимает сравнительно известная, но не публиковавшаяся на родине книга генерала Ивана Матвеевича Зайцева «Соловки: Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти» (Шанхай, 1931), дополненная небольшой главой «Человеческие жертвоприношения Соловков по случаю смерти Дзержинского», которая не вошла в оригинальное издание и была напечатана уже после смерти автора в 1936 г.

Статья «Священномученик Иларион (Троицкий) глазами соузников» приурочена к 85-летию со дня кончины и 15-летию с момента прославления святого и повествует о годах его жизни на Соловках.

Завершают книгу два произведения Бориса Лукьяновича Солоневича: значительный отрывок из документальной повести «Молодежь и ГПУ» (София, 1937) и авантюрный роман «Тайна Соловков» (Брюссель, 1942), который наряду со всеми другими источниками отражает реалии соловецкой каторги середины 1920-х гг.

Более подробно об этих свидетельствах и их авторах можно узнать из вступительных статей современных исследователей, чьи изыскания, по уже сложившейся традиции, предваряют воспоминания соловчан.

За исключением оговоренных случаев тексты воспоминаний аутентичны оригиналам.

Издание снабжено справочным аппаратом и научной библиографией. Книга ориентирована на самый широкий круг читателей, которым не безразличны проблемы отечественной истории и вечные вопросы человеческого духа.

О. В. Бочкарева

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ В 1925–1928 гг.

Из всех лет пребывания на Соловках учреждений исполнения наказаний ВЧК–ОГПУ–НКВД именно этот период ознаменовался становлением и развитием на архипелаге Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ (СЛОН ОГПУ).

Приказ об организации Соловецкого и Пертоминского лагерей ОГПУ в составе Северных лагерей принудительных работ особого назначения вышел еще весной 1923 г.[1] Московская комиссия, работавшая на Соловках в сентябре 1923 г., установила, что острова не готовы принять 8000 заключенных, при этом отсутствует основополагающий документ вновь образованного учреждения — Положение о Северных лагерях ОН ОГПУ[2].

Этот документ создавался, рассматривался и утверждался с доработками еще полтора года[3]. Но уже с лета 1923 г. на островах кроме основного контингента были размещены заключенные — так называемые «политические» — представители политических партий: социал-демократы, социал-революционеры, анархисты. Для них были сформированы три политскита — в Савватьево на острове Большой Соловецкий, на острове Большая Муксалма и в Свято-Троицком скиту на о. Анзер (с 1924 г.).

Окончательно Положение о Северных (Соловецких) лагерях было утверждено лишь в ноябре 1924 г.[4] Это послужило поводом к переименованию самого репрессивного учреждения в Соловецкие лагеря ОН ОГПУ и привело к ключевым изменениям на островах. В соответствии с Положением все заключенные обязаны были работать и подчиняться правилам и распоряжениям лагерного начальства. В эту систему не вписывалось содержание на Соловках «политических» заключенных, основную их массу вывезли с началом навигации 1925 г.

С весны 1925 г. ситуация на Соловках начала резко меняться. Территория Соловецкого монастыря стала I Кремлевским отделением СЛОН ОГПУ, кото-

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Л. 26.
[2] Там же. Л. 55.
[3] Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 35–39.
[4] Там же. Л. 40–50.

рое все годы лидировало по численности заключенных и объемам их занятости на производствах. Только в I Отделении заключенные проживали по ротам, где каждая рота специализировалась на конкретных видах работ. Здесь же располагалась карантинная рота, а также — роты общих работ, самые многочисленные по количеству заключенных. В разные годы расположение рот в кремле, их численность и направление деятельности менялось в соответствии с нуждами лагеря. В настоящее время из официальных архивных источников не выявлено расположение и последовательное перемещение номеров рот I Отделения. Нет точных данных и по численности заключенных в отделениях и ротах, численности духовенства. Этим объясняется разница в констатации таких данных в воспоминаниях авторов, прошедших Соловецкие лагеря в разные годы.

Летом 1925 г. на территории бывшего политскита в Савватьево было сформировано II-е Отделение СЛОН ОГПУ. Оно стало центром лесозаготовок. Основные пункты заготовок — Исааково с Сельхозом № 2, Старая и Новая Сосновки, Овсянка, Трещанка, командировки на озерах Б. Белое (Б. Красное) и Валдай. На территории бывшего политскита на о. Б. Муксалма было организовано III Отделение СЛОН ОГПУ — лагерный Сельхоз № 1: скотные дворы, конезавод, свиноферма, крольчатник. С организацией политскитов на Соловках, на горе Секирной располагалась зона свиданий «политических» с родными и близкими. Уже в конце лета 1925 г. там разместился мужской штрафной изолятор — IV Отделение СЛОН ОГПУ. На Кондострове до 1927 г. действовало V Отделение, которое затем было реорганизовано в штрафную командировку при I Отделении для отказников от работ. На территории бывшего политскита на о. Анзер организована Троицкая командировка для слабосильных заключенных при VI Отделении СЛОН ОГПУ, лагерный Сельхоз № 3 и Кустпром по изготовлению игрушек и сувениров.

В структуре крупных отделений была создана целая сеть лагерных пунктов и командировок: лесных, торфяных, береговых. В 1925—1927 гг. по всему архипелагу было развернуто масштабное строительство. Особое внимание уделялось дорожному строительству. Поскольку основные работы велись на лесных участках, то в первую очередь железнодорожные ветки были проложены к местам и в районы вывоза строительного леса и дров. Целая сеть узкоколеек построена на территории поселка, проложены ветки на торфоразработки к оз. Становому, в район Кирпичного завода. К 1928 г. протяженность стационарных и сборно-разборных узкоколейных веток составила более 35 км.

В приказе по Севлагерям от 19 сентября 1923 г. начальника Юридического отдела ГПУ В. Д. Фельдмана «к сведению, руководству и исполнению» ска-

зано: «Организовать вне стен кремля отдельные помещения для присылаемых сюда несовершеннолетних с 16—18 лет. Употреблять их на легкие дневные работы, усилить среди них культ.-просвет. работу». Только с 1926 г. началось исполнение этого приказа. Спустя два года в лесном массиве к югу от кремля, за территорией монастырского кладбища был построен городок Детской колонии СЛОН ОГПУ — для несовершеннолетних преступников. В 1929 г. колония была переведена на материк, а барачный городок получил название «Рабочий городок № 1», в котором проживали заключенные вплоть до 1939 г.[5]

Система судоходных каналов от оз. Б. Белое (Б. Красное) до оз. Перт стала важным путем сплава дров для I-го Отделения. Основные работы в эти годы развернуты в районе озер Б. Белое (Б. Красное), Валдай, Щучье. Расширен Лесопильный завод, работавший в две смены[6]. В начале 1926 г. введен в производство Кожевенный завод[7]: силами заключенных возведены каменный двухэтажный заводской корпус и склады. На территории монастырских смолокурен за Кирпичным заводом были организованы войлочные мастерские, для которых закупили трепальные и валяльные машины[8]. Значительно расширены Кирпичный, Гончарный и Механический заводы, кузнечные мастерские. На больших пространствах соловецких болот начата разработка торфа как дешевого топлива для бытовых и производственных нужд лагеря. По всем островам архипелага велось строительство бараков и бараков-землянок для лагпунктов, командировок и рабочих городков. Особое внимание уделялось этому строительству вдоль железнодорожных узкоколеек — к оз. Становое, к системе и на каналах между озерами Б. Белое (Б. Красное), Валдай и Щучье, на территориях торфозаготовок, на побережье Большого Соловецкого острова в местах вязания плотов строительного леса и добычи морских водорослей для Йодпрома. В главном лагерном Сельхозе № 1 на о. Б. Муксалма были открыты дрожжевой заводик и маслозавод, колбасная мастерская. При Сельхозе № 2 в Исааково построены клуб, школа, баня, прачечная. На о. Анзер расширен Сельхоз № 3.

В 1925—1928 гг. Соловецкие лагеря не только осваивали архипелаг, но и разворачивали свою деятельность на материке. На плечи заключенных легла первая крупномасштабная стройка — прокладка Кемь-Ухтинского тракта длиной 185 км для ведения лесозаготовок на территориях, прилегающих к границе с Финляндией.

С 1925 г. достижения Соловецких лагерей стали освещаться в газете «Новые Соловки», которая издавалась силами СЛОН ОГПУ непосредственно на остро-

[5] ЦА ФСБ. Ф.2. Оп. 1. Д. 154. Л. 58.
[6] Новые Соловки. 1925. 25 окт. С. 3.
[7] Там же. 1925. 4 нояб. С. 4; 1926. 7 февр. С. 6.
[8] Там же.

вах и распространялась по подписке на материке. Достаточно большое внимание уделялось морскому флоту. В «Новых Соловках» публиковалась информация о перемещении судов, расписание их движения с материка на острова, материалы о перспективах использования. В состав лагерной флотилии входили пароходы «Глеб Бокий», «Нева», «Слон», баржа «Клара Цеткин», шхуны «Соловки», «Красный промышленник», «Новые Соловки», катер «Пионер». Основное назначение флота — доставка заключенных, перевоз грузов и почты. С 15 октября 1925 г. на всех судах были подняты военные флаги в связи с переходом их в состав погранфлотилии[9].

В 1926 г. Соловецкие лагеря ОН ОГПУ перешли на частичную самоокупаемость. Во время своей поездки по Карелии Э. Гюллинг, тогдашний председатель Совнаркома Карельской АССР, посетил «Соловецкие острова и вынес резолюцию о дальнейшем использовании заключенных в промышленном развитии края — на кожевенном и кирпичном заводах к районе Кеми, в дорожном строительстве и в других массовых работах»[10].

Разрастание Соловецких лагерей на материке явилось причиной строительства целого района в г. Кеми под управлением НКВД. Соловецкими заключенными выстроены административные, культурные, жилые и хозяйственные постройки, промышленные и дорожные объекты в городе и Кемском районе, на карельском побережье Белого моря.

В рассматриваемый период численность соловецких заключенных стала резко увеличиваться. Значительно возросло количество заключенных, прибывавших в лагеря по контрреволюционной статье и с большими сроками. Администрация СЛОН ОГПУ была вынуждена менять политику и тактику в отношении к ним — вводить «политику пенитенциарного воздействия на заключенных, с одновременным укреплением и регламентированием порядка отбывания наказания различными категориями заключенных, в зависимости от тех или иных режимных норм»[11].

В Докладе о деятельности Управления СЛОН ОГПУ за 1926–1927 оперативный год сообщалось, что общая численность узников с 9830 человек (на 01.10.1926 г.) возросла до 12 896 человек (на 01.10.1927 г.), а на Соловках — с 6753 человек до 7445[12]; к 1929 г. общая численность заключенных СЛОН ОГПУ достигла 21 тыс., а на Соловках — более 10 тысяч[13]. Там же приведена

[9] Новые Соловки. 1925. 31 мая. С. 4; 18 окт. С. 4.
[10] Там же. 1925. 11 окт. С. 1. Архив СГИАПМЭ.
[11] Доклад о деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926–1927 оперативный год. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2818. Л. 1–57
[12] Там же.
[13] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2919. Л. 2.

сводная таблица о людях, осужденных по различным статьям. Максимальное количество заключенных в Соловецкие лагеря поступало по статьям: «социально вредный и опасный элемент» (5805 человек), «бандитизм» (1441 человек), «контрреволюция» (1586 человек) при общей численности в 12 896. Необходимо отметить, что в этой таблице присутствует одна строка — «без постановления», в которой указано число — 232 человека. Это практически 1,8% от общего числа соловчан[14]. В эти 1,8% входили те, кто содержался в неволе без следствия и приговора, кто был изъят из общества и исчез для своих родных и близких. Учитывая официальность этого документа, можно предположить, что процент таких заключенных существовал как ранее, так и в дальнейшем, возрастая с увеличением общего числа заключенных. С 1925 г. значительно возросли и сроки изоляции, с которыми направляли в Соловецкие лагеря. Если в первые годы организации лагерей на Соловках сроки не превышали 1,5—3 года, то к концу 1927 г. уже поступали осужденные со сроками до 5, 7 и 10 лет[15].

Расширение деятельности лагерей на архипелаге и в Карелии было регламентировано приказами, циркулярами, приказаниями и распоряжениями. Это касалось в первую очередь режима и условий содержания «особо опасных преступников», требующих изоляции от общества. Важное место среди этих документов занимали распоряжения в отношении трудовой повинности осужденных. Администрация должна была не только учитывать расходную часть государственного финансирования на содержание лагерей, но и планировать постепенный переход на уровень самообеспечения и самоокупаемости с дальнейшим получением прибыли как учреждением, так и государством.

Максимальная эксплуатация ресурсов архипелага требовала их комплексного обследования и изучения. С этой целью еще 25 сентября 1924 г. Протоколом организационного собрания Администрации лагеря было учреждено Соловецкое отделение Архангельского Общества Краеведения (СОАОК)[16]. Администрация лагерей практически подошла к использованию заключенных не только на физических работах, но и привлекла научно-исследовательский потенциал осужденных. В составе СОАОК, а с 1926 г. — самостоятельного Соловецкого Общества Краеведения (СОК)[17] были сформированы лаборатории, станции, питомники, кабинеты. Исследования и изыскания в области природопользования, истории и культуры Соловков имели разносторонний характер.

---

[14] Доклад о деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926—1927 оперативный год.
[15] Там же.
[16] ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
[17] Новые Соловки. 1926. 30 мая, 22 авг.; Материалы СОК. Соловки, 1927. Вып. 3. С. 2.

Состав заключенных Соловецких лагерей, как в зеркале, отражал карательно-репрессивную политику большевиков. С 1925 г. состав был расширен и значительно видоизменен. Здесь уже отбывали наказание наряду с представителями Белой армии и злостным уголовным элементом представители всех слоев и сословий населения: чиновники, служащие разных уровней и рангов, представители интеллигенции и духовенства; многочисленных оппозиционных партий, а также — мелкая шпана из беспризорных. Соловецкой изоляции были подвергнуты представители многих народов, народностей и национальностей, практически всех религиозных воззрений. Соловецкие лагеря стали формироваться как лагеря интернациональные и многоконфессиональные.

Еще в 1923 г. приказом ГПУ № 21 от 18 января было объявлено о сосредоточении (в целях конспирации) всех осужденных сотрудников ГПУ в Архангельском лагере[18], а с переводом Северных лагерей на Соловки в декабре 1923 г.[19] — на Соловках. Это и было причиной концентрации бывших работников ГПУ. В лагерях, отделениях, на командировках и лагпунктах они имели большие привилегии в режиме содержания, питания и размещения, привлекались на административные должности и в систему охраны. Это относилось и к военнослужащим из рядов РККА, осужденным на разные сроки заключения за должностные преступления. Особая система содержания заключенных из бывших сотрудников ГПУ и военнослужащих РККА, отработанная в Соловецких лагерях в 1925—1928 гг., в дальнейшем поощрялась и распространялась по всем лагерям ГУЛАГа.

К 1928 г. Соловецкие лагеря охватили обширные территории Северо-Запада СССР: Мурманский берег и Карелию, часть Архангельской и Ленинградской областей. СЛОН стал не только важнейшим местом изоляции особо опасных государственных преступников, но и мощной движущей силой в индустриализации северных территорий.

Достижения Соловецких лагерей в системе перевоспитания особо опасных преступников широко рекламировались в документальной ленте «Соловки». Фильм в семи частях был снят в 1927—1928 гг. (режиссер А. А. Черкасов, оператор С. Г. Савенко). Заказ определил и главную направленность картины — Соловецкие лагеря осуществляли «перековку» в новых советских граждан бывших уголовников-рецидивистов. Поэтому в фильме-«агитке» широко и разносторонне показаны основные достижения в хозяйственной деятельности: Соловецкие лагеря в это время уже приносили немалый доход государству,

[18] Лубянка: органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ, 1917—1991: справочник / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., МФД, 2003. С. 31.
[19] Там же. С. 35.

поднимали Карелию и Мурман. Постановочные сюжеты и многочисленные панорамы природы островов — дополнительные приемы в фильме для сокрытия истинной ситуации. Фильм был в прокате по кинотеатрам и клубам СССР уже с 1929 г.

Именно в эти годы (1925–1928 гг.) на базе Соловецких лагерей был создан лагерь-гигант, на который в 1930-е гг. была ориентирована вся система ГУЛАГа.

Значение этих лет в истории СЛОН ОГПУ трудно переоценить. Но всегда необходимо учитывать — какими средствами, чьими усилиями и с какими жертвами были получены эти достижения. Эти три года стали первой вехой жестокого террора и началом великой трагедии сотен и сотен тысяч людей.

ИВАН

САВИН

Е. Г. Сойни

ИВАН САВИН ПОД «ЧУЖИМ НЕБОСВОДОМ»[1]

Иван Иванович Савин (Саволайнен) считается одним из талантливейших поэтов русского зарубежья. «Белый воин», «рыцарь белой идеи», «поэт белой мечты» — так любовно называли русские эмигранты поэта, умершего в 27 лет. Русской у поэта была только бабушка, дед — финский моряк Йохан Саволайнен, переехал в Россию, женившись на русской гречанке. Эмигрантом Ивана Савина тоже назвать нельзя. Его отец, Иван Иванович старший, после развода с матерью поэта вернулся в Финляндию как финляндский подданный. Старшие братья Ивана Савина (по матери) были расстреляны в Крыму, младший — убит в бою, а сам поэт пережил плен. Молодому поэту, вольнонаемному солдату Добровольческой армии, чудом удалось избежать смерти в Джанкое (он заболел тифом и попал в госпиталь).

Переезд в Финляндию в 1921 г., где уже к тому времени жил и работал отец, был для Ивана спасительным. Он поселился в районе Тёлё около Сахарного завода и сразу же получил работу. Савин не знал нужды, с которой были знакомы русские эмигранты. Как вспоминали современники, его не интересовали вопросы денег, жил он не богато, но, по словам поэта, «ему было достаточно того, что он имел»[2]. Финны не могли быть для него «чуждыми душами», хотя Савин даже не знал финского языка. Это подтверждают и документы, хранящиеся в Национальном архиве Финляндии: «крепкий, здоровый мужчина <...> совершенно не знающий финского языка»[3].

Революции, событиям гражданской войны он посвятил почти все свое литературное творчество, «выразил другую сторону исторической правды»[4]:

Оттого мы в служеньи суровом
К Иордану святому зовем,
Что за нами, крестящими словом,
Будет воин, крестящий мечом.
<...>

---

[1] Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Проект «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX в.» № 13-04-00266.

[2] Sikorsky J. Kirje 29.I.1925 // Savolainen Ivan Juho. Suomen kansallinen arkisto. Valpo, henkilömappi № 322. Helsinki.

[3] Там же.

[4] Чагин А. И. Пути и лица: о русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 328.

Да приидет!.. Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу[5].
(«Оттого высоки наши плечи...»)

В поэзии И. Савина гражданский пафос сочетается с тончайшей лирикой, причем отсутствует даже след какого-либо модного литературного влияния, на что обратил внимание еще Иван Бунин. Стихотворения Савина приводили маститого писателя в «жуткий восторг»: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности его и их пафоса и, во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строки — особенно»[6].

В сборнике «Ладонка», изданном в Белграде, почти все стихи — о пережитом в России. Родившийся в Одессе, Иван Савин не осознает Финляндию как родину (даже как родину своего деда), для него это одна из дорог, перекресток:

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрестках всех дорог.
(«Законы тьмы неумолимы...» С. 174)

А себя он ощущает «блудным сыном» России, «кротким иноком». Для поэта ласковые годы остались в России, теперь же русские звезды светят на чужих небосводах:

Клубились ласковые годы,
И каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали стаю наших звезд.
(«России» С. 172)

Под чужим небосводом «Господь помогает сладить» поэту с безутешной думой, что он потерял и родину, и любовь:

Что я был изгнан правды ради
И краем отчим, и тобой.
(«Блажен познавший жизнь такую...» С. 196)

---

[5] Савин И. Ладонка. I изд. Белград, 1926. С. 12. Цит. по: Савин И. Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988. С. 168. В дальнейшем при ссылках на стихи и прозу из этого издания в тексте в скобках указываются страницы. — Примеч. авт.
[6] Бунин И. Наш поэт // Возрождение (Париж). 1927. № 793. Цит. по: Савин И. Только одна жизнь. С. 208.

Постепенно Финляндия входит в пейзажную лирику И. Савина. Это и буря со «свинцовым гробом» из туч, и «девичий стан сосны», и «пенное кружево волн» («Буря», 1925–1926).

Прибою кланялась сосна
Девичий стан сгибая низко.
Шла в пенном кружеве волна,
Как пляшущая одалиска.
(«Буря» С. 200)

Природа успокаивает поэта, утешая, что «не надо так много плакать»; в его экспрессивной лирике, в стихотворении «Закат» (1924) появляется образ северного заката, «такого медлительного», какой не снился никому. И этот закат «цветет». Поэт называет север «своим», а снег «желанным», его лирический герой уже лихо бежит на лыжах «по сказочным полянам», но еще не знает куда, ему этот бег еще «неведом»:

Поют снега. Покорной лыжей
Черчу немудрые следы.
Все строже север мой, все ближе
Столетьем скованные льды.

Бегу по сказочной поляне,
Где кроток чей-то бедный крест,
Где снег нетронутый желанней
Всех нецелованных невест.
(«Закат» С. 182)

В пейзажной лирике Ивана Савина прежде всего обращают на себя внимание стихи о море. В них дает себя знать и происхождение рода Савина — Саволайнена от потомственных мореходов, и любовь русских поэтов к водной стихии вообще. Поэт ощущает морской берег настолько своим, что позволяет себе употребить в стихотворении «Когда палящий день остынет...» броское выражение: «береговые камни метить». Лирический герой метит камни «иероглифами стихов», но совершенно естественно возникает грубоватая матросская аналогия с бродягой-котом, охраняющим свою территорию:

Я выйду к морю полночь встретить,
Бродить у смуглых берегов,
Береговые камни метить
Иероглифами стихов (С. 179)

Свет маяка напоминает поэту «изумрудную слезу», стекающую по скале, а лунный свет — «густое вино». Казалось бы, все прекрасно: остывает «палящий день», маяк открывает «круглые глаза», наконец, «густое лунное вино» льется с неба. Но в полночь никуда не деться от воспоминаний.

И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам,
Забытым сердцем, как смычком (С. 179)

Море может подарить покой, но не может подарить забвения, ибо само море — это граница, это связь с минувшим, это — последняя черта.

Стихотворение, посвященное Ивану Бунину, так и называется «У последней черты» (1926)[7].

По дюнам бродит день сутулый,
Ныряя в золото песка.
Едва шуршат морские гулы,
Едва звенит Сестра-река.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю (С. 187)

«У последней черты» напоминает блоковское «В дюнах». И у Савина, и у Блока — золотой песок, море, граница, и даже написаны эти стихотворения в одном и том же месте — в дюнах, правда, с разницей почти в двадцать лет. У обоих поэтов лирический герой находится у границы и описывает, что он видит «там». Но если у Блока «там» — это Финляндия: «Там открывалась новая страна» [и в черновом варианте]: «Песчаная, свободная, чужая...» (Т. II. С. 439), то у Савина «там» — это Россия:

Там, за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется,
И тишина еще слышней,

[7] Савин И. Только одна жизнь : [с черновыми пометками Л. В. Савиной-Сулимовской] / Архив библиотеки Русского купеческого общества. Хельсинки. По сообщению жены поэта Л. В. Савиной-Сулимовской в сборнике произведений стихотворение «Только одна жизнь» ошибочно датировано 1925 г.

И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.

Далее Блок, как известно, увлекается темой «погони», от его лирического героя убегает юная финская дева, а в стихотворении Савина улетает птица:

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла (С. 187)

Герой Блока уверен, что он догонит беглянку, герой у Савина уверен — что «след крыла» исчез навсегда.

Продолжая традицию Вл. Соловьева, В. Брюсова, О. Мандельштама, Иван Савин прибавляет к сайменскому циклу в русской поэзии свое стихотворение «На Сайме» 1925 г. и достигает подлинной поэтической высоты в описании финского озера. «На Сайме» — это образ Финляндии Ивана Савина, образ, сочетающий в себе радостное и трагическое, светлое («все в огнях кольцо береговое») и темное («черный бархат залива»). И опять корабельная лексика, даже лес сравнивается со «стомачтовым бригом», описание ночной рыбалки, хотя ни лирическому герою стихотворения, ни «глухому рыбаку у руля» не до нее — у каждого свое горе. Рыбак поет об убитой девушке, а лирический герой дремлет, «сердце уронив в былое». Но все понимающая Сайма внемлет их горю, посылая как знаки утешения «кудри волн», «лунный одуванчик», «шелка лилий»:

Чего здесь больше, капель или игл?
Озерных брызг или сосновых хлопьев?
Столетний бор, как стомачтовый бриг,
Вонзился в небо тысячами копьев.
<...>
Проснулся ветер, вынырнул из трав,
Над стаей туч взмахнул крылом незримым...
И лунный одуванчик задрожав,
Рассыпался зеленоватым дымом (С. 180)

В прозаическом наследии Ивана Савина Финляндия эпизодически появляется в рассказе «Лимонадная будка» (1926 г.), в двух очерках о Валааме: «Валаам — святой остров» и «Валаамские скиты» (оба — 1926 г.).

«Лимонадная будка» — это рассказ о жизни русского эмигранта-музыканта, не пожелавшего поменять свой статус, бросить музыку и ради куска хлеба идти работать на завод. Музыкант Миша жил в лимонадной будке, зарабатывая игрой на

гитаре. И Миша, и лимонадная будка — бездомны, поэтому, по мнению рассказчика, они всех понимают: «И всех можно понять, только надо быть ласковым и бездомным. Бездомным потому, что, только потеряв свой край, свои поля, начинаешь понимать, что многоглагольна и чудесами вспахана земля Божия. И слушать начинаешь говоры и песни чужого края и полей чужих» (С. 138). Лимонадная будка, одушевленная автором, говорит по-русски, с финским акцентом, а Мишу местные мальчики встречали «радостными криками: Вэнэлайнен, Вэнэлайнен!»[8] (С. 139). Лимонадная будка с огромной симпатией относится к своему жильцу, но жалуется, что Миша терпеть не может работать. «А когда я, пишет рассказчик, — <...> сказал лимонадной будке, что и я, между прочим, работать не люблю, а люблю девушку, забывшую меня, малороссийские хутора и стихи Бунина, — она прочла мне целую нотацию о вреде праздности» (С. 141).

Заступаясь за своего героя, объясняя его праздность особым настроем души, в которой сосуществуют Бог и музыка («Пусть там все! А здесь ходит Бог. Ступит — след ноги в цветах и в музыке...», с. 142), автор сталкивает характеры двух героев: музыканта и его сестры Вали. Валя содержит музыканта, приносит ему хлеб и молоко, однако, описывая ее, рассказчик использует неприятные эпитеты: «костлявая», «злая». Но именно ее устами автор высказывает одну из главных мыслей рассказа: если так жить, так опускаться, то «зачем было тогда бежать из России — пусть бы расстреляли лучше!» (С. 143). Валя убеждает брата, что пройдет лихолетье, Миша сможет поступить в консерваторию, вернется к роялю... Но Мише, осознавшему, что Бог, родина, музыка — все в душе, уже не надо ни дома, ни рояля: «Дорожить этим совсем не надо, Валя, этим, то есть родиной, домом и там еще ... роялем. У меня — звезда светит. Я люблю вот, когда печка горит и никого нет ... И пусть! — Чем дорожить, по-твоему? Холодной будкой? Дрессированными тараканами или романсами Глинки на этой идиотской гитаре? Скажи чем? Боже мой, Боже?!

И этим не надо. Это тоже случайно. А вот идти по [в?] лесу густом таком, прегустом... Слушать, как под ногами хрустит песок. Или бросать камешки в воду. Камешки — буль, буль! Круги расходятся. И радостно!..

К этой радости, понятной даже самой глупой волне, было глухо сердце костлявой женщины, и по ее желтому лицу текли желтые злые слезы» (С. 144). Миша умер с улыбкой на лице, успев, по мнению автора, познать радость общения с Богом, являющим себя в храме природы.

То, что это общение — единственная радость, доставшаяся эмигрантам, утверждают и валаамские монахи в очерках-рассказах Ивана Савина 1926 г. о Валааме: «Валаам — Святой остров» и «Валаамские скиты».

[8] Русский (фин.).

Для Савина Валаам — это очаг православия, «заброшенный в вековую глушь Финляндии» (С. 147). С одной стороны, монахи благодарны Финляндии: «Мощи не осквернены грязными руками, церковные ценности не изъяты... Грязная волна сюда не докатилась» («Валаам — Святой остров», с. 149), но с другой — в монастырь в Финляндии никто не хочет идти и богомольцев почти совсем нет.

Савин передает слова старого монаха, что молодые могли бы прийти с юга, да граница закрыта, «а из эдешних мало кто жить устает и к Богу приходит...» (С. 148). Автор в восторге от монастырской библиотеки, он очарован и опечален одновременно «молитвенной тишиной» острова.

В очерке «Валаамские скиты» он пишет, что к отшельникам небо ближе, чем сам монастырь: «... скалы, скалы, скалы... Далеко монастырь. Близко небо» (С. 151). Единение «красоты и святости» притягивает автора, его удивляет «исключительный даже на Валааме покой» (С. 152). Первое, о чем спрашивали Савина скитские отцы, — православный ли он, а узнав, что православный, иногда не могли сдержать слез: «Господи, кои веки... Спаси Вас Бог. Забыты мы тут...» В каждом скиту — и чем дальше от монастыря скит, тем настойчивее — спрашивают с тревожной надеждой: «Православный?». Иногда плачут. Другие выпытывают: «Не из России ли? Как там? Господи?..» (С. 155).

Часть очерка — трепетное описание северной природы. Савин подчеркивает одухотворенность валаамской красоты, находя удивительные сравнения: «Какая красота на земле Твоей, Господи! ... Еле колышатся миллионы игл на сосновых ветках. Каплет румяное, вечернее солнце сквозь колеблющуюся сетку этих душных стрел, на песке расцветают розовые капли райскими цветами.

Вздрагивают золотые, совсем шелковые стружки на стволах прямых, как дороги к Богу, сосен» (С. 156). Однако это уже Финляндия, ибо стиль летоисчисления в православном монастыре был не православным. Савин обращает внимание на то, что многие монахи «давно не ходят в храмы, «осквернённые» новым стилем, <...> служат они в лесу, повесив икону на сосне...» (С. 157).

В очерке Савин ставит ту же проблему, что и в рассказе «Лимонадная будка», — о родине и душе. Музыкант Миша был убежден, что дорожить надо не землей, а душой. Монахи-старостильники, встретившиеся автору очерка, на его вопрос, что будет с монастырем, если за приверженность к старому стилю их выгонят, отвечали: «Пусть гонят! <...> мы сами пришли сюда на остров не его богатства спасать, а душу свою спасти <...>» (С. 157).

Такая точка зрения вряд ли могла убедить, но она могла утешить, дать ориентацию многим русским, жившим в зарубежье.

Известен Иван Савин и как литературный редактор. В 1926 г. С. А. Мальсагов выпустил в Лондоне свою документально-публицистическую книгу «Адский остров»[9] — о Соловках и о побеге в Финляндию в группе Юрия Бессонова. Иван Савин помог Созерко Мальсагову в редактировании и литературной обработке книги.

Об этом вспоминала вдова поэта Л. В. Савина-Сулимовская. А в рижской газете «Сегодня» известный журналист, бывший редактор «Свободной России», П. М. Пильский сетовал, что книга «Адский остров» принесла известность Мальсагову, а имя Ивана Савина осталось в стороне: «Эти записки были вынесены на общее внимание трудами Ивана Савина, проредактированы его рукой и имели все основания, чтобы на заглавном листе рядом с Мальсаговым было помещено и имя Ивана Савина. Заграничное узнавание этих ценнейших записок, рассказавших о подлинных ужасах Соловецкого лагеря особого назначения, было достигнуто только благодаря Савину. Потрясающая мальсаговская повесть сразу же привлекла внимание тоже теперь покойного К. Д. Набокова, возникла переписка о переводе и издании книги на английском языке. Картины советской каторги вызвали шум, успех, имя Мальсагова приобрело известность, но сам Савин скрылся, заслонился, будто убежал и от молвы, и от признания своего открытия и своей большой редакторской работы»[10].

Это свидетельство Петра Пильского ценно прежде всего тем, что подтверждает существование отношений между политическими узниками, беглецами и русскими писателями, жившими в Финляндии. Что же касается так называемой известности, шума, успеха, то позволим себе не согласиться с Пильским, не достаточно осознававшим, о людях какого ранга и достоинства он писал. Созерко Мальсагову было важно донести до читателя правду о пережитом. Ясно, что русский язык ингуша-офицера нуждался в литературном редактировании, а Ивану Савину, одному из самых талантливых поэтов не только русского Хельсинки, но всего русского зарубежья, ставить свою фамилию как соавтора на обложке документальной книги С. Мальсагова просто не пришло бы в голову. Известно, что Савин, уподобляясь средневековому летописцу, порой не подписывал своих стихотворений и газетных статей.

С крупной латвийской русскоязычной газетой «Сегодня», которая выходила в Риге в 1919—1940 гг., Савина связывали тесные творческие отношения.

---

[9] См.: Мальсагов С. А. Адский остров: советская тюрьма на далеком севере // Воспоминания соловецких узников. Соловки, 2013. Т. 1. С. 370—444.

[10] Цит. по: Савина-Сулимовская Л. В. К читателям // Савин И. Только одна жизнь. Нью-Йорк, 1988. С. 8—9.

Он был ее корреспондентом и популяризатором. «Сегодня» распространялось далеко за пределами Латвии. В Финляндии знали о газете, не считали ее эмигрантской, публиковавшиеся в ней объявления предназначались для разных стран. Газета была заинтересована в сенсационных материалах, и, возможно, выполняя требования редакции, Савин старался писать свои статьи хлестко, с эмоциональной заостренностью и пользовался большим признанием у читателей. По мнению одних, в статьях Савина было немало искаженных фактов: «Его информация не всегда была правильной, непонятно, делалось это намеренно или нет»[11]. По мнению других, Савин «не писал ничего недостоверного»[12]. В деле Савина, хранящемся в Национальном архиве Финляндии, имеются такие отзывы: «Иван довольно трудолюбивый и не глупый. Большевистская иерархия ему очень хорошо известна»[13].

Казалось бы, русские в 1920-е гг. в Финляндии жили изолированной жизнью со своими организациями, комитетами, театрами, о чем уже немало написано[14]. Но литературный мир русских писателей не был замкнут. Образы Финляндии, финской природы, культуры в поэзии Веры Булич, Вадима Гарднера, Ивана Савина интересны уже потому, что Финляндия была для них не очень теплым, но все-таки домом. Они воспринимали ее не как туристы, не как изгнанники, а как нелюбимые дети. Их связывали с родиной и друг другом русский язык, русская история, культура, то, что мы сейчас называем менталитетом. И в то же время они понимали, что в жизни и судьбе России их творчество в те годы ничего не значило, ни на что не влияло. Более тесные связи они могли установить с русскими, жившими в эмиграции по всему миру. Именно эту миссию посредника в литературных контактах между русскими писателями, журналистами и бывшими политическими узниками, живущими в разных странах, талантливо выполнил русский финн Иван Савин.

Ниже представлены очерки поэта, которые увидели свет в берлинской газете «Руль» (1920–1931) и стали итогом его общения с соловецкими беглецами. Два первых написаны со слов Ю. Д. Бессонова, С. А. Мальсагова и М. Сазонова, третий и четвертый — включают свидетельства А. Клингера, чьи полновесные воспоминания в 1928 г. были опубликованы лидером кадетской партии и одним из создателей «Руля» И. В. Гессеном в Архиве русской революции[15].

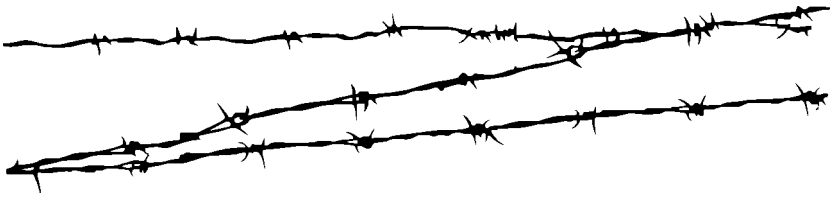
---

[11] [Б.а.] Kirje 13.04.1940 // Savolainen Ivan Juho / Suomen kansallinen arkisto, valpo, henkilömappi № 322. Helsinki.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Baschmakoff and Marja Leinonen. Russian life in Finland, 1917–1939: A local and oral history // Studia Slavica Finlandensia. T. XVIII. Helsinki. 2001; Pachmuss T. A Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland. New York, Peterland Publishing, 1992.
[15] См.: Клингер А. Соловецкая каторга: Записки бежавшего // ВСУ. Соловки, 2013. Т. 1. С. 44–120.

Судя по всему, перу Ивана Савина, который скрывается под псевдонимом «Юнион», принадлежит и заметка в парижской газете «Возрождение» (1925—1940), в которой поэт описывает судьбу тех, кто вернулся в Россию из-за границы и вместо обещанной амнистии получил срок заключения на Соловках.

✠

Очерки о Соловках

Из Соловков в Финляндию[1]

В конце июня сего года в Финляндию прибыли из Северного лагеря особого назначения пять человек: четыре бывших офицера и один солдат, совершившие почти легендарный, длившийся тридцать пять суток путь из Кеми к финской границе. Бежавшие некоторое время находились, до выяснения их личности, под стражей. Вчера трое из них — бывший лейб-драгун Б-нов, бывший казачий офицер М-ов и солдат С. — впервые за много лет очутились на свободе.

В Русском клубе — кстати, совсем недавно открытом усилиями общества «Русская Колония в Финляндии» и Особого комитета по делам русских в Финляндии — меня познакомили с бежавшими. Вот что рассказал мне г. М-ов:

— Последнее время мы находились в кемском концентрационном лагере. Кемь — это филиал Соловков. Расположен этот лагерь на Поповом острове, верстах в пятидесяти от Соловков. Жили мы в бараках, выстроенных еще англичанами. С лесом остров соединялся железной дорогой. Мысль о побеге волновала нас давно. 18 мая нас погнали в лес собирать метелки для лагеря. Охрана — два красноармейца с винтовками, а нас — пять человек. Решили в этот день попытаться бежать.

Утром, часов около восьми, представился к тому благоприятный момент. Б-нов поднял воротник — это был условный знак. Мы сзади набросились на нашу охрану, отобрали винтовки. Один из стражников вздумал сопротивляться, я ударил его штыком. Мы погнали наших пленников впереди себя, на запад,

[1] Публикуется по: Савин И. Из Соловков в Финляндию // Руль (Берлин). 1925. 30 июля. № 1415.

по направлению к Финляндии. Прошли верст 12, отпустили одного. Если он и нашел дорогу обратно, то, вероятно, очень не скоро: местность страшно дикая. Другого вели еще с час, затем и его отпустили с миром, приказав ему идти в противоположную сторону.

К огромному для нас счастью, у нас был компас. Его долгое время берег один из наших спутников в куске мыла.

Двигались с большим трудом. Местность — болотистая, вода часто до колен, непроходимые леса. Порой мы окончательно выбивались из сил, хотелось лечь в воду, заснуть, умереть. Но Б-нов — он у нас был «диктатором», его беспрекословно слушались — приказывал идти, и мы шли.

Где, в скольких верстах была Финляндия? Никто не знал наверняка. Один говорил — в трехстах верстах, другие — в пятистах. Мы шли на запад по компасу. Благодаря компасу же узнавали более-менее, который сейчас час. Было у нас и нечто вроде дневника, в самом узком его смысле: Б-нов вел счет дням, занося их в свое Евангелие. Записал он тридцать три дня, а оказалось, что шли мы тридцать пять дней. Уж по одному этому можно судить, что это были за дни.

Внимательно осмотрев весь ближайший район леса и болота, мы на несколько минут заходили в редкие избы карел. Это необходимо было для закупки хотя бы ломтя хлеба — деньги у нас, к счастью, были, удалось скопить. Часто мы делали большой круг, только бы обойти какой-нибудь хутор, казавшийся нам подозрительным в смысле присутствия там чекистов, а ими наводнена вся местность. Даже буквально падая от голода или усталости, мы заходили далеко не в каждую, изредка встречавшуюся на пути, избу. Приходилось несколько часов, а порой и дней вести наблюдение за ней, присматриваться, прислушиваться: нет ли засады? Население, правда, нам сочувствовало, но оно запугано администрацией Северного лагеря особого назначения. Карелы широко оповещены, что, во-первых, за помощь хлебом или приютом бежавшим виновный десять лет проведет в Соловках, а во-вторых, за задержание беглеца обещалось крупное вознаграждение натурой — мукой.

Много страданий причиняли нам полчища комаров. Мы распухали, как от водянки. Несмотря на лето, стояли все время, в особенности, по утрам и ночью, большие холода, морозы, несколько раз выпадал снег. Однажды нас настигла метель, окончательно выбившая нас из сил. Я настолько отморозил себе ноги, что с пальцев слезли ногти.

В общем, нам везло. Иногда все мы невольно думали о чуде. Так набрели мы както на полуразрушенную избу. Давно уже, видимо, здесь живой души не было. Ни одного следа, а к следам мы внимательно приглядывались. Галлюцинируя от голода,

обошли мы избу, заглянули осторожно внутрь — пусто. И вдруг, у забора, нечто высокое, черное, похожее на гриб. Заглянули под гриб — а там сто хлебов. Круглые, с отверстием посередине, висят под навесом. Так и не поняли — не то тут какой склад для советских постов был, не то для сенокоса заготовили карелы: во время разлива из избы не выбраться. С такой жадностью набросились мы на хлеб!

Путешествие, может быть, не продолжалось бы столько дней, если бы ежедневно не приходилось обходить непроходимые болота, леса, реки. Вода до колена — идти можно, выше — трудно. Попадались и речки без броду. В одной речонке, но с сильнейшим течением, мы чуть было не утонули.

Конечно, все эти трудности были пустяком по сравнению с опасением попасть в чекистские объятия. Из Кеми дали знать о нашем бегстве во все приграничные пункты. Ловили нас, очевидно, очень усердно. Сколько раз Бог спасал нас! Близ деревни Поддюжено, по Кеми, нашли мы избушку. На этот раз, колоссально устав, не выслали вперед разведчика, не прислушались. Б-нов открыл дверь. И вдруг из избы крик «Руки вверх!» и дула десятка винтовок. Мы захлопнули дверь, бросились к лесу и скрылись. Затем нас, в трех-четырех шагах, обстреляли беглым огнем человек восемь-десять красноармейцев. В бой вступать было бы глупо: мы имели всего только две винтовки и двадцать шесть патронов. Пришлось снова спешно ретироваться и идти; безостановочно, постоянно меняя курс, двенадцать суток.

Надежда сменялась отчаянием. Грязные, изможденные и оборванные, мы шли на запад, не зная, перешли ли мы уже финскую границу. Момент, когда выяснилось, что мы уже вне пределов проклятого СССР, навсегда останется в памяти. Представьте себе болотистую равнину, лес справа и слева, а впереди — движущиеся точки. Кто они — чекисты или финны? Идти мы уже не в состоянии. Войдя в болото, не так скоро оттуда выберешься. Мы долго всматривались в движущиеся точки. Люди были в чем-то черном, красноармейцы должны были бы быть в серых шинелях. Перекрестившись, двинулись вперед. Оказалось — финны. Мы перешли границу. По реке сплавлялся лес. Мы долго не понимали друг друга. В конце концов, сдав винтовки рабочим, мы поплыли в лодке к ленсману[2]. Силы упали. Мы были живыми трупами.

Северные лагеря особого назначения[3]

Как знает уже читатель из моей предыдущей статьи, в Финляндию бежали из соловецкого застенка несколько человек «злостных контрреволюционеров».

[2] Ленсман, исполнительный полицейский чин в сельских местностях некоторых скандинавских стран. — Примеч. ред.

[3] Публикуется по: Савин И. Северные лагеря особого назначения // Руль (Берлин). 1925. 1 авг. № 1417.

Последние рассказали мне о режиме и порядках в так называемом СЛОНе — Северном лагере особого назначения.

Сейчас там около пяти тысяч заключенных. Делятся они на три категории: 1) «политические и партийные» (официальная терминология), 2) уголовные и 3) «кр» (контрреволюционеры).

Первых немного. Это — бывшие эсеры, социал-демократы, меньшевики и прочие активные члены социалистических партий. Живут они в отдельных скитах и пользуются некоторыми привилегиями. Привилегией надо считать и то, что заграничным социалистам разрешается помогать деньгами, платьем и продуктами «политическим и партийным». Вообще, чувствуется, что с «политическими и партийными» чекисты считаются, чего совершенно нельзя сказать про остальных заключенных. Жизнь уголовного, а тем более «кр» — гроша ломаного не стоит. Для уголовных и «контрреволюционеров» условия жизни ужасны. Людей нет, есть бессловесные рабы с тюремным номером и ярлыком «кр». Совершенная отрезанность от внешнего мира, бесплодность протеста, пожизненный крест тюрьмы, тяжкий физический труд, голод, холод и необычайная грязь в бараках. Прибавьте к этому постоянное глумление, побои и издевательства администрации.

В «кр»-ах числятся остатки дореволюционной демократии, былые купцы, немного нэпманов, масса офицеров всяких производств и фронтов, учащаяся молодежь, вычищенная недавно из вузов. Очень много священников и епископов. Положение их кошмарно.

Недостатка в «кр» в СЛОНе никогда не наблюдается. Гибнут одни — присылают двойную смену «с тыла» — из центральной России, с Украины, с Кавказа. Убыль пополняется с избытком. Недавно прислали из Крыма шестьдесят человек студентов, якобы организовавших «контрреволюционный заговор».

Лагерями управляет некто Ногтев, видный деятель ГПУ. Звание он имеет — «начуслон» — начальник управления «Северными лагерями особого назначения». Помощником у него некий Васьков, чекист с богатым уголовным прошлым. Кемским лагерем заведует Кериовский Иван Иванович. Все они в совершенстве изучили чекистские способы «исправления» злостных контрреволюционеров.

За последнее время не слышно было дел, подобных делу в Портаминске, когда в открытом море потопили баржу с четырьмя тысячами «кр». Закрыт в Холмогорах знаменитый «белый дом», в котором еще очень недавно расстреливали по сто—двести человек; весь «белый дом» был залит кровью; невыносимый смрад разложившихся трупов разносился на несколько верст; даже московское

ГПУ в конце концов обратило внимание на бойню в Холмогорах и назначило ревизию под начальством следователя Фельдмана.

Такой массовой расправы с заключенными теперь как будто нет. Но одиночные расстрелы, без суда и следствия, процветают по-прежнему. И теперь в Соловках сажают в «карцер», где «кр» получает полфунта хлеба в два дня; наказание длится от двух до шести месяцев. Редко кто выдерживает эту пытку.

Моральные пытки мучительнее пыток физических. В Соловках еще никого не освобождали, даже по истечении срока наказания. Если вас «присудили», скажем, на два года в Соловки и вы отсидели свои два года, ваши бумаги посылают в Москву, а оттуда их возвращают с пометкой: сослать в Холмогоры на пять лет, из Холмогор — в Нарым или наоборот. СЛОН — это вечная каторга.

Считается счастьем поэтому в СССР — попасть на суд в ревтрибунал, но только не в ГПУ. В ревтрибунале, ради ли Европы, ради ли иных каких соображений, чувствуется какой-то, пусть и очень отдаленный, намек на законность, желание соблюсти хотя бы внешние признаки суда. Ни закон, ни законность для ГПУ не писаны. Решение ГПУ всегда одно и то же — в Соловки, в Портаминск, в Кемь и так далее, до смерти.

Борьба между Наркомюстом, оспаривающим полезность и необходимость «слонов», и ГПУ закончилась победой последнего. Правда, кредиты на советскую инквизицию значительно сокращены в текущем году. Например, Соловки, вместо просимых двух миллионов рублей, получили на «содержание» заключенных в этом году лишь двести пятьдесят тысяч рублей. Дабы свести концы с концами, Ногтев и Ко и выжимают последние соки из заключенных, вынуждая их нести каторжный труд.

Арестованные летом грузят продовольствие, дрова, уголь; зимой проводят узкоколейную железную дорогу. Обращение с ними надсмотрщиков (из среды самих же заключенных, желающих выслужиться) самое жестокое. Медицинской помощи никакой.

Соловки охраняет дивизион войск ГПУ. В сравнении с числом заключенных войск немного. Но изнуренные до последней степени, всегда голодные и полураздетые люди и не помышляют о бегстве. Да и куда бежать, когда на сотни верст к западу и к югу — тайга, а на север и на восток — Белое море.

«Лечение» больных в Соловках[4]

В конце минувшего года с Соловков бежал еще один свидетель соловецких кошмаров, бывший офицер К[лингер], пробывший в концентрационном лагере

[4] Публикуется по: Савин И. «Лечение» больных в Соловках // Руль (Берлин). 1926. 20 фев. № 1587.

около трех лет. Вот что он рассказал мне о соловецком лазарете и о терроре в Соловецком лагере особого назначения.

Сидел в лагере некий Грюнвальд, немец-агроном, германский подданный. Грюнвальд очень плохо понимал по-русски, почти не говорил на этом языке, что не помешало ГПУ считать его «организатором контрреволюционного заговора» и послать на три года в Соловки, а следователю Соловков Васькову обратить на него свое просвещенное внимание.

Летом 1925 года Грюнвальд, человек вообще нездоровый да еще просидевший в десятках советских тюрем, заболел и заявил командиру своей рабочей роты, что не может работать.

Это показалось чекистам «злостной контрреволюцией». Чины и «командиры надзора», угрожая револьверами, приказали «немецкому буржую» выйти на работу (на лесорубки), тот имел мужество отказаться, ссылаясь на свою болезнь, очевидную и для чекистов. Тогда один из надзирателей, латыш Сукис, жестоко избил больного Грюнвальда. Несчастный агроном долгое время пролежал в своей роте в бессознательном состоянии, облитый кровью. Придя в себя, Грюнвальд кое-как дотащился до «лазарета» и как-то упросил доктора осмотреть его и выдать ему медицинское свидетельство об искалечивших его побоях. Получив нужную ему бумагу, Грюнвальд заявил, что, Бог даст, ему удастся вырваться с Соловков, приехать на родину и предать гласности в Германии имеющийся у него документ о зверских насилиях чекистов над больными заключенными.

Этого было достаточно, чтобы Грюнвальда посадили в устроенный в самом кремле «изолятор» (карцер). А вскоре агронома обвинили в желании бежать из лагеря и приговорили к месяцу знаменитого «строгого изолятора» не менее знаменитой «Секирки» с ее палачом-заведующим Антиповым.

Везти на место пыток Грюнвальда (он еще не оправился от болезни и побоев и не мог идти) было поручено тогдашнему «Заведующему рабсилой» (учетом и распределением рабочей силы) Иванову, бывшему прапорщику и офицеру Белой армии, донскому казаку. Не доверяя Иванову, администрация посадила рядом с агрономом конвоира, латыша Сукиса. Лошадью правил Иванов. Приблизительно па полпути до «Секирки» (двенадцать верст от кремля) бывший прапорщик услышал приказание Сукиса: «Остановитесь». Не успел Иванов натянуть вожжи и спросить о причине внезапной остановки, как позади него раздался выстрел. Оглянувшись назад, он увидел револьвер в руках латыша и падающее на землю тело убитого Грюнвальда. По положению трупа и току крови можно было заключить, что выстрел был произведен в затылок лежавшего лицом к телеге агронома.

Вернувшись в кремль, Сукис доложил, что «Грюнвальд пытался бежать, был мной настигнут и убит после предупреждения и приказания остановиться»... Вот к каким результатам приводят соловецкие медицинские свидетельства!

Понятно, что подавляющее большинство больных избегают «лазарета», преодолевая болезнь или умирая в «рабочих ротах», режим и обстановка которых ничем не отличаются от лазаретных. Понятно также, почему смертность на Соловках непрерывно прогрессирует. Заключенные умирают совершенно беспомощно, главным образом от цинги, туберкулеза, систематического недоедания, малярии, разрыва сердца. Очень много случаев психических заболеваний (много шуму наделало сумасшествие анархиста Чарина, принадлежавшего к категории т.н. «политических и партийных», судьба которых все же интересует ГПУ; массовая же гибель «контрреволюционеров», по-видимому, ему совершенно безразлична).

«Шпана» (уголовные) и значительная часть чекистов служат рассадником венерических болезней, весьма распространенных в лагере. В лагере имеется акушерка (из заключенных), но ей запрещено оказывать помощь при родах, за что, между прочим, матери ссылаются в «Женский штрафной изолятор» (на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага).

Есть среди заключенных и зубные врачи, но ввиду полного отсутствия инструментов и лекарств они ничем не могут помочь своим товарищам по заключению в то время, как почти половина лагеря страдает хронической зубной болью.

Довольно интересно и характерно для советского «правосудия» дело дантиста Маливанова. Когда Россию постиг небывалый голод и американские благотворительные организации покрыли всю страну густой сетью питательных пунктов («Ара»), доктор Маливанов был переводчиком в московском складе «Ара», совершенно безвозмездно помогая американцам в их святом деле. Когда же, выражаясь советским языком, голод, в значительной степени вызванный самими же большевиками, был «ликвидирован» и весь иностранный штат «Ара» отбыл в Америку, благодарное ГПУ обвинило доктора Маливанова и целый ряд других русских сотрудников «Ара» в «экономической контрреволюции» и послало их на три года на Урал, в Сибирь и на Соловки.

Социалисты на Соловках[5]

В конце минувшего года в Гельсингфорс прибыл еще один свидетель соловецкого кошмара. Он был очевидцем увоза «политических и партийных». Ниже я привожу как общую картину этого, довольно неожиданного для всех соловецких

[5] Публикуется по: Савин И. Социалисты на Соловках // Руль (Берлин). 1926. 10 марта. № 1602.

заключенных, шага ГПУ, так и некоторые подробности жизни «политических и партийных» на Соловках, любезно переданные мне новым беглецом.

От расположенной на южном берегу Соловецкого острова монастырской гавани и массивного старинного кремля ведет ряд дорог. Одна из них, грунтовая, проведенная левее путей на остров Большой Муксульма, Пертозеро и на Анзорский остров, тянется мимо знаменитой «Секирки» с расположенным на ней «Штрафным изолятором» к Савватьевскому скиту. Скит этот находился в юго-западном углу Соловецкого острова, верстах в двенадцати от Кремля.

Савватьевский скит был с самого начала приспособлен для так называемых «политических и партийных». Он носит наименование «2-го отделения Соловецкого лагеря особого назначения» (всего на Соловках шесть отделений и «Женский штрафной изолятор» на Большом Заяцком острове). Как и другие отделения, «2-е отделение» имеет особого «начальника отделения», штат надзирателей (из так называемой «команды надзора»), канцелярию и охраняется ротой «Соловецкого полка особого назначения войск ГПУ», командуемого теперь чекистом Петровым.

Савватьевский скит, некогда богатый филиал монастыря, состоит из ряда каменных зданий, небольшой церкви и часовен. Церковь и часовни давно уже разграблены и закрыты. Весь скит окружен высоким забором; еще одно проволочное заграждение окружает двухэтажный каменный дом с большим числом комнат — бывших келий. В этом бывшем монашеском общежитии и проживало до последнего времени большинство «политических и партийных» — двести с чем-то человек. Остальные (человек сто пятьдесят) были разбросаны по другим, менее значительным скитам острова.

Благодаря давлению иностранцев, а также собственной решительности и бесстрашию, «политические и партийные» до последнего дня пребывания на Соловках пользовались своими привилегиями, добытыми зачастую в результате голодовок и кровавых столкновений с администрацией. Условия их жизни и сравнить нельзя с положением «каэров» или «шпапы» (уголовных).

Соловецкие чекисты совершенно не вмешивались во внутреннюю жизнь «политических». В их среду Ногтев не вселял так называемых «стукачей» (на распространенном в Соловках жаргоне «стукач» — доноситель, шпион, провокатор; «стучать» — доносить, шпионить). «Политические» никогда не работали, получали улучшенный паек (порой даже «индивидуальный», то есть полагающийся высшим представителям лагерной администрации). Им разрешалось писать и получать неограниченное число писем, в то время как «каэры» могут получать не более трех писем в месяц, остальные уничтожаются находящейся в кремле

«цензурой» и ее председателем Кромулем. У «политических» не отбирали денег и вещей, в том числе и кожаных, на которые в лагерях почему-то устраиваются целые облавы.

«Политические» занимались самообразованием, у них происходили регулярные занятия (в Савватьевском скиту существовало даже нечто вроде социалистического университета с расписанием часов и штатом преподавателей). К услугам «политических» были свои доктора, им разрешалось выписывать из центра лекарства, книги, газеты. Неразрешаемые в остальном лагере браки между заключенными в Савватьевском скиту заключались довольно часто; причем регистрировались они в старостате «политических».

Конечно, добиться всех этих прав и привилегий было очень нелегко. Много «политических» погибло и от голодовок, и от советской пули. Социалист-революционер Крюков, не вынеся соловецких ужасов и распоряжения ГПУ отправить его в один из сибирских «централов», сошел с ума (в 1924 году). Долгое время особенно рьяно преследовались анархисты, в том числе и небезынтересный Школьников. Анархист Чарин еще в бытность свою в Архангельском «концлагере» бежал оттуда, был пойман и помещен на Соловках в одиночную камеру.

Заслуженным уважением пользовались у «политических» их старосты, выносившие на своих плечах все тяготы по защите своих требований. В первой половине 1925 года старостой Савватьевского скита был социал-демократ Богданов, в последнее время известный эсер Самохвалов, член ЦК партии социал-революционеров.

В конце июля 1925 года по острову разнеслась неожиданная весть о том, что «политических и партийных» куда-то увозят. Никто не знает куда. Многие были убеждены, что «политических» на материке расстреливают.

Накануне на Соловки прибыла, тоже неожиданно, из Москвы особая комиссия в составе коменданта центрального ГПУ Дукиса, следователя того же ГПУ Агуреевой (бывшая видная эсерка, теперь ведущая дела своих прежних единомышленников) и несколько представителей высшего «комсостава». Комиссию сопровождал специальный отряд войск ЧОНа. Как потом оказалось, комиссия эта явилась в лагерь для наблюдения за перевозкой «политических» с Соловецких островов. Комендант ГПУ Дукис привез специальное распоряжение по сему поводу, подписанное «Особым совещанием при ГПУ».

Постановление о высылке «политических и партийных» в Устьсысольск, Нарым, Пермь, Иркутск и прочие уральские и сибирские «централы» было подписано все той же Езерской, боевой дамой-прокурором, знаменитой тем, что под ее редакцией вышло пресловутое «Секретное положение о Соловецких ла-

герях особого назначения» с его достойным увековечения первым параграфом: «Соловецкие лагеря особого назначения организованы для особо вредных государственных преступников, а также лиц, когда-либо могущих быть (?!) государственными преступниками...» (подлинные слова «секретного положения»).

Увоз с острова «политических» был обставлен тайной, ставшей, впрочем, скоро секретом Полишинеля. С раннего утра потянулись к пристани, мимо здания «Управления Северного лагеря особого назначения», с вещами в руках. Конные отряды «Соловецкого полка», во главе с самим Петровым, отгоняли в сторону всех попадавшихся по дороге «каэров» и уголовных. Цепи шедших к пристани попарно «политических» охранялись усиленными патрулями «команды надзора» и роты чекистов.

До вечера пристань была усыпана людьми, ожидавшими из Кеми парохода. Когда он, наконец, прибыл («Глеб Бокий»), сперва отправили Савватьевскую группу «политических» (2-е отделение), затем Муксульмскую (3-е отделение). В Кеми «политических» ожидал специальный состав арестантских вагонов, который и увез их в «централы».

О тех, кто засыпает ров... в Соловках[6]

Мне уже приходилось не раз передавать рассказ офицера Мальсагова, бежавшего в прошлом году из Соловецкого лагеря. Недавно оттуда же в Финляндию бежало другое лицо — А. Клингер. Оба они поведали мне о судьбах «возвращенцев». Размеры газетной статьи позволяют мне лишь вкратце остановиться на этом вопросе.

Вот что рассказывает г. Мальсагов:

«Ежегодно (обычно к 7 ноября, годовщине октябрьского переворота) ВЦИК опровергая «злостную ложь» международной буржуазии и обнаглевшей эмигрантской «белогвардейщины» о жестокости Советской власти, опубликовывает широкую амнистию всем врагам правительствующего «пролетариата».

Дополняя веления гуманного ВЦИК-а, председатели губернских и уездных ГПУ за несколько дней до амнистии половину своих заключенных расстреливают, остальных ссылают в концентрационные лагеря, на которые амнистия по декрету не распространяется.

Таким образом, к 7 ноября и амнистировать, собственно, некого. Доволен и ВЦИК, удовлетворено и ГПУ. «Наглая ложь белогвардейщины» — разоблачена.

Хорошо изучив советскую действительность, скитаясь свыше года по тюрьмам Кавказа, Ростова, Москвы, Петрограда и, наконец, Соловков, я мог бы

[6] Публикуется по: Юнион. О тех, кто засыпает ров... в Соловках // Возрождение (Париж). 1926. 9 апр. № 311.

несколько страниц заполнить списком таких «амнистированных», в числе которых огромное количество — возвратившихся из эмиграции. Для примера укажу на случай, далеко не единственный, когда «амнистируется» не только тот, кто имел глупость поверить искренности чекистов, но и все его родственники.

В начале 1924 года из Сербии вернулся в Россию солдат деникинской армии, крестьянин Полтавской губернии, по амнистии, обнародованной советским правительством. Снабженный на границе советским паспортом, солдат по прибытии на Родину, явился в Полтавское губернское ГПУ, зарегистрировался в нем, после чего был отпущен на несколько дней, которые и прожил в своей семье.

Результаты: через две неделя солдат был сослан по «амнистии» на три года в Нарымский край, а его отца и тетку (сестру отца) ГПУ отправило, тоже на три года на Соловки за «укрывательство контрреволюционера»! — статья 68 уг. кодекса!

Вместе с тем солдат этот, простой крестьянин, искренно верил в «амнистию». В момент моего бегства подвергшиеся своеобразной «амнистии» крестьяне еще сидели на Соловках, ожидая высылки в Зырянский край.

Высылка в Соловки «амнистированных» эмигрантов производится беспрерывно. Перед самым моим бегством прибыла в Соловки крупная партия эмигрантов (среди них корнет Менцель, бывший адъютант гетмана Скоропадского, Сапруненко и многие другие).

Советская власть подводит под амнистию и действительно применяет ее полностью по отношению лишь к тем лицам из эмиграции, имя которых возможно затем использовать в качестве приманки. Такие господа, как бывший генерал Слащев и прочие ренегаты, живут на свободе и даже занимают хорошо оплачиваемые должности, пока это выгодно ГПУ, пока ГПУ спекулирует именем того или иного сменовеховца, доказывая «искренность советской власти, амнистирующей всех раскаявшихся белогвардейцев».

Возвращенцы же из среды рядовой эмигрантской массы без всяких проволочек отправляются на Соловки и в Нарымский край, если до того к ним не применят «высшей меры наказания», или, как теперь именуется расстрел, — «высшей меры социальной защиты».

Наученный горьким опытом, встретив и до заключения в Соловки, и в Соловецких лагерях тысячи людей, обманутых «амнистией», я хочу верить, что мое предостережение не останется безрезультатным. Русские люди, во имя жизни будущей России, во имя вашей личной жизни не верьте провокационной пропаганде сознательных или бессознательных агентов ГПУ!»

А. Клингер, в своих готовящихся к печати воспоминаниях, говорит:

«Все, когда-либо служившие в белых армиях или имевшие к ним какое-либо отношение, все возвращающиеся в Россию эмигранты немедленно ссылаются на Соловки. Подлая ложь об амнистии имеет силу лишь до того момента, когда тот или иной «амнистированный» не переступит порог Госполитуправления.

На основании многочисленных фактических примеров я утверждаю, что каждый возвращающийся в Россию эмигрант, каждый обнаруженный в самой России белогвардеец, хотя бы они вполне подходили под амнистию, хотя бы эмигранты получили и право на въезд в СССР, и прощение своим «грехам», — все равно получат такую статью: «Бандитизм, массовый расстрел коммунистов и растрата народного достояния».

Это стереотипное обвинение предъявляется иногда даже лицам, которые только жили в той местности, где оперировали белые армии. Оно предъявляется всем «возвращенцам», всем русским, бегущим на Родину из т.н. «иностранных легионов». Так, в октябре 1925 года таких «амнистированных» на Соловки прибыло около 100 человек.

По той же статье на Соловки попадают все бывшие военные, почему-либо показавшиеся подозрительными ГПУ, от рядового солдата до генерала (например, на Соловках много лет сидел бывший начальник канцелярии при походном Донском атамане, генерал Смагин. В 1925 году его увезли в ссылку в Усть-Сысольск).

В «бандитизме, массовом расстреле коммунистов и растрате народного достояния» обвиняли, между прочим, и меня.

Опровергать это вздорное обвинение — это значит придавать вес чекистской вы-думке. Скажу только, что единственное мое «контрреволюционное» деяние, считающееся в советской России большим преступлением — сокрытие своего офицерского звания — мне даже не было поставлено в вину. Лишнее доказательство того, что действительная вина советского подсудимого (если она вообще имеется) в красных «судах» совершенно не принимается в расчет, раз есть статья, по которой тому или иному прокурору или следователю из ГПУ угодно вас послать на смерть или на каторгу.

Но — это надо особо подчеркнуть — для расстрела или для посылки на каторгу «возвращенца» даже и статьи никакой не требуется, ибо все эмигранты в России объявлены вне закона, а с ними ГПУ расправляется просто в порядке красного террора, в неприкосновенности сохранившегося и поныне.

К тому же, навстречу произвольному толкованию любой статьи советского уголовного кодекса, вынесению любого приговора идет сам «устав» о Соловках. Первый параграф этого выработанного ГПУ и утвержденного ВЦИК-ом

«Секретного положения о соловецких лагерях особого назначения», случайно попавшего мне в руки, гласит буквально следующее:

«Соловецкие лагеря организованы для особо вредных государственных преступников, а также лиц, когда-либо могущих быть государственными преступниками».

Таким образом, каждому чекисту предоставляется право в душе любого «возвращенца», даже снабженного рекомендательными письмами Красина или Раковского, прочесть тайное желание быть в будущем государственным преступником и, на основании этого «неопровержимого доказательства», послать его на Соловки. Дальше идти некуда.

Действительно, идти дальше некуда. Мы привыкли уже к шедеврам советского «Судопроизводства». Но устав о Соловках — безусловный уникум.

МИХАИЛ

ПОЛЬСКИЙ

ПРОТОПРЕСВИТЕР

Иннуарий (Недачин), архимандрит

ПРОТОПРЕСВИТЕР МИХАИЛ ПОЛЬСКИЙ – ИСПОВЕДНИК И СВИДЕТЕЛЬ МУЧЕНИЧЕСКОГО И ИСПОВЕДНИЧЕСКОГО ПОДВИГА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА СОЛОВКАХ

«21 мая скончался в Сан-Франциско исключительно выдающийся пастырь Русской Зарубежной Церкви, замечательный церковно-политический деятель, высокоталантливый духовный писатель и прекрасной души человек, протопресвитер отец Михаил Польский», — сообщила в 1960 г. русская зарубежная печать о смерти человека, бывшего за пределами советского государства, наверное, самым известным православным священнослужителем, который, пройдя тюрьмы, лагеря и ссылки, смог покинуть пределы СССР и рассказать миру о том, каким гонениям подвергаются там и какой совершают подвиг тысячи православных пастырей и мирян[1].

Собранные и опубликованные им два тома материалов «Новые мученики Российские»[2] являлись до времени крушения советского строя самым полным и авторитетным источником сведений о мучениках и исповедниках Русской Церкви XX века, из которого черпали бесценный духовный опыт несколько поколений верующих на Родине и за рубежом. Одно из самых ярких мест книги — описание пребывания отца Михаила Польского в Соловецком лагере особого назначения и о его встречах с замечательными православными пастырями, находившимися на Соловках в заключении.

Михаил Афанасьевич Польский родился 6 ноября 1891 г. в станице Новотроицкой Кубанской области в семье псаломщика, его деды и прадеды были служителями Церкви, родственники по материнской линии — военными. В 1914 г. он закончил Ставропольскую духовную семинарию, и уже на Кубани проявились его миссионерские дарования: молодого выпускника назначают противосектантским миссионером. В 1916 г. его призывают в действующую армию, 4 месяца он обучается в военном училище в Тифлисе и затем до Февральской

[1] Андреевский И. М. Светлой памяти друга и соузника по Соловецкому концлагерю протопресвитера о. Михаила Польского // Православная Русь. 1960. № 11. С. 4.

[2] Новые мученики Российские: Первое собр. материалов / сост. прот. М. Польский. Джорданвилль, 1949; То же: 2 том собр. материалов. Джорданвилль, 1957.

революции 1917 г. в чине поручика служит в 894-м Барнаульском пехотном полку, после чего возвращается в Краснодар. Во время пребывания в Краснодаре Деникина работает в кооперации, от призыва в Деникинскую армию ему помогает уклоняться, как укажет он позднее на допросе в ГПУ, удостоверение учителя. 29 июля 1920 г. Епископ Кубанский Сергий (Лавров) рукополагает его во диакона, а 1 сентября того же года — во священника. В г. Темрюке, где отец Михаил тогда служил, он вступает на многолюдном собрании в диспут с безбожниками, который оканчивается победой молодого священника-миссионера, но после этого старшее духовенство советует ему покинуть Кавказ. Он переезжает в Москву и в 1921 г. поступает в Московскую духовную академию, а после закрытия Академии, по свидетельству И. М. Андреевского, продолжает проходить ее курс тайно, в личном общении с преподавателями и профессорами. На дальнейшую пастырскую деятельность молодого пастыря благословляет Святейший Патриарх Тихон, епископ Верейский Иларион (Троицкий) наделяет его правом ведения миссионерской проповеди по всей Московской епархии. В марте 1922 г. отец Михаил назначается третьим священником Преображенской (Петропавловской) церкви на Преображенской площади в Москве[3].

Время пастырского служения священника Михаила Польского в столице пришлось на начало обновленческого раскола. За твердое противостояние расколу и сплочение против него прихожан священника Михаила арестовывают, он получает три года заключения в Соловецком концлагере. Дело, ведшееся против него 6-м отделением Секретной части МГО ГПУ, — одно из ярких свидетельств того, как инспирировала и поддерживала этот раскол советская власть, ставя своей целью уничтожение Православной Церкви на территории советского государства.

Арестован отец Михаил Польский был 16 июля 1923 г., после того, как в ГПУ поступило заявление митрополита Антонина (Грановского), председателя обновленческого Временного Церковного Управления, с жалобой на «враждебную агитацию против ВЦУ и лично против» него, митрополита Антонина, со стороны священника Михаила Польского. На четырех страницах митрополит описывал, как отец Михаил организовал прихожан не принимать участие в богослужении, которое митрополит Антонин намеревался совершить в Преображенском храме, как верующие не дали митрополиту произнести проповедь, из чего лидер обновленцев выводил, что «поп Михаил Польский церковными способами разжигает политические страсти толпы и раздувает вражду против существующе-

[3] ГАРФ. Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 343. Л. 2–3; Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 23об.; Андреевский И. М. Светлой памяти ... С. 4; Княгиня Мария Илларионовна. К юбилею о. Михаила Польского // Православная Русь. 1955. № 19. С. 6.

го гражданского порядка». Начальник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучков положил на жалобе резолюцию: «Этого попа следует срочно арестовать и выслать в Турк. край», — и поручил дело Секретной части МГО, в которой против отца Михаила уже имелся определенный материал: заявление курсанта Сокольнической партийной школы, заведующего ночлежным домом в Орликовом переулке о том, что священник Михаил говорил в храме верующим: «Колесо революции... разобьется о нашу Церковь, а лгуны, которые на фабриках и заводах, как диаволы, шепчут рабочим, чтобы не ходили в церковь, — это есть шипучие гады», а про обновленцев сказал: «Это антихристы и лжепророки, продавшиеся за 30 сребреников»[4].

Но и это было еще не все, чем располагали против священника Михаила Польского органы политической безопасности молодого государства. Вскоре после вышеописанного инцидента с митрополитом Антонином Преображенский храм при помощи советской власти перешел все же под управление обновленцев (несмотря на то, что не менее 70% прихожан были против этого). Настоятель был сменен, остальные же члены причта, за исключением отца Михаила, хотя и не испытывали симпатий к обновленцам и в скором времени перешли на сторону Патриарха Тихона, тем не менее остались тогда служить в храме. При этом отца Михаила они просили воздерживаться от резких заявлений с амвона по поводу обновленцев и безбожности новой власти, поскольку, говорили они, «нас могут за это забрать». Отец же Михаил более служить в этом храме не мог. Тесную связь с прихожанами он продолжал поддерживать, благо жил он в домике, расположенном прямо на храмовой территории[5].

Назначенный обновленческим ВЦУ новый настоятель Преображенского храма протоиерей Т. вскоре вызвал такое неудовольствие прихожан, что их общее собрание 10 июля 1923 г. в количестве не менее 3000 человек постановило удалить последнего из прихода, пригласив на его место отца Михаила Польского. Протоиерей Т. написал в ВЦУ несколько жалоб, прося «в срочном порядке войти в соответствующие правительственные учреждения с серьезным ходатайством о принятии самых энергичных и экстренных мер», что ВЦУ немедленно и исполнило, направив эти жалобы в ГПУ. Отец Т. жаловался, что его притесняют и изгоняют и что за всем этим стоит священник М. Польский. Он же, протоиерей Т., сообщил ГПУ о том, чего оно не знало, как не знал и никто из прихода: что отец Михаил — бывший офицер. Очевидно, это стало ему известно из доверительных

[4] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 1–3об., 16–16об., 34–35об.
[5] Там же. Л. 4–8об., 22об., 23об., 36–37, 40; Анна (Теплякова), мон. Воспоминания. М., 1998. С. 9.

разговоров с отцом Михаилом, поскольку сам отец Михаил считал отца Т. своим другом и очень удивился, когда впоследствии на допросе увидел в своем деле его донос. Реакция ГПУ на жалобы обновленческого священника показательна: Е. А. Тучков не только предписал приобщить эти материалы к делу отца М. Польского, но и дал МГО «срочное задание о принятии мер к охране» настоятеля-обновленца[6].

На допросах отец Михаил держал себя очень достойно. Он не отрицал, что считает действия обновленцев «церковным бандитизмом... потому что они попирают основные канонические законы, с чем помириться положительно невозможно». «Безбожники, где бы таковые ни находились, но если они кощунствуют, надругаются над религией, я мог назвать это бессильным шипением змеи и т.п., — говорил он. — ...Безверие разобьется о колесо церковной истории, я убежден, что безверие не может бороться с верою». О сокрытии своего офицерского звания он сказал, что сделал это только потому, что задался целью служить Церкви, как это было и до его офицерства. В отношении же антисоветской агитации признать себя виновным отец Михаил отказался, поскольку, говорил он, «я не имею права иметь политические убеждения»[7].

В Бутырской тюрьме он провел почти пять месяцев. Здесь было очень трудно, однако это время стало, как писал отец Михаил позже, в духовном плане для него очень важным. «На третьем месяце пребывания в Бутырской тюрьме под следствием, — вспоминал он, — у меня наступил духовный кризис. Следствие затягивалось и могло закончиться самым печальным результатом, ибо статья обвинения грозила мне от трех лет заключения до смертной казни. Первоначальная бодрость пропадала, выветривалась, очень тянуло на свободу, охватывала нестерпимая жалость к близким и милым родным. Сердце делалось готовым на все, чтобы только спастись от уз. Яд малодушия отравлял все существо. Ум тысячи раз проходил особый Голгофский путь, путь к смерти, по этим, так знакомым, коридорам ГПУ, среди холодных давящих стен и неумолимо жестоких, бессердечных, как эти стены, людей, от которых никакими силами вырваться нельзя. Но вот вызывают на допрос, первые же вопросы следователя вызывают в сердце упорство, бодрость, слово независимости и правды. Все снова говоришь заведомо себе во вред, и когда допрос кончается, то чувствуешь снова, что сам выкопал себе яму и ухудшил свое положение. И снова малодушие. И только в эти часы снисходило в душу сознание, что исповедничество есть дар свыше и себе самому ты ничем не обязан. И снисходило глубокое сочувствие всем павшим

[6] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 5–8об., 23об., 30об.–31об.; Польский М., прот. Положение Церкви в советской России: очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 10–11.
[7] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 21–24.

и их понимание и им прощение. И благодаришь Бога за Его великую милость, что стоишь и что не изменил истине»[8].

Миссионерское призвание — то, чему посвятит отец Михаил свою дальнейшую жизнь, — приносило плоды даже в Бутырской тюрьме. В одном из разговоров со следователем на тему веры («Если бы вы знали, какой вы вред причиняете народу религией, то вы ею никогда бы не занимались», — сказал ему следователь) молодому пастырю удалось найти слова, которые поколебали следователя в такой безапелляционной уверенности. «На другом допросе, уже в тюрьме, — вспоминал о. Михаил, — он мне однажды тихонько сказал: „Я сам верующий" и был весьма снисходителен и дал заключение по моему делу такое мягкое, что ему совершенно не соответствовало жестокое определение ГПУ, давшего мне три года Соловецкого лагеря»[9].

Можно было бы предположить, что отец Михаил здесь преувеличивает: все-таки поколебать антирелигиозные воззрения следователя ОГПУ — дело нешуточное. Однако материалы архивного следственного дела сказанное косвенно подтверждают. Следователь 6-го отделения Секретной части МГПО Думницкий, ведший дело и составлявший по нему обвинительное заключение, действительно, отсылая заключение на санкцию в вышестоящую организацию — 6-е отделение СО ГПУ, — предлагал для отца Михаила мягкое наказание: высылку в одну из северных губерний на 2 года, однако рука более высокого начальства на обвинительном заключении начертала: «В концлагерь на три года». Именно этот приговор и был утвержден Комиссией НКВД по административным высылкам 7 декабря 1923 г.[10]

За неделю до вынесения приговора отца Михаила освободили под подписку о проживании дома и информировании ГПУ о каждой перемене адреса, это недолгое проведенное на свободе время навсегда осталось в его памяти. Он встречался и служил со Святейшим Патриархом Тихоном и в полной мере ощутил любовь церковного народа к мученикам и исповедникам. «Я, маленький священник своего прихода, — писал он, — за полторы недели своей свободы так был обременен излияниями благодарности, любви и всякого почитания, которые спешил мне принести каждый прихожанин, что когда очутился в арестантском вагоне и пересыльных тюрьмах на пути в Соловки, то почувствовал, что отдыхаю, и тяготу тюремную нашел более посильной, чем перенесение незаслуженных по-

[8] Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа под властью безбожников: (доклад Собору Православной Русской Зарубежной Церкви с участием клира и мирян 7/20 августа 1938 г.). Белград, 1938. С. 10–11.
[9] Там же. С. 3–4.
[10] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 60–61, 68–70.

чета и любви... Настроение церковного народа... поддерживало дух, который временами и падал, и соблазнялся, и ослабевал»[11].

Причина краткого освобождения перед отправкой в дальнейшее заключение отцу Михаилу была известна. Когда его освобождали из Бутырской тюрьмы, то предупредили, что дело его решится в течение недели, «и намекнули, — писал он, — что от меня зависит моя дальнейшая судьба. Тем, что я не пошел за эту неделю... к обновленцам, и не поискал их заступничества, но был у Патриарха и даже служил с ним, я и определил себя на годы заключения». Мать отца Михаила послала ему в тюрьму записку, в которой писала, что благословляет его «сидеть в тюрьме и не ослабевать духом, все терпеть и не сдаваться»[12].

Одна из прихожанок Петропавловского храма, близкая к семье священника Михаила Польского, вспоминала, что, прощаясь с супругой Татьяной Васильевной и дочерью Лидией, он сказал: «Лучше бы вас с дочкой Господь к Себе взял. Потому что я уже с вами больше не буду». Он оказался прав. Татьяна Васильевна увидела мужа еще однажды, когда ей удалось выхлопотать пропуск и посетить его в Соловецком лагере, но до освобождения его из лагеря и ссылки ни она, ни мать отца Михаила не дожили. Дочь свою отец Михаил тоже никогда больше уже не увидел[13].

Пребывание священника Михаила Польского в заключении на Соловках описано им в очерке «Соловецкий лагерь. Первые впечатления», книге «Новые мученики Российские» и ряде фрагментов из других произведений, — почти все они (за исключением только повторяющихся мест) помещены в настоящем издании. На Соловках отец Михаил был близок со многими мучениками и исповедниками Русской Церкви, работал он преимущественно в «артели» архиепископа Верейского Илариона (Троицкого), состоявшей из представителей православного духовенства. Архиепископа Илариона отец Михаил особенно почитал, их связывала духовная дружба, хотя воззрения их на то, какой курс должна принять Церковь в отношении государства, во многом различались. Когда в 1926 г. на соборе соловецкого духовенства вырабатывался текст «Обращения православных епископов из Соловецкого лагеря особого назначения к правительству СССР», отец Михаил Польский предложил самый радикальный вариант текста: в нем предлагалось всесторонне обличить государство как гонителя Церкви, а церковный

[11] Там же. Л. 67–67об.; Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 5–6, 108.

[12] Там же. С. 12, 13.

[13] Анна (Теплякова), мон. Воспоминания. С. 10–12; Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 108. — После смерти матери родственники забрали Лидию в Краснодар. После того, как отец бежал за границу и написал о гонениях на Церковь в Советском Союзе, ей пришлось многое перенести от ОГПУ и НКВД. Ее часто вызывали на допросы, на нервной почве у нее отнялись ноги. В Краснодаре она и умерла. Еще одна дочь отца Михаила, Галина, родилась во время его заключения в Соловецком лагере и умерла маленьким ребенком. — Здесь и далее примеч. авт.

народ благословить «принять невинные страдания свои за веру даже до смерти». Этот вариант собравшимися единодушно был отвергнут, архиепископ Иларион назвал его «энциклопедией церковных вопросов», не дающим ничего нового[14]. Священномучеником Иларионом на Соловках на отца Михаила в 1926 г. были возложены сразу две иерархические награды — камилавка и наперсный крест[15].

Незадолго до окончания соловецкого срока заключения отец Михаил получил новый срок — Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 19 ноября 1926 г. приговорило его к трем годам ссылки в Зырянский край (осуждение произведено было не за какие-нибудь новые преступления, а за прежние, с формулой: «является социально-опасным элементом»). Ссылку он отбывал сначала в г. Усть-Сысольске, затем в деревне Межадор Сысольского уезда. Когда срок ссылки подходил к концу, отец Михаил уже понимал, что, оставаясь верным своим представлениям о взаимоотношениях Церкви и государства, он просто так на свободу не выйдет, а получит какое-нибудь новое наказание. Так и произошло: Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 5 июля 1929 г. он был лишен на три года права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и в их губерниях, краях и округах, Северо-Кавказском крае, с прикреплением к определенному месту жительства[16].

Однако сообщить ему об этом ОГПУ не успело: за месяц до окончания срока отец Михаил из ссылки бежал. Приехав 5 сентября 1929 г. с разрешения ОГПУ в Усть-Сысольск, он через неделю не явился на положенную регистрацию, после чего был объявлен во всесоюзный розыск. Около 7 месяцев он скитался по России, много общаясь с духовенством и продолжая начатую еще в лагере и ссылке работу по сбору материалов о мучениках и исповедниках веры[17].

В день Благовещения Пресвятой Богородицы, 7 апреля 1930 г., он пересек советско-персидскую границу[18]. Решение о бегстве из России, принятое еще в ссылке, далось ему нелегко. Главной причиной, как сам объяснял он впоследствии, было несогласие с действиями митрополита (впоследствии — Патриарха) Сергия (Страгородского): его Посланием (т.н. «Декларацией») от 16/29 июля 1927 г.

---

[14] Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 29–31. – Принятый на этом Соборе текст «Обращения...» см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 500–507.

[15] ГАРФ. Ф. Р6349. Оп. 1. Д. 343. Л. 2–3.

[16] Там же. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 71, 73, 77; Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа... С. 2–3, 11; Его же. Положение Церкви в советской России ... С. 107; Список административно-высланных по постановлениям Комиссии НКВД по А/В и особого Совещания при Коллегии ОГПУ, находящихся на территории Коми области, на 1 июля 1928 г. (Архив МВД РК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Л. 78–106) // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых репрессий. Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 263.

[17] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 79; Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа... С. 7–8, 108.

[18] Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа... С. 1.

(содержащим слова: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи»), указом о поминовении советской власти за богослужением и исключением из поминовения за богослужением имен сосланных и заключенных архиереев, печатными заявлениями об отсутствии в Советском Союзе гонений, согласованием митрополитом Сергием с ОГПУ назначений и удалений архиереев с кафедр[19]. В такой ситуации отец Михаил понимал, что быть пастырем в своем московском приходе ему не удастся, да и вообще возможности пастырской деятельности у него, скорее всего, не будет. Нужно отметить, что во всем весьма широком в тот момент спектре отношений церковной общественности к позиции митрополита Сергия священник М. Польский занимал одну из самых крайних позиций и, как сознавал сам, почти не находил единомышленников. «Я оказывался одиноким, — писал он. — Теряю почти всех старых друзей. Единомышленники есть, но где они? Они, как и я, в одиночестве, мы разбросаны... Я был одинок только в моей обстановке и бежал от нее, как слабейший из моих единомышленников, разбросанных и также одиноких, но оставшихся в России... Я просто спасал душу свою, не жизнь, а душу... Я боялся уступить, пасть, изменить истине, за которую боролся»[20].

Дальнейшее служение отца Михаила Польского проходило уже в качестве клирика Русской Православной Церкви Заграницей. Он служил в Персии, Бейруте, Лондоне, с 1948 г. — в Соединенных Штатах Америки. С 1952 г. до выхода за штат в 1959 г. был старшим соборным протоиереем (протопресвитером) Свято-Скорбященского кафедрального собора г. Сан-Франциско. Везде, где он служил, он запомнился ревностным пастырем-миссионером: приход при нем укреплялся, при храме начинали действовать миссионерские курсы, вестись пастырские беседы, издавался церковный печатный орган[21]. Его перу принадлежат многие миссионерские и духовно-назидательные произведения[22].

Однако наибольшую известность протопресвитеру Михаилу Польскому принесли, помимо уже упоминавшегося труда «Новые мученики Российские»,

[19] См.: Акты. 509–513, 521, 682–689.

[20] Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 108, 110.

[21] См.: ГАРФ. Ф. Р6349. Оп. 1. Д. 343. Л. 2–3; Андреевский И. М. Светлой памяти... С. 4; Перекрестов П., протоиерей. Соборному приходу в Сан-Франциско 75 лет // Православная Русь. 2003. № 19. С. 6. — В Лондоне о. М. Польский был редактором-издателем журнала Православных миссионерских Свято-Владимирских курсов «На Страже Православия» и редактором периодического сборника «Воскресение Христово», в Сан-Франциско — газеты «Церковность».

[22] См., напр.: Польский М., прот. В защиту православной веры от сектантов. Jordanville, 1950; Его же. Книга Песнь Песней Соломоновых // Православный путь. 1953. С. 84–95; Его же. По поводу одного заговора. Римо-католики и мы // Наше время. Сан-Франциско, 1954. 12–13 марта; Его же. Познание Бога // На Страже Православия. 1939. № 1. С. 1–16; Его же. Теософия и Христианство. Сан-Франциско, 1956; Четвероевангелие. Текст четырех Евангелий, поставленный параллельно в хронологическом порядке / сопоставил текст А. С. Ананьин; ред., предисл. и примечания Протопресвитера М. Польского. Jordanville, 1950, и многие другие статьи в упоминавшихся изданиях «Церковность», «Воскресение Христово», «Православная Русь», а также журнале «День русского ребенка» (Сан-Франциско) и др.

его полемические произведения, направленные против Русской Православной Церкви – Московского Патриархата (уклонившейся, по мнению отца Михаила, от Православия со времени возглавления ее митрополитом Сергием)[23], и его активное участие в юрисдикционном споре между Русской Православной Церковью Заграницей и Православной Церковью в Америке (благодаря его полемическим трудам и защите интересов РПЦЗ в качестве эксперта по каноническому праву на процессе 1948–1949 гг. в Высшем Суде Штата Калифорния этот суд принял сторону РПЦЗ; отец Михаил за заслуги в этом деле был возведен в сан протопресвитера[24]).

В последние десять лет жизни отец Михаил Польский собирал материалы для написания книги, тему которой обозначил: «Система органического православного богословия». Готовил он в этот период к изданию и третий том «Новых мучеников Российских», однако сделать все это уже не успел[25].

До самой смерти он в глубокой тайне хранил у себя часть вещей расстрелянной в 1918 г. в Екатеринбурге и Алапаевске царской семьи, переданных ему в 1948 г. в Лондоне великой княгиней Ксенией Александровной – родной сестрой убиенного последнего российского императора. Отец Михаил был близким другом и духовником великой княгини, передавая ему святыни, она завещала хранить о них молчание до «того времени, когда в России с падением безбожной власти, нашей Святой Церкви можно будет объявить о них». Это время наступило: в 2009 г. личные вещи Царственных страстотерпцев, сохраненные отцом Михаилом, посетили Россию[26].

Сейчас, после состоявшегося в 2007 г. воссоединения Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей, полемические произведения протопресвитера Михаила Польского, направленные против Декларации митрополита Сергия, – достояние истории, как стала достоянием истории и сама Декларация. В то сложнейшее время пастыри и миряне – и в России, и за рубежом – мучительно искали и вымаливали у Бога свой правильный ответ на новые вызовы эпохи, пытались понять, как вести себя в новых условиях, параллели которым непросто было найти в церковной истории, даже в гонениях

[23] Такие, напр., как: Польский М., прот. Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948; Его же. О духовном состоянии русского народа...; Его же. Положение Церкви в советской России...; Его же. Современное состояние Православной Церкви в СССР. [Б. м.], 1946.

[24] См.: Андреевский И. М. Светлой памяти... С. 4–5; Польский М., прот. Американская митрополия и процесс в Лос-Анжелосе. Джорданвилль, 1949; Решение Высшего Суда по Лос-Анжелосскому делу. [Б. м.], 1949.

[25] Андреевский И. М. Светлой памяти... С. 5, 7.

[26] Княгиня Мария Илларионовна. К юбилею о. Михаила Польского... С. 6; Мироненко С. В., Цуриков В., прот. Из истории уникальных экспонатов, представленных Свято-Троицким мужским монастырем/семинарией (Джорданвилль) // Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век: Каталог выставки. М., 2013. С. 66–85.

древности. Можно ли сказать, что тот ответ, который нашел и отразил в своих произведениях протопресвитер Михаил Польский, оказался абсолютно верным? Едва ли. В его произведениях немало такого, что сейчас, с позиций воссоединения 2007 г., не может быть признано полнотой истины. Так, отец Михаил считал, что «то, что называют по официальному виду Церковью в России, есть блудница», что эта Церковь «отказалась быть мученицей», что слова Апостола Павла: «Всякая власть от Бога» (Ср.: Рим 13. 1–2) – справедливы в отношении любой доселе известной исторической власти, но не в отношении большевиков («Большевики... есть исключение из общего правила»), считал необходимым для русского зарубежья поддерживать войну с СССР. Он признавал, что значительное большинство архиереев и священников в России не стали разрывать канонического общения с митрополитом Сергием, как это сделал отец Михаил, и с легкостью называл оступившимися всех, кто не разделял его точку зрения («Не только все оставшиеся, но и любимые изменили истине!»): оступились, по его мнению, и святой Патриарх Тихон, и священномученик Иларион (Троицкий), и многие другие, почитаемые сегодня единой Русской Церковью в лике святых мучеников[27].

Как относиться сегодня к этим обвинениям? Ответ Церковью найден: через взаимное прощение[28], основанное на осознании того, что действия, которые совершил в области церковного управления митрополит Сергий (даже если с позиции времени станет ясно, что они оказались в чем-то неверными, или даже погрешительными в личном плане), не относятся к деяниям, из-за которых Поместная Церковь отпадает от Тела Христовой Церкви, т.е. лишается благодатности Таинств[29]. Возглавляемая митрополитом (Патриархом) Сергием и последующими иерархами Русская Православная Церковь стала Церковью «большинства мучеников»[30], за годы гонений она не повредила ни одного православного догмата. Когда она получила свободу говорить, то исповедала – на Архиерейском Соборе 2000 г. – то же отношение к светской власти, которое содержала (в условиях свободы) Русская Православная Церковь Заграницей[31].

---

[27] Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 5–6, 54–56, 58, 67–74, 103–105, 115.

[28] Молитва, с которой начиналось подписание Акта о каноническом общении в Храме Христа Спасителя 17 мая 2007 г., была покаянной: «Владыко Господи... призри милостивым оком на люди Твоя согрешившия и не соблюдшия воли Твоея... утоли церковныя соблазны и разделения... сотвори, да от всех обид и нестроений избавимся» // URL: http://www.mospat.ru/archive/36258.htm.

[29] См. об этом подробнее, напр.: Мазырин А., иер. Был ли оправдан компромисс митрополита Сергия с советской властью? // Нескучный сад. 2008. № 1. // URL: http://www.nsad.ru/articles/byl-li-opravdan-kompromiss-mitropolita-sergiya-s-sovetskoj-vlastyu.

[30] Струве Н. Соловецкие епископы и Декларация митрополита Сергия 1927 г. // Вестник русского христианского движения. 1988. № 152. С. 211.

[31] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2008. С. 51–68.

«Помянем же отцов наших, живших в годы гонений на Родине и за ее пределами», — сказал Святейший Патриарх Алексий в своем первом слове после подписания Акта о каноническом общении 17 мая 2007 г.[32] Потрудившихся, добавим, каждый в меру своих сил и своего понимания ради защиты Церкви и сохранения ее чистоты. Верим, что протопресвитер Михаил Польский, отдавший этому свою жизнь, возрадовался бы, созерцая торжество восстановления единства горячо любимой им Русской Православной Церкви.

«Истина Божия устоит, — писал отец Михаил в 1953 г., — и народ, претерпевший такое тяжелое испытание, поднимет свет, зажженный в нем святым равноапостольным князем Владимиром, на такую высоту, что он будет светить всему человечеству. Таково избрание Божие, выпавшее на долю России в нападении этого испытания. Она сможет помочь и другим»[33].

[32] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Храме Христа Спасителя после подписания Акта о каноническом общении, 17 мая 2007 г. // URL: http://www.mospat.ru/archive/36259.htm.
[33] Польский М., прот. Свет Великий // Церковность. 1953. № 7. С. 8.

✠

Публикации о Соловках

Соловецкий лагерь[1]

В половине июня 1924 года, через семь месяцев пребывания в Кемском пересыльном лагере (на Поповом острове), наконец вызвали и группу духовенства для отправки в Соловки.

В летний северный день красивый и легкий соловецкий пароход, который прежде назывался «Михаил Архангел» и был управляем капитаном-монахом и матросами-монахами (теперь он носил имя какого-то знатного чекиста — «Глеб Бокий»), быстро нес нас по волнам Белого моря к берегам Соловецкого острова.

Плотно и надолго закрывалась за нами дверь к материку, к остальному миру. Сердце грустило, а ум вперялся вперед, в будущее, желая его разгадать. Но и молодой бодрости в душе было также много. Хотелось все видеть, все испытать и все преодолеть.

Путь в шестьдесят верст совсем не велик. Рассказывали жители Кемского поселка, что зимою, в прежнее время, когда на Соловках били в колокола и особенно когда ударили в «царя», в тысячепудовый праздничный колокол, в поселке был слышен его звук. Как это интересно! Монастырь на восемь месяцев закрывался льдами от остального мира, но этим отдаленным гулом, доходящим до материка, он давал о себе знать, говорил о своей особенной жизни, теплой, уютной и духовно счастливой и среди холода непроходимых льдов и мрака зимних, коротких дней. А теперь и летний наш путь не нес нас к уюту и радостям.

[1] Публикуется по: Польский М., прот. Соловецкий лагерь // День русского ребенка. Сан-Франциско, 1951. Вып. 18. С. 252–260.

На палубе, переполненной заключенными, я смотрел в серые волны, серые, как сегодняшнее небо, и невольно все время вспоминал тропарь святым Зосиме и Савватию, основателям Соловецкого монастыря: «Яко светильницы явистеся всесветлии, во отоце окиана моря, преподобнии отцы Зосима и Савватие: вы бо крест Христов на рамо вземше, усердно Тому последоваste, и чистотою Богови приближившеся, отонудуже силами чудес обогатистеся. Тем и мы любезно притекаем к ракам честных мощей ваших и умильно глоголем: о преподобнии, молите Христа Бога, спастися душам нашим». Особенно мне нравится это — «во отоце», или на острове «окиана моря»... Вот он окиан море! И я теперь любезно притекаю под покров этих святых и буду у них жить, как паломник... Я это благоговейно чувствую и уже доволен.

Вот вдали виден монастырь. Как из воды поднимаются белые храмы. Древнее, славное, великое и таинственно влекло нас к себе и мы неизбежно, неотвратимо шли к нему. Монастырь должен был отпраздновать пятьсот лет своего существования. Какое значение имеет иногда место само по себе, уже не люди, а место, где прожили поколения, памятник переживший людей и стоящий и сейчас пред нашими глазами. Он хранит в себе следы отжившей жизни. Создания человека прочнее, чем он сам.

Святые, тихие, кроткие, смиренные служители Христовы Зосима, Савватий и Герман, жившие здесь в начале 15-го столетия, а за ними еще многие десятки святых, о которых рассказывает «Соловецкий патерик», — вот в ком оправдался монастырь и сделался святым местом. Святитель Филипп восемнадцать лет был здесь игуменом и отсюда был вызван в Москву, на митрополию, Иоанном Грозным, чтобы потом за слово обличения и неподкупной правды принять смерть от руки своего прежнего почитателя. Патриарх Никон здесь, в Анзерском скиту, пробыл семь лет простым монахом. В числе умерших в монастыре состоял знаменитый советник Иоанна Грозного сосланный им сюда священник Сильвестр, великий деятель смутного времени келарь Троицко-Сергиевской лавры Авраамий Палицын, касимовский царь Симеон Бекбулатович, какой-то Гетман украинский, добровольно оставшийся здесь и после получения свободы. Отдаленный суровый монастырь был тюрьмою для многих государственных преступников, а потом местом ссылки для провинившегося духовенства, для сбившихся в секту и ересь духовных и недуховных православных людей. Наконец, это — старинная крепость, так оцененная с 16-го столетия. Здесь стояло стрелецкое войско, отбивавшее частые нападения шведов и сами монахи были вооруженными воинами, имея во главе старшего военачальника в лице игумена. В 17-м столетии монахи семь лет геройски защищали свою обитель и отражали приступы правительствен-

ных войск, не желая подчиниться церковной реформе своего бывшего монаха патриарха Никона. Царь Петр Великий дважды посещал монастырь и пожаловал ему двести пудов пороху. В Крымскую кампании англичане бомбардировали монастырь, но архимандрит Александр отказал сдать его и очень удачно отвечал огнем своих орудий. Там в монастырской ризнице хранились драгоценные дары монастырю российских царей, сабля князя Пожарского и много, много чего интересного. Но кто теперь помнит и ценит это? кому это нужно? Все забыто и поругано. Здесь теперь огромный лагерь заключенных, или «Соловецкие лагеря особого назначения», сокращенно — «слон», как пишется и говорится.

Пароход уже входит в маленькую «Бухту Благополучия», очень удобную, прикрытую от всех ветров. Перед нею, через дорогу, — монастырские стены, с белыми, за ними, двухэтажными корпусами и высоко возвышающимися соборами. Против бухты, — обычные в монастырях, главные или святые ворота. Налево, у самой пристани, — большое белое здание, в прошлом — гостиница для паломников, теперь — с вывеской: «Управление Слон», или, иначе — местное ГПУ.

На набережной — чекисты в форме и много заключенных, как будто болтающихся без всякого дела. Пароход причалил. Я оказался первым у сходней. Ожидаем разрешения на выгрузку. Наконец приказано сходить. Я вступаю на соловецкую землю первым и крещусь. Господи благослови! Неужели так надолго, на три года, или навсегда? выйду ли отсюда? увижу ли снова материк? Снова «конверт» (тюремное выражение), наглухо запечатанный. Вот первые мысли, грустные и тревожные, лезущие мне в голову. Но я бодрюсь для себя самого.

И здесь снова конвой, и провожает нас с вещами в «кремль», как принято здесь называть бывший монастырь. Несколько шагов, и мы равняемся с этими стенами. Они сразу поражают нас. Мимо них я никогда и потом не проходил без удивления. Как можно поднять такие огромные камни, не в одну сотню, а то и в тысячу пудов, на такую высоту? Стены сложены из громад дикого, не обработанного булыжника, или гранитных, монолитных глыб. Высота стены — пять-шесть саженей, ширина — три сажени наверху (в основании много больше), где может проехать повозка. Вся стена вокруг монастыря имеет вид неправильного пятиугольника, длиною в 510 сажень, в нашу версту. Недаром в конце 16-го столетия, над этой постройкой, монахи и монастырские крестьяне трудились двенадцать лет. В стенах, в амбразурах которых еще недавно кое-где сохранялись старинные пушки, есть восемь громадных, грозных башен и семь ворот, из которых открыты сейчас только одни. Мы к ним идем, далеко обходя стену, с глубоким рвом впереди. Это Никольские ворота. Они рядом с угловой башней, седые, нависшие. Они принимают нас.

Часовой и чекисты проверяют наши «пропуска» у конвоиров.

Первые шаги внутри кремля дают сразу впечатление бывшего недавно пожара. Навесы на крепостной стене пали, обуглившиеся черные бревна и доски торчат из всех каменных строений. Одна сторона корпусов целиком без крыш. Груды таких бревен лежат в разных углах двух дворов монастыря, образованных корпусами. Об этом пожаре я слышал в Кеми, откуда наблюдали его зарево за 60 верст. И здесь потом рассказывали, что загорелись корпуса сразу с двух сторон, и когда вольнонаемные рабочие-монахи бросились тушить огонь, то чекисты им не позволили. Говорили, что грабежи и присвоение монастырского имущества были так общеизвестны, что ожидалась ревизия высших властей и, заметая следы преступлений, соловецкие хозяева сожгли монастырь. Погиб и музей. Правда, кое-что было раньше вывезено в Архангельск. Теперь обгоревшие остатки всякого оружия — копья, стрелы, кольчуги, шлемы, мечи, пищали — были выброшены в море. Дело это исполняли заключенные и один из них мне об этом рассказывал, да и я сам как-то видел у одного берега в воде гранаты, наконечники копий и т.п.

Проходя мимо одного собора, мы увидели разбитые колокола. Крыши соборов горели, но колокола сбросили для уничтожения. Их разбивают на части и отсылают на материк для удовлетворения нужды в меди. В Кеми мы их уже видели. И сейчас «шпана» (уголовники) с большими молотами все еще возится около этих колоколов, бьет их на куски и оглашает кремль лязгом и грохотом.

Другое впечатление, очень яркое и ошеломившее нас, это — обилие белых, ручных чаек, которые наполняют весь двор, занимают каждое свободное местечко, имеют прямо на земле гнезда, ходят между людьми и взлетают на воздух, непрестанно издавая крики. Эти огромные, особенные чайки — чуть меньше гуся, но больше курицы, — подражают крикам всех других живых существ: собачий лай, мяуканье кошки, воронье карканье, блеяние овец и коров, стон больного, плач ребенка, хохот, визг, все, все, что угодно, вы услышите от них. И потом, уже после долгой привычки к ним, вы вдруг услышите иногда такой оригинальный крик, которого прежде никогда не слыхали, и встревожитесь, пока не догадаетесь, от кого он исходит. Впрочем, к концу моего соловецкого срока они уже покинули двор, совсем напуганные насельниками своих мест.

Наконец мы выстроились около Преображенского собора, так хорошо видного с моря, оригинального по своей форме (усеченного конуса), стоящего как скала и так гармонирующего с этими стенами и окружающей природой. У самой стены собора чьи-то одинокие каменные кресты, привлекающее наше внимание. Одна могила — Авраамия Палицына, другая — украинского гетмана, — успева-

ем мы узнать и невольно проникаемся чувством благоговения к этому историческому месту.

Нас теперь считают, поименно проверяют и распределяют по ротам. Это очень важно. Хорошо попасть к своим, в роту духовенства, каэров (контрреволюционеров) и интеллигенции вообще. Это шестая рота. Есть особая тринадцатая рота, полуголой и бесшабашной «шпаны»-уголовщины, которую здесь называют «дикой дивизией». Она живет в здании Успенского собора. Троицкий собор занят под склад вещей. (Преображенский, слава Богу, закрыт и пустует. В нем сохранился от пожара великолепный, старинный иконостас. Кто-то из Архангельска еще защищает его от местных произвола и невежества. Есть еще рота канцеляристов, обслуживающих учреждения управления. Вообще весь лагерь разделен на рабочие роты со своими ротными командирами и писарями. Роты достигали двухсот-трехсот человек. Кремлевский район вмещал к концу моего срока до 4-х тысяч человек, а все Соловецкие лагеря уже имели 11—14 тысяч заключенных. Среди рабочих рот есть еще одиннадцатая рота заключенных, провинившихся чекистов, которые здесь несут внутреннюю охрану и различные второстепенные административные должности, это класс привилегированный.

В списках, которые держали в руках чекисты, уже определено, в какую роту кто попадает. К нашей радости, нас отделяют в шестую. Но все наши ряды посещает великое смущение. Инженера Каштанова вызывают в одиннадцатую роту, и он выходить из наших рядов, заливается краской до шеи. У «черной биржи» (так называлась среди нас группа арестованных в Москве по этому одному делу) вызвали туда же того молодого, красивого, рослого еврея, который на наших глазах в Московской Таганской тюрьме рыдал, падая в кровать, после прощания со своей женой. И тот же высокий его друг, который его тогда утешал, теперь волновался и направо и налево бросал фразу: «ради Бога, господа, не придавайте этому никакого значения, человек ни в чем не виноват, никого не предал, и со всяким может случиться...» Вызывали еще кого-то. Все это оказались секретные сотрудники ГПУ, «сексоты», с которыми мы совершили всю дорогу, прошли все тюрьмы, жили вместе несколько месяцев в Кемских бараках. Теперь они вдруг попадают в роту чекистов, тайна разоблачается, и получается форменный скандал. ГПУ снимает с себя здесь все покровы — вот истина, которая открылась нашим глазам и в которой мы здесь убеждались потом все больше. Мы очень смущены и со страхом стараемся теперь вспомнить свои разговоры с этими людьми или около этих людей. Архиепископ Иларион наблюдает эту картину с самым искренним весельем. Он никогда не стеснялся в выражении

своих мнений и чувств, ничего не боясь, и сейчас до крайности был доволен происшедшей историей.

Размещаясь в бывших монашеских келлиях корпуса шестой роты, мы полны впечатлений дня.

Конечно, здесь жить удобно. Это не бараки. Это настоящие, хорошие, светлые, теплые комнаты. Каждая комната-келлия была для одного монаха. А теперь нас в ней восемь, двенадцать и даже четырнадцать человек, смотря по ее величине. Спать будем на «топчанах», складных деревянных кроватях для каждого, так тесно поставленных, что едва проберешься между ними к двери.

После тюрем и кемских бараков это самое лучшее место, уютное, удобное и главное — исключительно со своими людьми. Может быть, это самое величайшее благо. Самое худшее — переносить террор шпаны. И здесь мы от нее освобождаемся: принимаем только своих, это в нашей власти даже, потому что и ротный командир из заключенных — свой человек.

Еще приятный сюрприз — наличие в Соловках остатка старых монахов, специалистов разных хозяйственных работ. Они вольнонаемные рабочие Гепеу, как мы уже сказали. Работою одних заключенных трудно сколько-нибудь поддерживать соловецкое хозяйство в прежнем порядке. Их оставлено не так много: из пятисот человек — семьдесят. Им разрешили иметь одну церковь — Преп. Онуфрия, вне кремля, на кладбище, — где освобожденный от работ особый штат из них совершает ежедневную службу. По воскресеньям все здесь в сборе, а в остальные дни — на работах: главные — на рыболовных тонях, на кожевенном заводе, на чугунно-литейном, на известковом, на верфи по постройке лодок и барж, на лесопильном и кирпичном заводах, в мастерских плотницких, столярных, сапожных, медной и глиняной посуды, везде монахи. К этому разнообразию прежних монашеских рабочих учреждений, еще сохранившихся здесь, надо прибавить особенное. Есть монах, наблюдающий и регулирующий воду в каналах, соединяющих соловецкие озера. Остров Соловки, имеющий до ста верст в окружности и до четырнадцати в самом широком месте, вмещает до трехсот пресных (и с рыбой) озер, из которых до половины соединены между собой искусственными каналами. Большая часть этих каналов сделана еще св. Филиппом, самым видным хозяином монастыря. Эти каналы соединены со Святым озером, находящимся у самого кремля и могшим в любое время, получая пополнения с других озер, наполнить водой сухой док и дать возможность пароходам и баржам монастыря для починки, а то просто на зимовку, стать прямо на берег. Эту интересную работу, совершаемую под руководством монахов, мне

потом пришлось видеть. Нужно кстати заметить, что главные чекисты лагеря были принуждены ценить работу и искусство монахов и выражать нередко им свое удовольствие. Такой труд, как ремонт местными средствами старых котлов электрической станции, имевшейся здесь с давних пор, привел в изумление инженеров. Монахам платили ничтожную сумму содержания, и они охотно оставались на своем старом и дорогом пепелище и, созерцая картину его постепенного разрушения и гибели, усердно и честно работали, как никто здесь, и до тех пор, пока, наконец, уже в 1929 г. их всех, по приказу из центра, не убрали отсюда. Как их предшественники, они разбрелись по селам и деревням и, живя в мирской суете и лишенные храмов, искали применения своих специальностей для добывания куска хлеба. Честь, слава и вечная память вам, добрые старцы, труженики и страдальцы Христовы, так много, кстати, облегчившие нам, заключенным у вас, наши узы!

Наша рабочая артель, артель Троицкого, то есть, архиепископа Илариона была уже известна по кемской работе соловецкой администрации и была уже предназначена здесь на постройку железной дороги. Поэтому, чуть ли не после первой утренней проверки мы получили наряд на эту работу и вышли из кремля.

Только первое время мы выходили под конвоем одного красноармейца с винтовкой, а потом и это навсегда прекратилось. Нам доверяли совершенно, вручая листок с нарядом и обозначением числа людей, идущих в нашей группе на работу, нашему старшему, владыке Илариону. Мы на его ответственности. Шпана всегда выходила с конвоем. Немногие группы настоящих рабочих из крестьян пользовались нашей привилегией и уже канцеляристы и прочие, идущие на работу в одиночку, пользовались постоянными пропусками.

В летнюю хорошую погоду выход из кремля доставлял нам истинное утешение. Первые дни по приезде в Соловки, от белых ночей, не знающих совсем темноты, когда солнце здесь только чуть опускало свой край в море и снова поднималось, и от непрестанного оглушительного крика чаек, мы вставали с наших постелей утомленными, невыспавшимися и выходили за кремль без чувства удовольствия. Но потом, привыкнув к новой обстановке и только миновав Никольские ворота с их чекистом, мы чувствовали себя просто как на свободе, забывая наши узы.

Направо от ворот, только через дорогу, гладь большого Святого озера. Прямо от ворот улица с домами направо и налево. Здесь всеразличные мастерские, особая рабочая рота, помещения и штаб особого соловецкого полка нашей охраны. Далее лес везде: и за Святым озером, и за улицею рабочих домов, полем позади нее. Там через леса идут дороги в Савватиевский и Филипповский скиты, на

рыболовные тони, на Секирную гору, на большую и малую Муксальму, на берег против Анзерского острова. Там везде лагеря, везде заключенные.

Наша работа по прокладке железнодорожной колеи начинается от пристани и идет вглубь острова.

Таким образом мы вначале работаем все больше около кремля. Железнодорожный мастер у нас и руководитель — почтенный старик Станислав Иосифович, поляк, железнодорожник, попавший сюда за участие «в контрреволюционном заговоре». Какие-то «белые офицеры» запросто разъезжали по линиям железных дорог и организовывали среди рабочих и служащих восстание против советской власти, назначая день и час его. Станиславу Иосифовичу предложил такой «офицер» активно участвовать, но он отказался. Когда же последовали аресты около пятиста человек, то и мастер был обвинен, что не донес об «офицере» и вместе с другими получил пять лет Соловков. Около же половины всех арестованных были расстреляны за намерение активного участия в восстании. Все эти «белые офицеры» запросто появлялись в гепеу, и местное гепеу не скрывало, что оно организовало это «восстание». Провокация для советской власти необходимый метод борьбы с контрреволюцией. Каким же способом обнаружить мысли и истинные намерения людей и их отношение к советской власти?

Под руководством нашего мастера мы начали проводку колеи. Земляные работы, насыпи, выемки, нивелировка местности, наконец укладка шпал и рельс, все это было нами пройдено теперь последовательно и в деталях. Мастер выполнял проект, а мы работали лопатами, топорами, кирками, молотами. Я очень специализировался на подрубке шпал для укладки на них рельсов и уже хорошо работал так называемым французским топором. Я подрубал им до сотни шпал в день.

Для моей неопытности это очень много. Темпы работ многих заключенных не быстрые и результаты работ мало продуктивные, но все же постепенно работа подвигалась, и, когда на прокладку железнодорожного пути стали выгонять сотни заключенных, этот путь стал виден. Артель духовенства прибавлялась в числе от новых партий, прибывающих в Соловки, и однажды на один отводной путь или тупик у самого кремля, сделанный руками исключительно духовенства, вышло на работу в составе нашей группы одних архиереев пять человек. Мы этот путь назвали «архиерейским тупиком». Это название привилось, и наши заключенные инженеры нас уверяли, что теперь он у них обозначен на чертежах под этим именем. Не думаю только, чтобы это название за ним долго сохранялось.

Однако, как бы мы ни старались облегчать себе труд, многими днями он был непосильным. Земляные работы, сами по себе, самые тяжелые, а когда дают на

урок нескольким человекам насыпать землей столько-то балластных вагонов в день, то наши силы изнурялись и к вечеру мы были больны: все члены нестерпимо зудели, жар утомления охватывал все тело, которое не находило себе достаточного покоя и отдыха за короткую светлую летнюю ночь и на наших твердых, жестких постелях. Не успеешь отдохнуть, а там снова тяжелый и нестерпимо длинный рабочий день: двенадцать часов. Его выкраивали полностью, не считая часа на обед. Все сигналы давал нам гудок электрической станции, который заменил звон исторического колокола, висевшего в центре кремля под навесом. Он был пленен с острова англичанами во время Крымской кампании и потом торжественно возвращен, о чем повествовала надпись у этого навеса. Одно время в него били наш подъем и начало и конец работ.

В эти изнурительные дни, которые наступили вскоре по прибытии нашем на остров, мы почувствовали, как легко теперь пойти к гибели, как идет уже к ней здесь масса людей. Мы твердо верим, что наше положение улучшится, потому что скоро будем получать посылки и наладим наше питание. Получим деньги и будем покупать продукты в лавке Гепеу. Но что будет с нищенствующей частью той же заключенной интеллигенции а также прочим нашим населением и шпаной, которым не пошлют посылок и денег?

Одна из первых и очевидных новостей наших здесь — сейчас, с лета, копают большие братские могилы на кладбище, где монашеская церковь св. Онуфрия. Грунт очень каменистый, тяжелый, и зимой с ним не справиться. Умудренная опытом администрация заранее их заготовляет и закрывает их досками. Зимой эти ямы постепенно наполняются трупами и весной зарываются. А мы теперь любопытствуем не без содрогания: кто-то сюда попадет? Потом я зимой здесь видел, наутро после расстрелов, притоптанный снег и кровь. Доски скрывали убитых.

Пища здесь такая же, как и в Кемском лагере. Неоднократно, хотя и редко видели, как в «каптерке», в лагерном складе продуктов, выдаваемых отсюда на общую кухню заключенным, появлялись туши мяса, главным образом конины, и свежая рыба, но в супе, который потом выдавался с кухни, все это оказывалось совершенно неосязаемым и невидимым. Куда все это исчезает? Слишком мало выдается, и шпана, которая систематически заведует каптеркой, беспощадно ворует и разбазаривает ценнейшие продукты среди своих, особенно среди своих дам из женского корпуса, бывшей так называемой петроградской гостиницы, стоящей у той же бухты. За лето расстреливают уже вторую партию каптерщиков, пойманных в этих преступлениях, но туда охотно идет новая партия шпаны. Ставили на это место и чекистов, и они также воруют. И их расстреливают. Нет

никакого спасения от воровства в этом месте. Никакие расстрелы не останавливают преступлений.

А расстрелов здесь много. О них мы узнаем раньше официального сообщения в приказах по лагерю, читаемых нам на утренних поверках. Мы ждем всегда почту с материка с письмами и посылками, которую привозит всегда крепкий пароходик «Нева». Ходит он к Кемскому Попову острову довольно часто, но в две недели раз он привозит крупную почту. С нею мы и ожидаем постановлений московского Гепеу о расстрелах. Утром или в полдень приходит пароход, а уже через полчаса с быстротой молнии разносится по лагерю весть, кому пришли смертные приговоры. Смертники уже арестованы и посажены в карцеры, ожидая казни в наступающую ночь. Погибает не только шпана. Неудачные побеги, новые данные следствия над кем-либо, наконец, просто опасное социальное происхождение кого-то, ранее неуничтоженного, — все это причины местных расстрелов.

***

И это была лучшая пора заключения. Это были цветики, ягодки были впереди. Мы отсидели свои сроки полностью. Архиепископ Иларион вместо трех лет пробыл в Соловках шесть лет и умер в Петроградской тюрьме на пути в ссылку. Я получил «довесок» (тюремное выражение) — три года ссылки в Зырянский край и его также оканчивал в 1929 г. И накануне «освобождения», и в полной уверенности в новом аресте и в продолжении новых мытарств по тюрьмам и лагерям рискнул жизнью и с крайнего севера, через всю Россию, бежал на юг и в марте 1930 г. перешел русско-персидскую границу. Что видено, что пережито, сколько опасных приключений испытано... и вот жив и «пою Богу моему дондеже есмь...»

Архиепископ Иларион[2]

15/28 декабря 1929 г. в Петроградской тюремной больнице, от сыпного тифа, в бреду скончался замечательный профессор-богослов, удивительный проповедник, мужественный и стойкий борец за Церковь Христову — святитель Божий, архиепископ Иларион.

Архиепископ Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий), магистр богословия и профессор Московской Духовной Академии, был выдающимся богословом и талантливейшим человеком. Вся жизнь его — это сплошное горение величайшей любовью к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за Нее <...>

Умер владыка Иларион 44-х лет. Рукоположен был во епископа 20-го мая 1920 г.

Публикуется по: Польский М., прот. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Т. 2. С. 125–134.

Архиепископ Иларион и митрополит Антоний — две крупных величины в православном богословии и в православной Церкви. Память о них незабвенна. Общность идеалов и убеждений свидетельствуют об их самой тесной умственной близости и духовном родстве, о чем сам архиепископ Иларион часто любил говорить.

Надо полагать, что представляет интерес и описания его личности, характера и взглядов одного его соузника по Соловкам.

Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник-оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он остается в памяти у всех, кто встречался с ним. За годы совместного заключения являемся свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости.

Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послушник находился у него и в Соловках. Этот чарующий дух нестяжания и был подлинно от митрополита Антония, школой которого многие хвалятся. Этого человека можно оскорбить, но он на это никогда не ответит и даже может быть и не заметит сделанной попытки. Он всегда весел и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро попытается прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрит духовными очами и все служит ему на пользу духа.

На Филимоновой рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками, все заключенными, были сетевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей работ архиепископ Иларион любил говорить переложением слов стихиры на Троицын день: «Вся подает Дух Святый: прежде рыбари богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбари показа». Так смирялся его дух с новым положением.

Благодушие его простиралось на самую советскую власть, и на нее он мог смотреть незлобивыми очами. Всех нас, церковников, советская власть наделила равными сроками заключения. Архиепископу Иларию, потрудившемуся около Патриарха в Москве и наносившему тяжелые удары безбожию и обновленческому расколу, безусловно ставшему величиною в общероссийском масштабе, и, почти юноше, маленькому иеромонаху из Казани, у которого все преступление

состояло в том, что он с диакона, обновленца, снял орарь и не позволил ему с собою служить, было дано три года.

«Любочестив бо сый владыка, — говорил по этому поводу архиепископ Иларион пасхальными словами Иоанна Златоуста, — приемлет последнего якоже и первого; упокоевает в единонадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит». Слова эти звучали иронически, но давали чувство мира и заставляли принимать испытание как от руки Божией.

Но это благодушие вовсе не было потерей мужества пред богоборной властью. Еще в Кемском лагере, в преддверии Соловков, захватила нас смерть Ленина. Когда в Москве опускали его в могилу мы должны были здесь, в лагере, простоять пять минут в молчании. Владыка Иларион и я лежали рядом на нарах, когда против нас посреди барака стоял строй наших отцов и братий разного ранга в ожидании торжественного момента. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят», — убеждали нас. Глядя на Владыку и я не вставал. Хватило сил не склонить голову пред таким зверем. Так благополучно и отлежались. А Владыка говорил: «подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество».

Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Обокрали прибывшую партию духовенства и отцы были сильно огорчены. Я в шутку им сказал, что так их обучают нестяжанию. Владыка был в восторге. У меня два раза подряд украли сапоги и я разгуливал по лагерю в рваных галошах, чем приводил его в подлинное веселие, которое и в нас вселяло благодушие. Но нужно заметить, что не все аскетически настроенные монахи понимали такой дух. Некоторым все казалось, что спасаются только в монастыре и они подчас сильно огорчались лишениями.

Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самою популярною личностью в лагерь, среди всех его слоев. Мы не говорим, что генерал, офицер, студент и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала «шпана», уголовщина, преступный мир воров и бандитов именно, как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли, урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким «экземпляром» из этой среды. Это не было снисхождение к младшему брату и погибшему.

Нет. Владыка разговаривал с каждым, как с равным, интересуясь например «профессией», любимым делом каждого. «Шпана» очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера Владыки была всепобеждающа. Он, как друг, облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он делился ими, были исключительного интереса.

Он доступен всем, он такой же, как и все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая, обыкновенная, простая, несвятая внешность — вот что был сам Владыка. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой и ясностью убеждения. Этот вид обыкновенной греховности, юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятый враг лицемерия и всякого «вида благочестия», совершенно сознательный и прямой. В «артели Троицкого» (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

Каждого приезжающего священника, конечно, Владыка подробно расспрашивает обо всем, что предшествовало заключению. «За что же вас арестовали?» — «Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — отвечает отец игумен, — ну, собирался народ и даже бывали исцеления...» «Ах, вот как, даже исцеления бывали ... сколько же вам дали Соловков?» — «Три года». «Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела» ...Само собой понятно, что говорить об исцелениях по своим молитвам было более чем нескромно. Выражение же своего недовольства Владыка отчасти заимствовал из разговоров своих с агентами власти, как мы увидим.

В конце лета 1925 года, из Соловецкого лагеря архиепископ Иларион вдруг неожиданно был изъят и отправлен в Ярославскую тюрьму. Весною 1926 года архиепископ Иларион опять был с нами. Тюремные новости его касались исключительно его разговоров с агентом власти, вершителем судеб Церкви, посещавшим его в тюрьме (в Ярославской тюрьме Владыка пользовался большими, преднамеренно данными, льготами. Мог получать книги. Читал много святоотеческой литературы и написал много толстых тетрадей, который мог передать

после тюремной цензуры, своим друзьям на хранение. Тайком посещал квартиру тюремного надзирателя, заведомо доброго человека, и видел собрание подпольной рукописной религиозной, современной подсоветской литературы и копии всяких церковно-административных документов и переписки архиереев. Пребывание в «Ярославском изоляторе» Владыка вспоминал, как о лучшей поре его заключения, несмотря на неприятные столкновения с врагом Церкви).

Агент склонял архиепископа присоединиться к новому расколу, так называемому григорьевскому. Видимо, агент хотел переходом в раскол такого популярного архиерея, с одной стороны, дискредитировать его в глазах одной части массы, а с другой, — усилить григорьевский раскол новыми силами, ибо за архиепископом Иларионом многие могли бы и пойти. Склонить на примирение и соглашение с собою было лучшим средством у власти безбожников, чтобы уронить в глазах народа, дискредитировать известного героя и мученика, человека, сидевшего в тюрьме, ничего не уступавшего и авторитетного в глазах народа.

«Вас Москва любит, вас Москва ждет»... Но когда Владыка остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, то агент сказал: «Приятно с умным человеком поговорить... А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще три года, причем в качестве нового обвинения было предъявлено, конечно, для проформы, — «разглашение государственных тайн», то есть, разглашение разговора его с агентом в Ярославской тюрьме. Так нас подслушивали. Обвинение же это нелепо, потому что архиепископ Иларион не сотрудник ГПУ, никакие служебные тайны ему не могли доверяться и, наконец, подписку не разглашать сказанного ему, как это практикуется часто на допросах в ГПУ, он не давал.

В той же Ярославской тюрьме, агент ГПУ все-таки сумел получить от него письмо к м. Сергию о том, чтобы последний не занимался каноническими прещениями по адресу григорьевцев. Григорьевцы, конечно, по этому поводу немало ликовали, а архиепископ Иларион, возвратившись в Соловки, поскорбел. Часто, прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух: «Вот, григорьевцы говорят, что Иларион за нас, а Иларион опять в Соловках...»

Сам архиепископ Иларион делал ошибки; это тот, кто самоотверженно боролся с безбожием и церковным расколом, неустанно проповедовал против них в церквах, проводил блестящие публичные диспуты с представителями того и другого, организовывал отнятие храмов у обновленцев, свидетельствовал истину на допросах в самой тюрьме среди посулов и угроз, когда столько в такой обстановке пали и сдались.

Не сделать ошибок было трудно.

Характеризовать как-нибудь поподробнее все обманы, ложь, наглое бесстыдство, притворство и лицемерие, провокационные выходки и прочие подлости агентов власти даже архиепископ Иларион не умел. Когда касался разговор отношений власти к церковному управлению, то он говорил: «Надо побыть в этой обстановке хотя немного, а так не опишешь. Это воочию сам сатана».

Враг предлагал компромиссы, обещал возможность свободы для церкви и церковной деятельности на известных условиях, вовлекал в известную политику, имея в виду добиться своих целей, уступок с нашей стороны, а со своей стороны ничего не дать, обмануть. И это ему удавалось.

Большинство иерархов, находившихся еще на свободе, были людьми самоотверженными, а попавшие в тюрьмы и лагеря готовы были оставаться здесь еще и еще, но ничего не сдавать врагу. Но опасность подкрадывалась в расчетах пользы церкви, в надеждах на умную политику, которую предлагал враг. И архиепископ Иларион, например, в той же тюрьме, прямо укоряя агента ГПУ за нелепый союз власти с обновленцами, в то же время, можно сказать, бессознательно, подавал агенту мысль, что не лучше ли заключить союз с Православною Церковью и поддержать ее. Тогда же, мол, и настоящая, по крайней мере, авторитетная Церковь поддержит советскую власть. Он, конечно, не предполагал, что будет это стоить Церкви в смысле сохранения истины и морали и что за эту услугу гонения на нее не прекратятся.

Коварство врага лишало решительности и прямоты, и такой человек, как архиепископ Иларион, шел на компромиссы и делал ошибки.

Он читал лекцию о совместимости христианства и социализма, когда агент ГПУ требовал от него доказать этим, что он не контрреволюционер. Правда, потом чекист ему говорил: «На любимые темы вы легко говорите, а вот здесь-то как будто кто клещами вытягивал у вас слова»... Он же именно был один из (двух) сторонников отречения Патриарха от власти. Настолько кратко, хотя и остро занимал этот вопрос церковное управление и настолько быстро и сам архиепископ Иларион сознал свою ошибку, что об этой его позиции далеко не все и среди епископата знали. Не без его влияния, хотя и на весьма малое время, был заведен Патриархом совершенно несбыточный в Русской Церкви новый стиль. Главный свидетель планов ГПУ по уловлению Церкви в большевицкие сети, он менее всех был склонен осудить первоиерарха за неполезные для Церкви поступки. В соглашении митрополита Сергия с властью ничего не видел особенного, ошибся ли митрополит Сергий или поступил с практическим расчетом, архиепископ Иларион не строго судил об отношениях главы Церкви с властью.

И такое если не одобрительное, то безразличное отношение к церковной политике митрополита Сергия не помогло архиепископу Илариону. Он не был выпущен на свободу и тогда, когда советская власть получила поддержку авторитетной церковной власти. Только теперь-то и началось полное, ничем несдерживаемое гонение, приведшее Церковь к совершенному изнеможению.

Талантливейший человек, с большими теоретическими учено-богословскими интересами, ревностный слуга Церкви Божьей, и он навряд ли мог быть церковным администратором. Призвание ученого он ощутил в себе в дни самого раннего отрочества. Семилетним мальчиком он взял своего трехлетнего младшего брата за руку и повел из родной деревни в город учиться. И когда тот заплакал, то он сказал: «ну оставайся не ученым»... Их обоих вовремя родители препроводили домой. За все же годы своего учения, начиная духовным училищем и кончая академией, Троицкий никогда не имел ни по одному предмету оценки ниже высшего балла (пяти).

Бог возжелал иметь этого безупречно чистого человека у Себя святым и взял его к Себе в благопотребное время, предоставляя делать дальнейшие ошибки, грехи и преступления тем, кто на это был способен и ранее.

За время своего святительства (с 1920 г.) он не имел и двух лет свободы. До Соловков он уже был один год в ссылке в г. Архангельске. С патриархом в Москве он поработал не больше полгода. С 7/20 декабря 1923 г. он уже имел приговор в Соловки и прибыл в Кемский лагерь за неделю до Рождества. Здесь, увидев весь ужас барачной обстановки и лагерную пищу, даже он, жизнерадостный и бодрый, сказал: «отсюда живыми мы не выйдем». И он в Соловецких лагерях все же пробыл шесть лет, но все же живым не вышел из своего заключения.

О последних днях арх. Илариона другой священник, бывший вместе с ним в Соловецком лагере, сообщает: до самого 1929 г. он находился в Соловках. Но вот большевики решили сослать архиепископа Илариона на вечное поселение в Алма-Ату в Средней Азии.

Владыку повезли этапным порядком — т.е. от одной пересылочной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали, и в Петербург он прибыл в рубище, кишащем паразитами, и уже больным. Из Петроградской тюремной больницы, в которой он был помещен, он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге, в субботу, 15 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу»...

В этот день, т.е. 15 декабря 1929 года, Владыка Иларион и скончался...

Когда ему в больнице заявили, что его надо обрить, Владыка сказал: «делайте со мною теперь, что хотите». В бреду говорил: «вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет»...

Ночью из тюрьмы в простом, наскоро сколоченном из досок гробу тело почившего архиепископа Илариона было выдано для погребения ближайшим родственникам. Когда открыли гроб, никто его не узнал. Так изменила ссылка Владыку, отличавшегося высоким ростом и крепким здоровьем. В гробу лежал жалкий старик, обритый, седой... Одна из родственниц упала в обморок...

Митрополит Серафим (Чичагов) принес свое белое облачение, белую митру. По облачении тело Владыки положили в другой, лучший гроб.

Отпевание совершал сам митрополит в сослужении шести архиереев и множества духовенства. Пел хор. Похоронили Владыку в Ново-Девичьем монастыре.

Так отошел в вечность этот богатырь духом и телом, чудесной души человек, наделенный от Господа выдающимися богословскими дарованиями, жизнь свою положивший за Церковь Христову.

Соловецкие узники и их исповедание[3]

В день отдания Пасхи, 27 мая/7 июня 1926 г., в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались по возможности все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской Духовной Академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведовал игумен из Казани о. Питирим Крылов, имевший группу сотрудников из духовенства. Начальство принуждено было доверить этот склад духовенству, как единственно честному элементу лагеря. Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так называемую «Памятную записку соловецких епископов, представленную на усмотрение правительства». Заседание это прошло с некоторым испытанием.

Совершенно неожиданно, в неурочное время лагерь стал обходить для осмотра сам начальник всех лагерей Соловецкого острова некий Эйхманс со своим штабом. О. Питирим встретил его в складе и надеялся, что он не пойдет в комнату его и его сотрудников, где происходило в это время заседание епископов. Но начальник решительно подошел к дверям и открыл их. Увидев вместе большую группу духовенства, он удивился: «Это что за собрание?» ... — «У нас сегодня праздник», — ответил смущенно о. Питирим. Почему этот момент прошел благополучно, трудно сказать. Надо полагать, что начальство вообще было

[3] Публикуется по: Польский М., прот. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Т. 2. С. 164–173.

довольно порядком в складе и в то время заключенному духовенству позволялось иногда по праздникам ходить в кладбищенскую церковь преп. Онуфрия, открытую для остатка монахов, рабочих-специалистов, временно остававшихся еще на пепелище своего монастыря. Потом эта поблажка была уничтожена и все вольнонаемные монахи были удалены из лагеря и последний их храм закрыт.

«Памятная Записка» не была официальным голосом Русской Церкви, но в это время совершенно совпадала с этим голосом.

Она представляла мнение наиболее многочисленной группы епископата, собранной вместе местом заключения и представлявшей собою малый собор многих епархий России, и отражала общие условия жизни Церкви и общий ее исповеднический дух. Дух этого документа преисполнен непоколебимой твердости во всем, что касается собственно церковной жизни, совершенно чужд и малой тени соглашательства, совершенно безбоязнен в свидетельстве правды и свободен в своем мнении среди уз. Документ отвечает высочайшему достоинству Церкви и ее вечному значению, указывая ее истинный путь. Это слава и радость Русской Церкви.

И. В. Попов, благочестивый старец-аскет, профессор святоотеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении «Записки» руководился указаниями старшего среди архиереев на Соловках Архиепископа Евгения. С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал «Записку» и небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике. Во всех этих собраниях живо участвовал и архиепископ Иларион, соработник И. В. Попова в Московской Духовной Академии.

Архиепископ Евгений (Зернов), правящий Благовещенской епархии, прибыв на Соловки в начале 1924 г., остался старшим среди епископов по их общему согласию и после того, как сюда прибыли и более старшие по рукоположению. Это был выдающийся иерарх Церкви. Многочисленные члены его Благовещенской паствы оказались за рубежом, на Китайской территории, и, рассыпавшись по всему миру, по сей день хранят о нем самые святые воспоминания.

В час ночи под Успеньев день 1923 г. он был арестован в своем городе, после того как за всенощной в Благовещенском кафедральном соборе пред ним прошли тысячи народа, беря от него последнее благословение. Народ знал о неизбежности ареста этого благочестивого мужа и бесстрашного обличителя революционной и безбожной неправды. Соборная площадь, залитая народом, дала ему узенькую дорожку, чтобы пройти после всенощной к дому. На утро большого праздника, когда за литургией не оказалось любимого Архипастыря, многочисленная масса народа собралась около здания ГПУ (Кувшиновское подворье),

требуя показать Владыку, чтобы увериться в его целости. Выступивший для успокоения народа прокурор советского трибунала едва не был избит и вызвал пожарную команду, которая, обливая толпу водой, кое-как рассеяла ее.

Важно отметить, что выручать православного епископа явились и все общины местных молокан, баптистов и других сект, которых в городе почти столько же сколько и православных. Все они глубоко почитали его за христианское миролюбие и правду. Владыку тотчас тайно от народа вывезли из здания ГПУ в городскую тюрьму, а в городе арестовали 54 человека, преимущественно женщин, обвиняя их в беспорядках, и во главе их некую госпожу Медведеву. Никто из этих арестованных никогда больше не вернулся домой.

Вместе с Архиепископом Евгением были арестованы пять городских священников, которые были сосланы в Муром на два года (прот. Илья Масалов, священники о. Алексей Покровский, о. Василий Кетлевский, о. Василий Осипов и о. Александр Самсель).

Однако народная активность в защиту Архипастыря не ослабевала. По городу ежедневно разъезжала телега с надписью: «в тюрьму для епископа хлеб». Пищи набиралось такое количество, что Владыка кормил чуть ли не всех заключенных. Кое-как усыпив бдительность народа, следившего за тюрьмой и железнодорожной станцией, большевики вывезли архиерея в Читу, а оттуда потом в Москву. В Москве обычно привезенных архиереев выпускали на некоторое время на свободу. Какое-то очень авторитетное лицо шепнуло Владыке Евгению: «Вы будете на свободе, только не ходите к Патриарху Тихону». ГПУ искало расколов и враждебных действий против Патриарха. Но, конечно, Владыка у Патриарха тотчас был и скоро был арестован и сослан в Соловки. Здесь он имел скорби и тревоги о своей пастве. Обновленческий епископ, некий Даниил, снова пытался захватить кафедральный собор, но безуспешно, зато свой же дьякон Лонгин Греков, после всенощной на св. Петра и Павла вывез вместе с чекистами все ценности Собора и в ту же ночь старый деревянный собор сгорел. Его никто и не тушил. Диакон в газетах объявил о снятии сана, призывая все духовенство следовать его примеру.

Владыка Евгений пробыл в Соловках три года (1924–1926), далее получил ссылку в Зырянский край также на три года. В 1929 г. получил освобождение с ограничениями, жил в Котельничах, Вятской губ., а затем управлял Пермской епархией.

С какими перерывами или без перерывов это происходило, неизвестно, но в 1937 г., когда началось поголовное уничтожение всего епископата и на свободе на всю Россию не оставалось десяти епископов, Владыка Евгений, уже

Митрополит Нижегородский, был арестован, и больше о нем никаких сведений нет и по сей день.

Богослужение его отличалось величием, покоем и благоговением; это чувствовали и отмечали, получая глубокое удовлетворение. Это был постник, не взирая ни на какие условия лагерной жизни, когда в пище нельзя было разбираться. Он был верен своему порядку и никогда не вкусил кусочка мясной пищи вообще или рыбы в неположенное время. Казалось, что это человек нежного телосложения, но он носил самое грубое холщевое белье, которое и достать-то в наше время было трудно. Высокообразованный вообще и богослов, компетентно рассуждавший по всякому теоретическому вопросу, он был житейски глубоко мудр, всегда тактичен и спокоен. Пастырям делал замечания наедине в самой мягкой форме, сомневающегося и неверующего провожал побежденным, скорбящего — ободренным. В нем была притягательная сила истинной духовной власти.

Для остатка соловецких монахов-рабочих он являлся святейшим авторитетом, власть которого простиралась в область, которая недоступна пониманию людей внутренне недуховных. Заболел монах, которому большевицкое соловецкое начальство, как неспособному к работе, предложило выехать на материк. Но на материке он также был бы никому не нужен и там ему не было пристанища. Выясняя все это в разговоре с больным, Владыка Евгений сказал ему, что ему лучше бы умереть в монастыре, как это задано по монашескому обету. Монах согласился: «благословите и помолитесь». «Бог тебя благословит», — сказал Владыка. И через несколько дней монах умер по молитвам своим и Владыки. Необходимость этой смерти была Богу представлена и Им услышана. Согласие двух было достаточно, чтобы получить просимое. Так монах не покинул своего монастыря.

Таков был глава и представитель соловецких узников в этот период.

С 1923 г. по 1926 г. в Соловецком лагере пребывали следующие архиереи:

Евгений Зернов, архиепископ Приамурский и Благовещенский.

Иларион Троицкий, архиепископ, б. Верейский, вик. Московский.

Серафим Мещеряков, архиепископ, б. Костромской.

Прокопий Титов, архиепископ Херсонский.

Иувеналий Масловский, архиепископ Курский.

Пахомий Кедров, архиепископ Черниговский.

Амвросий Полянский, епископ Подольский и Брацлавский.

Гавриил Абалымов, епископ Осташковский, вик. Тверской.

Глеб Покровский, епископ Михайловский, вик. Рязанский.

Григорий Козырев, епископ Печерский, вик. Нижегородский.
Захарий Лобов, епископ Нижне-Чирской, вик. Донской.
Игнатий Садковский, епископ Белевский, вик. Тульский.
Иоаким Благовидов, епископ Алатырский, вик. Симбирский.
Киприан Соловьев, епископ Семипалатинский, вик. Омский.
Мануил Лемешевский, епископ Лужский, вик. Петроградский.
Митрофан Гринев, епископ Аксаиский, вик. Донской.
Нектарий Треэвинский, епископ Яранский, вик. Вятский.
Павел Введенский, епископ Сердобский, вик. Симбирский.
Платон Руднев, епископ Богородский, вик. Московский.
Рафаил Гумилев, еписк. Александровский, вик. Ставропольский.
Софроний Старков, епископ Селенгинский, вик. Забайкальский.
Софроний Арефьев, епископ Якутский.
Серафим Протопопов, епископ Колпинский, вик. Петроградский.

Из этих 24-х епископов почти все (17) непосредственно принимали «Памятную записку». Некоторые же из них не находились поблизости к соловецкому кремлю, где она вырабатывалась, а были на работах в других местах острова, но, вероятно, знали об этой «Записке» и сказали свое мнение Архиепископу Евгению. Осенью 1926 г. в Соловки прибыло еще много епископов, которые в этот список не входят. Из этого же списка только один человек (Мануил Лемешевский) находится в настоящее время на свободе и в составе епископата, возглавляемого Патриархом Алексеем. Остальные все, и многие одинакового с ним возраста, из новой полосы арестов и расстрелов 1937 г. к свободе и жизни уже больше не вышли. Судьба известна нам только трех-четырех. Их нет в живых.

Одно время при лагере была заведена фотография и заключенные могли сниматься и посылать свои карточки родным. Потом вскоре это было запрещено, особенно после того как большая группа духовенства успела послать свою фотографию в разные места России. Прилагаемый снимок из газеты неудачен, но является документом, он имеет список заключенных епископов, клириков и мирян, пострадавших именно за церковное дело.

В свое время и за границу попала одна такая фотография. Фотостат из Парижской газеты «Последние Новости», от 2-го августа 1927 г. № 2323, указывает на присутствие всего 67 человек. На самом деле в это время было более 120 заключенных церковных людей. Добрая половина в час съемки была занята работой и не могла явиться в Соловецкий монастырский кремль, где на фоне б. Успенского собора расположилась снявшаяся группа.

Положение Церкви в Советской России[4]

В соловецком кладбищенском храме, оставленном для местных монахов, вольнонаемных работников при лагере заключенных, заключенное духовенство служило панихиду по Патриарху. Все мы чувствовали тогда, что наступает новый тяжкий период жизни Церкви. Лица заключенных наших строги. Все мы сознавали, что опасность надвигалась, а какая? в чем? — никто не знает, только опасность. Счастливый период борьбы с врагом, когда перевес был на нашей стороне, во всяком случай, кончился. Это понимал каждый.

***

Когда вырабатывалось так называемое «Послание соловецких епископов», которое было написано не без надежды на какое-то соглашение с властью, но, правда, без ущерба для Церкви, с сохранением ее достоинства, вслед за прочтением проекта этого послания, читал и я свой проект. Соловецкое послание предусматривает отказ власти идти на указанные им условия примирения с Церковью и приемлет дальнейший путь страданий. В моем проекте послания, от лица первоиерарха к власти, всесторонне устанавливается пред властью факт ее открытого гонения на Церковь, факт, ею отрицаемый всегда, и церковный народ, поставленный об этом в полную известность, благословляется принять невинные страдания свои за веру даже до смерти. То есть, открываются глаза всех на правду положения, на бесполезность всех попыток примирения, на всю работу власти по уничтожению религии. Все уже так ясно, что довольно играть в прятки с властью. Надо предупредить народ, разоблачить обман власти о какой-то свободе религии в России и сделать свое дело: страдать, так страдать, и идти на это прямо. Мне казалось, что такой твердый, независимый голос епископов только и может повлиять на самую власть, ибо она совершенно не выносит моральной силы, и ей только одной еще может сделать уступки, хотя и временные; власть боится делать из врагов своих героев духа, мучеников. Конечно, мне рисовались и такие последствия от этого послания: большевики пришли бы в ярость, подняли бы шум вокруг какого-то контрреволюционного заговора епископов и дело могло бы дойти и до крови. Но как иначе в этих обстоятельствах выполняется долг, лежащий таким бременем на плечах у каждого пастыря, я не представлял. Хотя и не мое дело заботиться о целом народе, и с меня довольно и маленького прихода, который мне поручен, но если меня не поставят на верный путь мой

[4] Публикуется с сокращениями по: Польский М., прот. Положение Церкви в Советской России: записки бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 20–21, 29–32, 41–45.

первоиерарх и мои епископы, как и куда я пойду? Они меня своей линией поведения могут тревожить. Разве молчали о своих мнениях простые священники и монахи, в тяжелые моменты борьбы церковной? Если автор «соловецкого послания» не имел и той ответственности пред Церковью, какую имел я, то дерзнул и я говорить высокому и авторитетному, хотя и немногочисленному собранию заключенных архипастырей, ученых богословов и пастырей.

Когда чтение проекта послания было мною окончено, один епископ сказал мне:

— По-вашему: умирать, так с музыкой... видна казачья кровь... при том же, это — не обращение к правительству, а обращение чрез голову правительства к народу.

Должен признать, что суждение это было по существу моего доклада, с полным пониманием его содержания, смысла, духа, даже результатов. Возражения всех прочих моих слушателей были по форме, вроде того что: «это — не послание, а журнальная статья», «для послания — слишком длинно» и пр. т. п. архиепископ Иларион сказал слово о том, что в этой «энциклопедии церковных вопросов», как он мой проект назвал, «нет ничего нового». Нужно заметить, что сам архиепископ Иларион никаких проектов не сочинял. Только что прочитанный проект соловецкого послания, он рассматривал как апологию (подобную первовековым), предназначенную для распространения в народе, как литературное произведение, не имеющее того практического значения, какое предполагалось его содержанием: установить нормальные отношения Церкви с властью. В то, что таковые отношения будут установлены, он совершенно не верил. На мой проект он тоже посмотрел как на какое-то исследование положения церковных дел в советской России, в котором для него, конечно, ничего не было нового. Все было верно и ясно, но и не ново.

Итак мой проект был не только не принят, но оказался совсем ненужным и излишним. Суть моего доклада совершенно была чужда сознанию всех моих слушателей, разве за исключением одного, который хотя и понял, в чем дело, но и не принял, не согласился. Самый тон, решительность выступлениям для них невозможны. Никто к таким выступлениям нравственно не готовился. Мой проект не соответствовал потребностям момента. Большинство расположено вести переговоры с властью в надежде на благополучный исход их. Они полагают, что умирать не придется, этого никто и не требует, обойдется и без этого. Вообще, по поводу смертельности борьбы за веру они ничего не полагают. По-моему, это был сон в момент надвигающейся для Церкви опасности. Неужели они уверены, что будет толк от их переговоров с властью? Власть требует от нас безусловной сдачи всех наших позиций на ее волю и милость, она не тер-

пит с нашей стороны никаких условий и договоров. Что сама вздумает дать, то и будет наше, в общем же — все возьмет и ничего не даст. Это — такая азбука! Мой проект не подошел, не практичен, а надежда на соглашение практична?!

Так я размышлял и раскрывал свое огорченное сердце пред Богом, идя из соловецкого монастырского кремля, — где расположен главный лагерь заключенных и где происходили наши беседы, — на Филимонову тоню, в семи верстах от лагеря, на берегу одного заливчика Белого моря. Здесь я был вместе с архиепископом Иларионом и еще двумя епископами, и несколькими священниками сетевязальщиком и рыбаком.

***

Склоняя в раскол архиепископа Илариона в ярославской тюрьме, агент ГПУ говорил ему:

— Вас Москва любит, вас Москва ждет.

Но когда архиепископ Иларион остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, то агент сказал:

— Приятно с умным человеком поговорить... А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!

Архиепископ Иларион, передав нам свой разговор с чекистом, выразил уверенность, что ему освобождения не придется увидать, хотя время окончания срока его заключения приближалось. Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще добавление, или «довесок», как выражаются в советских тюрьмах, в три года, причем в качестве нового обвинения было предъявлено, конечно, для профформы, — «разглашение государственных тайн», то есть, разглашение всего многозначительного разговора его с агентом в ярославской тюрьме. ГПУ подслушало все его рассказы в лагере, а А. Иларион, правда, и не стеснялся не только говорить об этом, но даже описать для всего свободного, внелагерного мира, в виде диалога двух каких-то лиц, часть своего разговора с агентом. Обвинение, конечно, нелепое, потому что архиепископ Иларион — не сотрудник ГПУ, никакие служебные тайны ему не могли доверяться и, наконец, подписку не разглашать сказанного ему, как это практикуется часто на допросах в ГПУ, он не давал.

Обычно, если в ГПУ вам предлагается секретное сотрудничество, а вы его отклоняете, то берется подписка о неразглашении сделанного вам предложения. Вы таким уклонением характеризуете себя «неисправимым» и осуждаете себя на дальнейшее преследование власти без всякого снисхождения. По поводу этих гнусных предложений власти, среди своей братии, заключенных и ссыльных, всегда ведутся шутливые разговоры, потому что редко кому эти предложения

не делались. Если дано согласие на сотрудничество, то тоже берется подписка о принятии на себя этих обязанностей, и, как-нибудь наедине, ваш друг или хороший знакомый с ужасом признается вам, что под давлением разных обстоятельств он дал подписку в том, что он, «как честный гражданин советской республики» (так эта записка начинается), обязывается доносить обо всяком случае контрреволюции, где его ни встретит. Но каково же бывало увидеть на Соловках, например, батюшку, отбывающего наказание по очень странной «не церковной» статье Уголовного Кодекса: «невыполнение договора»! Подумаешь, что он взялся за поставку дров для какого-нибудь советского учреждения, но их не поставил и авансы растратил.

Нет. Оказывается, он, по честности своей, за несколько месяцев своего секретного сотрудничества в ГПУ, не дал ни одного доноса, и тюрьмы не избежал, хотя ради этого, в свое время, и подписывал свой договор с ГПУ.

О духовном состоянии русского народа под властью безбожников[5]

В начале моего пребывания в Кемском лагере, в момент зимнего закрытия навигации, пришел из Соловков последней пароход. Его сильно затирало льдами, так что он весь трещал и с трудом добрался до нашей пристани. Приехавший на нем один священник рассказывал, как, спрятавшись по углам, коммунисты и чекисты крестились и молились о своем спасении, и немало этим веселили и смешили его.

Еще раньше, в первый день моего заключения, на допросе у следователя в центральном московском ГПУ, мне еще раз пришлось испытать неискоренимость высших духовных запросов человеческих и бесплодность большевицкой борьбы с ними. Следователь мне сказал, между прочим: «если бы вы знали, какой вы вред причиняете народу религией, то вы ею никогда бы не занимались». Я ответил, что именно потому, что я знаю, что приношу пользу религией себе и людям, я ею и занимаюсь. На вопрос: какая польза от религии, я сказал: «если вы придете домой и узнаете, что ваша жена раздавлена автомобилем, то ужас и бессмысленность этого события вас убьет духовно, вам покажется бессмысленной всякая любовь, и привязанность, и ваш разум, и ваша жизнь. Ну, а мы, верующие, знаем, что есть на все воля Божия и разум и промысл Божий, что любовь вечна и не напрасна, ибо жизнь вечная есть».

Мой следователь вздрогнул и разволновался. Он пытался и не мог возражать. На другом допросе, уже в тюрьме он мне однажды тихонько сказал: я сам

[5] Публикуется с сокращением по: Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа под властью безбожников (доклад собору Православной Русской Зарубежной Церкви с участием клира и мирян 3/20 августа 1938 г.).

верующий, и был весьма снисходителен и дал заключение о моем деле такое мягкое, что ему совершенно не соответствовало жестокое определение ГПУ, давшего мне три года Соловецкого лагеря. Потом я узнал, что мой следователь имел молодую жену и очень ее любил, и мой пример в разговоре с ним, видимо, бил слишком в цель.

Бог дал мне счастье принять покаяние двух чекистов: одного в Москве, еще до моего заключения, другого уже в Соловках. Причащая на дому одного старика в своем приходе в Москве, я увидел его сына — молодого человека, который таял от чахотки и, несмотря на просьбы отца, а затем мои, отказывался поговеть. Уединившись с ним, я выяснил, что молодой человек верит в Бога, но не верит в возможность прощения себе грехов, ибо он убил в разных карательных большевицких экспедициях человек четыреста, по его подсчету. Все им убитые часто воскресают в его памяти, и его совесть не находит покоя. Мира совести и прощение таких грехов он уже не допускает. Так как сам человек не приносил покаяния и не искал прощения грехов, то об епитимьях за такой грех нельзя было и помышлять сейчас и надо было склонять его к исповеди и св. причастию, убеждая в милосердии Божием и надеясь на дальнейшее действие благодати Божией в сердце этого человека. Примером покаявшегося разбойника я умолял его принять исповедь и Св. Тайны. В мире духовном ушел он в больницу, где вспоминал меня и призывал до своей смерти.

Другой чекист, секретный сотрудник ГПУ, занимавшийся слежкой за служащими финансовых учреждений, в Соловках был нашим конвоиром и надсмотрщиков на рыбной тоне, где я с другими заключенными нес принудительный труд. В сетевязальной мастерской он слушал наши духовные разговоры, вступал со мной в споры и, наконец, по благодати Божией, тайно от глаз товарищей, принял от меня исповедь и св. причастие.

Примеры эти очень радостны. Душа есть, и образ Божий в ней оказывается неуничтожимым и у этих полузверей, полулюдей, называемых чекистами. В силу этого богоборное, убийственное дело большевиков строится на песке и при малейшем даже дуновении тихого ветра благодати Божьей неминуемо рушится. Конечно, наибольшее количество преступлений и глубочайшую порчу можно производить над детскими душами, но и здесь часто испорченное детское сердце тает, как воск от лица огня любви Божьей.

Однажды в Соловках, у дверей кладбищенской церкви, оставленной для вольнонаемных монахов рабочих, обслуживавших несколько мастерских Соловецкого лагеря, меня встретил малютка лет шести, ребенок какого-нибудь административного лица. «Монах, куда идешь... Бога нет, молиться не надо...

это обман», — пролепетал он, глядя на меня исподлобья, с необыкновенной смелостью для его возраста. Я был поражен. Наклонившись к нему, я сказал: «милый мальчик, кто это тебя научил так говорить, как нехорошо... и Бог есть, и молиться надо... откуда ты это взял»... Мальчик смутился, покраснел, все злые складки его личика пропали. Что могло ответить такое маленькое существо? Он молчал. Я его погладил по головке. Для него улыбка моя — такая же, как и у всех людей, не было чего страшного, что, вероятно, рисовали ему родители <...>

В Соловки с нами ехал в качестве заключенного молодой красноармеец, только что окончивший службу. Его вина заключалась в том, что на уроках политрука он задавал вопросы: сколько стоил сахар при царском режиме, а теперь сколько, а также мука и хлеб, и все насущные блага. Цифры являлись разительными для всей роты, и все единогласно спрашивали: чем царский режим хуже нового. Но, безусловно, такого рода самостоятельность мышления — явление редкое. Все говорят и поют на разные лады напетое пропагандой и ежедневными газетами, которым иногда начинают верить всерьез, но, конечно, до ближайшего явного разочарования. Я сам слышал, как два пожилых железнодорожника, с газетой в руках, искренно удивлялись: подумать только, уже перегнали Америку <...>

В бытность мою в Соловецком лагере один заключенный, несший свой труд на рыболовной тоне, очень страдал от экземы ног. Он горько и давно об этом скорбел, наконец, как-то зайдя в храм прп. Онуфрия, оставленный на кладбище вольнонаемным монахам для богослужения, он увидел в нем гроб с почившим монахом и сказал со слезами: «Господи, если ныне почивший монах Тебе угодил, то прими хоть его молитвы за меня грешного и исцели меня от моей болезни». Придя в свое помещение рыбацкого общежития и желая переменить повязку на ноге, он открыл вдруг, что никакой экземы у него нет. В величайшем восторге он открыл об этом своему соседу и товарищу по работе, епископу селенгинскому Софронию (ныне почившему), а тот немедленно сообщил по секрету нам, всем духовным, бывшим поблизости. Хоронили в тот день нашего собрата по заключению, отца игумена Антонина из московского Симоновского монастыря. Он только что начал свое заключение и не мог его вынести. По слабости его сил удалось ему устроить легкую работу подметальщика соловецкого двора. Мне Бог давал часто с ним встречаться во дворе, сидеть с ним и беседовать, и наблюдать, как он таял от своих недугов. Несчастный старец стеснял всех своих соседей по камере своими недугами и обилием вшей, и все облегченно вздохнули, когда он ушел в больницу, где и отошел ко Господу, пройдя добре крестный свой путь.

Все знают и слышали об обновлении икон, крестов, куполов, целых иконостасов по всей России. Это великое знамение Божие во время разрушения свя-

тынь и их гибели неслыханных масштабов является каким-то явным указанием на грядущее благодатное обновление и святынь, и самой жизни, несмотря на их такое разрушение. Я сам был свидетелем таких чудес: видел иконостас целый, постепенно сменявший свою ветхость и туманность красок на блеск и сияние белизны, видел потение икон в части ветхой и обновление вместе с высыханием, т.е. самый процесс обновления, видел замурованные в стене иконы, никогда не открывавшиеся, и за стеклом ниспавшую шелуху и пыль, может быть, столетий, и сияющие светом красок лики святых. Такого рода знамения явились глубокой и прочной поддержкой для верующих на их тяжком пути и подкреплением сил духовных в час испытания.

САИД

КУРЕЙШИ

М. Е. Бабичева
«ИНДИЙСКИЙ ГОСТЬ» ПО ВОЛЕ РОКА

В конце 1927 г. парижская газета «Последние новости» напечатала в десяти номерах (в основном, через один), с продолжением воспоминания С. Курейши о его пребывании в Соловецком лагере особого назначения. Первое и единственное до нас дошедшее произведение этого непрофессионального автора представляет определенный интерес благодаря самой ранней публикации по этой теме и, во многом, из-за специфики самого текста.

Мемуары Курейши пришли к зарубежному русскоязычному читателю раньше книг Ю. Д. Бессонова (Париж, 1928), А. Клингера (Берлин, 1928) и воспоминаний И. М. Зайцева о Соловецком лагере и для многих стали подлинным откровением. То, что реальная «внутренняя» жизнь острова-тюрьмы и еще восемнадцати (по утверждению автора) советских тюрем увидена и показана человеком принципиально иной ментальности, придает изображаемой картине в целом и особый ракурс, и, как это ни парадоксально, бóльшую объективность. Автор явно очень старается осмыслить абсолютно чуждую ему действительность и максимально точно передать свои ощущения и умозаключения. Самой большой потерей этих лет он называет отобранные у него при обыске «заметки, которые я за все время пребывания в тюрьмах и лагере **ежедневно** (выделено мною. — М.Б.) делал для памяти о различных событиях лагерной и тюремной жизни». Причем это изъятие повторилось дважды: сначала при отъезде с Соловков, затем при окончательном освобождении, когда были отобраны немногие записки, сохраненные после предыдущего обыска. Поэтому публикуемый текст — это воспоминания в полном смысле слова, написанные уже исключительно по памяти, хотя и сразу же по освобождении, «по свежим следам».

Сведения об авторе этих воспоминаний немногочисленны и, главным образом, почерпнуты из его же вышеназванного сочинения. Сохранились также упоминания о нем в мемуарах некоторых известных соловецких узников: А. Клингера, Б. Л. Седерхольма, А. Д. Булыгина и самые большие по объему текста — два полных абзаца — Б. Н. Ширяева. Правда, почти во всех названных мемуарах фамилия Курейши несколько искажена: от Корейши или Набу-Корейши до Курез-Шах. Однако повторяемость биографических фактов позволяет предположить, что речь идет все же об одном и том же лице.

Сам мемуарист называет себя Саид Улам Ахмет Курейши, потомок древнего арабского рода, более семи столетий назад переселившегося в Индию. Свое происхождение он кратко и четко описывает в первой главе: родился в Бомбее в 1887 г., был младшим ребенком в большой, знатной и состоятельной мусульманской семье. Рано потерял отца, двадцатилетним юношей похоронил мать, покинул родину, обосновался в Японии, преуспел в торговых операциях (в том числе, автомобилями) на международном уровне, создал семью. По-видимому, имел ярко выраженную предпринимательскую хватку, а также хорошие способности к изучению иностранных языков. Кроме того, Курейши явно имел склонность и способности к литературному творчеству.

Конечно, с художественной точки зрения мемуары Курейши весьма далеки от совершенства: это касается и структуры текста, и собственно языка произведения. Однако следует учитывать, что эти воспоминания написаны не просто на чужом языке, но на языке, который автор освоил, в основном, непосредственно на советской каторге. По его собственному свидетельству, к моменту ареста в 1922 г. он еще плохо понимал по-русски, а вскоре после освобождения в 1926 г. смог создать на этом языке связное повествование объемом около 3 авторских листов.

В воспоминаниях Курейши встречаются полноценные художественные образы, причем как традиционно стандартные, так и, несомненно, собственно авторские. К первым относится сравнение дождя со слезами природы, оплакивающей участь одинокого арестанта, поскольку в мире людей о нем поплакать некому; сравнение здоровой «шпаны», похищающей в тюремной больнице у смертельно больного товарища последние продукты, с крысами и т.д. Самым ярким примером второго типа служит развернутая метафора, построенная на совпадении звучания слов, по иронии судьбы особенно близких индусу-соловчанину: «СЛОН» (Соловецкий лагерь особого назначения) и «слон» (животное). Лагерь, отмечает Курейши, «в противоположность другим слонам не работает для людей, а заставляет людей работать на себя, не на его спине люди ездят, а он на их шее ездит».

Текст воспоминаний «двусоставен»: создается впечатление, что его структура была изменена уже в процессе публикации в газете. Первый из опубликованных отрывков представляет собой целостный связный рассказ, занимающий более пяти машинописных страниц, не имеющий заглавия, а просто названный «Глава первая». Центральный персонаж здесь — сам автор. Помимо указанных выше биографических сведений он подробно рассказывает, как и зачем в январе 1922 г. оказался в Чите, как впервые был там арестован и что при первом своем аресте пережил и испытал.

Начиная со следующего номера повествование дробится на маленькие эпизоды объемом в основном от половины до целой машинописной страницы, реже встре-

чаются отрывки буквально из нескольких предложений или же, наоборот, слегка за рамки страницы выходящие. Таких главок в тексте более шестидесяти: от шести до тринадцати публиковалось в каждом очередном номере газеты, начиная со второй публикации. В основном это описание конкретных единичных событий, запомнившихся автору, или, наоборот, явлений, в принципе характерных, с точки зрения Курейши, для советского ГУЛАГа. Каждая главка имеет четко сформулированное название из одного или нескольких слов, отражающее самую суть затрагиваемого вопроса. Часто это указание на место действия (В поезде, В Петрограде, В больнице им. д-ра Гааза), иногда имя человека, о котором рассказывается (Галина Степанова, Баден-Хан, Встреча с А. П. Перхуровым). В случаях, когда речь идет о специфических явлениях общественного устройства и порождаемых ими реалиях лагерной жизни, заголовок в целом или его часть заключается в кавычки («Сорокадевятники», Казнь осужденных по делу «лицеистов»).

«Закавыченные» термины и их более или менее подробное объяснение, вообще, одна из характерных черт мемуаров Курейши, с которой органически сочетается избыточное употребление словосочетания «так называемый». Основной массив объясняемых слов непосредственно связан с реалиями тюремного и лагерного быта («собачник» — камера, куда сажали всех без разбора: мужчин, женщин и детей, здоровых и больных и, конечно, в огромном большинстве ни в чем не повинных; «предварилка» — тюрьма предварительного заключения; тюремная больницу, так называемый «околодок» и др.). Внимание мемуариста-иностранца привлекают и слова, для россиян того времени вполне обычные, причем как связанные с репрессиями («черный ворон», «тройка»), так и собственно «бытовые», характеризующие повседневную жизнь страны (маленькая железная печурка — «буржуйка»). Всего в тексте прокомментировано более трех десятков слов и обозначаемых ими явлений.

Со второй части повествования история авторских тюремно-лагерных мытарств, оставаясь основой сюжета, перестает быть главным аспектом содержания произведения: личность повествователя все больше отходит на второй план. Если тюремная эпопея узника прочерчена довольно четко (главным образом, в плане его физических передвижений), с указанием множества конкретных бытовых деталей, то пребывание Курейши непосредственно на Соловецких островах представлено несколько расплывчато. На первый план выходит жизнь самого лагеря: его устройство, история, бытовой уклад и, конечно же, люди, множество самых разнообразных характеров и судеб.

Мемуары Курейши вообще очень плотно «населены» действующими лицами, это конкретные, реальные люди, с которыми автор так или иначе общался

в период своих тюремно-лагерных мытарств. В ряде случаев рассказывается об индивидуальной судьбе, характерной, впрочем, для своего времени. Иногда же показаны социальные типы и, соответственно, отдельные их представители.

Естественно, что Курейши особенно интересуется судьбой заключенных-иностранцев и имеет возможность (хотя бы вследствие знания языков, а также ввиду их встречного к нему интереса) общаться с ними. Уже в одной из своих первых тюрем он отмечает: «Иностранцев сидело в Бутырках немало, и были среди них люди еще более несчастные, чем я». Мемуарист рассказывает о бывшем мексиканском дипломате, японских журналистах и бизнесмене, «простом» афганце. Как и он сам, все они обвинялись в шпионаже, хотя либо вообще не знали русского языка, либо знали его очень плохо. Курейши искренне сочувствовал этим людям, по мере сил им помогал.

За время тюремных мытарств у Курейши появилось много хороших знакомых и даже близких друзей среди русских людей, как заключенных, так и тех, кто оставался на свободе. Соответственно, именно в эти годы у него сложилось доброе и уважительное отношение к русскому народу. Посвящая отдельные главы «прекрасной женщине» Галине Максимовне Степановой, архиепископу Илариону (Троицкому) и др., автор отдает им дань памяти, увековечивает их имена. Пишет он и о своих тюремщиках, называет их поименно, откровенно рассказывает об антигуманных способах ведения допросов, о жестокости, корыстолюбии, беспринципности и моральной нечистоплотности палачей. Однако им уделяется значительно меньше внимания, в общей картине место их — на периферии. Эти персонажи для автора не Личности (с большой буквы, каковыми он видит друзей-арестантов, например), а реалии пенитенциарной системы СССР 1920-х гг., составная ее часть. Факт существования таких людей (как и самой системы) не только не ухудшает мнения Курейши о русском народе в целом, но скорее наоборот, заставляет ценить его моральные качества еще выше. Мемуарист отмечает повсеместно встречаемую им готовность обычных россиян помочь любому попавшему в беду, в том числе — иностранцу. И это в условиях, когда помощь означает не только поделиться последним, но и риск самим подвергнуться репрессиям.

В отличие от большинства мемуаристов СЛОНа Курейши проявляет большое сочувствие к заключенным-уголовникам. Оценивая ситуацию непредвзято, он избегает отрицательного отношения к этой части арестантов, столь характерного для авторов из числа русских интеллигентов. Курейши объективно отмечает и неразвитость, и жестокость этих людей, которым свойственно, в частности, беспричинно издеваться над вновь прибывшими в камеру. И все же видит в них, в первую очередь, страдальцев, находящихся зачастую в еще худшем положении, чем «политические».

Из текста воспоминаний Курейши однозначно следует, что на Соловках он находился в относительно привилегированном положении и имел некоторые средства. В то же время сам мемуарист утверждает, что заработать в лагере было практически невозможно и что посылки (и денежные переводы) от родственников (которых он, естественно, получать не мог) являлись для арестантов единственным подспорьем. Вообще, нигде в мемуарах Курейши не упоминается о его работе на Соловках, тем более о хотя бы недолгом участии в так называемых «общих работах» (тяжелый физический труд, главным образом, на лесоповале). По-видимому, справедливо свидетельство Б. Н. Ширяева о том, что Курейши, до ареста являвшийся сотрудником большой индийской торговой фирмы, «получал от нее крупные суммы в иностранной валюте. На руки ему этих денег не давали, но он мог закупать на них что ему угодно и сколько ему угодно в закрытом кооперативе НКВД. Это богатство давало ему не только освобождение от работ, но даже отдельную теплую и светлую келью»[1]. С несколько меньшей долей вероятности, но все же можно предположить, что к Курейши относятся и воспоминания А. Клингера об индусе Курез-Шахе, который «желая хоть немного облегчить свое положение, записался в существующий на Соловках "марксистский кружок" (при "культпросвете") и слушает коммунистические лекции, ничего в них не понимая»[2]. Замечание того же Клингера, что Курез-Шах «ни слова не говорит по-русски», в данном случае может быть некоторым художественным преувеличением с целью сделать более выразительными свои мемуары. Возможно же — это хитрый ход самого Курейши, притвориться непонимающим русский язык в различных целях неоднократно, что нашло отражение уже в его собственных воспоминаниях. Что до посещения «марксистского кружка», для индуса, интересующегося новым для него миром и не имеющего предубеждений, характерных для многих россиян, такое времяпровождение, весьма поощряемое начальством и даже приносящее определенные «бонусы» было бы вполне объяснимым. Тем более, что оно давало еще и дополнительную языковую тренировку.

Курейши — один из немногих мемуаристов СЛОНа не только официально освобожденных по окончании «срока», но и легально после этого покинувших СССР. Соответственно, в его воспоминаниях содержатся редкие свидетельства об этом заключительном этапе лагерной эпопеи. Злым гротеском выглядит путешествие относительно богатого, хотя и не вполне еще свободного иностранца под конвоем через всю страну (из Кеми через Петроград в Москву). Во время этого вояжа Курейши, по существовавшим в тот период законам, должен был своих

[1] Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 101.
[2] Клингер А. Соловецкая каторга. Записки бежавшего // Воспоминания соловецких узников. Соловки, 2013. Т. 1. С. 110.

конвоиров кормить, что он и делал, приглашая их в вагон-ресторан. Конвоиры, находящиеся на содержании у своего арестанта, не могли, естественно, препятствовать его стремлению к благам цивилизации: посетить парикмахерскую, выпить в буфете хорошего кофе и т.д.

В повествовании Курейши неоднократно подчеркивается его приверженность восточной философии, в частности, некоторая склонность к фатализму. Он воспринимает все с ним произошедшее как заведомую предопределенность. То и дело в тексте повторяется слово «Кисмет (судьба)». По-видимому, автор искренне верит в предначертанность своего пути, в своем вынужденном пребывании на Соловках находит конкретный высокий смысл.

По мнению Курейши, ему свыше предназначено не только узнать, но до самой глубины прочувствовать происходящее в советском ГУЛАГе, именно для того, чтобы адекватно донести эту информацию до всего цивилизованного мира. В этом смысле очень важный факт — сам автор не из России, и именно это дает ему право утверждать, что проблема выходит за рамки (границы) одной страны, не является внутренним делом одного государства, а должна решаться сообща, в международном масштабе. Свои воспоминания Курейши завершает страстным развернутым обращением ко всем женщинам мира, призывая их повлиять на мужчин и через них на ситуацию в целом.

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии. Авторские знаки препинания, по возможности, сохранены (за исключением тех случаев, когда их употребление противоречит ныне действующим правилам, является грамматической ошибкой). Цифровое обозначение числительных, свойственное автору, по большей части заменено словесным. Цифры в тексте оставлены только для обозначения года и порядкового номера подразделения (отделения, роты и т.д.) в Соловецких лагерях. Порядок оформления прямой речи приведен к единообразию: текст дается в виде диалога, когда реплик несколько, и в кавычках, если реплика всего одна или две, но в сопровождении развернутой косвенной речи. В случаях, когда публикация в очередном номере газеты начинается не с начала новой главки, предшествующие ей строки, резюмирующие предыдущее повествование и предваряющие новое, выделены курсивом.

Оригинал текста находится в Отделе литературы Русского зарубежья РГБ.

Благодарю за большую помощь при подготовке текста зам. зав. отдела Е. В. Короткову.

✠

Пять лет в советских тюрьмах[1]

Предисловие

С января 1922 г. я томился в восемнадцати тюрьмах и в концентрационном лагере СССР. Судьбе было угодно наслать на меня эти испытания, дать мне силы перенести все терзания и, наконец, вырваться на свободу.

Моя нерусская национальность ставила меня в особо благоприятные условия — ко мне очень сердечно относились мои собратья по заключению. Мне пришлось сидеть с массой весьма интересных людей и из откровенных бесед с ними в камерах узнать многое о положении СССР.

Обладая исключительно хорошей памятью, немедленно по прибытии в Берлин я записал свои воспоминания, в которых подробно изложил все мною виденное, слышанное и пережитое.

Могу сказать, что в конце своей «Одиссеи» я был в настоящем «аду» — в «концентрационном лагере ГПУ в Соловках».

На основании всего того, что я видел и слышал, я утверждаю, что в бывшей России не существует «национальной» власти и что несчастный, обманутый русский народ находится в полном рабстве ГПУ — исполнительного органа III Интернационала.

[1] Публикуется по: Курейши С. Пять лет в советских тюрьмах // Последние новости (Париж). 1927. 25, 27, 29 нояб. (№№ 2438, 2440, 2442); 2, 4, 6, 9, 10, 11, 13 дек. (№№ 2445, 2447, 2449, 2452–2454, 2456). С. 2, 3 [во всех номерах].

Глава I

Я происхожу из древнего арабского рода Курейши. Мои предки семьсот лет тому назад выселились в Индию и занимали в этой стране видное положение. Родился я в Бомбее в 1887 г. Я покинул родину, когда мне было двадцать лет, и занялся коммерческими предприятиями, которые заставили меня много путешествовать. Меня влекло в Америку, но судьбе было угодно, чтобы я основался в Японии, где и занялся автомобильным делом и был инициатором устройства в этой стране автомобильных гаражей. Женившись, я всесторонне развил свою деятельность, открыл контору экспорта и импорта, завел сношения с Индией, Америкой, Англией, Германией, Россией (Харбин), Китаем, Манчжурией и другими странами.

В конце 1920 г. в виду политического положения я принужден был прекратить всякие дела с Россией. В 1921 г. образовалось буферное государство, которое получило название Д.В.Р. (Дальне-Восточная Республика) и заключило торговые договоры с иностранными государствами.

Так как у меня осталось много знакомых в Чите и других городах России, я решил завязать снова с ними деловые отношения, а потому приехал в Читу, получив визу от представителя ДВР. Десятого января 1922 г. я прибыл в Читу и остановился в гостинице «Эрмитаж». Повидав друзей и знакомых, я заключил несколько договоров и в обмен на пушнину и лес обязался доставлять хлеб на станцию Манчжурию, пограничный пункт между Д.В.Р. и восточно-китайской ж.д.

До семнадцатого января я жил в Чите совершенно спокойно. Вечером этого дня я был приглашен своим приятелем ужинать. Вернулся я в гостиницу в четыре часа утра. Хорошо помню это проклятое утро: мой «кисмет» (судьба) от меня отвернулся. Увы, я и представить себе не мог, что меня впоследствии ожидает. Когда я теперь вспоминаю пережитое, я не знаю, видел ли все это во сне или наяву. Вскоре после моего возвращения с ужина ко мне в номер вошли три человека с револьверами, приказали мне сидеть смирно и не мешать им. Зная плохо русский язык, я не понимал, чего они от меня хотят, и не мог ничего им объяснить. Я вызвал хозяина гостиницы, который переговорил с ними и вызвал милиционера, но все было бесполезно, так как эти люди оказались агентами всесильной Г.П.О. (Госуд. Полит. Охраны).

Ни мои протесты, ни мой великобританский паспорт мне не помогли, агенты произвели обыск, причем все бумаги и деньги были секвестированы (одежду не тронули); затем комнату мою запечатали, а меня взяли с собой.

Идти было тяжело, и я потребовал извозчика — мне отказали, предлагал нанять на свои деньги, также не разрешили. На улице было много снега; я несколько раз падал во время пути и сильно ушиб колено и руку.

В первый раз в жизни попал я в комендатуру: меня раздели догола, обыскали и ничего, понятно, преступного или подозрительного не нашли. У меня была хорошая шуба и доха, впоследствии много раз спасавшая меня от 50-ти градусного сибирского мороза.

Затем меня посадили в подвал. Как бы ярко я не описывал ужасы этого периода, все будет мало: мучения и страдания, которые я перенес, никто не поймет, разве только тот, кто сам их пережил.

Условия жизни в подвале были кошмарные: ни отопления, ни света; я сидел совершено один, в полном мраке. Не знаю, благодаря ли сильному волнению или чему другому, но все последующее, что я делал, и что мне виделось, я совершенно ясно помню. Через некоторое время я был не в состоянии больше переносить эти мучения, я снял пояс от пижамы и уже завязал его вокруг шеи, решив покончить с собой. Точно часа не помню, но мне кажется, было часов шесть утра. Я сидел, по своему восточному обычаю, на полу с закрытыми глазами и ясно помню, как мне было грустно и невыносимо тяжело расстаться навсегда со своей дорогой семьей.

Я уже натягивал шнур на шее, как вдруг увидел перед собой образ дорогой матери. Я был самый младший из семьи, отца я потерял очень рано, мать же умерла, когда мне было двадцать лет. Я ясно услышал ее голос и почувствовал ее руку на моей голове: «Что ты делаешь, Саид? Этот поступок недостоин тебя, терпи, и все окончится хорошо».

Я открыл глаза и вспомнил, что я индус-мусульманин, а наш закон ни в каком случае не допускает самоубийства. Любовь и предостережение матери заставили меня взять себя в руки. Ее любовь поддерживала меня все время, я вышел победителем, и вот я теперь далеко от ужасов Г.П.У.

В тот же день в одиннадцать часов утра я был вызван на допрос. Я не достаточно хорошо владел тогда русским языком, чтобы говорить со следователем, молодым человеком двадцати трех — двадцати пяти лет, очень грубым и резким, по фамилии Клинг. Присутствовала при допросе женщина-переводчица, которой следователь ставил вопросы, а она переводила их мне по-английски.

Первый вопрос следователя был, знаю ли я Дальбюро (Дальневосточное бюро). Я ответил, что даже не понимаю, что это слово значит.

— А Коминтерн? — спросил он.

— Понятия о нем не имею, — ответил я.

— Кого же вы знаете? — Я назвал фамилии многих лиц, которых я знал.

— Сознайтесь, какое Вы имеете поручение от японского правительства? — продолжал он.

Я рассмеялся и ответил, что я не военный, а коммерсант, и кроме коммерческих целей у меня других нет. Он спросил у меня еще несколько фамилий английских, американских, японских фирм и старых русских офицеров, которых я знал. Затем назвал мне несколько английских и американских фирм, которых я не знал, и я ответил совершенно чистосердечно, что их не знаю, но что никакого намерения отрицать знакомство с моими друзьями не имею.

Меня промучили на допросе до трех часов дня, после чего я был отведен обратно в подвал.

Кормили меня ужасно: вечером в пять или шесть часов давали один фунт черного хлеба, я никогда в жизни такого дурного хлеба не видал. Затем давали миску горячей воды с запахом селедки. Я этой воды не пробовал и вкуса ее не знаю, но она должна была быть безусловно отвратительной.

Я не нахожу достаточно слов, чтобы благодарить тех моих знакомых и друзей, которые прислали мне тогда постель и передачу, у меня оказалось даже две постели, много продуктов, свечи и спички. Видно, мои знакомые были люди опытные и знали, что нужно послать арестованному. Однако, зажечь свечи мне не разрешали, а кровать постелить было негде: ни койки, ни досок не было; только к семи часам вечера с большим трудом я получил несколько досок.

В тот же день около девяти часов вечера я снова был вызван на допрос. Вопросы были поставлены следователем почти те же, что и днем. Второй допрос длился пять часов, и только в два часа ночи я был приведен обратно в подвал.

На третий день следователь сказал мне: «Если Вы коммерсант, отчего были знакомы с японскими офицерами?» Я рассмеялся и ничего ему не ответил. Тогда он мне заявил, что я должен сознаться, какие инструкции я получил от японского правительства, и если я чистосердечно во всем признаюсь, на меня будет наложено легкое наказание. Если же буду продолжать отрицать, то в десять часов вечера меня расстреляют.

Я ему повторил, что я индус, великобританский подданный и никакого отношения к японскому правительству не имею.

Вновь возврат в подвал и новый вызов к допросу вечером. В этот раз следователь спросил меня, что если я не имею отношения к японскому правительству, то какие инструкции я получил от великобританского консула в Харбине. Я повторил, что я коммерсант, а не правительственный чиновник и не агент. Тогда он попросил переводчицу выйти из комнаты, закрыл за ней дверь, вынул из письменного стола револьвер, подошел ко мне и приложил к моему виску. «Вы знаете, чей это портрет?» — спросил он меня, указывая на портрет Троцкого, висевший на стене. Я ответил, что это — Троцкий.

Затем он что-то мне сказал, что я понять не мог. Помню только слова: «Расстрел, расстрел». Нервы мои не выдержали, я вскочил со стула с намерением вырвать у следователя револьвер, но, по счастью, удержался.

Тогда он положил револьвер обратно в ящик стола, позвал переводчицу и передал мне через нее, чтобы я сел, успокоился и отвечал на вопросы. Я отказался отвечать.

Тогда он предложил мне следовать за ним и повел в другой подвал, который был хорошо освещен, что дало мне возможность осмотреть следы револьверных пуль в стене и пятен крови на полу и на стенах. Кроме нас двоих в этом подвале находилось еще два человека, вооруженных револьверами.

Следователь вынул из кармана часы и что-то от меня потребовал, чего я не понял. Он объяснил мне знаками, чтобы я повернулся и стал лицом к стене. В сильном возбуждении я вырвал у него часы, бросил их на пол, разорвал на себе рубашку и закричал: «Я индус и не боюсь смотреть смерти в глаза. Если вы имеете право меня пристрелить, то стреляйте, а поворачивать вам спину я не стану». В это время раздался выстрел. Нервы мои не выдержали, и я упал без чувств.

Очнулся я уже на койке, по лицу текла какая-то влага, вспомнив выстрел, я подумал, что это кровь. Однако дотронувшись, убедился, что на голову положен холодный компресс, который в эту минуту поправляла молодая женщина, участливо на меня смотревшая.

— Что со мной? — спросил я.

— Не бойтесь, с Вами ничего не случилось. Следователь хотел Вас попугать, чтобы добиться от вас сознания, — тихо проговорила она, боясь, вероятно, быть услышанной находившимися в комнате чекистами.

Благодаря уходу за мной этой милой женщины я скоро оправился.

Через несколько дней меня снова перевели в прежний подвал.

На свободе

На другой день вечером меня вызвали к следователю, уже другому, по фамилии Бельскому. Он спросил у меня несколько фамилий знакомых мне лиц, допытывался, почему я их знал, и обещал освободить завтра, так как мой арест «вероятно, простое недоразумение».

Но «завтра» меня никто не звал, и я начал уже терять надежду. Вечером на следующий день — было воскресенье — меня, действительно, освободили. Через час я был уже в гостинице, а затем в ресторане среди знакомых, как будто ничего не случилось. Сердце мое все-таки было неспокойно. При освобождении мне выдали вещи и деньги, но документы остались в Госполитохране. Бельский обещал прислать их. В четверг очень рано, около пяти часов утра — я спал еще —

кто-то постучал в мою дверь. Оказалось, следователь Клинг и какой-то молодой человек. «Пойдемте получать документы!» — сказал мне следователь.

Меня повезли на вокзал, но вместо бумаг и паспорта выдали какой-то листок бумаги, писанный на машине. Текста я прочесть не мог. Затем меня очень важно посадили в поезд, и мы тронулись.

В поезде

В моем купе сидели двое молодых людей. Я спросил их, куда идет поезд. Они меня не понимали. Я стал искать в поезде человека, который мог бы перевести врученную мне бумагу. Какая-то молодая женщина интеллигентного вида немного говорила по-английски, объяснила мне, что там написано. Это было удостоверение, что я — сотрудник Чека из Москвы. Никто меня не имеет права арестовывать или обыскивать, а всех сотрудников Чека, железнодорожных служащих и медицинский персонал просят оказывать мне всяческое содействие.

Так — совершенно того не ведая — я попал в чекисты. Ехали мы до Иркутска восемь или девять дней, очень тяжело, как и все тогда. На пути сами пассажиры грузили дрова, расчищали снег, качали воду. В Иркутске на вокзале меня встретили два агента Чека и отвезли в «общежитие». Председатель Губчека, к которому я отправился и просил сообщить, куда и зачем меня везут, ответил, что Москва меня требует, и сам больше ничего не знает. Поезд в Москву пойдет только через несколько дней. Эти дни ожидания я прожил довольно удобно. У меня с собой были деньги, и я купил в Иркутске много вещей и продуктов. На следующей неделе меня отправили в чистом купе второго класса, с провожатым, в Ново-Николаевск.

Опять в тюрьме

Через десять дней мы приехали в этот город, оказавшийся для меня роковым. Была ночь, и провел я ее в комендатуре Чека. Утром я отправился, по-прежнему с провожатым, в баню, а оттуда в ресторан, где хорошо позавтракал. Этот завтрак — последний на свободе — я долго потом вспоминал.

В комендатуре меня ждал уже председатель Губчека — некий Павловский. Он встретил меня вежливо, пожал мне руку и на мой вопрос, куда и зачем я еду, ответил мне то же, что и в Чите: «Вас требует центр, больше я ничего не знаю». После допроса (спрашивали и здесь о читинских знакомых) меня перевели через дверь в другое здание. Я очутился среди красноармейцев и чекистов. Меня обыскали, отняли деньги и вещи, и доху, и даже продукты и отвели в одиночку. В Чите я сидел в подвале, здесь моя камера находилась во втором этаже, но стоял в ней страшный холод. Разбитое окно было заколочено досками, печки не топили.

К вечеру мне дали миску грязной тепловатой воды с противным запахом рыбы. Проглотить хотя бы ложку этой бурды я не мог. Утром принесли фунт хлеба, похожего на камень. Когда я присмотрелся к нему, он был совершенно мерзлый. Вечером снова принесли мутную воду. Я не прикасался к пище два дня, требовал, чтобы мне купили продуктов на мои деньги и затопили печь. Но все мои просьбы были тщетны. Вечером, когда мне принесли снова тошнотворный суп, я выплеснул его в лицо сторожу. Действовал я в сильном жару, у меня была лихорадка, и это заметили, наконец, мои тюремщики. Меня перевели в другую, теплую камеру, где можно было спать уже не на досках, а на кровати, вернули доху и даже корзины с продуктами.

На восьмой день утром меня отвели в комендатуру, снова обыскали и в санях с армейцами отправили на вокзал.

В Москву

Вокзал представлял воистину кошмарную картину. Россия переживала тогда страшный голодный год, и вся станция была занята голодными полуодетыми людьми. Мне пришлось провести весь день в этом страшном месте, и здесь я увидел того человека, на чьей душе лежит ответственность за гибель сотен тысяч человеческих жизней. Дзержинский ехал в том же поезде, что и мы, до Омска.

Меня с моими тремя конвоирами посадили в особое купе, и мы тронулись. Пассажиры снова таскали весь путь дрова и воду, но меня никто не беспокоил. В дороге несколько молодых людей, сидевших в одном со мной вагоне, задумали устроить в поезде концерт. Конвоиры позволили мне обойти с ними пассажиров и собрать деньги на пользу голодающих. Им собрали сто двадцать миллионов советских рублей. Кое-кто из молодых людей говорил немного по-английски, и я с ними мог объясниться. Один из них — начальник туркестанского фронта по ликвидации банд — старался разгадать мою судьбу.

— Мне совершенно ясно, зачем Вас везут в Москву, — сказал он. Вы думаете, что Вы арестованы? Совсем нет! В Москве Вас вызовет Уншлихт (помощник Дзержинского) и обязательно возьмет Вас работать в восточном отделе Чека.

— Я никогда в жандармах и в полиции не служил, — возмутился я.

— Удивительный Вы человек, — усмехнулся мой собеседник, — ведь это такая же служба, как и военная! Что Вы будете делать, когда Индия станет самостоятельным государством?

В «собачнике» московской Чеки

Первого марта 1922 г. утром мы подъезжали к Москве. После нескольких минут ожидания на вокзале меня отправили на Лубянку № 2. За извозчика

я — арестованный без всякой вины — должен был заплатить сам, как платил и за путевые расходы, и за отопление в Ново-Николаевской тюрьме. Только за железнодорожный билет с меня не потребовали денег.

В комендатуре Чека меня, конечно, обыскали, а затем отвели в так называемый «собачник» — камеру, куда сажали всех без разбора: мужчин, женщин и детей, здоровых и больных и, конечно, в огромном большинстве ни в чем не повинных. Через несколько часов ожидания в этом «собачнике» меня привели в «Предварилку» — тюрьму предварительного заключения. Здесь было еще хуже, чем на Лубянке. Я попал в камеру уголовных. Но на мое счастье они были заняты важным делом — послеобеденной охотой за вшами, и это избавило меня от обычного для уголовных глумления над новичком.

В «Предварилке»

Скоро наша камера наполнилась новыми людьми, и среди них было несколько интеллигентов. Один из них оказался Стейнером, сыном владельца очень известного в Москве магазина «Жак». Он хорошо говорил по-английски, с помощью его и его товарищей я стал писать заявления и жалобы. На них ответа не последовало, и на допрос меня не вызывали.

Встречи с эсерами

На третий день вечером в нашей камере появилось трое новых жильцов: один совсем молодой, лет двадцати, второй лет двадцати пяти, третий постарше, лет сорока. Это видно были опытные и бывалые люди. С собой они принесли довольно много поклажи: ящики и мешки, которые обычно не дозволяется иметь в камере арестованным. Они стали располагаться, как у себя дома. Раздвинули складной стол из простой доски, в которую ввинчивались четыре ножки (они носили его в мешке из тюрьмы в тюрьму), покрыли клеенкой и разложили на нем провизию, махорку и спички. Старший достал из мешка котелок и картошку и, постучавши в дверь к часовому, крикнул: «Свари нам картошки и принеси кипятку». Солдат ответил матерной руганью, но тот не смутился и приказал позвать дежурного коменданта.

Прошло полчаса. Коменданта не было. «Позови дежурного коменданта», — крикнул старший, и к его крику присоединились двое его товарищей. Старший вынул часы. «Если через десять минут не будет вызван дежурный комендант, то дверь и окно вылетят. Мы не уголовники и не контрреволюционеры, мы социалисты, — заявил он, — нам полагается политический паек и политический режим».

Послышался голос из-за угла:

— Что вы, политики, сделали? Сами сидите и невиновных людей за собой таскаете!

— Это не мы, а Чека!

И социалисты запели песню: «Мы кузнецы! Грудь наша — молот!»

Из-за двери послышался грозный окрик:

— Тише! Не пойте! Поздно.

— Нам до этого дела нет! Хотим и будем петь! Позови сейчас же дежурного коменданта! Три минуты только осталось!

Социалисты вытянули из-под досок трое козел и встали около дверей. Но пустить их в ход не пришлось. Как раз в это время в камеру вошел молодой человек в кожаной фуражке.

— Граждане, что вы шумите? — спросил он.

— Дайте хлеба, кипятку и сварите картошку. Люди на полу валяются, а мы не будем!

Надзиратель молча взял котелок и вышел. Через некоторое время он принес хлеб, кипяток и горячую картошку.

— Требуем койки, смотрите, не опоздайте, — настаивали протестанты.

— Коек нет, — ответил надзиратель, — я потом дам вам доски.

— Ну, ребята, кто хочет есть, подходи, — любезно приглашали политические.

Я узнал, что все трое были эсеры.

Еще четыре долгих дня я протомился в предварилке: шум, гам, грязь, одним словом, ужас, который меня окружал, нельзя описать. В том же коридоре были отведены две или три камеры для женщин, и оттуда часто доносился женский плач.

На «Черном вороне» в Бутырки

Наконец, к концу четвертого дня вечером меня перевели в Бутырскую тюрьму. Я был так слаб, что сам не мог донести своих вещей до автомобиля, до знаменитого «Черного ворона». Этот старый американский грузовик перевез на казнь не одну тысячу несчастных людей. Впоследствии мне пришлось покататься в нем раз десять — двенадцать. Грузили всех вместе — мужчин и женщин — от сорока до пятидесяти человек. Освещение в автомобиле было устроено так, что когда автомобиль стоит на месте, электрический фонарь освещает его внутренность. На ходу свет потухает. Внутри очень душно, и так как часто в массе арестованных перевозят и больных, то они мучаются очень сильно.

Когда дверь «Черного ворона» захлопнулась и машина тронулась, я, по своей индусской привычке, громко сказал: «Кисмет (Судьба)».

Из темноты послышался голос:

— Кто это? Мистер Курейши?

— Я, Володя, — радостно ответил я, узнав голос младшего из эсеров, и все мои товарищи радостно повторили это чудное восточное слово «Кисмет».

Через несколько минут мы подъехали к знаменитому дворцу ГПУ — Бутырской тюрьме. Нас, конечно, обыскали, затем раздели догола для бани. В Москве (было четвертое марта) стояли еще сильные морозы. Русскому человеку без снега и мороза скучно, но для индуса снег и мороз — настоящее мучение. Я стоял голый, весь окоченел, зуб на зуб не попадал. Наконец, процедура бани кончилась. Мы получили казенное белье ЧК: на штанах только полторы штанины, рубаха без спины, только рукава. Многие умоляли: «Товарищи! Дайте нам наши пальто!» Но в ответ получали грубую чекистскую ругань. Так полуголыми, продрогшими нас отвели за решетки Бутырки.

Наша группа из «Предварилки» оказалась опять вся вместе. Мне было очень грустно. Грудь разрывалась от едва сдерживаемых рыданий, глаза были полны слез. Я хорошо помню, что Володя и два инженера громко плакали. Но индус, помня заветы своей родины, встряхнулся и громко сказал: «Вы мужчины. Тюрьмы выстроены для мужчин. Возьмите себя в руки, и все будет хорошо».

В это время, в 1922 г. в Бутырке свирепствовал сильный тиф: камеры были холодные, отопление не действовало, окна были разбиты. Но в нашей камере стояла маленькая железная печурка — «буржуйка», как ее тогда называли в России. Топить ее, однако, было нечем. «Дайте денег, и дрова будут», — объяснил нашему старосте инженер (он через несколько месяцев был расстрелян) коридорный староста.

«Откуда же нам взять денег, когда мы раздеты?» — взмолились мы. Но тут нас выручили уголовники, которые очень ловко спрятали свои деньги при обыске. Утром трех или четырех человек унесли из камеры: у них начался тиф. Кто остался, сидел по-прежнему полуголым. Так мы провели четыре дня. На четвертый день раздался зов надзирателя:

— Курейши!

Я откликнулся:

— Здесь!

— Собирай вещи.

Меня все целовали и поздравляли, решив, что я иду на свободу. От всего сердца благодарил я этих милых, добрых людей за их отношение ко мне. При выходе я получил свои вещи из дезинфекции, но они стали грязнее, чем были раньше. Через несколько минут я уже был в комендатуре, где нас еще раз обыскали. Нас было двое женщин и четверо мужчин. Я не мог идти пешком и тащить свою постель и потому потребовал казенной машины или разрешения нанять на свои деньги извозчика. В обеих просьбах мне отказали — дежурным комендан-

том был тогда знаменитый Соколов — гроза Бутырской тюрьмы. Мы вышли из тюрьмы. Погода стояла отвратительная, дул сильный ветер, падал мокрый снег. Пройдя несколько шагов, я поставил свою корзину на землю и сел на нее. «Дайте мне лошадь или расстреляйте меня на месте, я больше идти не могу», — кричал я. С большим шумом и скандалом начальник охраны послал к коменданту вызвать автомобиль, и на нем я и мои спутники доехали до Лубянки.

Снова на Лубянке

Меня провели на четвертый или пятый этаж, сделали новую анкету и снова, как в предыдущие разы, записали меня не Саид, а Магомет Али Курейши. Мой протест не помог. Затем меня обыскали самым ужасным, унизительным способом — (я совершенно не мог понять, чего они искали) — распороли даже шубу и ботинки. Затем я был помещен в одиночную камеру, в которой просидел два месяца в ужасных условиях. Кормили меня отвратительным супом из селедки и скверным черным хлебом. Не давали ни книг, ни бумаги, ни чернил. Я был не только лишен прогулки, но мне запрещено было даже ходить в уборную. Надзиратели получили строгий приказ не говорить со мной. Два месяца я не был в бане, не мог переменить белья, вонючая «параша» находилась постоянно в моей камере. Вши и клопы наполняли все щели моего жилища.

Через два месяца меня перевели, наконец, в общую камеру. Тяжело и здесь жилось, но все же легче, чем в одиночке. Кормили лучше, с заключенными обращались вежливо, каждые две недели водили в баню. По вторникам и пятницам обходил камеры знаменитый палач-тюремщик Дуккис. Он собственноручно пристрелил множество своих жертв.

Дуккис никогда не смотрел вам в глаза и задавал арестантам неизменно одни и те же вопросы:

— Насекомые есть? Заявления есть?

— Дайте бумаги, — отвечал арестант.

— Что будете писать?

— Жалобу, шесть месяцев не был на допросе.

— Не беспокойтесь, вызовут! — успокаивал, уходя, Дуккис.

Встреча с А. П. Перхуровым

Со мной в одной камере сидел Алексей Петрович Перхуров — руководитель Ярославского восстания, выдержанный, спокойный человек лет сорока пяти, стройный, высокого роста, с настоящей офицерской выправкой. С ним я сошелся очень близко.

После подавления восстания Перхуров с несколькими офицерами и солдатами, захватив два пулемета, отступил, рассчитывая соединиться с чехословаками. Но солдаты отказались идти, и с двумя молодыми офицерами в маленькой лодке Перхуров доехал до Самары, оттуда он пробрался к Колчаку и в Омске был комендантом города. После взятия Омска большевиками Перхуров опять с группой солдат и офицеров, захватив пулеметы, скрылся в лесу. Но и здесь случилось то же, что и под Ярославлем — солдаты ушли к красным. Перхуров с офицерами решил пробиваться к Иркутску, к Семенову. По пути они увидели на дереве записку одного знакомого им генерала: «Всем офицерам советую честно сдаться большевикам, так как я сам это сделал». Посоветовались и решили сдаться, думая, что этим помогают родине. Вскоре беглецы наткнулись на красных. Те встретили сдавшихся радушно — хорошо накормили и напоили чаем, даже под звуки музыки. Затем стали вызывать по одиночке. Когда дошла очередь до Перхурова, с него сняли офицерский мундир и связали по рукам и ногам.

Почти год просидел Перхуров в тюрьме, наконец, был освобожден и зачислен инструктором в Красную армию. Жалованья ему не выдавали, и он буквально голодал. Вскоре Перхуров был снова арестован. В тюрьме его били шомполами (я сам видел на его теле следы ударов) и в конце концов перевезли в Москву, где я с ним встретился.

В беседах со мной он часто горько раскаивался, что сдался большевикам. «Лучше было бы бежать за границу или пустить себе пулю в лоб», — говорил он. Вскоре Перхурова перевезли в Ярославль для показательного суда, и там он был расстрелян в конце августа 1922 г.

Одновременно со мной сидел во внутренней тюрьме в одиночной камере патриарх Тихон. Он имел полчаса в день для прогулки и, идя тоже на прогулку, его увидел мельком один из наших товарищей по камере. Вид благообразного старика-монаха очень его поразил. Когда он описал нам его внешность, Перхуров догадался, что это был патриарх. Позднее догадка эта подтвердилась.

Опять в Бутырках

В июле месяце вместе с Перхуровым мне пришлось перейти еще раз в Бутырскую тюрьму. Там нас ждал знакомый прием — тот же обыск, та же баня — слава Богу, было лето, а не зима. Снова отобрали вещи и выдали такой же халат, что и в первый раз.

В Бутырках я снова встретил Стейнера, но не сразу узнал его, так он изменился за эти пять месяцев: он болел тифом, страшно исхудал, потерял волосы. Он мне сообщил, что из моих старых товарищей по камере более десяти человек умерли от тифа, многие расстреляны.

Меня поместили в карантинном корпусе, где сидели интеллигенты. Старостой здесь был Прохоров, старший сын известного мануфактуриста. Никакой вины за ним не числилось, кроме принадлежности к «капиталистам». Через несколько месяцев несчастный Прохоров сошел с ума и умер в больнице для душевнобольных проф. Краснушкина. Младшего брата я встретил позже в Соловках.

Конота, Шимбо и Оба-Нако

От Прохорова я узнал, что в нашей тюрьме сидят три японца: Конота, Шимбо и Оба-Нако. Мне очень хотелось повидаться с этими людьми — ведь я пятнадцать лет прожил в Японии — и по моей просьбе Прохоров устроил так, что они были переведены в нашу камеру. Из их рассказов я знаю, как и почему попали они в Бутырки.

Конота — журналист-корреспондент — довольно долго жил во Владивостоке. В 1921 г. Чека вызвала его в Москву под предлогом каких-то газетных дел. В Иркутске он был арестован. Здесь находилась в это время «особая военная часть ГПУ», набранная исключительно из корейцев. Они обвинили Конота в шпионаже, вследствие чего он и был отправлен в Москву этапным порядком и посажен в Бутырки. Ввиду ли отсутствия улик, или, может быть, кто-нибудь ему помог, но Конота просидел в тюрьме сравнительно недолго и был выслан, кажется, в Японию. Во Владивостоке Конота во время Колчака спас от виселицы несколько видных большевиков. Все они были потом в Москве, но никто не признался, что они знают японца и обязаны ему жизнью.

Трагичнее была судьба других соотечественников Коноты. Один из них — Шимбо во время мировой войны совсем еще молодым человеком был командирован во Францию и стал здесь военным летчиком. После заключения мира он с какими-то коммунистами прилетел в Россию и поступил авиатором в Красную армию.

В 1919 г. его заставили написать по-японски прокламацию в самом кровожадном коммунистическом духе. Прокламации эти распространялись среди японских войск в Сибири. Но услуги, оказанные большевикам, не застраховали Шимбо от подозрений в шпионаже, и его несколько раз арестовывали. Желая, наконец, вырваться из советского рая, он подал прошение об увольнении из Красной Армии и о разрешении уехать в Германию или Францию для изучения успехов авиации. Вместо увольнения его снова арестовали, заперли в Бутырки и предали суду по обвинению в шпионаже. Приговорен он был к расстрелу. Когда я уезжал на Соловки, Шимбо еще оставался в Бутырках под постоянным страхом расстрела. Мне передавали потом, что смерть ему заменили двадцатилетней тюрьмой.

Третий японец, Оба-Наке, шестидесятилетний старик, тоже журналист ехал в Москву с разрешением. Его арестовали по дороге, обвинили в шпионаже в пользу Японии и приговорили к расстрелу. Я не знаю его дальнейшей судьбы. В тюрьме, ожидая казни, он был очень болен.

Баден-Хан

Иностранцев сидело в Бутырках немало, и были среди них люди еще более несчастные, чем я. Навсегда остался у меня в памяти афганец по имени Баден-Хан, совсем простой человек, совершенно не знавший русского языка. Сидел Баден-Хан в тюрьме два года, и когда я увидел его в Бутырках — он недавно перенес тиф — не имел ничего: ни вещей, ни продуктов. Я сам видел потом ту бумагу, которой закончилось его дело. ГПУ за ненахождением вины выслало афганца на родину.

В камере для голодающих

Я сидел в Бутырках, по-прежнему не зная, в чем меня обвиняют. Заявления и просьбы в Чека, к прокурору, в Красный Крест оставались без ответа. Нервы мои окончательно расстроились, и я снова объявил голодовку. Меня перевели в специальную камеру для голодающих, полную насекомых и страшно грязную. На четвертый день пришел туда ко мне врач, осмотрел меня, покачал головой и сказал: «Бросьте голодать, Вы еще молодой человек, и здоровье у Вас скверное. Умереть Вы всегда успеете!» Я продолжал голодовку, но на следующий день получилась телеграмма, что мое дело передано в Ревтрибунал.

После этого меня перевели в тюремную больницу, так называемый «околодок». Лечил меня здесь профессор Краснушкин. И в моей душе навсегда останется благодарность к этому прекрасному человеку, спасшему мне жизнь.

Отравленные спиртом

Из времени моего пребывания в больнице расскажу такой случай. Как-то ко мне в палату прибежала сестра милосердия и попросила у меня шприц. Взявши его, она бросилась в так называемый «изолятор». Я брал там душ и пошел за ней. Мне представилась картина, поразительная даже для сидельца советской тюрьмы, который всего насмотрелся. На каменном полу лежало человек тридцать полумертвых людей. Вокруг них суетились надзиратели, и взволнованная сестра милосердия делала им впрыскивания камфары. Через некоторое время, когда больных привели в чувство и отправили в камеры, я узнал, в чем дело.

Красноармейский отряд конвоировал контрабандистов спиртом, арестованных на границе Эстонии и отправленных в Москву. Спирт в Эстонии был дешев, торговля давала большие доходы, и красноармейцы сами тоже провозили спирт. Какой-то агент ГПУ донес об этом в Москву. Отряд ГПУ встретил поезд на вокзале, чтобы произвести обыск. Конвоиры спрятали свой спирт в отделение арестованных. Кондуктора и проводники поезда, провозившие тайком морфий и кокаин, также принесли свой товар к арестованным, думая, что у них обыска не будет.

Но чекисты закрыли двери всех вагонов, снаружи стала охрана. Арестанты, увидев, что им грозит обыск, решили выпить спирт, не отдавать же его зря. Началась попойка, кое-кто попробовал кокаин и морфий, и скоро все арестанты опьянели до беспамятства. Их пришлось сложить в грузовик, как мертвые тела, и отправить в Бутырки. Здесь с большим трудом их привели в чувство.

Допросы

Прошло месяца два, пока следователь Ревтрибунала вызвал меня к допросу. Это был вежливый старик, который после обычных вопросов — кто я — спросил меня: «За что Вы арестованы?» Я ответил: «Если Вы не знаете, за что я арестован, то зачем Вы держите меня в тюрьме?»

Следователь помолчал и прекратил допрос, сказав, что ознакомится с моим делом и вызовет меня. Дней через десять меня снова привели к следователю, и он сказал мне: «Никаких данных для вашего обвинения я не нашел, но освободить Вас из тюрьмы не имею права, а ваши бумаги перешлю обратно в ГПУ».

Я снова стал писать бумаги во все места, куда было можно, но по-прежнему без отклика. Так прошла зима 1922—1923 гг., и засияло, наконец, яркое весеннее солнце. Сидя как-то на окне, я наслаждался теплом и громко говорил по-индусски: «Алла! Алла! Ты переменил погоду. Неужели ты не можешь переменить мою судьбу?». И словно Алла услышал мой крик. На следующий день меня вызвали на допрос к следователю, на этот раз в Губсуд. Следователя звали Полевой. Он задал мне тот же вопрос, что и следователь Ревтрибунала: «В чем Вы обвиняетесь?» Я это знал еще меньше, чем он, и после нескольких пустых вопросов меня отправили снова в тюрьму. Прошло еще несколько недель, меня снова вызвали к допросу, и тот же Полевой спросил меня, имею ли я знакомых среди индусов Коминтерна? «Я знаю только профессора Баракатулла, но он не состоит в Коминтерне», — ответил я.

Индусы из Коминтерна

Следователь обещал вызвать индуса из Коминтерна, чтобы с ним обсудить мое положение. Действительно, через несколько дней меня опять доставили к

следователю. У него в камере было два индуса, молодых человека лет по двадцати. Говорили они по-русски еще хуже меня, и я заговорил с ними по-индусски. «Мы мусульмане и работаем в Коминтерне», — ответили они на мои расспросы. Профессора Баракатулла они не знали, и мне с ними не о чем было разговаривать. «Вы дураки, что связались с Коминтерном», — сказал я молодым людям. Следователь отправил индусов, вышел из камеры и вернулся в сопровождении молодого человека восточного типа. Он обратился ко мне по-английски, рассказал, что долго жил в Азии, прекрасно знаком с политическим положением Азиатского Востока, и предложил мне поступить в Коминтерн, чтобы работать на Востоке. Я категорически отказался от этого предложения и снова вернулся в тюрьму.

Через несколько дней на новом допросе я, совершенно не сдерживая себя, стал требовать свидания с прокурором. Следователь вызвал секретаря прокурора: «Я бы Вас выпустил на все четыре стороны, так как Вас нельзя судить, — сказал мне секретарь, — но не могу этого сделать». «Так лучше расстреляйте меня!» — кричал я вне себя. «В СССР так просто не расстреливают», — улыбнувшись, возразил он и стал просматривать какие-то бумаги. Он нашел в них и дал мне прочесть письмо, написанное профессором Баракатулла по-английски. Профессор удостоверял, что хорошо знает меня, что я никогда шпионом не был и быть не мог. Но, несмотря на это письмо и письма других людей, за меня хлопотавших, я все продолжал сидеть в тюрьме.

В Соловки

Наконец, в июле 1923 г. я получил бумагу, что в третий раз перечислен в ведение ГПУ, а 18 сентября 1923 г. пришло постановление НКВД от 14 сентября 1923 г. «выслать Магомета Али Курейши на три года в концлагерь», т.е. в Соловки.

Когда товарищи прочли мне эту бумагу, я не взволновался, а спокойно сказал: «Кисмет!» («Судьба!») — и просил написать на обороте бумаги то, что я продиктую:

1. Я не Магомет Али Курейши, а Саид Курейши.

2. Если я в чем-либо виноват и в вашей стране существуют законы, то судите меня и за самую незначительную вину против советской власти расстреляйте меня. Никакой милости я не прошу. Если же вины и преступления за мной нет, то я требую отпустить меня на свободу.

3. Незаконному постановлению без суда подчиниться отказываюсь.

В этот самый день два часа спустя я был вызван к следователю Бутырской тюрьмы. Он мне долго объяснял, что все мои протесты бесполезны и кроме

вреда ничего мне не принесут. Я ответил, что беззаконию подчиняться не могу.

Каждую неделю по пятницам отправляли этап в Соловки. Вследствие моего болезненного состояния врачи не сочли возможным отправить меня по этапу, и я продолжал сидеть в Бутырках. Наконец, здоровье мое стало лучше, но идти пешком через всю Москву я все же не мог. Тогда врач дал мне свидетельство, что я передвигаться пешком не могу. Я после долгого размышления решил подчиниться судьбе и отправиться в Соловки.

Голодовка в Бутырках

Подходили к концу дни моего пребывания в Бутырках. Я не буду здесь рассказывать, каких разнообразных людей я там встречал и как много узнал от них о беззакониях и произволе, царящих в Советской России. Это теперь уже не секрет ни для кого. Скажу только несколько слов о массовой голодовке 1923 г., вызванной отвратительной пищей. Я сидел в это время в околотке Бутырской тюрьмы, и больные присоединились к голодающим из корпусов. Старший врач Хорановский заявил мне, что не может допустить голодовки в больнице и что те, кто хочет в ней участвовать, пусть выписываются и отправляются в общие камеры.

Тогда больные выбрали меня делегатом и попросили узнать, из-за чего объявлена голодовка. Арестанты требовали увеличить порцию хлеба с фунта на полтора, выдавать сахару — песку по два стакана на десять дней вместо одного, улучшить качество супа, который невозможно было есть, и ускорить вызовы на допросы, так как масса арестантов долгие месяцы ждала вызова.

«Корпусные» арестанты просили нас не голодать, чтобы не быть выписанными из больницы. Чтобы обратить на себя внимание, голодающие стали бить стекла в окнах, кричали и выли, как дикие звери. У тюрьмы собиралась толпа любопытных, и волей-неволей ГПУ назначило комиссию во главе с прокурором Катаньяном. Он обошел тюрьму и заявил, что справедливые требования арестантов будут уважены, если они немедленно прекратят голодовку. Протестанты поверили и стали ждать «справедливости». Но на следующий день из каждого коридора было взято по несколько человек «зачинщиков» и расстреляно без всякого суда. Это произошло на моих глазах, и за достоверность своего сообщения я ручаюсь.

По этапу

Наконец, наступил день моего отправления из Бутырок. Он пришелся как раз в пятницу, праздничный день для мусульманина. С утра начали готовить этап. В десять часов вызвали всех, кто подлежал отправке. Пока разбирали имена, отчества, губер-

нии, прошло часа два. Затем мы еще долго ждали подвод. Около пяти часов дня, наконец, все было готово, и этап тронулся. Раньше, чем открыть ворота тюрьмы, красноармейцы опять нас обыскивали, нет ли махорки, соли или перцу, которые можно было бросить в глаза конвойным в случае попытки к побегу. Ни у кого ничего не нашли. Все наши вещи нагрузили на подводу, а сверху них сел несчастный индус.

Этап двигался посередине улицы, окруженный красноармейцами с винтовками. Два красноармейца шли сзади подводы, охраняя — не знаю — меня ли или арестантские вещи. По бокам печального каравана двигались провожавшие — родные высылаемых. Картина была тягостная, но на людных улицах Москвы она никого не удивляла. К таким зрелищам здесь давно привыкли.

В Таганской тюрьме

Наконец мы прибыли в Таганскую тюрьму, которая находится в ведении не ГПУ, а ГУМЗАКА (губернских мест заключения). Нас снова обыскали и разделили по группам. В новой камере сидели исключительно политические социалисты — эсеры и меньшевики. Во второй — контрреволюционеры, священники, «шпионы» и провинившиеся чекисты. Третью камеру занимали контрабандисты, виновные в преступлениях по должности. Четвертую и пятую камеры занимала уголовная «мелочь». В первых двух камерах были койки, и заключенные пользовались сравнительными льготами — двери не закрывались. В третьей камере большинство арестантов спали на полу — вместо кроватей тут было только несколько досок. Четвертая и пятая камеры представляли настоящую клоаку. Двери здесь запирались на ключ, и арестантов выпускали только на короткую прогулку.

Скоро вся тюрьма знала, что среди новоприбывших есть индус. Социалисты пригласили меня в свою камеру и наперерыв из разных мест меня спрашивали, не нужно ли мне чего. Нога моя очень ныла, температура была повышенная, и мои новые приятели составили мне прошение в ГПУ с копией в прокуратуру о перемене мне места ссылки. На другой день явился врач, а дня через четыре совершал обход тюрьмы прокурор ГПУ Катаньян. Когда дошла очередь до меня, я сказал ему:

— Вы армянин, а я индус. Мы оба южане, и Вы должны понимать, можно ли ссылать индуса на отдаленный север.

Он внимательно выслушал меня.

— Напишите сейчас же заявление на мое имя, и я переменю Вам место ссылки. Куда Вы хотите: на Кавказ или в Туркестан?

— Я не знаю ни того, ни другого, — ответил я, — и представляю вашему выбору.

Заявление было написано, Катаньян взял его с собой. Но результата оно не имело. Как всегда, чекистский прокурор своего слова не выполнил.

Снова в путь

В следующую пятницу, когда был готов очередной этап в Соловки, вызвали и меня с вещами. Нас было около семидесяти человек разного звания: эсеры и меньшевики, священники и чекисты, контрреволюционеры и взяточники-чиновники. Красноармейцы нас обыскали, и этап тронулся. Я снова как больной ехал на подводе. Ссылаемых провожала толпа родственников и знакомых с громким плачем. Меня, одинокого индуса, никто не провожал и никто по мне не плакал. Но природа не забыла меня — лил проливной дождь.

Когда около шести часов вечера мы проходили по Садовой улице, на бойком перекрестке один из арестованных, бывший чекист Шамполянский, бежал. Этап остановился, за беглецом погнались красноармейцы. Послышались выстрелы. Пуля попала в ломового извозчика и убила его на месте. Шамполянского задержали и вернули к этапу.

Наконец, после долгого и тягостного пути через Москву мы добрались до Николаевского — теперь «Октябрьского» вокзала, и этап стал грузиться в вагоны. В каждое отделение сажали двенадцать-пятнадцать человек, но меня поместили в отделение с пятью-шестью женщинами.

В числе их была молодая женщина с трехлетним ребенком, эсерка, сестра милосердия Марья Семеновна, фамилии ее я не помню. Она мне очень помогла в дороге — сильный жар и сердцебиение у меня не прекращались. Марья Семеновна ехала в Соловки вторично. Месяца два назад ее вернули в Москву, и ГПУ предложило ей отказаться от партии и перейти к коммунистам, напечатав об этом в газетах. Марья Семеновна отказалась и в наказание получила три года соловецкой ссылки.

В Петрограде

Через двое суток наш поезд прибыл в Петроград. Меня как тяжелобольного и еще одного старика отправили с вокзала во «2-й Исправдом». Было воскресенье, и на следующий день тюремный врач отослал меня в «тюремную больницу имени доктора Гааза». Не легко оказалось попасть и в это кошмарное место, где мне суждено было провести восемь месяцев. Два санитара доставили меня в больницу на носилках. Но препроводительная бумага оказалась написанной неправильно, и меня вернули обратно в Исправдом. Я еще два дня оставался здесь. Наконец, старший врач возмутился, собрал врачебную комиссию и заставил больницу Гааза меня принять.

В больнице им. д-ра Гааза

Больница занимала помещение бывшего арестного дома неподалеку от Александро-Невской Лавры, совершенно непригодное для больницы. Когда меня принесли на носилках, то более получаса я лежал у ворот на улице. Поместили меня в сортировочную камеру, которая оказалась гораздо грязнее карантина Бутырской тюрьмы. В жизни своей я не видел такой массы крыс, как здесь. Освещения не было, и больные лежали в полной темноте. Надеть казенное белье я категорически отказался — оно было полно вшей. И хотя я безумно страдал от ишиаса, но умолял, чтобы меня перевели обратно в тюрьму.

Лежа в темноте на отвратительно грязной койке, я слышал стоны и крики больных: «Сестра, умоляю! Ради Христа, помогите! Дайте хоть каплю воды! Больше не могу терпеть». В ответ слышались крики надзирателя: «Молчи! Не шуми».

Я стонал от боли. Нашлась добрая душа, сестра Кузнецова, которая сжалилась надо мной. Она принесла из уборной коптилку, села на мою койку и стала меня утешать — она говорила немного по-английски и по-французски. Но долго сидеть у меня она не могла. Камеры других тяжелобольных были тоже без света, и она ушла к ним, унося лампочку. Мои нервы уже совершенно не подчинялись мне. Я без остановки стал стучать кулаком по койке и требовать, чтобы меня отвезли обратно в тюрьму, либо дали свет и перевели в лучшее помещение. Крысы бегали совсем близко от меня — их привлекала моя корзина с продуктами. Я схватил половую щетку и стал стучать по полу. Но мои продукты, воспользовавшись темнотой, стащили не крысы, а кто-то из «шпаны» — больных, лежавших где-то рядом.

Явился старший надзиратель, стал грозить мне смирительной рубашкой. По счастью, сестра Кузнецова принесла электрическую лампу. Стало светлее. Я обнаружил пропажу корзины и увидел при свете отвратительную грязь постельного белья. В два часа ночи старший врач больницы доктор Алмазов делал обход. Я обратил внимание на подушку и простыни, к которым было противно прикоснуться.

«Ну что Вам еще нужно?» — улыбаясь, сказал врач, но после моих настояний распорядился принести мне чистое белье.

На следующее утро ко мне пришли старший ординатор больницы профессор Блюменау, милый старик и хороший врач, и палатный врач, грубый человек Яновский. Очевидно, и они нашли, что я очень болен, так как перевели меня в другую камеру, где лежало два эстонца. Судьба одного из них напоминала мою — мы оба отправлялись на Соловки. У второго было заражение крови. Он очень страдал, и лежать в одной с ним камере для меня было тягостно. Приговорен он был к пяти годам тюрьмы за «шпионаж».

В это время в больнице находилось двести пятьдесят арестованных, и из них двадцать два подлежало отправке в Соловки. Постепенно они уходили, а я лежал еще долгие месяцы. Здесь, в больнице мне пришлось встретиться с целым рядом прекрасных людей, жертв советской власти. Был среди них и директор одной из петербургских гимназий Василий Иванович Рубцов. Он был приговорен к смертной казни за участие в деле директоров Владимирского клуба. Бывшие ученики Рубцова отправили депутацию в Москву, к Калинину, и им удалось добиться для своего бывшего учителя замены смерти тюрьмой. Но Рубцов просидел под угрозой расстрела около двух месяцев, совершенно расстроил свое слабое здоровье и вскоре после моего отъезда на Соловки умер в больнице.

Визит Петроградского прокурора

В январе 1924 г. делал ревизию тюремной больницы Петроградский прокурор Николаев. Все мы писали ему прошения, но я был единственный, в чью камеру Николаев поднялся лично. Вероятно, его заинтересовал необычный арестант — индус. В этот день я получил тяжелое известие о гибели моего приятеля по тюрьме, шведа Векселя, и нервы мои окончательно разошлись.

Прокурор спросил меня, кто я, и предложил изложить письменно все мое дело. «Я приму все меры, чтобы облегчить вашу участь», — сказал он. Я не мог сдержаться, хотя и напряг все силы, чтобы владеть собой, и резко ответил: «Много мерзавцев мне это обещали, и не только мне, но и другим, таким же безвинным иностранцам, как и я. Никто ничего не сделал, и многие погибли, как мой милый Вексель».

Я зарыдал, и со мной сделался нервный припадок. Несмотря на мою грубую выходку, прокурор остался вполне корректным и с помощью сестры и арестантов старался меня успокоить. Когда я очнулся, в камере его уже не было.

С Векселем я встретился в 1923 г., когда сидел в Бутырской тюрьме. Он был швед, человек лет сорока-сорока пяти, весьма правдивый, и рассказам его вполне можно было доверять. Его арестовали в Москве без всякой вины. Благодаря хлопотам шведского правительства он был выпущен на свободу, но когда приехал в Петроград, снова был арестован и заключен в тюрьму. Здесь, в больнице Гааза, он заразился тифом и безвременно погиб.

Галина Степанова

Я подписал заявление прокурору, и Николаев, получив его, позвонил по телефону в больницу и сказал, как нужно переделать заявление, и просил прислать его снова. Я это выполнил. За судьбой прошения следила добрая женщина — Галина Максимовна Степанова. Узнав от кого-то из знакомых, что в тюрьме си-

дит одинокий индус, она навестила меня и затем все время, что я был в больнице, приходила ко мне.

Судьба этой прекрасной женщины была очень печальна. Муж ее, крупный золотопромышленник, был расстрелян в Иркутске, она приехала в Петроград и здесь сильно нуждалась. По ее словам, она была хорошей машинисткой, но работы найти себе не могла. Ей обещали место на Мурманской железной дороге и, наконец назначили поломойкой. Пришлось взять и эту работу, но через несколько дней она внезапно получила расчет. Это новое несчастье потрясло Галину Максимовну окончательно. Не находя больше сил бороться с жизнью, она поднялась на верхний этаж здания Мурманской железной дороги и выбросилась из окна. Произошло это в июле 1924 г., и узнал я о гибели Галины Максимовны уже в Соловках.

Не одна Галина Максимовна помогала мне. В тюрьмах среди товарищей по заключению, у врачей, сестер милосердия, даже у низшего тюремного персонала я, чужой им человек, «мистер», как меня обычно называли, встречал столько внимания и помощи, что никогда об этом не забуду.

Перевод в «Исправдом»

Николаев ответил мне, что, к сожалению, ничего не может для меня сделать. К весне 1924 г. я дошел до такого состояния, что не мог уже переносить вида тюремных решеток. Я был близок к самоубийству, но окружавшие меня добрые люди поддержали мой дух. Я мечтал об отъезде в Соловки. Умереть там казалось мне лучше, чем влачить ужасное тюремное существование. Я знал уже от вернувшихся из Соловков, что представляет этот «лагерь специального назначения». Я написал в ГПУ заявление следующего содержания: «Высылайте меня, наконец, в Соловки. Но было бы лучше, если бы вы приговорили меня к высшей мере наказания. Мне было бы легче, и вам обошлось бы дешевле. Пуля стоит всего полторы-две копейки, а отправка меня в ссылку обойдется со всеми расходами не меньше, чем в двадцать-тридцать рублей. Никому из своих соотечественников не желаю попасть к вам в лапы. Но раз уж кому-либо суждено будет попасться к вам, то расстреляйте его, а не заставляйте медленно умирать, как меня». Никаких последствий это прошение не имело. Но через несколько времени меня перевели в так называемый второй «Исправдом», где я провел уже свои первые дни в Петрограде.

В «Исправдом»

Только в насмешку можно было назвать «исправительным домом» ту тюрьму, где мне пришлось сидеть после «больницы имени Гааза».

— Кто тут индус? В соседней камере сидит много студентов, они просят тебя придти к ним, — сказал мне надзиратель.

Он открыл дверь, и я перешел в студенческую камеру. Там было человек двадцать-двадцать пять молодых людей не старше двадцати лет.

Студенты

— Извините, что мы вас побеспокоили. Нас очень интересует Индия. Мы все почти читали Рабиндраната Тагора, но никогда не встречали индуса. Просим Вас рассказать прежде всего о вашем деле, а затем что-нибудь о йогах и факирах.

— Сначала вы мне расскажите, почему вы, вместо университета, очутились в пересыльной тюрьме? — спросил я.

— Товарищ, мы едем туда же, куда и вы — в Соловки.

Они рассказали мне, что их обвиняют в сочувствии Троцкому и в меньшевизме и ссылают без всякого суда. Затем молодые люди спели мне на старый тюремный мотив песню, в которой сильно доставалось Дзержинскому и Ягоде.

Брат Конради

Когда я вернулся в свою камеру, то нашел здесь нового сидельца, тоже юношу — лет девятнадцати-двадцати — Конради, брата того, который убил в Швейцарии Воровского. Он был выслан в Соловки на три года, но его почему-то вернули из Кеми и отправили в Москву. «Я боюсь как бы меня не расстреляли», — говорил он.

Опасения его, к счастью, не оправдались. Позже, третьего ноября 1926 г., когда я покидал проклятую Бутырскую тюрьму, я видел Конради в тюремной библиотеке. Он отбыл уже свой трехлетний срок, но ему продлили тюрьму еще на два года.

Встреча с «пепеляевцами»

К вечеру в коридоре поднялся шум. Привели новых арестантов. Подойдя к решетке двери, я увидел группу людей, одетых в балахоны, сшитые из мешков. Одни были босы, другие в лаптях, но лица, несмотря на нищенскую внешность, обличали интеллигентов. Это были офицеры из отряда ген. Пепеляева, арестованные в Якутской области. Их отправляли из Сибири в Соловки. Некоторые из них говорили прекрасно по-английски.

Был в этой партии удивительный человек, доктор Симонов. Большевики предлагали ему хорошее жалованье за то, чтобы он остался врачом в Якутске, но он не хотел покидать арестованных офицеров, среди которых было много тяжелобольных. Он буквально спасал их своим самоотверженным уходом и, как рассказывали мне пепеляевцы, продавал во время следования партии этапом

свои последние вещи, покупал ягод и варил кисель больным цингой. Этой пищей пользовались не только больные арестанты, а и конвоиры.

По прибытии партии в Ново-Николаевск пепеляевцам была назначена высылка в Соловецкий концлагерь на три года. Доктору Симонову снова предлагали поступить на советскую службу и назначали сто пятьдесят рублей в месяц жалованья. Но и на этот раз он отказался, не желая покидать своих больных, и добровольно отправился с ними в ссылку.

Приготовления к этапу

Девять дней спустя начались приготовления к отправке этапа. Составили поименные списки. Отправление назначено было в десять часов утра. Дежурный врач заявил, что я настолько еще болен, что не в состоянии следовать за этапом. Но студенты и пепеляевцы убеждали меня ехать, обещая помогать всячески в пути. Врач дал мне записку, что я не могу идти пешком. Из двухсот, приблизительно, человек этапа тридцать студентов образовали группу «политических». Они требовали, чтобы им дали отдельную подводу, охрану и разрешили взять с собой индуса.

Мне тут повезло. Конвоиры оказались теми же, что везли меня из Москвы в Петроград. Когда во время обыска очередь дошла до меня, то начальник конвоя узнал меня. «Мистер! Ты еще здесь? А я думал, что тебя давно уже отправили на родину. Оставьте его! Он больной! Садись на лавку!»

И меня избавили от обыска.

В путь!

Наконец, обыск кончился. Подводы были нагружены, и опять со своей палкой я взобрался на верх подводы, как на верблюда. Но рядом с больным индусом сидел теперь студентик, охранявший вещи товарищей.

«Видите, мистер, мы вас отбили, — сказал он мне. — И в вагоне будете с нами. Вам будет веселее. С нами поедут курсистки».

Этап тянулся по Петроградским широким улицам. Студенты громко пели, что чекистам не будет пощады за то, что они отправляют студентов-меньшевиков в ссылку. Начальник конвоя тщетно старался прекратить пение. Близкие ссылаемых шли за этапом, к ним присоединялись прохожие, привлеченные пением. Конвойные отгоняли их, но сейчас же собиралась новая толпа.

На вокзале студенты еще больше осмелели. «Смотрите, граждане, — кричали они, — как чекисты невинных людей отправляют в ссылку. Мы, студенты, за вас страдаем, товарищи! При царском режиме отправляли на каторгу в кандалах. Теперь кандалов на нас нет, но в ссылку чекисты посылают по-прежнему».

Бунт студентов на вокзале

Студенты предъявили требование дать им отдельный вагон, посадить с ними курсисток и на вокзалах пускать обедать в буфет. Этапу было назначено всего три вагона; и начальник конвоя не в состоянии был отвести студентам отдельный вагон. Остальных арестантов уже посадили в вагоны, а студенты все стояли на платформе, упорствуя в своих требованиях. Конвоиры не могли с ними справиться и вызвали подкрепление: три автомобиля с чекистами. После короткого совещания чекистов с начальником конвоя, красноармейцы окружили студентов, чекисты втащили вещи в вагон, а потом стали втискивать туда и студентов. Началась драка. Численность и сила были пока на стороне студентов. Они сцепились в плотное кольцо — мужчины и женщины — стойко сопротивлялись. Чекистам пришлось послать за новым подкреплением. Наступил уже вечер. Кто-то из студентов, разбив стекло в вагоне, порезал себе голову. Начались крики: «Кровопролитие! Долой чекистов-насильников!» Но, в конце концов, чекисты перетащили по одиночке всех протестантов в вагон. Платформа была полна провожавшими, и публика с явным сочувствием к молодежи следила за расправой.

Сел в вагон и я. Стали ждать отправки. Был уже двенадцатый час ночи. Кто-то открыл дверь вагона и крикнул: «Кто здесь индус?» Оказалось, Галина Максимовна и ее две приятельницы пришли проститься со мной. Начальник конвоя разрешил им попрощаться со мной. Я горячо поцеловал им руки, благодаря за все, что они для меня сделали.

«Кемперпункт»

Мы приехали в Кемь на третий день пути. Три наших вагона отцепили от поезда и передали на «Кемперпункт», на так называемый «Остров революции». Здесь, в деревянных зданиях, выстроенных англичанами в 1919—1920 гг. для летних казарм, ждут ссыльные отправки в Соловки. По рассказам других, я знаю и легко могу себе представить, как живут в них зимой, на берегу Белого моря, несчастные арестанты. Навигация прекращается на шесть месяцев, и свезенные сюда со всех концов люди остаются на это время в Кемперпункте.

Прямо с поезда ссыльных погнали на работу. Я, как больной, был отправлен в больницу. На четвертый день моего пребывания там, женщина врач, заведующая больницей, сказала мне:

— Я хочу отправить вас обратно в Питер.

— Ради Бога, не делайте этого, — взмолился я, — дайте доехать до Соловков!

Она подумала и согласилась:

— Ну, хорошо, сегодня ночью будет пароход. Будьте готовы.

В десять часов вечера, перед отправкой парохода, меня укрыли тремя одеялами, положили на телегу и доставили на пристань. Стояла летняя северная ночь, светлая, как день, но холодная. На пароходе, чтобы было теплее, меня посадили на паровой котел, и ровно в полночь «Нева» — бывший английский буксир, перевезший не одну тысячу людей на почти верную смерть, двинулся к Соловкам.

«СЛОН»

Ровно в три часа и десять минут утра мы прибыли к пристани С.Л.О.Н.

СЛОН, или Соловецкий Лагерь Особого Назначения, в противоположность другим слонам не работает для людей, а заставляет людей работать на себя, не на его спине люди ездят, а он на их шее ездит; он их плохо кормит, не одевает и держит в отвратительных, грязных помещениях. Его любовь к людям — несчастным арестантам — еще более ужасна: он так крепко сжимает в своих «объятьях» попавших к нему людей, что не хочет с ними расстаться и оставляет сотни и тысячи людей на веки у себя, на тихом, бывшем монастырском кладбище, далеко от семьи и родины. Мы с ужасом взирали на монастырские стены, и грудь наша сжималась при виде их. Ряд башен угрюмо смотрел на нас, как часовые. На пристани нас встречали чекисты с револьверами, за ними женщины, мужчины и даже дети — толпа любопытных. Приехавших сортировали: женщин и детей в одну сторону, мужчин в другую. Меня и двух больных отделили от прочих. Дали нам телегу и приставили одного «Соловецкого Архангела» с винтовкой и штыком.

— Дорогой мой, — сказал я ему, — ведь мы больные, никуда не сбежим, на что получил окрик:

— Молчи, не разговаривай, а не то застрелю на месте.

Первый пост

Наконец, мы прибыли к воротам Соловецкого Монастыря — они называются теперь Первым постом. Чекист с винтовкой в руке стоит на посту у ворот, ведущих в рай ГПУ, откуда никого не выпускают.

«Эй, ломовой, стой, где пропуск?» Наш конвоир сказал часовому что-то на ухо, и нас пропустили. Подвода дошла до собора.

В это время к нам донеслась громкая песнь из собора, который был обращен в арестантское помещение: «Мы кузнецы, грудь наша молот, куем мы счастье народа»... и т.д.

Я узнал голоса моих друзей-студентов. С ними было несколько меньшевиков, поднявших шум из-за нежелания разместиться в сыром, грязном соборе.

К нам подошел дежурный по лагерю и потребовал, чтобы я поднялся в собор, что там будет произведен обыск, а затем меня непременно переведут в больницу. Я категорически отказался: «Никуда не двинусь, позовите дежурного врача и фельдшера».

Получив такой ответ, он отвернулся от меня, поговорил с находившимися с нами больными и ушел. Через несколько минут был прислан санитар, с помощью которого я со своими компаньонами был доставлен в монастырскую больницу.

В монастырской больнице

Там, прежде всего, мы попали в баню, где банщиком был такой же арестант, очень вежливый человек. Не успели мы раздеться, как ударили в старый монастырский колокол. Это было в пять часов утра — время вставания арестантов. Нам выдали казенное белье, которого я так боялся и из-за которого у меня всегда происходили скандалы. Я отказался его надеть. Банщик ничего не имел против того, чтобы я надел свое белье, но для этого необходимо было особое разрешение заведующего лазаретом. На мое счастье это было то самое лицо, с которым я недавно поругался — Александр Абрамович Ширяев; я поругался с ним еще раз.

— Не забывайте — сказал он мне — что вы находитесь в Особом лагере ГПУ.

Кончилось тем, что я, поймав вошь, вложил ее ему в руку и сказал:

— Делайте, что хотите, но я не намерен надевать такое белье.

Он ничего не ответил и разрешил мне взять собственное белье.

После бани мы были переведены во второй этаж старой монастырской больницы, помещающейся в роскошном здании. Оно было построено при царской власти и было предназначено для тюрьмы, — исключительно для лиц, играющих видную политическую роль, но лет шестьдесят-семьдесят тому назад тюрьма была уничтожена, и здание подарено монастырю. Монахи устроили в нем свою больницу. В третьем этаже помещалась больничная церковь. Потолок и стены были расписаны великолепными фресками, которые, однако, были замазаны мелом. Арестанты самовольно осторожно смывали мел, так что все священные изображения становились видными. Это строго каралось, вплоть до отправки в карцер.

Я пролежал в больнице около двух месяцев, судьба сжалилась надо мной: через одну или полторы недели своего пребывания в Соловках туда прибыл замечательный человек и прекрасный врач из группы пепеляевцев, о котором я говорил выше, именно доктор Симонов, и московский врач Сергей Иванович Лапин, высланный на три года в Соловки.

Через два месяца мне стало легче, я просил выписать меня из больницы и дать мне пропуск, чтобы я мог совершать прогулки за пределами «Кремля».

Администрация сначала не соглашалась, но я, в конце концов, добился своего и прямо из больницы был переведен в десятую роту и назначен дневальным.

До сих пор я не знал лагеря, так как пролежал в больнице, и только теперь начал узнавать, что представляет собой проклятый «СЛОН».

Расстрел шести

Я пробыл там не больше двух недель, когда со мной случился первый припадок, причем у меня отнялся язык и правая рука, и я снова должен был пролежать долгое время в больнице.

Причиной моего нервного потрясения было получение известия о расстреле молодой русской девушки восемнадцати лет — санитарки, ее двух братьев, молодых людей двадцати пяти-двадцати семи лет, и еще трех других арестантов за то, что они якобы намеревались совершить побег.

Эта молодая девушка работала в нашей больнице, я часто с ней беседовал и знал достоверно, что донос был сделан ложно чекистами, чтобы выслужиться и получить досрочное освобождение. Никто из них и не помышлял о побеге.

Лишь в феврале 1924 г. мне стало лучше, и меня снова перевели в инвалидную команду.

Только теперь я получил возможность выходить из Кремля и познакомиться с окрестностями.

История СЛОНа

В 1923 г. в Соловках был открыт лагерь ГПУ, получивший тогда свое название СЛОН (Соловецкий Лагерь Особого Назначения). В том же году этот лагерь был умышленно подожжен и разграблен. Все чекисты, охранявшие в то время здание, сидят до сих пор в тюрьмах. К сожалению, я точно не помню их фамилий и где именно они сидят.

I отделение Соловков помещается в этом здании, где жил раньше настоятель монастыря и находилось главное управление монастыря. В помещении настоятеля, в третьем этаже, теперь живет начальник I отделения, во втором этаже этого здания находится ресторан, а в первом — комендатура I отделения.

В домашней церкви настоятеля, во втором этаже, устроен музей СЛОНа — живопись на стенах еще сохранилась. Как раз под домашней церковью находятся «Святые Ворота», которые закрыты для арестантов, и в них помещается пожарное депо. Проход для начальства открыт. Обширный монастырский двор окружен с четырех сторон зданиями, в которых были расположены кельи монахов — теперь там живут арестанты. Среди двора высятся три собора: главный, Преображенский,

рядом с ним ризница и еще два собора. Напротив «Святых Ворот», во дворе стоит маленькая часовня с колокольней, которая раньше называлась «Царской». Там висит колокол, который в пять часов утра будит арестантов. В настоящее время вместо колокола будит гудок с электрической станции. Под собором находится пекарня. Преображенский собор величают большим музеем СЛОНа. Ризница и другие два собора отведены для помещения арестантских рот: в них размещена «шпана» — уголовники. Грязь невообразимая, вши ползают по всему полу, так что их приходится давить ногами, проходя между нарами. Стены покрыты вонючей сыростью. Кресты на всех соборах сорваны. В самом высоком из куполов среднего собора, вместо креста, развевается флаг СССР.

Роты лагеря

Внутри монастырского двора расположены все пятнадцать рот лагеря: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я роты, в которых помещаются рабочие различных мастерских, электрической станции, железнодорожники и т.д. В 6-й роте находятся исключительно священники и работники «Культпросвета». В 7-й и 8-й ротах помещается самый нежелательный элемент «шпана». Конечно, все роты грязны, но 7-я и 8-я выделяются в этом отношении. 9-я отведена для чекистов; в 10-й находятся все канцеляристы и сотрудники управления. Роты эти имели различные названия: буржуйская, чекистская и т.д.

Во власти вшей

В 11-й, 12-й и 13-й ротах сидят, в большинстве, уголовники: я не думаю, чтобы где-нибудь в мире могли держать людей в таких ужасающих условиях, как в этих ротах. Люди совершенно голые, грязные, больные, голодные. Нет ни уборной, ни умывальной. Трудно изобразить этот ужас. При суровой зиме, голодные люди возвращаются с утомительных работ усталые и должны умываться на морозе, что было иногда совершенно невозможно. Вследствие нечистоплотности на человеке заводились всякие насекомые. Я сам был свидетелем, как одного несчастного вши заели буквально до смерти.

Строительные роты

Помещения трех названных рот очень тесные, они помещаются в двух соборах, из которых в самом большом живет около семисот человек, если не больше. 14-я и 15-я роты помещаются в недавно после пожара отремонтированном здании (хотя пожар был в 1923 г., ремонт закончился только в 1926 г.): там живет смешанный элемент, но есть и интеллигентная публика. Эти роты называются «строительными», так как среди их обитателей много

техников, чертежников и т.п. Там я оставил, покидая Соловки, моего земляка — афганца Кабир-Хана, инженера по профессии. Страшно его жалею, если он до сих пор еще там.

Кроме того, есть сводная рота, находящаяся за пределами Кремля. В бывшей монастырской гостинице — сейчас помещается управление СЛОНа.

Недалеко от того здания находится двухэтажный дом, в котором прежде также была монастырская гостиница. Сейчас это «Женбарак», где живут несчастные арестованные женщины — положение их будет подробно описано ниже.

По соседству с «Женбараком» расположено кладбище.

Бывшие монахи

По другую сторону от Управления находится деревянное здание, которое в прежнее время занималось «Архангельской гостиницей». Внизу помещаются оставшиеся несчастные монахи, человек двадцать пять-тридцать. В настоящее время они занимают различные должности и живут в качестве свободных людей. Арестантам не разрешается поддерживать с ними сношения. На втором этаже живут бывшие чекисты — арестанты, которые работают по надзору (внутренняя охрана): будучи сами арестантами, они охраняют остальных арестантов.

«Соловецкая королева»

Примерно в трех верстах от I отделения, расположен маленький монастырский скит, который сейчас называется «Горка», или «Дворец ном. 1», где живет начальник управления. В двух с половиной верстах к северо-востоку от Кремля находится кирпичный завод, вблизи которого, на расстоянии пол-одной версты находится «Биосад», иначе называемый «Дворец ном. 4», где живет начальник административной части Васьков. Жену его все жители Соловков, как арестанты, так и вольные, называют «Соловецкой королевой». Там же живет так наз. «наследник», ее брат — Киселев, личный секретарь Васькова, и, наконец, домашняя прислуга их и кучер из арестантов.

Весь описанный район составляет I отделение, в котором, в общей сложности, проживает около четырех тысяч человек.

На том же острове расположено также II отделение, состоящее из «Секирки» и «Савватьева», и III отделение «Муксальма»; IV отделение — «Анзер», находится на другом острове. Насколько я помню, V отделение расположено на Кондо-острове и VI — на Мягком острове. Каждое отделение имеет своего особого начальника, подчиненного начальнику Управления Эхману, который, в свою очередь, подчинен непосредственно Москве.

Таков СЛОН, помещающийся на крайнем севере, среди Белого моря: военную охрану составляют около двухсот пятидесяти красноармейцев и ста пятидесяти чекистов.

«Секирка»

Хотя «СЛОН» представляет собой настоящий ад, но и в этом аду есть свое особое пекло — «Секирка», о которой я хочу теперь рассказать.

Это бывший монастырский скит. На высоком холме стоит старая колокольня, к которой ведут больше двухсот ступеней. В этом круглом здании все стекла выбиты. Сюда приводят в виде наказания арестантов, снимают с них всю одежду и оставляют в одном нижнем белье.

Паек состоит из одного фунта хлеба, через день дают вонючую воду, в которой варилась треска. Никаких продуктов на свои деньги не разрешают покупать. Запрещено также получать из дому письма и посылки. Те, которые попадают туда летом, еще могут выжить, но те, которые прибывают зимой, почти все погибают. Я часто видел своими глазами, как приезжали телега или сани, на дне было положено немного сена, а на нем вповалку несколько совершенно голых людей — буквально скелетов, прикрытых лишь сеном. Я хотел с ними поговорить, но они были всегда так слабы, что не могли произнести ни слова. Через несколько дней, когда я заходил в больницу, чтобы узнать от них кой какие подробности их кошмарной судьбы, я их в живых уже не заставал.

Вот как арестанты возвращались из «Секирки». Расскажу теперь, как их туда отправляют. Часто проходя мимо дежурного по лагерю, я видел большую толпу арестантов. Это и была отправка этапа в Секирку.

В 1924—1925 гг. женщин туда тоже отправляли. Их родные и друзья стояли поодаль и горько плакали, посылали им последний привет, зная, что расстаются навеки, что возврата из «Секирки» нет, что ждет их верная смерть. Многие отчаивались, рыдали, кричали, но чекисты, окружавшие этап, безжалостно и грубо гнали их вперед, толкая прикладами.

Даже и при тех условиях, при которых арестанты сидят в «Секирке», они не освобождаются от работы: их ежедневно отправляют под конвоем на работу, и каждый должен выполнить положенный ему урок. Очевидно, при той пище, которую они получают, они, по существу, не могут быть пригодными к какому либо физическому труду.

«Заячьи острова»

Сейчас женщин в «Секирку» не ссылают, для них изолятором являются «Заячьи острова», расположенные в море, в шести верстах от I отделения. Попавшие туда женщины должны сами исполнять всякую работу, таскать кам-

ни, дрова и т.п. Во время пребывания там им полагается только отвратительная казенная пища и запрещено получение писем, посылок и денег. Для наблюдения над ними на острове живут два или три чекиста.

Обычно женщины попадают на Заячьи острова за безнравственное поведение.

Нужно сказать, что положение женщин в Соловках особенно ужасно. Держат их под постоянным надзором, никуда не выпускают без конвоя, на работу их сопровождают вооруженные винтовками красноармейцы. Даже в театр женщин обязательно сопровождают старосты или надзирательницы «женбарака». И все же, несмотря на надзор, почти каждый месяц бывает два — три случая аборта, и, кроме того, появляются ежегодно многочисленные дети.

«Дом отдыха для стукачей»

Выше я упоминал о Кондо-острове; постараюсь его вкратце описать. В ста двадцати — ста двадцати пяти верстах по морю от I отделения в Соловках расположен этот остров. Сообщение с Кондо-островом с материка поддерживается морем через Соловки.

Первый пароход прибывает туда в двадцатых числах июня, а в конце октября прекращается навигация. Зимой каким-то образом устанавливается сообщение с материком. На соловецком языке этот остров называется «дом отдыха для стукачей» (стукач от слова стучать). Туда ссылаются отличившиеся чекисты и другие мерзавцы, которые, чтобы получить досрочное освобождение, донесли на таких же арестантов, как они сами.

За что посылают на Кондо-остров

В 1925 г. был очень интересный случай ложного доноса на медицинский персонал, когда в Соловках еще сидели социалисты. Я уже описывал выше больницу: в третьем этаже этого помещения, в маленьком коридоре, помещались только социалисты, и находился чекистский пост, так называемый «надзор». Эти чекисты, вероятно, соскучились без дела и написали донос на весь медицинский персонал. Человек десять — пятнадцать арестантов, занимавших различные должности при больнице, были арестованы. Весь лагерь был глубоко возмущен, но роптать открыто не смели, так как каждый мог за это немедленно быть посаженным в карцер. Больница осталась без служащих.

Донесли, будто медицинский персонал сообщал социалистам интимные подробности лагерной жизни. Начальник оперативной части Васьков «загремел». Засуетились чекисты, стараясь создать «дело». Следствие, однако, никаких результатов не дало, и, через несколько дней, все были освобождены, кроме трех: чест-

нейшего и милейшего д-ра Симонова, молодого студента Адельского и прекрасной женщины, сестры милосердия Александры Ивановны Корниловой; их промучили около четырех месяцев в проклятом изоляторе (одиночке), а затем освободили. Тот же чекист, который на них ложно донес, был отправлен на Кондо-остров.

Социалисты на Соловках

А вот как жили в Соловках социалисты. Их было около пятисот человек. Помещались они в различных отделениях, кроме I-го. Несмотря на запрещение сноситься с товарищами, находящимися в различных отделениях, социалисты нашли возможность сообщаться между собой. Для них существовал особый социалистический паек, который был лучше обыкновенного лагерного. Никаких работ они не исполняли, наоборот, лагерная администрация предоставляла в их распоряжение рабочую силу; они только готовили для себя пищу, а для других работ: колка и таскание дров, уборка помещений и т.д. — к ним прикомандировывались арестанты из уголовников, причем последним было запрещено вступать с социалистами в какие бы то ни было разговоры. За нарушение этого запрета виновным угрожали не только карцер или «Секирка», но иногда и новый срок.

Припоминаю один случай, имевший место в 1925 г. не то в «Анзере», не то в «Муксальме». Содержавшимся там социалистам было воспрещено покидать занимаемые ими помещение после наступления темноты, с предупреждением, что часовые будут открывать огонь против нарушителей правил. Несмотря на запрет, группа социалистов вышла однажды вечером из дому. Постовые красноармейцы открыли стрельбу, причем три или четыре человека были убиты и многие ранены. В ответ на это социалисты предъявили требование о присылке в Соловки особой комиссии из Москвы для расследования всего дела, угрожая, что в противном случае они обольют себя и дом керосином и подожгут[2].

Вместо комиссии в конце 1925 г. прибыл из Москвы особый отряд ГПУ во главе с известным чекистом Дуккисом, который забрал всех социалистов, за исключением десяти — пятнадцати человек и, погрузив их на пароход «Глеб Бокий», отправил их на материк. Из них человек восемь или двенадцать были в Кеми отделены от прочих и возвращены в Соловки; что стало с остальными — не знаю.

В числе этих возвращенных социалистов находился, между прочим, один мой приятель, с которым я еще в 1923 г. сидел вместе в Бутырской тюрьме, грузинский меньшевик, молодой человек двадцати семи — двадцати девяти лет.

[2] 19 декабря 1923 г. в Савватиевском скиту были убиты шесть человек из числа политических заключенных, которые вышли на прогулку во внеурочное время. Событие спровоцировало двухнедельную голодовку, итогом которой стало то, что 17 июня 1925 г. «политики» были вывезены на материк. — Здесь и далее примеч. ред.

Прибыв на Соловки, я вскоре узнал, что он там находится, но никак не мог с ним увидаться, ибо он жил в отделении для социалистов в одном из скитов, куда прочим арестантам доступ был закрыт. Лишь когда мы случайно оба оказались одновременно в больнице, я его видел несколько раз мельком в ванне, — единственное место, где мы могли встречаться, так как и в больнице социалисты содержались отдельно от прочих.

После отбытия большинства социалистов с Соловков, он оказался как раз в числе немногих возвращенных из Кеми и помещался в общей роте. Он давно страдал ушной болезнью, и врачи настаивали на отправке его на материк для лечения. ГПУ отказало, и несчастный молодой человек летом 1926 г. скончался, оставшись навсегда на тихом Соловецком кладбище.

Смерть Хорошавина

Такая же судьба постигла одного моего большого друга Хорошавина: осенью 1925 г. он простудился на какой-то «ударной» работе и тоже заболел ушами. Лагерные врачи Симонов, Лапин и Марья Васильевна, очень его любившие, принимали все меры, чтобы добиться разрешения перевода его на материк для лечения. Но ГПУ и тут осталось неумолимым. Когда Хорошавин заболел, к нему была допущена на свидание его мать, пожилая женщина, специально приехавшая для того из Москвы. Я ее не раз встречал в больнице у сына. Оставаться в Соловках разрешено ей было всего одну неделю. После окончания этого краткого срока она должна была оставить умирающего сына и возвратиться в Москву.

Но душа матери не успокоилась: она снова стала хлопотать и, в декабре, добившись разрешения на вторичное посещение Соловков, оставила мужа и младшего сына, чтобы только еще раз увидать больного. Но старания ее были напрасны: прежде чем она добралась до мест назначения, сын ее скончался. Она не поспела даже на его похороны. Тем не менее, уже после похорон, она прибыла в Соловки. Несмотря на противодействие администрации, мне удалось получить разрешение на свидание с ней, и потому я один могу судить о том, какие душевные муки переживала эта старуха мать, которой не удалось в последний раз повидаться с замученным ГПУ сыном. На ее беду немедленно после ее приезда, море замерзло, и ей предстояло просидеть в лагере всю долгую северную зиму, вплоть до открытия весенней навигации. Условия, в которых ей пришлось жить, были ужасны, так как она должна была поселиться совершенно одна за Кремлевской оградой. Но тут сама судьба как бы сжалилась над несчастной: первого января в Соловецкий порт прибыли два ледокола и пятого или шестого с одним из них она выехала обратно в Москву.

Свидания с арестантами

Мне хочется объяснить, что называется в Соловках «свиданиями» с арестантами.

Существует две категории свидания: личное — без надзора, и другие — в присутствии надзирателя. На всякие свидания нужно получать разрешение из Москвы. Обыкновенно разрешается пребывание в Соловках на неделю, самое большое на две недели. Личное свидание состоит в том, что жена или мать может гулять вместе с арестантом, вместе обедать и разговаривать без всякого надзора. Если муж имеет друзей по камере и может с ними сговориться, жена может даже ночевать в камере. Но свидания второй категории разрешаются почти исключительно чекистам, и никогда — обыкновенным арестантам.

Однако и при этих свиданиях есть свои кошмарные подробности. Я припоминаю, как в 1925 г. на свидание с доктором С.И. Лапиным, заведующим лазаретом, прибыла из Москвы его жена, тоже врач. Ей было разрешено жить при больнице, в помещении д-ра Лапина. Как-то вечером получился приказ отправить трех больных уголовных в Кемь и далее в Петербург для лечения.

Должен добавить, что отправляли из Соловков для лечения на материк исключительно уголовных. За все мое пребывание в Соловках, в течение двух лет и трех месяцев, я знаю только пять или шесть случаев отправления больных не уголовных для лечения на материк. Прогудел второй гудок, а больные еще не были доставлены на пароход. Васьков, стоявший на берегу, спросил доктора Лапина: «Скажите, где же больные?» Лапин, не зная, прибыли они или нет, ответил: «Разве их еще нет?»

За такой ответ Лапин и дежурный фельдшер были отправлены в карцер.

Какие мучения должна была переносить жена д-ра Лапина, приехавшая к мужу на такое короткое свидание?

Другой случай: со мной сидел в Соловках адвокат Савицкий, добрая душа, уроженец Украины. Приехала к нему мать. Благодаря хлопотам друзей по лагерю, ей было разрешено «личное» свидание. Приготовила она великолепные малороссийские вареники и сырники, которые мы с большим наслаждением уничтожили. А на следующий день мне пришлось провожать несчастную женщину, так как Савицкий был посажен в карцер. Мы скрыли от нее, что на него было наложено взыскание, и сказали ей, что он должен был экстренно, по службе, отлучиться из лагеря, и она в слезах покинула Соловки.

А посадили Савицкого вот за что: одна молодая женщина приехала в Соловки для свидания с мужем и имела разрешение видеть его только в присутствии надзирателя. Проходя случайно мимо «дома для свиданий», Савицкий увидел эту

женщину, сидящей на окне, и поклонился ей. Находившийся тут чекист немедленно донес, будто Савицкий разговаривал с нею. Этого было довольно.

«Дома для свиданий»

На двенадцать — пятнадцать тысяч человек арестованных разрешается ежегодно не более пятидесяти личных свиданий.

Все прибывшие для свиданий в Соловках лица помещаются в так называемом «доме для свиданий», под контролем надзирателя, который и называется «заведующим свиданиями». Ежедневно в три часа все, имеющие разрешение еще и от лагерного начальства (кроме Москвы), отправляются в этот дом. Разговор должен вестись в присутствии надзирателя, на русском языке, не более одного часа. Необходимо отметить те ужасные условия, в которых находятся молодые женщины, приезжающие в «дом свиданий». Их оттуда никуда не выпускают и заставляют переносить такие унижения и оскорбления, которые мне стыдно описывать. Читателю предоставляется догадаться, что могут делать грубые, наглые, развратные надзиратели с беззащитными молодыми женщинами.

В 1925 г. в силу каких-то высших соображений не успели своевременно, т.е. до закрытия навигации, доставить в Соловки продукты на зиму. Положение в лагере становилось критическим: невозможно было получить даже самых необходимых предметов, вроде махорки, сахару, подсолнечного масла и т.п. Мы все начинали с тревогой думать о предстоящей зиме, угрожающей нам голодной смертью.

Пытались сперва отправить на материк за продуктами местный соловецкий флот, но несчастный старик «Глеб Бокий», выйдя в море, подбил себе бок и должен был идти на исправление в док; впрочем, до дока он не добрался, так как был по дороге затерт льдами и остался зимовать в открытом море. Чтобы спасти положение, вызвали по телеграфу из Архангельска ледокол, но лед оказался сильнее его и он застрял, не дойдя до Кеми. На выручку ему послали второй, более мощный ледокол в тысячу пятьсот тонн. Этот с успехом справился с возложенной на него задачей, выручил своего товарища и вместе с ним и продуктами благополучно прибыл в Соловки.

«Глеб Бокий» и «Нева» так и остались зимовать во льдах. За вызов обоих ледоколов необходимо было заплатить семьдесят тысяч рублей. Заплатили арестанты.

Встреча Нового Года

Еще с начала декабря начали готовиться к встрече Нового Года. Самая встреча состоялась не в ночь на первое января, как это бывает во всем мире, а ночью второго января. Тому было много причин: во-первых, отсутствовал начальник управления, во-вторых, не было продуктов.

Для празднования было отведено здание «Культпросвета», в котором помещался театр. Программа торжества состояла из концерта и бала. Администрация лагеря и команда ледокола присутствовали в качестве гостей, т.е. бесплатно, с арестантов же взималась за вход плата в размере пяти рублей. Нашлись сумасшедшие, которые эти деньги заплатили.

В двенадцать часов, после окончания концерта, на сцене были расставлены столики, и в зале начались, под звуки духового оркестра, составленного из тех же арестантов, танцы, продолжавшиеся до пяти часов утра. За столиками располагалось лагерное начальство, вперемежку с арестантами. Зрелище для постороннего зрителя весьма умилительное. Однако несколько арестантов были из зала отведены прямо в карцер.

Матросы ледокола ничего, кроме этого праздника, в лагере не видавшие, могли вынести впечатление, что в Соловках вообще нет тюрьмы — в общепринятом смысле слова, а есть какая-то коммунистическая идиллия, в самом деле, лагерное начальство, пирующее бок о бок с заключенными, словом, совершенное воплощение начала равенства. О, если бы команда ледокола ознакомилась хотя бы с ближайшими окрестностями театра! Как раз рядом расположены 12-я и 13-я роты, где, как я уже упоминал выше, томятся в нечеловеческих условиях уголовники. Зайдя туда, матросы увидели бы подлинных арестантов, валяющихся на голом полу, в нечеловеческой грязи и ловящих вшей, в то время, как немногие счастливцы из их среды (большей частью арестанты из чекистов) пили вместе с администрацией вино и танцевали. Здесь напивались до бесчувствия, там в ротах, томимые смертельными болезнями люди, брошенные без всякого ухода, тоже теряли сознание, но не впредь до вытрезвления, а навеки.

Начальником первого отделения был в то время Кучма, совсем молодой человек. К концу вечера он, как и многие другие, был мертвецки пьян, что, впрочем, и не удивительно, если принять во внимание, что им было выпито вина (на основании поданного ему счета) на сумму сто тридцать — сто сорок рублей. Конечно, он не заплатил, да и не мог заплатить, ибо все его жалованье составляло что-то пятьдесят или шестьдесят рублей в месяц.

Велар

Весной 1925 г. большую сенсацию вызвало в лагере появление некоего господина Велара в составе одного из этапов арестантов из пятисот человек. Ко мне пришло несколько человек из знакомых, прося пройти в 12-ю роту, куда только что привели вновь прибывшего иностранца, не понимающего ни слова по-русски, и постараться ему помочь. Придя в роту, я застал там, в той ужасной обстановке, в какой содержались уголовники, пожилого иностранца, с симпатичным интеллигентным лицом, с

которым мог без труда объясниться, так как он свободно говорил по-английски (кроме того, он говорил по-французски, гречески и испански). Мне удалось извлечь его из этого ада и добиться перевода в 10-ю роту, где общие условия жизни были, все-таки, несравненно лучше. Из беседы с ним я выяснил, что Велар был мексиканским консулом в Египте. Каким же образом судьба бросила его в Соловки? Оказалось, что жена его была родом грузинка. Получив известие о тяжелой болезни матери, с которой она не виделась много лет, она решила отправиться к ней в Грузию. Не желая отпускать ее одну в столь рискованное путешествие, муж поехал вместе с ней. Вскоре по прибытии на Кавказ, вся семья была арестована: брат жены расстрелян, а сам Велар с женой выслан в Соловки сроком на три года.

В первое время супругам Велар приходилось на Соловках тяжко. Жена, очень гордая женщина, была назначена на работы в лагерную прачечную. Сам Велар был, правда, по освидетельствовании медицинской комиссии, причислен ко второй категории больных, но это не освобождало от так называемых «легких работ», к которым на практике относились и работы, в сущности, далеко не легкие. Через некоторое время он пристроился в небольшой ларек, расположенный в самом Кремле, продавать молоко. Сидя там, он ежедневно по четыре раза видел, как жена его отправлялась на работу в прачечную, либо возвращалась оттуда: утром, перед обедом, после обеда и вечером. Но у Велара были при себе кое-какие деньги, и с их помощью ему скоро удалось добиться облегчения своей участи.

Перезнакомившись с разными лицами, занимавшими в лагере административные должности, он дошел и до самого Эхмана. Заметив из разговоров с ним его слабость ко всякого рода музеям и культурно-просветительным учреждениям, хитрый иностранец сейчас же решил использовать эту слабость в своих интересах. Судя по словам самого Велара, он договорился с Эхманом, что жертвует в пользу музея 5000 рублей и за это получает разрешение жить вместе с женой. Как человек предусмотрительный, он не заплатил сразу условленной суммы, которой у него, впрочем, и не было при себе, а ограничился взносом наличными 2000 рублей, пообещав заплатить остальное впоследствии, по получении денег от брата из Египта. Как бы то ни было, он был назначен заведующим музеем, а для жительства ему и жене была отведена часовня в знаменитом «Биосаде» (во главе которого тогда стоял Некрасов). Часовня, таким образом, обратилась как бы в особняк Велара. В его распоряжение были предоставлены, кроме того, прислуга и лошадь.

В «Биосаде»

Все шло хорошо, покуда у Велара были деньги. Даже такой грубый человек, как Некрасов, загубивший немало арестантов в Соловках, был с ним любезен. Велар имел

возможность вести беспечальную жизнь и пользоваться всеми удобствами, принимая у себя влиятельных лиц из лагерного начальства, угощая их папиросами и ликерами, и за это получал от них разного рода льготы. Ему было даже разрешено выписывать из Лондона газету «Дейли Геральд», которой я лично пользовался. Но время шло, деньги от брата, на которые он так рассчитывал, все не приходили, несмотря ни на отчаянные телеграммы Велара, ни на заявления, которые он, подобно многим иностранцам, подавал на имя Чичерина. Что бы как-нибудь выйти из положения, становившегося критическим, Велар обратился за содействием к тому же Эхману, прося его впредь до получения им денег открыть ему известный кредит в «Розмаге» (розничный магазин). Эхман выдал Велару соответствующий ордер. Последний сразу забрал себе в кредит продуктов на 4500 рублей, т.е. на большую сумму, чем та, которая им в свое время была пожертвована. С помощью этих товаров, он протянул еще несколько месяцев.

В начале 1926 г. запасы продуктов у Велара кончились, а денег из Египта не было. Положение его, поэтому, резко ухудшилось, все от него отвернулись, никто не хотел ему помогать. Эхмана в это время в Соловках больше уже не было, так как он был вызван в Москву. Его замещал Пуговкин, заведующий хозяйством полка. Пока Велар был при деньгах, сестра жены Пуговкина жила вместе с ними и у них столовалась; теперь же возник вопрос о выселении их из «Биосада», с тем, чтобы самого Велара вернуть в роту, а жену его в «Женбарак». Особенно много неприятностей претерпел Велар от заведующего «Биосадом» Некрасова. Нашлись, впрочем, у Велара и доброжелатели, которые усиленно за него хлопотали перед Васьковым. Последнему, при воспоминании о коньяке, которым его угощал Велар, очевидно, стало стыдно, и он остановил временно, впредь до возвращения Эхмана, исполнение отданного уже Пуговкиным приказания о выселении четы Велар. Несмотря на это, его все же перевели из помещения, которое он раньше занимал, в другую часовню, поменьше и заставили заплатить за произведенный там ремонт. Он был также отстранен от должности заведующего музеем. Несчастный ходил в слезах, умоляя всех, в том числе и меня, о помощи. Я был бессилен что-либо для него сделать, но, поскольку мог, всегда помогал ему и его жене.

В мае вернулся из Москвы Эхман. Немедленно против Велара начались сильные интриги, и неизвестно, чем бы они закончились, если бы в скором времени не пришла телеграмма из Москвы, на основании которой он и его жена должны были быть в срочном порядке, под конвоем, отправлены в Москву. Выполнить это предписание было, однако, не совсем просто, так как, ввиду крупного непогашенного долга Велара «Розмагу», лагерная администрация не желала его выпускать. Потеряв всякую надежду на поступление денег от брата, Велар решил, наконец, набрать необходимую сумму по мелочам у своих приятелей-арестантов.

Этот способ оказался более удачным: примерно через две недели он смог уплатить некоторую часть долга наличными и представить поручителей из арестантов на остальную сумму. После этого, он, наконец, тронулся в путь. Из Петрограда он выслал 50 рублей в погашение долга, но затем до моего отъезда из Соловков, т.е. до сентября 1926 г., от него никаких денег больше не поступало.

Велар, о котором я рассказывал в прошлый раз, часто мне утверждал, что он сидит в Соловках без всякой вины. Правда это или нет, судить не берусь, однако охотно допускаю, что это так, ибо мне известно много случаев ссылки в Соловки людей, за которыми определенно не числилось никакой вины против советской власти.

Дело адвоката Ахшарумова

На одном из этих случаев мне бы хотелось вкратце остановиться. Мой большой приятель Павел Васильевич Степанов попал в Соловки вместе с целым рядом других лиц по обвинению в контрреволюции. Обстоятельства этого дела были следующие: Степанов, сам по профессии адвокат, устроил на службу в какое-то учреждение своего коллегу адвоката Ахшарумова, который, однако, два года спустя растратил казенные деньги, впрочем, небольшую сравнительно сумму: сто или двести рублей. Следователь обещал замять дело, если растрата будет покрыта.

Не имея возможности достать необходимую сумму нормальным путем, Ахшарумов придумал несколько необыкновенный способ: он составил от имени какой-то фантастической контрреволюционной организации прокламацию за своей подписью и пошел с этой прокламацией к своим знакомым собирать деньги на якобы существующую организацию. Побывал он и у некоего Павлова, владельца хлебопекарни. Денег не получил, но по рассеянности забыл прокламацию на столе. На беду она попалась на глаза племяннику Павлова, комсомольцу. Тот забрал ее и представил ГПУ. Чекисты, не торопясь, выследили, с кем ведут знакомство Павлов и Ахшарумов, а затем произвели многочисленные аресты воображаемых заговорщиков: попалось несколько купцов, один священник с сыном и Степанов. Часть их была выслана на Урал, остальные — в том числе Ахшарумов, Степанов и Павлов — в Соловки. Хотя Ахшарумов впоследствии чистосердечно рассказал следователю все и категорически подтвердил полную непричастность к делу своих сотоварищей по несчастью, все они вплоть до моего отъезда из Соловков продолжали томиться в заключении.

«Сорокадевятники»

Как я уже не раз упоминал, особенно тяжело положение томящихся в Соловках уголовников. На первый взгляд это может показаться весьма стран-

ным, но я определенно утверждаю, что и среди них огромное число (восемьдесят и даже до девяносто процентов) безвинно сосланы, во всяком случае, их поступки не подлежали бы наказанию по законам культурных государств.

Дело в том, что главный контингент среди уголовных составляют так называемые «сорокадевятники», т.е. лица, отправленные в ссылку на основании статьи 49 Уголовного Кодекса, предписывающей высылку лиц «социально опасных». К этой категории практика ГПУ относит лиц, вообще когда-либо и где-либо совершивших уголовное преступление. Вина многих из соловецких заключенных состоит, например, в том, что они совершили какую-нибудь кражу десять — пятнадцать лет тому назад, часто в местностях, которые теперь уже не входят в состав СССР (Варшава, Рига и т.п.), и потом отбыли, даже своевременно, свое наказание еще в царское время. Следует отметить, что в большинстве случаев лица, захваченные по обвинению в уголовном преступлении, охотно в нем сознаются и даже наговаривают на себя в надежде, что дело их пойдет нормальным судебным порядком и они попадут в обыкновенную тюрьму. ГПУ, однако, предпочитает ссылать их по 49-й статье административным порядком в Соловки.

Нищие

В качестве «социально опасного» элемента высылаются в Соловки в огромном числе нищие из Москвы, Петрограда и других городов. Среди них множество калек: безруких, безногих, слепых или страдающих различными болезнями. Ближайшим последствием массовой высылки нищих в Соловки, произведенной в 1925 г., была разразившаяся вслед затем в начале 1926 г. эпидемия тифа. Если от этой эпидемии не перемерло вообще все население лагеря, то лишь благодаря случаю, а отнюдь не вследствие заботливости начальства, не принимавшего даже самых элементарных мер борьбы с заразой в виде изоляции больных.

«Проститутки»

Наконец, к этой же категории следует отнести многочисленных женщин, не только молодых, но и старух, высланных сюда же в 1925 г. из разных городов, но преимущественно из Москвы и Петрограда под предлогом «борьбы с проституцией». Борьба эта, как и все в СССР, ведется самыми грубыми и примитивными приемами: агенты ГПУ хватали безо всякого разбора женщин, проходивших в вечерние часы по улице, и без какого бы то ни было расследования высылали их в Соловки, как «социально опасных» проституток. Среди таких страдалиц огромное большинство, как я сам мог убедиться из личных разговоров с ними, никогда не имело и отдаленного

отношения к проституции. Вообще эта категория населения Соловков даже в большей мере, чем какая-либо другая, состоит из лиц абсолютно ни в чем неповинных.

Брат на брата

Припоминается еще один, полный драматизма случай предательства пионером своего старшего брата, последствием чего была гибель целой семьи.

В Царском Селе проживала одна семья, состоявшая из отца, матери и двух сыновей. Старшему было немного более двадцати лет, он был офицер, бежавший в Финляндию, а младшему было около тринадцати лет, он учился в советской школе и поступил в пионеры. Ежегодно на праздники Рождества старший сын переходил тайно границу, проводил два — три дня у родителей и затем снова уходил в Финляндию, чтобы не быть арестованным. В 1920 или 1921 гг. он пришел обычным путем в полной уверенности, что все обойдется благополучно.

Однако на этот раз вскоре после его появления дома нагрянули чекисты, произвели обыск, арестовали беглеца и расстреляли его без всякого суда через несколько часов.

Убитый горем отец, заподозрив, что виновником этого внезапного обыска был младший сын, спросил у него, не он ли донес о прибытии брата. «Конечно, — ответил пионер, — я присягал, что буду доносить на всякого, будь то отец, брат или приятель. Я исполнил свой долг».

Возмущенный этим ответом, обезумевший от горя отец схватил револьвер и застрелил сына-предателя, а затем пустил пулю в лоб и себе. Потерявшая в течение нескольких часов мужа и обоих сыновей несчастная мать сошла с ума.

«Товарищеский суд» в Соловках

За преступления, совершенные в пределах самого лагеря, виновные отвечали в том же упрощенном порядке, в каком подобного рода дела решались в Москве и других городах России, т.е. перед местным ГПУ, отправлявшим их, без всякого разбирательства в карцер или «Секирку». Зимой 1925 г. вмешалась в это «Воспитательная часть», и по ее настоянию был создан так называемый «товарищеский суд». Иной человек мог бы предположить, что такой переход к «товарищескому суду», вместо суда ГПУ, обозначал собой значительное улучшение судопроизводства и имел последствием облегчение участи несчастных, похитивших кусок хлеба, пачку махорки или, самое большее, пару сапог под влиянием невыносимых условий соловецкой жизни.

В состав этого суда входили арестанты из чекистов, и таким образом вся затея «товарищеского суда» являлась сплошной комедией, и последствия ее бывали для подсудимых весьма трагичными. Если местное ГПУ присуждало обычных виновных к заключению в «Секирку», что, как я отмечал выше, в огромном

большинстве случаев являлось замаскированным смертным приговором, то «товарищеский суд» стал прямо возбуждать через лагерное начальство ходатайство перед московским ГПУ о разрешении применить к виновному за указанные только что мелкие проступки «высшую меру наказания».

Расстрелы

Я уже выше упоминал о невинных жертвах, расстрелянных в Соловках. Здесь мне хотелось бы остановиться более подробно на некоторых из этих случаев и вспомнить тех несчастных, которые навсегда остались лежать на Соловецких островах, сраженные пулями чекистов.

Партию арестантов, только что прибывшую в Соловки, прямо с парохода отправили на работу, не дав даже отдохнуть с дороги. Возвратились арестанты в лагерь лишь поздно ночью, но и тут им не пришлось как следует отдохнуть: среди ночи их разбудили и отправили на ночную работу. На следующий день послали работать на кирпичный завод, где условия труда были очень тяжелы. Надо полагать, некоторые из вновь прибывших оказались не в силах перенести такое напряжение сил, так как несколько человек из них самовольно ушло с завода в лес отдохнуть. Заводская администрация признала в этом наличность побега, и за ними была снаряжена погоня. Что в действительности тут никакого побега не было, а было лишь желание немного отдохнуть от непосильного труда, видно из того, что за исключением одного, все в тот же или на следующий день добровольно явились в лагерь и были снова поставлены на работу без какого бы то ни было наказания. Не вернулся лишь один казак Дорогун, скрывающийся в лесу. В летнее время это было не трудно, так как можно было пропитаться черникой и другими ягодами, в изобилии растущими на Соловецких островах. Все поиски в продолжение нескольких месяцев оставались безуспешными. Лишь в октябре Эхман, отправившись на охоту, неожиданно наткнулся в лесу на Дорогуна. Он был схвачен, доставлен в лагерь, заключен в изолятор и через несколько дней расстрелян. Вместе с ним были расстреляны и те несколько человек, которые в свое время вместе с Дорогуном покинули завод, но добровольно туда возвратились и не подверглись никакому взысканию.

Казнь осужденных по делу «лицеистов»

В 1925 г. в Соловки была выслана группа лиц, осужденных по делу «лицеистов»[3], для которой в лагере был установлен исключительный режим. Строгости доходили до

[3] В 1925 г. органами ОГПУ было сфабриковано «дело лицеистов» — выпускников Александровского (с 1911 г. Царскосельского) лицея, которых обвиняли в создании монархической организации с целью свержения Советской власти. В ночь на 15 февраля 1925 г. были арестованы свыше 150 человек, среди которых помимо лицеистов значились выпускники Училища правоведения, бывшие офицеры Семеновского полка и др. Из проходивших по этому делу — 26 человек были расстреляны, 25 сосланы в лагеря, еще 29 осужденных оказались в ссылках.

того, что их вообще никуда из Кремля не выпускали. Так продолжалось до 1926 г., когда пять человек из этой группы были переведены во II или III отделение (не помню в точности) по случаю открытия там больницы, куда их назначили на работу.

Через два месяца после этого я узнал, что все они: барон Остен-Сакен, полковник Аккерман и др. — расстреляны за то, что, якобы, намеревались совершить побег.

Соловецкие монахи

Ко времени моего приезда в Соловки там оставалось тридцать — тридцать пять монахов, по много лет проведших в монастыре и оставшихся там после закрытия его. Они занимали различные мелкие должности: один был кровельщиком, другой работал на рыбных тонях и т.д. — за что получали ничтожное вознаграждение в размере двадцати — двадцати пяти рублей в месяц. Помещались эти монахи в особо для них отведенном помещении в нижнем этаже дома, где жил надзор.

С одним из монахов — стариком лет семидесяти — я случайно разговорился при встрече на кладбище. Он, видимо, проникся ко мне симпатией и, узнав, что я индус и притом нахожусь в Соловках в качестве арестованного, а не служащего, сказал: «Жаль, что ты не попал в Соловки в былое время. У нас никогда не бывало индусов. Если бы ты приехал тогда, мы бы устроили ради тебя торжественное богослужение в Преображенском соборе и посадили бы тебя на почетное место под иконы».

К несчастью для меня я оказался в Соловках, когда там уже распоряжались не монахи, а ГПУ, которое собиралось посадить меня не под иконы, а куда-нибудь подальше, по возможности — навсегда.

Комиссия по досрочному освобождению

Арестанты, отбывшие свой срок в Соловках, в редких случаях отпускаются на полную свободу, исключение делается лишь для чекистов. Остальные либо получают так называемые «минус 6», т.е. им запрещается жить в шести главных городах СССР (именно: в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Одессе и Ростове-на-Дону) и в пограничной полосе, или ссылаются в Ново-Николаевск в распоряжение П.П. ГПУ (полномочного представителя Сибирской ГПУ). Еще хуже судьба отпущенных из Соловков уголовных: обычно они даже не доезжают до места назначения, ибо на одной из промежуточных станций их арестовывают агенты ГПУ и отправляют обратно в Соловки на новый срок в качестве «социально опасного» элемента. Арестанты ежегодно с волнением ожидали наступления октября, так как в середине или в конце этого месяца обычно прибывает из Москвы так называемая «комиссия по досрочному освобождению». Естественно, каждый надеется на свою счастливую судьбу, которая даст ему,

наконец, возможность покинуть место ссылки. Все нервы напряжены, лагерь полон всевозможных слухов.

В названной комиссии всегда участвуют прокурор ГПУ Катаньян, два члена «тройки»: Глеб Бокий, полновластный хозяин Соловков, и Фельдман, кроме того, еще несколько человек.

Чем же занимается эта комиссия? Прежде всего, пьянством, охотой, посещением театра и собственной экипировкой: шьют себе сапоги, шубы, шапки из тюленьих шкур и т.п. — и все, конечно, бесплатно. Наконец, насладившись досыта удовольствиями, комиссия приступает к делу. Начинается с митингов: один митинг созывается для красноармейцев, другой — для арестантов. На обоих обязательно выступает с речами Катаньян. В речи, обращенной к красноармейцам, он всячески натравливает их на заключенных, изображая последних опасными врагами советской власти, и призывает «товарищей» красноармейцев быть всегда наготове, твердо держать в своих руках винтовки и т.д. «Товарищам» арестантам он неизменно указывает на значительное число освобожденных в данном году, настаивая на том, что советское правительство не забывает и остальных и обещает в следующем году освободить еще больше арестантов, если только они будут вести себя хорошо.

Кого освобождают «досрочно»?

Интересно теперь посмотреть, какие именно категории арестантов попадают под досрочное освобождение. Прежде всего, это, разумеется, чекисты, которым иногда срок наказания сокращается весьма значительно. Затем идут уголовные, но лишь такие, которые через два—три месяца, самое большее через полгода все равно подлежали освобождению. Но и эта ничтожная льгота теряет всякое практическое значение, ибо огромное большинство их, доехав до Петрозаводска, в лучшем случае — до Петрограда, снова попадает в руки подлинных «товарищей» Катаньяна, т.е. агентов ГПУ, и снова ссылаются в Соловки, на новый срок. Я сам видел лиц, возвращавшихся таким путем в Соловки по два и по три раза. Наконец, в виде исключения, случайно освобождаются три—пять человек из числа к.-р. (контрреволюционеров).

Учитывая все сказанное, можно с полным правом сказать, что вся комиссия есть, в сущности, очередная гнуснейшая комедия ГПУ и ничего больше.

Архиепископ Иларион

Одновременно со мной томилось в Соловках более шестисот епископов и священников по обвинению в непризнании «Живой церкви» и вообще по церковным делам. Между ними был и архиепископ Илларион, ныне заместитель

Патриаршего Престола. Это был большого роста очень представительный монах лет сорока, высокообразованный, хорошо знающий несколько языков и, между прочим, понимающий немного по-арабски. Я питал к нему большое уважение и весьма часто заходил к нему беседовать. Он был назначен руководителем так называемой «ударной группы», состоявшей из молодых священников, для производства работ в спешном порядке.

Затем по каким-то политическим соображениям он был отставлен от этой должности и отправлен на рыбные тони, находящиеся в десяти-двенадцати верстах от I отделения. Однако недолго он там остался, так как был недавно вызван в Москву, где ГПУ потребовало от него признать официально «Живую Церковь». На это он не согласился и потому был снова выслан в Соловки, где и остался после моего отъезда в 1926 г.

Должен упомянуть, что во время праздника Св. Пасхи, праздника, особо чтимого русским народом, на кладбище, в часовне было разрешено служить пасхальную службу, на которой с большим трудом удалось присутствовать ста — ста пятидесяти священникам и монахам. Желающих помолиться в эту ночь священников и церковников было очень много, и они пришли туда без особого разрешения, но были все переписаны и отправлены в карцер.

Густые мрачные тучи, столько лет закрывавшие звезду моей судьбы, наконец, рассеялись, и звезда эта ярко засияла на небосклоне. Наступило счастливое для меня лето 1926 г.

Телеграмма из Москвы

В последнее время мои нервы пришли в совершенно невозможное состояние, особенно меня мучила бессонница, обычно я засыпал лишь после четырех часов утра.

В ночь на первое сентября (дело было около шести часов утра) мне снова явилась во сне моя мать, как тогда в Чите в подвале Чека. Она поцеловала меня в лоб и сказала: «Саид! Срок твоих мучений окончился. Тебе предстоит на днях далекое путешествие. Там ты найдешь свое счастье и исполнение желаний».

Проснувшись, я рассказал об этом сне моему приятелю Степанову и некоторым другим лицам, которые стали меня ободрять, указывая, что Индия всегда была страной чудес и что мы, индусы, обладаем даром предвидения.

Прошло всего два дня. Третьего сентября я зашел в Управление, чтобы повидаться кое с кем из знакомых, и случайно столкнулся в коридоре с Васьковым.

— Как, мистер, Вы еще здесь, — с удивлением спросил он, — разве Вам ничего не объявили?

— Пока нет, — ответил я.

Он пожал мне руку и сказал: «Ну, так собирайте скорее вещи. Вас вызывают в Москву. Поздравляю Вас».

Я хотел расспросить его подробнее, в чем дело, но у него не было времени, так как он должен был ехать по делам службы на Кондо-остров.

После разговора с Васьковым я возвратился к себе, быстро уложил вещи и попрощался со знакомыми, которых мне было очень жаль оставить мучиться в Соловках, особенно моего земляка афганца Кабир-Хана. Затем я отправился в административный отдел для выяснения подробностей предстоящего отъезда. Служащие отдела были крайне удивлены, что мне уже известно о вызове меня в Москву, и спросили, кто мне об этом мог уже сообщить. Я сослался на Васькова, и тогда мне подтвердили, что я, действительно, в этот день еду в Москву.

Надо заметить, что в Соловках установился обычай уведомлять лиц, покидавших по той или иной причине лагерь, о предстоящем отъезде всего за десять-двадцать минут до отплытия парохода, так что они с трудом успевали собраться в дальний путь. О каком-либо прощании с друзьями и знакомыми, понятно, при такой спешке не могло быть и речи. В основе такого обычая лежит, вероятно, нежелание допустить какие бы то ни было сношения остающихся в лагере арестантов с внешним миром, хотя бы в виде передачи писем или поручений к родным и знакомым. Что, конечно, было бы возможным, если бы отъезжающий заранее уведомлялся о своем отъезде.

Следовать этапным порядком я наотрез отказался. Не знаю, впрочем, что бы из всего этого вышло, так как ни Эхмана, ни Васькова в тот день в Соловках не было, а вести переговоры с оставшимися в Управлении молодыми чекистами не представлялось никакой возможности, да и вряд ли они имели бы успех. На мое счастье телеграмма из Москвы предписывала отправить меня срочным порядком и под специальным конвоем. Сопровождать меня были назначены два красноармейца, причем благодаря моим хорошим отношениям с полковым начальством, были выбраны симпатичные люди, которым было предписано заботиться во время пути, чтобы меня везли в приличных условиях.

При отправке арестанта из Соловков в Москву или при переводе его вообще с места на место ГПУ считает совершенно излишним снабжать его на дорогу продуктами или деньгами, несмотря на то, что такое путешествие, как мое, в самом благоприятном случае (если удастся попасть на скорый поезд) продолжается двое с половиной — трое суток, а то и дольше. В пути арестанту предоставляется кормиться, как ему заблагорассудится. Таким образом, ввиду полной невозможности заработать что-либо на Соловках, не получавшие в лагере денег от родных обречены голодать в пути.

Я имел еще немного денег, и вопрос о продовольствии в пути меня не тревожил. Судьбе было угодно, чтобы на эти деньги питались даже два человека, ибо когда я прибыл на пристань, я встретил там того греческого кап. Кашавили, о котором я уже упоминал выше в связи с поручительством его за Велара. Кашавили получил разрешение отправиться в Москву вместе со мной, и его друзья собрали для него десять рублей, но на беду об этом проведал начальник «финчасти» Соколов и отобрал у него деньги в погашение долга Велара. Несчастный был в полном отчаянии. Я утешил его, указав, что имеющихся у меня денег хватит и на двоих, и за все время путешествия до Москвы он кормился за мой счет.

Последний обыск

В последнюю минуту пришлось мне пережить несколько неприятных и тревожных моментов. Когда в два часа дня мы уже погрузились на «Пионера», и он был готов к отплытию, на пристань, запыхавшись, прибежал молодой чекист и приказал капитану задержаться. Всячески передо мной извиняясь и ссылаясь на категорическое предписание административного отдела, он предложил мне последовать за ним с вещами в Управление для последнего обыска. Там три чекиста, все мои знакомые, еще раз тщательно перерыли мой багаж, рассмотрели каждую бумажку, распороли даже мех моей шубы, стараясь, очевидно, найти что-нибудь, что дало бы им право задержать меня в Соловках. Не обнаружив ничего запретного, они были принуждены доставить меня обратно на «Пионера».

Однако они отобрали у меня все без исключения записки и, главное, все заметки, которые я за все время пребывания в тюрьмах и лагере ежедневно делал для памяти о различных событиях лагерной и тюремной жизни. Я до сих пор не могу примириться с пропажей этих бумаг и не потому, чтобы мне было жаль напрасно потраченного труда, но ежедневные мои записи были бы для меня весьма ценным материалом при составлении настоящих воспоминаний. Теперь я вынужден писать их исключительно по памяти, и многие подробности, которые стоило бы придать гласности, улетучились из моей головы и забыты навсегда. В сущности, я еще удивляюсь, как мог я — индус — запомнить такое множество русских имен, приводимых мной на этих страницах.

Во время обыска чекисты держали себя со мной в высшей степени корректно и ничего другого из вещей кроме бумаг не отобрали.

При моем отбытии Соловецкая пристань представляла совершенно необычное зрелище: много народу, в том числе женщины и дети, с которыми я успел

подружиться за мое двухлетнее пребывание в лагере, собрались проводить меня и пожелать мне счастливого пути. Среди них находились не только арестанты, но и много «вольных».

Вон из Соловков

Наконец в три часа десять минут «Пионер» отчалил, и остров, на котором я провел в заключении два с лишним года, остался позади. Вся команда «Пионера» состоит исключительно из арестантов. Даже находящиеся на нем один или два чекиста также из числа арестованных.

Мы приближались к Кеми. Дул свежий попутный ветер, точно сама судьба гнала меня на материк. В пути мы встретили хромого старика «Глеб Бокий», везшего в лагерь новый транспорт арестованных.

Я часто оборачивался назад и смотрел на Соловки, понемногу исчезающие в туманной дали. Только башня проклятой «Секирки» до самого прибытия в Кемь виднелась на горизонте.

Ровно в семь часов вечера я с содроганием сердца сошел на берег Кеми, откуда в 1924 г. отправлялся в Соловки. На пристани я встретил много старых знакомых-арестантов, которые все радостно меня приветствовали.

В пути

Ночь мы провели на вокзале, где я поужинал. Мне пришлось угостить ужином также и моих красноармейцев, так как по правилам ГПУ конвоиры в пути кормятся за счет арестованных, которых они сопровождают.

Около восьми часов утра подошел скорый поезд, и мы заняли в нем места. Поезд был вполне «буржуазный», что я почувствовал, отправившись вместе со своими спутниками в вагон-ресторан, чтобы выпить кофе. С непривычки мне в первое время все это казалось дивным сном.

Изрядно позавтракав, мы вернулись в свой вагон, а в два часа снова отправились в вагон-ресторан обедать. Капитан немедленно заказал официанту какой-то особый салат из помидоров. Я со своей стороны велел подать графин водки, приветствовал им капитана и сам, после пятилетнего воздержания, позволил себе выпить две рюмки. Красноармейцу же я советовал водки не пить, сказал, что не желаю ни сам снова попадать в подвал, ни чтобы он туда попал из-за меня. Он последовал моему совету и ограничился бутылкой лимонада.

Вагон-ресторан был переполнен публикой, с удивлением смотревшей на нас и принимавшей меня, вероятно, за важного комиссара, едущего в сопровождении адъютанта и охраны.

За одним из столиков сидел типичный рабочий в грязной русской рубахе и грязных сапогах, совершенно пьяный. Он требовал еще водки, не обращая внимания на официанта, убеждавшего его удалиться из вагона. Когда, наконец, последнему это надоело, он попробовал пригрозить пьяному тремя буквами, имеющими магическую силу в СССР — Г.П.У. В ответ на это рабочий заявил: «До сих пор я думал, что в России существует социалистическое советское правительство, а теперь вижу, что нет никакого правительства кроме ГПУ. Мне вот рассказывали, что буржуи обиделись, когда после революции три буквы из азбуки выкинули ("ь", "ъ" и "і") и уехали из России, и согласны вернуться, только если выкинут еще три буквы: "г", "п" и "у". Вот это правильно», — со смехом добавил он.

Я просидел в вагоне-ресторане до шести часов вечера и потом вернулся к себе в отделение. Вечером мы еще раз ели на станции в Петрозаводске пирожки и пили пиво. Потом я разделся, лег, почитал газеты и отдохнул за эту ночь так, как давно не отдыхал.

В Петрограде

На следующее утро в девять часов мы прибыли в Петроград. На вокзале я, прежде всего, отправился вместе с капитаном к настоящему парикмахеру — удовольствие, которого я был лишен в течение почти пяти лет, — постригся, побрился, вымыл голову и получил большое наслаждение, истратив на себя рубль семьдесят копеек, а на капитана что-то около шестидесяти-семидесяти копеек. Затем мы зашли позавтракать в маленькую пивную около вокзала. После завтрака мне без особого труда удалось уговорить красноармейцев пойти погулять в город. В этот день был какой-то детский праздник: улицы были разукрашены флагами, музыка гремела «Интернационал». В городе мне удалось повстречать кое-кого из моих тюремных знакомых, с которыми я в свое время лежал в больнице д-ра Гаазе. Все мне весьма обрадовались и поздравляли с окончанием мучений. К восьми часам вечера мы возвратились на вокзал для дальнейшего следования в Москву.

От Петрограда до Москвы мы снова ехали скорым поездом, так что мне вторично пришлось доплатить за скорость и за плацкарты. В вагоне я познакомился с несколькими лицами, между прочим, с одной молодой женщиной, муж которой сидел одновременно со мной в Соловках. Она дала мне свой московский адрес, и я заехал к ней после окончательного моего освобождения.

Снова на Лубянке №2

В девять часов утра мы прибыли в Москву. Один из конвоиров остался с нами на вокзале, другой же отправился в вокзальную комендатуру ГПУ. Примерно через полчаса нам подали автомобиль, доставивший нас на Лубянку № 2.

По странной случайности меня встретил тот же самый комендант, который принимал меня пять лет тому назад, когда я был доставлен в Москву из Читы. Он сейчас же меня узнал и спросил:

— Что это, Вы, с тех пор все еще сидите или вторично к нам попали?

— Все время беспрерывно сижу и много путешествовал по разным тюрьмам, — отвечал я.

— А сейчас Вы откуда?

— Из Соловков.

Он покачал головой. К этому времени Дзержинский умер, и заместитель его, Менжинский, решил, вероятно, что я еще недостаточно сидел в тюрьмах.

Пришлось опять, как и прежде, подвергнуться тщательному обыску с отобранием каждого клочка бумаги. Сперва нас с капитаном хотели разделить, но наши настоятельные просьбы подействовали на коменданта, и он согласился поместить нас в одну камеру во внутренней тюрьме.

На второй день нас вызвали к фотографу. Это обстоятельство повергло меня в тревогу и смущение: я стал ломать голову над вопросом, какое новое дело могут они еще выдумать. Но капитан успокоил меня, пояснив, что таков обычный порядок ГПУ, и его отнюдь не следует рассматривать как неблагоприятный признак.

Через четыре дня, т.е. десятого сентября, капитан и я были порознь вызваны к коменданту и получили каждый по бумаге, в которой значилось: «Слушали и постановили: по делу № такой-то: за окончанием срока 14 сентября 1926 года выслать за пределы СССР». В тот же день вечером мы с капитаном были посажены на «черного ворона» и отвезены в Бутырскую тюрьму.

Снова в Бутырках

По внешности тюрьма за это время, что я ее не видал, совершенно не изменилась, но попадались среди старых знакомых надзирателей и много новых людей. Порядки остались те же: прежде всего, я был подвергнут обыску, произведенному не с такой тщательностью, как в прошлый раз. Обыскивавшие высказали мне свое изумление по поводу того, что я еще, по их выражению, «не сдох» в Соловках, и расспрашивали о судьбе бывшего бутырского коменданта Соколова, погибшего в Соловках от тифа. Я сообщил им все, что мне о нем было известно. Затем последовали по заведенному порядку дня переоблачение в казенное белье и помещение в карантинный корпус.

Капитану предстояло сидеть до окончания срока еще два месяца, я же спокойно ожидал своего освобождения четырнадцатого сентября. Однако этот день

не принес никаких перемен в моей судьбе, вследствие чего я немедленно подал заявление коменданту, Верховному прокурору и прокурору ГПУ. Все три заявления были составлены в одних и тех же, приблизительно, выражениях и гласили следующее: «Если в вашей стране существуют хоть какие-либо законы, прошу привести в исполнение вынесенное вами же постановление и освободить меня». Одновременно я обратился в великобританскую миссию с просьбой о содействии. Однако ни должностные лица СССР, ни британская миссия не удостоили меня ответом, и я продолжал все сидеть и сидеть.

Бесплодные ожидания давно желанного освобождения окончательно подорвали мои нервы, и мне пришлось снова отправиться в околодок, где я застал довольно много иностранцев: американцев, французов, поляков и между ними одного немца по фамилии Плохи, судьба которого заслуживает, чтобы о ней сказать несколько слов.

Этот человек голодал в Бутырках в течение девятнадцати дней, после чего лишь по настоятельным советам врача согласился прекратить голодовку и был переведен в околодок. Во время пребывания его там тюрьму посетила какая-то прибывшая из Германии делегация. Комендант и врач запретили Плохи вступать с ней в какие бы то ни было переговоры, но он не послушал их, вышел в коридор и жаловался делегатам на тюремные порядки. Пока делегация находилась в тюрьме, его, разумеется, не тронули. Но как только она переступила за тюремный порог, Плохи велели собирать вещи и идти в центральную больницу. На деле же он был заключен немедленно в одиночную башню при той же Бутырской тюрьме. Однако и это новое испытание не сломило его: попав туда, он опять объявил голодовку, продолжавшуюся пять дней, после чего был доставлен обратно в околодок на носилках. Что с ним дальше стало, я в точности не знаю, думаю, что он умер.

Расстрелы в 1926 г. совершались точно так же, как и в 1922 г. За время моего последнего пребывания в Бутырках там были расстреляны не только русские, но и несколько иностранцев: один венгерец, один австриец и т.д.

После четырнадцатого сентября прошло уже более месяца, а я все продолжал сидеть в Бутырках, и дело мое, очевидно, не получило никакого движения. За это время я почти ежедневно подавал заявления в различные советские учреждения с требованием о немедленном освобождении.

Все было тщетно, и многочисленные мои заявления оставались гласом вопиющего в пустыне. Наконец, двадцать третьего октября я получил сообщение от верховного прокурора о том, что просьба моя отклонена. Какая просьба? Мне это было неясно, и потому я подал ему вторичное заявление. Параллельно

я опять обратился в Британскую миссию, а также лично просил о помощи представительницу Палестинского Красного Креста г-жу Пешкову, посетившую тюрьму. Она мне разъяснила, что ее попечению подлежат лишь польские подданные, ввиду существующего между ней и польским консулом особого на сей предмет соглашения. Для меня же, великобританского подданного, она едва ли сможет что-либо сделать.

«Самый свободный тюремный режим»

Вслед за тем мой компаньон — капитан был отделен от меня и переведен в так называемый «рабочий корпус». В Бутырской тюрьме существует несколько корпусов: карантинный, следственный, одиночный, смертников, женский и рабочий. В последнем, согласно действующим в тюрьме правилам, помещаются лица, уже осужденные по суду или административным порядком. Там они выполняют различного рода работы: отчасти в специальных мастерских, сапожных и портняжьих, за что получают плату, отчасти бесплатно всякие работы, связанные с тюремным хозяйством: в бане, кухне и т.п. Заключенные в рабочем корпусе пользуются привилегией свободного хождения по всем тюремным помещениям, но им строжайше запрещены всякие разговоры с арестантами из других корпусов: за каждую попытку таких разговоров они подвергаются наказанию и рискуют даже получить новый срок.

Большевики хвастают тем, что их тюремный режим — самый свободный в мире. Это справедливо, но лишь до известной степени: там, действительно, отменены кандалы, арестанты пользуются внутри тюрьмы некоторой свободой передвижения, им не возбраняется вступать в разговоры с надзирателями, вместе курить, писать доносы друг на друга, т.е., надзиратели на арестантов, а арестанты на надзирателей, называть друг друга «товарищами».

«Электрический стул»

Однако когда в том оказывается необходимость во время допроса, то и кандалы появляются на сцену, и применяются побои. Мне достоверно известно, что на Лубянке имеется даже электрический стул, при помощи которого арестантов вынуждают давать желательные следователю показания. Мне говорили лица, к которым применяли пытки во время допроса. Не только на Лубянке, но и во многих других тюрьмах была масса примеров пристреливанья из револьверов арестованных во время допроса следователем. Помимо того, на что арестанту какие-то эфемерные послабления, когда их держат полуголодными, полураздетыми и в грязи. Что касается санитарных условий, то они не поддаются никакой критике. Уборные

в тюрьмах находятся в таком отвратительном виде, что я без содрогания не могу о них вспомнить. Водопроводы повсюду бездействуют. Исключение составляет внутренняя тюрьма на Лубянке, содержащаяся очень чисто.

Вызов на Лубянку

Двенадцатого октября в восемь часов утра явившийся в камеру надзиратель вызвал мое имя и крикнул: «Без вещей в город». Меня посадили на того же «черного ворона» и отвезли на Лубянку, где пришлось прождать до двух часов дня. Я готовился к какому-нибудь новому допросу, к моему крайнему изумлению дело ограничилось тем, что с меня снова сняли две фотографии. Затем я был отведен в знаменитый «собачник», в нем просидел до семи часов вечера, а затем прежним порядком возвратился в Бутырки. Не понимая значения той процедуры, которой я только что подвергся, я, естественно, тревожился и строил всякие пессимистические предположения. Мои сожители по камере успокаивали меня, уверяя, что все происшествие является благоприятным признаком, так как новые фотографии предназначаются, очевидно, для паспорта, которым я буду снабжен при выходе на свободу.

В ожидании свободы

Не знаю в точности, кто, собственно, дал движение моему делу, но факт тот, что в самом конце октября меня вызвали в коридор и вручили две анкеты для заполнения: одну русскую, другую (в первый раз за всю мою тюремную практику) английскую. К анкетам была приложена особая бумажка, на которой я должен был сам написать свою фамилию по-английски. Мне было хорошо известно, что такого рода бумажки приклеивают на английских паспортах под фотографией.

Я вернулся счастливый и радостный в камеру, так как понял, что правительству моему известно, где я нахожусь, что оно принимает меры к моему освобождению, и что я, следовательно, в самом непродолжительном времени буду выпущен на свободу.

Я угрожаю голодовкой

Но время шло, а долгожданной свободы не было. Я снова четвертого ноября подал заявление во все прежние места, т.е. в ГПУ, прокуратуру и т.д., в которых требовал своего освобождения не позднее шестнадцатого ноября, подтверждая, что в противном случае объявлю голодовку насмерть. Эту угрозу я определенно решил привести в исполнение.

На следующий день около трех часов я был вызван надзирателем, приказавшим мне собрать вещи и следовать за ним. При этом снова произошло недоразумение с моим именем: на вопрос надзирателя о моем имени я как всегда заявил, что меня зовут

Саид Улам Ахмет и отказался исполнить его распоряжение, относящееся к Магомету Али Курейши. Вмешавшийся дежурный комендант пояснил, что эта неправильность не имеет никакого значения и что предписание относится несомненно ко мне.

Не имея понятия о том, что меня на этот раз, действительно, окончательно выпускали на свободу, я потребовал полчаса на сборы: за 5 лет сидения по тюрьмам у меня, естественно, накопилось порядочно вещей, с которыми я не хотел расставаться.

Провожать меня в коридор вышли не только сожители мои по камере, но и все соседи. Каждый наперебой старался снабдить меня чем-либо съестным, так что, в конце концов, набралась целая корзина продуктов. Это объясняется тем, что никому не приходило в голову, что меня на самом деле отпускали совсем. Все считали, что мне предстоит ссылка в Сибирь: дело происходило в пятницу, а именно по этим дням отправлялись этапы в Сибирь и на Соловки. Ввиду же того, что вторичная высылка в Соловки представлялась маловероятной, то оставалось, следовательно, одно предположение относительно отправки с Сибирь.

«Комната-душ»

Меня вывели из моего коридора и поместили в так называемую «комнату-душ». В царские времена назначение этой комнаты соответствовало ее названию, т.к. поступавшие в Бутырскую тюрьму арестанты там мылись, переодеваясь в казенное белье. При большевиках никакого душа там уже фактически не было, и эта комната, наоборот, отличалась невероятной грязью, хотя старое наименование за нею сохранилось. В настоящее время туда собирают со всей тюрьмы тех заключенных, которым предстоит отправление куда-либо по этапу или же на допрос.

Нас находилось шесть человек в этой комнате: кроме меня две женщины и трое мужчин, все мне незнакомые люди. Никто из них в точности не знал, куда и зачем его отправляют.

Ждать нам пришлось недолго: через несколько минут всех нас повели в тот коридор, откуда, как я достоверно знал, люди выходят на свободу. Тут только я впервые поверил в свое действительное освобождение. Нас еще раз обыскали, причем у меня отобрали остатки моих заметок и записок, случайно уцелевших во время обыска в Соловках.

Освобождение

Никакого документа я не получил, кроме записки, на основании которой мне надлежало в тот же день не позднее четырех часов явиться в ГПУ. Так как было уже три с половиной часа и поспеть к четырем часам на Лубянку не было физической возможности, я убедил коменданта продлить мне срок явки до пяти часов.

Наконец я был на свободе. Взял извозчика и сейчас же поехал на Лубянку, куда подъезжал все же с некоторым трепетом, боясь опять попасть во внутреннюю тюрьму. Комендатуру я нашел уже закрытой. Никого кроме дежурного коменданта там не было. Он пытался от меня отделаться, предлагая мне прийти на следующий день, но я доказал ему, во-первых, что мне определенно предписано явиться в ГПУ в тот же день до пяти часов, и что на следующий день я рискую вновь быть арестованным за нарушения этого предписания; во-вторых, что я, не имея при себе никакого документа, лишен возможности переночевать, где бы то ни было в Москве. Мои доводы на него, видимо, подействовали. Он выдал мне удостоверение, что я явился в ГПУ в назначенный срок, но нашел присутствие уже закрытым. Что же касается до ночлега, то мне было предложено отправиться в особую гостиницу ГПУ «Маяк», где мне будет отведена комната.

«Маяк»

Опасаясь снова попасть в какую-нибудь ловушку и желая узнать, каковы намерения ГПУ, я по прибытии в гостиницу притворился непонимающим по-русски и говорил только по-английски. Ознакомившись с моими бумагами, администратор гостиницы сначала отказалась предоставить мне комнату, не выпуская меня в то же время обратно в город. Какой-то молодой человек тут же соединился по телефону с Лубянкой. Очевидно, ответ получился благоприятный, так как после этого мне был отведен номер за пять рублей в сутки.

Урегулировав, таким образом, временно мое положение, я немедленно отправился в город, в Британскую Миссию, где никого, к сожалению, не застал ввиду позднего часа. Пришлось вернуться в «Маяк». На следующее утро я опять пошел в ГПУ. По дороге, кажется, не было ни одной улицы, на которой я не встречал бы кого-нибудь из своих бывших тюремных знакомых — их набралось за пять лет немало. В десять часов я прибыл на Лубянку и застал там длинную очередь людей, пришедших, подобно мне, за своими документами, или хлопочущих о разрешении двух — трехдневного пребывания в Москве, дабы собрать денег на дорогу. Некоторым из них, знакомым мне по Соловкам, я с удовольствием отдал последние свои деньги.

Только в двенадцать с половиной часов дошла очередь и до меня, и я, наконец, снова получил свой великобританский паспорт, которого вот уже пять лет не держал в руках со времени ареста в Чите. Трудно описать, какую гордость испытывал я, чувствуя себя свободным подданным Великобритании, обладателем документа, открывающего мне доступ во все страны мира, куда бы я ни пожелал поехать.

Дело, впрочем, и здесь не обошлось без некоторого подвоха со стороны ГПУ, так как из документов моих явно следовало, что я обязан покинуть пределы СССР не позднее 6-го ноября. Между тем, было уже 6-е число, а у меня еще не было визы того государства, куда я собирался выехать.

В Британской миссии

Я немедленно отправился в Британскую миссию, которую, однако, снова нашел закрытой, так как была суббота. С большим трудом мне удалось, все-таки, через прислугу добиться свидания с одним из членов Миссии, принявшим меня в высокой степени любезно и предупредительно и сделавшим для меня все, что было в его силах: я получил материальную помощь, в которой крайне нуждался, а паспорт мой был немедленно отправлен в ГПУ или в Комиссариат Иностранных Дел и вскоре возвращен с пометкой о том, что мне разрешено пребывание в Москве до 25-го ноября. Само собой разумеется, я не предполагал оставаться там ни одного лишнего дня и собирался выехать тотчас же по урегулировании вопроса с визой. Миссия осведомилась у меня, когда я намерен выехать, и снабдила меня рекомендацией к Латвийскому консулу.

На следующий день, седьмого ноября, было воскресенье, к тому же — советский праздник: девятая годовщина революции. Я мог еще раз насладиться звуками интернационала, созерцанием красных флагов СССР, но для дела этот день был потерянным.

В понедельник утром я был в Латвийском консульстве, где меня весьма любезно, вне очереди снабдили необходимой визой. Прежде чем покинуть Москву, я просил Британскую Миссию предупредить британского консула в Риге по телеграфу о предстоящем моем приезде и просить его оказать мне дальнейшее содействие, на что миссия охотно согласилась.

Мною было подано заявление в ГПУ о возврате мне остатка отобранных у меня в Москве денег по прибытии из Читы: советские деньги тем временем совершенно обесценившиеся, меня совершенно не интересовали, но я не желал дарить ГПУ оставшуюся валюту. Однако получить обратно свои доллары и иены мне так и не удалось, но стоимость царского золотого в десять рублей была ими возвращена по курсу девять рублей семьдесят копеек.

За эти дни моего проживания в Москве на свободе я встретил много русских знакомых, которые все наперерыв со свойственной русским людям сердечностью звали меня к себе, предлагая у них жить вплоть до отъезда, хотя все они, конечно, ясно сознавали, что этим рискуют навлечь на себя гнев ГПУ и вновь попасть в какое-либо место заключения. Не желая их подводить, я предпочел остаться до конца в «Маяке».

Отъезд

Десятого ноября вечером я, наконец, покинул Москву и утром двенадцатого был уже в Риге. Тут только я ясно понял, что вернулся снова в культурный мир и нахожусь вне пределов досягаемости ГПУ. Кончились мои мучения.

Обращение к женщинам мира

К вам обращаюсь я теперь, женщины цивилизованного мира!

Если ваше сердце не совсем очерствело, если в вас не угасло женское чувство сострадания к людскому горю, вспомните, что в тюрьмах ГПУ в СССР томятся безо всякой вины сотни тысяч несчастных женщин.

Многие из них прекрасно образованные художницы, артистки, писательницы, врачи, матери семейства, потерявшие мужей и сыновей на войне... вынуждены исполнять самые тяжелые, непосильные для них работы под надзором безжалостных надсмотрщиков-палачей, из которых большинство — уголовные преступники.

За неимением теплой воды и мыла эти несчастные месяцами не в состоянии вымыться и держать себя в чистоте. И это в XX-м веке!

Кричите, молите ваших мужей, братьев и сыновей, чтобы они вступили в борьбу с мировым злом, которое называется III Интернационалом!

Что делает Красный Крест, который всегда так энергично отзывался на все мировые бедствия и помогал потерпевшим от наводнений, засухи, голода, повальных болезней, землетрясений. Что он выжидает? Тот, кто теперь выжидает и не борется, не идет спасать мучениц, сам участвует в истязании и убийстве невиновных ни в чем страдалиц.

От имени этих сотен тысяч измученных женщин умоляю вас сделать все от вас зависящее, чтобы спасти их, пока не все еще перемерли. Это долг всякой цивилизованной женщины.

Если мужчины глухи к людским страданиям, если узкие эгоистические интересы им дороже, вы, женщины, должны вступить в борьбу с этим мировым бедствием и заставить мужчин выйти из непостижимого для меня, индуса, равнодушия и бездействия.

За пятилетнее мое пребывание в тюрьмах ГПУ и в Соловках мне пришлось перевидеть и беседовать по крайней мере с семьюстами епископов и священников[4], между которыми были образованные люди, почти все — старики. Я знаю и считаю долгом засвидетельствовать, что все они были арестованы безо всякой вины с их стороны: единственной причиной их ареста было нежелание подчи-

[4] Так в тексте.

ниться новому Синоду, вводившему, по их убеждению, ересь в религию, которую они хотели сохранить в неприкосновенности.

Несмотря на преклонный возраст, почтенных старцев заставляли исполнять тяжелые работы, не позволяли совершать богослужений, отняли у них иконы и богослужебные книги.

Я — мусульманин, не имею ничего общего с христианством, но по-человечески не могу не возмущаться подобным обращением со стариками. С мольбой обращаюсь к священникам всех религий: встрепенитесь, взывайте к вашей пастве, помогите, чем только можете, этим мученикам и вырвите их из рук озверелых палачей! Об этом считаю долгом кричать во всеуслышание, пока я жив, так как все ужасы и безобразия, которые я описываю, я видел своими глазами и твердо верю, что мой «Кисмет» позволил мне вырваться из рук моих мучителей только для того, чтобы я предал гласности все, мною виданное, и помог бы тем миллионам несчастных, которые безо всякой вины томятся в тюрьмах ГПУ.

Все, сообщенное мною, есть не что иное, как собрание фактов, которые я лично видел или испытал.

Только благодаря моей исключительной выносливости и моему индусскому воспитанию я не сошел с ума от всего пережитого ужаса.

ПАСХАЛЬНЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ В СОЛОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ

М.В. Осипенко

ПАСХАЛЬНЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ В СОЛОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ

В 1923—1928 гг., в то время, когда на материковой части СССР за совершение богослужений и даже только за присутствие на церковной службе можно было получить срок тюремного заключения или ссылку в лагеря, на Соловецком острове, бывшем в ведении Управления Северных лагерей ГПУ, в кладбищенском храме в честь преподобного Онуфрия Великого ежедневно совершался суточный круг богослужения монахами упраздненного Соловецкого монастыря. Более того, по временам заключенные, осужденные по церковным делам, тоже могли присутствовать на богослужениях, получив личное разрешение начальника лагеря.

Формально еще 21 июля 1923 г. по представлению Управления Северных лагерей ГПУ Президиум Архангельского губисполкома принял постановление о ликвидации всех находящихся в Соловецком монастыре церквей и об использовании «церковных зданий для жилья, считаясь с остротой жилищного положения на островах в связи с переводом туда лагерей»[1]. Однако, в наследство от совхоза Управлению лагерей осталось не только имущество, но и бывшие насельники монастыря. Им предложено было покинуть острова, с единственным условием — дать подписку с указанием даты выезда и места назначения. В случае отказа дать подписку, было решено «войти с представлением в комиссию при Наркомвнуделе о выселении их в порядке административной высылки как элемента, к пребыванию в Архгубернии политически нежелательного»[2]. В то же время Управлению Северными лагерями было предоставлено право оставить «на работах в целях их нормального хода тех квалифицированных работников, кои кажутся необходимыми, на условиях, установленных соглашением последних ранее с Управлением совхоза, но не иначе как на определенный срок и по обоюдному соглашению обеих сторон»[3]. Таким образом, осталось более 60 человек. Они были включены в структуру лагеря как монашеская община, и, согласно уставу, ежедневно совершали богослужения в церкви преподобного Онуфрия: в 6 часов вечера служили вечерню и утреню, а в 4 утра — Литургию.

---

[1] Шубин А. Закрытие, изъятие, сокрытие (ликвидация Соловецкого монастыря и национализация его имущества) // Соловецкий сборник. Архангельск, 2006. Вып. 3. С. 197.
[2] ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 17об.
[3] Там же.

До 1925 г. доступ в церковь был категорически запрещен всем заключенным. Затем начальник лагеря Ф.И. Эйхманс разрешил заключенному духовенству не только молиться в церкви, но и служить, что особенно обрадовало Соловецких монахов, так как ссыльные архиереи смогли возглавлять праздничные богослужения и совершать рукоположения. Иногда по разовым пропускам, подписанным лично начальником лагеря, удавалось посещать церковь и мирянам, заключенным в лагере по церковным делам. Такой порядок сохранялся на Соловках до 1928 г., и аналогов ему в других советских карательных учреждениях не было. Во всех лагерях церковные богослужения и требы были строжайше запрещены, а священнослужители использовались на общих работах. На Соловках, по ходатайству архиепископа Илариона (Троицкого), духовенство было в основном сосредоточено в 6-й «сторожевой» роте. Священникам разрешалось не стричь волосы и бороды, носить соответствующую сану одежду, иметь в кельях иконы, лампадки, книги. Столь терпимое отношение к духовенству начальника лагеря объяснялось, с одной стороны, его уважением к твердости их убеждений: «Попов и генералов все равно не сагитируешь, а гнилую шпану и агитировать не стоит»[4], — говорил он, а с другой стороны, им руководил трезвый экономический расчет, так как людьми, которым можно было доверить лагерное имущество, среди заключенных были только священнослужители. Поэтому они и трудились сторожами, кладовщиками, счетоводами, бухгалтерами до 1929 г. Тогда, согласно директиве Кагановича, все религиозные организации были объявлены единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Начался новый этап гонений на духовенство. На Соловках богослужения были запрещены, церковь закрыта, сторожевая рота расформирована.

О жизни монашеской общины и ссыльного духовенства сведений очень мало, поэтому воспоминания о богослужениях в кладбищенском храме имеют особую ценность. Сохранились в основном воспоминания с описанием богослужений Страстной седмицы и Пасхи. Созерцание Страданий Христовых и Его Воскресения переживались особенно остро заключенными СЛОНа, для которых Соловецкие острова стали Голгофой. В этом томе публикуются воспоминания, относящиеся к Пасхальным богослужениям 1926 и 1928 гг.

В 1926 г. заключенные впервые получили возможность побывать на богослужении в церкви по персональному разрешению начальства. Владимир Алексеевич Казачков, отбывавший заключение на Соловках с осени 1925 г. до ноября 1928 г., рассказывал об этом так: «Пасху 1926 г. я очень хорошо помню, незадолго перед этим новый начальник Управления потребовал, чтобы все, кто хочет ходить в церковь, подали ему заявления. Почти никто из заключенных не подавал заявлений — боялись последствий. Но

[4] Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 84.

вот перед Пасхой огромное количество людей подали заявления. Мы все собрались к заутрени: о. Владимир Лозина-Лозинский, о. Иоанн Стеблин-Каменский, о. Михаил Яворский, Антоний Тьевар, Авенир Вадбольский и я.

По дороге к кладбищенской Онуфриевской церкви двигалась огромная процессия, люди шли в несколько рядов. В церкви все, конечно, не поместились. Стояли вокруг, а тем, кто пришел позднее, не было слышно пения. Но мы пришли одними из первых. Рядом со мной стоял мой очень близкий друг — о. Владимир Лозина-Лозинский, он был замечательным человеком, всегда очень спокойным, дружелюбным, веселым, высокоорганизованным.

Службу Пасхальную вели епископы, и среди них старший — архиепископ Евгений Зернов, еще помню епископа Мануила Лемешевского, он как-то объединял всех петербургских священников, они вместе держались, епископа Белевского Игнатия — совсем уже пожилой был.

Когда на Страстной неделе была служба 12 Евангелий, служили ее двенадцать епископов.

После службы все пошли в нашу канцелярскую роту разговляться. Авенир Вадбольский добыл всяческой необыкновенной на Соловках снеди, и все праздновали.

Соловецкой моей первой Пасхи не забыть, грандиозное это было событие в жизни»[5].

Более подробное описание богослужений 1926 г. содержится в воспоминаниях заключенной, имя которой осталось неизвестным. Воспоминания были впервые опубликованы в Вестнике РСХД в 1949 г. неким Г.Б., который также пожелал скрыть свое имя.

«Я встретился с рассказчицей вскоре после окончания войны. Вместе с множеством русских беженцев, закинутых войной в Германию, приехала и она. В свое время рассказчица была очень близка к церковной жизни пореволюционной Москвы. За эту близость и за церковную работу она подверглась обычным преследованиям со стороны ГПУ, провела около пяти лет в Соловецком концлагере и многие годы в ссылках. Пройдя через все эти испытания, рассказчица, уже в преклонном возрасте, сохранила удивительную внутреннюю бодрость. Когда я спросил ее, как она перенесла тяжкие годы пребывания в концлагере, она с улыбкой ответила: "Это были самые счастливые годы моей жизни". В этом не совсем обычно звучащем утверждении не было ни капли фразы или рисовки... Я еще лучше понял это из ее рассказов о концлагере и ссылке. В этих рассказах очень редко появлялся привычный тон

[5] Публикуется по: Казачков В.А. Пасха 1926 года (интервью) // Соловецкий Вестник (спец-выпуск). 2003. № 2(21). С. 26.

скорбных воспоминаний о пытках, ужасах и испытаниях, которыми прославились советские застенки. Рассказчица видела и сама пережила все эти мрачные стороны жизни в подъяремной Руси, но не они являются лейтмотивом ее воспоминаний, проникнутых твердой верой в русского человека, в торжество Духа, в ныне совершающуюся победу Церкви над вратами ада. Некоторыми из ее воспоминаний, которые мне удалось записать, я хочу поделиться с читателями Вестника.

Мне пришлось сидеть на Соловках в первые годы советской власти, когда террор не был еще полностью возведен в систему. Однако уже и тогда Соловки были страшны тем произволом, который не давал заключенным никакой уверенности в завтрашнем дне, вырывал из их среды ежедневно десятки жизней, прибавлял отбывшим срок заключения все новые и новые сроки. Непосильные работы, знаменитая Секирка, разврат, тайно поощрявшийся начальством (хотя официально даже встречи заключенных мужчин и женщин были запрещены и карались лагерными правилами) — все эти ужасы были способны сделать жизнь неискушенного концлагерника сплошным адом. Для очень многих она и становилась таковой, калечила человека физически и духовно и доводила до состояния живого трупа. Но нигде в другом месте я не видела с такою мощью проявляющуюся силу Духа и благодатное влияние стихии Церкви. Люди верующие подхватывались этой неземной силой с самого момента ареста. Помню, в момент, когда за мною пришли, у меня было такое ощущение, как будто мне нужно переплыть море в утлой лодке. Я знаю, что нужно переплыть, а лодка не двигается. В момент внезапного ареста бывает одна неприятная минута, и требуется вся наша воля, для подчинения нас воле Божией. После этого милость Божия вступает на место человеческой растерянности, и вы чувствуете, что на вашей лодке поднят парус, несущий ее через пучину моря.

Господь сподобил меня отбывать мой срок на Соловках, когда там находился в заключении цвет русского епископства и духовенства. Большинство из них были подлинными и большими подвижниками, и, несомненно, их соучастие в наших тяготах делало для нас эти тяготы не только переносимыми, но подчас и радостными. Иначе нельзя объяснить тот факт, что мы воистину чувствовали себя, по словам преосвященного Иувеналия, "отроками в пещи огненной". О Соловецком монастыре один из посетивших его епископов сказал: "Это монастырь гигантов". Действительно, все, начиная от суровой мощи природы, огромных валунов монастырских стен, размаха монастырского хозяйства и кончая суровыми и коренастыми фигурами монахов, подтверждало эти слова. Это было до революции.

Мне пришлось побывать в монастыре уже после революции, когда он не был прежним монастырем, а Соловецким лагерем особого назначения (СЛОН). В первые годы, когда Соловецкий монастырь был взят ГПУ и обращен в концентра-

ционный лагерь, там еще оставались монахи, во главе с одним из игуменов (потом сожженным в Архангельске архимандритом Вениамином). Своеобразное монастырское хозяйство имело много секретов, известных только монахам. Поэтому ГПУ и приходилось, скрепя сердце, терпеть старых насельников монастыря в качестве заведующих многочисленными монастырскими предприятиями: литейным заводом, керамическим, механическим, мельницей и рыбным промыслом. Игумен, церковник, уставщик и все схимники числились на иждивении работающих. В их распоряжении была маленькая кладбищенская церковка прп. Онуфрия. Богослужения совершались в 4 часа утра и 6 часов вечера. В отношении заключенного духовенства лагерные правила постоянно менялись. Иногда священнослужителям разрешалось ходить в Церковь и даже служить на Рождество и Пасху, иногда они получали право служения в каждое Воскресенье, иногда — в свободное от занятий время, т. е. до поверки в 6 часов утра. Потом неожиданно совсем запрещалось, а через месяц разрешалось снова. Соловецкое начальство строго следило за тем, чтобы в Церковь допускались только осужденные по церковному делу. В Церковь же, за очень редким исключением, тянуло всех арестантов. В застенках ГПУ, где люди уже не верят, что выйдут на свободу, а ежечасно ждут смерти, когда в свободу даже не верят, если ожидаемый смертный приговор заменен 3-мя, 5-ю или 10-ю годами концлагеря, вера в Бога возвращается не только в сердца ее утратившие и равнодушные, но и в сердца настоящих преступников. Последних в концлагере не так много: на несколько тысяч заключенных вы не найдете и более десятка убийц. О том, как в тюрьме люди возвращались к Богу, можно написать тома.

Итак, как попасть в Церковь? Арестанты народ хитрый. Почти все заключенные мужчины живут в ротах в Кремле, но работают вне Кремля, а потому хоть на минуту забегают в Церковь, постоят, перекрестятся, положат земной поклон и, вздохнув с грустью, но и с тайной радостью, уходят. Получившее право совершать Богослужение, пользуясь любовью на вид суровых Соловецких монахов, заключенное духовенство во главе со своим правящим Епископом (правящий выбирался Собором среди Епископов), служило всенощное бдение и литургию по воскресным дням. Обыкновенно служил один Архиепископ, два Епископа и десять священников. На правом клиросе пели монахи своими особыми распевами, к ним могли подстать немногие. На левом клиросе пел совсем необычный хор. Управлял им Епископ, а певчими были Архиепископы, Епископы, Архимандриты, протоиереи, иереи, диаконы. Церковь маленькая, темная, похожая больше на часовню. Первое время в ней оставалась большая часть мощей Св. Московского Филиппа. Преподобный Зосима, Савватий, Герман и прочие Соловецкие Чудотворцы были уже в музее. В этом маленьком храме нет случайно пришедших, есть только молящиеся, и все

они, милостью Божиею, чувствуют: "В храме стояще славы Твоея, на небеси стояти мним"... А уйдя из храма, когда придут в свою роту, где грязь, шум, ругань, долго не будут обращать даже внимания на то, что вокруг них происходит...

Наступают Великие дни Страстной Седмицы и Светлого Христова Воскресения. У большинства заключенных только одна мысль, как бы побывать в храме, как бы причаститься Св. Тайн, как бы хоть раз услышать: Христос Воскресе! Но тут-то начинаются репрессии не прямые, а косвенные: или объявляется всеобщая поверка с запрещением на сутки выхода из своей роты, или санобработка, т.е. баня с дезинфекцией одежды, что заставляет заключенных часами сидеть или в бане или в ожидании своих взятых дезинфекцией вещей и еще многое другое. Несмотря на все это, заключенные умудряются пробраться в Церковь. С каждым днем Страстной Седмицы молящихся в Церкви все больше, даже причастников много.

Помню один год. На утрене Великой Пятницы, 12 Евангелий читают 11 епископов, не потому что нет двенадцатого, а потому, что одно Евангелие читает соловецкий Игумен. Церковь полна народа, но стоять удобно, так как монахи строго следят за порядком, и никто никогда не двигается, а знает свое место. Случайно пришедшие стоят у дверей. Все застыли, углубившись в молитву, и наслаждаясь прекрасными словами, несущимися из Храма.

И вдруг, нарушая порядок, сквозь сплошную массу богомольцев, по направлению к Алтарю, усердно работая локтями и плечами, пробирается 3 молодых "шпаненка" (уголовные преступники, обычно воры) — худые, бледные, оборванные. Монахи их пропускают, и, к недоумению всех молящихся, они всходят на амвон, кланяются правящему Епископу и дрожащими голосами начинают петь "Разбойника Благоразумного". В первый раз очень тихо и робко, потом смелей и громче, и наконец, в третий, полной грудью, с большим чувством, прекрасно.

Все богомольцы плачут, даже у сдержанных соловецких монахов на глазах появляются слезы. Как выяснилось потом, они приходили к Правящему с просьбой разрешить им пропеть "Разбойника" и выхлопотать для них разрешение придти в церковь. Владыка заставил их пропеть и умудрился достать пропуск. Что было в их душе во время пения "Разбойника", где и когда они раньше пели, почему попали на такой страшный путь, чувствовали ли себя хоть в эту минуту разбойниками благоразумными, знает один Сердцеведец.

Утреня Великой Субботы началась в три часа утра. По окончании ее, три Епископа совершили Таинство Елеосвящения, желающие соборовались, но далеко не все — многим было пора идти на работу. Литургия началась в 11 часов, и к ней уже приходил тот, кто смог урвать несколько минут из своего рабочего дня. В 12 часов все пропуска по лагерю были объявлены недействительными.

В женском корпусе заволновались. Там было много заказов на куличи из муки, присланной в передаче. А как их теперь доставить. Выручили медсестры и машинистки. Медсестры вечером пошли сменяться, а машинистки почему-то в лагере работали в две смены, днем и ночью. Кто похрабрей, брал два-три кулича, кто только один, но все было доставлено вовремя.

Те, кому посчастливилось получить пропуск, задолго до начала Полунощницы пришли в Церковь. Духовенство читает Деяния Апостольские. Каждому Епископу и священнику хочется хоть несколько стихов прочитать, и по-особенному звучит это чтение. В Крестный Ход выходят шесть Епископов и множество духовенства.

Сразу по выходе из церкви неприятно поражает, что кругом расставлена охрана из конвойных. Кого они охраняют и зачем — непонятно. Но все привыкли к непонятному и спокойно ждут, что будет дальше. В сторонке стоит несколько человек из главного лагерного начальства. Конвойные стоят небрежно и курят. Вдруг слышится грозный голос из группы начальства: "Конвойные, вы что поставлены стеречь заключенных или курить?" — конвойные бросают папиросы и подтягиваются.

А что потом было в Храме — Светлое Христово Воскресение. Пасха, Господня Пасха. Во время чтения Евангелия ярко светило северное солнце. А днем, в шестой роте, где находилось более десяти Епископов и множество священников, беспрерывно слышалось пение "Христос Воскресе". Все поздравляли друг друга, и, ходя из камеры в камеру, считали своим долгом пропеть тропарь»[6].

Немного отличающееся описание богослужения Страстной седмицы на Соловках было опубликовано в 1956 г. в апрельском номере журнала «Доброволец» за подписью А. Борман.

«Маленькая кладбищенская церковь Св. Онуфрия была до отказа полна. По случаю Страстной недели было выдано больше разрешений, чем обыкновенно. Пятнадцать епископов присутствовали на чтении 12-ти Евангелий. Одиннадцать из них по очереди читали евангелия, а двенадцатое было прочитано престарелым игуменом монастыря, которого советское начальство еще не изгнало, боясь, что за ним уйдут и монахи специалисты.

Епископы бросили между собой жребий, кому из них читать евангелия. Четверо из них стало на клиросе и вместе с не служившими священниками составили прекрасный хор. О. Петр[7] пел своим красивым баритоном.

Плечо к плечу, неподвижно стояли богомольцы в храме, стараясь не проронить ни одного слова Евангелия, описывающего страсти Господни. Только ино-

[6] Публикуется по: Страстная неделя и Пасха на Соловках / Г.Б. // Вестник РСХД. 1949. № 4. С. 19–21.

[7] В это время на Соловках находился преосвященный Петр, епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. — Здесь и далее примеч. авт.

гда то там, то здесь раздавался глубокий вздох. Архиепископ Никодим[8] читал ясно и отчетливо: "Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить его. И воины сплели венец из терна, возложили Ему на голову и одели Его в багряницу. И говорили: "радуйся Царь Иудейский", — и били Его по ланитам".

Свечей не хватало; они были в руках далеко не всех. Их желтое пламя стрелками поднималось вверх.

"Воскреснет Христос", — неожиданно вырвалось у кого-то из богомольцев.

Вдруг три молодых ссыльных — все в них узнали трех уголовных — начали энергично расталкивать богомольцев, прокладывая себе дорогу вперед к алтарю. Вот они поднялись на амвон и стоят в ожидании.

Кончилось чтение восьмого Евангелия, между ним и девятым должен быть пропет "Разбойник". Молящиеся ждут архиерейского хора. Но звуки песнопения льются не со стороны хора. "Разбойника" поют три уголовных ссыльных.

"Разбойника благоразумного во единем часе раеви сподобил еси, Господи, и мене древом крестным просвети и спаси"...

Первый раз звук раздается немного неуверенно. Но у певцов сильные, молодые голоса; они вкладывают в эти слова все свое чувство. Они сами и есть разбойники благоразумные, просвещенные видом страдающего Христа.

Только позже молящиеся узнают, что они получили разрешение от старшего архиепископа исполнить это песнопение.

Третий и последний раз уверенно и сильно раздаются торжественные слова. Впечатление у всех огромное. Архиепископ Никодим старается принять суровый, сосредоточенный вид, но стоящие около него богомольцы видят, как блестит слеза у него на щеке»[9].

Описание Пасхального богослужения 1927 г. приведено в воспоминаниях Бориса Ширяева в первом томе настоящего издания. Это празднование было исключительно торжественным, так как владыка Иларион исходатайствовал у Эйхманса разрешения всем желающим заключенным побывать на Пасхальном богослужении: «Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окруженные светильниками и факелами, более двухсот иереев и столько же монахов, а далее нескончаемые волны тех, чьи сердца и помыслы неслись к Христу Спасителю в эту дивную, незабываемую ночь.... С победным ликующим пением о попранной побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, еже-

[8] Правящим архиереем на «Соловецкой кафедре» был архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Зернов).

[9] Публикуется по: Борман А. На Соловках в Страстную седмицу // Доброволец. 1956. № 40.

минутно... Пели все. Ликующий хор "сущих во гробех" славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение...»[10]

Последнее доступное для заключенных Пасхальное богослужение совершалось в 1928 г. По воспоминаниям архимандрита Феодосия (Алмазова), чьи мемуары будут опубликованы в следующем томе серии, во время Великого поста 1928 г. желающих побывать на богослужении водили в церковь под конвоем, а на Пасху удалось получить разрешение на выход за крепостные стены только с большим скандалом.

Поскольку до Пасхи владыку Илариона переместили на Филимоновскую тоню, Пасхальное богослужение 1928 г. в церкви прп. Онуфрия Великого возглавил архиепископ Петр (Зверев). Ему сослужили двенадцать иерархов. М. Никонов-Смородин вспоминал: «Запас риз в ризнице церкви был небольшой, и пришлось монахам несколько риз сшить из мешков. Незабываемая была служба. Трудно о ней и рассказать обычными людскими словами. В церкви небольшая кучка монахов, два-три заключенных в серых бушлатах. Крестный ход вокруг церкви без колокольного звона и соловецкое особое пение на древний образец вызывали у всех слезы. Еще бы, пятисотлетние традиции. И заметьте, — иерархи отправляют службу так же — именно на этот старинный лад. Помните поговорку — со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Это, оказывается, не пустые слова. И вот от этого особого лада соловецкая служба получается особенная, проникновенная. С клироса глазами пронзительными и невидящими одновременно озирал стоящих в храме иеромонах[11]. Лицо его под надвинутым на брови клобуком — как на древних новгородских иконах: изможденное, вдохновленное суровой верой. Он истово следил, чтобы чин службы правили по монастырскому уставу, и не разрешал регенту отклониться от пения по крюкам. Знаменитые столичные дьяконы не решались при нем петь молитвы на концертный лад... Все мы в церкви воспринимали ее как прибежище, осажденное врагами. Они вот-вот ворвутся, «как семь веков назад ворвались татары в Успенский собор во Владимире»[12]. Действительно, вокруг церкви стояло кольцо вооруженной охраны, и все же милость Божия не имела физических границ. Пасха праздновалась в тот год и «в Знаменской церкви Кремля»[13], где пел хор заключенных настолько проникновенно, что многие плакали. Да и в душах тех, кто очень стремился, но не смог попасть в церковь, а таковых было громадное большинство, разливался свет неземной радости Христова Воскресения. Неизвестная женщина-заключенная писала: «Опять Пасха. Я приговорена к принудительным работам в Соловецком концлагере, бывшем в Соловецком монастыре.

[10] Ширяев Б.Н. Указ. соч. С. 450–451.
[11] Иеромонах Мартин — уставщик.
[12] Никонов-Смородин М.З. Красная каторга. София, 1938. С. 191–193.
[13] Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. М., 1997. С. 99.

Церкви и соборы превращены в мастерские и канцелярии. Распятия срублены и ими топят печи; из икон сделаны скамьи и столы. Жены коменданта и административных служащих сделали себе подкладки к пальто из церковных риз.

Сохранилась еще одна маленькая церковь за монастырской оградой. Последним монахам Соловецкого монастыря приказано покинуть остров в 1929 году; до этого срока они должны показать заключенным, как надо ловить и сушить сельдь. Эта кладбищенская церковь была им пока оставлена. Каждое утро в 5 час. утра и в 5 час. пополудни молчаливые тени в черных рясах бесшумно собирались в маленьком темном храме, где тускло горели немногие восковые свечи. Облачение у них было все реквизировано, и они совершали богослужения в ризах из посылочных мешков; Чаша была сделана из бересты.

Наступила Пасхальная Ночь. Даже призрачная северная ночь кажется сегодня необычной — она вибрирует и дышит. Заключенные перешептываются: "Вы пойдете? Вы рискнете?" Многие собираются, несмотря на двойную цепь стражи, зорко следящей за нами. Заключенному духовенству разрешено сослужить. 12 епископов торжественно совершают богослужение. Я стою на лестнице нашего барака, расположенного вблизи кладбища, и я вижу ярко освещенную внутренность бедной церковки. Слишком много часовых вокруг нашего барака, я не могу прорваться сквозь их цепь, я останусь там, где стою, и буду следить за службой.

Двери церкви растворяются, и появляется крестный ход с хоругвями и иконами и три раза обходит церковь. Я могу все видеть — странные фигуры в ризах из мешков, импровизированный хор из заключенных казачьих офицеров, надевших свои старые мундиры, и монахи в черных рясах. Во главе Крестного хода двигается епископ Иларион[14] — Господь упокоил его с тех пор в Царствии Своем...

Он тоже сегодня кажется иным, необычайным: мощный, внушительный вид церковного служителя, облеченного высоким саном — не та изможденная, голодная тень человека, которого я привыкла видеть в «горьких работах».

Никто не обращает ни малейшего внимания на вооруженную охрану ГПУ, которая кольцом окружила церковь, чтобы заключенные не проникли туда, к крестному ходу.

И все же многие проникли, несмотря на строжайший запрет. Завтра им придется расплачиваться за это ослушание; но что думать о завтрашнем дне? Разве завтрашняя судьба может волновать кого-нибудь?

"Христос Воскресе!" — радостно поет хор. — "Ненавидящих нас простим... Друг друга обымен... Все братья!.."

[14] Крестный ход возглавлял архиепископ Воронежский и Задонский Петр (Зверев), который на тот момент являлся главой Соловецкого епископата.

Несказанная радость подымается во мне. "Христос Воскресе!" — снова и снова разносится в воздухе.

Крестный ход вошел в церковь. Все вокруг меня опять темно, но отдаленные голоса приносят мне радость Христовой победы... Я не боюсь завтрашнего дня, он не может омрачить мне душу, радость внутри меня...»[15]

Вскоре, под предлогом борьбы с сыпнотифозной эпидемией ссыльному духовенству запретили служить. Все духовные лица были острижены и переодеты в гражданскую одежду. Все же богослужения в кладбищенской церкви продолжались, и в них тайно принимали участие ссыльные епископы. Этот вывод можно сделать, зная, что на праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1928 г. был рукоположен в иеродиаконы монах Иларион[16]. Рукоположение мог совершить либо архиепископ Иларион (Троицкий), либо архиепископ Петр (Зверев), так как в этот день оба они, по-видимому, присутствовали за богослужением. Архимандрит Феодосий (Алмазов) писал о том, что в праздник Покрова, как особо чтимый в Московской Духовной Академии, ректором которой был архиепископ Иларион, они имели утешение собраться в каптерке у счетовода первого отделения (Кремля) — владыки Петра. Там были «речи, яства, чай — уютно, назидательно и сытно»[17]. Эта радость общения о Господе была дана как укрепление перед грядущими испытаниями. Через неделю архиепископ Петр был отправлен на остров Анзер на Троицкую штрафную командировку. Там, на Анзерской Голгофе, он завершил свой земной путь 7 февраля 1929 г. 28 декабря этого же года в Ленинградской тюремной больнице отошел ко Господу архиепископ Иларион.

Немногие пасхальные воспоминания с их радостным тоном сильно отличаются от большинства повествований людей, далеких от веры, описывающих ужас лагерного бытия. Читать о СЛОНе страшно, но необходимо, так как события лагерных времен обнажают ту правду о человеке, которую пытались закрыть революционными лозунгами в 1920-е годы и о которой стараются не вспоминать нынешние идеологи гуманизма и толерантности. А правда эта состоит в том, что путь в жизнь вечную неминуемо проходит через Голгофу, где дай нам Бог уподобиться благоразумному разбойнику. Прославление новомучеников и исповедников Российских, и в том числе Соловецких, свидетельствует, что ничто облеченное во Христа — Победителя смерти — не может быть побеждено всеми силами ада, ибо если и умирает со Христом, то со Христом и восстанет.

---

[15] Публикуется по: Три Пасхи в советских тюрьмах (воспоминания заключенной) // Возрождение. 1931. 29 апр. № 3617.

[16] Балан С.Б. Список монашествующей братии Соловецкого монастыря на юбилейный 500-й год (1429–1929) // Соловецкий сборник. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 182–183.

[17] См.: Феодосий (Алмазов), архим. Указ. соч. М., 1997. С. 93.

О. Э. Браз. Вид на монастырь со стороны моря. *Акварель. 1925 г.*

Почтовая карточка. *1920-е гг.*
Из коллекции П. Ф. Флоренского

Вид на монастырь со стороны церкви
прп. Онуфрия Великого.
Фото нач. XX в.

Святые врата.
Фото С. Прокудина-Горского. 1916 г.

Вид на Никольскую башню и северо-восточную застройку монастырского посада с Корожной башни. *Фото Я. Лейцингера. 1888 г.*

Вид на Никольскую башню.
Фото С. Прокудина-Горского. 1916 г.

Иван Савин (Саволайнен) и его герои, участники побега из Кемперпункта в 1925 г.: Юрий Бессонов (*фото из книги Ю. Бродского «Соловки. Двадцать лет особого назначения». М., 2008 г.*) и Созерко Мальсагов (фрагмент нансеновского паспорта, выданного в Финляндии, из семейного архива Мальсаговых).

На правой странице: вид на жительство в Финляндии Ю. Бессонова. *Из книги Е. Сойни «Солоневичи и Север». Петрозаводск, 2010 г.*

SUOMEN TASAVALTA

ETSIVÄ KESKUSPOLIISI

Helsinki

REPUBLIKEN FINL

DETEKTIVA CENTRALPOLISE

Helsingfors

HENKILÖLLISYYSTODISTUS N:o 241/1907

Voimassa syyskuun 24 p:ään 1926.

Tämä todistus ei oikeuta palaamaan Suomeen ilman erikoista merkintää tälle asiakirjalle. Todistus lakkaa olemasta voimassa, jos sen haltija joksikin ajaksi siirtyy Venäjälle.

Sukunimi: Bezsonoff

Etunimet: Georg

Syntymäaika: 22-3-1891.

Syntymäpaikka: Pietari

Isän nimi: Bezsonoff, Dmitrij

Äidin nimi: Palitsin, Vera

Venäläissyntyinen eikä ole tullut minkään muun maan kansalaiseksi.

Työmi: Liikemies

Entinen kotipaikka Venäjällä: Pietari

Nykyinen oleskelupaikka: Helsinki

Ikä: 34 Tuntomerkit: 34 vuotta

Tukka: ruskea

Silmät: sinisset

Kasvot: soikeat

Nenä: suora

Erikoisia tuntomerkkejä:

Huomautuksia:

Valokuva. Fotografi. Photographie.

Todistuksen haltijan nimikirjoitus: a. latinalaisilla kirjoimilla:
Innehavarens namnteckning: a. med latinska bokstäver:
Signature du titulaire: a. en caractères latins:

Allekirjoittanut todistaa täten, että tässä oleva valokuva ja nimikirjoitus ovat tämän asiakirjan haltijan. Helsingissä kuun 23 p:nä 1925.

E. R.

Etsivän Keskuspoliisin Päällikkö.
Chef för Detektiva Centralpolisen.
Chef de la Police Détective Centrale.

Tämä todistus on annettu niiden päätösten mukaisesti, jotka tehtiin venäläisten pakolaisten ylikomissaarin, tri Nansenin kokoonkutsumassa hallitusten konferenssissa Genevessä heinäkuun 3:n—5 päivinä 1922.

633—22

N:o 306/1427-25.

LEGITIMATIONSINTYG N:

Gäller till den 24 septemb

Detta intyg är icke, utan särskild anteckn tigt för återresa till Finland. Intygets giltighet u för en tidrymd, vilken som helst, begiver sig til

Tillnamn: Bezsonoff

Förnamn: Georg

Födelsetid: 22-3-1891.

Födelseort: St. Peter

Faderns namn: Bezsonoff, D

Moderns namn: Palitsin, V

Person av rysk härkomst och icke antagen till annat lands medborg

Yrke: Affärsman

Tidigare hemort i Ryssland: St. Pet

Nuvarande vistelseort: Helsing

Signalement:

Ålder: 34 år

Hår: brunt

Ögon: blå

Ansikte: ovalt

Näsa: r. k.

Särskilda kännetecken:

Anmärkningar:

Undertecknad intygar härmed, att vidfogade foto havaren av detta dokument samt att namnteckni

Helsingfors, den 23 september 192

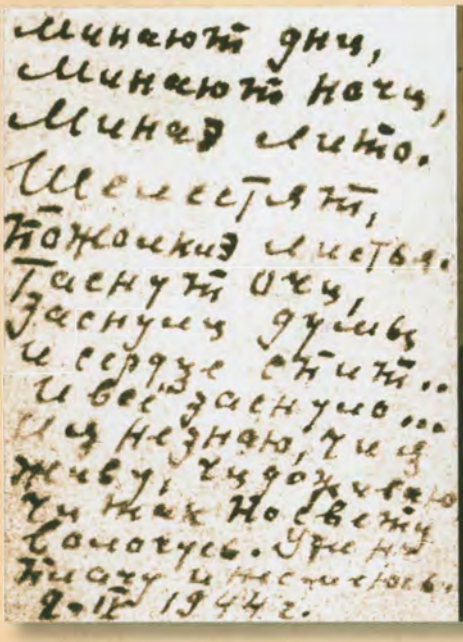
Detta intyg har utfärdats i enlighet med de beslut, som f kommissarien för de ryska flyktingarna Dr. Nansen sammankalla i Genève den 3—5 juli 1922.

Ф. Я. Эйхманс. Заместитель начальника УСЛОНа с 1923 г., в 1925–1929 гг. – начальник Соловецкого отделения лагеря

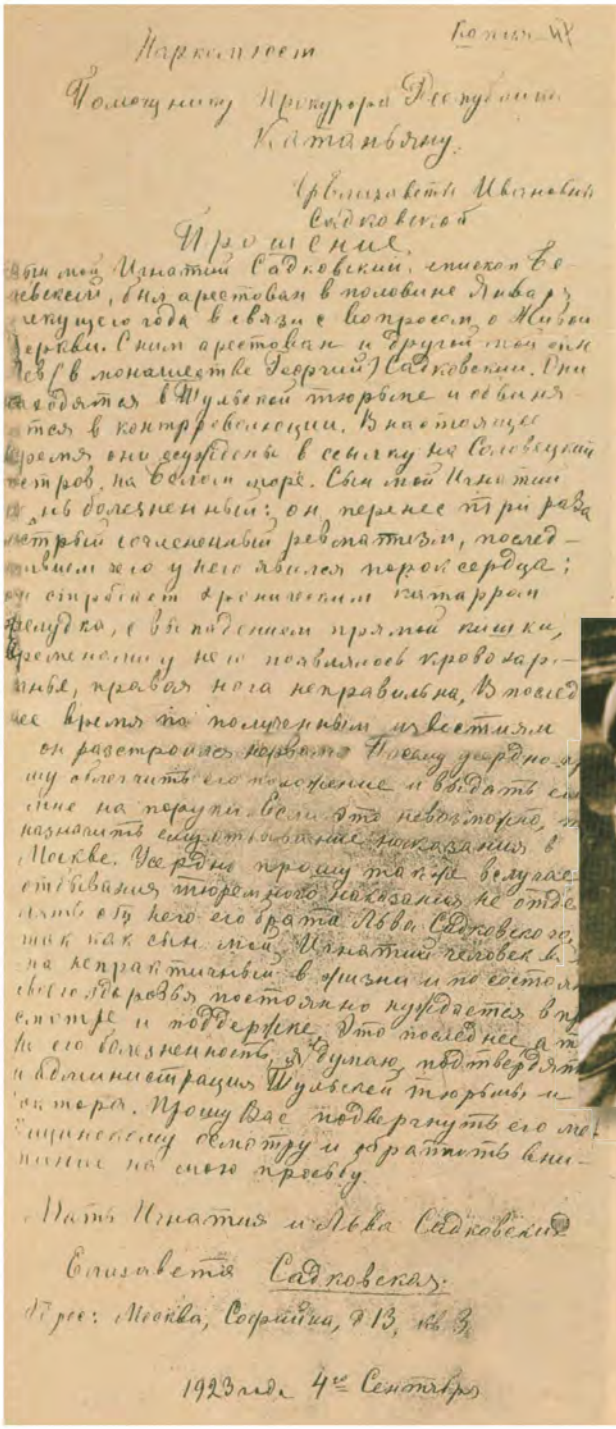
А. П. Ногтев. Начальник УСЛОНа в 1923–1930 гг. с перерывом в 1928–1929 гг.

Минают дни,
Минают ночи,
Минул лишь.
Шестнадцать,
Тяжелых лет.
Гаснут очи,
Гаснут души
И сердце спит..
И все заснуло...
Я не знаю, что я
живу, чудачка
Что так Но свету
Помочусь. Уже
Тихо и тихонько.
2-IV 1944 г.

А.П. Ногтев. *Фото, сделанное во время отбытия срока в лагере в 1944 г.*

Наркомюсту

Помощнику Прокурора Республики
Катаняну.

от Елизаветы Ивановны
Садковской

Прошение.

Сын мой Игнатий Садковский, епископ Севский, был арестован в половине Января сего года в связи с вопросом о Живой Церкви. С ним арестован и другой мой сын Лев в монашестве Георгий Садковский. Они находятся в Шлиссельбургской тюрьме и обвиняются в контрреволюции. В настоящее время они сосланы в ссылку на Соловецкие острова, на Белом море. Сын мой Игнатий [illegible] болезненный: он, перенеся три приступа острого сосудистого ревматизма, последний из которых у него вызвал порок сердца; страдает хроническим катарром желудка, с выпадением прямой кишки, хронической не излечимой кровотечивостью, правая нога неправильна. В тюремных же условиях, по полученным им известиям он расстроился нервно. Прошу усердно ходатайствовать облегчить его положение и выдать ему свидание на поруки. Если это невозможно, то назначить ему судебное заседание в Москве. Усердно прошу также ускорить отбывания тюремного заключения не отделять от него его брата Льва Садковского, так как сын мой Игнатий человек [illegible] неприспособленный в жизни и по состоянию своего здоровья постоянно нуждается в уходе и попечении. Это последнее, а также его болезненность, я думаю, подтвердят и администрация Шлиссельбургской тюрьмы, и доктора. Прошу Вас подвергнуть его медицинскому осмотру и обратить внимание на его просьбу.

Мать Игнатия и Льва Садковских
Елизавета Садковская.

Адрес: Москва, Сокольники, 13, кв. 3

1923 года 4-го Сентября

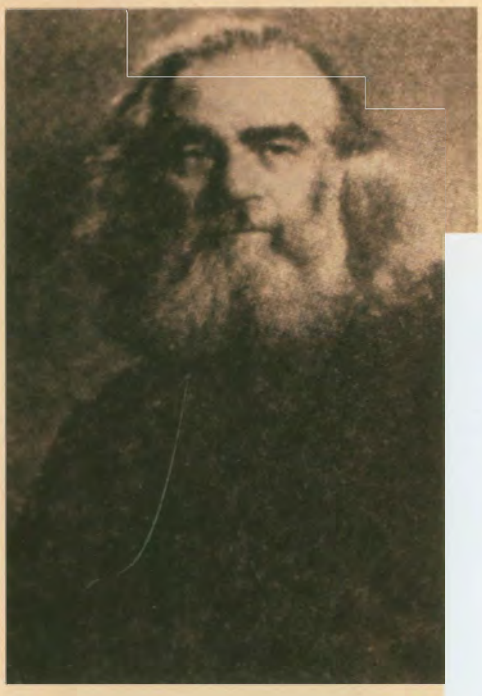
Прошение
Елизаветы Садковской
на имя прокурора
республики Катаняна.

Р. И. Васьков. Занимал разные должности в УСЛОНе в 1926–1930 гг.

Н. А. Френкель.
Фото 1932 г.

Протопресвитер Михаил Польский и обложка его книги «Новые мученики российские»

НОВЫЕ МУЧЕНИКИ РОССІЙСКІЕ

Первое собраніе матеріаловъ

— * * * —

Составилъ

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ М. ПОЛЬСКІЙ

— 1949 г. —

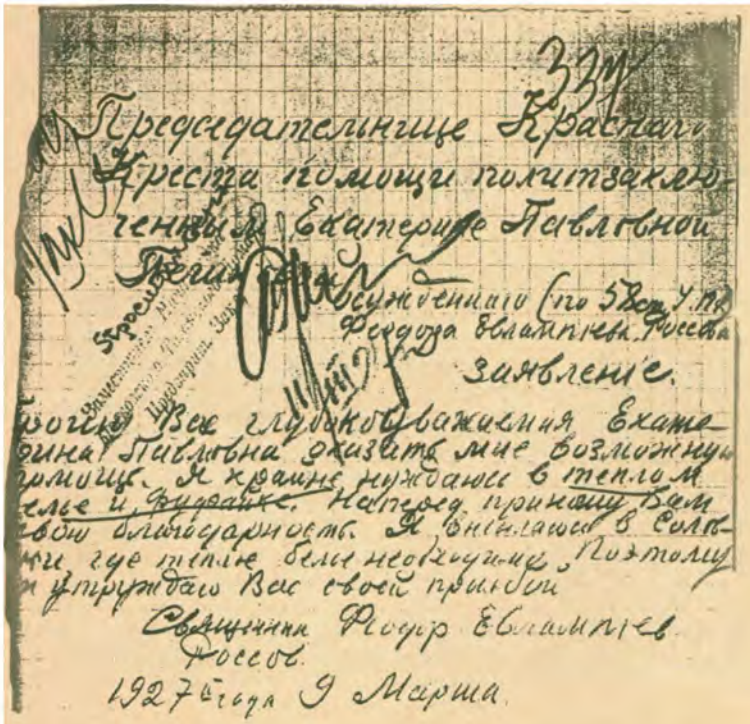
Священномученик Евгений (Зернов)

Священномученик Прокопий (Титов).
Лицевая и оборотная стороны фотокарточки.

На почте. *Кадр из фильма «Соловки» (1928 г.)*

Председательнице Красного Креста помощи политзаключенным Екатерине Павловне Пешковой

Заключенного (по 58 ст. УК) Федора Евлампиева. Россия

Заявление.

Прошу Вас глубокоуважаемая Екатерина Павловна оказать мне возможную помощь. Я крайне нуждаюсь в теплом белье и фуфайке. Наперед принимаю Вам свою благодарность. Я вынужден в Соловки где теплые белы необходимы. Поэтому утруждаю Вас своей просьбой

Священник Федор Евлампиев
Россия.

1927 года 9 Марта

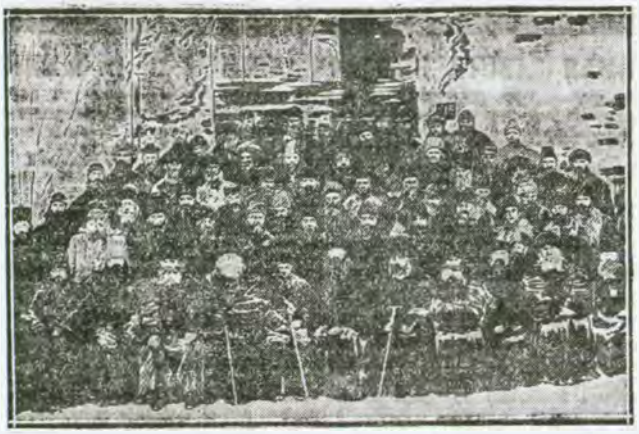
Прошение на имя руководителя организации «Помощь политическим заключенным» Е. П. Пешковой

Священнослужители – узники Соловецкого лагеря. *19 ноября 1925 г.*

Въ Соловецкомъ концлагерѣ

Списокъ Епископовъ, духовенства и мірянъ, содержащихся въ концентраціонномъ лагерѣ на Соловецкихъ островахъ. Снимокъ сдѣланъ въ ноябрѣ 1925 года.

(Слѣва направо. Ряды- снизу)

I-й РЯДЪ: 1) **Мануилъ** Лемешевскій, Епископъ Лужскій, викарій Петроградскій; 2) **Павелъ** Введенскій, Епископъ **Медекесскій**, викарій Самарскій; 3) **Петръ** Соколовъ, Епископъ **Сердобскій**, викарій Саратовскій; 4) **Іоакимъ** Благовидовъ, Епископъ **Алатырскій**, викарій Симбирскій; 5) **Серафимъ** Мещеряковъ, Архіепископъ б. **Костромской**; 6) **Евгеній** Зерновъ, Архіепископъ **Пріамурскій**; 7) **Іувеналій** Масловскій, Архіепископъ **Курскій**; 8) **Митрофанъ** Гриневъ, Епископъ **Аксайскій**, викарій Донской; 9) **Софроній** Старковъ, Епископъ **Селенгинскій**, викарій Забайкальскій; 10) **Захарія** Лобовъ, Епископъ **Нижнечирскій**, викарій Донской; 11) **Серафимъ** Протопоповъ, Еп. **Колпинскій**, викарій Петроградскій.

II-й РЯДЪ: 1) Свящ. **Алексій Шишкинъ** (Новочеркасскъ); 2) Прот. **Николай Соколовъ** (Сергіев. Посадъ); 3) Прот. **Василій Богородицкій** (Острогожскъ); 4) свящ. **Евгеній Охотинъ** (Архангельскъ); 5) Прот. **Николай Дягилевъ** (Екатеринбургъ); 6) кафедр. прот. **Владиміръ Хлыновъ** (Тобольскъ); 7) **Платонъ Рудневъ**, Епископъ **Богородскій**, викарій Московскій; 8) Архимандр. **Сергій Рукинъ** (Керчь); 9) Свящ. **Николай Соколовъ** (Усть Сысольскъ); 10) **Н. Б. Кирьяновъ** (Москва); 11) Прот. **Василій Судницынъ** (Москва); 12) Свящ. **Павелъ Чаховалозъ** (Ростовъ на Дону).

III-й РЯДЪ: 1) Св. **Михаилъ Яворскій** (Петроградъ); 2) Прот. **Сергій Городцевъ** (Тифлисъ); 3) Свящ. **Илія Синовскій** (Тамбовъ); 4) **К. С. Бонэ** (Пенза); 5) **Т. М. Долинъ - Ивановскій** (Тула); 6) прот. **Михаилъ Руса ковъ** (Омскъ); 7) іером. **Іоаннъ Широковъ** (Казань); 8) Свящ. **Николай Мисловскій** (Кострома); 9) **В. И. Мигальскій** (Москва); 10) проф. Моск. Дух. Ак. **И. В Поповъ**; 11) **А. М. Тьеваръ** (Москва).

IУ-й РЯДЪ: 1) Прот. **Василій Половниковъ** (Уржумъ); 2) Свящ. **Михаилъ Ивановъ** (Торопецъ); 3) Свящ. **Петръ Фаленичъ** (Миллерово); 4) прот. **Владиміръ Валагуринъ** (Новочеркасскъ); 5) Свящ. **Симеонъ Красновъ** (хут. Каюковъ Донск. Еп.); 6) Священн. **Іоаннъ Лиховъ** (Томскъ); 7) Свящ. **Василій Предтеченскій** (Кострома); 8) **Св. Іоаннъ Смирновъ** (Петроградъ); 9) Протодіак. **Ди митрій Новочадовъ** (Ростовъ на Д.); 10) Протодіак. **Петръ Поповъ** (Владивостокъ).

У-й РЯДЪ: 1) Свящ. **Илія Пироженко** (Колодези Дон. Еп.); 2) **Л. Д. Аксеновъ** (Петроградъ); 3) **А. В. Малишевскій** (Петроградъ); 4) Свящ. **Алексій Трифильевъ** (Ростовъ на Дону); 5) Свящ. **Михаилъ Польскій** (Москва); 6) Іером. **Феофанъ Еланскій** (Казань); 7) Свящ. **Николай Терпиловскій** (Казань); 8) Прот. **Александръ Молчановъ** (Тверь); 9) **Масляниковъ** (Сибирск.); 10) **П. П. Павловъ** (Псковъ).

УI-й РЯДЪ: 1) Іером. **Іоасафъ** (Кострома); 2) Прот. **Макарій Колоровъ** (Тверь); 3) **Ф. А. Федоренко** (Пятигорскъ); 4) Свящ. **Василій Рубцовъ** (Тверь); 5) Прот. **Арсеній Троицкій** (Тверь); 6) **С. П. Кузьминъ** (Архангельскъ); 7) Іером. **Серафимъ Шамшинъ** (Казань); 8) Прот. **Арсеній Покровскій** (Тверь); 9) Прот. **Іоаннъ Преображенскій** (Тверь); 10) **Н. Н. Киселевъ** (Петроградъ); 11) Іером. **Варлаамъ Сацердотскій** (Петроградъ); 12) Свящ. **Борисъ Грибовскій** (Симферополь); 13) **Д. А. Пашковъ** (Алатырь).

Фотография и список заключенного духовенства. *Газетная публикация*

Священномученик
Иларион (Троицкий)

Священномученик
Иувеналий (Масловский)

Архиепископ Иларион (Троицкий) среди архипастырей
и клириков в Соловецком лагере (седьмой слева)

Архипастыри и клирики в Соловецком лагере.
Второй справа – архиепископ Иларион (Троицкий),
рядом слева – епископ Игнатий (Садковский)

Архиепископ Софроний (Арефьев)

Архиепископ Иоаким (Благовидов)

Монастырское кладбище с храмом прп. Онуфрия Великого. В лагерное время здесь хоронили умерших заключенных I отделения. *Фото Я. Лейцингера. Кон. XIX в.*

Священнослужители и миряне входят в храм прп. Онуфрия Великого.
Кадр из фильма «Соловки» (1928)

ИВАН МАТВЕЕВИЧ

ЗАЙЦЕВ

А. В. Ганин

«СОЛОВКИ» ИВАНА МАТВЕЕВИЧА ЗАЙЦЕВА

Иван Матвеевич Зайцев[1] родился 21 сентября 1877 г. в станице Карагайской 2-го (Верхнеуральского) военного отдела Оренбургского казачьего войска, в семье сельского учителя (вахмистра). По окончании четырехклассного городского училища в уездном Верхнеуральске в 1894 г. 17-летний Иван стал учителем Фоминской соединенной казачьей школы. Уже на следующий год сдал экзамен на вольноопределяющегося второго разряда, а еще через год, 1 сентября 1896 г., был зачислен юнкером в Оренбургское казачье юнкерское училище. В 1898 г. Зайцев окончил училище первым в своем выпуске, за что был удостоен первой премии князя Е. М. Романовского герцога Лейхтенбергского в размере 100 руб. После училища подхорунжий Зайцев должен был отправиться в Варшаву, во 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк. В этом полку он прослужил более полутора лет и был уволен на льготу в чине хорунжего. Затем Зайцев служил в Отдельном Оренбургском казачьем дивизионе в Гельсингфорсе, командовал сотней и был в 1904 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. В 1906 г. сотник Зайцев поступил в престижную Николаевскую академию Генерального штаба, но окончил академию только по второму разряду и не был причислен к Генеральному штабу. При этом он сдал дополнительные экзамены при академии на право преподавания военной администрации и геодезии в военных училищах. Вернувшись летом 1909 г. в родные края, устроился офицером-воспитателем в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, дослужившись в стенах корпуса к началу Первой мировой войны до чина подполковника. Женился Зайцев еще до войны на дочери купца Александре Семеновне Метневой, детей не имел[2].

Когда началась Первая мировая война, Зайцев, получив Высочайшее разрешение, был зачислен в 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк, а 4 марта 1916 г. был переведен в 11-й Оренбургский казачий полк. В годы войны служил старшим штаб-

[1] Подробнее об И.М. Зайцеве см.: Ганин А.В. Зайцев Иван Матвеевич // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск, 2004. Т. 2. Д–И. С. 363; Он же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32; Он же. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении // Белая гвардия: альманах. 2005. № 8. С. 193–207.

[2] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 48357. Послужной список № 843 (1914 г.). Л. 5об.

офицером полка, помощником командира полка по строевой части, временно командующим 7-м Донским казачьим полком, первым помощником командира 11-го Оренбургского казачьего полка и председателем полкового суда в 12-м Оренбургском казачьем полку. Закончил войну полковником, командиром полка, получив за храбрость орден Св. Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие, ордена Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом[3].

Февральская революция открыла Зайцеву путь в политику. 24 марта 1917 г. он был избран делегатом от Румынского фронта и командирован в Петроград для приветствия Временного правительства. Зайцев неоднократно выступал в защиту казаков в Таврическом дворце и написал обращение «Голос казаков-оренбуржцев», опубликованное в газете «Новое Время»[4]. В обращении говорилось о признании казаками Временного правительства, отмечалась негативная роль организаций, пытавшихся влиять на армию, указывалось, что революционная волна выбросила на поверхность многих недостойных людей и что не следует осуществлять значительного реформирования армии до созыва Учредительного собрания. Этот номер газеты впоследствии был распространен на фронте и в казачьих областях.

22 апреля 1917 г. в Мариинском дворце Зайцев представлял Временному правительству делегацию Румынского фронта и приветствовал членов правительства от имени казаков фронта. На следующий день, на приеме у военного министра А. И. Гучкова, Зайцев как представитель казачества был назначен членом Особого совещания при военном министре по преобразованию армии. От Гучкова Зайцев получил и персональное поручение — принять участие в работе по созыву казачьего съезда. После расформирования совещания Зайцев был оставлен при кабинете военного министра в качестве советника, но пробыл в Петрограде лишь до середины июля, когда получил в командование 4-й Исетско-Ставропольский полк Оренбургского казачьего войска.

Вскоре Зайцев получил назначение командующим русскими войсками в Хиве и комиссаром Временного правительства в Хивинских владениях. Перед ним была поставлена задача усмирить туркменское восстание и осуществить преобразования в Хивинском ханстве. Зайцев сумел в сентябре 1917 г. справиться с отрядами Джунаид-хана, вернувшегося в Хиву из Афганистана, а затем усмирить приаральских туркмен. Зайцева поддержали уральские казаки-староверы,

[3] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 30139. Послужной список № 331–794 (1916 г.). Л. 3.

[4] Голос казаков-оренбуржцев (Из действующей армии) // Новое время (Петроград). 1917. 17/30 апр. № 14754. С. 5.

жившие по берегам Аральского моря и на реке Амударье. Из них были сформированы конные команды для борьбы с бандитами, и стихийно образовалось Амударьинское казачье войско.

4-й полк стал едва ли не единственной оренбургской казачьей частью, вступившей в начале 1918 г. в борьбу с большевиками. Полковник Зайцев не признал самопровозглашенную власть и 10 января 1918 г. объявил большевикам войну. Бухарское правительство оказало Зайцеву помощь продовольствием. Выступив по требованию туркестанского правительства во главе своего отряда (шестисотенный 4-й Исетско-Ставропольский казачий полк и сотня уральцев) из Хивы на город Чарджуй, Зайцев занял город, арестовал членов местного Совета рабочих и солдатских депутатов и членов ревкома и передал управление городом органу Временного правительства. В Чарджуе полковник встретился с министрами Временного правительства Кокандской автономии М. Чокаевым и У. Ходжаевым для заключения соглашения о совместной борьбе с красными. Оставив в городе гарнизон, Зайцев с казаками двинулся на Самарканд, чтобы далее идти на Ташкент. Известие о наступлении казачьих отрядов испугало руководителей туркестанских большевиков, СНК Туркестанского края отдавал приказания с требованиями остановить Зайцева. На осадном положении была объявлена Среднеазиатская железная дорога. В общей сложности на борьбу с Зайцевым было брошено до 3000 красногвардейцев. Новая власть еще не успела укорениться на местах, а плохо обученные и недисциплинированные отряды красных, несмотря на численное превосходство, не могли противостоять крепким частям старой армии, в результате отряду Зайцева удалось занять Самарканд. Красные были отброшены на 30 километров от города. Тогда они предприняли попытку подкупить казачий комитет отряда Зайцева. В результате отрядный комитет принял решение разоружиться и выдать Зайцева красным в Ташкент.

Зайцев бежал, но через пять дней был обнаружен в Асхабаде и арестован[5]. 8(21) февраля 1918 г. революционный суд приговорил его к расстрелу, однако солдаты пожалели офицера, и расстрел был заменен десятью годами одиночного заключения в Ташкентской крепости. Из крепости Зайцев бежал через четыре с половиной месяца — 1 июля 1918 г. Побег был организован при помощи Туркестанской военной организации (ТВО), у которой, по словам самого Зайцева, «были везде связи и свои люди»[6]. Оказавшись на свободе, Зайцев сразу же вошел в состав этой подпольной офицерской организации в качестве исполняющего обязанности начальника штаба. После побега полковнику Зайцеву

[5] Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 255.
[6] И[ван]. З[айцев]. Из недавно пережитого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 57.

пришлось почти три месяца скрываться от властей: сначала в Ташкенте, затем в окрестностях города и, наконец, в отдаленных киргизских кочевьях в нижнем течении реки Сырдарья. В целях конспирации приходилось терпеть лишения, прятаться в зарослях камыша, где водились кабаны, жить в кибитке, изображать выполнение съемок местности для постройки парома.

В связи с подготовкой ТВО восстания Зайцеву было поручено руководство вербовкой ферганских басмачей. Уже 30 октября 1918 г. Зайцев в связи с раскрытием Туркестанской военной организации был вынужден покинуть район Ферганы. Несколько суток он скрывался, причем два раза пробирался в сам Ташкент, чтобы найти своих, но никого не нашел, так как члены ТВО либо были арестованы, либо где-то скрывались. Тогда Зайцев принял решение отправиться в города Чимкент и Туркестан, а дальше пробираться к атаману А. И. Дутову, но был арестован.

Зайцеву повезло — вскоре он освободился, а весной 1919 г. под видом рабочего из Туркестана пробрался к себе на родину, в Оренбургское казачье войско[7]. Он имел ценнейшую информацию о ситуации в советском Туркестане, обладал большими связями в этом регионе. По итогам своей работы в 1917—1918 гг. он составил развернутый отчет на 44-х страницах с приложениями. Попав к белым, полковник Зайцев был назначен начальником штаба Оренбургского военного округа, временно исполнял обязанности начальника штаба Походного атамана всех казачьих войск и командующего Оренбургской армией генерал-лейтенанта Дутова. А вскоре принял ответственный пост начальника штаба Оренбургской армии. Приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака 20 сентября 1919 г. он был произведен в генерал-майоры[8].

При 30-градусном морозе войска, не имевшие зимнего обмундирования, должны были совершать пятисотверстный поход по степи до Каркаралинска, а затем двигаться еще 550 верст до Сергиополя. До сих пор неизвестна точная численность погибших в этом походе, получившем название Голодного. Вместе с армией в этом тяжелейшем походе участвовал и генерал Зайцев. В начале февраля 1920 г. он был отправлен Дутовым в Китай, куда предстояло отходить остаткам армии, во главе чрезвычайной военно-дипломатической миссии и в качестве своего полномочного представителя. Так Зайцев оказался сначала в Пекине, а затем и в Шанхае. По окончании своей миссии Зайцев остался жить в Китае. И тут он пришел к неожиданной идее, за которую в конечном итоге поплатился жизнью. Убедившись в тщетности усилий по организации очагов новой борьбы

[7] И[ван]. З[айцев]. Из недавно пережитого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 56.
[8] Русская армия. 1919. 16 окт. № 223. С. 3.

с советской властью, он решил перейти к новому, фантастическому методу борьбы — получить советское гражданство и продолжить борьбу уже в качестве законопослушного гражданина СССР. Зайцев подал прошение о получении советского гражданства, которое было удовлетворено, и по постановлению ЦИК СССР он стал полноправным советским подданным. Перед отъездом в СССР генерал написал «покаянное письмо», «где говорил о своем демократическом происхождении и честил эмиграцию»[9].

На самом деле, как писал Зайцев уже после возвращения из СССР, обострение советско-британских отношений было для него лишь удобным предлогом, чтобы вернуться и получить амнистию. К стремлению Зайцева на родину сочувственно отнеслись советский полномочный представитель в Пекине Л. М. Карахан и заведующий консульской частью советского представительства А. А. Ригин, считавшие возвращение генерала хорошим примером для других. Поступок Зайцева был осужден в эмиграции.

В Москву генерал отправился в мае 1924 г., в распоряжение Л. Д. Троцкого. Приезд Зайцева заинтересовал руководство органов госбезопасности и лично Ф. Э. Дзержинского. По прибытии Зайцев был зачислен в резерв высшего командного состава РККА. Обсуждался вопрос о его назначении начальником штаба инспектора кавалерии РККА или преподавателем восточного отдела Военной академии.

Но затем последовало охлаждение. В Москве узнали о его переговорах в Пекине с представителями иностранного дипломатического корпуса по вопросу организации новых повстанческих отрядов на территории СССР и о средствах для этой деятельности, хранившихся в Гонконг-Шанхайском банке. Зайцев был вызван в ОГПУ, где его попросили написать и отправить на Дальний Восток открытое письмо эмигрантам. В конце сентября 1924 г. он был уволен в бессрочный отпуск, а уже 25 октября арестован ОГПУ. Сидел на Лубянке и в Бутырской тюрьме. Следователи интересовались, встречался ли он с Троцким, чем занимался во время Гражданской войны. В Бутырской тюрьме Зайцев просидел с 25 ноября 1924 по 9 января 1925 г.

Затем в жизни Зайцева был Соловецкий лагерь, куда он попал в июне 1925 г. Свое трехлетнее пребывание в лагере он довольно подробно и красочно описал в книге «Соловки». Он писал: «За время пребывания на Соловках я сам лично много пережил; много, очень много перестрадал, так как был подвергаем наказаниям, установленным на Соловках для скрытого физического уничтожения заключенных; много видел, слышал и наблюдал. Ныне я намерен предать все

[9] Армия и флот (Шанхай). 1934. Т. 42. № 8 (1191). С. 65–66.

гласности на общественный суд культурных народов. Этим самым я приобрету лично для себя нравственное удовлетворение, что я выполню страстное желание моих прежних коллег-арестантов»[10].

Соловецкий лагерь показался Зайцеву своего рода моделью СССР: поражало сходство административного и хозяйственного устройства тюрьмы и государственной системы в целом. Отличие было лишь в конкретных названиях должностей, и в том, что на воле использовался полупринудительный труд. Уже тогда Зайцев сделал для себя вывод: «Каждый активный чекист есть озверевший человек, утративший в моральном смысле, образ и подобие человека»[11]. Советских вождей он называл не иначе как международными уголовными преступниками[12].

Зайцеву и его спутникам — архиепископу Ювеналию, епископу Воронежскому Глебу и епископу Мануилу — пришлось возить в тачках песок для посыпки дорог. Вскоре Зайцев был назначен лесокультурным надзирателем и занимался работами по очистке лесов. За отказ написать, по просьбе начальника лагеря Ф. И. Эйхманса, что-либо по истории Гражданской войны в журнал «Соловецкие острова» (отрывки из воспоминаний Зайцева все же были опубликованы в журнале в 1926 г.) был отправлен на общие работы, а затем на лесозаготовки. Приходилось вставать в пять утра по звуку гудка (зимой — в шесть утра) и идти работать.

Летом 1926 г. Зайцев вновь устроился в лесничество, но за непотушенный костер он был отправлен на Секирную гору — разбирать туалет. Секирная гора или «Секирка», как ее называли заключенные, была тем местом на Соловках, после пребывания в котором выживали немногие. Это был совершенно не отапливаемый штраф-изолятор, устроенный внутри православного храма с ледяным бетонным полом. Для усиления эффекта заключенным оставляли из одежды одно лишь нижнее белье. Из еды давали фунт (около 400 граммов) черного хлеба в сутки. В наиболее суровых условиях верхнего изолятора генерал-майор И. М. Зайцев просидел с 20 сентября по 10 декабря 1926 г. и выжил.

Пройдя семь кругов ада, Зайцев, опытный конспиратор и подпольщик, 3 августа 1928 г. совершил побег с пересылочного пункта города Усть-Сысольск, за два дня до отхода парохода, который должен был отвезти его на поселение на побережье Северного Ледовитого океана. Побег Зайцева не являлся единичным случаем бегства, в 1920-е гг. из СССР бежали и другие заключенные

[10] Зайцев И.М. Соловки (коммунистическая каторга или место пыток и смерти): из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. В 2 ч. Шанхай, 1931.
[11] Там же
[12] Его же. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936. С. 53.

Соловецкого лагеря. Поразительно то, что Зайцев сумел перебраться через всю страну и обосновался на Дальнем Востоке с явным намерением вернуться к своим. 17 сентября 1928 г. он устроился на службу в земельное управление Амурского округа, а 26 февраля 1929 г. со станции Поярково перешел в Китай.

Русская эмиграция возвращение Зайцева восприняла настороженно. Большинство было уверено, что он стал агентом советской разведки. Ведь из СССР белогвардейцы просто так не возвращались. Чтобы развеять всякие кривотолки относительно своего появления за границей, Зайцев обратился в редакцию газеты «North China Daily News» с просьбой напечатать небольшую заметку о его пребывании в СССР и обстоятельствах бегства. После этого статьи и заметки о генерале Зайцеве опубликовали русские газеты «Слово» и «Шанхайская заря», причем газета «Слово» предостерегла эмиграцию от контактов с генералом.

Зайцев сложившуюся вокруг себя обстановку воспринял крайне болезненно. 9 августа 1929 г. он писал в редакцию «Шанхайской зари»: «Какой кошмарный ужас для меня! После четырех лет моих мучений и страданий в тюрьмах, на Соловках и в ссылке; после рискованных скитаний в течение семи месяцев после побега, я горел желанием посвятить всю свою жизнь на борьбу с тиранами русского народа; жаждал найти себе смерть в открытом бою с этими отъявленными мерзавцами, от которых я так много перенес глумлений и издевательств. И, вдруг, мой порыв встретил такую оценку здесь, за границей, куда я попал по причине честного характера; злая, коварная судьба выбросила меня сюда на новые страдания...»[13]

Тем не менее, Зайцев не опускал руки, он подготовил и отправил в Европу великому князю Кириллу Владимировичу, а также генералам А. П. Кутепову и А. П. Богаевскому доклады о положении в СССР, а митрополиту Антонию (Храповицкому) — доклад о положении церкви в СССР. Чтобы окончательно рассеять подозрения, Зайцев связался с начальником отдела Русского Общевоинского Союза в Шанхае генералом М. К. Дитерихсом и 15 июня 1930 г. подал на его имя рапорт, приложив к нему документы об истинных целях поездки в СССР. Генерал рассчитывал, что Дитерихс назначит суд чести по его делу из георгиевских кавалеров. Однако Дитерихс вскоре сообщил, что документы Зайцева пропали. После этого случая Зайцев больше не предпринимал подобных попыток своей реабилитации. И доверие эмиграции к нему так и не установилось. Более того, 12 ноября 1933 г. станичный сход шанхайской станицы его родного Оренбургского казачьего войска вынес порицание его деятельности и запретил своим членам работать с Зайцевым.

[13] Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева // Зайцев И.М. Четыре года... Страница не нумерована.

Вернувшись в Китай, Зайцев активно, видимо, в целях самореабилитации, занялся публицистической деятельностью, всячески разоблачая в своих работах преступления большевиков. В мае 1931 г. вышла его первая книга «Соловки», посвященная Международной антикоммунистической лиге. Вот как охарактеризовал эту работу соловчанин М. М. Розанов: «Книга, по-моему, наиболее ценна, т.к. Зайцев довольно подробно, часто с острыми деталями, описывает терзания тех лет, особенно для духовенства... Мне кажется, что его книга, хотя и страдающая чрезмерным патетизмом изложения, все же достойна была большего признания эмиграцией, чем то, которое она ему уделила»[14]. Свой труд, в чем-то похожий на «Россию в концлагере» И. Л. Солоневича и «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, Зайцев с особым письмом разослал главам правительств ведущих государств мира, главам православных и иных христианских церквей, всем представителям государств в Лиге Наций, Папе Римскому и председателю Лиги прав человека.

Одна за другой выходили его статьи в периодической печати. Он писал об идеологии казачества, о его роли в 1917 г., о состоянии Красной армии и т.д.[15] Многое в этих статьях могло насторожить эмиграцию: и высокая оценка Красной армии, и сравнение воспитания пионеров и комсомольцев с воспитанием казачьей молодежи, и критика карьеристов в Белом движении[16]. Эти публикации вызывали отторжение и привели к изоляции Зайцева. Так, после отказа военно-научного журнала «Армия и флот» опубликовать статью Зайцева, осуждавшую атамана Дутова, генерал прекратил сотрудничество с этим изданием. Виноват был в этом и сам Зайцев, который, по мнению полковника Н. В. Колесникова, «всегда говорил только сам и редко слушал. Было видно, что он сам знает, куда идти и что делать, а что думают другие — его не интересовало. Его стратегические доводы всегда уходили в область авантюры»[17]. По распоряжению руководящего центра Российской Всенародной Партии Националистов (Росснационалистов) Зайцев был назначен начальником Дальневосточного отдела партии со штаб-квартирой в Шанхае. Партия являлась политико-религиозной организацией, ориентировавшейся на Японию[18]. Росснационалисты выступали против фашизма, нетерпимого по отношению к другим народам.

---

[14] Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре. США, 1979. Кн. 1. С. 15.

[15] См., напр.: Зайцев И.М. Современная казачья идеология // Армия и флот (Шанхай). 1932. Т. 35. № 7 (1168). С. 51–58; Его же. Почему казачество безмолвствовало в 1917 году? // Армия и флот (Шанхай). 1932. Т. 35. № 8 (1169). С. 25–32 и др.

[16] Зайцев И.М. Современная казачья идеология. С. 55, 57.

[17] Армия и флот (Шанхай). 1934. Т. 42. № 8 (1191). С. 66.

[18] Декларация Дальневосточного отдела Российской всенародной партии националистов (росснационалистов). Тяньцзинь, 1934. Ч. 4. Подготовительная. С. 4, 6.

Годы борьбы подорвали здоровье генерала, и 22 ноября 1934 г. в возрасте 56 лет он покончил с собой. Тело повесившегося генерала обнаружила хозяйка квартиры. Возле тела был найден пакет властям французской концессии и «Предсмертное заклятье» Зайцева: «Отходя в загробный Мир, я заклинаю всех тех, кто, преследуя материальные выгоды, будут оказывать содействие в продлении тирании коммунистов, как повадных преследователей веры в Единого Истинного Бога, *что проклятия из загробного Мира будут посылаемы на головы большевистских доброжелателей* <выделено мною. — А. Г.>. «Аминь». Добровольно оставляющий земное бытие И. М. Зайцев»[19]. Шанхайская газета «Слово» в некрологе, опубликованном 24 ноября 1934 г., отметила, что Зайцев покончил с собой «в припадке душевного расстройства»[20]. Зайцев был похоронен на новом Зикавейском кладбище Шанхая.

После самоубийства генерала с его бумагами ознакомился епископ Китайский и Пекинский Виктор (Святин), в прошлом офицер Оренбургской армии, а в 1934 г. — начальник Российской Духовной миссии в Пекине[21], в архиве которой хранились документы генерала. 17 декабря 1934 г. в шанхайских газетах было опубликовано его письмо: «Ознакомившись детально с посмертными письмами и материалами покойного генерал-майора И.М. Зайцева, я вижу, что покойный был высоко религиозный человек и исключительной стойкости патриот, поставивший целью своей жизни действенную борьбу с поработителями нашей Родины — коммунистами. Ради этой цели покойный рискнул выехать в СССР, где ему не удалось осуществить свои намерения. После тяжких испытаний ему посчастливилось вернуться снова в эмиграцию, где, невзирая на все трудности материального и морального характера, покойный не прекращал этой борьбы и, уходя от нас, завещал продолжать ее нам. Все толки о его причастности к лагерю большевиков являются вымыслом злонамеренных людей и его злейших политических врагов — безбожников коммунистов»[22].

После смерти генерала Росснационалисты издали его книгу «Четыре года в стране смерти». Еще при жизни Зайцев планировал издать четырехтомную автобиографию под общим названием «Из недавно пережитого». Тома предполагались следующие: Т. 1. От Мартовской революции до Октябрьского переворота; Т. 2. От Октябрьского переворота до падения Сибирского фронта; Т. 3. От эвакуации за границу до возвращения в Советский Союз; Т. 4. Четыре года в коммунистическом аду. Выход книг анонсировался читателям, но жизнь

[19] Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева.
[20] Слово (Шанхай). 1934. № 2035 // ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 103 об.
[21] Поздняев Д. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998. С. 68–69.
[22] Краткая биография ген[ерал]-майора Зайцева.

Зайцева оборвалась до того, как эта идея получила свое воплощение. Из всего проекта полностью был издан лишь четвертый том (в Китае), а также опубликовано несколько глав (главы 12—15) второго тома (в СССР).

Личность генерал-майора Зайцева противоречива, и однозначная характеристика к ней не применима. Это был хорошо образованный для своего времени человек, выпускник академии Генерального штаба, яркий и перспективный офицер, герой Первой мировой войны. Другая сторона его личности открылась в переломное время — в годы революции и Гражданской войны. В этот период Зайцев проявил себя как видный деятель антибольшевистского подполья в Туркестане, решительный человек, не боявшийся рисковать. Зайцев стал начальником штаба армии, приближенным самого атамана Дутова. Современники отзывались о Зайцеве как о человеке «несомненно, умном, развитом, широко начитанном, чрезвычайно самоуверенном, решительном, храбром, без меры честолюбивом и себялюбивом и до некоторой части политическом фантазере, но волевом солдате»[23]. Отъезд в СССР был воспринят соратниками по борьбе как предательство. Не меньше поразило их и возвращение Зайцева назад в Китай, спустя примерно пять лет. Это казалось либо чудом, либо провокацией советской разведки. Однако ряд фактов свидетельствует о том, что генерал до конца своих дней был фанатичным приверженцем белой идеи.

[23] Армия и флот (Шанхай). 1934. Октябрь-декабрь. Т. 42. № 8 (1191). С. 66.

✠

Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти)[1]

Краткое введение

Страшное слово «Соловки», несомненно, известно многим, наблюдающим за великой трагедией России...

Это ужасное слово укрепилось в сознании многих здравомыслящих, как синоним кошмарных ужасов, невероятных глумлений и издевательств над личностью человека. Это роковое для россиян слово должно быть запечатлено в истории, как напоминание о массовом истреблении ни в чем неповинных людей, как мрачная память о том, как коммунистические диктаторы расправлялись со звериной кровожадностью со своими политическими противниками; о чем без всякого стеснения, а, напротив, нагло и вызывающе кричали на весь мир, что классовая борьба есть борьба на уничтожение.

Уже исполнилось тринадцать лет, как культурные народы всего мира присутствуют безмолвными свидетелями при колоссальном истреблении невинных людей.

«Соловки» представляют ныне для порабощенных народов России как пекло коммунистического ада, куда низвергаются на мучения и страдания тысячи людей.

К сожалению, как я удостоверился здесь, за границей, иностранная публика, интересующаяся социалистическим экспериментом в России, мало осведомлена о планомерном методическом терроре, непрерывно свирепствующем и все прогрессирующем; о Соловках же иностранцы не имеют правдивой и полной информации, почему

[1] Публикуется по: Зайцев И.М. Соловки. (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти): из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. В 2 ч. (с прил. 4-х планов.) Шанхай, 1931 г.

для них Соловки в роде какого-то страшного коммунистического жупела; какая-то новая карательная система в общем опыте социалистического строительства.

Даже Русская эмиграция не имела подробного и беспристрастного описания коммунистической каторги на Соловецких островах.

Время от времени в зарубежной русской печати появлялись рассказы бежавших о Соловецкой жизни.

Большинство рассказчиков бежало не с Соловков, а с Кемского, передаточного пункта, то есть, с материка, и сами они знают о Соловецких ужасах по рассказам других.

Как известно, — все, передаваемое из уст в уста, в конечном результате принимает искаженный вид.

В свое время появилось в печати описание Соловецкой каторги некоего Мальсагова, который в группе четырех бежал также из Кеми и о Соловках знал лишь из рассказов других.

Во время появления в 1926 году описания Мальсагова я был на Соловках.

Центральное ГПУ прислало выдержки из этого описания Начальнику Соловецкой каторги Эйхмансу и приказало ему, чтобы сами заключенные опровергли описываемое в своей Соловецкой газете, действительно, были неточности в описании фактов.

Между тем в описании отсутствовали факты самых зверских злодеяний, не упоминалось о методических кошмарных глумлениях и издевательствах над личностью заключенных, и прочее, заслуживающее быть отмеченным и оглашенным.

Для определения того, насколько может быть верна и точна информация о чем-либо происходящем или уже бывшем в Союзе Советских Республик, надлежит всегда учитывать одно серьезное обстоятельство, не наблюдаемое ни в одной стране мира. Это то, что «Свобода Слова» подвержена ныне в России самой строжайшей политическо-полицейской цензуре.

Страшное время Бироновщины, «слово и дело», меркнет пред тем, что творится сейчас в России.

Гражданам свободного пролетарского государства весьма рискованно позволять себе свободное суждение о государственном или общественном строе, об экономической системе, даже не могут открыто с благоговением говорить о Боге. За свободные разговоры на эти темы подданные пролетарской диктатуры подвергаются суровой каре со стороны органов красного террора ОГПУ.

Уже подавно нельзя разглашать о жутких тайнах застенков ГПУ, о положении ссыльных в отдаленных холодных северных областях, а наипаче же говорить правду о коммунистической каторге на Соловках.

В первый же день прибытия заключенных на Соловки администрация строго предупреждает вновь прибывших арестантов, что не советуется писать в письмах что-либо о жизни заключенных на Соловках, чтобы не впасть в ошибку и этим не ввести в заблуждение своих родных и знакомых... За время моего пребывания на Соловках много было случаев, когда, неосторожные арестанты сообщали что-нибудь в своих письмах, за что были подвергнуты наказаниям, вплоть до увеличения срока заключения на 1—2 года.

При мне же были такие случаи, когда отбывшие срок наказания и возвратившиеся уже на свободу, вскоре были присланы опять на Соловки на новый срок. Оказывается, — в минуты откровенности эти несчастные были неосторожны и рассказали своим родным и близким знакомым об истиной жизни на Соловках.

Строгое ГПУ арестовало их и объявило: «Вам не понравилось на Соловках, так отправляйтесь еще на 3 года: и мы добьемся, что вы будете довольны Соловецкой жизнью»...

Все, что касается социалистического эксперимента коммунистов в России, представляет несомненный интерес для современников. Все письменные материалы будут ценны для историографов. Всякое описание фактов из социалистического опыта будет назидательно для потомства, как предупредительный роковой урок.

Режим на Соловецкой каторге есть новая культивированная карательная система, выработанная большевиками в течение продолжительного времени, которая имеет своей целью, если не физическое уничтожение, к чему они стремятся, то, по крайней мере, моральное подавление не только своих классовых и политических врагов, но и всех инакомыслящих.

Соловки, как кошмарный акт из Великой Русской трагедии, должны быть описаны подробно, верно и беспристрастно.

Ведь, пора же миру узнать правду и содрогнуться от ужасов коммунистического ада на Соловках, где множество невинных людей переносят страшные мучения, претерпевают невероятные глумления и издевательства; и это происходит на глазах просвещенных народов в настоящий культурный век, а не в эпоху жизни диких народов.

Подробное, верное и правдивое описание Соловецкого режима может дать то лицо, которое само прошло через все этапы Соловецкой каторги.

Волею судьбы мне пришлось самому лично пережить все ужасы Соловков, быть в заточении во многих Советских тюрьмах и в заключение перед побегом был в отдаленной ссылке.

Приведу кратко хронологию моего возвращения в Советскую Россию, пребывания там и бегство оттуда.

Я — Генерального Штаба Генерал-майор, в последний период борьбы с большевиками, во время Первого Освободительного движения, был Начальником Штаба армии Атамана всех казачьих войск Генерала Дутова.

Вместе с Атаманом Дутовым и с армией, Начальником Штаба которой я состоял, я вышел заграницу в Западные Провинции Китая.

В конце 1923 года я был персонально амнистирован Советским Правительством; а в начале 1924 года вернулся из-за границы в Россию[2].

По приезде в Москву был определен на службу в Красную Армию по высшему командному составу; однако, никакой службы не имел.

Прошло лишь два месяца этой комедии, как ГПУ арестовало меня и посадило в Бутырскую тюрьму, где я, Генерал Зайцев, просидел семь месяцев, а затем был отправлен на Соловки.

После трех лет пребывания на Соловках сослали меня на север Европейской России; там же предположено было поселить меня на берегу Ледовитого Океана, но за два дня до отхода парохода я бежал из-под строгого надзора ГПУ.

После семимесячных скитаний по России бежал за границу, в Китай.

За время пребывания на Соловках я сам лично много пережил; много, очень много перестрадал, так как был подвергаем наказаниям, установленным на Соловках для скрытого физического уничтожения заключенных; много видел, слышал и наблюдал.

Ныне я намерен предать все гласности на общественный суд культурных народов.

Этим самым я приобрету лично для себя нравственное удовлетворение, что я выполню страстное желание моих прежних коллег — арестантов.

Бывало на Соловках в моменты кошмарных переживаний, когда мы, арестанты, доведенные глумлениями и издевательствами до полного исступления, нервно со слезами на глазах восклицали: «Боже! неужели заграница не знает о наших мучениях здесь и неужели она беспомощна оказать то или иное воздействие, чтобы избавить нас от страданий».

Пусть же сердобольные и сострадательные читатели представят себе мысленно, что моим простым и правдивым сказаниям вторят, как эхо, там, на Соловках, вопль и стоны множества заключенных каторжан, изнемогающих под тяжестью принудительных работ и переносящих разнообразные коварно-утонченные глумления и издевательства.

---

[2] Какие мотивы побудили к возвращению в Россию, какие причины заставили прибегнуть к легальному пути, какие цели и намерения были намечаемы, — обо всем этом дам ответ Законному Российскому Правительству в присутствии соучастников. — Прим. авт.

Посвящаю Международной
антикоммунистической лиге
Бывший соловчанин,
генерал-майор Зайцев
5-го Марта 1931 г.
г. Шанхай

Часть первая
ОБЩИЙ ОБЗОР СОЛОВЕЦКОЙ КАТОРГИ

Глава I.
Учреждение в 1923 году Соловецкой каторги

(Причины образования лагеря принудительных работ на Соловках. Географическое положение и условия Соловецкого концентрационного лагеря).

Причины образования лагеря принудительных работ на Соловках

В первые дни после захвата большевиками власти пронесся по всем городам Российской Империи ураган массовых кошмарных зверских убийств, совершенных самосудом черни, руководимой большевистскими агитаторами.

Первым сокрушительным органом красного террора, опорой Советской власти, была Красная Гвардия, составленная из уголовных преступников, из подонков рабочего класса, озверевшей черни больших городов и из солдат дезертиров.

Вот эти первые палачи Советской власти беспощадно истребляли всех и вся без всякого повода и причины, лишь по одному признаку принадлежности к тому или другому привилегированному классу или административному персоналу.

Когда звериное исступление вооруженной черни достигло вакханалии человекоистребления без всякого разбора, Московские Народные Комиссары, выждав, когда пронесется человекоистребительный шквал, решили придать организованные формы борьбы с контрреволюционерами, к которым они причисляют всех несогласных с ними, хотя бы не выявляющих никакой активности. С этой целью, по совету Дзержинского и под его руководством, была учреждена знаменитая Чека (Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией) с многочисленными разветвлениями по всем городам России.

Сейчас же начались массовые аресты, сопровождавшиеся массовыми расстрелами.

Все тюрьмы, очищенные в первые дни революции, были переполнены в четыре-пять раз сверх нормы. Облавы и массовые аресты непрерывно продолжались.

Для размещения бесчисленного множества арестованных ЧЕКА образовала во многих местах концентрационные лагери.

Сейчас же после занятия большевиками областей, оставляемых белыми армиями, ЧЕКА производила повсюду облавы и массовые аресты, или как горделиво чекисты говорят: «ударники красного террора для первого испуга населения».

Число арестованных непомерно увеличивалось, превысив многие сотни тысяч.

Вблизи многих больших городов, а также вблизи узловых станций железных дорог (Рязань, Ряжск, Сызрань, Челябинск, Омск, Новониколаевск, Иркутск и другие) были размещены концентрационные лагери, переполненные заключенными.

Условия содержания в этих лагерях, в смысле размещения, питания, зверского обхождения с заключенными, приемов принуждения к работам, неслыханно кошмарные, не поддающиеся описанию.

Так как все это происходило вблизи населенных пунктов, то укрыть ужасы, происходящие в лагерях, было невозможно, почему скоро слухи о зверствах и изуверствах чекистов распространились всюду в России и стали известны всем от мала до велика.

С выходом остатков белых армий за границу и с прибоем туда многочисленных волн русских беженцев рассказы о кошмарных ужасах, творимых чекистами, распространились и за границей.

Кстати, иностранцы в начале, да и сейчас есть благожелательные большевикам оптимисты, отнеслись к рассказам недоверчиво, считая их преувеличенными.

***

Когда гражданская война прекратилась на всех фронтах, большевики, торжествуя свою победу, начали добиваться признания их заграницей как законной Государственной власти.

Много есть причин политического и экономического характера за непризнание коммунизма, как государственной системы, но есть причины морального порядка, которые отталкивают от Советской власти и до сих пор правительства некоторых гуманитарно-культурных иностранных государств.

Эти моральные причины, которые, казалось бы, должны вызвать одно мерзкое отвращение к большевикам, есть те зверства и изуверства, те массовые расстрелы без суда невинных людей; что бешено творила ЧЕКА в течение пяти лет своего существования.

Таким образом, единственной помехой для признания Советского Правительства де-юре являлась пресловутая ЧЕКА, этот верный оплот и надежная опора Советской власти.

Большевики, как отличные фокусники в изобретении фальшивых названий, нашли выход из этого положения. Они применили и здесь свою излюбленную ложь, как верный прием одурачивания иностранных представителей, переменив наименование ЧЕКА на О.Г.П.У.

По этому поводу было выпущено пространное правительственное сообщение о том, что ввиду прочного укрепления Советской власти, всеобщего признания в Советском Союзе этой власти за власть государственную, надобность в репрессивных мерах против непокорных миновала, а посему Советское Правительство признало своевременным изменить тактику и приемы борьбы против контрреволюции и дальше в том же духе следовала самореклама.

На самом деле, произошла лишь замена вывески, вызвав расход на красильные работы для замены одной надписи другой на доме Лубянка № 2.

Все осталось по-прежнему; все чекисты остались на своих местах, и злодейская работа пошла в том же духе и направлении.

Теперь перед органом Красного Террора, переменившем инициалы вместо ЧЕКА на Г.П.У, встала задача, — всемерно стремиться покрыть непроницаемой тайной все свои злодеяния, чтобы возможно меньше проникало за границу.

Вот с этой целью в числе прочих мер были упразднены открытые, в смысле близости к населению, концентрационные лагери, а взамен их учреждены закрытые для политических заключенных. Для этой цели были приспособлены прежние большие православные монастыри (Ярославль, Суздаль и др.).

В 1923 году Архангельский концентрационный лагерь был перемещен на Соловецкие острова и здесь был учрежден Соловецкий концентрационный лагерь принудительных работ, который Г.П.У. облюбовало для себя, как главную лабораторию для своих карательно-исправительных экспериментов. Этому весьма благоприятствует географическое положение данного места.

Географическое положение и условия Соловецкого концентрационного лагеря

Соловецкий лагерь принудительных работ (каторжных) занимает группу Соловецких островов, расположенных в Белом море; два отделения лагеря находятся на материке:

а) в Кемском уезде Архангельской губернии и

б) в Вишера на севере Пермской губернии.

Главный основной, самый многочисленный лагерь, притом суровейший по своему режиму, расположен на Соловецких островах.

Там пребывает управление всеми Соловецкими лагерями (сокращенно УСЛОН) и там же — содержатся сугубо карательные учреждения, — штрафизолятор на горе Секирной и другие, для заточения на физические мучения как каторжан соловчан, так и заключенных из лагерей, что на материке.

Соловецкая группа островов состоит из: большого Соловецкого, Анзера, больш. и мал. Муксолма, больш. и мал. Зайчики и многих мелких; к лагерю причислен находящийся вдали от других Кондостров.

***

В течение почти пяти веков, до рокового 1917 года, на этих островах находились святая Обитель и Скиты Соловецкого мужского монастыря, основанного в XV-м веке иноками Святыми Преподобными Зосимой, Савватием и Германом.

Эта Обитель была высокопочитаема всем православным Русским народом.

Ежегодно во время навигации туда стекались десятки тысяч богомольцев со всех концов обширной России.

Этот монастырь славился строгим монастырским режимом.

Соловецкий монастырь был одним из наиболее богатых монастырей: он обладал богатейшей церковной утварью, художественной иконописью, его обширные ризницы были наполнены богатыми церковными облачениями; обитель имела богатое монастырское хозяйство.

***

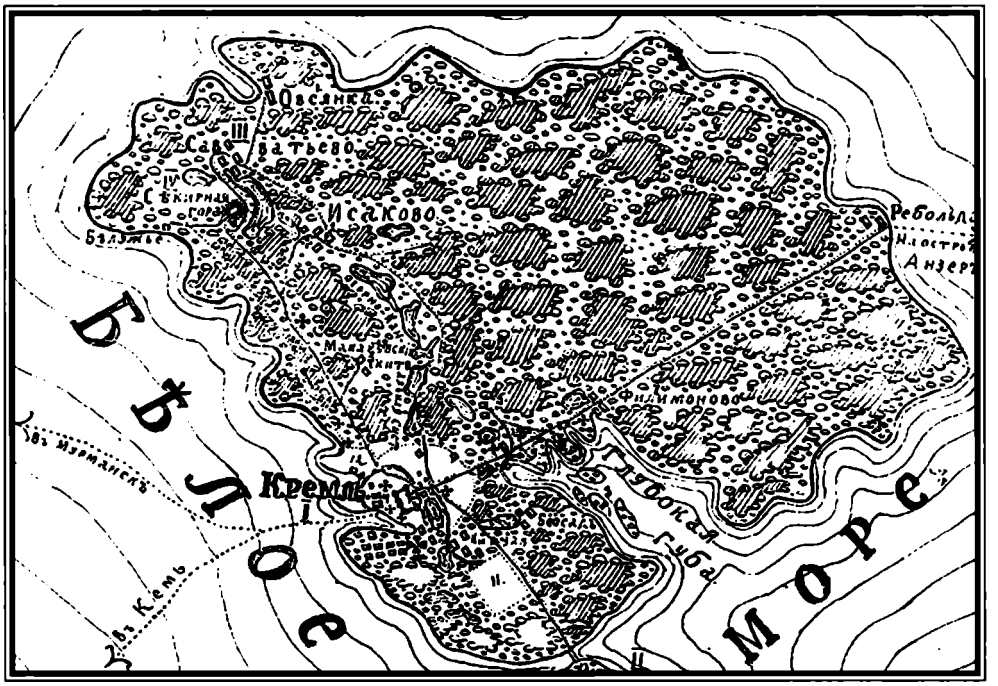
Сейчас же после захвата власти большевики снаряжали несколько раз ударные экспедиции для реквизиции монастырских богатств.

Конечно, все было разграблено и как всегда мало что поступило в советскую казну. (Например: золотые роскошные облачения со св. Престолов и жертвенников пошли на обивку мебели и кроватей чекистских любовниц из проституток).

Все святыни Обители были осквернены: мощи святых с надругательством были вынуты из склепов и сложены в кучу в главном соборе; особо чтимые места, на островах (родники, колодцы, придорожные кресты и пр.) были коммунистами осквернены цинично-кощунственным образом. (На следующем развороте карта 1).

При этой сталинской вакханалии много стойких благочестивых иноков было расстреляно.

После ограбления монастыря чекисты начали разгонять монахов.

Большой Соловецкий остров

Настоятель монастыря, отец архимандрит, и несколько иеромонахов были увезены на материк и там расстреляны.

Группа престарелых монахов, около 40 человек, в возрасте от 55 до 80 лет, заявили приехавшим за ними чекистам, что они, старики, прослужили всю жизнь обители и никуда не пойдут отсюда, а сложат кости здесь, на Соловецком кладбище, а потом пали на колени перед чекистами, умоляя расстрелять их всех на кладбище, лишь только не увозить со святого для них острова.

Такое саможертвоприношение оказало воздействие даже на озверелых чекистов, и они оставили старцев доживать свои последние дни на Соловках.

Соловецкие острова лежат в приполярном поясе, вблизи северного Полярного круга, под 61°45' северной широты; почему там летом долгие дни и весьма короткие светлые «белые» ночи, а зимой наоборот, — тогда самые короткие дни бывают продолжительностью лишь 2 часа 45 минут.

Несмотря на такую широту места Соловков, климат там, благодаря влиянию теплого течения Гольфстрим, довольно мягкий и здоровый.

Все острова покрыты лесом, среди которого разбросаны во множестве озера.

Вся Соловецкая природа располагает к одухотворенному умосозерцанию и настраивает на возвышенные порывы. Вот почему основатели святой обители, преподобные Зосима, Савватий и Герман, избрали Соловки для своей отшельнической жизни.

***

Пароходное сообщение между Соловецкими островами и материком (порт Кемь) происходит в течение пяти с половиной месяцев, с 1-го июня по 15-е ноября, иногда дольше. В течение остального времени Белое море сковано льдами и острова совершенно изолированы от всего мира.

Вот почему ГПУ и избрало эти острова для своих тайных от культурного мира карательных и человекоистребительных экзекуций, ибо ссыльные на островах не имеют непосредственной связи с внешним миром. Что касается почтовых сообщений, то ГПУ установило строжайшую цензуру корреспонденции и самый тщательный осмотр посылок.

***

История предопределила Соловкам сыграть две крупные роли в жизни Русского Народа, совершенно противоположные по характеру и результатам.

Прежде Соловки были местом облегчений, ныне местом страданий

Прежде в течение нескольких веков Соловецкая обитель служила местом паломничества Православного Русского Народа. Здесь паломники получали благословение и воодушевление для благочестивой трудовой жизни христианина, пример которой они видели в Обители.

***

Ныне, во время великой Русской трагедии, безбожная советская власть разрушила и уничтожила святые места в обители, предварительно осквернив и цинично-кощунственно надругавшись над ними и как бы в подтверждение своего безбожия устроила там мытарства коммунистического ада, где совершаются безнаказанно тягчайшие преступления, где личность человека, как Божьего творения, уравнена с земными тварями.

***

В прежнее время десятки тысяч православных русских истинных патриотов, стекались на поклонение святым местам Соловецкой обители.

Теперь же ГПУ вселяет на Соловки также десятки тысяч и тоже в большинстве истинно русских патриотов; заточает их на продолжительное время с целью

изъять их из исторической работы Русского народа и даже с целью поскорее освободиться от них навсегда.

***

Прежде стекавшиеся со всей обширной Русской земли русские богомольцы возносили горячие молитвы «о мире всего мира», «о братстве народов», «об освобождении в темницах сущих»...

Ныне, уже непрерывно в течение 7 лет, с далеких Соловков раздаются стон и плач измученных и истерзанных русских людей, обращающихся с Мольбой ко всем свободным народам освободить их из цепких когтей палачей органа красного террора ОГПУ.

Но... их исступленный вопль не трогает очерствелые сердца свободных культурных народов...

Глава II
Административно-хозяйственное устройство соловецкой каторги

(Соловки — миниатюрная копия Советского Союза. Преступники из чекистов — начальствующий персонал на Соловках. Сатанинский прием ГПУ для мучений заключенных на Соловках. — Состояние Соловецкой каторги на чрезвычайно-военном положении).

Соловки — миниатюрная копия Советского Союза

Без всякой утрировки, а вполне правдоподобно, можно сравнить Соловки в организационном отношении с Советским Союзом.

Как по административному устройству Соловков, так и по хозяйственной системе, установленной там, Соловки представляют из себя миниатюрную копию всего Советского Союза. Различие существует лишь в наименовании административных делений и названий должностей.

Лишь в одном крупное различие, — это в эксплуатации человеческого труда: в Советском Союзе в настоящее время с введением коллективных хозяйств труд пока полупринудительный. На Соловках же труд каторжный, жестоко изнурительный и гибельный для заключенных.

В Советском Союзе коммунистическая партия применяет эксперимент социалистического строительства, а на Соловках ГПУ установило для каторжан чисто коммунальный режим, имеет целью доказать, насколько будет благодатна

жизнь в коммуне при мирных условиях, если на Соловках при применении коммуны к жизни заключенных она так удобна и экономически производительна.

Надежды ГПУ путем перевода Соловков, как коммуны, на хозрасчет, то есть, самообслуживание, самопропитание, и тем избавить казну от расходов на содержание Соловецких узников, — не оправдались.

***

Для своего существования Соловки уничтожают единственное природное богатство там, это лес, который экспортируется в громадном количестве для продажи за границу, так как все другие предприятия на Соловках абсолютно бесприбыльны. Аналогичное мы наблюдаем во всем Советском Союзе, где большевики преступно истребляют все природные богатства страны и вывозят за границу все, что только возможно, чтобы приобрести валюту.

Опыты насаждения социализма и коммунизма в России неминуемо закончатся позорным крахом.

Стремления социалистов-утопистов создать на земле социалистические государства и даже коммунальные общины, где все будут равны, как политически, так и экономически, и все будут наслаждаться райской жизнью, — есть неосуществимая мечта.

В природе нет равенства между однородными творениями ее...

Попытка людей изменить закон природы о неравенстве — есть бред сумасбродных мечтателей.

Преступники из чекистов — начальствующий персонал на Соловках

Весь административный и командный персонал в Соловецком концентрационном лагере замещается исключительно из ссыльных сотрудников ГПУ. Большинство из них или активные чекисты в прошлом, или секретные осведомители (так называемые сексоты) ГПУ. Тип в высшей степени аморальный.

Несомненно, уже всюду, везде и всем известны многочисленные и разнообразные злодеяния чекистов в России, что они совершили в течение тринадцати лет диктаторства коммунистической партии, и особенно свирепствуют в последнее время, предчувствуя грядущее возмездие, так как народная расправа в первую очередь будет с ними.

Вследствие достаточного осведомления о преступной работе чекистов я не буду здесь подробно характеризовать тип чекиста; тип, правда, оригинальный в наш век, как продукт русской революции, а буду лишь указывать на редких экземпляров этого типа при описании Соловецкой каторги.

Здесь же ограничусь обобщением этого типа. Каждый активный чекист есть озверевший человек, утративший, в моральном смысле, образ и подобие человека.

Так вот из этой категории людей само ГПУ исторгает еще преступный элемент и ссылает его на Соловки. Все сосланные на Соловки чекисты отбывают наказания за разные служебные преступления — в большинстве случаев за злоупотребления и превышения властью, другими словами, за особую, энергичную и активную деятельность по линии работы самого же ГПУ, то есть, по уничтожению политических врагов; в чем многие из них (укажу в свое время) так переусердствовали, что само ГПУ недовольно их работой и отправило их в изоляцию на Соловки.

Теперь предлагаю читателям мысленно представить в своем воображении, что же представляют из себя ссыльные чекисты на Соловках.

Сами по себе все сотрудники ГПУ есть международные уголовные преступники. Такое определение не есть утрировка — много было фактов, подтверждающих это, даже за последнее время. Засим из их состава исторгнута группа преступного элемента и изолирована на Соловки.

Так вот, эти-то преступники из группы международных уголовных преступников и являются начальствующим персоналом на Соловках и им вверена судьба многих тысяч заключенных, в большинстве своем ни в чем не повинных.

Здесь, на Соловках, они проявляют особую энергию по линии чекистской работы, стараются изобретать приемы глумлений и издевательств, изощряются в придумывании способов принуждения заключенных к работам, чтобы этим самым выслужиться перед старшими чекистами центрального ГПУ. Действительно, старшие чекисты оценивают по заслугам работу Соловецких чекистов, которые в большинстве случаев получают за свое рвение досрочное освобождение. Все они не сидят назначенного им срока. Ежегодно комиссия Центрального ГПУ, приезжающая на Соловки, сбрасывает чекистам по 1, 2 и 3 года из срока их заключения.

Фактически все чекисты, сосланные на Соловки и проявившие особую энергию в деле эксплуатации заключенных и морального подавления политических врагов, сидят лишь часть срока, например, наказанные на 10 лет отбывают иногда лишь 3, а на 5 лет — только 2, и получают освобождение с назначением на соответственную должность по чекистской линии.

Вот это и есть ключ к разгадке, почему такие кошмарные ужасы свирепствуют на Соловках.

Сатанинский прием ГПУ для мучений заключенных на Соловках

Другим ярким и весьма убедительным объяснением существования на Соловках такого небывало сурового и жестокого режима является та система карательного воздействия на несчастные жертвы и эксплуатации их труда, что ГПУ применяет с ехидным коварством в Соловецком лагере принудительных работ.

Там, буквально, вся администрация, начиная с самых верхов и кончая последним десятником, состоит исключительно из тех же арестантов. Лишь только что было указано, что все старшие административные и командные должности занимают ссыльные чекисты; на все же прочие административные, хозяйственные, коммерческие, санитарные и прочие должности назначаются арестанты соответственно их специальности.

За все мое пребывание на Соловках, 1925, 1926 и 1927 гг. во всем лагере не было ни одного вольнонаемного или назначенного из свободных граждан. (Состоящие на службе связи: авиаторы, капитаны пароходов, на почтарских лодках — к составу лагеря причислены быть не могут.) Даже сам Начальник всех Соловецких лагерей из ссыльных старших, особо активных чекистов, посланный туда загладить свою вину. (Какую? Об этом знают только его старшие коллеги — чекисты.) При мне были Ногтев, а затем Эйхманс; о зверствах его, совместно с Глебом Бокием, помнит до сих пор весь Туркестан.

Такую систему управления Соловецкими лагерями, то есть, систему, якобы, товарищеско-арестантского самоуправления, ГПУ объясняет экономическими соображениями, ради сбережения кровных народных денег.

Такой аргумент не убедит никого из россиян. Могут лишь поверить недальновидные иностранцы, которым большевики морочат головы уже в продолжение тринадцати лет.

Мы же, россияне, знаем, что большевики не скупятся на деньги на борьбу с политическими врагами, и уже подавно менее бережливо ГПУ.

Под покровом мнимого коммунального самоуправления арестантов на Соловецкой каторге замаскированы ехидно-коварные цели и стремления ГПУ, тонко рассчитанные на психологию народных масс и испытанные в течение продолжительной тирании россиян органами ГПУ.

Назначая на все должности на Соловках исключительно арестантов, центральное ГПУ выполняет свою карательную политику через посредство самих же арестантов, преследуя свою главную основную цель — если не уничтожить физически, то хоть бы убить морально своих классовых и политических врагов.

Если бы, невзирая на все строгие меры изоляции Соловецких островов, какое-либо кошмарное злодеяние, совершенное там, было оглашено на материке, то ГПУ без замедления реабилитирует себя тем, что это злодеяние учинено самими же арестантами, что виновные понесут суровое наказание, а само ГПУ тут ни при чем.

***

В практике Соловецкой каторги происходит следующее:

На все ответственные должности назначаются арестанты с большим сроком наказания, 5—10 лет, притом выявившие себя как упорно жестокосердые.

На средние и низшие должности назначаются арестанты предпочтительно из тех, которые по своему характеру, иногда физическому состоянию здоровья, способны применить суровые меры воздействия для принуждения арестантов к работам.

В условиях Соловецкой каторги большинство арестантов старается получить назначение на какую-либо должность, чтобы избежать тяжелых каторжных работ.

С целью получения назначения происходит возмутительное состязание, особенно между уголовниками, в изобретении приемов воздействия на временно-подчиненных арестантов, в изощрении словесных глумлений (непрерывная трехэтажная площадная брань с применением духовно-религиозных слов в самом мерзком порнографическом смысле).

Каждый арестант, занимающий какую-либо должность, всемерно старается выполнить все приказы свыше в смысле воздействия на подчиненных арестантов для принуждения их к работам.

И это потому:

Во-первых, каждый дорожит своим местом и боится попасть на «общие работы».

Во-вторых, в случае упущений по службе или невыполнения директив воздействия на арестантов, главным образом на каэров (контрреволюционеров), должностной арестант рискует подвергнуться сам наказанию: заключению в штраф-изоляторе на горе Секирной (ниже будет описано это кошмарное место), получить добавление срока наказания в 1, 2 и 3 года.

В-третьих, если должностной арестант точно выполняет все указания свыше, беспощадно эксплуатирует каторжан как рабочую силу и безжалостно третирует подчиненных арестантов, то такой ревностный слуга ГПУ получает сокращение срока наказания и досрочное освобождение.

В мое время было множество подобных случаев. Я укажу лишь на факты исключительные:

Так, начальник экономическо-коммерческой части (ведающий всеми принудительными работами) Френкель, присужденный вначале ГПУ к расстрелу, который заменили ему 10 годами Соловков, просидел там лишь 3 года, был освобожден и получил высшее назначение; его заместитель, коварный Е.С. Барков, просидел вместо 10 лет, кажется, около 5 лет. Время эксплуататорства их обоих останется в памяти на всю жизнь у уцелевших в живых соловчан.

Есть ли в мире страна, где бы арестанты в тюрьмах, или на каторге, получали награды за глумление, издевательство и избиение своих же коллег-арестантов?

Несомненно, нет, да и не было...

А вот в свободном Советском Союзе установлена такая система с целью медленного и мало заметного уничтожения политических врагов.

***

В жизни Соловецкой каторги происходит такое прогрессивно-усугубляющееся воздействие на узников соловчан.

Центральное ГПУ дает директивы Начальнику лагеря, или по выполнению каких-нибудь работ, или же по применению карательной системы. Тот, в свою очередь, опасаясь возмездия за неточное выполнение и желая выслужиться, отдает распоряжение следующему подчиненному ему лицу в более строгом тоне с увеличением масштаба работ и с усугублением мер воздействия. Этот последний, по тем же причинам, отдает соподчиненному ему лицу еще более строгое и решительное приказание — для выполнения нормы работ выжимать без всякого снисхождения все соки из несчастных арестантов.

Таким порядком всякое распоряжение, увеличиваясь все более и более в строгости выражений и суровости требований, нисходит вниз и доходит до непосредственного выполнителя работ, десятника, в ведении которого находятся рабочие арестанты.

Этот выполнитель получает от производителя работ самый категорический приказ: беспощадно требовать выполнения суточного урока, не останавливаясь ни перед какими мерами и средствами.

На Соловках эти «какие-то меры и средства» всем и каждому понятны. Это: избиение работающих арестантов, глумления и издевательства над их личностью; а на лесозаготовках так и телесные пытки (см. главу о лесозаготовках).

Десятники, набранные в большинстве из уголовников, озверелых убийц и грабителей, применяют в полном объеме все эти меры и средства. Все это проделывается безнаказанно...

Несчастные жертвы соловецкого террора не смеют жаловаться кому-нибудь, ибо рискуют подвергнуться за это жестоким репрессиям.

Обо всем этом ГПУ прекрасно известно из донесений своих тайных агентов на Соловках.

Однако ГПУ не только скромно молчит, но его главари потирают руки от удовольствия, что так хорошо идет работа, и стремятся еще более разжечь соловецкий террор, придумывая для этого искусные трюки.

Все же, несмотря на строгую цензуру корреспонденции и на прочие суровые меры изоляции Соловков, бывают случаи, что сведения о Соловецких ужасах доходят до материка и даже до Москвы. Тогда ГПУ умывает руки и сваливает вину на низших исполнителей его распоряжений, как переусердствовавших и, как бы в подтверждение, наказывает их.

***

За время моего пребывания на Соловках приведу такой случай.

В 1926 году УСЛОН (управление Соловецких лагерей Особого Назначения) заключило контракт на поставку леса для экспорта за границу.

Требовалось заготовить громадное количество бревен для экспорта и дров для лагеря.

Для выполнения этой задачи потребовался энергичный жестокий заведующий лесозаготовительными работами.

Такой не замедлил объявиться.

Это был некто Селецкий, весьма колоритная фигура на Соловках: в прошлом он был видный заслуженный чекист, теперь же сосланный за неизвестные деяния на 10 лет. Он сам вызвался выполнить задания по лесозаготовкам, надеясь заслужить снисхождение и получить досрочное освобождение. Селецкому были предоставлены необычайные права: права расстрела на месте без суда тех, кто откажется выполнить суточный урок (так было сказано в приказе по Соловецкому лагерю).

Результаты работы Селецкого не замедлили проявиться в следующем:

Зимою рано утром, еще Кремль не пробуждался, прибывал в Кремль транспорт с лесозаготовок с жертвами лесозаготовительных работ.

На этом транспорте лесозаготовки присылали на двух-трех санях груды трупов, якобы, умерших, на самом деле забитых до смерти или замерзших, так как казенной одежды не было; работали в своей; многие полуголые; тут же привозили группу лесорубов с отмороженными руками и ногами, а сзади саней шла партия окровавленных избитых и изувеченных лесорубов, которые выжили все пытки, а сейчас отправляли их, как слабосильный элемент, не поддающийся воздействию.

В лесу, на местах работ, некоторые лесорубы, доведенные до отчаяния, отрубали себе кисти рук или ступни ног. За это, согласно приказу, угрожал расстрел, но лесорубы хотели этого, как избавления от мучений. Другим «счастливчикам» удавалось найти какую-нибудь бечевку, чтобы сделать петлю, и они вешались на деревьях, иные «счастливчики» ухитрялись проскользнуть через цепь конвоиров, убегали на озеро (на Соловках 462 озера), прорубали топором прорубь и топились.

Я применил здесь слово «счастливчики» совсем без всякой утрировки. На самом деле было так: когда оставшиеся в живых лесорубы, окруженные цепью конвоиров, узнавали, что товарищ Н бежал на озеро и утопился, то искренно завидовали ему, как «счастливчику». На смену выбывших из строя лесорубов набирали новых жертв и отправляли их на лесозаготовки.

Все каторжане-соловчане дрожали от кошмарного ужаса... Многие, более или менее здоровые, ждали с ужасом отправки на убой... Каким-то путем стало известно об этом в Москве. Центральное ГПУ всполошилось, приказало произвести расследование.

Расследованием была установлена картина кошмарных зверств и изуверств над лесорубами с целью принудить их к выполнению непосильных суточных уроков.

Конечно, само ГПУ приняло меры, чтобы не было огласки, а для успокоения соловчан были наказаны низшие исполнители предначертаний ГПУ: технические руководители, нарядчики и десятники.

После этого было короткое затишье на лесозаготовках, а затем все пошло по-старому.

Вот какие коварные методы применяет ГПУ для уничтожения своих политических врагов.

Подобное коварство наблюдается всюду и везде в практике всех органов ГПУ.

Состояние Соловецкой каторги на чрезвычайно-военном положении

Для внутреннего казарменного порядка на Соловках применена военная организация.

В хозяйственно-административном отношении Соловецкий лагерь разделяется на отделения. Проводя параллель с Советским Союзом, о чем упомянуто в начале, отделения соответствуют, как бы, автономным областям Союза. Всего на Соловецких островах шесть отделений: Первое, главное с Центральным Управлением Соловецкими лагерями, находится в Кремле. Прежде здесь находилась святая обитель Соловецкого мужского монастыря со многими храмами,

часовнями, солидными корпусами, с кельями для иноков. Теперь все это приспособлено под тюрьму. Кремль обнесен высокой каменной стеной.

II отделение на островах Бол. и Мал. Муксолма; III — в бывшем монастырском ските Савватьево; IV, или штраф-изолятор, на горе Секирной; V на острове Анзер и VI на Кондострове.

В каждом отделении заключенные распределены по ротам. Роты делятся на взводы.

Во главе всех рот поставлен лагерный староста. Отделением заведует Начальник отделения, назначаемый из числа старших и заслуженных в прошлом чекистов, особенно прославившихся при вольной практике своей жестокостью, зверством и прочими чекистскими замашками, а теперь сосланный за свои художества, притом, обыкновенно, на продолжительный срок.

В мое время особенно свирепствовали двое: начальник штраф-изолятора Антипов, дикий садист, и Начальник VI отделения на Кондострове, Райва, у которого в течение зимы 1926—1927 г. или шести месяцев, из числа 560 человек всего отделения было отправлено на тот свет 350 человек, или 62%. После этой зимы Кондостров получил название: «Могилевская Губерния».

Состояние Соловков на военном положении имеет целью применения самых суровых карательных мер против заключенных, преследуя основную задачу — медленно уничтожить или, по крайней мере, морально убить своих политических противников.

***

Мало того, Соловки официально именуются так: «Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ». Само название показывает, что Соловки находятся на чрезвычайном положении. Если принять во внимание, что для ГПУ не существует никаких юридических норм, для него нет писаных законов, оно произвольно применяет самые ужасные карательные меры, вплоть до того, что за уклонение от работ или хроническое невыполнение суточного урока лесорубы подвергаются расстрелу тут же на месте работ, — то представляется каждому вообразить, какой ужас смерти витает над несчастными жертвами ГПУ на Соловках.

***

Существующий на Соловках кукольный военный режим введен исключительно для морального угнетения. Особенно тяжело переносить духовным лицам разных религиозных культов и наипаче представителям высшего духовенства: архиепископам, епископам, архимандритам и др. Все они обязаны становиться в строй рядом с самой зловещей мразью из шпаны и выполнять по командам перестроения и маршировать.

***

При существующей военной организации несчастные соловчане-каторжане имеют над собой многочисленное начальство.

Так, во время работ заключенный находится в суровом подчинении производственного начальства (десятника, нарядчика, технического руководителя, производителя работ и начальника предприятия); возвратившись с работ в тюремную казарму, здесь окружает его сонм военного начальства (комвзвода, командир роты, батальона, дежурный по роте, дежурный по лагерю, лагерный староста, его помощник и представители административной части (это соловецкое ГПУ).

Все начальствующие персонажи всемерно стараются показать свою власть над несчастными узниками, чем отличиться в глазах начальства; многие из них, а к числу их относятся все чекисты, прибегают при каждом случае к разного рода глумлениям и издевательствам.

Арестанты, получающие из дому посылки и денежные переводы, подвергаются вымогательству со стороны многочисленного начальства, так как взяточничество на Соловках развито до крайних пределов.

Вот каково военно-административное устройство Соловецкой каторги и кто составляет начальствующий персонал. Это краткое предварительное описание послужит для сомневающихся разгадкой тех ужасов, что свирепствуют на Соловках, тех глумлений и издевательств, которые, как неотъемлемые обряды Соловецкого режима, выполняются ежедневно над личностью Соловецких узников.

Глава III
В преддверии ада

(Зимнее накапливание несчастных узников на Соловки. Процедура комедий судебного разбирательства органами ГПУ. Ударники красного террора или массовые наборы новых жертв для заточения на Соловки).

Зимнее накапливание несчастных узников на Соловки

В течение долгой приполярной зимы Белое море сковано льдами и Соловецкие острова изолированы от всего мира. Всякое сообщение островов с материком прекращается, — почему не бывает присылки новых партий заключенных.

В течение зимы происходит накапливание массового укомплектования для Соловецкой каторги прежде всего на пополнение убыли, происходящей от гро-

мадной смертности, а затем с каждым годом число соловецких узников непомерно увеличивается и ныне достигает колоссальной цифры.

Круглый год, и вот уже в течение тринадцати лет все органы ГПУ ведут денно, а главным образом и преимущественно нощно, энергичную работу по ликвидации своих классовых и политических врагов. Постоянно вылавливаются все лица, сколько-нибудь вызывающие подозрения или даже сомнения в их политической благонадежности.

В последнее время предпринят террористический поход против домовитых крестьян, против троцкистов и людей религиозных.

Все вылавливаемое предварительно заточается в подвалы ГПУ. Затем производится сортировка их органами ГПУ; главным образом Центральным Московским, и многими отделами ГПУ автономных республик, областей и округов.

Видных лиц, вызывающих опасения, расстреливают в глубокой тайне под покровом ночи; других присуждают на Соловки и третьих отправляют в ссылку в отдаленнейшие северные области Сибири. Лишь немногие ускользают на свободу из цепких когтей ГПУ.

***

Из всех правительственных органов Советской власти наибольшей продуктивностью работы выделяется работа ГПУ. Человеческие жертвы его бесчисленны. Достаточно указать, что от прежних привилегированных классов мало осталось следа. Мало на свободе интеллигенции и прежней буржуазии. Многие из них уничтожены органами ГПУ; другие находятся в тюрьмах, или на Соловках, или сосланы в отдаленные области. Оставшиеся в живых и на свободе, так терроризованы, подавлены и угнетены, что о своем существовании не подают никакого признака. Весьма поредели ряды духовенства всех религиозных культов и особенно много уничтожено духовенства православной Церкви.

Словом, заслуги ГПУ перед диктаторствующей партией колоссальны.

Демагогия ГПУ распространяется на все государственные и общественные управления и заведения, а все граждане, рабы диктаторствующей партии, само собой находятся всецело во власти ГПУ.

В настоящее время фактически диктаторствует ГПУ, лишь прикрываясь, как флером, пролетарской диктатурой и находясь пока в послушании Сталина и его клевретов.

Все, присужденные зимой к ссылке на Соловки, остаются временно до открытия навигации на Соловки в местных тюрьмах.

Таких несчастных жертв скапливается за зимний период многое множество во всех тюрьмах Советского Союза.

Весьма понятно — настроение их крайне подавленное и весьма угнетенное. Все они знают о Соловецких ужасах и готовятся к суровым страданиям и тяжелым мучениям.

Под таким тяжелым гнетущим впечатлением осужденные на долгий срок, 5—10 лет, часто кончают самоубийством еще задолго до ожидаемой отправки на Соловки.

Вместе с осужденными и обреченными уже на страдания во всех тюрьмах содержатся, также во множестве, граждане, которые ожидают решения своей судьбы; это так называемые подследственные.

Позволю уклониться в сторону от общей темы и расскажу о трагическом положении подследственных.

В числе их всегда много политических или по большевистской терминологии «каэров» (контрреволюционеров).

Большинство из них арестованы без всякого повода и причины. Вся вина их в том, что в прошлом они или принадлежали к привилегированным классам или состояли на государственной службе при старом режиме.

Судьба этих несчастных крайне неопределенна. Сами они не знают никакой вины за собой. Лишь только было сказано, что «все прежние люди» стараются в жизни прятаться от всех и уж подавно избегают каких-либо политических разговоров.

Помню, как они в ожидании приговора припоминали все прошлое перед арестом, чтобы лишь по догадкам предположить, за что арестованы, но при полном напряжении памяти не могут найти даже намеков на какой-либо преступный замысел, почему в большинстве случаев не могут предположить, какая статья Уголовного Кодекса будет применена к ним и какое грядет наказание им.

Положение их крайне тяжелое и неопределенное: с одной стороны, не зная за собой никакой вины, они могли бы рассчитывать быть отпущенными на свободу, что бывает редко: с другой стороны, находясь в неведении, что им инкриминируется, а, следовательно, неизвестно, какое последует наказание, они готовятся к всевозможным сюрпризам: или отправят в ссылку, или посадят в тюрьму, или заточат на Соловки, или даже расстреляют (что бывает при «ударниках красного террора»). Вот в таком трепетном ожидании они находятся обычно несколько месяцев, ожидая приговоров мнимых провокаторских судебных органов ГПУ.

Для полноты картины здесь не лишним будет описать процедуру шутовских судебных разбирательств в учреждениях ГПУ.

Процедура комедий судебного разбирательства органами ГПУ

В центральном ГПУ (Москва Лубянка, 2) существует два карающих органа: это коллегия ГПУ, как высшая инстанция, и Особое совещание при той же Коллегии и ей соподчиненное. Вот эти два органа Красного Террора и распоряжаются судьбами всех россиян; порою производят массовые расстрелы. Советское правительство, оправдываясь перед заграницей в своем открытом злодеянии, расстреле 20 монархистов, как бы в отмщение за убийство Войкова в Варшаве, декларировало эти органы, как судебные установления.

Правда, с оговоркой, «революционные судебные установления».

На самом деле, эти органы при выполнении своих функций не имеют ничего сходственного с судебными установлениями культурных народов.

Это не что иное, как карающие органы красного террора.

Различие между этими двумя органами лишь по подсудности тех или иных дел; процессы же судебных разбирательств и постановление приговоров мало различествуют в этих двух Шемякинских судах нового типа; видите ли, «революционного времени».

На основании тех сведений, которые посчастливилось мне собрать на Соловках от самих же ссыльных чекистов и даже бывших следователей ГПУ, я опишу вкратце процедуру рассмотрения дел в Особом Совещании при Коллегии ГПУ.

В течение всей недели многочисленный штат следователей всех отделов ГПУ приготовляет массу дел для рассмотрения в очередных заседаниях, — мелких дел Особого Совещания, а крупных Коллегии. Каждое из них заседает один раз в неделю. Надлежит помнить, что рассмотрение дел в Особом Совещании происходит без присутствия обвиняемого или кого-либо из посторонних.

Бывают недели, когда накапливается для рассмотрения в однодневном заседании Особого Совещания до 200 дел, даже доходит до 300.

Следует заметить, что в большинстве дел фигурируют несколько обвиняемых.

Отсюда можно лишь вообразить, какого множества людей решается судьба в течение одного заседания.

Естественно, не может быть и речи о рассмотрении каждого дела. Да, собственно, дела даже и не раскрываются, так как члены Совещания не находят в этом никакой надобности.

Они всецело полагаются и вполне доверяют следователям, которые и являются фактически вершителями судеб жертв Красного Террора.

Обычно следователи являются на заседания Совещания с заготовленными заранее постановлениями с обозначенными уже мерами наказания тому или другому свободному гражданину СССР.

По словам самих же следователей, на заседаниях Особого Совещания происходит в большинстве случаев лишь процедура подписания заготовленных уже постановлений.

Обыкновенно, как говорили бывшие следователи, заседания происходят так: следователь имеет пачку сделанных им кратких следственных заключений с приложенными к ним заготовленными постановлениями в трех экземплярах, становится сбоку от главного по месту сидения члена Совещания и подкладывает ему для подписи одно за другим постановления. Член Совещания, не читая, быстро, размашисто подписывает постановление и передает соседу слева, а тот следующему. Одного следователя сменяет другой и т.д.

Вот как быстро и просто решается судьба жертв ГПУ...

Несомненно, у каждого читателя возникнет вопрос: при таком упрощенном судопроизводстве и при том доверии, каким пользуются следователи, кстати, в большинстве мальчишки, возможны ли и в каком размере злоупотребления со стороны следователей.

На этот вопрос пусть каждый сам, учитывая психологию чекистов, способных на всякую подлость, сделает предположение о размерах злоупотреблений.

За все время пребывания в тюрьмах, на Соловках и в ссылке, я слышал о многих фактах беззастенчивого взяточничества и вымогательства со стороны агентов ГПУ и особенно из юридического персонала ГПУ. Перечислить их не представляется возможным, ибо им несть числа, да, кроме того, это и не интересно.

***

Часто подследственные каэры не знают, какое судилище будет разбирать их дела, — почему не могут даже предугадать, какое ждет их наивысшее наказание.

Кроме того, наблюдаются резкие крайности между приговорами Коллегии ГПУ по аналогичным делам. Я сам знаю случаи, когда люди были обвинены по одной и той же статье и им инкриминировались деяния до мельчайших подробностей одинаковые, хотя, допустим, и мнимые, получали различные сроки наказания — один, например, десять лет, а другой пять на Соловки. Такое крупное различие в наказании за одно и то же деяние происходило лишь потому, что их дела рассматривались в разных заседаниях Коллегии. Следует добавить, что в коллегии дела все-таки разбираются, хотя и скоропалительно, и также в большинстве заочно.

Будучи на Соловках, я старался выяснить причину такого несоответствия в наложении наказаний за одно и то же деяние и вел беседы на эту тему с ссыльными чекистами из судебного мира. Они находили такое явление самым обычным и в порядке чекистской практики и объясняли это тем, в каком настроении члены Коллегии были в день заседания.

По их словам, если члены Коллегии прокутили всю ночь перед заседанием, что случается часто, и пришли на заседание с похмелья с головными болями; словом, в удрученном состоянии, то тогда жертвы ГПУ не жди никакого снисхождения. Обыкновенно в такие дни дают максимальные сроки: десять, семь лет и минимум пять, и, само собой, выносят больше приговоров с применением высшей меры наказания, то есть, расстрела.

Или же обратное явление: случалось, и наверно, доднесь так бывает, что во время перерыва заседания члены коллегии навестили ближайший ресторан, хорошо закусили и изрядно выпили, а затем возобновили заседание в благодушном настроении, то счастливы те, чьи дела будут рассматриваться, — им назначают минимальные сроки: пять, три года Соловков, или административная высылка, и даже оправдание.

Однако те же рассказчики, бывшие следователи, вспоминали случаи, когда члены коллегии в разгоряченно-пьяном состоянии входили в звериный раж жестокости и суровости и налагали предельные по данной статье наказания и даже, для согласования, приказывали следователям изменить следственные заключения. Возможно, у некоторых читателей возникнет подозрение в утрировке мною передаваемого. Открыто заявляю, что никакой утрировки нет; передаю то, что слышал от осведомленных лиц; и даже, наоборот, излагаю с некоторым умалением красочности рассказанного. Весь секрет в том, что в большинстве случаев заседания Коллегии происходят без присутствия обвиняемого, и уж, конечно, без всяких защитников и свидетелей с их стороны.

Судьба обвиняемого решается заочно.

Самая процедура заседаний Коллегии имеет видимость как бы судебного процесса. Каждое дело рассматривается отдельно. Правда, мигом. Следователи докладывают дела и обычно подробностей дел не касаются, а лишь зачитывают свои следственные заключения. Затем прокурор предлагает меру наказания.

Таким образом, на заседании Коллегии ГПУ присутствует одна сторона, обвиняющая, без присутствия ответчика; причем судьями являются лица, которые по самому духу органа ГПУ принадлежат к палачам-карателям. Отсюда явствует, что жертвам ГПУ рассчитывать на снисхождение не приходится. Единственно может быть послабление, когда члены Коллегии будут по пьянке в благодушном настроении[3].

[3] Здесь и далее выделено автором. — Примеч. ред.

Так вот, почтенные читатели, в руках этих двух карающих инстанций органа Красного Террора ГПУ, — Коллегии и Особого Совещания при ней, находится судьба многого множества советских граждан.

***

Какой богатый материал будет для историографов юридического права, если при свержении пролетарской диктатуры удастся захватить в целости архивы ГПУ, особенно Центрального Управления — Москва, Лубянка, 2.

Небезынтересно указать для сведения состав этих двух судебных инстанций ГПУ.

А) В состав коллегии ГПУ входят: Председатель ГПУ, два его заместителя и начальники отделов, которых универсальное ГПУ имеет десять и одно — Административное управление

Б) Особое совещание при Коллегии ГПУ имеет переменный состав, — обычно его составляют 4—5 начальников Отделов, к кругу ведения которых имеют касательство подлежащие рассмотрению дела.

Указанный выше порядок осуждения жертв ГПУ применяется при нормальных условиях, когда ГПУ старается постепенно скрытно вылавливать всех тех, кто вызывает подозрение в политической благонадежности.

Ударники красного террора, или Массовые наборы новых жертв для заключения на Соловки

Кроме обычного порядка вылавливания политических недоброжелателей, часто мнимых, бывают еще случаи массового ареста, а затем массового расстрела, массового заточения на Соловки и массовых ссылок в отдаленные области. Такие чрезвычайные массовые наборы новых жертв именуются самими чекистами «УДАРНИКИ КРАСНОГО ТЕРРОРА». В Советском Союзе для обязательного выполнения чего-либо, например, срочных работ на разного рода производствах и особенно часто при хлебозаготовках, отдается распоряжение выполнить в ударном порядке. Даже для очистки улиц и площадей устраиваются ударники, для чего сгоняют всех граждан.

ГПУ не намерено нарушать общий шаблонный порядок и в свою очередь устраивает «*ударники красного террора*», завершающиеся обычно массовым расстрелом, массовым заточением на Соловки и т.д.

***

Здесь я умышленно уклонюсь в сторону от изложения на основную тему и коснусь этого весьма важного и животрепещущего вопроса, кошмарного в

истории Великой Русской Трагедии, именно вопроса о случаях массового ареста, массовых расстрелов тайно без суда и массовых заточений и ссылок, что практикуется часто, неизменно и в больших размерах палачами органа Красного Террора ОГПУ для уничтожения врагов пролетарской диктатуры. Как только что сказано, — это кошмарное массовое злодеяние именуется по чекистской между-товарищеской терминологии «*ударники красного террора*».

Несомненно, правдивое и верное освещение этого вопроса будет интересно весьма многим.

Я знаю, — есть люди, далекие от жизни в Советской России и знающие эту жизнь лишь по рассказам, которые относятся с недоверием к появляющимся в печати сообщениям о массовых расправах; они не допускают, чтобы на четырнадцатом году существования Советской власти могли быть такие кошмарные ужасы.

Есть другая категория лиц, которые сами много перестрадали и были очевидцами творимых зверств, у них, наоборот, тенденция преувеличивать звериные художества красных террористов.

Чтобы ответить на вопросы, — когда, где и при каких условиях устраиваются «*ударники красного террора*», я рассмотрю следующие положения из жизненной практики органов ГПУ.

***

Всякий и каждый, кто побывал во многих местах Советской России, *конечно, без приставленных гидов, как путешествуют иностранцы, а ездил без соглядатаев и наблюдал за настроением народных масс, он замечал какое массовое враждебное отношение к Советской власти, какая злоба и ненависть против диктаторствующей партии.* Лишь небольшая часть коренного населения, крестьянства и казачества, внешне лояльна и то до поры до времени.

При таком враждебном настроении громадного большинства населения Советского Союза, несмотря на страшный террор, свирепствующий уже четырнадцатый год, время от времени происходят вспышки народного гнева. *К наиболее неспокойным и воспламенительным районам надо отнести: Кавказ, Крым, Туркестан, Дальний Восток и отчасти Дон.*

В большинстве случаев эти вспышки не организованы, в малом масштабе, короче говоря, вспышки с отчаяния, — почему скоро подавляются. После этого ГПУ устраивает облавы для массовых арестов. Но как все это завершается? Предает ли ГПУ такие дела гласности, на открытый суд?

Ничуть не бывало... Это совсем не в интересах диктаторствующей партии, агенты которой трубят везде, и у себя дома и особенно за границей, что

в Советском Союзе тишь да гладь, везде Божья благодать; верноподданные пролетарской диктатуры благодушествуют: все обожают Советскую власть, и разные другие рекламные попугайные выкрики разглашаются за пределами Советского Союза.

И вдруг, то там, то здесь происходят восстания; причем восстания с отчаяния измученного населения.

В этих случаях агенты Советского Правительства, как у себя дома, так наипаче за границей, стремятся всемерно скрыть вспышки народного гнева.

ГПУ имеет на этот случай свой метод, выработанный продолжительной практикой: *всех активных расстреливают: причем расстрел учиняется не в этом районе, где событие произошло, а увозят куда-нибудь подальше, чтобы спрятать все концы этого неприятного события: других, причастных к делу, отправляют в ссылки, или на Соловки, или в отдаленнейшие северные области.*

Приведенные случаи массовых арестов, а затем применения жесточайших репрессий, назовем действительными, где налицо есть виновники против Советской власти.

Но в большинстве случаев массовые аресты это такие, где действительных виновников нет, а все дело спровоцировано. Назовем их случаями мнимыми, провокационными, а еще есть случаи для устрашения населения.

Есть области в Советском Союзе, где гнев народный не выявляется в открытых враждебных действиях против представителей Советской власти.

Население спокойно и держит себя лояльно в отношении местных властей.

К числу таких областей следует отнести: Северо-Западную с центром Петербург; Центрально-промышленную, Область Коми, Белоруссию и Средне-Волжскую область.

Внешне кажется, что, как будто, население охотно приемлет и Советский строй и диктатуру пролетариата. В действительности, совсем не то. Это лишь наружная сторона, а внутренняя скрыта до поры до времени и гнев народный вспыхнет в нужный момент.

Ввиду спокойного поведения населения в этих областях у многочисленных чекистов безработица; они изнывают от безделья.

Это еще полбеды; можно свободное время потратить на пьянство.

Гораздо серьезнее с чекистской точки зрения другая сторона такого затишья в работе.

А именно: Центральное ГПУ может предположить, что его представители на местах, в данном случае в областях со спокойным населением, неактивны, мало энергичны, и заключить, что не соответствуют назначению, и кое-кого мо-

гут убрать; или же вследствие затишья в делах могут произвести сокращения многочисленных штатов. Чтобы избежать того и другого, местные чекисты придумывают мнимые контрреволюционные организации; измышляют и мнимые активные выступления с их стороны. Дальше работа во всем идет по установленному трафарету: массовые аресты, подтасованное следствие, рассылка одних по другим подвалам ГПУ, а там заключительный аккорд-расстрел; других же, малозначительных, ссылают на Соловки или на север Сибири.

***

В противоположность областям со спокойным населением есть области, которые перечислены выше, где население, буквально, клокочет, лишь только ждет толчка извне, чтобы подняться, как один человек, против своих поработителей. Как только что сказано, — население этих областей часто не выдерживает. Происходят неорганизованные вспышки народного гнева; представители власти уничтожаются, а в первую очередь агенты ГПУ.

Понятно, в таких областях органы ОГПУ пребывают на вулкане перед извержением и, само собой, должны время от времени принимать меры предосторожности.

Такие меры они практикуют в виде «ударников красного террора» для устрашения населения и для уничтожения особенно воспламенительных элементов.

По заранее заготовленным спискам производятся массовые аресты без какого-либо повода и причины. Арестованных рассылают без задержки на месте по другим тюрьмам и подвалам ГПУ, а в дальнейшем все идет, как всегда: расстрел, тюрьма, ссылка.

***

Есть еще «ударники красного террора» иного порядка, так сказать, «сезонные»; это не политические, а уголовного характера. То же ОГПУ устраивает периодически облавы и производит массовые аресты: контрабандистов в пограничной полосе, спекулянтов, проституток и хулиганов в больших городах; религиозников и др.; в последнее время в громадном числе арестовываются домовитые крестьяне (кулаки).

***

Таким образом, всеми путями, которые практикует ГПУ для изоляции всех неугодных ему элементов, в течение зимы накапливается много тысяч новых жертв для отправки на Соловки.

С самого основания Соловецкой каторги Соловки никогда не могли вместить то количество заключенных, которое ежегодно предназначается к ссылке туда,

невзирая на чрезвычайную перегруженность всех помещений на Соловках, как жилых, так и нежилых; кроме того интенсивное строительство продолжается там непрерывно. Обычно, ежегодно часть приговоренных на Соловки, преимущественно уголовники, остается отбывать принудительные (каторжные) работы на материке в местных тюрьмах, слывущих суровым режимом.

Глава IV
Отправление жертв ГПУ в коммунистический ад — на Соловки

(Группировка осужденных на отправные этапы перед навигацией. Отправка из Москвы осужденных на Соловки. Прохождение через чистилище ада — Кемьперпункт. Прощание с материком и отправка на Большой Соловецкий Остров)

Группировка осужденных на отправные пункты перед навигацией

Обычно навигация по Белому морю открывается в первых числах июня месяца. Сейчас же с первыми пароходами начинается массовая отправка новых узников на Соловецкие острова. По мере приближения навигации ГПУ начинает стягивать группы будущих соловчан из всех многочисленных тюрем Советского Союза на отправные этапы. Отправными этапами служат для северо-западных областей — Петербург, а для остальных областей Европейской России и Сибири — Москва.

Следование по многочисленным этапам, особенно из Сибири, представляет весьма тяжелую арестантскую экскурсию в кошмарных антисанитарных жилищных и питательных условиях.

Лица со слабыми организмами не выдерживают и заболевают в пути.

***

В Советском Союзе происходит постоянно массовое переселение граждан, не свободных, а лишенных свободы, следующих под строгим конвоем из одних областей в другие. Как уже упоминалось, что ГПУ, помимо заточений на Соловки и в другие места заключений, практикует массовые высылки в разные отдаленнейшие области всех подозреваемых в политической неблагонадежности, или, вернее определяя, не сочувствующих Советской власти.

В жизни Советского Союза происходит, действительно, какое-то столпотворение: неблагонадежные элементы областей Европейской России и Кавказа

высылаются на Северный Урал (Обдорск), в Нарымский и Туруханский края, на Камчатку и на Сахалин; подозреваемых жителей Дальнего Востока и Сибири высылают в Киргизский край и Туркестан; из Центральной России ссылают в Зырянский край.

***

Уже в 1927 году отправленные в ссылку соловчане сообщали, *что все населенные места северной Сибири, буквально, забиты ссыльными и трудно найти себе пристанище; приходилось рыть землянки. Это на севере-то!..*

Диктаторствующая партия проводит для видимости принцип самоопределения народов, а ГПУ на практике производит смешение народов.

При таком массовом перемещении ссыльных в разных встречных направлениях, а с другой стороны при постоянной отправке арестантов на Соловки и другие концентрационные лагери, а также в подвалы крупных отделов ГПУ, — на этапах в пересыльных тюрьмах стоит неописуемый кошмарный хаос.

Перед началом навигации на отправных этапах пересыльные тюрьмы бывают переполнены сверх всякой нормы. Так, например, в Москве в Бутырскую тюрьму, бывшую при старом режиме каторжной тюрьмой со штатом заключенных в 1.500 человек, набивают в период отправки арестантов на Соловки до 5—6 тысяч человек.

Отправка из Москвы осужденных на Соловки

Надо полагать, что будет небезынтересно для тех, кто интересуется коммунистическими порядками в Советской России, познакомиться с процедурой отправки на Соловки.

Различия между периодическими отправками транспортов новых узников на Соловки могут быть лишь в мелочах; вообще же все проделывается по шаблонному ритуалу, выработанному Центральным ГПУ и применяемому во всех отделах ГПУ.

Вот почему я расскажу здесь об отправлении очередного этапного транспорта с арестантами из Бутырской тюрьмы на Соловки, в составе которого был отправлен и я.

Было начало июня 1925 года.

Бутырская тюрьма была набита осужденными в три раза сверх нормы.

Обитатели Бутырской тюрьмы переживают тяжелое время жуткого ожидания отправки на Соловки. Все будущие Соловчане пребывают в возбужденно-нервном состоянии. Одни пишут прощальные письма родным и знакомым; другие ждут с нетерпением прихода на свидание близких родных: жен, матерей, сестер; чтобы увидеть их, может быть, последний раз в своей жизни.

Возбуждение достигло апогея, когда начали готовить к отправке первый транспорт.

30-го Мая отправили первый, 6-го июня вышел второй, каждый в составе 600 человек.

Мы ждем очереди. Наше тревожное настроение переходит в решительное. Уже такая психология человека, — ожидая несчастье для себя или большую опасность и зная, что грядущее неотвратимо, он, после волнений первого времени, начинает жаждать, чтобы это совершилось скорее.

11-го июня вызвали нас с вещами. Я находился на рабочем коридоре и уже в течение семи месяцев отбывал наказание, выполняя принудительные работы в тюрьме.

Для арестантов этапного транспорта на Соловки очистили три камеры на рабочем коридоре, куда и начали сводить отправляемых соловчан со всех других коридоров тюрьмы; набивку этапных камер продолжали и следующий день.

12-го июня. К вечеру этого дня в этапные камеры набили арестантов, в буквальном смысле слова, как сельдей в бочке. В этих камерах при царском режиме помещалось 24 человека; теперь же было набито больше 150 человек. Можно было лишь стоять плечо к плечу. Миски с супом или чайники с кипятком передавали через головы, так как проносить через стоявшую сплошную толпу не представлялось возможным.

В камере шум, гам, ругань, — все это приводит в полное изнеможение. Передохнуть как-нибудь, хотя бы сидя, нельзя — нет места.

Имеющие вещи держат их в руках, боясь как бы не своровали. Дело в том, что в одной и той же камере были набиты арестанты всех слоев общества, всех категорий преступности: тут интеллигенция, высшие духовные лица — архиепископы, епископы, здесь же, и в громадном большинстве представители уголовного мира, — убийцы, грабители, конокрады, жулики, карманщики и прочие преступники; все в одной общей волнующейся толпе.

Общеизвестно, что в тюрьмах культурных благоустроенных государств арестанты распределяются на категории по их преступности и размещаются отдельно, и во всяком случае отделяются политические от уголовных.

Пролетарское правительство не желает следовать в этом отношении примеру буржуазных государств, и в советских многочисленных тюрьмах набивают в одну камеру арестантов разных категорий преступности.

Во-первых, пролетарские диктаторы не признают каэров за политических, а причисляют их к уголовникам, да, притом, к самым вредным и опасным, называя их не иначе, как враги народа.

Во-вторых, в пролетарском государстве уголовный элемент (в чистом виде, без каэров) есть краса и гордость пролетарского государства. Немало из недр его вышло высокопоставленных особ пролетарской диктатуры, особенно много поставил уголовный мир для службы по линии ГПУ: и как же вдруг их изолировать, как людей низшего морального уровня, людей развращенных. Да, помилуйте!! Это будет оскорбление пролетарскому государству. Уголовники при отбытии наказания пользуются некоторыми привилегиями, а главной из них — досрочным освобождением.

***

Курьезнее всего то, что советские суды, определяя меру наказания лицу пролетарского происхождения (а яснее говоря, из уголовного мира) принимают во внимание пролетарское происхождение и назначают низшую меру наказания. Другими словами, пролетарское происхождение есть уменьшающее вину обстоятельство. Это нечто новое в юриспруденции. Этим они собственноручно расписались, кто они и из кого.

***

Нередко за время продолжительного пребывания на Соловках и в тюрьмах приходилось читать в большевистских газетах их возмущения по поводу того, как в буржуазных государствах, преимущественно в Польше и Румынии, их единомышленники, коммунисты, содержатся вместе с уголовниками, или применяют к ним уголовный режим. Сколько ярости и злобы изливалось тогда по адресу буржуазии!.. Какой поднимался бешеный вой!..

В то время мы, арестанты, читая это и сами испытывая глумления и издевательства, с исступленным гневом возмущались нахальством этих отъявленных наглецов и злобно восклицали: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ли на себя, кума, оборотиться!»

***

Диктаторствующая партия коммунистов причисляет к политическим лишь социалистов разных оттенков: меньшевиков, левых эсеров и некоторых анархистов.

К ним большевики применяют более облегченный режим, чем к каэрам.

Они помещаются в особых лагерях: Ярославском, Суздальском и других, где пользуются разными привилегиями и одной из них, которой завидуют везде, особенно на Соловках, — это кушают досыта.

Преимущества, оказываемые большевиками заключенным социалистам, вытекают не из того, что большевики расположены более благосклонно к ним; наоборот, они видят в них наиболее опасных политических врагов, а проявляют к

ним снисхождение лишь потому, что они боятся, как бы не было шума заграницей среди иностранной социал-демократии. *По этой самой причине они применяют тайные приемы для ликвидации видных социалистов.*

***

Если иногда тюремная администрация, притом, низший ее персонал, коридорные надзиратели, при распределении арестантов по камерам делят их на интеллигенцию и шпану, то это делается не по каким-либо моральным побуждениям, единственно по административным соображениям, чтобы избежать воровства и насилий над интеллигентами со стороны шпаны.

Самое распределение происходит не по признаку преступности, а по внешнему виду: кто имеет сносное одеяние и наипаче вещи с собой, того сажают в камеру интеллигентов; часто попадают туда воры-рецидивисты и шулера, одетые прилично. Если арестант в рубище оборванца, каких не мало теперь среди интеллигентов, его запирают в камеру со шпаной.

Со мной вместе из Бутырок был отправлен казачий полковник в весьма плохом одеянии. Он неизбежно всегда помещался в шпанской камере, хотя это был пожилой человек, скромный, тихий, благочестивый.

И вот ему, кроме физических страданий, приходилось переносить пытки и муки нравственного гнета, находясь все время среди уголовного сброда.

Высшая тюремная администрация требовала, чтобы каэров не отделяли от уголовников а помещали вместе с ними. Я сам был очевидцем, как заведующий всеми местами заключений ОГПУ, чекист Дукс, конечно, латыш, обходя тюрьму, злорадствовал, когда увидел, что каэры сидят вместе с уголовниками и имеют крайне измученный вид.

Когда же нашлись двое смельчаков из настрадавшихся каэров и обратились к Дуксу с просьбой перевести их в другую камеру, то он рассвирепел, начал осыпать их отборной, площадной бранью и приказал перевести немедленно жалобщиков в еще худшую камеру к самой отъявленной шпане, к так называемым, по-арестантски, «леопардам»; там у них сейчас же отобрали все, даже переменили их белье на лохмотья. Спросят, — что же администрация? А администрация весело, предовольно злорадствовала. Мы же, зрители, не могли ничем выказать нашего возмущения, так как рисковали сами попасть туда же.

***

Ночь с 12-го на 13-ое июня мы провели в сборных этапных камерах в стоячем положении. Само собой, конечно, без всякого сна и более суток без пищи.

В 8 часов утра 13-го июня начали вызывать нас партиями по 45 человек. Это для отвоза нас на «Черном Вороне» на Николаевский вокзал, а там для погрузки в этапный арестантский поезд.

Вызванные партии отводили в приемные апартаменты Бутырской тюрьмы, в так называемую круглую башню.

Здесь уже в третий раз производился подробный осмотр вещей арестантов и самый тщательный обыск их самих: — арестантов раздевали донага; у некоторых даже осматривали разные складки и отверстия в человеческом теле... отыскивая, — нет ли записок, адресованных заключенным на Соловках.

После обыска и осмотра вещей начальник конвоя принимал партию арестантов, а затем конвойные, держа оружие наготове, окружали сплошной цепью партию и выводили ее из тюрьмы на улицу, где останавливали у тюремных ворот для ожидания прибытия «Черного Ворона».

***

Скажу несколько слов об этом чудище. Это перевозочное средство для развозки арестантов по тюрьмам и подвалам ГПУ. Это 6-ти цилиндровый грузовик, на котором поставлен сплошной кузов: в передней стенке кузова маленькое окошечко с железными прутьями накрест; в задней сплошная дверца. Кузов обит листовым железом и окрашен в черный цвет. Отсюда и дано москвичами название ему «Черный Ворон». Во время работы «Черный Ворон» быстро мчится по улицам Москвы, непрерывно подавая рычащие гудки. Прохожие в ужасе шарахаются в стороны, посматривая с тяжелым состраданием на это чудище. Но сколько в нем несчастных жертв, некоторые не знают.

Я говорю некоторые, разумею москвичей, потому что многие москвичи, несомненно, удостоились счастья прокатиться в нем.

А в нем вот сколько: в нем две скамейки по сторонам, каждая при плотной посадке на 10—12 человек, следовательно всего на 20—24 чел. У чекистов другая нагрузка — 45 человек: по следующему расчету: на каждой скамейке другой ряд должен сесть на колени первому, упираясь друг другу коленями, после чего никакого прохода нет, но отправители и нагрузчики дают надбавку в 5 чел. Как хотите, так и размещайтесь; хоть на головы садитесь.

При каждой погрузке всегда происходят удручающие сцены.

И вот мы очутились на улице, вне мрачных высоких тюремных стен.

Впервые за 7 с половиной месяцев лишения меня свободы я увидел вольную уличную жизнь свободных граждан. Судорожная боль щемила сердце при мысли: а вот ты, окруженный цепью конвоиров, лишен всякой свободы, не только свободы движений, но и свободы выражать свои мысли.

В тот момент меня угнетала мысль, что я сам добровольно предался в руки ГПУ, проявляя свой кисло-сладкий патриотизм и надеясь послужить родному народу в деле освобождения его от коммунистической тирании. И теперь не знаю, что меня ждет впереди, когда кончатся мои страдания и сохранит ли Господь Бог меня в живых.

Совсем иначе были настроены другие мои спутники, коллеги арестанты, которые, вдохнув воздух свободной улицы, оживились, повеселели.

Глубокий контраст с ними составляли духовные лица, входившие в нашу партию и стоявшие вместе у ворот тюрьмы: два архиепископа, три епископа и несколько иереев. Настроение их всех было крайне подавленное.

Их не смущало то, что они, высшие иерархи православной церкви, находятся сейчас плечом к плечу в обществе развращенной до мозга костей уголовной шпаны. Это и не должно смущать их, ибо за ними нет абсолютно никаких моральных прегрешений; они лишь несут мученический крест за мужественную и непоколебимо стойкую защиту славного имени Христа.

Их мрачные лица отражают душевную скорбь за своих пасомых, за весь Русский Народ. Тяжелая скорбь их еще в том, что, как прежде сыны Израиля предали на рассвете долгожданного Мессию, Господа нашего Иисуса Христа, так ныне чада Церкви, пасомые раньше ими, позволили безнаказанно озверевшим чекистам схватить в свои когти высших иерархов церкви для глумлений и издевательств над их личностью, чтобы они были свидетелями в течение многих лет цинично-кощунственных хулений и поношений Господа нашего Иисуса Христа.

Сейчас лица иерархов, смотрящих отечески скорбно на движущуюся уличную толпу, выражают скрытую мольбу: «Отче, прости им, отпусти им грехи их и наставь их на прежний путь благочестия».

Как некогда Господь наш Иисус Христос шел на Голгофу рядом с разбойниками, так и ныне, в XX культурном веке, они, эти несчастные высшие иерархи, следуют в обществе самых преступных людей на Голгофу Русского народа на Соловки.

***

Закончив формальную приемку нашей партии, начальник конвоиров пересчитал нас, чуть ли не в десятый раз, и приказал нам положить наши вещи в одну общую кучу, пояснив, что вещи будут доставлены на особом грузовике.

Раздалась команда: «Вперед шагом марш!», и мы зашагали впервые в этапной партии и, отправляясь не в «путь Сибирский дальний», как поется в старой песне каторжан, а на Соловки, но, как увидит читатель ниже, прежняя каторга по суровости меркнет перед новой коммунистической каторгой.

Нас подвели к другой партии, вышедшей раньше и ожидавшей погрузки; построили в тесное каре, приказав не двигаться с места, в противном случае будет применено в дело оружие.

Каждая партия была окружена сплошным кольцом конвоиров, державших заряженные винтовки на изготовку: за цепью конвоиров ходили взад и вперед несколько старших конвоиров с наганами в руках.

***

Кроме того, улица, проходящая перед фронтом Бутырской тюрьмы, была забаррикадирована сплошной цепью вооруженной тюремной стражи. Вот какая усиленная охрана!!.. Какое строгое и бдительное наблюдение за арестантами, которым приказано стоять неподвижно в строю, не шевелясь и не делая никаких жестов в сторону публики, стоявшей у перекрестков улиц за внешней цепью охраны. В свою очередь публике было запрещено делать возгласы в сторону арестантов.

Лицу, незнакомому с тюремными порядками при новом коммунистическом режиме, не знающему также практических приемов органов ГПУ, может показаться, смотря на такую суровую строгость и бдительность охраны, что отправляется партия каких-то тягчайших государственных или уголовных преступников, готовых броситься на свою стражу.

В действительности, нет никакой надобности в применении такой строгости.

В нашей, например, партии, за исключением небольшого числа «шпаны» (мелкие воришки, карманщики, хулиганы), остальные все каэры, другими словами, люди ни в чем невинные.

В нашей партии были два архиепископа, три епископа и человек двенадцать прочего духовенства разных религиозных культов.

Конвоиры, вооруженные, как говорят, до зубов, сплошным кольцом охраняют лиц, которые являются высшими представителями христианской церкви, другие духовными отцами верующих россиян всех народов и культов, которые есть ходатаи за своих пасомых перед Единым Истинным Богом; они ежедневно возносят моления «О мире всего мира», «о смягчении человеческих сердец», поучают «любить всех, как самого себя».

Вот к ним ГПУ относится с такой суровой подозрительностью, как бы причисляя их к опасным врагам Государства и общества.

Да, они враги..., но враги не культурного благонравного общества, а враги разрушителей основ нравственности, семейных и общественных взаимоотношений...

Причем они враги не физические, а духовные... Их оружие — смирение, всепрощение, ангельская кротость и доброта... Это такое оружие, которое все ваши усовершенствованные средства борьбы бессильны преодолеть...

И не преодолеют...

***

Ждем прибытия «Черного Ворона» для погрузки. Что-то долго?..

За внешней цепью охраны на ближайших перекрестках улиц публика скопляется все более и более. Надо полагать, что многие москвичи, а родственники отправляемых, безусловно, осведомлены о массовой отправке на Соловки и стекаются, чтобы взглянуть на своих близких и родных в последний раз перед отправкой, а, возможно, и в последний раз в сей жизни...

За оцеплением охраны видны плачущие женщины, окруженные двумя-тремя малолетними детьми... Это жены и дети пришли проводить своих мужей и отцов...

Мы ждали уже довольно долго. Какая-то, видимо, произошла задержка...

Лишь после посадки в поезде мы узнали о задержке. Оказалось, — что погрузка была назначена на товарной станции Николаевского вокзала, но при самом начале погрузки столпилось так много народа вблизи станции, что ГПУ приказало передать состав арестантского поезда на дальний запасный путь, чтобы скрыть посадку от московской публики.

К Бутырской тюрьме народ также все прибывает.

Вдруг появляются рысью конные милиционеры и начинают разгонять толпу. Многие из толпы бросились к остановкам трамвая. «Кажется, догадались поехать на вокзал и там проводить своих...» — сказал сосед сзади меня.

«Ну, и напрасно, там также разгонят», — ответил другой голос.

«Ах, изверги!.. Ну, что им мешают бабы с ребятами?..» — негодующе проворчал третий.

Наконец, с грохотом подкатил «Черный Ворон».

У многих сердце екнуло...

Началась погрузка очередной перед нами партии. Раздается несмолкаемая команда чекистов, обслуживающих и конвоирующих «Черный Ворон»: «Скорей влезай!», «Быстро забирайся!». Уже из наполненного «Черного Ворона» кричат: «Товарищи, довольно!», «Некуда!»... «Мы задыхаемся!».. Но руководящий посадкой чекист кричит не влезшим еще в кузов: «Влезай!, гав-гав-гав»... (авторская вольность — замена площадной брани). Застрявших в дверцах проталкивают прикладом, нажимая им в спину. От партии остался один шпаненок. Уже дверца кузова не запирается. Чекист все-таки вдавливает прикладом шпаненка в дверцу. Тот

исступленно кричит: «Звери, палачи, душегубы!..» Раздраженный чекист ударяет его прикладом по голове и сильно разбил ему голову; шпаненок упал с площадки «Черного Ворона». Пришлось ссадить его и отправить в лазарет.

«Черный Ворон» ушел. Мы остались ждать его возвращения.

***

Тем временем из нашей партии изъяли пять человек уголовников, которых было экстренно приказано оставить для производства над ними следствия по новому делу в связи с арестом их сподвижников.

Вместо них для посадки вместе с нами вывели за ворота четырех девушек, отправляемых также на Соловки. Они отстали от женской партии, так как лежали в тюремном лазарете на излечении от скромной для девиц болезни, венерической. Это деми-монденки московского зловонного болота. Шпана именует их «подвагонными проститутками». В столице Советского Союза сильно размножился такой тип гулящих женщин.

За переполнением Москвы, за отсутствием жилплощади (жилищная площадь — просто, квартира) эти женщины открывают свои кабинеты где-нибудь под больными вагонами на запасных путях московских вокзалов. Их клиентами бывают бездомные бродяги из московского преступного муравейника.

***

Наконец, «Черный Ворон» с грохотом подкатил и за нами. А на смену нам выведена уже другая очередная партия, исключительно каэры.

Начали набивать нами кузов «Черного Ворона». Все-таки солидных арестантов: архиепископов, епископов, священников и ксендза, в числе их попал и я, поместили на скамьи. Это по мнению опытных арестантов даже не выгодно, так как на колени к нам садится второй ряд. Женщин, наших компаньонок, втиснули последними в кузов. Их разместили на коленях первого ряда. Тут произошел смехотворный курьез. Так как кузов был так плотно набит пассажирами, что не было возможности шевельнуться, не говоря уже о продвижении в каком-либо направлении, — почему одной проститутке пришлось по необходимости поместиться на колени Владыки Ювеналия, архиепископа Курского и Тульского. По этому поводу шпана острила всю дорогу, делая порнографические замечания, а архиерейская пассажирка, не желая уступать московским апашам в их словесном искусстве, делала в свою очередь еще более скабрезные реплики. Бедный Владыка Ювеналий оказался в беспомощном состоянии, не зная, как реагировать на такую скабрезность по его адресу.

***

Перед самым стартом «Черный Ворон» дает продолжительный гудок, как извещение тюремной администрации об отправлении.

«Черный Ворон» с места взял скорый ход и помчал нас по улицам Москвы. Мы образовали сплошную плотную кучу людей. В кузове полная темнота. «Черный Ворон» мчит нас по улицам Москвы, непрерывно подавая зловещие гудки. Мы не представляем себе, по каким местам проезжаем: знаем лишь, что должны проехать через всю Москву.

Вихрь разнообразных мыслей, одна мрачнее другой, проносится в наших головах...

Итак, нас отправляют в новое заточение, на новые страдания и мучения... на Голгофу страданий Русского Народа... на Соловки...

В этот момент напряжение человеческого мозга достигает крайних пределов; темп его работы непомерно ускоряется... Мысли быстро чередуются одна за другой... Возможно, на Соловках многие обретут места вечного успокоения... Грустно на душе... Судорожные боли щемят сердце...

***

Чу... «Черный Ворон» дает продолжительный гудок и замедляет ход... Наверно, подъезжаем к месту погрузки. Остановились... Происходят какие-то разговоры... У нас возникает беспокойство, как же мы будем выгружаться, — ведь, мы спрессованы в кузове, как рыбки в консервной банке.

Конвойный открывает дверцу и командует: «Кто последние, выбрасывайся живо...» Легко сказать, «выбрасывайся», да еще «живо». Те, кто были последними вдавленными (именно вдавленными), напрягают усилия выбраться. Им помогают конвойные... «Становись по четыре!..» раздается команда. Нас подводят к вагону, предназначенному для нас. Здесь остановили. Мы будем ждать прибытия наших вещей...

***

Широкая площадь, где происходила посадка, оцеплена вооруженными конвоирами. За оцеплением столпились в разных местах группы провожающей публики. Многие родные изощрились как-то пробраться к месту посадки...

Большинство женщин с детьми. Из толпы женщины машут платочками: несомненно, пропитанными слезами... Щемящая боль давит сердце отъезжающих мужей и отцов...

Может быть, некоторые из них видят в последний раз, и лишь только издали, своих близких и дорогих родных.

Вдали отчетливо вырисовываются главы Кремлевских Святынь, а влево от них золоченый купол Храма Христа Спасителя.

Наши коллеги-арестанты, архиепископы, епископы и прочее православное духовенство, устремляют в последний раз молитвенные взоры на Московские Святыни и осеняют себя крестным знамением, испрашивая Божье благословение на предстоящие страдания за славное имя Христа.

И Господь Бог даст им силу и крепость мужественно перенести все глумления и издевательства, которые будут сыпаться на их головы.

***

Доставили наши вещи. Мы разобрали их. Затем нас ввели в вагоны и заперли крепко-накрепко, отделяя нас на продолжительное время от внешнего мира, а многих и навсегда. Погрузка продолжалась до позднего времени. Всего погрузили 640 человек арестантов. В 3 часа утра 14-го июня наш поезд двинулся по маршруту в гор. Кемь Архангельской губернии.

***

К нашему благополучию оказалось, что наш поезд экстренный, шел по экспрессному графику прямым сообщением до Кеми. Разгадка в том, что наш поезд, практический для курсантов нормальной школы ГПУ. При Центральном Московском ГПУ есть нормальная школа комсостава, по квалификации культурных государств, это есть военное училище для подготовки офицеров армии. Эта школа подготовляет командный состав для войск ГПУ и ЧОНА (части особого назначения). На последнем курсе курсанты проходят практическим путем (или выражаясь научно, чем большевики стремятся блеснуть, семинарским методом) некоторые распространенно-жизненные службы ГПУ. Так: а) они партиями участвуют в облавах при массовом аресте; б) наблюдают, как присутствующие, при наиболее интересных выемках товаров, например, у спекулянтов, или при конфискации имущества; в) командируются в пограничную полосу для облавы на контрабандистов; г) присутствуют по очереди при ночных расстрелах в подвалах Центрального ГПУ с целью посвящения их в ритуал расстрела, а главным образом с целью убить у молодежи чувство жалости и сострадания, а развить жестокость и звериную кровожадность, и т.д.) прочие службы ОГПУ. Это есть семинариум (практическое изучение) нормальной школы ГПУ.

При таком практическом изучении конвоирования этапного поезда был образцовый порядок во время нашего следования.

Мы, арестанты, были рады, что попали под такой конвой.

Конвоиры-курсанты были весьма корректны и предупредительны. На станциях сами приносили для нас кипяток. Перед большими станциями спрашивали, — не желает ли кто купить что-нибудь. Заказы выполняли аккуратно и покупали гораздо дешевле, чем мы привыкли к ценам тюремных закупщиков. На мою просьбу остановить бесчинства шпаны в нашем присутствии, не моем, меня это уже не коробило, а высших представителей церкви; курсанты отнеслись отзывчиво и перевели хулиганствующую шпану в соседний вагон. Вообще, молодые курсанты-конвоиры произвели на нас весьма благоприятное впечатление. Видимо, воспитание ГПУ не оказало еще на них влияния.

***

В Петербурге останавливались всего на полтора часа.

В гор. Кемь прибыли утром 16-го июня. И вот здесь мы вступили в район Соловецкого концентрационного лагеря принудительных работ Особого Назначения ОГПУ. Это Голгофа страданий Россиян... Это не что иное, как своеобразный коммунистический ад, творение наикультурнейшего XX-го века.

Прохождение через чистилище ада - Кемьперпункт

Наш экстренный арестантский поезд прибыл на ст. Кемь Мурманской железной дороги.

Кемь — небольшой портовый город на Белом море.

Отсюда происходит отправка арестантов на Соловецкие острова. Сюда доставляются во множестве лесные материалы: бревна, доски, дрова, заготовленные руками измученных, голодных и полуголых соловецких каторжан. Далее лес отправляется или в Мурманск, или в Архангельск, где грузится на иностранные пароходы для экспорта за границу. Иностранцы, жадные до наживы, охотно покупают этот дешевый лес, заготовленный даровыми руками соловецких мучеников и покрытый иногда кровью соловецких каторжан.

Что можно иногда обнаружить следы человеческой крови на некоторых бревнах соловецкой заготовки, то это не предположение и тем более не злостная фантазия, а определенное утверждение, основанное на фактах. *Вот они: а) когда я был в 1926 году на главных лесозаготовках, то видел бревна, обрызганные кровью избитых лесорубов; б) очень часто лесорубы, доведенные до отчаяния непосильными уроками и побудительными к работам пытками, отрубали себе кисти рук или ступни ног; и эту операцию проделывают на бревнах, экспортируемых впоследствии за границу для продажи.*

***

К моменту прихода нашего поезда площадь выгрузки, которая происходила на открытом месте, уже была оцеплена вооруженными кемского «надзора». «Надзор» — эта охрана из ссыльных сотрудников ГПУ, самых жестоких и беспощадно суровых, стремящихся выслужиться, о чем сказано выше.

Началась медленная выгрузка. Нам предстояло идти большое расстояние на Попов Остров, где расположен Кемский передаточный пункт и там же казармы для арестантов.

Каждый арестант несет свои вещи. У меня, как прибывшего из за границы вещей было порядочно.

Конечно, больше, чем у обобранных советских граждан. Я имел с собой: большой и маленький чемоданы, узел с постелью и корзинку с продовольствием.

В общем ноша была довольно тяжелая; все же я с большим напряжением волоку. Беда в том, что мы идем в строю, — нужно равняться в рядах и держать в затылок впереди идущему. Мне, как перегруженному вещами, было очень трудно соблюдать равнение. Ближайший ко мне конвоир из «надзора» несколько раз крикнул на меня: «Равняйся! гав- гав-гав...» (площадная брань). «Иди в затылок! гав-гав-гав». За цепью конвоиров шел Дукс, важная персона Центрального ГПУ, заведующий всеми местами заключений ГПУ.

Так вот, когда конвоир сделал мне замечание, чтобы я не отставал, Дукс приказывает конвоиру: «Дай ему прикладом! гав-гав-гав» (трехэтажная площадная брань). «Видишь, набрал вещей... или на дачу собрался, гав-гав-гав! На Соловках покажут тебе дачу, гав-гав-гав». Дукс отлично знал еще по Бутырской тюрьме, кто я такой и как попал в когти ГПУ.

Действительно, по его приказу послушный и выслуживающийся тип из «надзора» сильно толкнул прикладом меня в бок. Перегруженный вещами, я потерял равновесие и упал. Вещи разлетелись в стороны. Соседи арестанты подобрали мои вещи и помогли мне донести до пункта.

Наша многочисленная печальная процессия из обреченных на страдания прошла ворота Кемского пункта, окруженного проволочными заграждениями.

Все более и более изолировали нас от внешнего мира. Нас остановили на панели между бараками, построив в четыре шеренги.

Кемская администрация начала продолжительный и утомительный обыск арестантов и осмотр их вещей. Церемония продолжалась пять часов.

Здесь с первого же момента к нам применили самый суровый военный режим. Большинство арестантов не имело, конечно, понятия о военных порядках, как люди

штатские, особенно духовенство разных культов и уж подавно женщины, а в числе их есть старушки, — все должны стоять в строю и двигаться по командам.

Размещены, например, так: в строю стоят — архиепископ, епископ, генерал, бывший губернатор, ксендз или пастор, а между ними и рядом с ними босые, оборванные, сопливые «шпанята», которые, притом, норовят что-нибудь украсть.

***

В то время, июнь 1925 года, военная организация на Кемском передаточном пункте заканчивалась полком. Командиром полка был некто Основа, анархист по убеждениям, как он сам заверял, в прошлом был адъютант Махно, затем служил у большевиков в ГПУ. Высокий, крепкий мужчина, брюнет с ястребиными навыкате глазами, всегда имел мрачно-суровый вид, обладал зычным голосом, был большой любитель применять рукопашные избиения; особенно жесток был со шпаной.

Тут же на первых порах избил несколько человек за непорядок в строю. Этот тип произвел на нас самое мрачное, угнетающее впечатление. Интересен его стаж, — из анархистов попал в чекисты. В то время меня крайне возмущало такое дикое требование знания военных порядков от людей, которые в прошлом не имели никакого отношения к военной службе, а сейчас не только никто не обучал ничему, но даже ничего не объясняли, и вдруг за незнание как держать себя в строю, учинять кулачную расправу.

Тут произошел такой инцидент: мы стоим на панели в строю в ожидании вызова для обыска. Идет со стороны Управления тип в чекистской форме, с фуражкой набекрень со стеком в руке, сильно подвыпивший: видимо, уже выпил с московскими гостями, сопровождавшими нас.

Командир полка, Основа, заорал зычным голосом: «Смирно! Равнение направо! Товарищи командиры!». (Оказывается, — у нас уже есть ротные и взводные командиры).

Тип со стэком подходит к правому флангу и громко кричит: «Здравствуйте, граждане!»

Несколько человек на фланге ответили вполголоса: «Здравствуйте». Тип со стеком рассвирепел и обращается к командиру полка: «Товарищ комполка! Научите немедленно здороваться!» Оказалось, — этот тип начальник Кемского пункта, главное начальство.

И что же, после обыска, еще не указали нам места, где расположиться в бараках, построили нас снова на панели и начали учить здороваться. На приветствие начальника мы должны дружно, громко и все отвечать: «Здра». Такой собачий выкрик применен теперь в Красной Армии. Согласованность при такой массе, в

650 чел., нам никак не удавалась. Начальство свирепело. Все время слышится гав-гав-гав (площадная брань). Бешеный Основа обращается к Владыке Глебу, епископу Воронежскому, стоявшему рядом со мной: «Ты, толстопузый, почему зажал губы, не отвечаешь?» Бедные архипастыри должны были лаять по собачьему и кричать «Здра».

Кроме «Здра» тут же нас обучали рассчитываться по порядку: первый, второй... десятый... и т.д. Такой расчет производился при каждом построении для поверки наличия арестантов.

Первый урок обучения нас военному строю занял более часа. Когда уже сами инструкторы утомились, то стали разводить нас по баракам.

***

Скажу несколько слов о нашем размещении в бараках.

На Поповом Острове есть восемь летних деревянных бараков, построенных англичанами во время интервенции в 1918 году. Каждый барак рассчитан на 120 человек. Теперь устроены нары в два яруса и нас поместили 500 человек. На каждого человека было отмерено на нарах место шириною 20 сантиметров. На такой узкой полоске на нарах можно лежать лишь на боку, да и то человеку некрупной комплекции. А где положить вещи? Тут нужна изобретательность, и, действительно, советские арестанты поразительно изобретательны. В щелях стен и в досках нар множество вшей и клопов. Это обычный бич всех тюрем и особенно пересыльных этапов, каким является Кемский. Загнали нас в бараки и приказывают располагаться. Но как располагаться на участке в 20 сантиметров? Расселись по нарам, сплошь заняв нары даже в сидячем положении. Всех мучила жажда. Смельчаки обратились к нашему новому командному составу с просьбой, — нельзя ли будет достать кипятку. Получили неутешительный ответ: кипятку для нас нет, так как на весь пункт один котел для кипячения. Успокоили, что наша очередь на кипяток вечером. Все были страшно утомлены и измучены. Вот уже несколько дней мы провели в сильном нервном напряжении, почти без отдыха и без горячей пищи, хотя бы скудной, арестантской. Все были в страшно гнетуще удрученном состоянии. Не успели сколько-нибудь передохнуть, хотя бы сидя, как раздается команда: «Вылетай на панель, стройся!». Вышли, построились... Появились самые неприятные типы на соловецкой каторге, — это нарядчики.

Всех помоложе и здоровых забрали на погрузку леса на баржи, отправляемые в Архангельск, других — на разгрузку вагонов с продовольствием для Соловков; третьих — на пилку и подноску дров. Я попал в группу пожилых вместе с высшим духовенством. Нас заставили возить на тачках песок для посыпки улиц и дорог на

пункте. Работали с 2-х до 7-ми часов вечера, когда гудок известил о прекращении работ. Однако, мы не выполнили урока — не вывезли назначенного числа тачек.

Я воспользовался тем, что во время работ десятник, руководивший нашими работами, вышучивал моих компаньонов по работе, преосвященных владык, что они пугаются в своих длинных рясах; я стал доказывать ему, что причина невыполнения нами урока не есть нежелание или леность с нашей стороны, что он сам видел наше усердие, а причина та, что, во первых, моим компаньонам мешают быстро передвигаться с тачками их длинные рясы, а во вторых, длинные и широкие рукава тех же ряс замедляли работу лопатой при погрузке тачек. Десятник, хотя и из сотрудников ГПУ, оказался довольно добродушным, согласился с моими доводами и отпустил нас без выполнения урока.

***

После работ нам выдали по полтора фунта черного хлеба и по две кружки кипятку на человека. Вот все наше питание за сутки.

В 8 часов вечера была вечерняя поверка, первая для нас по военно-лагерному ритуалу.

На поверке лагерный староста Тильнов, прочитал несколько руководящих приказов для нашего сведения. Все они угрожали суровыми репрессиями против нарушителей лагерного режима.

После прочтения угрожающих приказов лагерный староста, Тильнов, сделал свое краткое резюме об ожидавших нас перспективах. Он сказал следующее, что хорошо и надолго нами запомнилось:

«Товарищи заключенные! Помните одно, что вы находитесь в лагере принудительных работ Особого Назначения ОГПУ. Теперь пред вами три пути: первый, или покорно работать, сидеть спокойно и не рыпаться; ну, если некоторые обретут себе могилу на Соловках, то это не беда — умирать когда-нибудь надо; второй путь для вас, запомните, что непокорные будут отправляться без вещей на луну (т.е. будут расстреливаемы), и третий, кто попытается удрать, будет погребен на дне морском...»

Нечего сказать, — перспективы весьма и весьма жуткие.

***

После поверки мы завалились спать. Истомленные пятидневным сильным напряжением и почти все время без сна, все заснули мертвецким сном.

Нельзя сказать, чтобы был большой комфорт для сна, так как мы все лежали на боку, плотно прижавшись один к другому. Позволить себе на спине нельзя — нет места.

Как ни мертвецки я спал, — мой сон был скоро нарушен. Просыпаюсь... И, о ужас. Все мое лицо, шея и руки покрыты клопами. Для защиты обмотал лицо и шею полотенцем, а на руки одел перчатки. Мы все спали совершенно одетыми.

***

На следующий день Кемская администрация лагеря произвела сортировку нашей партии.

Часть арестантов, прибывших с нами, оставлены на работы на материке.

К этим счастливцам ГПУ причисляет тех, кто не вызывает опасений в смысле побега и будет безвреден в смысле разглашения соловецких тайн. К группе счастливцев относятся уголовники разных категорий преступности, контрабандисты, спекулянты и некоторые другие. Оставляемые в Кеми назначаются обычно на следующие работы: на материковые лесозаготовки, принудительное рыболовство и зверобойство, на погрузку и выгрузку пароходов; на постройку шоссейных дорог через тундру и другие работы.

Конечно, на материке режим слабее и работать легче, чем на Соловках. Причина же этому — опасение ГПУ огласки!

Все же каэры, духовенство разных культов, словом, вся интеллигенция в большинстве своем ссылается на самые Соловецкие Острова и там испивает чашу страданий.

После отправки и выделения оставляемых на материке, нас же, соловчан, погнали на работы. Я попал на выгрузку из вагонов кулей с рожью и овсом, — предназначенными на Соловки. Работа довольно тяжелая, — приходилось перетаскивать кули на большое расстояние.

В этот день дали на обед суп из трески и те же полтора фунта черного хлеба.

Ох, каким вкусным показался нам в ту пору суп из вонючей трески...

Прощание с материком и отправка на Большой Соловецкий остров

На вечерней поверке было объявлено, что завтра перевезут нас на Соловки.

Провели последнюю тревожную ночь на материке... Ночь полную самых мрачных и тяжелых дум... «Что-то ждет впереди?»... думает каждый. И прочие мысли, одна мрачнее другой, вереницей проносятся в разгоряченном мозгу будущих Соловецких узников...

Утром пришел за нами с Соловков пароход «Нева» с баржой «Клара Цеткин».

Снова с утомительным церемониалом начали отправлять нас на пристань и там погружать в трюм парохода, а большей частью на баржу. Теперь конвойны-

ми были чекисты из «надзора»; народ зверски жестокий. При малейшей оплошности нужно ждать удара прикладом в спину или по затылку.

***

В 9 часов вечера 18-го июня пароход «Нева» с баржой «Клара Цеткин» отчалил от Кемской пристани, взяв курс на Большой Соловецкий Остров.

Как пароход, так и баржа были переполнены арестантами, которых было более 500 человек.

Море было тихо. Стаи голодных чаек сопровождали нас, ожидая кусочек хлеба, но мы сами голодные.

Постепенно удаляемся от берега... Каждый из нас, мысленно прощаясь с дорогой землей оставляемой родной Отчизны... посылал последнее «прости», расставаясь на продолжительное время с родным материком, минимум на 3 года и максимум на 10 лет... *Но... как произошло в действительности: многие и с короткими сроками в ту пору послали последнее «прости», покинув родную землю, навсегда, навечно, ибо обрели смерть там, на каторге... Их кости тлеют теперь в свалочной яме человеческих тел. (В свалочной потому, что на Соловках в мое время для погребения умерших вырывались ямы емкостью на 30 человеческих трупов).*

Боже, как много теперь на Соловках подобных свалочных ям с трупами неизвестных россиян...

Глава V
Ввержение узников россиян непосредственно в ад ОГПУ

(Прибытие транспорта арестантов на Больш. Соловецкий остров. Прием арестантов, распределение их на «чистых» и «нечистых» и размещение. Первые принудительные работы, или По-чекистски «взять в оборот новичков»)

Прибытие транспорта арестантов на Большой Соловецкий остров

Большой Соловецкий остров, представляющий собой главный остров Соловецкой каторги, на котором находятся все органы административного и хозяйственного управления всеми Соловецкими лагерями (сокращенно УСЛОН), отстоит от Кеми на 45 километров морского пути. Пароходы ГПУ, курсирующие между Островом и Кемь, делают этот путь в 4—4 1/2 часа.

Мы находимся в пути уже два с половиной часа.

Кемский берег скрылся за горизонтом... Тихая, светлая, «белая» приполярная ночь... Сейчас полночь, но настолько светло, что свободно можно читать и писать.

Небо над горизонтом имеет желто-огненную окраску, как будто солнце только что зашло.

Здесь в начале июня, в период длинных дней и «белых» ночей, нет промежутка во времени между вечерней и утренней зорями; есть одна непрерывная приполярная заря от захода до восхода солнца, лишь перемещающаяся от северо-запада на северо-восток.

Проходим мимо Кузовных островов. Приветствуют новые чайки.

***

Вдали впереди высится над морской поверхностью Соловецкий маяк.

В числе наших спутников, коллег-арестантов, некоторые побывали уже на Соловках и испытали прелести Соловецкого режима.

Они наперерыв, один перед другим, стараются объяснить нам значения некоторых объектов открывающейся Соловецкой панорамы.

На первое достопримечательное место они указали на маяк, пояснив, что маяк на горе Секирной, над куполом большого собора, в котором теперь помещается штраф-изолятор, что это своего рода сверхкарцер, где узники сидят босые, полуголые, лишь в одних кальсонах, в холодном помещении, на голодном карцерном пайке и прочее; что мерой воздействия там служит одно жестокое избиение. Об этом страшилище Соловецкой каторги, об этом пекле коммунистического ада, где я сам имел несчастье быть в заточении, — я скажу более подробно в конце.

Первыми, встречающими нас, прилетели навстречу нам соловецкие чайки, наши будущие сожители на Соловках. В то время с какой грустью мы завидовали этим вольным свободным птицам. Они не только свободны в своих движениях, но, пробыв с нами лето, улетят в другие края. Мы же не можем сделать шагу без конвоиров, и это в продолжении нескольких лет.

А главное за что? Ведь большинство из нас не имеет за собой никакой вины... Лишь упорствуем быть верноподданными сатанинской власти, не позволяем заклеймить свое чело ненавистным именем апокалипсического зверя...

Вот новый эскорт в образе соловецких чаек сопровождает нас к близкому месту нашего заточения... Кстати, здесь сделаю краткую заметку о соловецких чайках. Во время процветания на Соловках Соловецкого мужского монастыря чайки считались заповедными неприкосновенными птицами.

Монахи настолько приучили их, что они были общительнее, чем какие-либо другие домашние птицы.

***

Входим в Кремлевскую бухту... Пароходы причаливают против Управления лагерями, которое расположено на самом берегу. Кремлевская администрация ждет нас на пристани. Здесь нет сплошного оцепления места высадки, как это применяется на материке.

На Соловках бдительность охраны арестантов с целью противодействия их побегу значительно ослаблена. Отсюда бежать некуда, а главным образом не на чем. Кроме двух пароходов «Глеб Бокий» и «Нева» и двух катеров — «Часовой» и «Пионер», принадлежащих ГПУ, никаких других морских перевозочных средств нет. Прибывающие партии встречают лишь вооруженные из надзора для порядка при выгрузке. Здесь быстро выгрузили нас и повели в Кремль, который в это время, около двух часов ночи, спал крепким сном после дневной каторжной работы. Уже, вероятно, общеизвестно, что ГПУ производит все операции глубокой ночью. В Кремле подвели нас к большому величественному зданию, бывшему главному Кремлевскому собору. Сгруппировали нас в шесть шеренг на громадной возвышенной паперти перед зданием величественного собора, бывшего некогда высокочтимой святыней Русского Народа, теперь же суровой и жестокой темницей, служащей приемным этапом для всех прибывающих новичков каторжан; здесь они впервые вкушают чашу душевных страданий и физических мучений.

***

Командный состав I Отделения (это Кремлевское) начал приемку нас и сортировку, и следом, как всегда и всюду, опять самый тщательный обыск. Оказалось, — мы составляем 12-ю рабочую роту. Рабочую потому, что заключенные этой роты выполняют исключительно разные тяжелые физические работы, или по тюремной терминологии — «общие работы».

Командиром нашей роты был назначен, конечно, для первоначального устрашения нас или втягивания в соловецкий режим, самый отъявленный мерзавец, жесточайший садист, и само собой чекист, по фамилии Воронов. Этот тип надолго останется в памяти у всех соловчан, отбывавших наказание в период времени с 1925 по 1928 г.

В прошлом он был заслуженный исполнительный чекист, работавший на активных ролях, а теперь сослан на 10 лет за злодеяния чекистского пошиба, или, выражаясь по модному большевистскому лексикону, «ЗА ПЕРЕГИБ ЧЕКИСТСКОЙ ЛИНИИ».

Прием арестантов, распределение их на «чистых» и «нечистых» и размещение

Прежде всего нас разделили в смысле политической благонадежности, конечно, по чекистской теории, на две группы: на «чистых» и «нечистых», или выражаясь евангельским языком — на «овчищ» и «козлищ».

К «чистым» или «овчищам» были причислены чекисты и сотрудники ГПУ; по вызову их указывали им становиться у правой стены предсоборной паперти. К «нечистым» или «козлищам» отнесены: архиепископы, епископы, священники, ксендзы, пасторы, муллы, генералы, штаб- и обер-офицеры, тайные и других степеней советники, все интеллигентные профессии — врачи, профессора, учителя и другие, и, конечно, как всегда, наш постоянный спутник, уголовники всех категорий преступности.

При вызове по списку агентов ГПУ многие из нас были не мало удивлены, когда в числе вызываемых оказались лица, с которыми мы сидели вместе продолжительное время в тюрьме, которые говорили, что осуждены по каэровским статьям, с которыми мы ели — пили вместе, а главное были порою откровенны в разговорах и вдруг они оказались «сексотами» (секретные сотрудники ГПУ)[4].

Как была смущена эта публика, когда выкликали их фамилии и предлагали весьма любезно, как своим близким людям, отойти на правую сторону к группе чистых или к покорному стаду ГПУ. К великому прискорбию большинство из них были из интеллигенции.

Сортировка нас по признаку «преданных» или «врагов» ОГПУ закончилась...

Приступили к обыску. К немалому нашему удивлению, обыск производили довольно поверхностно, лишь у некоторых отобрали все книги и запасы бумаги: у духовных, например, отобрали священные книги. Все потом было возвращено в целости. Надо полагать — это было сделано для химического анализа в цензурном отделении УСЛОН.

***

Разместили нас в обширном здании Главного Собора без деления на политических и уголовных, или на интеллигенцию и шпану. Как мы стояли в строю вперемежку, так и вводили нас с фланга группами по 25 человек. Комендант роты указывал группе место на нарах. Действительно, произошло смешение всех рас, племен и народов

[4] В числе их особенно колоритную фигуру представлял Николай Александрович Иванов, солидный, представительный, почтенного возраста человек в прошлой полковник Кронштадской крепости артиллерии. На Соловках, благодаря общению между арестантами, обнаружилось его коварное предательство. Благодаря ему, много московской аристократии и интеллигенции отправлено ГПУ на тот свет к праотцам. Его жена имела в Москве салон, тратила большие деньги, вела обширное знакомство, инсценировала контрреволюционные заговоры и прочее. — Здесь и далее примеч. авт.

и всяких социальных и имущественных положений. Кстати, отмечу, что в больших партиях арестантов, как была наша, можно встретить не только народности России, но и представителей чужестранных народов: финнов, латышей, литовцев, поляков, румын, молдаван, сербов, немцев, французов, норвежцев, турок, персов, афганцев, индусов, китайцев, корейцев и прочих. Даже в нашу партию входили Мексиканский консул Виллар с женой, урожденной Грузинской княжной Каларовой.

Но самый разительный контраст между арестантами был в духовно-моральном, а затем и в имущественном положении.

Так, в одном месте помещен нэпман или спекулянт, отлично одетый и с вещами при себе, а рядом с ним босой оборванец, уголовник-шпана; или в другом, — занимает место на нарах архипастырь (архиепископ или епископ), а по сторонам его уголовники, грабители-убийцы. Речь их прерывается постоянно отборной площадной бранью с богохульственными выражениями. Вообразите состояние духа несчастного архипастыря.

***

В здании собора было помещено 720 человек. В помещении были непрерывные шум, крики, ругань, — все это сливалось в сплошной общий гуд.

Часто раздавались выкрики отборной площадной брани с применением святых имен и названий в самом мерзком кощунственном смысле. Это было не что иное, как оргия обезумевших людей для осквернения святого места, лишь недавно высокочтимого Русским народом. *Мало этого, справа от входа в собор была небольшая пристройка, которая символизировала келью Святого Зосимы, здесь до ограбления чекистами хранились вещи, служившие Святому в его обиходе. Теперь здесь устроили отхожее место, притом, для большего осквернения без всяких приспособлений, а прямо на пол...*[5] *В течение дня зловонную массу очищали и выносили назначенные в наказание арестанты. Как раз на эту работу в первый же день был назначен священник, провинившийся тем, что ответил не по-военному ротному командиру, Воронову.*

Содрогнитесь, верующие!!. Какое цинично-кощунственное издевательство над чувствами верующих христиан, располагавшихся в этом же здании!!.

Первые принудительные работы, или «По-чекистски» — «взятие в оборот новичков»

Вся процедура приемки нас, обыска и размещения продолжалась всю ночь до утренней поверки. На первую поверку нас не выводили на общий двор. Раздался гудок на «развод» (назначение арестантов на работы). Наше громадное по-

[5] Во имя справедливости следует отметить, что описываемое мною время относится ко второму году существования Соловецкого лагеря, когда не было сделано никаких переоборудований и приспособлений.

мещение огласилось многочисленными командами взводных и отделенных командиров: «Живо стройся!.. Пулей вылетай! гав-гав-гав... Быстрей шевелись! гав-гав-гав!..» Построились опять на площадке. Нарядчики распределили нас по внешнему виду на разного рода работы и передали конвоирам из надзора для отвода на место работ.

***

Я попал на рытье канав по осушке торфяного болота. Для этой работы особенной физической силы не требовалось, но выполнение работы затруднялось тем, что нам выдали для работы тупые лопаты, которыми нельзя было прорезать торф. Приходилось, стоя в канаве по колено в воде, продвигаться вперед, вырывая руками куски торфа. Работали с 7 до 12 часов и с 14 до 19 часов.

***

К 20 часам вернулись в роту.

Наша пища в этот день состояла из полутора фунта черного хлеба и супа из гнилых селедок. Отличительным признаком этой мутной водицы было: по запаху — остро воняет, по вкусу — крепко соленая.

Не успели прийти в себя после дневной работы, даже отдохнуть, хотя бы сидя, как помещение огласилось криками:

«Строиться в проходах!..» Оказалось, — назначен для нас ночной ударник (спешное выполнение некоторых работ).

Я попал в группу на работы по расчистке и утрамбовке площадки для спортивных упражнений красноармейцев, охранявших нас. Работа заключалась в корчевании пней, вырывании камней и относки их в стороны. Выполнили заданный урок к 6-ти часам утра.

***

По возвращении с работ выдали нам по две кружки тепловатого кипятку и суточную порцию хлеба, по полтора фунта.

Едва приступили к обильной еде, кипяток с черным хлебом, как раздается гудок на поверку. Опять под сводами собора раздались исступленные выкрики: «Вылетай на поверку! Вытряхивайся скорей! гав-гав-гав...»

В первые два дня поверку нам производили на площадке перед собором, на общий двор пока не показывали, и это по той причине, что мы рассчитываемся плохо, а главное не умеем отвечать согласованно, отчетливо и громко — «Здра», почему при каждом сборе роты ротный командир репетировал примерное здорование, и мы выкрикивали этот собачий лай много раз: «Здра, здра...»

***

Непосредственно после поверки последовал «развод» на работы.

Опять нарядчики распределили нас на группы и передали под конвой надзору.

На сей раз я попал в группу для переноски горбылей и реек с лесопильного завода в Кремль. Работа сравнительно не тяжелая, а главное неурочная, от гудка до гудка.

На эту же работу были назначены представители высшего духовенства: архиепископы, епископы, архимандриты и белое духовенство.

Сейчас с содроганием в душе вспоминаю случай, очевидцем которого я был.

Мы носили горбыли и доски вразброд, поодиночке, без сопровождения конвоиров.

Иду в Кремль с двумя горбылями на плечах; смотрю,— вблизи Кремлевских ворот на камнях сидит Архиепископ Ювеналий. Доски, что он нес, сложены у его ног. При моем приближении он начал торопливо вытирать платком глаза. Подхожу и вижу, — он плачет. «Что с Вами, преосвященнейший Владыко?» — спрашиваю его. «Так, ничего, устал немного... да вот ноги болят (он сильно хромал вследствие ревматизма). Они не верят, говорят, что я симулирую и ругают скверными словами... А я на самом деле болен... Я не уклоняюсь от работы... Буду работать терпеливо... Терпеть заповедал нам Иисус Христос... Сам показал нам пример терпения... *Ведь, и в страданиях есть своя прелесть... в чем убеждают нас подвиги первых христиан-мучеников, которые шли радостно на крестные страдания с пением хвалебных божественных песнопений...*»

В то время я вполне разделял мнение Владыки Ювеналия, что «и в страданиях есть своя прелесть»... особенно в страданиях за идею...

***

В 7 часов вечера конца второго дня нашего прибытия на Соловки мы закончили третью подряд работу. Итак, мы были на работе 36 часов, лишь с тремя перерывами по два часа каждый, абсолютно без сна и совершенно голодные.

Это на чекистском языке выражается «взять в оборот». Такой эксперимент, как «взять в оборот», применяется ко всем вновь прибывающим партиям; даже некоторые жаловались, что гоняли с короткими перерывами с одной работы на другую до той поры, когда люди, измученные до полного изнеможения, падали на месте работ; бывали случаи разрыва сердца. После поверки было объявлено, что для нас ночных работ не будет.

Мы предвкушали, что наконец-то отдохнем, о пище пока не думали, хотя все чрезмерно изголодались. Сон победил голод, — сейчас же после поверки многие уснули без питья и еды.

***

Вдруг наши расчеты на отдых неожиданно разрушились.

Придя после поверки на свои места на нарах, многие обнаружили пропажу вещей. Раньше было сказано, что нас разместили вперемежку с уголовниками, в большинстве которых «шпана», мелкие воришки.

Так вот они и обчистили своих соседей по нарам. Обворовали почти все духовенство. У меня также распороли чемодан и вытащили кое-какие вещи. Ротная администрация подняла тревогу. Всех нас выгнали из помещения на площадку. Был произведен поголовный обыск. Конечно, как и всегда впоследствии, ничего не было найдено. Шпана имеет своих людей в других ротах; само собой, и препроводили туда, а те в свою очередь за Кремль для сбыта.

***

После обыска ротное начальство сделало перемещение: всех уголовников положили на одной стороне; других распределили по количеству имеющегося у них багажа.

Особое снисхождение было оказано духовенству, как наиболее пострадавшему при хищении, и вместе с ними попал я, так как мы были неразлучная компания.

Нас поместили в восточном выступе собора, там, где раньше был Св. алтарь. Не преминули, конечно, поместить вместе с нами видных чекистов и зорких сексотов. Само собой, с определенной целью.

Обыск и перемещение заняли пять часов времени. Мы могли улечься на новые места лишь в 3 часа ночи и мгновенно уснули мертвецким сном.

***

Утром обнаружили в нашем размещении на нарах следующее, грустное для верующих, явление. Оказалось, что наши архипастыри, Архиепископ Ювеналий, Епископ Глеб и Епископ Мануил, были помещены на том месте нар, где доски положены на неподвижный кирпичной кладки жертвенник, — таким образом, они спали на жертвеннике. Наше общее заключение было, что это сделано умышленно с целью кощунственного надругательства. По этому поводу архимандрит Серафим изрек следующее: «Воистину выполняется в самой жизни наш богослужебный возглас, произносимый нами, когда мы вырезаем на жертвеннике Св. Агнец: «Яко овча на заклание ведеся, яко Агнец непорочен прямо стрегущего его безгласен...»

Глава VI
Мытарства Соловецкого ада, или Виды принудительных работ

(Ложь в распределении арестантов на категории по состоянию здоровья для выполнения принудительных работ. Разнообразие мытарств для соловчан-каторжан)

Ложь в распределении арестантов на категории по состоянию здоровья для выполнения принудительных работ

Общеизвестно одно ярко отличительное явление в государственной жизни Советского Союза; там все подробно регламентировано многочисленными кодексами, постановлениями, инструкциями и прочее. Не только регламентированы до мелочей вся повседневная жизнь и внутренний распорядок во всех управлениях, учреждениях и заведениях Советского Союза и не только предусмотрены инструкциями обязанности и тактика поведения Советских служащих, но и все свободные граждане скованы в своей частной жизни постановлениями местных совдепов. На самом деле, все это простая фикция. В жизни ни одно общегосударственное законоположение в точности не выполняется. В силу лозунга «власть на местах», происходят, само собой, все нарушения законоположений Общесоюзных Центральных Органов.

ГПУ, выполняя волю диктаторствующей партии или лица, как в данное время, не считается в своей практике ни с какими законными нормами; для него писаные законы не существуют; ему все подвластно, оно же никому, кроме диктатора.

***

Выше была проведена параллель и было указано, что Соловки есть отображение Советского Союза, — в организационном отношении есть миниатюрная копия его. Здесь также ГПУ старается регламентировать все разного рода законоположениями.

Но все это делается для видимости, для показа.

Для показа выполняются разные закономерные процедуры с арестантами, и к числу их, в первую очередь по применению, надлежит отнести медицинский осмотр вновь прибывающих арестантов на предмет годности их к той или другой работе.

В первые дни по прибытии все новички проходят через медицинскую комиссию, которая причисляет каждого к той или другой категории по состоянию здоровья.

Градация в мое время была такая:

а) К первой категории причислялись инвалиды и калеки, неспособные ни к какой работе.

б) Ко второй — неспособные к физическому труду, но могущие заниматься в канцеляриях.

в) К третьей категории — все здоровые и пригодные для всякого рода работ.

Можно предположить, что освидетельствование состояния здоровья арестантов преследует двоякую цель: во-первых, цели гуманитарного порядка, чтобы несчастные больные и слабосильные арестанты не были применены на непосильные для них тяжелые работы; во-вторых, в интересах самого выполнения работ, чтобы рабочая сила была использована целесообразно с наибольшей продуктивностью. В действительности, как показывает Соловецкая практика, ни того, ни другого не преследуется. Это простая очередная комедия для выполнения общепринятого порядка, как в культурных странах, а затем «хоть трава не расти».

Смешно ожидать проявления гуманности в Советском Союзе, и дико воображать, что можно встретить человеческое отношение на Соловках. Сказать, что на Соловках иногда проявляется человеколюбивое отношение со стороны начальствующего персонала из чекистов, это все равно, как утверждать, что «и слон летает».

Правда, при назначении рабочих на постоянные основные работы отдел труда считается до некоторой степени с делением на категории.

При повседневных же нарядах на работы абсолютно не считаются с категориями.

Все зависит от произвола ротного начальства и нарядчиков. Подкуп, взяточничество, а отсюда вымогательство, процветают вовсю. Люди, вполне здоровые, через подкуп причисляются к категории нетрудоспособных. В ротах же при ежедневных нарядах через подкуп ротного или нарядчика заключенные не посылаются на работы, а сидят в ротах.

На вопрос кого-либо из арестантов: «Почему товарища Н. не посылаете на работы?» — обычно следует ответ: «Он освобожден врачом». Или же придумывают для мздовручителей фиктивные работы по роте.

Самое распределение на работы и порядок наряда происходят в такой последовательности.

Отдел труда, ведающий назначением на работы, на основании наличного числа в ротах, исключая инвалидов и к труду неспособных, дает наряд ротным нарядчикам. Но в каждой роте, как только что сказано, часть совершенно здоровых не выходят на работу, как откупившиеся взяткой ротному или нарядчику.

Как-никак, наряд по числу надо выполнить. Тогда нарядчики посылают на работы 2-ую категорию, нетрудоспособных, и очень часто инвалидов. На их заявления, что они освобождены от всякой работы, нарядчики обыкновенно успокаивают, заверяя, что об этом следует заявить на месте работы и там работать не заставят. На местах же работ таким заявлениям не верят и называют заявивших злостными симулянтами. Начинается перебранка. На категорический отказ от работы инвалида или явного больного и бессильного арестанта он подвергается избиениям: если принуждающим к работе является конвоир из надзора, то он избивает прикладом, если же десятник, то бьет палкой. Вот проявления Соловецкой гуманности.

...Несчастные инвалиды, люди больные и слабые избиваются без всякой вины, лишь потому, что фактически они не могут выполнять работы.

***

Приведу факты, при которых участником я был сам.

Когда я не был еще в опале у высшей администрации Соловков, я работал в лесничестве, состоял в должности лесокультурного надзирателя и, как таковой, заведовал лесоочистительными работами. Ежедневно присылали мне на работу (так называемую «сучки») партии арестантов.

Всякий день в числе здоровых присылали инвалидов, калек, совершенно больных, которым место в госпитале; например, часто присылали больных цингой с распухшими ногами, с изъязвленными ранами; часто присылали босых.

Между тем лесоочистительные работы были порою такой же трудности, как и на лесозаготовках, так как приходилось убирать бурелом, поваленные бурей деревья, всегда самые крупные.

В таких случаях самому нужно было упрашивать здоровых, чтобы они выполнили за больных хотя бы часть их урока, так как я обязан показать выработанную норму в журнале работ.

Босым из больных давали лапти, отобрав у работавших без движения, например, у пильщиков, и отправляли их в лес собирать ягоды и грибы на всю партию. Все кончалось миролюбиво к общему удовольствию всех. Чаще же всего приходилось показывать фиктивное выполнение работ, что было возможно, ибо производственные контролеры были абсолютные профаны в лесном хозяйстве.

Когда меня отправляли уже в ссылку, то попавшие вместе со мной соловчане вспоминали с удовольствием, что для них в кошмарных условиях соловецкой жизни было отрадным облегчением, когда они попадали на лесоочистительные работы.

***

Доводить до сведения начальства о таких бесчеловечных злоупотреблениях, или жаловаться самим потерпевшим, бесполезно; да и, собственно говоря, не кому, так как вся администрация из чекистов или агентов ГПУ, у которых поразительно развито товарищеское укрывательство.

Товарищеское укрывательство и непроницаемая тайна во всем содеянном составляют основу чекистской этики.

Жалобщики на явные злоупотребления или на незаслуженные избиения рискуют подвергнуться жестоким репрессиям, даже в течение всего срока заключения.

***

На только что изложенное могут возразить, особенно доброжелатели из социалистов: При чем же тут ГПУ и какое отношение это может иметь к существующей в России власти? Не только ни при чем, но ГПУ повинно во всем, — все это творение рук ГПУ, как органа государственного, притом доминирующего над всеми Комиссариатами; это опора Коммунистического трона.

Вся работа ГПУ направлена к достижению одной главной цели — искоренить антикоммунизм.

Для этой цели ГПУ применяет наивернейший метод — метод уничтожения опасных элементов всеми мерами и средствами.

Не беда, если при массовом истреблении пострадают люди, непричастные к опасным для Советской власти элементам, — «лес рубят — щепки летят».

***

В последнее время вследствие хронического экономического кризиса и недостатка всякого рода продовольствия лидеры диктаторствующей партии придумали, видимо, в числе прочих экономических мер освободиться от экономически бесполезного элемента. Выполнение этой задачи поручено тому же всесильному ГПУ, у которого метод освобождения один — это путем уничтожения. Пока эта мера в зачаточном состоянии, но при долголетии Советской власти, возможно, будет применена в крупных размерах.

Грядет что-то кошмарное в истории человечества. Да не подумает читатель, что это фантазия сумасбродного человека. Факты из Советской жизни это подтверждают, — так некоторые советские распоряжения, если рассматривать их под углом зрения ГПУ, имеют в конечном результате целью своей освободиться от нетрудового элемента. Собственно говоря, тут ничего особенно поразитель-

ного нет — это будет в порядке вещей, в духе законов природы. При массовом коммунальном устройстве, о чем мечтают большевики, даже больше, они бредят о насаждении коммунизма во всем мире, по необходимости придется неработоспособных едоков ликвидировать для благополучия работающих: да и не будет желающих кормить старых и больных. В то время чувства сострадания и человеколюбия будут абсолютно искоренены, ибо все эти благородные человеческие чувства сами собой исчезнут с окончательным разрушением религиозных и семейных основ. Как пчелы уничтожают трутней за ненадобностью, так человеческие коммуны угрожаемого будущего будут уничтожать всех, вышедших в тираж по неработоспособности.

Вот грядущая жуткая перспектива массового применения коммунизма...

***

Многочисленные факты за мое продолжительное заточение на Соловках показывают, что вся Соловецкая администрация, начиная с самого начальника лагеря и кончая простым десятником, не считается с состоянием здоровья при назначениях на работы.

Сама Адмчасть (административная часть Управления — это Соловецкое ГПУ) часто отправляла на лесозаготовки в виде наказания таких заключенных, которые признаны комиссией неспособными ни к каким физическим работам.

В большинстве случаев такие репрессии применяются к каэрам, наиболее стойким, непоколебимым. Бывали факты, что через короткое время привозили с лесозаготовок труп несчастного для погребения на Кремлевском кладбище.

Чаще всего, в случае репрессивной командировки каэра на лесозаготовки, всякий след его пропадает. Бывало, вспомнит кто-нибудь в беседе о каком-нибудь знакомом каэре и спрашивает: «А где сейчас Н.?» Кто-нибудь из знающих отвечает, что его отправили в таком-то месяце на лесозаготовки; но где он теперь, никто не знает, и на лесозаготовках его нет. Следовательно, отправили «без вещей на луну».

Перечисление множества случаев подобных командировок не представляет интереса, почему я лишь укажу, что я сам был подвергнут этой репрессивной мере. Я, как контуженный во время мировой войны, состоял по трудоспособности во второй категории, то есть неспособный ни к какой физической работе.

В марте 1926 года сам Начальник Управления Эйхманс предложил мне написать что-либо из периода Гражданской войны для напечатания в журнале «Соловецкие Острова». Я долго воздерживался под разными предлогами. За что было приказано снять меня на общие работы. И это не помогло. Видя мою непреклонность, отправили меня на лесозаготовки.

Здесь, благодаря покровительству медицинского персонала, я был спасен и поставлен на другую работу.

Разнообразие мытарств для соловчан каторжан

Большевики прославили себя как смехотворные фантазеры и планетарные прожектеры. Общеизвестно, что все их экономические начинания в Советском Союзе, трескучие поначалу, постигает всегда одна неудача.

Причин тому много, но основная причина, источник всех причин — это ненавидимая Государственная власть.

***

В исторической жизни государств доминирует неопровержимая политическая аксиома, которую формулируют так: Государство может существовать, будет сильно и крепко лишь при добровольном признании подданными его существующей Государственной власти. Государство, где большинство населения солидарно с государственной властью, сильно и могущественно в международных взаимоотношениях, с крепкой, мирной и процветающей жизнью внутри страны. (Япония, в последнее время Италия). Там же, где власть опирается на незначительную часть населения, эти государства бессильны в сфере международных отношений и беспомощны в устроении внутренней жизни.

В этом отношении Советское правительство есть рекордное: оно имеет сочувствующих ему лишь 2—3% всего населения, а остальные 97—98% ненавидящие власть. Вот это есть причина всех причин внутренней неурядицы в Советском Союзе, особенно в экономическом отношении. Жизнь начнет быстро процветать, государство скоро окрепнет, когда причина эта будет устранена...

По примеру Советского Союза и на Соловках все предприятия, открытые для принудительных работ, абсолютно непроизводительны.

Всякое предприятие будет производительно и доходно, если работающие на нем дорожат своим местом, интересуются работой, любят свое дело. В Советском Союзе при всеобщей неприязни к власти большинство работающих на предприятиях относятся сугубо безразлично к продуктивности предприятия и качеству продукции. Очень многие злорадствуют всякой неудаче.

Часто вредительство происходит без всякой задней политической мысли, а просто из ненависти к власти; вот почему и возможны случаи организованного массового вредительства, даже без провокации ГПУ.

На Соловках при каторжной работе не может быть и речи в заинтересованности заключенных в порученной им работе, вследствие этого там большинство работ производятся по урочной системе.

***

Для эксплуатации труда Соловецких каторжан ГПУ образовало на Соловках и на материке много разных предприятий и сельхозов; некоторые из них, просто-напросто, бутафорского характера, лишь бы, с одной стороны, чем-нибудь занять заключенных, правильнее мучить их, а с другой, блеснуть своим хозяйственным размахом перед доверчивой публикой. Там, например, есть кожевенный завод; для него кожи привозят из Акмолинска; за дорогу кожи сгнивают. Или механический завод со всевозможными отделениями, вплоть до Отделения точной механики. На самом деле, завод починяет топоры, лопаты, пилы и посуду для рот. Есть и много других кукольных предприятий.

***

Самые тяжелые работы, на которых работает большинство каторжан, есть следующие:

1) Лесозаготовки, лес истребляется в громадном количестве как на островах, так и на материке. На лесозаготовках работает много тысяч человек, и очень много гибнет там.

2) Работы на лесопильных заводах. (На Соловках, в Кеми).

3) Прокладка шоссейных дорог на материке через тундру.

4) Ломка камней.

5) Осушительные работы в тундре. (Откуда и удается некоторым убежать).

6) Торфяные разработки.

7) Выделка кирпича.

8) Сплавы и погрузка леса.

и

9) Другие.

На каждой из перечисленных работ выработана опытом изобретательных чекистов своя система изнурения и принуждения, свои приемы физического воздействия на арестантов.

Но превыше всех и всех затемняют это лесозаготовки: притом лесозаготовки на островах, на материке немного легче.

***

Как сказано раньше, все новички арестанты, прибывающие на Соловки, первоначально выдерживаются в течение двух недель в ротах общих работ, а по ночам, через ночь или через две, их гоняют на ударные работы.

За это время многие заболевают и остаются почти без медицинской помощи. Как установлено санитарным наблюдением, несчастные, заболевшие в первое время прибытия на Соловки, уже непременно слагали свои кости там, на Соловках.

В эти ударные дни в нашей 12 рабочей роте один повесился, двое отрубили себе кисти рук и пятеро бежало в лес. На них была устроена облава, — двоих, кажется, убили в лесу, а троих расстреляли по приказу Московского ГПУ (Драгун, Зайцев и др.).

Должен сказать в дополнение к изложенному мною в введении, что о прискорбных случаях в своей роте нельзя передавать в соседние без риска подвергнуться строгому наказанию; по этой причине мы не знали часто о происшествиях в других ротах.

***

Когда кончится положенный искус, или по-чекистски «взять в оборот», тогда начинают распределять новичков по предприятиям.

Дальнейшая судьба заключенных, в смысле сохранения жизни, зависит от того, куда они попадут первоначально на работу; например, если несчастный попадет с самого начала на лесозаготовки, то определенно можно предсказать — или погибнет там, или превратится в калеку.

При распределении заключенных на постоянные работы творится самый наглый и открытый произвол. Подкуп, взяточничество и вымогательство процветают вовсю. Иногда здоровеннейшие, крепкие и молодые детины, имеющие деньги на подкуп, назначаются на легкие работы, например, в канцелярию, а какой-нибудь слабосильный и даже больной, но бедный, попадает на лесозаготовки или торфоразработки.

Большое значение имеют рекомендации знакомых, или на арестантском жаргоне «блат».

***

Благодаря моему знакомству по Бутырской тюрьме, я попал по «блату» на работу в лесничество.

Первоначально я предназначался на должность топографа для производства государственной съемки, но адмчасть не разрешила мне жить вне Кремля.

Благодаря опять-таки «блату», мои доброжелатели придумали для меня должность в лесничестве лесокультурного надзирателя» (очутился «сверхлиповым спецом»).

***

Как бы ни были тяжелы постоянные работы, но все новички арестанты ждут поскорее определиться на постоянные работы, чтобы выбраться из рот общих работ, где посылают на работы без всякого расчета во времени, что страшно изнуряет арестантов.

Кроме того, на постоянных работах хлебный паек на полфунта больше, — там дают два фунта черного хлеба; при скудности питания все арестанты этим очень дорожат.

Глава VII
Повседневный Соловецкий режим

(Подъем. Поверки есть прием издевательства над духовенством и интеллигентными заключенными. Потрясающие сцены при нарядах на работы. Пища для заключенных Соловчан. Босоногие и полунагие соловецкие узники. Жилищные условия на Соловецкой каторге. Медицинская помощь Соловецким узникам. И ночь для Соловчан-каторжан не всегда спокойна)

Подъем

В 5 часов утра (зимою в 6) продолжительный пронзительный гудок оглашает большой Соловецкий остров...

Это сигнал для подъема Соловчан на новую дневную каторжную работу...

В унисон с гудком во всех помещениях рабочих рот раздаются во много голосов крики-команды: «Поднимайся живо!..» «Слезай мигом с нар!.. Гав-гав-гав!..»

Однако грозные выкрики команд остаются без выполнения в некоторых местах нар.

Там, прижавшись плотно друг к другу, лежат группы в 4—6 человек. Это «шпана», — она медлит со вставанием, неохотно отрывается от согревающей группы. Дело в том, что большинство мелких уголовников, или по тюремному «шпана», абсолютно голые и ободранные; мало кто имеет хотя бы дрянную обувь; лишь имеют на себе лохмотья, напоминающие рубашку или кальсоны. Вещи эти, понятно, земельного цвета. Уж о постельных принадлежностях и говорить нечего. Так вот «шпана» на время сна для согревания от холода устраивает группы по 4—6 человек, плотно прижавшись телами друг к другу.

Если у кого-нибудь есть лохмотья, то группа покрывает себя сверху этими лохмотьями. В таком положении проводят не только ночь в зимнее время, но и остальное время нахождения в ротах, так как в помещениях рот обычный холод.

Вот одна характерная черточка из условий жизни в пролетарском государстве для чистокровных пролетариев.

Казалось бы, поднявшись от сна, следовало заняться туалетом — умыться, причесаться. Об этом мало кто думает, многие забыли эту буржуазную привычку. Причина тому — полное отсутствие возможности заняться этим. В то время, когда я прибыл на

Соловки, в рабочих ротах не было совершенно каких-либо умывальников. (Позднее все это было устроено). Умыться можно из своего чайника, но выйти из роты за водой нельзя. Многие, в том числе и я, старались улучить момент, будучи на работах за Кремлем, и умыться из ручья или из озера. «Шпана» месяцами не умывалась. Помню, спрашиваю на работе одного, особенно загрязненного «шпаненка»: «Когда ты, голубчик, умывался?» «В Москве еще, когда был в Бутырках» (это прошло более месяца), и в оправдание добавляет: «из чего я буду умываться, у меня нет и кружки для воды, нет и ложки»... Воистину, — «яко наг, яко благ, яко нет ничего»...

После подъема ротные дневальные приносят в роты деревянные баки с кипятком. Ротные раздатчики выдают по две кружки на человека. Конечно, тем, у кого есть посуда, а у кого нет, изощряйся, как хочешь. После носки и продолжительной раздачи кипяток превращается в тепловатую воду.

Поверки есть прием издевательства над духовенством и интеллигенцией

Через час после подъема, или в 6 часов летом и в 7 часов зимой, происходит церемония утренней поверки. Для чего все роты, расположенные в Кремле, выводятся на Кремлевский двор, здесь строятся в развернутом фронте вдоль стен Кремлевских корпусов. В мое время в Кремле было пятнадцать рот №№ 1–15, численностью от 200 до 450 чел. каждая.

Церемониал поверки такой: по сигнальному гудку из дежурной комнаты у ворот Кремля выходит дежурный по лагерю в сопровождении свиты из лагерного начальства.

На каждом дворе батальонный командир устраивает попугайному начальству встречу согласно пехотного устава.

Дежурный по лагерю, обыкновенно мальчишка из красноармейцев, важно здоровается с ротами. Если какая-нибудь рота негромко и недружно ответит на его приветствие — «Здорово NN рота...» обычным собачьим лаем «Здра», то разгневанный мальчуган-дежурный приказывает поставить роту на стойку на час или дольше.

***

Выше было сказано, что арестанты всех категорий преступности, самых разнообразных социальных положений становятся рядом в общий строй. Рядом с босяками, хулиганами и мелкими воришками стоят: архиепископы, епископы, архимандриты, православные священники, генералы, адмиралы, полковники, епископы и ксендзы католические; пасторы, муллы, раввины, бывшие губернаторы, председатель судебной палаты, прокурор суда, родовитые князья, графы и бароны.

Такая смесь была в 6-ой роте, где я помещался после определения меня на службу в лесничество.

И вот на приветствие мальчишки дежурного все мы были обязаны кричать «Здра».

Если кто не ответит, то рискует получить грубое с трехэтажной площадной бранью замечание. Я был несколько раз свидетелем, как кто-нибудь из начальства делал грубое с ругательством замечание епископам, что они не отвечали на приветствие. Причем ругательства непременно следовали с кощунственным добавлением. После встречи молокососа начальника делается поверка наличия рот путем расчета каждой роты по порядку.

Беда для арестантов, если в роте выйдет замедление с расчетом номеров, тогда также всю роту ставят на час на стойку.

И вот на стойке ротный командир заставляет в течение часа или кричать «Здра» или рассчитываться по порядку.

Конечно, на выстойке все, — тут и сморчок шпаненок, а архиепископ, епископ, генерал, адмирал, губернатор, и проч., кричат в течение часа «Здра». При

таком отношении начальства, за ошибку в расчете или за опоздание вскричать «Здра» наказывать всю роту, бывали такие казусы: Какой-нибудь шпаненок просто из озорства скажет не тот номер при расчете, — вся рота на выстойку. Чтобы того не было, сами арестанты наблюдали, чтобы в передней шеренге стояли люди надежные. Случалось также, что за подвод роты на выстойку сами арестанты подвергали виновника своим мерам воздействия.

***

Спрашивается, — к чему такая церемония с поверкой и такое строгое отношение к дисциплине в строю, когда люди в большинстве своем не имели в прошлом никакого отношения к военной службе.

Поверка, как таковая, абсолютно никакой цели не достигает. В ту пору были роты, например, 10-ая, где по списку 240 человек, а на поверку выходило 70 чел., остальные были в служебном расходе.

На Соловках мы, все интеллигенты, признавали, что кукольная комедия поверки с церемонией проделывается исключительно с одной целью, — поглумиться над личностью архипастырей, пастырей, генералов, быв. губернаторов и прочих. Ведь, в Советских тюрьмах нет таких церемоний и никакого ущерба тюремному режиму нет.

Потрясающие сцены при нарядах на работу

По окончании поверки, или кукольной «Соловецкой зари с церемонией», когда высокопоставленная особа, в лице мальчишки красноармейца, изволит уйти с плаца построения рот, батальонные командиры исступленно командуют: «К разводу»!..

Этот исступленный крик, «к разводу», заставляет судорожно сжиматься сердца заключенных, так как инстинкт подсказывает начало новых физических мучений и страданий.

И это так каждый день, так целый год, так будет в течение многих лет, так будет беспрерывно до той поры, когда некоторые не обретут себе смерть там же, на Соловках.

***

По команде «к разводу» ротные нарядчики роем вылетают из комнаты Отдела труда и разбегаются по ротам, которые находятся в трепетном ожидании.

Наряд на работы делает Отдел Труда, который заканчивает разверстку на работу на предыдущий день обычно накануне в 10—11 часов вечера и дает задания для выполнения нарядчикам. Те в свою очередь имеют списочный состав роты, рас-

пределяют заключенных по работам и составляют список на каждый род работ. При этом нарядчики не знают, кто из наряжаемых вполне здоров, кто больной и слабосильный, кто мало-мальски одетый, или хотя бы прикрытый, кто босой и абсолютно голый, имеет лишь лохмотья какой-то прежней неопределенной одежды.

Так вот, нарядчик по заготовленному списку, или «сведению», вызывает арестантов на ту или другую работу.

При этих вызовах происходят в рабочих ротах потрясающие сцены.

Часто арестанта вызывают, например, на вытаску дров из леса, тогда как он совершенно неспособен ни к какой работе, — или больной цынгой с распухшими изъязвленными ногами, или беспомощно слабый от истощения, или же, как это чаше всего бывает, босой, голый, а время холодное.

Начинается спор, перебранка... Вызываемый упорно не желает выходить из строя. Смелые и настойчивые начинают ругаться с нарядчиками.

Слабовольные рыдают, призывая товарищей по сторонам во свидетели, что они не в силах что-либо делать, как больные и прочее...

Никакие доводы, просьбы и мольбы не действуют на нарядчика.

В случае упорного нежелания выходить из строя и присоединиться к партии вызываемых нарядчик обращается за содействием к конвоирам.

К моменту развода прибывают к ротам конвоиры для приемки партий рабочих и сопровождения их на места работ.

Конвоиры, или, как называют их на Соловках, «надзор», набраны из ссыльных чекистов.

Сюда выбирают молодых, физически сильных и непременно жестоких.

Этот «надзор», как бы предназначается для конвоирования арестантов с целью предотвращения побегов. На самом деле, главное предназначение его — это физическое принуждение арестантов к выполнению работ. Приемы их физического принуждения весьма разнообразны.

На лесозаготовках, например, зимою 1926 года было установлено приказом Начальника УСЛОН Эйхманса право «надзора» расстреливать на месте не выполняющих урок.

Самое наименование этой стражи «надзор» таит в себе скрытое главное предназначение его.

По просьбе нарядчика извлечь из строя роты упорствующего арестанта и присоединить его к вызываемой партии «надзор» применяет физическое воздействие: пускают в ход приклады, кулаки, пинки и т.д.; неминуемо сопровождая свое воздействие отборной площадной бранью.

Поднимаются крики... Раздаются стоны... плач и рыдания...

Некоторые, взбешенные бесчеловечным насилием, кричат сквозь рыдания: «Кровопийцы!.. Изверги!.. Палачи!..» Само собой, на эти выкрики надзор усиливает физическое воздействие, но пока скромно, так как здесь, во дворе Кремля, много присутствующих. Но несчастному смельчаку такое оскорбление верной стражи ГПУ не пройдет даром — надзор затаит незабываемую злобу и проявит ее на месте производства работ, где-нибудь в глухом лесу. Бывало немало случаев, когда надзор получал партию рабочих одной численности, а приводил с работ на одного или двух меньше. На вопрос дежурного по лагерю: «Где недостающий арестант?» обычно следовал ответ: «Заболел, остался в лесу...» или: «Скоропостижно скончался; труп закопали в лесу...» Отчего заболел и почему оставили на излечение в лесу, а не взяли с собой, или отчего скончался скоропостижно, это есть тайна, известная одному «надзору», да немногим работавшим арестантам.

Знающие тайну обязаны хранить гробовое молчание.

Разглашение такой тайны могут поставить в вину и приписать новое преступление, — «возбуждение масс с целью...» и т.д., согласно редакции пресловутого Советского Уголовного Кодекса.

Да, собственно говоря, такие факты, как скоропостижная смерть в лесу, мало кого интересуют. У всех Соловчан настолько притупились нервы; все так привыкли к подобным эксцессам, как избиение, убийство и расстрел, что повторяющиеся случаи мало кого тревожат; все относятся хладнокровно, как к вполне нормальному явлению. Бывало, приходилось спрашивать о каком-нибудь знакомом арестанте, давно скрывшемся с горизонта арестантской жизни: «А где Н.?» Следовал спокойный ответ: «Да его зимой убили... В лесу... на вытаске бревен...» И это говорилось так просто, хладнокровно, как будто бы Н. отправился в интересное свадебное путешествие.

***

Шумный, крикливый и драчливый развод продолжается обычно полчаса или минут 45...

Наконец, распределение арестантов на работы заканчивается.

Конвоиры принимают рабочие партии и уводят на места производства работ.

Кремлевский двор пустеет... в Кремле тихо и пусто, лишь бродят калеки-уборщики двора, едва влача свои ноги.

***

Вся трудовая каторжная жизнь перенесена теперь на места производства работ, где-нибудь в глухом Соловецком лесу.

Там, на каждом месте работ, существует своя система эксплуатации арестантов, свои приемы воздействия и принуждения...

Там, в глуши безмолвного Соловецкого леса, льются неведомые миру слезы и проливается безнаказанно невинная человеческая кровь...

Утренние работы продолжаются с 7 до 12 часов.

В 12 часов раздается гудок на обед.

Конвоиры отводят арестантов в Кремль для подкрепления пищей...

Посмотрим теперь, чем подкрепляют себя арестанты после тяжелых физических работ, выполняемых большей частью в холодное время.

Пища Соловчан-каторжан

Горячая пища выдается арестантам дважды в день: в 12 обед и в 7 часов вечера ужин.

Обеденные блюда составляют: воображаемый суп и мнимая каша. Суп приготовляется большей частью из соленой трески, как главного продукта питания на Севере. Тресковый суп более или менее напоминает все-таки суп по вкусу и имеет некоторую питательность. В мое время это было самое желательное для арестантов блюдо. Сколько трески закладывается в котел, не берусь сказать. В выдаваемых арестантам порциях супа попадаются иногда косточки от голов трески, хвосты, а рыбьего мяса редко. Если оно было в котле, то расходится по «блатным»: многочисленному командному составу, чекистам, сотрудникам адмчасти, старостату и прочим. Бывает суп из сухих овощей, конечно, порченых, забракованных на материке; этот суп — одна мутная водица без вкуса. Иногда варят суп из селедок, само собой, сгнивших и предназначенных в разных Госторгах к уничтожению. В воскресные дни приготовляют суп, именуемый по меню арестантской кухни «мясной». В этот суп кладут сбой (внутренности животных, кишки, головы и ноги, — в большинстве лошадиные, ноги даже с подковами казенного образца; как говорят, от павших лошадей).

Каши на обед выдается четыре столовых ложки; конечно, как полагается с приправой, кашевар брызнет капли три растительного масла, и довольно. Вот состав и качество обеденных кушаний. На ужин дается едва каша (гречневая или пшенная), тоже ложки четыре столовых.

Главным продуктом питания Соловчан является хлеб, но его выдают арестантам рабочих рот полтора фунта черного хлеба в день на человека.

Здесь мы воздержимся от всяких комментариев по вопросу о пищевом довольствии Соловецких узников, отклоним от себя неблагодарную задачу сделать вывод и заключение по этому кардинальному в жизни соловчан вопросу, чтобы не вызвать подозрения в утрировке, а приведем мнение авторитетного и беспристрастного лица.

Ссыльный доктор В., работавший в санчасти (Санитарная часть Управления лагерями), на обязанности которого лежат санитарный надзор за кухнями, наблюдение за хранением и отпуском продуктов, поделился своими научными медицинскими данными о пище соловчан. По его словам, количество калорий питательных веществ, входящих в пищу соловчан при обыкновенном пайке, равняется лишь половине того количества калорий, какое потребно для человеческого организма для поддержания его в нормальном состоянии без физического труда и доходит лишь до одной трети при тяжелом физическом труде, какой выполняют большинство соловчан.

Это есть вторая коренная причина громадной смертности на Соловках: под первой мы разумеем искусственное физическое воздействие на арестантов с целью их уничтожения (расстрелы, избиения, телесные пытки, непосильные, невыполнимые суточные уроки, и прочее.)

Практика Соловецкой каторги наглядно свидетельствует, что все те несчастные узники, которые не получают из дому никакой поддержки в виде посылок или перевода денег, а таковых ныне в Советском благодатном раю громадное большинство, и состоят на жалком арестантском довольствии, то они неминуемо обречены на смерть от истощения вследствие постоянного недоедания.

Для убеждения в этом приведем яркую иллюстрацию.

Также сотрудник санчасти поделился статистическими сведениями, которые собраны в Санчасти о движении смертности.

Так, в 1927 году кончили срок заключения трехлетники, присланные на Соловки в 1924 году.

Вот жуткие статистические данные как результат трехлетнего пребывание на Соловках: *из общего числа трехлетников, пробывших полный срок: 37 умерли на Соловках от разных причин (???), 38 утратили трудоспособность и ушли после освобождения увечными, тяжелобольными, словом — калеками, и лишь 25 убрались с Соловков вполне здоровыми.*

Как наглядный указатель на главную причину смертности может быть то, что из числа 25% уцелевших в живых и сберегших свое здоровье, большинство из них получали поддержку из дому, или занимали на Соловках командные и начальнические должности.

Итак, вследствие принятой ГПУ карательно-исправительной системы на Соловках в течение трех лет 75% выведено в расход из общего числа подвергнутых карательному эксперименту.

Предоставляется каждому, на основании теории вероятности, разрешить задачу:

А сколько же уцелеет в живых из пятилетников и особенно десятилетников?..

Босоногие и полуголые соловчане-каторжане

За мое время пребывания на Соловках, в период с 1925 по 1928 год, не отпускалось Соловецким узникам никаких предметов обмундирования. Было исключение лишь для ссыльных чекистов, служивших в надзоре или комсоставе. Они получали верхние предметы обмундирования — шинели, фуражки и сапоги.

В 1927 году, последний год моего заключения, начали выдавать обмундирование тем заключенным, которые работали постоянно на предприятиях производственного характера: на лесозаготовках, в строительном отделе, в лесничестве и других.

Следует пояснить, что описываемый мною период обнимает первые годы существования Соловецкого лагеря; — годы самые кошмарные во всех отношениях для первых узников. В то время каждый арестант соловчанин должен был изощряться как-то и чем-то прикрыть свое тело от суровых проявлений приполярного климата.

Общеизвестно, что даже в настоящее время, когда советские заграничные агенты трезвонят во все колокола, что советские фабрики производят в изобилии мануфактуру, и как бы в подтверждение своего бахвальства большевики выбрасывают свою мануфактуру на заграничные рынки с целью приобретения валюты, в действительности, рядовые советские граждане не имеют возможности добыть материалов на самые необходимые предметы одеяния.

Спрашивается, что же было в те годы, описываемые сейчас мной, которые непосредственно следовали за голодными годами? В ту пору, буквально, большая половина населения Советского Союза ходила полуодетая, а многие абсолютно полуголые. И вот среди этой оборванной массы ГПУ устраивало облавы, или «ударники красного террора», массами арестовывало, осуждало и отправляло на Соловки. Здесь несчастные оборванные узники должны были отбывать наказание в течение нескольких лет в своем собственном одеянии, да, кроме того, ежедневно выходить на работу; причем зимою в суровые морозы приполярного климата.

В 1923, 1924 и 1925 гг. в общем числе всех каторжан-соловчан нормально была лишь треть одетых более или менее сносно, то есть, сносно в том смысле, что имели самые нужные предметы одеяния.

В самом ужасном положении находился уголовный элемент — мелкие воришки и разные бездомные бродяги, которыми ГПУ наводняло Соловки. В большинстве они были полуголые и босые. Я описывать не буду весь трагизм соловчан-каторжан в их беспомощных усилиях как-нибудь прикрыть себя от атмосферных неприятностей сурового приполярного климата. Это было бы и длинно и скучно. Ограничусь указанием на наиболее яркие факты из Соловецкой действительности.

В Соловецком Кремле, кроме номерных рот от 1 до 15, расположена еще *одна знаменитая рота, именуемая «рота отрицательного элемента»*.

Да не подумает читатель, что это фантазия или оговорка. Нет. На самом деле это административное деление официально именуется «рота отрицательного элемента».

Это *шедевр высшей коммунистической квалификации для определения своей грозной опоры, своей высшей касты пролетариата*. Эта рота комплектуется главным образом из уголовного мира соловчан-каторжан. В эту роту помещают тех, которые, по мнению Соловецкой администрации, совершенно не поддаются исправительному воздействию: во-первых, воришки-рецидивисты, которые не оставляют своего ремесла и на Соловках, а во-вторых, и главных, симулянты, саботажники и все, упорно не желающие выполнять принудительные работы. В действительности, дело обстоит совсем не так. Все эти уклоняющиеся от работ под разными предлогами — симулянты, саботажники и проч. — делают это вынужденно, так как все они босые, полуголые. Они всемерно изощряются как-нибудь избавиться от выхода на работу, особенно в холод и непогоду. Как уже сказано выше, нарядчики не считаются с отсутствием одежды и выгоняют всех на работу, хотя бы был суровый мороз. Все эти голодранцы, будучи на работе, убегают с работ и укрываются где-нибудь, стараясь защитить себя от холода. Никакие дисциплинарные наказания и избиения не останавливают их от этого.

Да оно и, само собой, понятно, лишь следует учесть их психологию: избиение будет, а, может быть, и не будет, или будет легкое, а холод дает себя чувствовать сейчас, в данную минуту, и они стараются укрыться от него; тут руководит ими инстинкт самосохранения.

Так вот, всех таких, упорно старающихся сохранить свою жизнь, соловецкая администрация причисляет к отрицательному элементу и составила из них особую роту. В большинстве это молодые парни, в прошлом здоровые и крепкие, теперь же, правда, истощенные от недоедания. Они охотно ходили бы на работу, если бы их снабдили одеянием. Находясь еще в рабочих ротах, до заточения их в «роту отрицательного элемента», они пытаются добыть себе что-либо из предметов одеяния, конечно, путем воровства, чтобы ходить на работу и не попасть в ужасную роту.

Это горько несчастные узники... Все их злосчастье в том, что они босые и голодные, — вследствие чего они не могут быть аккуратными в работе и за это содержатся в кошмарных условиях.

***

В небольшом холодном неотапливаемом помещении, где-то на чердаке, под крышей, набито до 300 человек босых, полуголых и грязных людей. Люди расположены густо и кучно на двухъярусных нарах и на полу.

О каких-либо постельных принадлежностях, само собой, не может быть и намеков. Для защиты себя от холода в неотапливаемом холодном и страшно сыром помещении несчастные узники составляют между собой группы, которые они сами называют «тепловые группы», по 4 или 6 человек каждая. Эта группа представляет из себя кучу человеческих тел, переплетшихся между собой; так, ноги одного переплетают шею другого.

Для составления «тепловой группы» выработаны ими особые приемы; которые выполняются по команде и по разделениям, — по счету: «делай раз, делай два» и т.д.

Эта рота совершенно изолирована от других и находится на карцерном положении и на самом скудном довольствии: узники получают лишь по одному фунту черного хлеба в день, раз в сутки серую жидкость, подобие супа, и два раза в день кипяток по две кружки.

***

В Кеми на пересыльном пункте есть подобная же рота: это №2, карантинная рота, которую местные, Кемские, арестанты именуют «ротой леопардов». Точно также и там собраны босые, полуголые и больные заключенные. Условия содержания еще более кошмарные, чем «роты отрицательного элемента» на Соловках. Во время переотправления меня с Соловков по окончании срока в ссылку на берег Ледовитого океана мне пришлось пробыть еще в заточении в Кеми в течение четырех месяцев. Я находился в первой роте, так называемого «карантина», по соседству со 2-ой ротой, или «ротой леопардов». Помещение меня в карантине было применено ко мне как репрессия по следующей причине. Срок принудительных работ я уже закончил. Тем не менее, продолжали гонять меня на принудительные работы в ротах передаточного пункта в Кеми, на Поповом острове.

Я категорически отказался от выхода на работу, как кончивший срок. По приказанию Начальника Кемперпункта меня, как злостного саботажника и агитатора, отправили в ужасные карантинные роты. Условие содержания в нашей первой роте было немногим лучше, и то лишь в смысле переполнения, чем в «роте леопардов».

Ежедневно мы были зрителями, как «леопардов» выпускали для отправления естественных надобностей. Отхожее место было вдали от нашего барака, в 150 метрах, на опушке леса.

Была приполярная суровая зима, декабрь—февраль мес[яц]. Лежал глубокий снег. Очередь посещения отхожего места наступала для второй роты «леопардов».

Часовой у барака командовал: «Вылетай по пяти на оправку!» И вот из роты «леопардов» выскакивали пять звериноподобных типов: босые, без кальсон, в

одной рубашке, вернее лохмотья от рубашки, с всклоченными длинными волосами, покрытые слоем грязи, по цвету кожи как бы негритянской расы (многие не помнят, когда умывались).

Эта пятерка с места неслась карьером по снежным тропинкам к отхожему месту, перегоняя один другого. Быстро завершала свои надобности, также карьером неслась обратно в барак. Мгновенно вылетала новая пятерка и проделывала такую же экскурсию. *Ввиду многочисленности роты, более 300 человек, такие скачки голых людей по снегу в трескучий мороз продолжались более часу.*

Какая выигрышная панорама для киносъемки!.. Было бы превосходно заснять на фильм истинную Соловецкую жизнь и продемонстрировать перед заграничной публикой. *В мое время Совкино производило киносъемку Соловецкой жизни. Боже!.. Какая наглейшая и подлейшая была инсценировка всех видов и сцен!*

***

В то время, когда мы были страдальцами на Соловках, находясь в кошмарных условиях каторжного режима, в советской газете «Известия» появилось интервью с французским литератором, Анри Барбюссом, который посетил Москву и осматривал достопримечательности, в том числе некоторые (ПОКАЗНЫЕ) московские тюрьмы. Анри Барбюс пришел в восторг от виденных им тюрем; он нашел, что это не тюрьмы, а институты благородного воспитания, что он постарается ознакомить всю Европу с идеальными Советскими тюрьмами (!!!).

Дело в том, что показная сторона у большевиков поставлена превосходно. *Для втирания очков иностранцам у них в Москве есть показные: фабрики, заводы, мастерские, лаборатории, музеи, библиотеки, приюты, коммуны и прочее, а также есть показные места заключений, например, Сокольницкий исправдом (который и видел А. Барбюсс) и Бутырская тюрьма ГПУ. Насчет показа у большевиков все строго продумано и предусмотрено, или короче говоря — все окружение иностранцев, когда они попадут в Совсоюз, обставлено исключительно с показной стороны.*

В ту пору мы с бешеной горечью и бессильной злобой сожалели, что как бы было хорошо и вразумительно, если бы для ознакомления с карательной системой ГПУ прислать Анри Барбюсса на Соловки и поместить на месяцок, например, в «роту отрицательного элемента» или, не утруждая его дальним путешествием, во 2-ую карантинную роту «леопардов» в г. Кеми. После этого было бы интересно послушать его хвалебные оды, когда бы он посидел вместе с питомцами института коммунистических благородных мальчиков.

***

Описанные два случая существования на Соловках особых рот с босоногими и полунагими ярко иллюстрируют, насколько остро стоит перед соловчанами-каторжанами вопрос о снабжении себя необходимыми предметами одеяния, что, при полном отсутствии обмундирования от казны и без поддержки извне (присылки из дому), многих ожидает жестокая участь впасть в звериноподобное бытие, вроде, например, обитателей «роты отрицательного элемента».

Кроме описанных двух рот, в каждом отделении Соловецкого лагеря существуют свои роты с босоногими и полуголыми, которые также помещаются в кошмарных жилищных условиях и состоят на полуголодном пайке, как безработные.

***

Положение остальных соловчан-каторжан в отношении обмундирования немногим лучше положения «леопардов» или «типов отрицательного элемента»; в сравнении с ними они имеют хоть какие-нибудь предметы для прикрытия всех частей своего тела (головы, туловища, ног)...

Правда, на тех же Соловках есть ссыльные, например, из спекулянтов, валютчиков и особенно из растратчиков, растративших десятки тысяч советских денег, которые «гуляют» в шубах на лисьем меху с бобровыми воротниками.

Слово «гуляют» применено не фигурально, а в подлинном его значении, так как эти богатые господа, благодаря подкупам, состоят на каких-либо легких работах, в канцеляриях и даже лишь числятся номинально, а в действительности все время «гуляют» по Соловецким лесам.

Какой разительный и ярко вразумительный пример, затушевывающий с беспощадной жестокостью всякие утопии о коммунизации человеческого общества.

В Соловецкой коммуне, насаждаемой и проводимой ГПУ, богатые ссыльные пользуются исключительным привилегированным положением, тогда как неимущие безжалостно третируются, беспощадно эксплуатируются, а для выжимания всех соков избиваются и даже расстреливаются.

***

Отсутствие отпуска казенного обмундирования соловчанам-каторжанам, неимение ими своего собственного есть одна из главных причин большой заболеваемости и смертности на Соловках. Это по счету третья причина: первая — искусственное уничтожение заключенных; вторая — истощение от плохого питания, и третья — отсутствие одежды.

Наблюдения за звероподобной жизнью «леопардов» и типов «роты отрицательного элемента» вызывают одно удивление — насколько человек выносли в и живуч, насколько он приспособляющееся животное.

У русских простолюдинов христиан есть поговорка: «человек и в аду привыкает». В настоящее время эта поговорка осуществляется фактически: *ГПУ производит эксперимент, — могут ли Россияне привыкнуть и выдержать условия Соловецкого коммунистического ада.*

На этом опыте несчастные Россияне гибнут десятками тысяч...

Жилищные условия на Соловецкой каторге

В ту пору, 1925, 1926 и 1927 гг., вследствие чрезмерного многолюдства заключенных в сравнении не только с жилыми, но и со всеми нежилыми постройками, бывшими на Соловках, арестанты были размещены в самых ужасных антисанитарных и антигигиенических условиях. Были, буквально, набиты людьми все крытые здания и постройки, не говоря уже о жилых, как то: храмы, часовни, конюшни, амбары, разного рода навесы и прочее. Во всех помещениях соловчане-узники были не только спрессованы на нарах, но валялись на полу, под нарами и в других местах, где лишь можно прилечь. Приспособленные нежилые помещения не отапливались, и арестантам предоставлялось самим собственной теплотой согревать занимаемые ими помещения, — почему в холодное время в этих помещениях стоял густой туман, со стен и потолков падали капли сгустившихся испарений; воздух был зловонно-удушливый.

Уборные для заключенных, помещавшихся в приспособленных зданиях, были вдали на открытом воздухе, простого полевого бивуачного характера; умывальники, конечно, отсутствовали. Гигиенисты-охотники брали тайно с собой чайники с водой и, находясь в уборных, там слегка вспрыскивали свое лицо.

В довершение всего во всех помещениях свирепствовал обычный тюремный бич — это вши и клопы, которых были громадные гнезда.

Такие жилищные условия были во всех рабочих ротах Кремля (5, 7, 8, 9, 11, 12 и 13) и во всех занятых помещениях вне Кремля.

***

В довольно сносных жилищных условиях были размещены те заключенные, которые устроились на постоянные легкие работы: в канцеляриях, на складах, сторожами, в лесничестве и прочее. Они помещались в прежних монастырских корпусах и располагались по отдельным камерам (прежним кельям) по 5—6 человек в камере; каждый на отдельной кровати со столиком. Такими благоустроенными ротами были:

10 — канцеляристы, 6 — сторожа, лесничество и др. — большинство в роте духовенство, 4 — железнодорожники. 1, 2 и 3 — ссыльные сотрудники ГПУ.

Антисанитарные и антигигиенические жилищные условия, в которых жило в мое время большинство Соловецких узников, следует отнести к четвертой причине громадной заболеваемости и смертности в Соловецком Концентрационном лагере принудительных работ Особого назначения ОГПУ.

***

Все-таки надлежит быть справедливым и беспристрастным и отметить, что ОГПУ развило в последнее время весьма интенсивное строительство на Соловках с целью обширного расширения Соловецкого лагеря принудительных работ (каторжных).

Ко времени отправления меня с Соловков в ссылку, в тундру, было закончено переоборудование всех Соловецких построек; так, все нежилые монастырские здания — храмы, часовни, склады и пр. приспособлены для тюремного расположения. Воздвигнуты были необходимые хозяйственные постройки: кухни, хлебопекарни, уборные, торговые лавки и другие. Особенно спешное строительство было предпринято в 1927 г., когда начали возводить большими группами тюремные казармы стандартного типа.

Несомненно, напряженное строительство продолжается и доднесь, так как число вылавливаемых ГПУ жертв не уменьшается, а все более и более, в строгой прогрессии со временем диктаторства большевиков, увеличивается.

***

Не мешает обрадовать всех тех, кто доброжелательно интересуется успехами социалистического строительства в России, что из всех видов социализации особенно прогрессирует в социалистическом строительстве это тюремное строительство.

Все тюрьмы, оставшиеся в наследие большевикам от Императорского периода, оказались во много раз недостаточными для размещения многого множества арестантов, навербованных ГПУ; особенно массовая вербовка идет сейчас; и ГПУ будет продолжать свою вербовку до той поры, пока не наступит конец пресловутому социалистическому строительству, то есть, когда не будут сметены с лица Русской земли строители социализма из бездомных бродяг.

При советском режиме все время ощущается громадный тюремный кризис, и жилищная арестантская площадь сокращена до минимума (см. выше — 20 сантиметров на нарах в Кеми).

Большинство монастырей, а их было не мало на Святой Руси, превращены в разного рода места заключений: концентрационные лагери (Соловки, Ярославль, Суздаль, Вишера и другие), изоляторы, исправдомы, дома для малолетних преступников.

Войсковые казармы Императорского времени, оставшиеся свободными в некоторых городах, переделаны в тюрьмы. И все же большой тюремный кризис...

Сейчас Советское правительство принялось в ударном порядке за тюремное строительство.

Соловецкие острова, вследствие своего географического положения, представляют из себя самое благоприятное во всех отношениях место для применения карательной системы ГПУ, вот почему ГПУ поставило для себя очередной задачей расширить Соловецкий лагерь до колоссальных размеров и начало интенсивное строительство на Соловецких островах.

Трудно определить, какое число узников пребывает сейчас в Соловецком лагере. В начале 1928 года общее число заключенных во всех отделениях Соловецкого лагеря (Соловки, Кемь, Вишера) простиралось до 30 тысяч человек. Принимая во внимание, что ГПУ особенно рассвирепело в последнее время; кроме того, к услугам ГПУ появился значительный контингент новых жертв, в лице крестьян кулаков, — надо полагать, что число заключенных в Соловецком лагере увеличилось, если не в три раза, то, несомненно, не менее как в два, то есть, около 60 тысяч человек.

Медицинская помощь соловецким узникам

Смело можно, без какого-либо преувеличения, констатировать, что в период времени, в 1923—1926 гг., для соловецких узников медицинская помощь, в общекультурном значении этого слова, отсутствовала. Прежде всего ощущался хронический недостаток самых необходимых и общеупотребительных медикаментов — часто не было: йода, хинина, аспирина, касторового масла и др.; не говоря уже о сложных и дорогих медикаментах. Не было гигроскопической ваты, а вместо нее применяли плохо очищенный хлопок; порою не хватало марли, — почему иногда после ампутации отмороженных ног перевязывали обрезы плохо промытыми тряпками из бязи. Конечно, в этих случаях несчастные умирали от заражения крови.

Отсутствовали медицинские инструменты и госпитальный инвентарь.

Медицинский персонал состоял из тех же заключенных, в большинстве из молодежи, получивших медицинское образование при Советском режиме; или говоря пояснительно, без серьезной подготовки, лишь спешно «натасканные»,

другими словами, их позиции были «липовые» (распространенный советский термин «липовый» — фальшивый, ложный, недействительный); даже были практиковавшие лекари (Плотников на Секирной), которые не получили никакого медицинского образования, а просто-напросто самозвано объявили себя фельдшерами с целью избавиться как-нибудь от тяжелых принудительных работ.

Для полноты картины медицинской беспомощности соловецких узников надлежит обратить внимание на одно довольно серьезное исключение из общежитейской практики: Соловецкие врачи и лекаря все из ссыльных, занимаются лечением страждущих в порядке принудительных работ. Как и все ссыльные, так и врачи относятся к своей работе довольно халатно и небрежно. Особенно этим отличаются молодые врачи советской фабрикации. Нельзя огульно причислить всех врачей к бесчувственно толстокожим. Были среди них, правда, два-три, старых врача, которые своим вниманием, заботой и сострадательным отношением заслужили всеобщее уважение соловчан.

За спасение многих жизней они приобрели много благодарных и признательных россиян, бывших соловчан.

***

Небезынтересно отметить одно печальное явление из лазаретно-тюремной жизни, которое удерживает иногда некоторых лишенных свободы россиян прибегать к госпитальному или лазаретному лечению в тюрьмах ГПУ.

На Соловках и во время пребывания в многочисленных тюрьмах СССР при отправке меня в ссылку приходилось слышать много разговоров о том, *что в тюрьмах, подведомственных ГПУ, применяются весьма тонкие и не вызывающие подозрений приемы искусственного умерщвления болеющих арестантов.*

Из числа рассказчиков на тему об искусственном умерщвлении в тюремных госпиталях укажу на одного весьма оригинального типа, некоего Юповича Мих. Ив. За все время он много рассказал мне тайн из практики ГПУ.

В прошлом Юпович был секретным сотрудником ГПУ по отделу контрразведки, «засыпался», как агент на две стороны, — работал в пользу Польши. ГПУ дало ему пять лет Соловков, лишь благодаря его прежним крупным заслугам. Я встретился с ним, еще будучи в Бутырской тюрьме, причем при довольно загадочных условиях. В нашу камеру № 4 рабочего коридора посадили нового типа, объявившего себя как врач и, конечно, невинно осужденный каэр. Это и был Юпович. Он особенное внимание оказывал мне, стараясь вести разговоры на разные темы. По его тонким подходам во время бесед я обратил внимание, что он осведомлен хорошо о моей прежней деятельности. На мой вопрос — откуда он знает обо мне, — он поразил меня своим ответом, что он сидел во внутренней тюрьме (это при самом

ГПУ) с моим бывшим личным адъютантом, который арестован в Сибири и прислан в Москву. На мою просьбу описать внешность моего прежнего адъютанта — он нарисовал мне совершенно неизвестного типа. В ту пору вся камера пришла к заключению, что это «наседка» (секретный наблюдатель за арестантами и доноситель). Уже будучи на Соловках, он признался мне, что в Бутырках он был посажен в одну со мной камеру, чтобы следить за мной с целью изобрести против меня какое-нибудь новое дело и припаять суровую статью, так как за все прошлое я был персонально амнистирован. Видимо, ГПУ нужно было придумать какое-либо новое обвинение, чтобы было основание законопатить меня подальше и на долгий срок, а при удачной провокации, то и отправить к праотцам.

На Соловках Юпович заведовал собачьим питомником и был организатором осенней охоты для членов Коллегии Центрального ГПУ, приезжавших каждую осень на Соловки для разгрузки.

Как рассказывал Юпович, во время привалов на охоте Члены Комиссии и высшая администрация Соловков, подвыпив изрядно, начинали говорить о сокровенных тайнах, не стесняясь присутствием Юповича, как своего человека.

Однажды на Соловках я заболел цингой как результат недоедания, и вознамерился попасть в Соловецкий лазарет (там все-таки кормят лучше) и с этой целью обратился за содействием к Юповичу, как имеющему связи с врачами лазарета. Юпович категорически отсоветовал мне решаться на такое опасное, по его словам, дело.

Для обоснования своего совета он поведал мне, что в лазаретах мест заключений, подведомственных ГПУ, практикуются способы искусственного умерщвления больных арестантов, и рассказал об известных ему случаях в Бутырской тюрьме; причем назвал несколько фамилий, в числе которых были известные мне, как сидевшие в одной со мной камере. Они будто бы, по словам Юповича, были отправлены к праотцам путем медицинских приемов во время нахождения их в лазарете Бутырской тюрьмы. Действительно, они из лазарета не вернулись... Как раз это было в то время, когда сам Юпович находился на излечении в лазарете.

***

Небезынтересно отметить то, как утверждал это Юпович, что медицинские приемы ликвидации политических врагов ГПУ применяет в большинстве случаев к противникам из социалистического лагеря — меньшевикам, левым эсерам и муссавистам.

Причина применения против них медицинских средств вместо расстрела та, что ГПУ опасается, как бы о расстреле не стало известно за границей иностранным социал-демократам, которые не подняли бы шума.

Кстати, пользуясь случаем, добавлю, что социалистические группы и отдельные представители их настолько искусны в изобретении средств и приемов поддержания связи, как внутри России, так и с заграницей, что всемогущее, всезнающее и само искусное на изобретения ГПУ все же бессильно парализовать эту связь.

Вот почему сведения о положении в России, исходящие от социалистических групп, отличаются наибольшей правдоподобностью.

Между прочим, тот же Юпович рассказывал о попытках ГПУ ликвидировать медицинскими приемами Архиепископа Иллариона.

Архиепископ Илларион был ближайшим советником Патриарха Тихона, его правая рука.

Среди москвичей пользовался большой популярностью. За свою мужественную стойкость и неуступчивость в церковных делах Владыко Илларион был сослан на три года на Соловки.

Одно время на Соловках он работал в лесничестве вместе со мной: я был объездчиком, а он у меня лесным сторожем. Владыко Илларион был моим духовным отцом и искренним другом.

Однажды Архиепископ Илларион был экстренно увезен с Соловков на материк. Куда? Зачем? Конечно, никто не знал.

Прошло продолжительное время; Архиепископа Иллариона снова привезли на Соловки. Через короткое время стало известно среди соловчан, что Архиепископу Иллариону добавили срок заключения на Соловках еще на три года. За что? Никто не знал. Сам же Владыко говорил своим близким, что по новому делу, и больше ничего, так как за разглашение случившегося с ним он и получил добавление, о чем и изложу кратко сейчас.

Во время пребывания на Соловках Комиссии Центрального ГПУ осенью 1927 г., Члены Комиссии отправились на охоту, вернее попьянствовать. Юпович был организатором охоты. По Филимоновской дороге встретился им лесной сторож в большой меховой шапке, в широкой козьей дохе; сам громадного роста, геркулесового телосложения, с громадным посохом в руке. Это и был Архиепископ Илларион.

Московские члены комиссии знали его и сейчас же узнали.

Во время попойки этого дня подвыпившие высокопоставленные чекисты вспомнили встретившегося Иллариона и разговорились о нем.

Из их разговоров, как мне передавал Юпович, обнаружилось следующее:

Архиепископа Иллариона увозили в Ярославский концентрационный лагерь, — куда приезжал для беседы с ним Тучков, Особоуполномоченный ГПУ при Святейшем Синоде. Тучков предложил Иллариону следовать в отношении

Советской власти политической линии, взятой Митрополитом Сергием, а также предлагал подписать намеченное к выпуску воззвание Святейшего Синода. Это то воззвание, которое было выпущено 16/29 июля 1927 года за подписью Митрополита Сергия и других большевиствующих иерархов, направленное в адрес заграницы.

Архиепископ Илларион непреклонно отстаивал свои взгляды на положение церкви в России при её настоящем внутренне-политическом состоянии, он стойко отклонил все предложения Тучкова.

Признавая Иллариона наиболее сильным и серьезным борцом против разрушений церковной жизни в России, Тучков по доверию центрального ГПУ дал указания администрации Ярославского лагеря ликвидировать Иллариона медицинским способом, или как-нибудь иначе, лишь бы не было никаких подозрений, а все сделано «шито-крыто».

Будто-бы, был применен какой то яд. Но на крепкого, здорового богатырского телосложения Иллариона яд не подействовал. Юпович, между прочим, передавал, что члены Комиссии ГПУ, вспоминая об этом, негодовали на неподатливый для отравления организм Иллариона, а Глеб Бокий сказал: «Это какой-то черт невредимый. Это — второй Распутин».

Вскоре после неудачной попытки отравления отправили Иллариона обратно на Соловки. Когда Илларион написал о своем свидании с Тучковым своим друзьям, архипастырям в России, то ГПУ придралось к этому, обвинив его в разглашении тайны и добавило ему три года Соловков[6].

***

Я ограничился здесь лишь краткой характеристикой врачебного дела на Соловках. В действительной соловецкой жизни есть много фактов, заслуживающих быть детально отмеченных для сведения культурно просвещенных людей нашего века, например: смехотворные попечения о хронических больных, об ампутации отмороженных конечностей лекарями, не имеющими понятия даже об элементарных началах хирургии, или же массовое содержание женщин-сифилитичек в соборе на горе Голгофе, на острове Анзер; — несчастные находятся взаперти без всякого ухода и лечения, большинство из них абсолютно разлагается; и... о многом другом по медицинской части следовало бы оповестить...

[6] В июне прошлого, 1930 г., было газетное сообщение, что во время отправки с Соловков в ссылку, надо полагать в Зырянский край, где и я был, архиепископ Илларион скоропостижно скончался. Видимо был применен другой, более сильный яд в достаточном количестве для Иллариона.

И ночь для соловчан-каторжан не всегда спокойна

В 7 часов вечера сигнальный гудок проносится по Соловецким лесам, оповещая о прекращении дневных работ.

Фактически работы прекращаются по сигнальному гудку на тех предприятиях, где работа производится не по урочной системе. Там же, где установлена урочная система, работающие арестанты отпускаются по выполнении урока. Бывает, что урок оканчивают до гудка, но иногда работают продолжительное время и после гудка, особенно на лесозаготовках.

По всем дорогам и тропинкам, ведущим в Кремль, плетутся медленно партии работавших арестантов, утомленные дневной каторжной работой.

В Кремле их ждет уже приготовленная скудная арестантская пища, крайне недостаточная для восстановления потраченных сил и укрепления организма.

***

В 8 часов вечера вечерняя поверка по установленному попутайному церемониалу.

Поверка не всегда проходила благополучно для всех рот. Иногда одна или две роты получали наказание на «выстойку» на час или больше за то, что плохо рассчитывались по порядку или недружно прокричали «Здра».

Стоим, бывало, и время от времени выкрикиваем «Здра». Ваш покорный слуга, пишущий эти строки, по положению — Генерал Генерального Штаба, полный Георгиевский кавалер — имеющий за мировую войну Офицерский Орден Св. Георгия и «Георгиевское» оружие, много раз стоял в составе роты «на стойке» и прокрикивал «Здра». Это ли не издевательство?!?!?..

***

После поверки, казалось бы, должно быть предоставлено людям время для выполнения своих неотложных арестантских нужд: починка одежды, кстати, у всех драной и ветхой; стирка белья, если есть у счастливчика смена; приведение в порядок, хотя бы в месяц раз, своей шевелюры, и прочее; и непременно каждодневно необходимо выполнить соловецкий арестантский ритуал — это выбить перед сном вшей.

Как бы арестант самолично ни был чистоплотен, как бы он ни оберегал себя от проникновения этих гостей, но при массовом размещении арестантов он не в состоянии охранить себя от вшей и почти что постоянно носит на себе партию этих назойливых гостей.

Словом, у каждого хозяйственного и аккуратного арестанта есть мелкие дела по самообслуживанию, но и этим мешают ему заняться.

То обходы многочисленные, ничего не делающего начальства и как всегда при появлении начальствующего типа громогласные команды: «Встать! Смирно!» То налеты нарядчиков для набора партий рабочих для каких-нибудь спешных работ и обычно в этих случаях, опять и опять: «Строиться!» «По порядку рассчитайся!» и т.д.

Буквально, каждую минуту несчастные арестанты находятся в тревожно-выжидательном настроении.

***

Согласно тюремного распорядка дня, в 11 часов ночи все заключенные должны быть в постелях. Как будто, наступило время, когда можно вздохнуть облегченно и успокоить свои нервы.

Отнюдь не бывало... Редкая ночь проходит спокойно...

Вдруг, глубокой ночью раздаются крики «Вставай!», «Одевайся!», «Строиться!»... Оказывается, — вызов по тревоге на ударник.

***

Или ночью нагрянут в роту представители Адмчасти (Соловецкое ГПУ) и начинают производить поголовный тщательный обыск для конфискации недозволенных вещей.

Раз в месяц, а иногда и чаще, производилась Генеральная фактическая поверка наличного состава рот, тогда арестанты выдерживались всю ночь в строю.

***

Перечисленные случаи относятся к обычным ночным явлениям, но бывали непредвиденные ночные тревоги, например, в случае самоубийства в роте или побега (Побега не на материк... нет... просто в лес, а там повеситься... Такие случаи бывали).

***

Для характеристики Соловецкой администрации приведу такой ночной эпизод, бывший вскоре после нашего прибытия: на Соловки, когда мы помещались в 12-ой роте, в главном Кремлевском соборе.

Однажды ночью раздается исступленный крик пьяного голоса: «Встать! Смирно!» Мы, новички, вскакиваем в тревоге и смотрим: по проходу между нар продвигается всадник на крупной лошади, ударяет громадным хлыстом по нарам и кричит: «Встать! Смирно!» Что же случилось?

Начальник I Отделения (Кремлевского, где мы находились), Баринов, был как говорили рассказчики, за Кремлем в гостях у чекистов, там напился до чертиков, приказал оседлать верхового коня и объявил гулявшей с ним компании, что как Магомет

2-ой въехал в храм Св. Софии в Константинополе, так он въедет сейчас в Главный Собор Кремля, что его конь свободно поднимется по ступенькам на паперть.

Действительно, конь взял препятствие в виде лестницы в 20 ступенек, ведущей на паперть собора.

Лишь при обратном спуске пришлось арестантам поддерживать лихого коня.

Несомненно, за такое самодурство Баринов выслушал лишь товарищеские шуточки такого же чекиста, как он, Начальника Управления Ногтева.

***

Много было ночей, когда вместо отдыха гнали в лес на ударные работы: на вытаску волоком бревен из леса, на озера к местам сплава, на выноску дров к железной дороге, на погрузку лесом пароходов, на сенокос, на переноску камней, кирпичей и торфа и на прочие бесчисленные ударники.

Нарисованная картина повседневной жизни соловецких узников ярко изображает, какой суровый тяжелый гнет тяготеет постоянно над соловчанами, которые должны быть ежеминутно и днем и ночью начеку, настороже к неожиданным эксцессам.

В общем же, принимая во внимание общую характеристику Соловецкого режима; условия: жилищные, питания, отсутствие одежды, бесчеловечное отношение администрации, выполнение тяжелых принудительных работ, постоянно подавленное, терроризованное состояние заключенных, — предлагается всякому здравомыслящему вообразить, — какое железное здоровье и стальные нервы должны иметь несчастные жертвы ГПУ, чтобы перенести все это и выбраться с Соловков живыми и здоровыми...

Таких счастливчиков немного...

Часть вторая
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧАСТНОСТИ ИЗ ЖИЗНИ СОЛОВЕЦКОЙ КАТОРГИ

Глава I

«Ибо в те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения,
которое сотворил Бог,
даже до ныне и не будет»
(Еван. Марка Глава 13 ст. 19).

Мученики за светлое имя Христа

(Служители культов заточаются преимущественно на Соловки. Поводы заточения духовных лиц на Соловки. Душевный гнет и моральный кошмар в положении духовенства на Соловках. Гонения на соловчан-религиозников и запрещения посещать открытые моления. Цинично-кощунственное надругательство над Святыми Местами и священными изображениями. Сатанинские издевательства при вскрытии мощей Св. Зосимы и других преподобных Соловецких отцов)

Служители культов заточаются преимущественно на Соловки

Религия есть основа нравственности, основа прав семейственных и фундамент для общественных взаимоотношений.

Вот почему Московские диктаторы, отвергающие всякую мораль, презирающие благородные и возвышенные порывы, разрушающие семейные и общественные устои, ополчились против всех религий, как являющихся серьезным препятствием для их разрушительной работы. Но самое жестокое гонение и суровое преследование направлены против господствующей церкви, РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ.

Много православных архипастырей и пастырей пали славной смертью мучеников от рук палачей Органа Красного Террора ГПУ.

Многое множество православного духовенства, черного и белого, томятся беспрерывно или в заточении на Соловках, или в ссылке в отдаленнейших местах Сибири.

Большевики не оставляют в покое и служителей других культов, религий — магометанской и иудейской. Общепонятно, ГПУ изъемлет из населения и лишает свободы тех представителей религиозных культов, которые проявляют мужественную стойкость и твердость, обнаруживают непреклонность воли, служат

своей благочестивой жизнью жестоким укором нравственно-разлагающимся советским гражданам, и которые, не прельщаясь на заманчивые обещания представителей ГПУ и не страшась их угроз, — строго блюдут каноны своего культа. Само собой, в настоящее кошмарное время в России, при всеобщей подавленности духа и угнетенном состоянии, непреклонная стойкость и открытое мужество, проявляемые духовными лицами, вызывают благоговейное преклонение пред ними и они пользуются заслуженной популярностью; и, понятно, с точки зрения ГПУ не терпимы на свободе.

Лица из духовного мира, широко известные на местах и пользующиеся хорошей, порою красивой, популярностью среди народа, после изъятия их из общества должны быть дальше высланы и крепко изолированы, чтобы не предоставлялось возможности поддерживать с ними связь не столько со стороны их самих, сколько со стороны преданных им приверженцев.

По этой причине ГПУ отсылает в большинстве случаев служителей религиозных обществ в заточение на Соловки, как место самое надежное в смысле строгой изоляции от внешнего мира.

Поводы заточения на Соловки духовных лиц

Согласно статьи 19 конституции СССР всем советским гражданам предоставлена свобода совести, и никто не может быть подвергаем преследованию за религиозные убеждения.

Так предусмотрено пресловутой конституцией; кстати, ни одна статья конституции, имеющая практическое применение, в жизни точно не выполняется.

Фактически, в жизни в отношениях властей к религии происходит нечто невообразимое, неописуемое...

Времена страшных гонений на христиан, времена Диоклетиана и Нерона, меркнут перед тем, что сейчас творится в порабощенной России, каким жестоким гонениям и суровым преследованиями подвергаются все верующие в Единого Истинного Бога.

Московские диктаторы поставили целью искоренить религиозные чувства у всех советских граждан, и эту цель упорно и настойчиво проводят, не брезгуя никакими средствами...

Чтобы избежать упреков в нарушении конституции, особенно протестов из-за границы, большевики применяют самые наглейшие и подлейшие приемы лжи и коварства.

Они выдвинули на сцену для борьбы против религии общество «безбожников», которое, якобы, издает безбожную литературу.

На самом деле, общество «безбожников» есть фикция, а средства, притом колоссальные, на издание безбожной литературы отпускает Советское правительство.

***

Религиозные преследования в России есть вопрос сложный и многосторонний, мы не будем углубляться в дебри его.

Здесь я отмечу, как ГПУ подтасовывает поводы для лишения свободы духовных лиц.

В большинстве случаев, как известно, ГПУ инкриминирует духовным лицам деяния контрреволюционного характера, как то: агитацию, пропаганду, незаконное собрание и прочее, и приписывает им контрреволюционные статьи Уголовного Кодекса, за что и отправляет в ссылку.

Не буду детально разбирать эти инкриминируемые деяния, а предложу каждому самому сделать вывод, что же из деяний духовных лиц можно отнести к контрреволюционным, исходя из следующего контрсопоставления.

Коммунизм и Церковь — две силы, одна другую отрицающие и исключающие.

Коммунистическая партия, ныне правительственная в России, отвергает все религии, глумится над религиозными ритуалами, запрещает насаждение и распространение религий. Духовные лица, наоборот, стремятся насаждать и распространять веру в Единого Бога; удерживают у церкви малодушных и нестойких. Таким образом, при настоящей правительственной ситуации в России они совершают деяния противоправительственные или контрреволюционные. Продолжая такое, чисто в духе ГПУ, логическое рассуждение дальше, можно подвести под контрреволюционное деяние выполнение церковных обрядов, а некоторые церковные возгласы отнести к числу агитационных.

Какое широкое поприще для ГПУ примазать служителям культов контрреволюционные деяния! Оно так и бывает в действительности.

Какое разнообразие и, притом, самых курьезных поводов для ареста духовных лиц и заточения их на Соловки!

Не буду утруждать перечислением их, лишь приведу один характерный случай.

Епископ П. был арестован и сослан на три года на Соловки за то, что, совершая Литургию, во время большого выхода со Святыми Дарами позволил себе произнести возглас: «Архиепископы, Епископы, братии священнического и монашеского чина, в темницах сущих, да помянет Господь Бог во царствии своем всегда, ныне, присно и во веки веков». ГПУ придралось к этому, признав это как агитацию против Советской власти; арестовало Владыку и отправило на Соловки.

Это был лишь повод, за который ухватилось ГПУ, а причина ссылки другая. Причина — большая популярность Владыки в городе: во время его служений церковь была всегда переполнена.

Особенно курьезны поводы лишения свободы простых священников. Многим могли бы показаться неправдоподобными. О них и не будем говорить.

***

Особенность ссылки служителей культов та, что все они ссылаются лишь на три года, так как фактически никто из них никакой активности в мнимой контрреволюции не проявлял.

В первый год моего пребывания на Соловках 1925 г. духовенства всех религий было там в заточении около 200 человек. В числе их было несколько высших иерархов христианских церквей: православной — 4 архиепископа: Прокопий, Архиепископ Херсонский и Николаевский, Ювеналий, Архиепископ Курский и Тульский, Илларион, Архиепископ без кафедры (был ближайшим помощником Патриарха Тихона), Евгений, Архиепископ Амурский и Благовещенский; 14 епископов: Василий Рязанский, Мануил Гдовский, Глеб Воронежский, Нектарий, Матфей (живой церкви), Серафим, Платон и другие; 4 архимандрита; католической церкви был прислан, в конце 1927 г. епископ, кажется, Минский; далее много православных протоиереев, иереев, несколько ксендзов и пасторов; были мусульманские муллы и еврейские раввины.

Душевный гнет и моральный кошмар в положении духовенства на Соловках

Раньше я обращал уже внимание на одну особенность коммунистического режима в тюрьмах, на этапах и тоже здесь, на Соловках, — что деления арестантов для размещения по камерам на уголовников и не уголовников у большевиков не практикуется. Все без разбора сгоняются в одну камеру, или в одно ротное помещение, как, например, на Соловках. Если порою происходит сортировка по административным соображениям, то не по признаку преступности, а по признаку «с вещами» или «без вещей» арестанты, чтобы отделить одних от других во избежание воровства.

Для духовенства нет исключения, и они помещаются вместе со всеми прочими; и они лишь позволяют им группироваться вместе на нарах.

В тех тюремных помещениях, где размещены уголовники, особенно молодое поколение их, так называемая «шпана», постоянно шум, гам, крики, ругань, часто драка, скабрезные рассказы, порнографические песенки и беспрестанно отборная площадная брань.

Если воспитанному интеллигенту такое сообщество приносит нестерпимые страдания, то какой должен быть душевный гнет у лиц духовных, когда они слышат безумолчно вблизи себя отборную коммунистическую брань с присоединением святых имен и названий.

Администрация не только не воспрещает непрерывные ругательства «шпаны», но даже поощряет глумления и издевательства, направленные по адресу духовных.

Чтобы умерить несколько резвость сквернословов из «шпаны», духовные применяют иногда, способ приручения их, для чего начинают подкармливать «шпанят», чтобы они лишь не ругались. Этот прием приводил к печальному массовому вымогательству.

***

Духовенство отбывает принудительные работы на общих со всеми основаниях.

Здесь следует отметить одно знаменательное явление, весьма яркое на фоне соловецкой жизни.

Во время разводов никто из духовных никогда не заявлял протеста против назначения на ту или иную работу; никогда не обращался с просьбой о назначении на легкую работу; никто никогда не жаловался на мнимую болезнь, а всегда все шли молча и христиански покорно туда, куда их назначали.

***

Если в последние годы моего пребывания на Соловках духовенство заняло как бы привилегированное положение по отбытию принудительных работ, то это не ради его самого, или их сана, а потому, что духовенство оказалось самым честным, аккуратным, добросовестным и исполнительным из всех других заключенных — соловчан.

Как ни тяжело было соловецкой администрации из чекистов признаться, что те, кого они презрительно называли «дармоедами», «обманщиками» и «эксплуататорами» народа и пр., оказались самыми безупречными людьми, но делать было нечего, сама жизнь принудила администрацию к этому.

Дело в том: на Соловках на каждой командировке есть должность каптера (каптенармус), на обязанности которого лежит прием, хранение и выдача пищевых продуктов. Работа по сравнению с другими весьма легкая; кроме того, каптер всегда будет сыт, а изыскание пропитания к скудной казенной пище составляет главную заботу всех соловчан. Вот почему в начале администрация назначала каптерами своих чекистов или бывших сексотов ГПУ. Но что же оказалось на практике? В большинстве случаев через три-четыре месяца у нового каптера обнаруживалась растрата.

Пробовали назначать других; результат получался тот же. Тогда решили применить для этой работы духовенство. И все пошло по-хорошему: никогда нет никаких недочетов; продукты отпускаются всегда аккуратно; нет обвешивания, обсчетов, замены и пр. Все заключенные оставались довольными работой каптеров из духовенства. После первых опытов всех каптеров назначили из духовенства, притом, из старших; так: Епископ Глеб был каптером на Перт-озере, Епископ Василий на лесозаготовках и т.д.

Гонение на соловчан-религиозников
и запрещение посещений открытых молений

В общем обзоре Соловецкой каторги было уже указано, что при разгроме Соловецкой обители карательным конфискационно-ликвидаторским отрядом войск ГПУ часть престарелых монахов отказалась с мужественной стойкостью покинуть Св. Обитель, заявив опьяненным богатой добычей руководителям чекистам, что они, иноки, потрудились обители десятки лет, некоторые сверх полустолетия (Отец Григорий) и их последнее желание сложить свои бренные останки здесь же, на Соловках, и если их присутствие не желательно, то они умоляют расстрелять их на Кремлевском кладбище.

Из опасений огласки, а отсюда нежелательного шума, чекисты не проявили к ним насилия, а считая престарелых иноков безвредными, ГПУ разрешило им доживать свои последние дни там же, на Соловках, но с непременным условием, что они встанут на работу наравне с заключенными. Они радостно согласились.

***

Обращает на себя внимание крайне интересное явление, которое довольно симптоматично с точки зрения истинно верующих христиан в смысле Божественного предопределения.

Из многих тысяч, вернее десятков тысяч, заключенных, отбывающих принудительный работы, надлежит признать при беспристрастной оценке труда, что самыми точными, аккуратными и добросовестными проявляют себя престарелые иноки, которые выполняют всегда с аккуратностью все, что поручает каждому из них УСЛОН. В их работе явно отражается любовь и интерес к делу; как будто, они выполняют каждую работу для себя лично. И на самом деле, они определяют свой труд по-своему, по-монашески: иноки говорят, что они работают не на ГПУ, а по-прежнему состоят в «послушании» у Святой Обители. Они глубоко верят, что грядет время, когда Святая Обитель воскреснет и засияет ярким блеском лучезарной Христианской красоты.

***

Наиболее одухотворенный из них отец Григорий, престарелый монах, 81 года, проявляющий пророческое предвидение, пророчествуя в духовном экстазе, говорит: «Святая Обитель по предопределению Божественного Промысла послужила Голгофой страданий Русского народа. Земли Обители пропитаны слезами и орошены кровью невинных людей. На землях Обители погребено многое множество соловецких узников; многие из них приняли славную смерть мучеников за светлое имя Христа.

Наша глубокая вера в том, что Всемогущий Господь, допустивший, чтобы наша Обитель превратилась в арену духовной борьбы между последователями Божественного Христа и клевретами Антихристовой сатанинской власти, предопределил, что свет победит тьму... После низвержения в России слуг Вельзевула наша Святая Обитель послужит памятником духовной победы Христа над темными силами ада. Как ныне Соловецкий Маяк освещает путь мореплавателям, так в последующие века наша Святая Обитель, озаренная победным Божественным Светом Христа, будет путеводным маяком в истории Православной Христианской России...»

***

Оставленные на Соловках престарелые иноки обратились с просьбой к ГПУ оставить им для молений небольшую церковь на Кремлевском Кладбище.

ГПУ уважило их просьбу. Да не подумает кто-либо, что ГПУ, нуждаясь в зданиях, проявило такое великодушие. Абсолютно нет. Причина простая, — Кладбищенская церковь окружена со всех сторон лесом крестов и надгробных памятников, — почему утилизировать ее для какой-нибудь цели нельзя, вернее, все-таки, неудобно.

В этой церкви монахи отправляют церковные службы два раза в неделю: в субботу всенощную и в воскресенье обедню. В остальные дни недели престарелые монахи, при всем их желании, не могут собираться для молений, так как заняты работой добровольно-принудительной.

***

Всем заключенным запрещается посещать церковь во время совершаемых там богослужений.

В этом случае, как всюду и везде, ГПУ проявило обычное свое коварство: формального запрещения посещать церковь нет, это было бы нарушением Советской конституции, но объявлено в приказе, что на право посещения церк-

ви нужно испрашивать разрешения Адмчасти; нарушители этого порядка будут подвергаться содержанию в карцере от 14 дней (минимум) до одного месяца. Конечно, никому разрешения не давалось. Да и мало заключенных обращалось с такой наивной просьбой.

Во-первых, и прежде всего, такому смельчаку сделают отметку в аттестационном листе, что он «подвержен религиозному дурману», а это послужит препятствием к досрочному освобождению. Как это ни наивно, но все заключенные мечтают получить досрочное освобождение и всемерно стараются заслужить его своей работой и поведением.

Во-вторых, если обратившийся с просьбой посещать церковь занимает должность, хотя бы незначительную, то его, как социально чуждый элемент существующему режиму, снимут с должности и поставят на тяжелые «общие работы».

***

Лишь только в августе месяце 1925 года было разрешено посещать церковь ссыльному духовенству и церковникам. В то время я помещался вместе с ними в 6-ой роте. С какой великой детской радостью и восторгом они встретили это разрешение.

Чтобы понять непреодолимое духовное влечение несчастных узников, их горячие порывы для обращения к небесному Высшему Существу, Всемогущему, Всеблагому, Всепрощающему, Всеукрепляющему, Всеободряющему, для этого нужно знать путем личного общения психологию заключенных, или, более реально, самому побывать в духовно-моральном подавленном состоянии.

Одни из узников устремляют свои молящие взоры ко Всемогущему, Всепрощающему Творцу о прощении им содеянных ими преступлений, если они отбывают кару за злые деяния против ближних; другие взывают с мольбой к Всеукрепляющему Творцу о даровании силы, бодрости, здоровья для перенесения всех страданий; третьи посылают горячие молитвы ко Всемогущему, Всесохраняющему Творцу о сохранении оставленных ими дорогих близких родных... и многие другие индивидуальные моления возносятся к Престолу Вседержителя Вселенной.

Сейчас, в данный момент, с содроганием в душе я переношусь в недавно пережитое и вспоминаю моменты высоких духовных ощущений, которые испытывали соловецкие узники во время богослужений в кладбищенской церкви на Соловках.

Лишь только там, в местах страданий и мучений, можно наблюдать и самому ощущать, с какой искренностью, от глубины души возносятся моления к Господу Богу, с каким уверенным порывом страждущие обращаются к Отцу Небесному, непоколебимо веря, что их голос будет услышан... Какие душу потрясающие сцены происходили во время торжественных церковных богослужений!

Многие молящиеся узники плачут; иногда слышатся рыдания, или раздаются истеричные выкрики...

***

Я был сам очевидцем, когда во время пения «Хвалите имя Господне» раздался громкий истеричный женский вскрик: «Боже! за что? за что?». Это выкрикнула заключенная Наживина, жительница гор. Царицына. Ее мужа расстреляли; саму ее сослали на 10 лет на Соловки. У неё остались дома пять человек несовершеннолетних детей, без всякого присмотра кого-либо близких. В довершение всего здесь, на Соловках, чекисты из комсостава вызывали ее в числе прочих «для мытья полов» и, как говорили, заразили ее злокачественной венерической болезнью.

Спрашивается, — изощрится ли человеческий разум, чтобы придумать для нее еще какое-нибудь страдание?..

***

После таких моментов глубоких душевных излияний, после духовного общения с Господом Творцом у несчастных узников наступают минуты душевного умиления, смиренной покорности и физического облегчения...

***

В России Императорского времени, а ныне в культурных христианских странах, обращено серьезное внимание на религиозно-духовное воздействие на арестантов, признавая, на основании опыта, что духовно-религиозный метод есть наиболее верный в деле исправления преступников.

Ничто так не смягчает сердца, даже закоренелых преступников, как духовное общение с Небесным Отцом Вседержителем.

Лишь нужно уметь воспламенить искру искреннего порыва к такому духовному общению.

В порядке вещей, если большевики не только отвергают метод духовного исправления, но даже препятствуют заключенным на Соловках посещать церковные богослужения.

Как и все в их разнообразной практике фантастично, так и в деле исправления преступного элемента они применили громко именуемый ими «культурно-просветительный метод»; с этой целью они ввели в тюрьмах воспитателей. Результат их работы весьма плачевный. *Советские тюрьмы не исправляют преступников, а лишь озлобляют их.*

***

Некоторые тюрьмы, и в частности Соловки, представляют для преступного мира школу по подготовке квалифицированных преступников. Там уголовники путем обще-

ния между собой проходят теоретически в совершенстве какое-либо преступное ремесло и с нетерпением ждут освобождения, чтобы применить свои познания на практике.

Общеизвестно, что преступность в Советском Союзе прогрессирует усиленным темпом. Преступность не пойдет на убыль до той поры, пока не будет свергнута ненавистная всем Советская власть.

Пока Россией будут править международные уголовные преступники, преступность в стране все более и более будет усиливаться.

ВЕДЬ ЭТО ЖЕ АКСИОМА, ЧТО ПРЕСТУПНИКИ НЕ МОГУТ ИСПРАВИТЬ ПРЕСТУПНИКОВ.

***

Случаев воспрепятствования посещать заключенными церковные службы и запрещения выполнять религиозные обряды для верующих всех культов[7] было множество. Здесь ограничусь сообщением коротенького факта, бывшего со мной лично.

В августе 1926 года я служил в Соловецком лесничестве, почему имел постоянный пропуск. Этот пропуск давал право на хождение днем и ночью по всему острову. 14 августа по старому стилю, в канун праздника Успения Пресвятой Богородицы, я, закончив лесные работы и возвращаясь в Кремль, зашел в Церковь и отстоял всенощную. Во время богослужения в притворе, за стеклянной дверью, всегда стоит присланный Адмчасти (Соловецкое ГПУ) чекист. Конечно, как и подобает ему, стоит в шапке (в шлеме), хотя перед ним за стеклянной дверью совершается богослужение. В тот же день поздно вечером пришел за мной в 10-ю роту, присланный из Адмчасти. Быстро спешу, догадываясь в чем дело. Меня ожидает секретарь Адмчасти. Между нами произошел следующий разговор: «Вы, товарищ Зайцев, были сегодня в церкви?» — «Был». — «А кто Вам разрешил?» — «Мне, говорю, разрешения не надо; я имею постоянный пропуск». — «Это ничего не значит... Нужно иметь разрешение на посещение церкви, о чем вам должно быть известно». — «Я понимал это иначе, что нужно разрешение на выход за Кремль для посещения церкви, а у меня постоянный пропуск». — «Без разрешения в церковь ходить нельзя»... — «Послушайте, — говорю, — товарищ, согласно статьи 19 Советской конституции, всем предоставлено право совести. Как же это так? А по вашему нужно еще специальное разрешение молиться?». «Да... вы не забывайте, что здесь лагерь Особого Назначения ГПУ... Имейте в виду, что за посещение церкви без разрешения налагается арест от двух недель и больше. Об вас будет доложено товарищу Васькову» (Это был гроза на Соловках;

[7] У евреев существует обычай: после смерти члена семьи родственники и знакомые собираются вместе в первые дни после похорон и творят совместную молитву. Выполнить этот обряд, как на Соловках, так и в Бутырской тюрьме, не разрешалось под разными предлогами, но отнюдь не антирелигиозными.

заслуженный чекист в прошлом, еврей, на Соловках был начальником Адмчасти — Соловецкого ГПУ, или ГПУ в квадрате). Возможно, что вас, товарищ Зайцев, посадят под арест». — «Пожалуйста...» — говорю. Этим аудиенция и закончилась. В роте, когда мои сожители по камере узнали о причине вызова меня в Адмчасть, высказывали предположение, что Васьков непременно засадит меня в карцер. Многие выражали свое по этому поводу удовольствие, что было бы хорошо и желательно, если меня посадят в карцер за посещение церкви.

***

Дело в том, что на Соловках я был известен многим. Многих интересовала моя судьба, — как я превратился из Генерала «Белого» Генерального Штаба, в «краскома» (красного командира) «Красного» Генерального Штаба[8]. Многие знали о моей истории добровольного возвращения в Советский Союз и о том, какую комедию разыграли со мной и Наркоминдел, и РККА, и, наконец, ГПУ, запрятавшее меня на Соловки. Многие считали меня добровольным страдальцем, приехавшим добровольно отбывать каторжные работы.

Конечно, арест меня за посещение церкви вызвал бы много разговоров, весьма неблагоприятных по адресу Соловецкой администрации.

***

На следующий день, в день Успения Пресвятой Богородицы, я поступил вызывающе демонстративно: обойдя участок лесных работ, отправился в церковь к обедне. И что же? Аресту меня не подвергли. Через два дня отобрали у меня постоянный пропуск под тем, якобы, предлогом, что нужно положить визу на новый сентябрь месяц; но пропуска так и не вернули мне. В последующие дни я получал отдельные «сведения» на право выхода из Кремля лишь только на время рабочих часов. Но этим дело не кончилось для меня. Через пять дней сам Начальник Управления Эйхманс, будучи зело пьяным, проезжая ночью по лесу, спровоцировал там пожар. Причину пожара, приписали моей небрежности при лесоочистительных работах. Начальник УСЛОНа издал пространный изобличающий меня приказ и наложил на меня наказание на три месяца в штраф-изолятор на горе Секирной.

Без преувеличения могу сказать, что все соловчане ахнули, когда услышали приказ о заточении меня на Секирную. Причины применения ко мне такой суровой репрессии были другие, а мое демонстративное посещение церкви лишь ускорило новые гонения на меня.

---

[8] По прибытии из-за границы в Москву я был определен в Красную армию и зачислен в резерв по высшему командному составу, но после двух месяцев был уволен по должности Начальника Штаба Стрелкового корпуса, а через несколько дней был арестован ГПУ. Моя блестящая карьера продолжалась в Красной армии лишь два месяца...

Цинично-кощунственные надругательства над святыми местами и священными изображениями

Уже раньше было сказано, что все многочисленные храмы, часовни, монашеские скиты, кельи отцов Соловецкой Святой Обители, — все это переоборудовано в тюремные помещения и битком набито многочисленными соловецкими каторжанами. Мой священный долг, как верующего христианина, омрачить сердца верных христиан, поведав им, что при распланировке прежних храмов под тюрьмы чекисты, руководители работ, применили намеренно, с целью глумления над чувством верующих, следующий цинично-кощунственный прием: на тех местах в прежних храмах, которые почитаются христианами особо священными, — алтарь, а в нем престол и жертвенник; они устроили наиболее нечистоплотные места при казарменном расположении, как то: отхожие места, мусорные ящики, помойные кадки и пр. Для убеждения в этом укажу на один факт из числа многих. В прежнем двухэтажном храме на горе Секирной помещается ныне шраф-изолятор, — это чудовищное страшилище для всех соловчан. Там в верхнем храме помещается верхний изолятор. И вот здесь на месте бывшего Св. Жертвенника помещается «параша» для большой нужды... Содрогнитесь верующие!.. Дальше, кажется, в цинично-кощунственном глумлении идти уже некуда.

***

Само собой, во всех тюремных помещениях, приспособленных из прежних храмов, ставятся, как это установлено тюремным режимом, параши для естественных надобностей арестантов. Все эти кощунственные глумления, неслыханные с точки зрения истинно верующих, усугубляются еще тем, что все эти священные места Святой Обители были особо почитаемы Русским Православным Народом в течение четырех с половиной веков.

***

В то время на Соловках оставались свободными, еще ничем незанятыми, маленькие часовни, воздвигнутые монахами на особо чтимых ими исторических святых местах. На большом острове ближайшие к Кремлю были: Св. Зосимы, Св. Германа, Св. Троицы, Филимоновская, Печерская и другие.

В этих часовнях обращало на себя особенное внимание работой и размерами распятие Иисуса Христа, фигурное, скульптурнорезной работы, сделанное из дерева. Восточные стены часовен расписаны священными изображениями и ликами Святых, большинство в рост, размерами больше нормальных.

Чекисты из Соловецкой администрации и надзора, гуляя часто по Соловецким лесам, заходили в часовни и здесь упражнялись в стрельбе из наганов, стреляя в Распятого Иисуса Христа и в Св. Иконы.

Чекисты находили, что это самые удобные мишени для практической стрельбы. «Видишь, как они говорили, — в какую часть тела пуля попадает».

Фигура распятого Иисуса Христа покрыта пробоинами дробинок и пуль нагана, также испещрены пробоинами и Св. Иконы.

На некоторых иконах с женскими ликами нарисованы дополнения мерзко порнографического характера или сделаны такие же надписи...

Вообразите, читатель, моральный ужас истинно верующих христиан при виде всех этих мерзостей и их душевную тяжелую скорбь при сознании, что они бессильны остановить эту сатанинскую вакханалию. Все их заявления и протесты будут безрезультатны, лишь только этим они навлекут на себя новые гонения, глумления и еще худшие издевательства непосредственно в лицо.

Будут напрасные страдания без достижения каких-либо результатов...

Буквально стынет кровь при виде всех этих мерзко кощунственных издевательств и надругательств... не только ненаказуемых, но еще поощряемых со стороны власть предержащих.

***

Что такая сатанинская вакханалия поощрялась, ярким убеждением в этом может служить тот факт, что в 1926 г. при УСЛОН (главное управление лагерями) издавалась газета «Безбожник».

Так как УСЛОН есть главный филиал ГПУ, то следовательно, газета, издавалась на счет ГПУ или, подходя к источнику всех зол и бед в России, на счет Советского Правительства. Тут уж никак вывернуться нельзя, чтобы свалить вину на другого, как это имеет применение на материке, где издание богохульственных газет и журналов Московские диктаторы приписывают мнимому подставному обществу «Безбожник».

Сатанинские издевательства при вскрытии мощей св. Зосимы и других преподобных Соловецких отцев

Во время первых налетов летучих отрядов Особого Назначения ОГПУ с целью конфискации монастырских ценностей и реквизиции богатого монастырского имущества и разных запасов были извлечены из мест упокоения, — склепов, надгробных сеней и рак, гробницы со Святыми Мощами.

Чекисты, руководившие ограблением искали, будто бы, спрятанные драгоценности в многочисленных склепах, в стенах храмов и часовен.

Все могильные склепы были разломаны; раки с гробниц были сняты; гробницы с останками Святых Отцов были вырыты. Везде был произведен тщательный обыск; в поисках кладов были сделаны проломы в стенах часовен и храмов.

Само собой, чекисты обманулись в своих корыстных вожделениях открыть сказочные сокровища Соловецкой Обители; ничего найдено не было. Лишь немногие чекисты сняли с останков погребенных иеромонахов наперсные кресты, положенные с ними во гробы.

***

Вся эта сатанинская вакханалия была учинена в присутствии монахов. Бедные иноки омертвели от ужаса; многие плакали, некоторые рыдали и возносили свои молитвы к Господу Богу Творцу, прося, чтобы Он при виде небывалых богохульственных беззаконий отвратил свой гнев от Обители и простил творящим эти злодеяния, ибо при наступившем на Руси сатанинском времени эти люди, потерявшие образ и подобие человеческие, превратились в одержимых бесами зверей.

Гробницы с мощами Св. Зосимы и некоторых других Преподобных Отцов были поставлены в Кремлевском Преображенском Соборе, с тем, чтобы при благоприятной обстановке устроить публичное показательное вскрытие Святых Мощей, как это было проделано во многих местах России.

Соловецкая администрация понимала благоприятное время в том смысле, когда будет прислано в заточение возможно большее число Православного духовенства, чтобы в присутствии его инсценировать эту комедию глумлений и издевательств над чувством верующих.

Навигационный сезон 1925 г. был особенно обилен по присылке на Соловки в заточение Православного духовенства.

Как указано выше, — в то время было 18 архипастырей (архиепископов и епископов) и около 150 человек прочего разных наименований духовенства.

В августе месяце 1925 г., когда все духовенство было переотправлено на Соловки, приказом Начальника УСЛОН (управление лагерями) Ногтева, была образована комиссия о публичном вскрытии Святых Мощей. Само собой, в приказе была приведена большевистская кощунственная мотивировка.

В состав комиссии были назначены: Ювеналий, Архиепископ Курский и Тульский, Мануил, Епископ Гдовский и еще один епископ, три члена из ссыльных чекистов. Председателем этой комиссии был назначен известный на Соловках и памятный чекист Коган, прославившийся своими зверствами в Крыму после ухода Добровольческой армии бар. Врангеля.

***

Чтобы не оскорбить религиозных чувств читателей, я описывать не буду этот гнусно-омерзительный коммунистический фарс; тем паче приводить те глумления и издевательства, которые сыпались из уст чекистов во время этой процедуры.

Лишь прошу религиозных людей вообразить себе, какой моральный ужас и потрясающий душевный гнет испытывали архипастыри, члены комиссии, присутствовавшие при этой чекистской богохульственной оргии...

***

Ограничусь лишь приведением одного момента из этой омерзительной комедии. Когда вскрывали мощи Св. Зосимы, то отделили голову от туловища. Останки Св. Зосимы были сложены на полу около гробницы его. Будто бы, председатель, чекист Коган, обращаясь к архипастырям, спрашивает: «Это ваш главный святой?.. Вот ему...» Как мяч с силой ударяет носком череп, который, отлетев до стены, ударился об стену.

Эта богохульственная вакханалия происходила в Кремлевском Преображенском Соборе.

Так вот какие морально-духовные пытки переносят на Соловках заточенные там духовные лица; в особенности издевательская тактика направлена по адресу Православного духовенства.

Глава II

Кошмар в положении женщин каэрок на Соловках

(1. Моральные пытки интеллигентных соловчанок при совместном размещении с проститутками. 2. Принуждение каэрок-соловчанок к половому общению разными начальствующими типами)

Моральные пытки интеллигентных соловчанок при совместном размещении с проститутками

Как при размещении арестантов мужчин не бывает деления на политических и уголовных, или интеллигенцию и «шпану» (мелкие воришки, хулиганы, — словом, подонки больших городов), так и в размещении заключенных женщин не делают различия между скромными, нравственными интеллигентками и проститутками низшего разряда.

Весь контингент узниц-соловчанок разделяется на две большие группы: первая — каэрки, в большинстве своем принадлежащие к привилегированным

классам (много родовитых аристократок, дворянок, жен офицеров, купеческого и духовного сословий) и вторая группа, — это женщины легкого поведения, начиная от Московских деми-монденок и кончая проститутками низшего пошиба, или, как их называют уголовники из их же мира, «подвагонные проститутки».

***

Дело в том, что, как сказано выше, ГПУ, помимо ударников Красного террора на политически неблагонадежный элемент населения, устраивает такие же ударники против уличных проституток, на контрабандистов, спекулянтов, валютчиков, кулаков, церковников и др.

В больших городах, главным образом в Москве, ГПУ время от времени производит в «ударном порядке» облавы на женщин свободной профессии.

Всех их массами загоняют в места заключений, подведомственные ГПУ, затем без следствия и суда и без всякой задержки экспедируют их на Соловки, даже не назначая срока и причислив их к категории «особого учета». Обычно на Соловках проститутки составляют около половины всех заключенных женщин. Есть среди соловчанок и уголовницы, но число их небольшое в сравнении с общей массой.

***

Среди размещенных в одной камере заключенных соловчанок часто бывает резкий контраст в их социальном положении, — так, например, можно встретить камеры, где помещены: и княгиня, и графиня, и игуменья, вообще, солидные интеллигентные дамы, и тут же вместе «подвагонные проститутки».

В мое время на Соловках было в ссылке несколько супружеских пар, большей частью офицеров Императорской Армии с их женами.

Часто приходилось видеть омраченные лица мужей после свидания с женами. Такие свидания ГПУ разрешало раз в месяц на один час при дежурной комнате. На расспросы мужей, что их так опечалило; они передавали, что их жены страшно удручены и сильно измучены тем, что живут в компании низкопробных проституток, которые не дают им покоя ни днем, ни ночью. В камере в свободное от работ время постоянный шум, крик, ругань, пение, пляска... При ругани применяется отборная площадная брань... Часто рассказывают мерзко-скабрезные истории из своих уличных похождений, или распевают порнографические куплеты и т.д... На замечание вести себя потише и поскромнее, набрасываются с отборными ругательствами на недовольную сожительницу. Иногда несколько веселых и ярых девиц принимаются избивать протестующую ненавистную «аристократку», или «буржуйку», возмутившуюся их бесчинствами и безобразиями.

Жалобы на такие насилия бесполезны, так как избивательницы есть пролетарки, краса и гордость пролетариата, воспетая в свое время босяцким литератором, Максимом Горьким. Несомненно, сердце его должно трепетать от радости, так как его типы размножаются сейчас быстро и обильно на всем пространстве Советского Союза.

Не подлежит сомнению, что все эти гулящие девицы заражены венерическими болезнями, часто злокачественного характера, весьма заразительными и незалеченными.

Тем не менее, по необходимости несчастным интеллигентным арестанткам приходится есть вместе с ними из общей посуды, например, из общих бачков. Словом, всех невзгод, что претерпевают от совместного житья скромные узницы-каэрки, не перечтешь.

***

Даже ночи не проходит без моральной неприятности для скромных и нравственно чистых каэрок-соловчанок, помещающихся в «женбараке» около Кремля.

Там уже после укладки спать выявляются сладострастные нимфоманки из среды веселых дам (а их в «женбараке» больше половины), которые попарно начинают выполнять приемы однополовой любовной связи.

Представляю воображению каждого, каково состояние духа у интеллигентных арестанток, особенно пожилых и солидных, когда они видят вблизи себя открытое выполнение приемов эротической нимфомании.

Что изложенное не есть вымысел, а факт, довольно часто повторяющийся, укажу на документальные данные. Часто во время вечерней поверки читали нам приказы по УСЛОН.

В числе прочих параграфов, почти исключительно карательных, бывали параграфы такого содержания: «Заключенные гражданки Таисия П. и Пелагея Т. арестуются на 14 суток каждая за однополовую любовную связь».

Это уже такие постоянные сладострастные нимфоманки, что своим поведением извели всю камеру, которая и довела до сведения администрации.

***

Помимо всего, иногда, ночью происходили такие эксцессы. Одно время я служил вахтенным на Соловецком маяке на горе Секирной. В административном делении лагеря это будет 4-ое отделение.

Начальником отделения был чекист Кучьма, который часто возвращался поздно ночью из Кремля зело пьяным; отправлялся в Савватьево, где живут

женщины арестантки; там будил лагерного старосту, Основу, брал дежурного по лагерю и отправлялся проверять «женбарак».

Конечно, эта компания, во главе с пьяным начальником, шла полюбоваться на спящих женщин, главным образом каэрок. Будили их, садились к ним на кровати и начинали вести беседу. Просыпались все девицы легкого поведения, собирались полуголые вокруг начальства и начинались мерзко-скабрезные разговоры...

***

Во всем и везде большевики стараются изо всех сил держать фасон культурных людей, применяют много усилий, чтобы установить порядки и правила, применяемые в культурных странах. Но в практической жизни мало что выполняется по-культурному.

Их же товарищи, члены той же диктаторствующей партии, первые нарушают правопорядки, установленные их же партией.

Так и на Соловках строго запрещено любовное общение между заключенными мужчинами и женщинами.

На практике же за это преследуют лишь простых рядовых арестантов, которые в громадном большинстве не имеют возможности иметь свидания, да, кроме того, все настроены абсолютно нелюбовно.

Тогда как ссыльные чекисты и сотрудники ГПУ, занимающие командные и начальнические должности, удовлетворяют свое сладострастие даже чересчур.

Все это делается открыто, всем известно, лишь одно начальство показывает вид, что не замечает этого, ибо само начальство больше всего преступно в этом. Сейчас и поговорю коротенько об этом.

Принуждение каэрок-соловчанок к половому общению разными начальствующими типами

В предыдущих главах была нарисована мрачная картина в положении во всех отношениях простых рядовых заключенных соловчан, не принадлежащих к привилегированной касте диктаторствующего ныне в России ГПУ.

Совсем в иных условиях отбывают наказание чекисты и агенты ГПУ.

Как уже сказано, — они в большинстве занимают начальнические должности; имеют отдельные комнаты; берут себе в услужение одного или двух заключенных, которые состоят при них в качестве денщиков. Для их развлечения имеются театры, кино; устраиваются концерты, спортивные состязания, каток и прочее; они имеют возможность покупать продукты, а средства добывают путем вымогательства у состоятельных заключенных; они, пользуясь своим начальническим

положением, привлекают для своей телесной услады женщин-арестанток. Вот причина, ставящая в тяжелое положение, в смысле сохранения нравственной чистоты, всех молодых и особенно интересных каэрок интеллигенток.

***

Если какой-нибудь начальствующий тип или сотрудник, ведающий нарядами женщин на работы (завотделом труда, такой был бабник Редигер), или надзирающий за «женбараком» (начальник отделения или командировки, Лагерный Староста, сотрудник адмчасти и другие, — начальства на Соловках множество), облюбует какую-нибудь каэрку и поведет приступ с целью добиться любовного сближения, то несчастная нравственная каэрка попадает в весьма тяжелое положение.

Делается это упрощенным способом: тип-сладострастник приказывает нарядчице «женбарака» прислать к нему заключенную Н. для какой-нибудь домашней работы: для мытья полов, для починки, или в качестве поварихи. Здесь у себя на квартире тип требует от несчастной покорности своим желаниям; конечно, не обходится без насилий.

Если «поломойка» окажется строптивой, проявит непреклонность желаниям «чекиста-сладострастника», не прельстится на его обещания улучшить ее положение и, возможно, даст должный отпор при попытке его насильственно осуществить свои желания, такую нравственную и честную арестантку ожидают тяжелые невзгоды.

Прежде всего будут посылать ее на тяжелые работы: «на кирпичики» (ласкательное название соловчанок тяжелых работ на кирпичном заводе), на «торфики», на выноску дров из леса и прочие тяжелые и грязные работы.

Если «мытница полов» или «мнимая повариха» особа уступчивая, нравственно не крепкая, беспрекословно встретит объятия начальника, чекиста, то жизненные условия ее, как арестантки, меняются в лучшую сторону: ее не будут посылать на общие работы. Если она удовлетворила вкусу чекиста, то зачисляют ее постоянной поварихой, и будет себе гулять свободно, лишь являясь в назначенное время на место свиданий.

***

Приведенное домогательство женской ласки и отражение результатов его на жизнь заключенной каэрки относится к чекистам средней марки. Ну, к сотрудникам из отдела труда, адмчасти, староста и пр.

Совсем особые последствия ожидают несчастных заключенных каэрок, если кто-нибудь из высокопоставленных особ Соловецкой администрации наметит какую-нибудь из них объектом сладострастия.

Такими соловецкими донжуанами в мое время были: сам начальник управления Эйхманс, начальники отделений и надзора, начальники ЭКЧ — Барков и Филимонов, и другие.

В случае, если удостоенная избрания каэрка отвергнет любовное предложение, то на нее посыплются суровые репрессии. Помимо того, что снимут ее на общие работы, еще сошлют на тяжелые работы в дальние командировки: на лесозаготовки и на острова — Анзер и Кондостров. В мое время отбывала наказание на Соловках очень интересная и миловидная барышня Путилова, сосланная вместе с матерью. На нее было много претендентов.

Сколько ей несчастной пришлось перестрадать и перенести...

Однажды я видел ее работающей в поле. Ее заставили разгребать по разрыхленному полю вылитые из ассенизаторских бочек нечистоты из уборных. Хватит ли у нее мужества и крепости сохранить свою чистоту до конца. Если да, то это мужественная героиня! Все эти мировые рекордманки, имеющие все необходимое для осуществления своих затей, должны померкнуть перед такой женщиной, — с одной стороны, смиренной страдалицы, ангельской чистоты, а с другой, гордой, недоступной, мужественной героиней...

***

Если же избранная каэрка примет любовное предложение высокопоставленной Соловецкой особы, например, самого Эйхманса, то этим заслужит большие льготы для себя: кроме освобождения от тяжелых принудительных работ, она может рассчитывать на сокращение срока заключения. Самые свидания обычно устраивались в Кремлевской бане.

***

После отбытия мною жестокого наказания в штраф-изоляторе на горе Секирной я был оставлен там же в IV отделении вахтенным на Соловецком маяке.

Помещался я в одной камере с неким Олейниковым Леонидом Александровичем, в прошлом уголовник, поездушник (воровство в поездах); на Соловках был всегда заведующим баней и состоял тайным посредником высокопоставленных соловецких особ по любовным их похождениям.

Так, Олейникову приходилось устраивать банные оргии для самого начальника управления Эйхманса,

Олейников рассказывал следующее: «Бывало Эйхманс присылает своего тайного курьера с приказанием приготовить к известному часу баню и одну или двух подходящих женщин».

«Я, как он говорил, бегу в "женбарак" посоветоваться со старостихой, кого бы избрать счастливицами».

К назначенному часу избранные отправлялись в Кремль с пропуском для мытья полов в бане. Здесь Олейников откровенно объяснял им задачу, выпадающую на них. Это открытие производило разное впечатление на разных избранниц.

Приходилось угрожать некоторым насилиями... Баня, конечно, крепко запиралась; снаружи ставилась надежная охрана. Дальше идут неинтересные подробности...

***

Тот же Олейников передавал (правда, этого под сомнением), что, будто, Эйхманс установил особую градацию сокращения срока за интимную связь с ним.

Так, будто, за однократное любовное общение — от трех до пяти месяцев. Олейников припоминал даже случаи год сокращения срока. Это уже марка довольно высокая! Это несравнимо выше курс, чем курс на любовных биржах буржуазных государств. Подумайте только, — сокращение года каторжных работ за однократное любовное общение!

***

Возможно, что сообщенное мной вызовет у некоторых недоверие. Для подтверждения передаваемого мною о сокращении срока наказания приведу факты. Пусть само ГПУ опровергнет их.

Был на Соловках чекист Кучьма, служивший вначале в надзоре, а затем назначенный начальником III и IV отделений. Кучьма, как влиятельный сотрудник надзора, сблизился упрощенным соловецким способом с одной заключенной, бывшей женой донского казачьего офицера. Эта арестантка была сослана на Соловки за контрреволюцию, кажется, на 10 лет.

Видимо, сблизившиеся пришлись по вкусу один другому (это коммунистическая идеология любви), почему Кучьма зарегистрировал, согласно Советского кодекса о браках, понравившуюся арестантку, как свою жену. Начальство УСЛОНА возбудило ходатайство об освобождении заключенной, ставшей женой заслуженного чекиста.

ГПУ без замедления аннулировало наложенное наказание.

Таким образом, арестантка, осужденная на десять лет, путем простой регистрации, что она состоит женой чекиста, получает свободу.

Капитан парохода «Глеб Бокий» взял на пароход в качестве поварихи одну заключенную. Само собой, разумеется, с целью сожительства с ней. Не берусь утверждать, — зарегистрировал ли капитан взятую соловчанку, как жену. Лишь только знаю, что ГПУ дало ей полную свободу. Случаев получения соловчанками свободы таким путем, т.е. через любовную связь, было несколько.

Вот какие перспективы для заключенных соловчанок, особенно десятилетниц, получить свободу. Но для этого надо обладать известными качествами, чтобы обратить внимание на себя высокопоставленных особ Соловецкой администрации. Все остальные заурядные соловчанки не имеют шансов воспользоваться «амнистией любовной связи» и обречены отбывать полный срок каторжных работ, для многих пятилетний и десятилетний...

Амнистия через любовную связь — это пролетарское новшество, применяемое ГПУ.

Несомненно — это небывалые прецеденты в юриспруденции правовых государств всех стран, времен и народов, чтобы через половую связь с тюремной администрацией арестантки получали сокращение срока заключения и даже полную амнистию.

***

Эти показательные случаи из ряда множества других свидетельствуют: во-первых, с какой легкостью, даже можно сказать с пренебрежением, ГПУ относится к юридическим нормам. Я трактую здесь о вопиющем абсолютном деспотизме ГПУ; что ГПУ все подвластно, оно же никому, что ему все дозволено и допустимо в его практике Красного террора.

Во вторых, легкость, с какой арестантки могут получать сокращения срока через половую связь с чекистами, или даже полную амнистию путем коммунистического брака с ними, наглядно иллюстрирует, что само ГПУ признает, что заточенные им на Соловки жертвы безвинны и абсолютно не являются «социально опасными», как оно пугает этим подвластное и обезличенное стадо советских баранов.

***

Как особенность условий быта солдат пролетарского государства не мешает отметить то, что красноармейцы, составляющие гарнизон на Соловках, живут барами, — все казарменные работы выполняются или женщинами арестантками, или арестантами мужчинами, как то: уборка казарм, стирка белья, починка обмундирования, варка пищи и прочее.

Командный состав красноармейцев пользуется личным трудом арестантов для своего обслуживания.

В качестве прислуги берут интеллигентных арестанток или аристократок. Семейные, имеющие детей, берут арестанток из числа высшей аристократии к себе в качестве бонн и гувернанток к своим детям.

Так, например, баронесса Фридерикс была гувернанткой, а также некоторые другие аристократки. Курьезно, что высшие аристократки должны воспитывать коммунят.

Глава III
Лесозаготовки есть суровая бесчеловечная беспощадная эксплуатация соловчан-каторжан

(Массовый экспорт лесных материалов есть главный источник средств для содержания лагеря. Жуткие условия жизни и работы лесорубов. Избиения, пытки и издевательства над обессиленными и измученными лесорубами)

Массовый экспорт лесных материалов есть главный источник средств для содержания лагеря

Содержание Соловецкого лагеря основано на хозрасчете, то есть, на самообслуживании, самопропитании, — словом, на самоокупаемости по всем частям и во всех отношениях. В мое время Советская казна отпускала небольшие средства на содержание лагеря, — из расчета по 45 коп. в день на арестанта.

Мне известно, что Центральное ГПУ поставило задачу УСЛОН использовать самым интенсивным образом рабочую силу соловчан-каторжан, чтобы лагерь не только сошел с Государственного бюджета, но чтобы давал доход Советской казне. С этой целью УСЛОН начал расширять все прежние предприятия и открывать новые. Но все эти бутафорские предприятия абсолютно бездоходны.

***

Принудительный (каторжный) труд не применим на фабриках и заводах. Помимо злостного вредительства и умышленной порчи машин с целью создать себе отдых от работ, качество продукции всегда будет гораздо ниже, чем качество продукции, вырабатываемой на фабриках и заводах, где применяется свободный вольный труд.

Принудительный (каторжный) труд применим с пользой лишь при добыче естественных природных богатств, как, например, на рудниках, в шахтах, на каменноугольных и соляных копях и на рубке леса; — словом, там, где качество добываемой арестантами продукции создано самой природой.

Соловецкие острова наделены единственным природным богатством — это лесом. Большой Соловецкий остров представляет сплошную лесную площадь, испещренную множеством озер. Главные лесные породы: ель, сосна, береза и осина.

Лесной промысел составляет одну из главных основных статей доходного бюджета Соловецкого лагеря — почему истребление леса происходит самым

хищнически варварским образом, и недалеко то время, когда вся Соловецкая лесная дача будет уничтожена.

Бедные монахи, оставшиеся на Соловках, стонут, глядя на лесоистребительное варварство.

Как при расходовании народных и государственных средств, так и при истреблении природных богатств страны, большевики придерживаются известной поговорки: «а после нас хоть потоп...»

***

Экспорт за границу лесных материалов производит не само ГПУ и не его филиал УСЛОН. Соловецкий лагерь является лишь заготовщиком и поставщиком лесных материалов для Государственных лесных трестов, непосредственно экспортирующих лес за границу. Такими трестами на севере России являются: Северолес, Норвеголес, Карелолес (Карельская республика) и Комилес (Зырянский край).

В бытность мою на Соловках я разузнавал, куда отправляется лес, заготовляемый соловчанами каторжанами; тот лес, который полит слезами и покрыт иногда кровью от избиваемых лесорубов.

Оказывается, — все бревна и доски вывозились в ту пору исключительно за границу и в следующие страны[9]: Англию, Германию, Польшу, Францию, Данию и Голландию.

Я описывать не буду места производства лесозаготовительных работ, организацию их и порядок выполнения, эта техническая сторона мало кого интересует, а опишу обстановку, в какой лесорубы живут и работают.

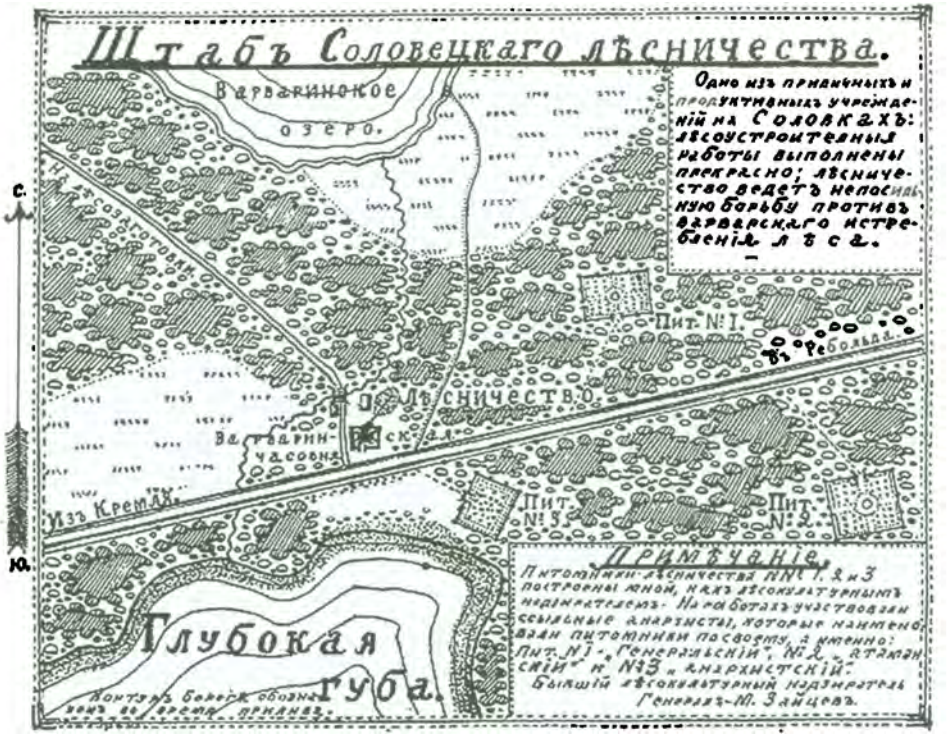
Жуткие условия жизни и работы лесорубов

Можно предположить, что жутко-грустный заголовок настоящей главы вызовет у некоторых предубеждение, что изложение будет утрировано, преследуя предвзятые цели. Могут сказать, что, ведь, лесные работы, не Бог весть какие тяжелые, что много людей выполняют эту работу без ущерба для своего здоровья; некоторые всю жизнь работают на рубке леса... Совершенно верно, — это неоспоримая истина. Действительно, рубка леса уже не такая тяжелая работа; работа, полезная для здоровья, физически укрепляющая. Но это тогда, когда она выполняется при нормальных условиях, в спокойной, мирной обстановке. Совсем не то творится на Соловецкой каторге.

В общем обзоре Соловецкого лагеря (Часть I) были приведены безотрадно тяжелые условия содержания соловецких узников. Условия эти: жилищные, питания, обмундирования и жестоко сурового отношения к заключенным лагерной администрации.

Условия содержания заключенных на лесозаготовках в качестве лесорубов при интенсивном тяжелом физическом труде нисколько не лучше, чем в других местах

[9] Порядок наименования стран — по количеству экспортируемого в них леса.

лагеря. Так, например, жилищные условия хуже, чем в Кремле: бараки на лесозаготовительных командировках без печей, часто без окон. Это во время суровой приполярной зимы! Правда, питание лесорубов гораздо лучше, — они получают усиленный паек — 3 фунта черного хлеба и в увеличенном размере приварочные продукты. *Что касается отношения администрации к лесорубам, то оно гораздо суровее, жестче, бесчеловечнее, беспощаднее, о чем поведаю ниже.*

***

В мое время рубка леса производилась в пяти районах, так называемых командировках, большого Соловецкого Острова (Исаково, Красное, Сосновая, Щучье и Овсянка). На всех этих командировках было всюду и везде битком набито лесорубов, которые ютились в кошмарных антисанитарных и антигигиенических условиях.

Рубка леса производится главным образом в зимний период, в течение долгой приполярной зимы.

Летом происходит сплав лесных материалов сначала по канало-озерной системе к берегу моря, а там погрузка на пароходы для экспорта за границу.

Лесорубные работы производятся по урочной системе. На каждую пару лесорубов выдают одну пилу и два топора, и пара получает суточный урок.

Вот в выполнении этого урока и кроется весь трагизм лесорубов.

Кошмарный финал каждого рабочего дня на лесозаготовках происходит от следующих причин.

Официально рабочий день на лесозаготовках считается в 10 часов.

Суточный урок той или другой работы (заготовка бревен, дров и хвороста) рассчитан при выполнении его в нормальных условиях работы, то есть: прежде всего работающие парой лесорубы здоровы, крепки и сильны; хорошо одеты, сытно накормлены, с хорошими с хорошей отточкой инструментами. Далее, если суточный урок установлен опытным путем, то обычно проба производится при благоприятной погоде на лучшей лесосеке, например, сплошной строевой лес; на лесосеке, незанесенной сугробами снега и прочее.

Размер урока изменяется в зависимости от качества лесосеки, то есть, обилия на ней заготовляемого материала.

***

Все заключенные соловчане, прибывающие на лесозаготовки в качестве лесорубов, уже ранее истощены и ослаблены, или в течение продолжительного пребывания в тюрьмах на материке, или уже здесь, на Соловках.

Кроме того, как было выше сказано, что часто командируют на лесозаготовки арестантов, заведомо больных и слабых, иногда причисленных ко 2 категории. Это практикуется в отношении каэров и делается в виде наказания; умышленно посылают людей на истязания. Как и был командирован я сам лично за нежелание написать мемуары для Соловецкого журнала.

Само собой, дико требовать от таких ослабленных людей выполнения урока, установленного для людей крепких и здоровых.

Состояние погоды имеет громадное влияние на выполнение урока. В течение долгой приполярной зимы часто бывают снежные метели, холодные ветры, трескучие морозы... В такую погоду одно стремление лесорубов, как-нибудь охранить себя от холода, чтобы не замерзнуть насмерть, так как их жалкая ветхая одежонка мало защищает от холода. И действительно, многие замерзают, многие отмораживают руки и ноги.

Теперь расскажу о жуткой действительности самого хода работ.

Избиения, пытки и издевательства над обессиленными и измученными лесорубами

Действие происходит в Исакове на главной лесозаготовительной командировке, — это Штаб лесозаготовок.

Сюда я был сослан в наказание.

***

Зима. Февраль месяц. Мрачная приполярная ночь. С вечера началась снежная метель... Дул северо-восточный холодный, резкий, пронизывающий ветер... После полуночи метель стала крепнуть и, разбушевавшись, перешла в снежную бурю... По временам снежная буря проносилась по Соловецким лесам отдельными порывистыми снежными шквалами.

Несущийся шквал, пролетая с ревом по верхушкам деревьев, отражался в глубине леса многими разнообразными звуками и тонами... Очередной снежный шквал, пронесясь без задержки открытое пространство перед Исаковым, налетал с воем и свистом на Исаковский барак и уносился по верху лесного пространства. Здесь, в Исаковском бараке, спали глубоким сном лесорубы, истомленные тяжелыми работами предыдущего дня... Они спали в полном своем ветхом одеянии, тесно прижавшись друг к другу, так как барак неотапливаемый, и было холодно, несмотря на множество обитателей, согревающих его своей теплотой. Дневальный, убаюканный бурей, дремал у дверей... Буря свирепствовала... В эту суровую ночь очередная ночная смена была в лесу... В клокочущем, ревущем лесу... потрясаемом проносящимися снежными метелями. Что же они делали в лесу? Как себя чувствовали?

Не будем омрачать себя мнимыми предположениями о их состоянии в лесу, а обратимся лучше к тем лесорубам, которым предстоит скоро начать трудовой каторжный день, предстоит страдать и мучиться... Будем сопутствовать им...

***

Исаковская командировка крепко спит под шум и свист ночной бури...

В 4 часа утра раздаются свирепые крики команды дежурного и дневальных: «Вставай! Поднимайся, живо!» Лесорубы нехотя, кряхтя, приподнимаются на своих местах, отрываясь от согревающей группы.

Все они всклокочены, грязные... Многие не запомнят, когда умывались. Некоторые стонут при вставании, — это результат вчерашнего избиения на работах в лесу... Живые, подвижные из них быстро бегут на кухню, чтобы получить кипятку, так как котел небольшой и для всех кипятку недостаточно.

Все спешат подкрепиться пищей перед началом работ. А чем же? Просто едят черный хлеб, запивая кипятком, кто успел достать, а прозевавшие запивают обыкновенной холодной водой[10].

[10] Горячую пищу выдавали два раза в день: обед приносили на место работ, а ужин по окончании.

***

В 4 1/2 часа утра раздается новая команда: «Строиться на развод!»

Здесь нарядчики распределяют лесорубов на группы и передают их десятникам. В помощь десятникам назначаются обычно один или два чекиста из «надзора» для физического принуждения работающих.

В надзор на лесозаготовки избираются чекисты самые суровые и бесчеловечные. Для наблюдения за всеми конвоирами в других сменах и для руководства их работой назначается один руководитель, старший надзорный.

Этот уже, в буквальном смысле слова, избирался из зверей. Такими, свирепствовавшими в мое время и памятными для всех бывших соловчан, были особенно три ярых типа: Воронов, Смирнов и Воронин. Какие они применяли меры воздействия для принуждения к работам, будет сказано дальше.

После распределения на группы инструментальщики выдают лесорубам пилы и топоры, как всегда плохо отточенные.

Развод кончился... Десятники ведут принятые партии на места работ. Партии, направляясь по разным дорожкам, входят в бушующий лес...

Снежная буря не утихает... Для согревания хлопают себя руками, делают бег на месте...

В лесу непроглядная тьма... Ветер бросает, как лопатой, снег в лицо, залепляя глаза...

Глубина леса представляет собой клокочущий котел... непрерывные — шум... гул... треск... свист... завывания...

По временам по верху леса проносятся порывистые снежные шквалы, отмечаемые разными звукоподражаниями... То несущийся вихрь вцепляется в верхушки многовековых сосен и завоет, как дикий голодный зверь... то порыв ветра со стремительностью влетает под купола громадных елей и зарыдает, как истеричная женщина... то шквал, несясь равномерно, напоминает полет тяжелого снаряда, быстро удаляющийся и, как бы для иллюзии разрыва, вдали раздается сильный треск — это повалило старое многовековое дерево...

Партии лесорубов, медленно продвигаясь лесом, целиной по глубокому снегу, гуськом один за другим, осыпаемые беспрестанно снежной пургой, добрались до места работ.

Десятники задают уроки по 13 шт. «баланов» («баланы» соловецкая терминология — это большие бревна) на каждого лесоруба и указывают каждой паре район, где они должны сваливать все заклейменные деревья. В лесу крутится снежная пурга... У стволов деревьев нанесены сугробы снега толщиной более сажени. Обычно перед тем, как подпиливать дерево, лесорубы отгребают снег

от ствола. За неимением лопат это делается ногами. Работа нудная и много отнимает времени, чем значительно затрудняется выполнение урока.

Получив все распоряжения десятника, лесорубы сталпливаются в кучки и начинают держать совет, что же делать в такую ужасную погоду...

Известно, — всякий совет ни к чему определенному и обязательному для всех не приводит... Время летит; нужно приступать к работе и выполнять свой урок и тем согреть себя.

Здоровые, сильные, а главным образом предусмотрительные и осторожные, принимаются за работу.

Другие медлители, чтобы занять время, для успокоения себя начинают обзор участка, откуда лучше начать работу. Третьи — слабовольные, неэнергичные, уже угнетенные и подавленные соловецким режимом, решают выждать рассвета, тогда и начать работу; они забираются парочкой под густые ветви развесистой ели, усаживаются, прислонившись плотно друг к другу...

Часто такие пары превращаются в мерзлые трупы, замерзают, покинув Соловецкую землю и избавив себя от мучений и страданий...

Когда десятник приходит для поверки на участок какой-нибудь пары и, не найдя работающих лесорубов, как человек опытный, ищет под елями и находит трупы замерзших... Думаю, что бывали случаи умышленного замерзания. Но кто может знать?.. Тайну сию они унесли с собой. В некоторых случаях, судя по обстановке, замерзание было умышленное с целью избавить себя от мучений и страданий...

***

Время от времени десятник с чекистами из «надзора» обходят лесорубные участки, чтобы проверить, как успешно идет работа.

Во время этих обходов, особенно же в суровую погоду, как описываемая ночь, происходят трагические сцены, потрясающие душу и пронизывающие даже сейчас тело нервной дрожью...

***

Время от начала работ прошло уже четыре часа

Десятник с чекистом приходят на один участок... Смотрят, — пара лесорубов бегает вокруг выпиленного «балана». Всего они обделали лишь шесть баланов.

Десятник набрасывается на них с площадной бранью, почему мало сделали... Те говорят, что во время пилки замерзают у них ноги; они боятся отморозить ноги; на ногах у них лапти с мешочными портянками. Почему они побегавши

немного и согрев ноги, снова приступают к подпиливанию деревьев. Десятник с чекистом не верят этим доводам, приказывают взять инструменты и работать скорее, чтобы не затягивать урок и этим не задерживать их вместе с собой.

Те возражают, что они не отогрели еще ноги; начинают убеждать, что, если они отморозят ноги, то не будут в состоянии работать, а таким порядком, чередуясь с отогреванием ног, они все-таки кое-что сделают. Их рассуждения вызывают лишь площадную брань со стороны десятника. Нужно учитывать психологию этих людей: уже измученные, угнетенные и подавленные, почему почти всегда безмолвные, но сейчас, когда к ним предъявляют дикие требования, — хоть умирай, да пили; будучи нервно-возбуждены, начинают резко возражать, ругаться с десятником и чекистом, называя их «палачами», «кровопийцами»...

Десятник и чекист набрасываются избивать несчастных продрогших лесорубов. Один бьет палкой, а другой прикладом. После нескольких сильных ударов замерзшие жалкие работники берут пилу, идут, садятся к дереву и начинают подпиливать, часто с плачем и с окровавленными от побоев лицами. Десятник с чекистом стоят некоторое время около них, наблюдая за их работой.

***

На одном участке десятник с чекистом находят полную остановку в работе. Пара лесорубов сделала лишь три «балана». Сами забрались под густую ель для защиты от бурана...

Из расспросов выяснилось, что один лесоруб болен инфлюэнцей в сильной степени; сейчас у него пароксизм. Он совершенно ослаб, не может и отказывается работать. По его лицу видно, что он тяжело болен и еле-еле стоит на ногах. Однако начальство не верит его заявлениям, начинает ругать отборной площадной бранью, называя его симулянтом, лодырем и заставляя работать. «Ну, а ты что не работаешь?» обращается десятник к здоровому. «Один». — «Возьми палку, бей его! гав, гав, гав», говорит десятник, подавая здоровому палку для избиения. «Не буду». — «Бей! тебе говорят, гав-гав-гав». «Не буду». — «А не будешь, гав- гав-гав», — набрасывается чекист и ударяет здорового прикладом по спине. Тот берет палку, ударяет слегка своего товарища. «Бей сильней! гав-гав-гав», кричит чекист. Тот ударяет покрепче. «Шибче бей, гав-гав-гав», — кричит чекист и ударяет здорового по голове.

Тогда этот с силой ударяет своего товарища. Бедный больной и так еле стоящий на ногах, дико зарыдав, бросается головой вниз в глубокий сугроб, как бы ища укрытия от побоев...

***

Подобные кошмарные сцены происходят и на других участках.

Страшно жуткие избиения и издевательства обычно случаются в скверную погоду, как в описываемом случае.

Причина одна и та же: изнуренные, истощенные, часто больные лесорубы не в состоянии выполнить урок, а в холодную погоду, будучи одетыми в жалкие отрепья, на ногах лапти и портянки из старых мешков, замерзают и должны думать о том, чтобы не замерзнуть совсем или же не отморозить себе руки или ноги. Случаев отмораживания бывает множество.

***

Прошел и короткий зимний соловецкий день... Наступила ночь... в 3 с половиной часа уже темно... Рабочий день кончается в 7 часов вечера. Следовательно, для вышедших лесорубов это вторая ночь в лесу. Снежная метель, ослабевшая было днем, к ночи опять разбушевалась...

Самые трагические сцены происходят в конце работы. Дело в том, что по установленному порядку, все, не окончившие свой урок до гудка, остаются в лесу. Бывает так, что слабосильные пары успевают сделать лишь половину урока и им предстоит работать столько же времени, или до следующего рабочего дня. Тогда получают новый урок, который выполняют опять до следующего дня.

Случалось, что пары лесорубов, медленно работающие, держали в лесу по трое суток. Представляю каждому судить, что с ними сталось...

Само собой, в течение трех суток была среди них естественная на Соловецких лесозаготовках убыль: замерзшими, отморозившими конечности и самоувечниками (это отрубающие сами себе или кисть руки, или ступню ноги), но и уцелевшие после трех дней непрерывной работы нуждаются в отдыхе и в усиленном питании. Но этого нет, и не будет до конца; а конец же этим слабосильникам один, — или смерть или превращение в калеку...

***

Наш рабочий день приблизился уж к концу...

Десятник и чекист отправились в последний обход, чтобы принять работу от тех, кто выполнил урок, а не выполнивших, сделав им строжайшую накалку с подобающими угрозами и даже применив побои, оставить для окончания урока.

В такую суровую погоду выполняют урок обычно немногие пары, состоящие из молодых, сильных и здоровых, а большинство же пар не успевают окончить урок... Некоторые пары сделали лишь половину работы. Перед ними стоит страшно жуткая

перспектива, провести еще ночь в такую суровую, бурную, холодную погоду, и быть в ожидании замерзнуть насмерть. Они нервничают, в сильно возбужденном состоянии... Приходят к ним десятник и чекист. Лесорубы начинают умолять их, заверяя, что они устали, измучились, продрогли и все равно не выполнят урок, а рискуют лишь замерзнуть или отморозить себе ноги, и слезно просят освободить их, клятвенно обещая, что они доделают урок в хорошую погоду. Конечно, никакие мольбы и слезные просьбы не трогают жестоких бесчеловечных чекистов. Один лесоруб, особенно сильно возбужденный, заявляет: «Я все равно работать не буду...» «Врешь, будешь... заставим... гав-гав-гав!» говорит чекист. «Посмотрим», говорит взбешенный лесоруб; отбегает от них к «балану»; моментально кладет левую руку на бревно и со словами: «Вот Вам!» — отрубает кисть руки. Таких случаев было множество. Для самоувечников было установлено наказание: после излечения год заточения в штраф-изоляторе на горе Секирной... Но... мало кто из них был подвергнут такому наказанию... большинство из них не выздоравливало...

***

Мне рассказывали такой случай, кажется, единственный в жизни соловецких лесорубов.

Дело было на заготовке дров.

Один лесоруб, молодой парень, сильно заболел и категорически отказался работать.

Надсмотрщики начали избивать его; не помогает. Парень твердит одно: «Не буду работать, хоть убейте». Да фактически он и не мог по состоянию здоровья.

Надзирающие чекисты пригрозили ему, что подвесят к дереву.

Делается это так: несчастного крепко-накрепко привязывают к громадному толстому дереву, прислонив его спиной к дереву, притягивают веревками в двух местах — за руки и за ноги. Несчастный находится в висячем положении, как бы распятый. Держат его до той поры, пока он не обещает работать.

Чекисты из «надзора» послали уже за веревками, чтобы привести свою угрозу в исполнение.

Тогда несчастный бешено вырывается от них, бежит к поленнице, хватает толстое двухаршинное полено-чурбан, сбрасывает шапку, мигом прислоняет голову к стволу дерева и с сильным размахом ударяет себя чурбаном по голове и убивает наповал. Рассказчики говорили, что из его головы получилась «смятка», — насколько был силен удар...

***

Случалось, когда работы производились вблизи озера, что некоторые лесорубы, доведенные до бешеного исступления, как в только что приведенном случае, тайно убегали на озеро, там прорубали топором прорубь и топились.

***

Самые зверски-утонченные издевательства и пытки происходят обычно тогда, когда не выполнившие урок остаются после рабочих часов доделывать свой урок и когда кто-нибудь из них, совершенно обессиленный, наотрез отказывается работать.

В этих случаях чекисты из надзора изощряются в применении своих мер принуждения к работам. Меры, придумываемые ими, многочисленны и разнообразны, всех их не перечтешь. Расскажу лишь о наиболее оригинальных. Может быть, это покажется некоторым мало правдоподобным, я без колебаний заверяю, что сообщаемые ниже случаи общеизвестны среди соловчан; лично я слышал неоднократно.

Выше было сказано, что из числа служивших в надзоре на лесозаготовках особенно выделились своими жестокостью, зверством и изуверством трое чекистов: Воронов, Смирнов и Воронин.

Об их пытках рассказывали следующее:

Воронов применял прием *замораживания*. Если после обычных мер воздействия: ругань, угрозы и побои — отказывающийся лесоруб упорствовал в своем нежелании работать, то Воронов приводил его на озеро, приказывал снять с него верхнее одеяние, оставив его в одном белье, ставил на лед и приказывал обливать его из ведра холодной водой...

***

Другой легендарный на лесозаготовках палач-циник был чекист Воронин, присланный на лесозаготовки для выслуги на предмет досрочного освобождения его с Соловков.

Время его палаческих подвигов относится к периоду наиболее интенсивной рубки леса и экспорта лесных материалов с Соловков.

Это было зимой 1926 г., когда, как сказано уже раньше, было установлено приказом по УСЛОН право надсмотрщиков за выполнением лесорубных работ расстреливать на месте тех лесорубов, которые отказываются от выполнения урока, симулируют болезнь, увечат себя или сделают попытку бежать с лесозаготовок.

Согласно этого приказа, если лесоруб, действительно, тяжело заболел и не может даже стоять на ногах, что при кошмарных антисанитарных и антигигиенических условиях бывало часто, то чекист из «надзора», как профан в медицине, подозревая симуляцию, имел право расстрелять заболевшего; или если лесоруб, доведенный глумлениями и издевательствами до бешенного исступления, отрубал себе ступню ноги, то надсмотрщик чекист имел право тут

же расстрелять его; или если лесоруб бежал с работ в Кремль, пойманный Особым оцеплением, окружавшим лесозаготовки, мог быть расстрелян при задержании.

По каждому из приведенных случаев были факты применения расстрелов по единоличному решению чекистов из «надзора». *И вот в ту пору для точного выполнения этого «жестокого» приказа был сделан особый набор чекистов в «надзор» на лесозаготовки; был выделен самый махровый букет из Соловецкой чекистской корпорации, другими словами, отъявленнейшие мерзавцы с сатанинской душой и звериным сердцем...*

В число их и попал Воронин, уже ранее отличавшийся своими зверскими художествами.

Для принуждения отказывающегося лесоруба продолжать работу Воронин применял изобретенный, им особый прием в виде мерзко-циничного издевательства.

***

Предварительно сделаю пояснение слову «отказывающийся от работ». Этот термин в обиходе на Соловках у надсмотрщиков за работами (десятников, «надзора» и др.). В действительности, это не означает отказ от работ, как бы в форме капризного нежелания работать, при данной возможности работать.

Совершенно нет. В большинстве случаев отказывающийся от работы физически не в состоянии работать, — или тяжело болен, или, сильно устал, утомлен и изнурен, или, что бывало часто, поморозил (ознобил) себе руки или ноги, а его все-таки принуждают работать.

***

Так вот, если кто-либо из лесорубов в партии Воронина отказывался работать при физической невозможности к этому, то Воронин пробовал сначала легкие меры принуждения (ругань, легкие побои) и, если отказывающийся упорствовал, то Воронин приказывал другому лесорубу выпустить свою мочу в кружку для воды (это часто делалось принудительно после двух-трех ударов палкой). Когда тот выполнял приказ, то Воронин приказывал отмазывающемуся выпить мочу. Осыпая все время несчастного, может быть уже полузамерзшего лесоруба, отборной трехэтажной площадной бранью, Воронин предлагал ему на выбор одно из трех: или начать работу, или выпить мочу, или же, если не выполнит ни того, ни другого, то он расстреляет его.

Обычно, как передавали очевидцы, отказывающийся обещал как-нибудь работать. Никогда не было, чтобы кто-нибудь согласился пить мочу, и было, как

говорят, два случая, когда лесоруб заявил, что он все равно работать не может и не будет, и с бранью отказался пить мочу. Воронин в обоих случаях пристрелил тут же на месте.

Курьезнее всего суждения самих лесорубов об этом циничном издевательстве Воронина. Когда отправляли меня с Соловков в ссылку, то вместе со мной ехало несколько лесорубов. Дорогой они вспоминали часто о лесозаготовках, в том числе и о приеме Воронина. Они, отбывшие уже наказание и получавшие скоро некоторую свободу, рассуждая сейчас, усматривали в приеме Воронина проявление сострадания с его стороны. Они рассуждали так:

«Некоторые лесорубы трусят сами себя искалечить и ждут, когда кто-нибудь изувечит их, или придавит деревом, чтобы был предлог попасть в лазарет. Воронин хорошо учитывал психологию таких лесорубов, — почему избегал сильно избивать, чтобы не искалечить человека, а заставлял пить мочу, тоже зная, что никто не согласится, а будет как-нибудь работать. Оно так и было. Лесоруб понатужится, что-нибудь поработает. А там, смотришь, товарищи помогут. И человек остается здоров и невредим, а то мог бы быть калекой. Лишь в двух случаях лесорубы наотрез отказались работать, а также, конечно, и пить мочу... Ну, Воронин расстрелял их тут же на месте»...[11]

***

В зимний период трупы расстреливаемых под шумок, самосудом, зарывают обычно в снег.

В конце весны, когда начинает таяние снегов в Соловецком лесу трупы эти оголяются и служат пищей для диких зверей.

Сказанные сейчас слова категорически подтверждаю, так как сам зарывал несколько раз трупы, открывшиеся после таяния снега. Это происходило в такую пору. После освобождения меня из штраф-изолятора на горе Секирной я подлежал отправке в Кремль. Но у меня во время заточения на Секирной все вещи были разворованы. Я остался, буквально, в одном белье, в легком пальтишке, а на ногах летние сапожки. Предстояло идти пешком до Кремля 11 верст зимой, в декабре месяце, в сильный мороз. Администрация устыдилась, скорее убоялась, что мое появление в Кремле в таком виде вызовет разговоры среди заключенных. Вид у меня был ужасный; — как говорят, «краше в гроб кладут». И как говорят, — «нет и худа, без добра», — меня оставили на Секирной же вахтенным на Соловецком маяке. Служба, самая

[11] Это говорилось таким тоном и так просто, как будто, о сущих пустяках.

«блатная» (легкая) на Соловках. И вот, будучи на Соловецком маяке, я мог свободно ходить в окрестностях в лесу.

Весною 1927 года я в компании с одним заключенным, анархистом Ломоносовым-Роланд, (видный активный анархист; был затем в ссылке и также, как я, бежал из Великого Устюга), обходили лес, разыскивали обтаявшие от снега человеческие трупы и зарывали их в землю. Конечно, зарывали неглубоко, лишь бы не могли разгрести дикие кошки.

Для подтверждения только что сказанного, могу указать вещественные доказательства (предлагаю самому ГПУ убедиться в этом). Доказательство вот какое. Если пойти по дороге с Секирной в Кремль (См. план Секирной горы) и пройдя 300 метров, свернуть по тропинке направо и в 200 метрах от поворота зарыты неглубоко под деревьями два трупа, в разных местах, недалеко один от другого.

Это закопали я и Ломоносов-Роланд. О других местах наших погребений невозможно точно ориентировать...

***

Все изложенное есть краткая иллюстрация той обстановки, при которой выполняются лесорубные работы на Соловках...

Если послушать бывших соловчан, то порасскажут и другие приемы глумлений и издевательств и много разных подробностей.

Порою передают такие сатанински-утонченные издевательства, что даже видевшему виды покажутся сомнительными, почему я не буду смущать читателей. Да, и в действительности, это фантастические исключения, как выходки озверевших садистов-чекистов...

***

Вот жуткая картина кошмарных условий работы лесорубов, заготовляющих лес для экспорта за границу с целью приобретения валюты для нужд Советского Правительства и на заграничные расходы Коминтерна, стремящегося насадить во всем мире коммунальный строй, или вернее, судя по примеру России, установить суровое рабство...

Может быть, примененное мною выражение «жуткая картина» будет истолковано некоторыми просвещенными иностранцами как утрировка с моей стороны. *Если нам, бывшим соловчанам, видевшим многие виды и на самих себе испытавшим все, порою мерещатся жуткие сцены из прошлой Соловецкой жизни, то, может быть, просвещенным иностранцам, которые впали в эгоистичный животный материализм, не покажется описываемое мною странным, жутким и бесчеловечным.*

Глава IV

Частые ударники — вытягивание последних сил из соловецких узников

(Понятие о Соловецких ударниках. Ударники для вытаски «баланов» из леса. Прошлые ударники, наиболее суровые и пагубные для здоровья соловчан)

Понятие о Соловецких ударниках

Лица, не испытавшие прелестей Соловецкой каторги, не могут иметь верного представления, что такое соловецкие ударники.

Само слово, «ударник», для них простое обозначение экстренности, срочности какой-нибудь работы.

Совсем иное впечатление это магическое слово произведет на соловчан, отбывающих в данный момент каторжные работы на островах Белого моря. Там известие, что ожидается «ударник», производит омерзительное впечатление на Соловецких узников, выводит их из душевного спокойствия, хотя бы мнимого при существующем каторжном режиме.

Помимо трудности некоторых ударных работ, все ударники особенно неприятны для соловецких узников главным образом потому, что в большинстве случаев ударники назначают в нерабочие часы, — или ночью, или почти каждое воскресенье (или по-большевистски «день отдыха»), когда заключенным необходимо время для выполнения своих арестантских нужд: починка одежды, стирка белья, писание писем и прочее.

***

Казалось бы, по самому значению слова «ударник», — они должны применяться для выполнения экстренных, непредвиденных работ, — но на Соловках очень часто выполняются в ударном порядке плановые постоянного производства работы.

В мое время ударники были излюбленный прием ЭКЧ, как бы сверхсметная эксплуатация рабочей силы заключенных, или, определяя ближе к жизни, вытягивание последних соков из несчастных соловецких узников.

Порою настолько были тяжелы условия выполнения работ на некоторых ударниках, бывших в суровую непогоду, что даже сейчас воспоминание об них вызывает нервное содрогание...

«Ударники» для вытаски «баланов» из леса

В практике Соловецких принудительных работ особенно часто пользуются применением «ударников» для выполнения разного рода вспомогательных работ при заготовке лесных материалов, как то: вытаска бревен, выноска дров и пр. и, конечно, погрузка леса на пароходы.

Самой тяжелой, утомительной и изнурительной работой была вытаска бревен из леса на озера, к местам сплавов.

Вытаска бревен из леса производится зимой при глубоком снеге, когда грунт мерзлый и легче тащить бревна волоком.

Эта нудная работа состоит в следующем:

Когда партия арестантов, назначенных на вытаску «баланов», прибывает на место работ, то здесь руководитель работами распределяет арестантов на группы по 10—12 человек каждая, снабжает инструментами, выдает канаты для зацепа бревен и задает урок каждой группе. Урок — число бревен, которые каждая группа должна вытащить на озеро. Обычно число это колеблется в зависимости от расстояния разбросанных в лесу бревен до озер. Бывает, что приходится тянуть бревно волоком километр и больше. Бревна или, как их называют на Соловках, «баланы», размером 8—10 метров длины и до 65 сантиметров в отрубе.

Предварительно каждая группа производит разведку, откуда начать работу, чтобы по проторенной уже дорожке протаскивать другие бревна.

Прежде всего нужно каждое бревно откопать из нанесенного сугроба снега.

Затем бревно зацепляют канатом. Вся группа впрягается. Один — дирижер, выкрикивает заунывным голосом: — «Раз, два, взяли!.. Раз, два, взяли!» По команде: «Взяли», вся группа с напряжением всех усилий сдергивает бревно с места, протаскивает его шагов 10—15... Бревно застопоривает, или задевает за пень, или натормозит кучу снега.

Надо отворотить ломом «балан» от пня или разгрести снег. Опять запевало заунывно тянет: «Раз, два, взяли!..» Снова проволокли бревно по глубокому снегу и неровному лесному грунту шагов 10— 15. Опять остановка, очистка... и т.д.

По всему лесу слышны заунывные пения: «Раз, два, взяли!..»

Чтобы понять тяжесть и утомительность такой работы, надо, как и всегда, иметь в виду, что соловецкие узники уже раньше крайне истощены, изнурены и обессилены, и, кроме того все плохо одеты: на ногах какие-нибудь обертки, а на руках нет ничего... Люди мерзнут... отмораживают себе руки и ноги... Согреться негде... Отойти не позволяют... разводить костры нельзя.

Работа продолжается много дольше, чем намечено рабочих часов, впредь до выполнения урока.

Некоторым несчастным группам попадаются неблагоприятные участки для вытаски: кочковатый грунт, частые пни, валежник, большие сугробы снега... Так что они тратят на выполнение урока 10—12 часов.

В конце работы люди переутомлены... Все запевалы тянущей нервы команды — «Раз, два, взяли!..» охрипли...

***

Многие группы настолько утомлены и выбились из сил, что не могут дальше работать, почему и просят руководителя сбавить урок. Просьба их напрасна — конечно, не удовлетворяется. Урок должен быть выполнен во что бы то ни стало. Разрешается передохнуть. Но отдыхать нельзя, так как без движения плохо одетые могут замерзнуть; а движения их при работе мало производительны... *При конце работы утомленная группа при полном напряжении последних сил не может уже сдвинуть с места бревно, не только что тащить его волоком на большое расстояние. Заявления, что партия обессилена, ни к чему не приводят...*

Начинается ругань, угрозы со стороны десятников и надзирателей. В конце концов удары палкой по голове наиболее строптивых и крикливых арестантов.

Вот обычный финал ударников по вытаске «баланов» из леса.

Вытаска бревен к местам сплава производится исключительно только первобытным способом, — «на людях волоком». В мое время никакой другой энергии не применялось... Да, собственно говоря, что же может быть применено? Лошадей не было... Обещанной электрификации не видно пока и в центральных областях, не только что в глуши, на окраине, на Соловках...

Прошлые ударники, наиболее суровые и пагубные для здоровья соловчан

Из числа многих ударников, бывших в мое время чуть ли не каждый день, я укажу лишь на самые типичные, которые послужили причиной потери здоровья для многих соловчан и даже некоторым стоили жизни.

1) Осенью 1925 года УСЛОН и само Центральное ГПУ, вследствие общего эпидемического головотяпства в СССР, не смогли вовремя перебросить на Соловки продовольствие на зимний период, когда Соловки бывают отрезаны в течение шести месяцев от материка и связь с внешним миром прекращается.

Продовольствие начали подвозить на отправные пункты — Кемь и Архангельск, когда наступили уже зимние холода.

Скоро Белое море было сковано льдом, и навигация прекратилась.

Соловки очутились без продовольствия, а соловецким узникам угрожала голодная смерть в течение долгого зимнего периода.

Московское ГПУ всполошилось, зафрахтовало два ледокола: самый сильный на севере «Малыгин» и другой немного слабее.

Пока ледоколы подходили, да грузились, — лед крепчал и крепчал. Сильный «Малыгин», а за ним другой, не могли пробиться к самой Соловецкой пристани, а остановились в море в трех километрах.

Предстояла спешная выгрузка, чтобы не засадить ледоколы во льду.

Кремль был поголовно мобилизован на ударники для выгрузки ледоколов.

Тут уже ни с какими категориями по состоянию здоровья не считались, гнали всех: слабосильных, больных, хромых, босых и полуголых...

Босым выдали на ноги лапти и портянки из старых мешков.

***

Стоял суровый декабрь месяц.

К великому несчастью Кремлевских арестантов поднялась суровая снежная метель.

Толпы арестантов, одетых в большинстве в ветхие отрепья, изнуренные, истощенные, трясущиеся от холода, медленно продвигались в открытое море к ледоколам...

На льду лежал уже полуаршинный снег.

В полукилометре от ледоколов под снегом оказалась вода, а снег представлял кашицу, пропитанную водой. Когда ледоколы пробили проход во льду, то во время прилива вода выступила на лед и пропитала снег.

Предстояло идти по воде, покрытой сверху снегом. Пока приближались к ледоколам, у всех даже хорошая обувь промокла, не говоря уже о лаптях с обмотками.

Ноги хлюпали в холодной воде внутри валенок или сапог. Выгруженные мешки и кули с продовольствием арестанты носили на себе на остров, шествуя все время по глубокому снегу, пропитанному водой.

Я работал в ночной группе, когда был сильный буран.

Большинство поморозили себе руки и ноги, а сплошь то и другое вместе.

Я был одет гораздо лучше многих других: имел меховую шубу, на голове теплую папаху, на руках варежки, а на ногах новые хорошей катки валенки. Однако в ту ночь я поморозил себе пальцы на ногах и пальцы на правой руке.

Утром после ударника удрал в лесничество, в Варваринскую часовню. В то время я служил там, а жил в Кремле в 10-ой роте. Самовольно остался в лесничестве, чтобы не попасть опять па ударник.

Лесничий донес, что я сильно заболел и слег.

Тут симуляции не было: фактически я поморозил себе руки и ноги, которые распухли и были воспалены. Но, оставаясь в Кремле, это не приняли бы во внимание и снова погнали бы на ударник.

***

Выгрузка ледоколов продолжалась непрерывно двое суток. Многие несчастные арестанты поморозились, и уж нечего говорить, что много простудилось и схватило воспаление легких.

Ночью в буран были и такие весьма жуткие картины.

«Шпана» была одета в лохмотья, на ногах имела выданные на эту работу лапти, а на руках ничего. Они отбегали в сторону, куда вода еще не дошла и на поверхности льда ее не было; разгребали снег и располагались группами на льду по 4—5 человек, и, плотно прижавшись друг к другу, сидели кучкой. Как долго они сидели, имея самочувствие и не теряя сознания — неизвестно. Тайну сию они унесли с собой в загробную жизнь...

Возвращаясь после относа груза на остров, наталкиваемся на такую группу притаившихся, скорчившихся и неподвижно лежащих людей, обращаемся к ним: «Товарищи, ведь вы замерзнете!..» ... «Нет, ничего», — едва слышно кто-нибудь отвечает.

Снежная метель хоронила их, покрывая их сугробами снега...

А летом с ледоходом море приняло их в свое объятие и послужило им вечной усыпальницей...

Кошмарные условия работы при выгрузке ледоколов надолго останутся в памяти у бывших соловчан, даже не утративших здоровья при этой работе...

Подобный предыдущему был другой случай работы во льдах в ту же зиму.

Транспортные головотяпы засадили и оставили во льдах баржу «Клара Цеткин».

«Клара Цеткин» была в одиночестве скована льдами в открытом море. Соловецкая администрация решила провести «Клару Цеткин» в сухой Соловецкй док для ремонта.

Работа арестантов состояла в том, что нужно было проделать канал во льду для прохода «Клары Цеткин».

***

Бедные арестанты работали на затопленной водой площади льда, и это при жалкой обуви (некоторые в казенных лаптях с мешочными портянками).

У каждого обувь была всегда пропитана холодной водой.

В добавление к этому была суровая холодная зима с частыми снежными метелями... Работа продолжалась более двух недель.

Опять-таки многие простудились и схватили воспаление легких.

Страдающие грудными болезнями приблизили намного конец земной жизни...

***

Здесь я привел для иллюстрации лишь яркие примеры выполнения некоторых ударных работ. Напоминаю, что эти работы сверх нормы повседневного принудительного труда.

На Соловках ударников множество.

Они применяются для выполнения самых разнообразных работ, — от рубки капусты для солки до спуска пароходов после ремонта на воду.

***

Часто бывает, что арестантов с одного ударника без передышки назначают на другой.

Со мной так было много раз.

Например, однажды (это было в воскресенье) был я на ударнике для выгрузки кулей с рожью и переноски их на мельницу.

По выполнении урока возвращаюсь в роту.

Оказывается, рота стоит в коридоре, построенная для набора людей на новый ударник.

Нарядчик, увидев меня идущим, приказывает становиться в группу, предназначенную на ударник.

«Помилуйте! — взмолился я, — я только что возвращаюсь с ударника, — был на выгрузке кулей». «Ничего, товарищ, не умрете, становитесь без разговоров». Пришлось идти на новый ударник — на расчистку места для катка.

Уже раньше было сказано, что непосредственное над заключенными начальство проявляет безнаказанно произвол, насилие, охотно принимает взятки, прибегает к вымогательству и прочее.

И это особенно выявляется при назначениях на ударники: одни никогда не ходят на ударники, тогда как другие с одного ударника посылаются на другой.

Глава V

Пекло коммунистического ада — штраф-изолятор на горе Секирной

(Что такое Секирка? Самоличное отбывание наказания на Секирке. Кошмарные условия заточения штрафников на Секирке)

Что такое Секирка?

Свое повествование о Соловецкой каторге, мягко именуемой большевиками «лагерь принудительных работ Особого назначения ОГПУ», я закончу крат-

ким описанием шедевра коммунистической карательной системы, — «штраф-изолятора» на горе Секирной...

Тоже довольно приличное и мнимо-закономерное название...

В действительности это кошмарное место в общей серии Соловецкого эксперимента есть самое ужасное — это своего рода пекло коммунистического ада.

Это страшное место прозвано арестантами, да и в России оно слывет под тем же названием — «Секирка».

***

На Соловках для провинившихся арестантов установлены два вида ареста: кратковременный и продолжительный.

Для кратковременного ареста, до одного месяца, в каждом отделении лагеря и на каждой командировке имеются карцеры.

Я воздержусь описывать в подробностях эти катакомбы Соловецкой каторги, гораздо мрачнее и суровее, чем клетки для диких зверей...

Обычно арестантов, подвергнутых карцерному содержанию, или запирают в каком-либо мрачном подвале, или набивают ими какое-нибудь чердачное помещение.

Помещения, занятые под карцеры, не имеют нар, часто без света, холодные, сырые...

В своем месте было указано, что соловчане имеют над собой многочисленный начальствующий персонал (командный, административный и производственный).

Каждый начальствующий тип стремится, с одной стороны, показать свою энергию, свое рвение на службе перед старшими такими же типами, а с другой стороны, желает проявить свою власть над забитыми уже узниками. Вот причина, почему всегда много соловчан подвергнуто карцерному содержанию.

И карцеры не только не пустуют, а сплошь и рядом переполнены до последней крайности, лишь можно с трудом сидеть на полу плотно один к другому. Из этого мрачного человеческого улья постоянно идет спертый зловонный воздух, напоминающий смрадный воздух свиного гайка (логовища) с примесью могильного запаха.

Само собой, во время карцерного содержания не может быть и речи о выполнении гигиенических потребностей. Бывает, что арестанты-карцерники не умываются в течение всего карцерного заключения (неделя, две недели, месяц), если не удастся спрыснуть лицо водой где-нибудь на работах вблизи воды.

***

Для продолжительного карцерного содержания ГПУ учредило на Соловках особый штраф-изолятор на горе Секирной.

Сюда посылают для заточения не только из отделений на островах, но и из отделений с материка и даже из Вишеры (Пермской губернии). Срок заключения в штраф-изоляторе установлен от одного месяца до одного года; обычно не менее трех месяцев.

***

Продолжительным опытом в культурных странах, как в тюрьмах, так и в армиях, определено, что человеческий организм может без ущерба для здоровья выдержать карцерное содержание только в течение не более месяца.

Такой срок, определенный медицинскими наблюдениями, для ГПУ неприемлем, как своего рода буржуазный предрассудок.

Оно установило свои сроки, сугубо пролетарские, до года включительно.

Да еще при каком режиме!.. Перед которым меркнут самые суровые условия карцерного содержания, какие только есть где-либо.

Самоличное отбывание наказания на Секирке

Чтобы не могло возникнуть сомнений, что описание Секирки, как основанное на рассказах, прошло, путем передачи из уст в уста, через фокус увеличений и поэтому, возможно, приукрашено, — я расскажу лишь то, что я сам перестрадал, пережил и наблюдал, так как я сам лично был послан в заточение на Секирку на три месяца, притом абсолютно без всякой вины с моей стороны.

Не имею оснований утверждать, что были какие-либо указания для провоцирования преступного деяния для меня с целью увеличения срока заключения на Соловках, или хотя бы создать предлог, который послужил бы основанием не дать мне свободы после отбытия наказания на Соловках, впоследствии так оно и случилось.

***

Летом 1926 г., после репрессивного пребывания на лесозаготовках, я устроился снова на службу в лесничество. Опять оказался в роли лесокультурного надзирателя[12]; и, как таковой, заведовал лесоочистительными работами.

***

1-го сентября Эйхманс, начальник УСЛОН, возвращался поздно ночью из Кремля в сильно пьяном виде (возможно, был на какой-либо оргии), заметил в лесу дымящийся костер, где мы раньше, шесть дней тому назад, сжигали сучья; поднял тревогу, для инсценировки вызвал из Кремля пожарную команду и т.д.

[12] И теперь уже не «липовый», т.к. за первую службу в лесничестве проштудировал капитальные сочинения по лесному делу.

На следующий день был отдан огромный приказ по УСЛОН, в котором ночной инцидент раздули в лесной пожар; причину пожара приписали моей небрежности и было наложено на меня наказание — заключение в штраф-изоляторе на три месяца, т.е. на Секирку.

Без преувеличения могу сказать, что когда прочли приказ на поверке, то многие ахнули.

Уже не принимая во внимание моего прежнего социального положения, Генерала Российской армии, или моего состояния, правда, короткое время, по высшему командному составу Красной Армии, но просто по возрасту, никогда не было случая, чтобы такого солидного возраста заточали на Секирку.

Когда на следующий день после объявления приказа «политика» (левые эсеры, меньшевики и анархисты) пришла на работы, то анархист Быстров-Гаррах сделал мне от имени всей группы следующее заявление: «Мы все знаем, что вы, а также и мы (их тоже арестовали на трое суток), совершенно невиновных в происшедшем, так как на том месте, где произошел мнимый пожар, мы работали шесть дней тому назад. Если костер начал тлеть, то вина в этом лесной стражи. Мы, да и все другие заключенные, убеждены, что эта гнусная провокация направлена против вас, а мы лишь за компанию. Мы предполагаем, что намерены как-нибудь уничтожить вас.

Сегодня на поверке мы, "политика", заявили ротному, что если дадут применение приказу, то мы объявим голодовку».

Я просил их успокоиться, никакой голодовки не объявлять, а сидеть спокойно и не рыпаться «по-анархистски».

***

Однако время после лесного инцидента шло. Приказ не применяли. Мы работали по-прежнему в лесу. Лишь через полмесяца, когда немного все успокоилось; приходит конвоир за мной в лесничество, забирает меня и отводит в карцер I отделения, чтобы оттуда отправить меня с первым этапом на Секирку.

Уже поздно вечером привели меня и втолкнули в карцер.

Карцер, большая комната в нижнем этаже под 15-й ротой, был, буквально, битком набит народом.

Тут были в большинстве «шпанята», молодежь из уголовников, арестованные за кражу уже на Соловках, за побег с работ, за «бузотерство» и прочее.

На ночь расположились кое-как, сидя на полу, плотно один к другому. О сне не могло быть и речи.

Всю ночь стоял невыносимый галдеж... неумолкаемо произносилась перекрестная отборная ругань.

На следующий день выгнали нас, карцерных, на работы.

Обычно карцерных утилизируют для самых грязных работ.

Я попал в группу для разборки дощатого отхожего места.

Задание нам было такое: разъединить доски, разобрать их и перенести на задний двор Кремля.

Все доски были пропитаны и загрязнены отбросами человеческого организма...

Вскоре мои руки, пальто и сапоги были покрыты этой гадостью.

В 12 часов привели нас в карцер на мнимый обед.

Омыть руки от зловонной гадости было негде и нечем.

Мы были вынуждены принимать пищу зловонно пахнущими руками, лишь некоторые очистили руки щепками от приставшей массы отхожего места.

В карцере, помимо прочих ароматов, с нашим приходом прибавилась новая парфюмерия, химический продукт человеческого организма.

Вторую ночь удалось лишь подремать, сидя в углу. Да и это «блатное» место отвоевал с большим трудом.

На третий день в послеобеденные часы карцерный нарядчик, снисходя ко мне (видимо, вид мой тронул и его окаменелое сердце), назначил меня для носки дров в баню № 2, что за Кремлем.

Обслуживающий персонал этой бани были грузины. Когда сердобольные грузины увидели меня в таком виде и узнали, что я в карцере и готовлюсь отправиться на Секирку, то неподдельно искренно пожалели меня, а сам завбаней, пожилой грузин, даже прослезился.

Отпуская нас с работы, завбаней обещал, что на завтра он попросит прислать меня и еще двух-трех других карцерных опять для носки дров в баню.

Действительно, завбаней явился на утренний развод в карцер.

Меня и двух других назначили на работы в баню и под поручительство завбаней без конвоиров.

Когда я пришел в баню, то был немало удивлен следующим сюрпризом, приготовленным для меня. В самой бане на широкой скамейке стоял кипящий самовар, на разостланной бумаге приготовлены: белый хлеб, колбаса, сливочное масло, копчушки и монпансье (сахару в то время не было).

Для пояснения лицам, не видавшим горя, скажу, что это небывалая роскошь в обиходе соловчан каторжан.

В моей жизни я немало участвовал на веселых, роскошных, обильных яствами пикниках, на торжественных обедах и ужинах, но все это ничто в сравнении с тем впечатлением, которое оставил в моей памяти импровизированный пикник в бане № 2.

Я был несказанно рад, увидя приготовленные простые яства. Рад просто по-детски, как радуются дети при виде рождественской елки.

***

На пятый день карцерного содержания был составлен этап для отправки штрафников на Секирку.

Всего нас отправили пятнадцать человек. До Секирной нужно идти пешком километров 11. Каждый из нас нес на себе все свои вещи и этим несколько утяжелялся переход. Сопровождавший нас конвой держал оружие наготове. Это, кажется, единственный случай на Соловках, когда конвой выполняет свои прямые функции, т.е. предупреждение побега. Побега, конечно, не на вольную волюшку.

С Соловков никуда не убежишь. А бывали случаи побега от партии, отправляемой на Секирку, в лес с целью самоубийства, — или повеситься на дереве, или утопиться в озере. На это решались те, кто был наказан на год на Секирку, ибо они сомневались, что могут уцелеть в живых за год пребывания на Секирке, — поэтому хотели избавиться раз навсегда от страшного продолжительного мучения...

К вечеру добрались до IV отделения, что на Секирной. Встретивший нас лагерный староста повел нас на второй этаж большего каменного здания. Там построили нас в холодном коридоре, произвели тщательный обыск и подробный осмотр принесенных нами вещей...

Все наши вещи отобрали для хранения в цейхгаузе. Затем приказали нам совершенно раздеться, оставив на себе лишь нижнюю рубашку и кальсоны.

Я попросил, — нельзя ли оставить носки на ногах, так как холодный цементный пол был как лед. На меня грубо крикнули: «Снимай! Не полагается!..»

Когда раздевание нас закончилось и все наши вещи отобрали, лагстароста постучал болтом входной двери. Внутри заскрипел железный засов и тяжелая громадная дверь медленно открылась. Нас втолкнули вовнутрь так называемого «верхнего штраф-изолятора».

Мы остановились в оцепенении у входа, изумленные представшим перед нами зрелищем...

***

Перед нашими глазами была такая картина... Вправо и влево вдоль стен громадного высокого здания, а также по середине, на голых деревянных нарах сидят в два ряда, плотно один к другому, узники штраф-изолятора; все они босые, почти полуголые, имеющие какие то лохмотья на теле, бледные с испитыми лицами, некоторые из них как подобие скелетов; все грязные с всклокоченными волосами...

Сейчас они смотрят в нашу сторону мрачными, утомленными глазами, в которых отражается глубокая печаль и искренняя жалость к нам, новичкам, что нас ожидает то же, что они выстрадали и переносят теперь.

Из дальнего левого угла, из отгороженной камеры, раздается пронзительный душу раздирающий вопль, пересыпаемый дикими криками по адресу Советской власти, палачей ГПУ и прочего.

Часто слышны звуки ударов по избиваемому человеческому телу, сопровождаемые отборными ругательствами других каких-то голосов.

Это (как мы узнали потом) «надзор» усмиряет искалеченного Александрова, который от всего пережитого, от разных глумлений и издевательств пришел в ярость, в возбужденно ненормальное состояние. И вот теперь пытаются надеть на него смирительную рубашку. Александров отбивается, рыдает, издает дикие нечеловеческие крики. Надзор сбивает его на пол. После сильного избиения Александров ослабевает. «Надзор» натягивает на него смирительную рубаху, скручивает ему руки и связывает ноги.

Александров, обвязанный кругом, бьет головой об пол.

***

Вправо на нарах другая сцена. Там лежат, распластавшись, два человеческих трупа. Лежащие — это эпилептики.

Рыдания, крики, шум, избиения отразились на них, — с ними произошел припадок.

Их ноги и руки с силой придавливают к нарам другие арестанты, не давая им конвульсивно биться.

При виде таких потрясающих сцен мы стояли в остолбенении.

Когда все немного успокоилось, староста изолятора распределил нас на места для сидения на нарах.

Меня поместили в дальний конец средних нар, как раз против и около карцеров, где, в левом, только что происходило усмирение и избиение бешено возбужденного заключенного.

***

Впечатление потрясающей обстановки, в которую я попал, близость рядом безумствующего карцерного, который издавал всю ночь дикие крики, бился головой об пол; изрыгал отборные ругательства по адресу всех и вся, — все это так подействовало на меня, что я провел всю первую ночь в каком то нервно-лихорадочном состоянии. Сон абсолютно бежал от меня.

Кошмарные условия заточения штрафников на Секирке

Ознакомлю вкратце с сим чудовищным карательным местом, как коварным творчеством ГПУ.

Гора Секирная есть самая высокая на Большом Соловецком острове. Да, собственно говоря, единственная, ибо все другие возвышения, следуя географическому определению, надо отнести к холмам, покрытым лесом.

***

В двухэтажном здании, занятом теперь под изолятор, прежде, в славное время процветания Соловецкой обители, вплоть до нашествия озверелых вандалов, банд ГПУ, были два глубокочтимых православных монастырских храма, привлекавшие для молений тысячи богомольцев.

В каждом этаже был особый храм, трехпрестольный, с главным алтарем и двумя приделами (боковые алтари).

Теперь же место это, прежде священное, переделано в самую суровую жестокую темницу, какую видел ли когда-либо мир, превращено в мрачную катакомбу для мучений и терзаний несчастных жертв всероссийского красного террора...

Все, что могло бы напоминать о прежних храмах, конечно, было выломано и убрано.

Прекрасная иконопись на стенах храмов было скверно и грубо заштукатурена.

Прежние боковые алтари переделаны в карцеры, где теперь происходят избиения строптивых и обезумевших от кошмарного режима штрафников и бесчеловечное насильственное одевание на них смирительных рубах. В верхнем этаже, где в храме был расположен Святой Жертвенник, теперь стоит огромная «параша» для большой нужды («параша» — большая кадка с положенной на ней доской для ног).

***

Применяясь к распланировке сего двухэтажного здания, ГПУ придумало придать шграф-изолятору двойственную организацию.

Для верного уяснения читателями определим значение «штраф-изолятора», как «тюрьма на каторге».

Двойственность организации изолятора выявляется в следующем: в верхнем этаже расположен «верхний штраф-изолятор», а в нижнем помещаются штрафники «нижнего изолятора».

Различие между ними в суровости режима. Заключенные в «нижнем изоляторе» имеют некоторые облегчения в сравнении со штрафниками «верхнего изолятора».

Сначала все прибывающие на Секирную новички заточаются в «верхний штраф-изолятор».

По прошествии более или менее продолжительного времени, когда администрация «изолятора» убедится, что заключенный «перевоспитан» — это по-«чекистски», а по-человечески — морально убит, то его снимают в нижний изолятор.

***

Штрафники верхнего изолятора содержатся в невыносимо кошмарной обстановке...

Варварские условия для заточенных в этом пекле коммунистического ада на Секирке изобретены, как бы преднамеренно, с целью убить в человеке морально-духовное существо, уподобив его тварям земным, искалечить его здоровье, чтобы он сошел скорее с земной сцены и тем избавил ГПУ от излишней обузы...

Но откажемся от утверждения или отрицания этих предположений, ибо это завело бы в непроходимые дебри моральных рассуждений.

Ограничусь лишь характеристикой этого страшного узилища.

***

Главною сугубо-суровою особенностью содержания заточенных в верхнем изоляторе является та бесчеловечная пытка, что штрафники должны сидеть полуголыми. Каждый может иметь на себе лишь нижнюю рубашку и кальсоны.

Все сидят босые с непокрытой головой. Абсолютно все вещи отбираются у них на все время заточения.

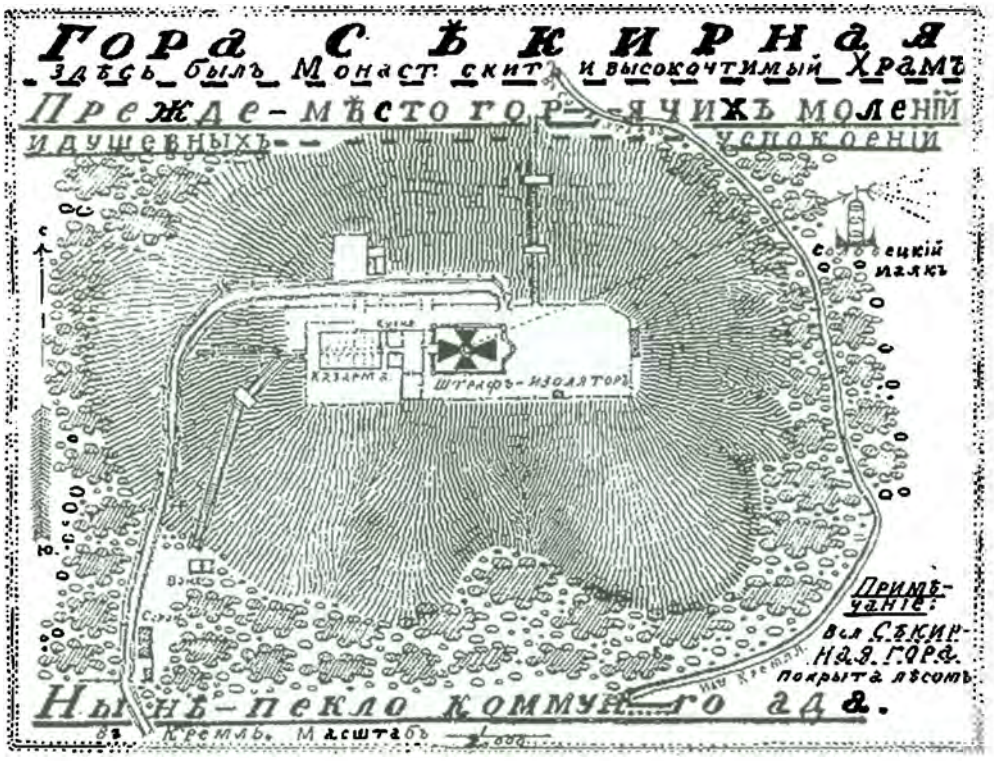
У многих из уголовников вместо рубашек и кальсон висят одни лохмотья. У всех мнимое белье приняло от давности пепельно-землистый цвет.

Нужно лишь представить себе, что несчастные узники изолятора сидят в таком виде в холодном каменном, неотапливаемом здании, притом громадной высоты, которое они должны согревать своей теплотой...

И это в холодную приполярную зиму...

Я сидел в верхнем изоляторе с 20 сентября по 10 декабря. В это время на Соловках была довольно суровая зима. Правда, в конце ноября вследствие последовавших массовых простудных заболеваний, и благодаря настойчивым ежедневным слезным мольбам, начальник 4 отделения (это изолятор) Кучьма разрешил поставить железную печку (времянку), которую топили лишь на ночь с 20 до 24 часов.

Такое согревание громадного высокого здания одной железной печкой, не более не менее, как призрак.

Теплоту ощущали лишь близлежащие к печке арестанты.

Тот же Кучьма допустил и другое послабление: он разрешил выдавать штрафникам на ночь по одному предмету из верхнего одеяния — или пальто, у кого есть, или пиджак. Большинство «шпаны» не имеет никакого верхнего одеяния, они проводили все время в полуголом виде, и так пребывали несколько месяцев...

Раньше, во времена тиранства на Секирной начальника отделения Антипова, страшного зверя, кровожадного садиста, никаких послаблений не было; все сидели и днем и ночью полуголые. Помещение никогда не отапливалось; за малейшее нарушение Антиповского режима штрафников подвергали избиениям, и проч. жестокости свирепствовали в то время.

***

Вот распорядок дня в верхнем штраф-изоляторе.

В 6 часов утра частые удары колокола, как пожарная тревога, раздаются в коридоре... Это сигнал «подъема».

Еще колокол не перестал гудеть, как внутренний часовой кричит: «Поднимайся, мигом! Сдавай барахло, живо!»

Все штрафники быстро соскакивают с нар, несут свои пожитки, выданные на ночь для мнимого согревания, бросают их в общую кучу для относа в цейхгауз.

После команды «Поднимайся» медлить со вставанием опасно, так как уборщики обходят сейчас же нары и поднимают лежащих ударами палок.

Когда первый дневной акт кошмарного мытарства Соловецкого ада исполнен, тот же внутренний часовой командует: «Садись по местам! Прекрати разговоры! Ни слова больше!»... Все усаживаются в ряд на нары, спустив ноги. При многолюдстве в изоляторе сидят в два ряда; — второй ряд посередине нар, подогнув под себя ноги. В таком положении все сидят молча... Можно лишь шепотом и то украдкой от часового, перебрасываться словами с ближайшими соседями,

Через несколько минут после подъема уборщики приносят деревянные вонючие ушаты с кипятком и несколько кружек. Обыкновенно одна кружка на троих. Утром, конечно, ни у кого не было ни крошки хлеба, желающих пить кипяток без хлеба бывает не так много.

***

В 7 часов снова тревожный колокол, — это сигнал на поверку. Штрафники мигом спрыгивают с нар и строятся в проходе в несколько шеренг, в зависимости от многолюдства узников.

Приходит дежурный по отделению и староста и выполняют обезьянью комедию поверки.

Казалось бы, бессмысленно делать поверку в таком непроникновенном каменном каземате. Как везде на Соловках за несогласованный ответ на приветствие начальства обычным собачьим лаем «Здра» или за вялый расчет по порядку наказывают всех выдержкой на стойке на полчаса или на час, в течение которых заставляют многократно выкрикивать: «Здра! Здра!..»

Здесь это наказание, помимо морального глумления, усугубляется физическим издевательством, так как заключенные узники стоят босые на холодном цементном полу, причем по полу гуляет все время холодный зимний сквозняк от щелей двери к разбитым окнам.

После поверки опять все сидят молча и ждут очередного акта повседневной комедии.

***

Следующий номер — это умывание.

Уборщики приносят ушат холодной воды и несколько грязных полотенец из числа отобранных у штрафников. Желающие подходят к ушату. Уборщик поливает ковшом воду на руки умывающихся. Холодная вода течет под ноги босых. Охотников мыть свое лицо обычно мало, опасаются стоять босыми ногами в луже холодной воды.

Шпана предпочитает умываться раз в две недели, — это в бане. Собственно говоря, в бане только и можно умыть лицо, а не больше. При посещении бани время для мытья дается 15—20 минут и одна небольшая шайка теплой воды. Все же водят в баню, чтобы показать, что и у нас, как у культурных людей.

***

В 12 часов бывает суточное принятие пищи. Это не есть обед.

В штраф-изоляторе нет никаких ни обедов, ни ужинов, ни завтраков... Пища, притом весьма скудная, принимается единожды в сутки, в полдень.

В 11 часов совершается тщательное деление хлеба на так называемые «пайки», по одному фунту черного хлеба в сутки на человека (хлеб, конечно, выпечен из непросеянной муки, часто с примесью суррогатов).

***

Затем уборщики приносят ушаты горячей пищи; ее составляют: мутная жидкость, именуемая супом, такого же качества и тех же сортов, что и в Кремле, и три-четыре ложки каши, преимущественно пшенной. Вот и все суточное питание...

Фактически надо считать питательным продуктом лишь один фунт черного хлеба за сутки.

Не надо забывать, что такое питание продолжается не неделю, или две, а несколько месяцев, вплоть до года.

Вообразите себе, какой вид принимают несчастные узники, просидевшие несколько месяцев!..

Я описывать не буду этих мрачных теней, в какую я сам лично превратился после двух месяцев пребывания в верхнем штраф-изоляторе...

Если в Кремле недостаточно пищи, то там некоторые имеют возможность восполнить чем-нибудь. Здесь же абсолютно никому ничего нельзя.

Штрафники изолятора, как состоящие на карцерном положении, лишены всего: они не имеют права купить что-либо, хотя бы имели на хранении деньги; им не выдают посылок, прибывших из дому, им не передают писем, получаемых на их имя; сами они не имеют права писать кому-либо; им не разрешается читать что-либо, и прочее, и т.д.

Одним словом, это заживо погребенные в этом страшном узилище...

***

Само собой, при таких кошмарных условиях содержания, при таком жалком голодном питании бывает много заболеваний.

Заболевших отправляли в лазарет, в Кремль, или в околоток, в Савватьево: но лишь тогда, когда они не могли уже двигаться...

Какая их судьба была в дальнейшем, — все покрыто мраком неизвестности.

Среди штрафников было много больных цингой.

Конечно, для показа и для бумажной санитарной отчетности им выдавали улучшенное питание... Как вы думаете, какое это было улучшение? Да выдавали добавочного по полфунту черного хлеба и на двоих одну воблу.

***

В конце ноября, это уже второй месяц моего пребывания в верхнем изоляторе, когда мы были крайне истощены, а наступили сильные холода, то для поддержки наших ослабевших организмов лекарь изолятора, Плотников, выпросил в Кремле присылки тюленьего жира. *Этот жир применяется для смазки машин. Вещество весьма вонючее и противное на вкус. Перед принятием пищи выдавали нам по столовой ложке.*

Как ни противна эта жидкость, однако все с радостью пили ее...

Самым мучительно тяжелым временем для узников изолятора это был вечер, когда все, мрачные, подавленные, сидели молча на нарах в слабо освещенном каземате, придавливающем своей громадой. Многие тряслись от холода, постукивая зубами.

***

В сильные холода некоторые дежурные по отделению разрешали составлять группы для согревания.

Это делалось таким образом: четыре человека, сидя на нарах, прижимались спинами плотно один к другому, наружную часть тела согревали, хлопая ладонями; по плечам, бокам и ногам. У нас были даже выработаны приемы, как бы групповой гимнастики, — все делали по команде; приемы выполняли по счету. И выходило хорошо... Это гораздо удобнее, чем каждый отдельно будет хлопать себя и беспокоить других...

***

В 20 часов была вечерняя поверка.

Сейчас же уборщики приносили кучей разные пожитки, выдаваемые на ночь для мнимого укрытия от холода.

Мне выдавали мое осеннее пальто.

Нужна особая изобретательность, чтобы одну вещь использовать и как подстилку и в то же время укрыть ей от холода все части тела.

Большинство «шпаны» не получало на ночь никаких пожитков, так как они и раньше были полуголые, то они составляли согревающие группы, то есть, образовывали кучу переплетшихся человеческих тел.

***

Редкая ночь проходила спокойно.

Часто карцерные нарушали ночной покой...

В карцер запирали в большинстве случаев штрафников строптивых, непокорных, или вернее говоря, пришедших в ненормальное состояние, обезумевших от переживаемого кошмара... *Иногда ночью они поднимали крик, шум, стук, ругань...*

По тревожному колоколу часовой вызывает «надзор»...

Те прибегают в карцер с наганами в руках, начинают успокаивать... и одевать смирительную рубаху...

***

Подавляющая сила кошмарной обстановки так пагубно отражается на заточенных узниках, что с течением времени некоторые теряют, в духовно-моральном значении, образ и подобие человеческие... уже они духовно подавлены и морально убиты...

У них открыто выявляются одни лишь животные инстинкты... Другие впадают в сильное возбуждение, что приводит к усмирению их в карцере... и так далее...

Какое богатство и разнообразие объектов для психологических наблюдений!..

***

Многие были бы готовы покончить расчеты с жизнью, если бы были к тому возможности.

Но администрация изолятора предупредительно принимает все меры, чтобы предотвратить случаи самоубийств...

Все же уголовники изощряются в изобретении способов как бы искалечить себя, чтобы был предлог для поступления в лазарет.

Для примера расскажу наиболее типичные случаи самоувечья.

1) Неподалеку от меня на нарах помещался уголовник Королев. Он выдавил незаметно оконное стекло, разбил стекло на мелкие кусочки кружкой для кипятку, затем закатывал куски стекла в мякиш хлеба и проглатывал... Всего, по его признанию, он проглотил более полкружки разбитого стекла. Само собой, вскоре открылись боли в желудке и в кишках, и открылось сильное кровотечение. Его отправили в лазарет. Позднее я узнал, — он умер в лазарете в страшных мучениях.

2) Для резки хлеба при делении его на «пайки» выдавали большой кухонный нож. Однажды резчик отвлекся и положил нож на стол. В миг подбежал «шпаненок», схватил нож и отрубил себе пальцы на левой руке, и этим достиг своей цели, — его отправили в лазарет...

3) Когда после настойчивых слезных просьб была поставлена железная печка для согревания, то в первое время были такие случаи. Вначале топили печку сами штрафники. Когда вечером, во время топки, раскаляли печку докрасна, то объявлялся кто-нибудь охотник на самоувечье, который прикладывал свою мужскую отличительную принадлежность к раскаленной докрасна печке.

Конечно, происходил страшный ожог. Вскоре образовывался нарыв. Любитель-самоувечник записывался в околоток и здесь заявлял лекарю, что он болен венерической болезнью. Лекарь, не разобравши в чем дело, отправлял его в лазарет. Однако, вскоре сам лазарет открыл тайну. Видимо, кто-то из самоувечников сознался. Было сообщено в изолятор. Тогда было строжайше запрещено подходить кому-либо к печке, а топку печки возложили на уборщиков.

***

Соловецкий лагерь принудительных (каторжных) работ Особого назначения ОГПУ изобилует множеством кошмарных фактов и выпукло выдающихся по жестокости эпизодов, которые, вследствие своей оригинальности, напрашиваются быть оглашенными во всеобщее сведение на общественный суд культурных народов...

Но, во избежание многословия, мы не будем вспоминать эти факты и выделять их из общей многочисленной серии, а оставим разбор их специалистам исследователям недалекого будущего...

***

Полагаю, что мое простое, правдивое и беспристрастное описание в достаточной степени иллюстрирует картину коммунистической каторги на Соловках.

Поэтому нагромождение многих фактов не внесет чего-либо нового.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Исполнен долг, завещанный Соловецкими страдальцами. Вопль и стоны страждущих Россиян не тревожат сердца культурных народов. Наше время — эпоха преобладания материи над духом, отсюда ослабление веры и благочестия, упадок высокой морали. Коммунизм — мировое зло, и борьба с ним — мировая проблема. Мировая опасность вызывает на борьбу мировую организацию. Международная Антикоммунистическая Лига, как мировая организация, должна быть доведена до крепкого и могущественного объединения. Приближение Всеевропейской катастрофы).

Исполнен долг, завещанный Соловецкими страдальцами

Закончив мое мрачное повествование о режиме Соловецкого лагеря, я исполнил нравственный долг перед моими коллегами, Соловецкими узниками.

Многие из узников ОГПУ, не только на Соловках, но и в других местах заключений, надеясь с детской наивностью на проявление сострадания и человеколюбия со стороны свободных цивилизованных народов, объясняют себе молчание культурных народов тем, что цивилизованный мир не осведомлен верно и правдиво об истинном невыносимо-тяжелом положении, в каком эти несчастные пребывают, и они духовно заклинают каждого счастливчика, выбравшегося из Советского рая и перенесшего лично все ужасы на Соловках, переживаемые ими теперь, рассказать обо всем словами очевидца...

***

В данный момент я глубоко счастлив и морально удовлетворен, что выполнил страстное желание многих соловчан поведать цивилизованному миру об их страданиях, мучениях, о претерпеваемых ими глумлениях и издевательствах...

***

Да пусть же всякий и каждый, не утративший еще духовной восприимчивости, в ком бьется еще отзывчивое сердце, прочтя мое мрачное описание, мысленно представит себе, что в подтверждение моих простых, правдивых сказаний раздаются оттуда, с далекого Севера, плач и стоны многих тысяч несчастных узников, заточенных в данное время на Соловках... им вторят, как эхо, вопль и стенания сотен тысяч других россиян, томящихся в многочисленных и разнообразных тюрьмах Советского Союза, в концентрационных лагерях, на принудительных работах и в ссылках в отдаленнейших северных холодных областях Сибири...

Вопль и стоны страждущих Россиян
не тревожат сердца культурных народов

Но к великому прискорбию, исступленные вопли измученных, угнетенных и терроризованных Россиян не тревожат сердца просвещенных свободных народов: они с бездушным хладнокровием не замечают молящих взоров, устремленных к ним с просьбой об избавлении от небывалой еще кабалы...

***

Вот уже более тринадцати лет, как культурные народы всего мира безмолвно присутствуют при Великой Трагедии Русского Народа...

Как общеизвестно, — за это время не было ни одной какой-либо серьезной демонстрации, политической или моральной, по поводу злодеяний, творимых большевиками в России.

Не было ни одного единодушного запроса ни в одном из парламентов всех стран.

***

Все иностранные политики и дипломаты пришли, как бы, к единодушному заключению, что творящиеся ужасы в России есть неотразимый ход истории. Если вы, дальновидные господа, непогрешимы в вашем мудром заключении, то, в силу исторической последовательности, остерегайтесь, как бы эта неотразимая историческая волна не захлестнула и вас...

***

Какие же причины тому, что цивилизованные народы нашего культурного XX-го века остаются до сих пор безмолвными зрителями сатанинской вакханалии красных палачей в России?

Причины мирового попустительства неслыханной тирании в России можно отнести к двум категориям — к причинам политического характера и к причинам морального порядка.

Крупные политические причины нижеследующие:

Во-первых, Правительства некоторых иностранных государств абсолютно не заинтересованы в восстановлении и возрождении России; наоборот, их искреннее желание возможно больше ослабить Россию, расчленить ее, и тем подготовив распадение для будущего.

Во-вторых, социалисты Западной Европы играют ныне большую роль в международных взаимоотношениях.

В некоторых странах, как, например, в Англии у власти сейчас представители II-го интернационала. В других социалисты входят частично в правительство, или оказывают давление на правительство.

Социалистам всех мастей и оттенков совершенно не улыбается трагический конец коммунистического эксперимента в России ибо это подорвет в корне учение некоторых социалистических партий, преследующих в своей конечной цели переход к коммунизму в чистом виде.

В третьих, наконец, Правительства некоторых государств Европы и Азии, находясь в слепом экономическом соперничестве между собой, поддерживают дипломатические сношения с Советами, а иные даже заключают дружественные соглашения, не только экономические, но и военные. Таким образом, пребывая под гипнозом оптимизма, они не замечают, что этим самым они роют могилы своим народам.

Политическая слепота и преступное попустительство безнаказанно не пройдут...

Если порою, во время крупных политических демонстраций в СССР, большевики глумятся и издеваются над чучелами некоторых государственных мужей, то, может быть, придет время, когда государственные деятели за свое небрежное прекраснодушие подвергнутся лично глумлениям и издевательствам, а их нынешние сподвижники будут переносить все то, что ныне претерпевают россияне на Соловках.

Наше время — эпоха преобладания материи над духом, отсюда ослабление веры и благочестия, упадок высокой морали

Но причиной всех причин безнаказанной тирании Русского Народа, открытых наглых посягательств на все святое, исторически веками созданное Русским Народом, — являются причины морального порядка.

Если мы проследим историю христианской эры, самой прекрасной в истории человечества, то мы, при тщательном анализе, не обнаружим ни одной эпохи в жизни народов Европы, чтобы абсолютно все народы оставались бесчувственными, безучастными зрителями исторического события, — когда или какой-либо народ пребывал в политической зависимости и экономической кабале другого народа (*Славяне на Балканах*), или один класс общества эксплуатировал на положении даровой рабочей силы другой класс (*крепостное право*), или же одна группа людей владела, как животными, другими людьми (*рабство*).

История свидетельствует нам, что всегда на защиту или освобождение подневольных народов выступали другие народы, увлекаемые благородным порывом сострадания и человеколюбия, или же за освобождение угнетаемых классов ратовали просвещенные гуманисты.

***

В переживаемую нами жуткую эпоху все россияне, населяющие громадные пространства Российского Государства, переживают великую жизненную трагедию, перенося суровые страдания и жестокие мучения, претерпевая утонченные глумления и издевательства...

Ныне там, в России, уничтожаются открыто и вызывающе нагло целые классы общества; там открыто преследуются все религии, совершаются безнаказанно циничнокощунственные издевательства над чувствами верующих в Единого Истинного Бога.

Такая коварная сатанинская вакханалия продолжается уже четырнадцатый год...

И цивилизованный мир безмолвствует...

Какая тому причина? кем и чем околдованы культурные народы?...

Причина тому одна, которая является главной из причин продолжительной трагедии Русского Народа... и, возможно грядущих бедствий во всем мире...

Причина эта — ДУХОВНОЕ ОБНИЩАНИЕ НАРОДОВ.

Люди углубляются все ниже и ниже в грубый материализм, отсюда громадное неравенство в материальном благосостоянии, что и является причиной классовой борьбы.

Мы переживаем время преобладания материи над духом... вследствие чего ныне наблюдается упадок веры и благочестия, утрата высокой морали...

Мы подошли вплотную к вопросу весьма сложному и животрепещущему, к вопросу первостепенной важности и исключительного интереса.

Но не будем вдаваться в дебри психо-философских рассуждений...

Для подтверждения допущенной характеристики переживаемого нами времени, — «*духовное обнищание народов*», мы обратимся к неоспоримому свидетелю, к той же истории.

***

Для сопоставления возьмем эпоху наивысшего торжества духа над материей, эпоху расцвета искреннего (а не показного) христианства, эпоху господства высокой морали среди благородного рыцарства, — именно, эпоху Крестовых походов.

В те далекие времена Святые для христиан места в Палестине были завоеваны турками-османами.

Однако турки-османы не преследовали христиан за их вероучение.

Тем не менее, в те времена, когда вера была горяча и крепка у христиан, когда благочестие было жизненным правилом, претило христианским сердцам и оскорбляло их чувства, что Святые Места находятся под властью басурман.

В ту красивую пору был всеобщий религиозный подъем и стремление участвовать в Крестовых походах для освобождения Св. Гроба Господня.

Ныне все человечество является свидетелем небывалых и неслыханных еще в истории всех стран, времен и народов гонений и хулений веры в Единого Истинного Бога, что творят нагло и открыто коммунисты в порабощенной России.

Однако верующие всех религиозных культов безмолвствуют.

Коммунизм — мировое зло,
и борьба с ним — мировая проблема

Уже давно всем известно, что коммунистическая тирания в России является филиалом мировой организации, именуемой Коминтерном, которая стремится к утверждению подобной же тирании во всем мире.

Эта преступная мировая организация, пребывающая в Москве, живет и действует на деньги, принадлежащие Русскому народу.

Эта мировая организация ведет разнообразные спешные работы по подготовке социальных революций во всех странах мира, с этой целью насаждает везде, поддерживает и укрепляет очаги своей заразы, в виде коммунистических партий.

В составе этой мировой организации имеются уже подготовленные ячейки для формирования Политбюро в порабощенных коммунизмом странах, подобно тому, как Политбюро диктаторствует сейчас в России.

Во время Конгрессов Коминтерна участники открыто заявляют, что Россия для них обширный и богатый плацдарм для коммунистических диверсий в сторону других стран, а Красная армия есть авангард мировой революции.

Сами Московские диктаторы открыто заявляют, что их заветная мечта, — это зажечь пламя социальной революции во всем мире, к чему они ведут самую интенсивную подготовку в обширных размерах.

***

Советы готовят громадные полчища для нападения на соседние страны.

Фактически в настоящее время в России проведены до конца принципы по подготовке вооружения народа.

Ныне там все Советские управления, учреждения, учебные заведения, фабрики, заводы, колхозы... — словом все, милитаризировано.

Грядет время, когда Европа познает все ужасы нашествия новых гуннов, превосходящих утонченностью злодеяний все то, что нам известно из времен Аттилы и Чингиз-Хана.

***

Если строго проанализировать все мероприятия Советского Правительства, как политические и социальные, так и экономические (индустриализация, пятилетка, колхозы), то можно убедиться, что все они имеют в основе своей целью, правда скрытую, подготовку к мировой социальной революции.

Многие факты последнего времени убеждают, что коммунизм в мировом масштабе стремится к разрушение современного хозяйственного (демпинг) и социального уклада.

Коммунизм ставит одной из главных своих целей разрушить духовный мир народов... Коммунизм злонамеренно посягает на все святое народов, исторически веками созданное их предками.

Мы живем в эпоху двух миров: мира культурного, просвещенного, или по иной терминологии буржуазно-капиталистического и мира коммунистического.

Это два враждебных мира, один другого исключающие, как основу государственного образования.

По опыту России мы видим, что применение коммунизма в жизни есть неслыханное зло, а по коварным замыслам Коминтерна это есть мировое зло, — следовательно, борьба с ним есть мировая проблема.

***

В последнее время Правительства государств всего мира поставили очередной международной проблемой вопрос о разоружении.

***

Вместо созыва бесплодных конференций о разоружение следовало бы Правительствам культурных стран созвать конференцию о ликвидации коммунизма, как являющегося общей угрозой всем государствам, всему зданию современной цивилизации.

Но нелепо ожидать от какого-либо Правительства такого смелого, решительного шага, хотя бы во имя высокой идеи.

Мировая опасность вызывает на борьбу мировую организацию

Уже пора, казалось бы, всем государственным и политическим деятелям и всем просвещенным людям других стран отрешиться от ложного оптимизма на возможность появления коммунистической заразы в их странах и уяснить себе, что коммунизм есть мировая опасность, и что планомерная борьба с ним должна быть организована в мировом масштабе.

Кто же могут быть инициатором и организаторами в деле ведения борьбы против надвигающейся опасности разрушения современной цивилизации и культуры?

Ни одно Правительство современных государств не отважится взять на себя инициативу в деле призыва на борьбу с коммунизмом, как мировой опасностью.

И это по следующим причинам:

Во-первых, Правительства многих стран скованы в своих действиях социалистами разных мастей и оттенков, которые препятствуют даже открыто выражать мысль о допустимости борьбы с Коммунизмом, так как коммунизм представляет собой предельное разветвление социализма.

Во-вторых, многие правительства связаны в своей государственной работе заданиями своих избирателей, почему, в большинстве случаев, внимание и энергия правительств поглощены разными текущими государственными проблемами, не заглядывая далеко в будущее.

В-третьих, при парламентарном строе во многих странах правительства их недолговечны. Иногда при переходе власти от одной политической партии к другой наблюдаются резкие изменения в курсе политики (Пример тому — Англия).

***

Коммунизм, распространяемый и насаждаемый постоянной сильной и крепкой мировой организацией в лице Коминтерна, вызывает на борьбу с собой так же постоянную сильную мировую организацию.

Международная Анти-Коммунистическая Лига, как мировая организация, должна быть доведена до крепкаго и могущественного объединения

Мировая организация, образованная для борьбы с нависшей мировой опасностью, может планомерно и методически вести работу в мировом масштабе и достичь победы при условии независимости этой организации от государственной власти какой-либо страны, — почему пребывание руководящего органа ей наиболее целесообразно в нейтральной стране.

***

В настоящее время такой мировой организацией является Международная Анти-Коммунистическая Лига, образованная просвещенным идеалистом, доктором Обером. Бюро Лиги пребывает в Женеве.

***

Настоящее мое описание коммунистической каторги в России я и посвящаю этой высокоидейной организации, надеясь, что вопль и стоны томящихся в заточе-

нии россиян вызовут сочувствие и сострадание у членов сей мировой антикоммунистической организации.

***

Все защитники культуры и цивилизации, поборники права, законности и порядка, особенно же все искренно верующие в Единого Истинного Бога, — все должны встрепенуться от спячки, объединиться и сплотиться вокруг мировой организации, Анти-Коммунистической Лиги, чтобы быть готовыми дать отпор, когда наступит грозный момент решительной схватки между пролетариатом и буржуазией во всех странах, к чему, как теперь уже всем известно, Коминтерн ведет самую интенсивную подготовку.

***

На мировую организацию, в данном случае Анти-Коммунистическую Лигу, как бы, Анти-Коминтерн, ныне история возлагает крупную ответственную роль первостепенной важности для будущности всего человечества. Лиге предстоит выполнить многие весьма трудные, сложные и самые разнообразные задачи в деле борьбы с коммунизмом, как мировым злом.

Для предстоящей работы нужны большие кадры энергичных, самоотверженных и идейных работников; потребны колоссальные средства.

Если все просвещенные и одухотворенные люди всех стран проснутся от буржуазной спячки и, отряхнув ложный оптимизм, воспрянут духом перед грядущей опасностью, то работников для высокоидейной борьбы будет достаточно и потребные средства обретутся.

***

Мы пребываем накануне решительных событий в истории человечества... накануне открытой сокрушительной борьбы двух миров... От исхода генерального сражения этой борьбы будет зависеть направление исторического русла всего человечества.

***

Человечество, развиваясь в строгой последовательности согласно исторических законов и прогрессируя все более и более во всех отраслях своей жизни, вступило ныне в эпоху раздвоения мировоззрения людей.

Мы переживаем время, когда люди устремляются по двум разным путям своего бытия, образуя два противоположных мира.

Первый путь, назовем его прекрасным, возвышенным, одухотворенным, ведет в мир духовно-морального преобладания, где господство духа над материей, где высокая мораль заглушает животные инстинкты, и второй путь, — путь мрачный, ведет в мир грубого материализма.

***

Коммунизм наших дней[13] и представляет собой мрачный, суровый мир этого грубого материализма...

***

Не будем приводить подробных доказательств верности данного определения коммунизму, а укажем лишь на призывной клич, который применил родоначальник коммунизма, Ленин, увлекая за собой людей с животными страстями.

Этот воодушевляющий призыв: «Грабь награбленное».

В этих двух словах отражается главная сущность современного коммунизма, как проявление грубого животного материализма.

***

На борьбу с грядущим массовым проявлением грубого материализма, под флагом коммунизма, обязаны для благо всего человечества: подняться и ополчиться представители всех стран и народов, всех классов общества и всех религиозных культов, — одним словом, все те, кто принадлежит к другому миру, противоположному миру грубого материализма, к миру возвышенному, одухотворенному, которые ставят своей жизненной целью духовное совершенствование, которые стремятся достичь в своей жизни преобладания высокой морали над животными инстинктами, пробуждающимися в людях, и которые искренно исповедуют веру в Единого Истинного Бога, без различия принадлежности к той или иной религии.

***

Сильное и могущественное международное объединение во имя идеи защиты цивилизации и культуры от грозящей мировой опасности должно быть построено на духовно-моральном фундаменте, опирающемся на три главные принципа: первый и основной — господство духа над материей: второй — победа высокой морали над животными инстинктами, и третий — религия, как основа нравственности.

Все общества, партии, группы и отдельные лица, исповедующие эти три главных принципа, нравственно обязаны оказать помощь и содействие мировой Анти-Коммунистической организации.

Все идейное и одухотворенное среди народов должно объединиться и сплотиться вокруг нее, чтобы общими усилиями дать грозный отпор всякому проявлению грубого материализма в какой бы то ни было стране.

[13] Были и есть коммуны идейные, имеющие фундаментом своего бытия духовно-моральное совершенствование (коммуны древних христиан, нынешние монастыри).

Ведь нужно ждать, что в случае серьезного взрыва пролетарской революции где-нибудь на континенте Европы, произойдет детонация в других странах; вот почему надлежит без промедления заложить в каждой стране отражательные анти-коммунистические очаги.

***

Грозное время грядет, и решительная схватка между двумя мирами (миром духовно-моральным и материалистическим) приближается, — почему промедление в объединении для решительного сражения будет рассматриваться историками, как преступление со стороны современников в отношении потомства, которое будет течь в своем бытии по тому историческому руслу, которое будет расчищено и оставлено ему...

Приближение всеевропейской катастрофы

Обозревая международное положение наших дней, мы усматриваем хаотический беспорядок в делах Европы и Азии.

С одной стороны, нежизненный Версальский мирный договор, помимо его крупных политических и экономических недочетов, принес много исторических и географических противоречий в Европе и Азии, которые не могут быть урегулированы дипломатическим путем.

Все ухищрения дипломатов, все их утопические мирные проекты не спасут Европу от приближающейся катастрофы.

С другой стороны, перед культурными народами стоит грозное мировое зло в лице Коминтерна и его филиала, Советского Правительства в России.

Пока красный зверь хищно готовится к уничтожению многовековой культуры и цивилизации, не будет обезврежен культурными нациями, до тех пор не может быть мира и спокойствия на земле.

***

Пролетарские диктаторы, учитывая настоящее международное положение в Европе и Азии и имея, в свою очередь, затаенное непоколебимое намерение разжечь пламя социальных революций в соседних странах посредством факелов, внесенных на штыках и пиках Красной Армии, ведут в течение уже нескольких лет самую интенсивную подготовку к грядущей военной катастрофе...

***

Предложение большевиков о немедленном, всеобщем, полном разоружении, сделанное ими в Женеве на подготовительной Комиссии к конференции о разоружении, есть, ни более ни менее, как провокация.

Из всех Правительств мира не может отважиться на полное разоружение лишь одно Советское.

***

Пролетарские диктаторы непоколебимо уверены в неминуемости войны.

Вожди Красной Армии ждут, что война вот-вот разразится.

Главари Коминтерна ждут с напряженным нетерпением военной катастрофы в Европе, как давно желаемого момента для решительной схватки между пролетариатом и буржуазией.

Советское Правительство не отважится первым зажечь мировой пожар, чтобы не обнаружить перед иностранным пролетариатом и своими рабами свой наглый обман в постоянных уверениях в своем миролюбии; оно будет ждать вооруженного столкновения между другими и будет всячески содействовать этому.

Работа Красной дипломатии наглядно убеждает в этом.

***

Красный Генеральный Штаб глубоко уверен, что грядущий вооруженный конфликт будет лишь переходной стадией к социальному конфликту, — поэтому Красный Генеральный Штаб рассматривает будущее вооруженное столкновение, как сочетание империалистической войны с гражданской войной.

Красный Генеральный Штаб и ПУР (Политическое Управление Красной Армии) признают, что в будущей войне самыми сильными и могущественными средствами обессилить армии противника будут агитация и пропаганда, далее подготовка восстаний в тылу армии противника и организация забастовок.

***

Международной Анти-Коммунистической Лиге надлежит учесть новые коммунистические принципы ведения войны и, со своей стороны, заблаговременно принять и подготовить контрмеры общего идейного характера.

***

Коминтерн и ПУР придают громадное значение применению агитации и пропаганды в будущих войнах, чтобы вооруженный конфликт завершить социальной революцией. Оба эти органа ведут в этом направлении планомерную подготовку в колоссальных размерах.

Обширная подготовка Коминтерна для возбуждения народных масс ставит перед Анти-Коммунистической Лигой первую и главную задачу — быть забла-

говременно готовой, чтобы во время решительной схватки обезвредить коммунистические лозунги.

***

Вся коммунистическая агитационная литература проникнута грубым материализмом и направлена, как разрушительное средство, против буржуазно-капиталистического строя.

В противовес лозунгам грубого материализма должна быть широко развита анти-коммунистическая агитация, имеющая основой своей превосходство духа над материей, проникнутая высокой моралью, пропитанная одухотворенным гуманизмом, закрепленная полной веротерпимостью и защитой верующих и преследующая своей главной целью также улучшения состояния нуждающихся классов справедливым закономерным путем.

Вот как представляется общее направление агитационного состязания между двумя мирами.

***

Грозное время борьбы не за горами... уже авангардные бои начинают загораться... и приближается час генерального сражения между миром возвышенно-одухотворенным и миром материалистическим...

***

Всякий и каждый, проникнутый духовно-моральными воззрениями своего бытия, обязан стать в ряды стражи для защиты современной цивилизации и культуры от сокрушительной опасности...

Все должны, по мере сил и уменья, принять участие в борьбе с нависшим мировым злом...

***

И с этим надлежит спешить, ибо «промедление смерти подобно»...

***

Опыты истории свидетельствуют, что упущенный момент не вернется вовек... и окажет решительное влияние на бытие грядущего потомства...

КОНЕЦ

Человеческие жертвоприношения Соловков по случаю смерти Дзержинского[14]

Конец июля 1926 года. Соловки... Ясная, тихая, короткая приполярная ночь уступает место приближающемуся дню. Вся Соловецкая природа пребывает еще в состоянии полного покоя. Все блаженно отдыхает от ужасов дневной соловецкой каторжной жизни. Безмолвный многовековый соловецкий лес не шелохнется; он тревожно готовится стать свидетелем новых ужасов наступающего каторжного дня. Снова видеть безрадостных, изнуренных людей и издевательства над ними, опять слышать плач и стоны избиваемых лесорубов.

Ты, седой соловецкий лес, немой свидетель тех кошмарных деяний, которые творятся на всей громадной площади, тобой занимаемой. Под сенью твоих сосен и елей происходит бесчеловечное истребление людей, но ты, могучий, седой соловецкий лес, к прискорбию, немой свидетель. Много, много слез и крови пролито на твоих многочисленных «лесосеках».

Огромный «СЛОН» (Соловецкий лагерь особого назначения), расположившись своим громадным туловищем не только на Соловецких островах, но и на материке, спит крепким сном, изнуренный тяжелыми каторжными работами прошедшего дня.

Обитатели коммунистической каторги, а в общероссийском применении — соловчане, спали безмятежным сном, находясь в неведении о том, что уже три дня тому назад шеф «СЛОНа», обер-палач и тиран всех россиян, товарищ Дзержинский испустил свой дух, и это чудовищное страшилище, этот апокалипсический зверь представляет сейчас жалкий, бездыханный труп. Если бы эта радость была известна соловчанам, то из уст многого множества вырвалось бы восклицание радости и удовлетворения, но известие это оставалось тайной для соловчан до дня его похорон.

...В это время среди соловчан были разговоры: почему держали в секрете смерть Дзержинского? Случайные события, которые произошли тогда и о которых я хочу рассказать, проливают свет: почему смерть Дзержинского держалась в секрете. Это описание я предлагаю вниманию тех, кто интересуется тайнами коммунистического органа красного террора ОГПУ.

---

[14] «Настоящая глава не вошла в книгу "Соловки" исключительно из-за того, чтобы сократить расходы по изданию. Дальневосточный Отдел Росснационалистов нашел необходимым поместить эту главу в настоящем издании, как интересный материал, характеризующий натуру тиранической, коммунистической власти в России». Публикуется по: Зайцев И.М. Четыре года в стране смерти (посмертное издание). Шанхай, Дальневосточный отдел российской партии националистов, 1936. С. 109–117.

Тихую ночь сменило утро 22-го июля.

Пронзительный, продолжительный, пятнадцатиминутный гудок для подъема огласил соловецкий лес и пронесся далеко, далеко в море. Соловецкий Кремль, это голова и туловище «Слона», зашевелился, как муравейник, готовясь к новой тяжелой дневной работе. В это время я работал в лесничестве. Незадолго перед этим меня перевели с лесозаготовок, куда я был послан за нежелание написать что-либо из моих воспоминаний для помещения в журнале «Соловецкие острова». В лесничестве я состоял в роли старшего рабочего по лесоочистительным работам и жил в лесничестве.

В утро 22-го июля по второму гудку для поверки и развода на работы я отправился в Кремль для встречи рабочих.

На «сучки» были назначены только «политические» — анархисты.

После двух часов работы — привал. Анархист Быстров-Гаррах спрашивает меня:

— Вы слышали, ваше превосходительство, о вчерашнем происшествии?

— Нет, не слышал, — говорю. — А о чем?

— Вчера в Савватьево расстреляли пять человек каэров.

Я начал задавать ему вопросы, а другие вставляли свои, и мы выяснили, что были расстреляны: генштаба полковник Окерман, мой однокурсник по академии полк[овник] Васильев, барон Остен-Сакен, полковник Чернышев и крупный коммерсант Гривопотский...

Переменчивая судьба, порою злая и коварная, порою доброжелательная и милостивая подвергла меня новому тяжелому испытанию, но благодаря ему я имел случай открыть тайны примера кошмарных злодеяний, которые творят красные палачи, и, между прочим, разгадать случай расстрела пяти каэров в Савватьево.

1-го сентября начальник УСЛОНа Эйхманс спровоцировал пожар, каковой приписал моей небрежности на лесоочистительных работах и в наказание отправили меня в штраф-изолятор на г. Секирной.

Вместе со мной были в заточении два видных чекиста Шпеликов и Асафов.

Шпеликов был отъявленнейший зверь-садист. Он рассказывал многим о своих зверствах с особым бахвальством, с утонченным злорадством; с мельчайшими подробностями он рассказывал, как изнасиловал своих двух родных сестер-барышень.

Асафов был иного типа. Он происходил из интеллигентной семьи и получил законченное среднее образование. В ГПУ занимал ответственный пост, а потом раскаялся в своих злодеяниях, за что был подвергнут гонениям, ссылке на Соловки, а там и на Секирную. Он много рассказывал из практики органов ГПУ. Его рассказы были критически разоблачающего характера, правда, он был человек нервный.

...Как-то он, в порыве раскаяния, падает мне в ноги и просит меня от лица всех простить его...

Однажды вечером, когда были расставлены нары, наша четверка (группа для согревания) уселась в углу на нарах, прижавшись спинами друг к другу для согревания. Асафов был в моей четверке. Начали полушепотом вести беседу. Асафов и спрашивает:

— А помните расстрел пяти каэров?

— Да, помню.

— А что, вы думаете, это был побег?

— Не знаю, — говорю, — разно говорят.

— Никакого побега не было, а все было спровоцировано, чтобы только произвести расстрел.

— Это почему же так?

Асафов уклонился от ответа и продолжал:

— Может быть ,помните, 19-го июля ночью умер Дзержинский, 21-го был произведен расстрел, а 23-го были похороны Дзержинского. Кажется мне, а может быть и вы помните — до самого дня похорон на Соловках никто не знал о смерти Дзержинского?

— Да, помню, об этом странном явлении были разговоры. Но при чем же тут расстрел и смерть Дзержинского?

— А вот, именно, при всем и самом главном. Мы, чекисты, расстреляли пять каэров чтобы выполнить наш традиционный чекистский, товарищеский обряд — принести жертву в память умершего заслуженного чекиста.

— Да не может быть? — усомнились мы.

— Я вас уверяю! Я сам участвовал в облаве и расстреле этих пяти человек; я служил тогда в надзоре в Савватьево.

Далее он рассказал кошмарно-жуткую историю. Передаю его рассказ.

Через два часа после смерти Дзержинского Эйхманс получил уже известие об этом. Пригласил к себе на квартиру чекистскую головку (Васькова, Питерса, Кучьму и др.) и начали справлять тризну по умершем начальнике.

Во время попойки, вечером 20 июля, Эйхманс напомнил Кучьме, что им надлежит выполнить традицию чекистского обряда: произвести расстрел в честь усопшего... Совместно выработали план, как это провести, чтобы комар носа не подточил, так как умерший — лицо высокое, сам шеф ГПУ, то, следовательно, и в жертву надо принести не какую-нибудь шпану, а сортом повыше. Вот и наметили поименованную уже Пятерку.

Кучьму тут же отправили в Савватьево; он вызвал там ротного командира, в роте которого находилась эта Пятерка, и дал соответствующие указания ротному.

После вечерней поверки ротный призвал этих несчастных пятерых, обреченных уже в жертву, и говорит:

— Завтра вы не пойдете в лес работать, а сейчас отправляйтесь на ночь на рыбалку и наловите для меня рыбы. Урок вам наудить два... (далее неразборчиво). Возвращайтесь тогда, когда выполните урок.

Эти несчастные обрадовались, что избавятся на завтра от тяжелой работы в лесу, быстро собрались и пошли. Лишь г. Гривопотский заявил ротному, что он не может ходить, — у него болят ноги. Ротный набросился на него с криком, называя его симулянтом и пр. Бледный Гривопотский поплелся кое-как на озеро.

Удили всю ночь, ничего не поймали. Рыба не клюет. Утром отправили одного с донесением к ротному. Ротный набросился на посыльного и приказал перейти на другое озеро — ближе к морскому берегу.

После этого ротный командир позвонил по телефону в Макарьевский скит и доложил веселящемуся начальству, что дичь для расстрела готова. Сейчас же Эйхманс дал тревогу в Кремль с вызовом всего надзора и дивизиона красноармейцев для поисков бежавших арестантов. Когда вызванные по тревоге части проходили на Савватьево мимо Макарьевского скита Эйхманс лично отдал приказание, что, как только заметят беглецов, расстреливать на месте. Рассыпались в цепь и пошли лесом к известному заранее озеру.

Первым вышел на опушку леса к озеру надзор в числе 50 человек; видят — около лодки 5 человек: двое сидят в лодке, и трое стоят с удочками в руках, заброшенными в воду.

Надзор открыл с опушки леса частый огонь. Несчастные жертвы, обезумев от ужаса, подняли крик. Частая стрельба из пятидесяти винтовок не умолкала. Все обреченные быстро пали, сраженные пулями. Надзор, а затем красноармейцы бросились с криком к своим трофеям.

Трое еще были живы. Сам Эйхманс и Кучьма собственноручно пристрелили их. Чекист Вовонин заметил, что Окерман лежит на спине с отрытыми глазами, обругал его трехэтажной площадной бранью и начал штыком выкалывать глаза сначала медленно один, а затем другой. Его примеру последовали, чтобы отличиться в глазах высокого начальства.

Совершив этот «традиционный» товарищеский ритуал, чекисты во главе с Эйхмансом отправились к нему на квартиру продолжать тризну.

Вечером были вызваны из Кремля женщины-арестантки, для мытья полов. Эти несчастные жертвы были вынуждены участвовать в похоронной оргии озверевших соловецких чекистов.

Заканчивая рассказ об этом кошмарном случае, чекист Асафов добавил: «Мне раньше приходилось участвовать в таких жертвоприношениях, напр., в Минске, Смоленске. Такой обряд мы выполняли только в память видных заслуженных чекистов».

Мы, видевшие своими глазами на Соловках всевозможные зверства и изуверства, усомнились, чтобы подобное было там в России и задали ему вопрос: «Неужели это так было?» Асафов категорически ответил: «Верьте, не верьте, но это так!»

Итак, дорогие читатели, верьте, или не верьте моему повествованию со слов очевидцев-участников, но сами участники утверждают, что это было так.

Из истории всех стран и народов мы знаем, что в период варварства вместе с умершими деспотами и предводителями хоронили их жен, слуг и приближенных, но тогда — это был народный культ. Но чем же объяснить допустимость варварских злодеяний в наш культурный двадцатый век? Объяснение этому одно — прогрессирующий моральный упадок, когда люди погружаются все более и более в мелкий животный материализм.

✠

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ) ГЛАЗАМИ СОУЗНИКОВ

Вячеслав Умнягин, священник

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ) ГЛАЗАМИ СОУЗНИКОВ

(к 85-летию со дня кончины и 15-летию с момента прославления святого)

Мемуары бывших заключенных — уникальные документы минувшей эпохи, зачастую отягощены недоговоренностью, которая связана со страхом нанести вред. «Чрезвычайно трудное положение всякого честного свидетеля советской жизни, — писал по этому поводу Иван Солоневич, — заключается в том, что о всяких Успенских, Гольманах, Стародубцевых можно говорить не стесняясь... а когда доходишь до хорошего русского человека, получается заминка. А вдруг я его выдам? А вдруг по следам моего рассказа ОГПУ этого человека отыщет? Приходится молчать»[1].

Несмотря на указанную опасность, в воспоминаниях соловчан встречаются биографические сведения, которые позволяют проследить судьбы и составить словесные портреты выдающихся людей своего времени. В их числе ныне прославленный для общецерковного почитания архиепископ Иларион (Троицкий).

Жизненный путь и духовный подвиг этого церковного иерарха описаны во многих академических и популярных изданиях, богословские труды переизданы и нашли своих достойных исследователей[2], имя его звучит во время праздничных богослужений во всех храмах Русской Церкви[3].

Но, возможно, образ святого получит дополнительный объем и станет более близким для понимания при обращении к воспоминаниям тех, кто общался с ним в условиях соловецкой неволи.

О святителе Илариоие, хотя бы кратко, упоминают практически все, кто находился в Соловецком лагере особого назначения в первые годы его существования. Среди них: священники Павел Чехранов и Михаил Польский, архимандрит Феодосий (Алмазов) и митрополит Мануил (Лемешевский), дворяне О. В. Волков и Б. Н. Ширяев, крестьянин М. З. Никонов-Смородин и скаут Б. Л. Солоневич, финский и ингушский офицеры А. Клингер и С. А. Мальсагов, генерал-майор И. М. Зайцев, индус С. Курейши и меньшевик Б. М. Сапир.

---

[1] Солоневич И.Л. Россия и революция. М.: МИФ, 2007. С. 74.

[2] Мраморнов А.И. Иларион (жизнеописание, богословские воззрения, почитание, архивные документы, сочинения, литература, иконография) // Православная энциклопедия. Т. 22. С. 144–145.

[3] Последование вечерни // Служебник. М.: Издательский совет РПЦ, 2004. С. 28.

Последний, будучи «политиком», которые на Соловках были изолированы от основной массы заключенных, возможно, не общался с представителями русского духовенства. Но даже он, кого нельзя заподозрить в особых симпатиях к служителям Церкви, упоминая владыку Илариона, выделял его «видное положение»[4], подтверждая слова Бориса Ширяева о том, что среди иерархов в отношении святителя бытовало «признание высокого, если не первенствующего авторитета. Среди верующих мирян эта авторитетность его достигла еще большей высоты», а силе, «исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики»[5].

Обращаясь к источникам личного происхождения, необходимо помнить о фактических ошибках. Они относятся к состоянию здоровья и возрасту архиерея («больной старик»)[6], продолжительности и обстоятельствам его пребывания в местах лишения свободы («послан московским ГПУ в холмогорский концентрационный лагерь, в котором пробыл два с половиной года ... архиепископа снова арестовали и послали в Соловки на пять лет»)[7], выражаются в недоказуемых («Тучков по доверию центрального ГПУ дал указания администрации Ярославского лагеря ликвидировать Илариона медицинским способом ... но на крепкого, здорового богатырского телосложения Илариона яд не подействовал»[8], «несомненно, архиепископ Иларион в Петрограде умер от отравления»)[9], а порой и заведомо неправдоподобных историях, вроде рассказа о встрече с папским нунцием[10], о которой сам автор «Неугасимой лампады» писал, что «ни капли фактической правды в этом апокрифе не было и не могло быть»[11].

Сейчас нет смысла опровергать эти и подобные им заблуждения, возникшие в условиях тотального отсутствия достоверной информации. Важнее обратить внимание на то, что даже имеющиеся ошибки не только не дискредитируют, но служат делу прославления святителя, подчеркивая тяготы и, одновременно, высоту его подвига.

---

[4] Сапир Б.М. Путешествия в северные лагеря // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 138.

[5] Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 366–367.

[6] Клингер А. Соловецкая каторга. Записки бежавшего // ВСУ. Т. 1. С. 105.

[7] Там же.

[8] Зайцев И.М. Соловки: Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти // Настоящее издание. С. 254.

[9] Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. М., 1997. С. 106.

[10] «Рассказывали, что в Кемь приехал нунций Римского Папы с целью использовать трагическое положение православного духовенства ради создания унии. Говорили, что ОГПУ было вынуждено, в силу дипломатических соображений, разрешить ему совещание с заточенными русскими иерархами, которые избрали якобы для переговоров владыку Илариона. Описывали с яркими, красочными подробностями встречу в Кеми двух князей двух церквей, пышное облачение нунция и убогое рубище Илариона, повторяли речь посланника Римского Престола и предложенные им тезисы условий соединения церквей, обещания вывезти из Соловков все русское духовенство и гордый трагически-непреклонный ответ владыки, избравшего терновый венец и отвергнувшего предложенную ему тиару кардинала». Ширяев Б.Н. Указ. соч. С. 365–366.

[11] Там же. С. 366.

О том, что жизнь заключенного архиерея была подвижнической, говорят не только общедоступные сведения о Соловецком лагере и аналогичных ему местах заключения, но и внутренние переживания, которыми владыка делился в письмах к своим духовным чадам.

«Живу-то я без нужды, но жизнь невеселая и малосодержательная. Так только время пропадает неважно, и иной раз приходят такие мысли. Вот, например, за шесть лет с 1906 до 1912 года прошел курс академический. Сколько наук прошел, сколько сочинений написал! Магистерскую даже защитил. Из мальчика, приехавшего из Тулы, стал совсем человеком. А за последние шесть лет — что? Одно горе, одна грусть! Пропали лучшие годы, а их не так уж много впереди осталось. Больше осталось позади. Вот эта потеря невознаградима. И сколько их пропадет еще! Вот такие мысли приходят порой, и, понятно, невесело от них становится»[12].

Понятным становится и происхождение таких мыслей, если вспомнить фразу «отсюда живыми мы не выйдем»[13], которую архиепископ обронил по прибытии в Кемский пересыльный пункт.

И все же, несмотря на внутреннее томление, проистекающее из пророческого предчувствия своего исхода, то, что оставалось на поверхности и было открыто для окружающих, можно свести к следующим, часто восторженным эпитетам: «прославился своей бесстрашной борьбой... стойкий ревнитель Православия... талантливый оратор... жизнерадостный и бодрый...»

Наиболее подробный в описании внешних деталей и, одновременно, глубокий психологический портрет владыки дает протопресвитер Михаил Польский, воспоминания которого опубликованы в настоящем томе: «Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник, оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью ... За годы совместного заключения являемся свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, детской кротости»[14].

Возникает вопрос: где находился источник той силы, которая так ярко проявлялась на фоне выпавших на долю святого испытаний?

---

[12] Священномученик Иларион (Троицкий), арихепископ Верейский // Соловецкие новомученики / сост. игум. Дамаскин (Орловский). Соловецкий монастырь, 2009. С. 402.
[13] Польский М., прот. Новые мученики Российские // Настоящее издание. С. 70.
[14] Там же. С. 127–128.

Говоря о человеческих качествах, необходимо выделить уже упомянутые простоту[15], открытость[16] и тонкое чувство юмора именитого архиерея[17], вспомнить о поддержке, которую он тайно[18] и явно[19] оказывал своим соузникам, а также о жертвенности владыки[20].

Современники подчеркивали ум и мужество архипастыря, которые проявлялись в открытой полемике с деятелями советского государства[21], в потребности души с риском для жизни идти на помощь погибающим в море[22], в готовности совершать церковные Таинства[23] или участвовать в тайных богослужениях[24], что в условиях заключения грозило самыми зловещими последствиями.

При этом нельзя сказать, что священномученик находился вне критики. Это было и невозможно в эпоху церковных нестроений, активно подогреваемых представителями безбожной власти. После них, не простивших владыке верность патриарху Тихону, главными противниками архиерея были участники всевозможных обновленческих расколов. Борьба с ними стала основной причиной обоих лагерных сроков и, одновременно, являлась целью скорейшего освобождения из Соловков[25].

---

[15] «Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу. Приветливый хозяин, принимающий приставших с дороги гостей. И был так непринужден, так славно шутил, что забывалось о его учености и исключительности, выдвинувших его на одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов». Волков О.В. Погружение во тьму. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 76.

[16] «Он никогда не стеснялся в выражении своих мнений и чувств, ничего не боясь». Польский М., прот. Соловецкий лагерь.

[17] «На Филимоновой рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками, все заключенные, были сетевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей работе архиепископ Иларион любил говорить переложением слов стихиры на Троицын день: "Вся подает Дух Святый: прежде рыбари богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбари показа". Так смирялся его дух с новым положением». Польский М., прот. Новые мученики Российские.

[18] «Мои благодетели: архиепископы Иларион и Петр (оба умершие)». Феодосий (Алмазов), архим. Указ. соч. С. 77.

[19] «Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось сконцентрировать духовенство в 6-й роте, получить для него некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных всех чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность». Ширяев Б.Н. Указ. соч. С. 367.

[20] «Устраивая других — и духовенство, и мирян — на более легкие работы, владыка Иларион не только не искал должности для себя, но не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком». Там же. С. 368.

[21] «Иларион выступил против Луначарского и до такой степени разбил все его доводы, что аудитория освистала наркомпроса». Клингер А. Указ. соч. С. 106.

[22] Ширяев Б.Н. Указ. соч. С. 358–372.

[23] «В лагере на Поповом острове скончался один священник, немощный старик. Перед смертью он со слезами на глазах умолял коменданта позволить владыке Иларию совершить над ним святое причастие. Комендант в оскорбительной форме отказал умирающему». Мальсагов С.А. Указ. соч. С. 401.

[24] «Шла Пасха. И как хотелось, хотя и в такой затруднительной обстановке, совершить молитвенный обряд ... Только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в далеко не законченной пекарне». Чехранов П., свящ. Две тюремные Пасхи // ВСУ. Т. 1. С. 713.

[25] «Тогда уже укрепилась "живая" церковь — красная, как ее прозвали, непостижимо примирявшая Христа с властью Антихриста. Соблазны живоцерковников таили величайшую опасность для веры. Именно ее судьбы тревожили владыку. О себе он не думал и был готов испить любую чашу». Волков О.В. Указ. соч. С. 77.

Другим фронтом борьбы стала полемика с критиками церковно-государственной политики митрополита Сергия (Страгородского).

Протопресвитер Михаил Польский упрекал архиепископа Илариона, что он, хотя и «бессознательно, подавал агенту мысль ... заключить союз с Православною Церковью и поддержать ее», тогда же мол, и настоящая, по крайней мере, «авторитетная Церковь поддержит советскую власть»; укорял его и за то, что владыка «в соглашении митрополита Сергия с властью ничего не видел особенного ... не строго судил об отношениях главы Церкви с властью»[26].

Первый пункт обвинений снимает сам о. Михаил, когда дает характеристику «Соловецкого послания»[27], составленного при непосредственном участии владыки Илариона. Документ, появившийся летом 1926 г., по мысли священника, «отвечал высочайшему достоинству Церкви и ее вечному значению, указывая ее истинный путь»[28].

Что касается реакции на «Декларацию» от 29 июля 1927 г.[29], то здесь на первое место выходит пастырское попечение архиерея о единстве Церкви, о котором свидетельствуют митрополит Мануил (Лемешевский)[30] и переписка святителя с представителями «иосифлянства»[31].

Возвращаясь к вопросу о том, что укрепляло владыку в трудные времена явных подлогов и скрытых провокаций, необходимо указать на веру в Церковь, без которой нет спасения, и веру во Христа, без Которого невозможна сама жизнь на земле[32].

Именно эта вера являлась источником внутренней силы, проявления которой явственно ощущали окружающие люди, ведь «и короткая беседа с Иларионом ободряла. Так бывает, когда общаешься с человеком убежденным, умным и мужественным. Да еще таким стойким»[33].

---

[26] Польский М., прот. Новые мученики Российские.

[27] К правительству СССР (обращение православных епископов из Соловецких островов — «Соловецкое послание») // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 500—507.

[28] Польский М., прот. Новые мученики Российские.

[29] Послание (Декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти // Акты. С. 509—513.

[30] «В ноябре 1927 г. некоторые из соловецких епископов начали было колебаться в связи с иосифлянским расколом. Архиепископ Иларион сумел собрать до пятнадцати епископов в келлии архимандрита Феофана, где все единодушно постановили сохранять верность Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Сергием. "Никакого раскола! — возгласил архиепископ Иларион. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это, как на провокацию!"» Мануил (Лемешевский), митр. Die Russischen Orthodoxen Bischole von 1893 bis 1965 / Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemeschevskij). T. III. Erlangen, 1984. S. 214.

[31] «...всем отделяющимся я до крайней меры не сочувствую. Считаю их дело совершенно не основательным, вздорным и крайне вредным». Выписки из писем заключенного в Соловках архиепископа Верейского Илариона (Троицкого) по вопросу об «иосифлянской оппозиции» // Акты. С. 618—619.

[32] «Надо верить, что церковь устоит, — говорил он <владыка Иларион>. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящие огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга». Волков О.В. Указ. соч. С. 76.

[33] Там же.

Олегу Волкову вторит Михаил Никонов-Смородин, который сравнивал этого князя Церкви с «толстовцем» А.И. Деминым. Несмотря на внешнюю схожесть судеб — исповедание и реализацию в условиях открытых гонений определенных религиозно-нравственных ценностей, плодами общения с этими людьми были совершенно разные вещи. Радость и умиротворение при встрече с православным архиереем[34] и, наоборот, досада, чувство раздражения при общении с маститым сектантом[35].

Другие примеры преображающего влияния святителя на окружающих людей отражены в действиях его литературного прототипа — митрополита Иннокентия из опубликованного в этой книге произведения Бориса Солоневича «Тайна Соловков», которое в отличие от его же автобиографической повести «Молодежь и ГПУ», является авантюрным романом.

Как и в других мемуарах, факты биографии священномученика Илариона подвержены целому ряду искажений. Он погибает на лесоповале, где его расстреливают за невыполнения положенного урока, действительности не соответствуют возраст и сан[36]. И все же, многое подсказывает, что основным прототипом этого собирательного образа русского архиерея стал владыка Иларион, с которым мемуарист вполне мог общаться во время своего пребывания на Соловках в 1926–1928 гг.[37]

Даже мимолетная встреча с Митрополитом переворачивает жизнь беспризорника Сеньки, о ценностных ориентациях которого можно судить по общей характеристике уголовников, данной братом Бориса — Иваном Солоневичем[38].

После первого знакомства с архипастырем малолетний заключенный только «насмешливо сплюнул через выбитые зубы и с видом превосходства отошел к своей бригаде»[39]. Но вскоре он пересмотрел свое отношение к недавнему собе-

---

[34] «Я с радостью созерцал спокойную, величавую фигуру иерарха, уважаемого даже врагами. Уже шестой год шел, как владыка Иларион был лишен свободы и брошен в одну общую кучу с подонками общества. И все же он по-прежнему — стойкий борец за веру: никакие лишения не могли его поколебать. Враги и гонители Христовой веры — его враги. Без компромиссов и уступок. Удивительной бодростью веяло от него, и в душе, после бесед с ним, водворялись мир и тишина». Никонов-Смородин М.З. Красная каторга. София, 1938. С. 153.

[35] «По дороге в Кремль я догнал Александра Ивановича Демина. Почтенный толстовец шел, поглядывая и на партию изможденных рабочих, и на встречных чекистов одинаково спокойным взглядом. Мне даже стало досадно на это олимпийское спокойствие». Там же. С. 194.

[36] Впрочем, «митрополитом» архиепископа Илариона автор называл и в своей документальной книге: «Митрополит Иларион, архиепископов несколько, архиереи...» Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ: жизнь и борьба советской молодежи. — Примеч. авт.

[37] «Он, брат, не только грамотный, а магистр, профессор всяких там наук. Его во всем мире знают, и книги его везде есть. А сидит он здесь потому, что не признал советской власти <...> Недавно закончился ваш второй срок. Всего, значит, вы провели у нас в гостях уже шесть лет». Солоневич Б.Л. Тайна Соловков.

[38] «Из всех человеческих чувств у них, видимо, осталось только одно — солидарность волчьей стаи, с детства выкинутой из всякого человеческого общества. Едва ли какая-либо другая страна и другая эпоха может похвастаться наличием миллионной армии людей, оторванных от всякой социальной базы, лишенных всякого социального чувства, всякой морали». Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: РИМИС, 2005. С. 66.

[39] Солоневич Б.Л. Тайна Соловков.

седнику и, улучив возможность, обратился к нему со словами извинения. После очередной встречи на душе у мальчика «было какое-то непривычное спокойствие, и губы его невольно кривились в счастливой усмешке, словно это прикосновение руки внесло в его душу что-то радостное и светлое»[40].

В романе есть и другие отрывки — сцена тайной панихиды в помещении карантинной роты, допрос у начальника лагеря, которые, конечно, являются лишь авторской реконструкцией и, наверно, далеко не совершенной по своему исполнению словесной иконой святого. Но можно предположить и то, что неточности, а зачастую и значительные фактические ошибки, которые встречаются в этом и других произведениях соловчан, не столько искажают лик, сколько выделяют, подчеркивают главные черты архиепископа, формируя у читателя простой и, вместе с тем, величественный образ русского святителя.

В 2014 г. отмечается 85-летие со дня трагической кончины и 15-летие с момента канонизации священномученика Илариона. Уверены, что в этой связи появятся новые публикации и исследования, посвященные жизни и богословскому наследию прославленного архиерея. Мы же добавим всего лишь один штрих — стихотворение, написанное на Соловках иподьяконом и келейником святителя Николаем Кирьяновым, который разделил с владыкой не только скорби лагерного заточения, но и радости духовной жизни.

ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА ВЕРЕЙСКОГО ИЛАРИОНА[41]

Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего...
Испуганным голосом сердце вскричало,
Ворвавшись надсадой в метелистый гам:
Не моя ли любовь лебединым причалом
Всегда приставала к твоим берегам.

Не нам ли с тобой улыбались сполохи,
Посланники верные северных стуж.
Птенец-недокормыш сиротские вздохи
Недаром просыпал в сосновую глушь.

[40] Солоневич Б.Л. Тайна Соловков.
[41] Жизнеописание священномученика Илариона, архиепископа Верейского. СПб.: Воскресенский Новодевичий монастырь, 2004. С. 58–60.

Я словно отшельник в суровом затворе
Слезой неуемной спалил рукава.
Припомнились мне соловецкие зори,
Бросавшие в море цветные слова.

Тебе я хвалился стиховой обновой,
Из песенных ульев ты черпал мой мед.
О, белые ночи, о, лов окуневый,
Морошковый праздник — убранство болот.

Должно быть, ты помнишь, как старец Назарий
В березовой тоне нас потчевал семгой,
Как сосны пылали в осеннем пожаре
И я уходил за плечами с котомкой.

Олени страшились всегда гидроплана,
В глубокую чащу стремился их след.
Не мы ли с тобой так восторженно рано
Своим славословьем встречали рассвет.

Чудные тюлени боялись мотора,
Бензинного запаха, алых огней.
Не к нам ли с тобой с золотого дозора
Заря приходила родимой родней.

И вереск лиловый нам под ноги стлался,
Он был нам дороже бухарских ковров...
И я восхищался, и я восторгался,
Смиряя молитвой мятежную кровь...

Теперь моя радость причалила к устью,
Беззвонной обедней скучает село...
Рыбацкую смелость подернуло грустью,
Волной беломорской разбило весло.

Ушел от меня ты на раннем закате,
До дна не истратил кипучести сил...
Не нас ли с тобой преподобный Савватий
За светлой Заутреней лаской кропил...

Два старца, слюбившись, в Зосимовы дали
Молитвенно плыли на новой ладье...
В последнюю осень все чайки рыдали,
Прощаясь с утехой в озерной воде.

Простились и мы у забытой часовни.
А грудь подсказала: «прощанье навек»...
Лечь бы с тобой, как с отцом, по-сыновьи,
В голубом стихаре под серебряный снег...

Задумался Анзер, и Муксульма тоже
В брусничном пространстве теряет свой взор.
Ушел от меня ты с земных бездорожий
От горького подвига в Божий собор...

Ну разве ты думал, ну разве мы мнили,
Что так изомнутся любовь и цветы.
Нева и граниты тебя приютили;
Надежная встреча: тот город и ты.

Узнав про утрату, Ока затужила,
Зеленые Липицы взвыли тоской,
И ангел пропел над родимой могилой;
«За крестным страданьем — блаженный покой».

Все сердце исходит большими слезами,
Закуталась в схиму орлиная мысль...
Прими мою душу на вечную память
В свою светозарно-безбрежную высь...

Прими мою душу, как птицу и зорю,
Под саккос своей необъятной любви.
И грешного странника в вечном просторе
Трепещущим словом опять обнови...

Я в сумрак повергнут и в холод железный,
Ищу, где кончаются скорби концы.
Возьми от скитаний, прими от болезней
Под ноги твои расстилать орлецы...

БОРИС ЛУКЬЯНОВИЧ

СОЛОНЕВИЧ

И.П. Воронин
БОРИС СОЛОНЕВИЧ, МЛАДШИЙ БРАТ ИВАНА

Борис Лукьянович Солоневич прожил не менее яркую жизнь, чем его старший брат — Иван Лукьянович, автор «России в концлагере» и «Народной Монархии». Борису, казалось бы, вообще-то повезло больше, чем всем остальным его братьям: Всеволод погиб в Гражданскую, Евгения (единокровный брат) расстреляли в СССР в 1938-м, Иван умер от рака желудка сразу после операции в возрасте шестидесяти одного года. Борис дожил до девяноста лет и, можно сказать, увидел то, за что боролся — крах советской власти.

А вот по известности до старшего брата дотянуться не удалось, хоть талантами Бог и не обидел. Наверное, это могло бы стать трагедией всей его жизни. Но так можно было бы утверждать только в том случае, если бы трагедий этих в его судьбе было какое-то менее фантастическое число. Кажется, исследователи еще долго не смогут ответить на вопрос: сколько же раз в своей жизни Борис Солоневич лишался главного — свободы. Впрочем, наиболее яркие эпизоды мы упомянем в этом кратком, как эпитафия, очерке его жизни.

Итак, Борис родился 20 января 1898 г. (ст. ст.) в селе Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии. Он был третьим сыном в семье Лукьяна Михайловича Солоневича и Юлии Викентьевны (урожд. Ярушевич). Старшие братья — Иван (1891—1953) и Всеволод (1895—1920). Отец буквально через год после рождения Бориса оставил учительство и стал мелким чиновником, а впоследствии прославился как историк-краевед и общественный деятель, издавал газету «Северо-Западная Жизнь», которую финансово поддерживал сам П.А. Столыпин.

Среднее образование Борис получал в Виленской Второй гимназии, завершил его уже в столице Империи — в 8-й Петроградской гимназии на Васильевском острове.

Во всех своих автобиографиях он с гордостью сообщал, что стал скаутом уже в 1912 г. Многих историков скаутинга это до сих пор вводит в смущение. Однако и основатель движения русских скаутов О.И. Пантюхов в 1909 г. тоже начинал с «потешных» отрядов, а история ведется именно с этой даты. Так что позднейшее признание Бориса Лукьяновича объясняет, что он имел в виду: «Я, лично,

помню, как еще мальчиком в 1911—1912 гг. в Вильне мы объединились, как скауты, еще неясно понимая, что это такое»[1].

Старший брат Иван примкнул к другому молодежному спортивно-патриотическому движению тех лет — «Соколу». Увлекался всеми возможными видами спорта — борьбой, боксом, футболом, гимнастикой. В 1914 г. стал вице-чемпионом России по гиревому спорту. Еще раньше начал работать журналистом в отцовской газете, которая выходила сначала в Вильно, потом в Гродно, а затем уже в Минске. Газета стояла на православно-монархических позициях, полемизировала с сепаратистами и революционерами, за что в «прогрессивном» обществе считалась органом Охранного отделения. Солоневичей это, впрочем, нисколько не смущало.

Младшие братья тянулись за Иваном не только в спорте (несмотря на то, что все страдали близорукостью и носили очки), захотелось попробовать себя и на газетном поприще. Журналистский дебют Бориса состоялся осенью 1914 г., в начале Первой мировой войны. Вот в номере «Северо-Западной Жизни» от 11 октября 1914 г. находим такой материал: «В Августовских лесах (письмо гимназиста)». Он сопровождается вводным предложением Лукьяна Михайловича Солоневича: «Редактор "Северо-Западной Жизни" получил от своих сыновей, гимназистов 8 и 6 классов Виленской Второй гимназии следующее письмо» — и далее собственно текст, повествующий о том, что они видели вблизи фронта. После коллективного творческого опыта с братом Всеволодом шестнадцатилетний Боб (семейное прозвище) 28 ноября отмечается в газете отца уже самостоятельно, опубликовав корреспонденцию «Виленские гимназисты на передовых позициях». Эту дату можно с полным основанием считать началом его журналистской и писательской деятельности, продолжавшейся примерно семь десятков лет — до тех пор, пока он совсем не ослеп.

Накануне революции Борис Солоневич поступает в Политехнический институт. Летом 1917-го он уезжает на каникулы к отцу на Кубань. Там его и застает большевистский переворот. Он записывается в Добровольческую армию — в офицерскую роту «Спасение Кубани». Помимо участия в боевых действиях, продолжает вести скаутскую работу. Его статья о спорте в этих молодежных организациях была опубликована в сборнике «Русский Скаут», вышедшем под редакцией Э. Цытовича в Армавире в 1919 г. Известно также, что на территориях, занятых белыми, Борис Солоневич сотрудничал в газетах «Единая Русь», «Кубанское Слово», «Свободная Речь» и «Осваг» (Осведомительное агентство).

[1] Солоневич Б.Л. Пятьдесят лет тому назад // Воскресение (Эсслинген, Германия. 1959. 4 янв. № 6. С. 1. Цит. по: Полчанинов Р. Еще о Б.Л. Солоневиче // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2005. № 40(97).

В Киев, по его собственным словам, «прорвался к брату в гости из Ростова только на несколько дней»[2]. Во время этой командировки Борис повидался и со средним братом Всеволодом. О нем мы знаем немного. Перед революцией Всеволод тоже был студентом, в Гражданскую воевал на стороне белых. Из воспоминаний Ивана Лукьяновича известно, что Всеволод Солоневич одно время служил комендором, то есть наводчиком артиллерийского орудия, на канонерской лодке «Некрасов», потом недолго на бронепоезде и вновь — на флоте[3]. Последним местом его службы стал линейный корабль «Генерал Алексеев». До революции этот линкор Черноморского флота именовался «Император Александр III», после Февраля — «Воля», а уже в Гражданскую был назван в честь основателя Добровольческой армии. Жизнь Всеволода Солоневича оборвалась в 1920 г. в Севастополе. Борис не успел проститься с братом[4].

В Константинополь старший скаутмастер «дядя Боб» эвакуировался уже из Новороссийска. А когда в мае того же 1920-го начальник Политической части Главнокомандующего ВСЮР предложил О.И. Пантюхову вернуться из Константинополя в Крым для организации и возглавления Главной квартиры скаутов, тот послал в Крым вместо себя Бориса Солоневича. Обстановка не благоприятствовала созданию Главной квартиры, Б. Л. Солоневич вернулся в Константинополь с докладом О.И. Пантюхову, но не остался в Турции, а поехал обратно в Крым, к своим скаутам[5].

Он работал переводчиком в американском Красном Кресте, и о начале эвакуации белой армии Врангеля из Крыма узнал еще в Константинополе. «Передо мной во всей своей трагичности встал вопрос, — вспоминал Борис, — оставаться ли на чужбине или возвращаться на Родину, под чьей бы властью она ни была. В душе разыгралась буря мучительных противоречий. Победило желание остаться на родной земле, разделить с другими тревоги и опасности будущего, продолжить свою работу и свою борьбу на пользу Родине, и вот быстроходный американский миноносец несет меня обратно к русским берегам...»[6]

Вскоре выяснилось, что в Севастополе уже заканчивалась эвакуация, американцы решили туда не идти, предложили Борису не сходить с корабля, зайти вместе в Керчь, а потом вернуться в Турцию. Он отказался и сошел на берег в Ялте, откуда уже ушли последние пароходы и куда еще не пришли большевики. Так начиналась его 14-летняя эпопея в Советской России.

---

[2] Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ. София, 1937. С. 427.
[3] Солоневич И.Л. Три ухода // Голос России. 1936. № 24.
[4] См.: Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ. С. 33–34.
[5] Полчанинов Р. Борис Лукьянович Солоневич // Страницы истории разведчества-скаутизма. 2003. № 26(83).
[6] Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ. С. 10.

С приключениями добравшись до Севастополя, «дядя Боб» был радушно принят в скаутской семье. Впрочем, скаутский отряд вскоре перешел под опеку отдела Всевобуча, в его состав даже пришлось включить политрука-комсомольца. Попутно Борис, как известный спортсмен, возглавил «Первый Севастопольский рабоче-крестьянский советский спортивный клуб им. Н.И. Подвойского» и стал председателем Крымского олимпийского комитета.

В 1921 г., увидев в газете «Красный спорт» фото брата (в ряду других спортсменов-чемпионов), Иван Солоневич послал почти «на деревню дедушке» — на адрес Севастопольского Всевобуча — письмо брату. После отсидки в ЧК с женой и маленьким сыном Иван обосновался, от греха подальше, под Одессой — в городке Ананьеве, и звал Бориса к себе: «В такое время плечо к плечу легче воевать с жизнью»[7].

Воевали по-разному: варили мыло из дохлого скота, пробовали «спекулировать», много чего пробовали. Самое колоритное: братья ходили по окрестным селам и устраивали незамысловатые спортивно-концертные представления, за которые сельчане расплачивались натуральными продуктами. Иногда компанию Солоневичам составлял... великий русский борец И.М. Поддубный, которого нелегкая судьба тоже занесла в Ананьев. Немногим позже, уже в Одессе, Поддубный устраивал борцовские ристалища в местном цирке, там Борис выступал под австралийским псевдонимом Боб Кальве.

Параллельно, как и всегда в его советские годы, шла скаутская работа, на тот момент в Одессе существовало три русских скаутских отряда и один еврейский. А кроме того служба в ARA. Помочь удалось многим, но тех, кто нуждался в помощи, — было много больше.

В 1922 г., несмотря на почти экстерриториальную работу, Борис Солоневич был арестован ЧК по обвинению в организации «антисоветских скаутских банд» (по одним данным — это произошло весной, по другим — осенью 1922-го). Срок — два года. Благодаря хлопотам друзей и знакомых отсидеть пришлось только половину, но так близко к смерти он, наверное, еще никогда не был.

После отсидки, чтобы не подвергать опасности семью старшего брата, Борис переезжает в Севастополь, где устраивается инструктором физкультуры в РККФ. В 1924-м он уже — инструктор физкультуры Черноморского флота, к концу того же года — инспектор физической подготовки Красного Флота в Москве (почти адмиральская должность, как писал Иван Солоневич).

Здесь он смог завершить прерванное революцией обучение и получить высшее образование, закончив экстерном Государственный институт физи-

[7] Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ. С. 86.

ческой культуры по кафедре врачебного контроля над физкультурой. Здесь он женился в конце 1925 (или начале 1926) г. на Ирине Францисковне Пеллингер[8].

25 мая 1926 г. (по другим данным — 2 июня) Борис вновь был арестован — шла целая волна по «зачистке» скаутских деятелей. Старший скаутмастер Солоневич получил пять лет Соловков. В ноябре жена и брат провожали его на Николаевском (ныне — Ленинградском) вокзале в Москве. Перед отправкой в СЛОН он впервые увидел своего первенца — сына Георгия (назван в честь небесного покровителя скаутов).

Именно соловецкие воспоминания легли в основу публикуемых в данном сборнике романа «Тайна Соловков» и отрывка из автобиографической книги «Молодежь и ГПУ».

Известный исследователь русского скаутинга пишет: «Его книга "Молодежь и ГПУ" посвящена памяти расстрелянных в лагере осенью 1929 г. скаута Д. Шипчинского и "сокола" С. Грабовского. И хотя почти все герои носят вымышленные имена, тем не менее, по словам скаутов-ветеранов, они легко узнаваемы. Да и сам Солоневич в переписке с Пантюховым назвал некоторые истинные имена скаутов, отбывавших срок вместе с ним: Сергей Шорыгин, Владимир Зотов, Сергей Шибанов, Погодин, Леонид Старцев, Юрий Шипчинский, Веревкин, Владимир Сабинин, Глеб Бострем, Евгений Ивницкий, Вячеслав Юрканский, Дмитрий Шипчинский, Борис Зеленов, Семен Гурвич, Дмитрий Ганешин, Борис Соколовский — всего 15 скаутов и 2 герл-скаута»[9].

В главе «Знамя скаута» Борис Солоневич делает сноску: «На эту тему мною написана одноактная пьеса, которая уже ставилась русскими скаутами Гельсингфорса и Софии». Очевидно, он имеет в виду пьесу «Похороны старого знамени», публикации о ее постановке встречаются в эмигрантской прессе.

Сначала — Кемский пересыльный пункт, а потом — и на сам остров. В отделе труда СЛОНа Борис не задержался, выступив с проектом организации спортивной станции. Проект чекистам понравился. Когда в 1927 г. на святом острове снимали документальный фильм «Соловки», физкультурная часть стала одной из самых ярких, и первое место в ней было отведено Борису Солоневичу. Его

[8] См.: Воронин И.П. Гражданин Империи: очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. М.: ФИВ, 2013. С. 158–161.

[9] Кудряшов Ю.В. Борис Солоневич: скаутмастер агаповского времени // Скаутизм и идеал педагогики: материалы Педагогической науч. конф. памяти М.В. Агапова-Таганского (Москва, 2008). Разведчество как практический метод решения педагогической задачи в России (Черноголовка, 2010). По следам профессора Агапова (результаты исследовательской поездки по Сербии и Хорватии 2010 г.) / Об-ние пед. исслед. им. М.В. Агапова-Таганского, Орг. российских юных разведчиков, Газ. «Скаутский мир». М.: ВНИИгеосистем, 2012. 127 с. // URL: http://oryur-vertograd.narod.ru/kudry.html

лицо, как и лица многих других заключенных, впрочем, в кадр ни разу не попало, но знакомые узнавали по телосложению[10].

А весной 1928-го случилось и вовсе чудо чудное: «Пришла бумажка: "Заключенного Солоневича, Б.Л. направить в Ленинград, в тюремную больницу имени д-ра Гааза"... И вот, как-то вечером мне объявили, что рано утром я на лодке отправляюсь на материк...»[11]

После обследования Соловецкую каторгу ему заменили ссылкой в Томск. Там он работал в городском совете физической культуры, в Томской трудовой коммуне ОГПУ, а затем, по окончании срока, в 1930 г. был отправлен уже в Орел — из ссылки в высылку, как пораженный в правах и лишенный возможности жить, где заблагорассудится. Там предстояло провести еще три года под охраной «недреманного ока» ОГПУ. Работал сначала опять по физкультуре, а потом — фотографом в отделе технической пропаганды железной дороги.

Весной 1932-го — опять арест, Лубянка, Бутырка. В попытке соорудить очередное коллективное дело по скаутам Бориса продержали в тюрьме несколько месяцев без предъявления обвинения. Этот арест переполнил чашу терпения, и он наконец соглашается на предложение старшего брата бежать за границу под видом туристов через Карелию[12].

Первая попытка побега оказалась неудачной, «туристы» заплутали в болотах, да еще и Иван некстати заболел. Пришлось возвращаться назад — к счастью, удалось избежать подозрений, и Борис возвращается в свой Орел, чтобы через год повторить попытку «вооруженного нелегального перехода границы».

В сентябре 1933 г. группу туристов пополнили Елена Пржиялговская, жена старого приятеля Ивана Солоневича, и ее новый жених — Николай Бабенко, оказавшийся сексотом. Перебежчики добрались только до Ленинграда, а потом в поезде их опоили снотворным и всех арестовали. Борис, впрочем, пару конечностей чекистам при задержании сломал.

В тюрьме на Шпалерной в одиночке пришлось провести три месяца, пока шли допросы и готовилось обвинительное заключение. По поводу Бориса в нем сказано следующее: «СОЛОНЕВИЧ Борис Лукьянович, 1898 г., сын волостного писаря, русский, подданства СССР, ур. Гродненской губ., Пружанского у., дер. Рудники, проживающий г. Орел — Железнодорожная ул., д. № 12, ответственный секретарь Стрелкового Комитета ж.д., женат, жена и 2-ое детей,

[10] См.: Солоневич Б.Л. Кинофильм «Соловки» // Сойни Е.Г. Солоневичи и Север: Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 223–225.

[11] Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ.

[12] См. Солоневич Ю.И. Повесть о 22 несчастьях // Север. 2011. №№ 5/6. С. 145–183.

неимущий, образование высшее, б/п, в 1926 г. осужден Коллегией ОГПУ по ст. 58-4 УК на 5 л. концлагеря. В 1932 г. по ст. 58-6 УК был под следствием — освобожден, в белой армии не служил, — <обвиняется> в том, что, находясь в ссылке в г. Орле — будучи антисоветски настроенным, был связан с шпионом КОРНИЛОВЫМ (ныне арестованным за шпионаж ОО ОГПУ — Москва), принимал активное участие в деятельности СОЛОНЕВИЧА <Ивана> — последнему пересылал фотоснимки Орловских депо и других сооружений, имеющих стратегическое значение, каковые использовались СОЛОНЕВИЧЕМ <Иваном> для шпионской цели. Участвовал на сборищах по поводу вооруженного перехода границы, где давал участникам установку без боя при переходе не сдаваться, т.е. в пр<еступлениях,> пр<едусмотренных> ст. ст. 58-6 и 58-10 УК. ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО, изобличается показаниями остальных обвиняемых»[13].

Любопытно отметить, что статья 59-10 (нелегальный переход границы) содержится в обвинительном заключении только в отношении Юрия Солоневича и Ирины Пеллингер. Ивану, Борису и Никитину эту статью добавили уже в приговоре[14].

Иван, Борис и Юрий встретились в пересыльной тюрьме на Нижегородской улице и — о, счастье — угодили в один этап, в ту же Карелию, до которой добраться не удалось. Жена Бориса отправилась в Дальлаг, в 1938 г. ей выдвинут новое обвинение и расстреляют. Дети — Георгий и Нина — сначала жили с родителями Ирины, а потом были отправлены в спецколонию для детей репрессированных, их следы теряются уже в конце 1930-х гг.

Иван с Юрой устроились в учетно-распределительной части БелБалтлага, Борис — в Свирьлаге стал начальником санитарной части в Лодейном Поле. Летом уговорились бежать в назначенный день — теперь уже из лагеря и сразу за границу. Для подготовки к побегу Ивану пришлось устроить ошеломляющую «халтуру» под названием Вселагерная спартакиада. Подробности побега Иван описал в своей знаменитой «России в концлагере», начиная с третьего издания в конце приложением неизменно идет рассказ Бориса о том, как он бежал параллельно и в одиночку. Это — отрывок из его самой известной книги «Молодежь и ГПУ».

---

[13] Цит. по: Базанов П. Братья Солоневичи: документы и легенды (На основе коллекции В.В. Иофе, НИЦ «Мемориал» // Право на имя: Биографика XX века: чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / НИЦ «Мемориал» (СПб); Европейский ун-т в С.-Петербурге. СПб: Норма, 2013. С. 173.

[14] Чистяков К.А. Следственное дело в отношении Ивана Солоневича в архиве ФСБ // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: материалы III науч.-практ. конф.: СПб. 24 апреля 2005 г. СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2006. С. 43.

После побега, новых допросов — уже в финской политической полиции — «три мушкетера», как их называли в лагере, воссоединяются. Первое время работают грузчиками в порту Гельсингфорса, при этом пишут свои воспоминания о жизни в СССР, пробиваются в русскую эмигрантскую и иностранную печать. Финляндия как место проживания, несмотря на свою гостеприимность, их не устраивает: за полтора года с трудом удалось добиться разрешения для проведения публичных докладов. Хочется пробиться к эмигрантским центрам — Париж, Берлин, Белград, ну хотя бы София. Визу в Болгарию весной 1936 г. удалось получить при помощи однокашника Бориса — капитана Клавдия Фосса, имевшего определенный вес в Русском Обще-Воинском союзе — организации, в которую превратились остатки белых армий.

То, о чем в Финляндии не приходилось и мечтать, постепенно начинало приобретать реальные очертания. Речь шла, конечно, о своей газете, в которой без цензурных рамок можно будет рассказать всю правду о жизни в Советской России. А «левая» цензура была на высоте. И если Иван жаловался на редакторские ножницы «Последних Новостей», «Современных Записок» или «Иллюстрированной России», то от писаний Бориса те же «Современные Записки» отказались вовсе.

Гонорар Ивана за чешское издание «России в концлагере», Бориса — за шведский перевод «Молодежи и ГПУ» (книга вышла в Гельсингфоргсе только в 1937 г.), а также заработки Бориса на поприще вольно-американской борьбы — так складывался стартовый капитал для издания «Голоса России». С 18 июня 1936 г. газета начала свой еженедельный выход.

Издание Солоневичей ориентировалось на среднего эмигранта, условного «штабс-капитана» и очень быстро завоевало симпатии аудитории. Рос тираж, число стран, где появились представители, достигло полусотни, русские и иностранные СМИ целыми полосами перепечатывали материалы из «Голоса России». Уже через четыре месяца, в октябре Иван и Борис отправляются в лекционное турне по Югославии. Белград, Нови Сад, Земун — восемнадцать докладов за неделю. О своем побеге, о Красной Армии, о советской молодежи, о беспризорниках, о скаутах...

Потерялись на почте письма со статьями для газеты, и Иван вынужден вернуться в Софию раньше времени. А Борис еще неделю разъезжает с докладами: Загреб, Любляна, Бора, Крагуевец, Белая Церковь.

Прошло чуть более полугода с выхода первого номера «Голоса России», а уже одноименное издательство начинает выпуск книг, и первой выходит из пе-

чати в марте 1937-го книга Бориса Солоневича «Молодежь и ГПУ» с подзаголовком «Жизнь и борьба советской молодежи». Отрывки из воспоминаний начали печататься на «Литературной странице» газеты еще в июле 1936 г. (главка «Живая пыль»), и в окончательный текст книги «по техническим причинам» вошло не все: очерк «День врача в концлагере» опубликован в сокращении (хотя потом и вышел отдельной брошюрой и по-русски, и по-болгарски), а очерки «Советский быт», «Под колесами машины», «Комсомольское Рождество» и другие остались только в газетных публикациях. Отметим, что на болгарском языке в 1937—1938 гг. «Голос России» опубликовал также повесть Бориса «Тайна Соловецкого монастыря» (тогда это была только повесть размером в 53 страницы) и очерк «Моя встреча с товарищем Ягодой».

Предшественница Солоневичей по побегу, Татьяна Васильевна Чернавина опубликовала довольно сдержанную рецензию на «Молодежь и ГПУ» в журнале «Современные Записки». Борис вновь оказывается в тени таланта старшего брата. Напрямую рецензент об этом не пишет, но то, что подспудно сравнение имеет место быть, — несомненно. «Беда этой книги, — сетует Чернавина, — заключается в том, что в ней почти не осталось следа советской атмосферы <...> К сожалению, при всей своей несомненной любви к молодежи, Б. Солоневич не смог дать ее реального облика»[15].

Лето 1937-го — пик популярности братьев Солоневичей. Они совершают еще одно лекционное турне, на сей раз по Франции, Швейцарии, Австрии и Бельгии. Весь цвет парижской эмиграции рукоплещет им. «В чем успех, выпавший на долю братьев Солоневичей? — спрашивал обозреватель газеты "Возрождение". — Почему их поездка по Европе, их турне по эмигрантским центрам и выступления на закрытых собраниях, посещаемых лишь эмигрантами, находят такой горячий отклик?

Дело и не в содержании докладов, и не в их изложении. Не в том, что они приводят новые факты или пережевывают старые. Все в том, что бр. Солоневичи, вырвавшись из СССР и Соловков, сумели до сего времени сохранить ощущение тамошних условий жизни. В том, что свои ощущения они умеют передавать эмигрантской аудитории. В том, что благодаря им между закабаленной Россией и Россией свободной протянулись живые нити. К пониманию умом прибавилось освеженное, омоложенное, если так можно сказать, понимание сердцем»[16].

---

[15] Т<атьяна> Ч<ернавина>. Б. Солоневич. Молодежь и ГПУ. Изд. «Голос России». София, 1937 // Современные Записки. 1937. № 65. С. 461.

[16] *Н. И.* и Б.Л. Солоневичи в Париже // Возрождение. 1937. № 4090. С. 7.

В Брюсселе, и это стало полной неожиданностью для Ивана, Борис заявил, что остается лечить глаза и в Софию возвращаться не намерен. Это предопределило разрыв отношений между братьями, который произошел только через полтора года. А пока Борис оставался сотрудником редакции, в издательстве «Голоса России» в 1938-м вышла вторая книга его воспоминаний — «На низовке» (название на обложке — «На советской низовке с фото-пушкой»). Вокруг редакции постепенно образуется Народно-имперское (штабс-капитанское) движение. К нему примыкает и Русское общество спортсменов, созданное Борисом в Брюсселе. Он продолжает работать с молодежью, активно выступает в эмигрантской и иностранной прессе с антикоммунистическими статьями.

Политическая деятельность Ивана тем временем складывается так, что открытый конфликт с верхами эмиграции становится неизбежен. Идеология штабс-капитанов — это все те же «За Веру, Царя и Отечество», но с учетом революционных потрясений, главным виновником которых объявляется правящий слой старой России — и в первую очередь генералитет. Для большинства эмиграции это был подрыв устоев, если не провокация большевиков.

Советские спецслужбы, конечно, не оставались в стороне — стравливание одной части эмиграции с другой было излюбленным приемом иностранного отдела ОГПУ. Но использовались и другие методы — например, похищения возглавителей РОВС генералов Кутепова и Миллера. А Ивану Солоневичу, антисоветская деятельность которого носила уже международный характер, просто-напросто прислали в редакцию бомбу. От взрыва 3 февраля 1938 г. погибли его жена Тамара и секретарь редакции студент Николай Михайлов. Иван и Юра чудом уцелели. На похороны собралась вся русская София, Борис из Брюсселя приехать не смог, прислал телеграмму[17].

В марте Иван с Юрием переехали в Германию — она оказалась единственной страной, которая могла обеспечить их безопасность, болгарские власти никаких гарантий не давали. Пережитое, безусловно, отразилось на состоянии Ивана, его полемика с РОВСом становилась все более ожесточенной, даже несмотря на то, что далеко не все из сторонников соглашались с его утверждениями об эмигрантском филиале ОГПУ. Борис пытался увещевать, сгладить острые углы, призывал «не бить по своим», но Иван не обращал на это внимания. Тогда весной 1939 г. Борис решился на совсем уж отчаянный шаг и опубликовал брошюру «Не могу молчать!» с критикой высказываний брата. Иван назвал ее актом мести, «прежде всего самому себе», а эмигрантские газеты сообщили о политической ссоре двух братьев.

[17] Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист. М.: Алгоритм, 2007. С. 369.

Нельзя утверждать категорически, но похоже, что примирения так и не состоялось. Хотя факты противоречивы. С одной стороны, известно, что в 1948 г. они обменивались письмами, Борис в своих послевоенных статьях неоднократно и с сочувствием цитировал статьи старшего брата. С другой — Иван в свой аргентинско-уругвайский период о Борисе никак не упоминает, даже когда пишет о побеге из лагеря.

После нападения Германии на Советский Союз по Брюсселю, столице оккупированной нацистами Бельгии, прокатилась волна арестов русских эмигрантов — не рядовых, конечно, а тех, кто играл хоть какую-то общественную роль. В их число попал и Борис Солоневич. Вроде бы странно, что известный антикоммунист, книги которого издавались и в Германии (кстати, и после ареста тоже) был квалифицирован гестапо как потенциальный просоветский элемент. Есть подозрения, что в дело вмешался случай, а именно: личный конфликт с Ю. Л. Войцеховским, возглавлявшим в Бельгии Русский христианский трудовой синдикат, а в апреле-мае 1941 года ставшим главой Управления делами русской эмиграции в Бельгии[18].

А во время войны и в годы заключения Бориса Солоневича вовсю издавались его произведения. На русском языке вышли романы: «Тайна старого монастыря» (Брюссель, 1941; Тяньцзин, 1941; второе издание под названием «Тайна Соловков» — Брюссель, 1942) и «Рука адмирала» (два издания, Брюссель 1942 и 1943). Та же «Тайна Соловков» была опубликована в переводах на иностранные языки: фламандский (Антверпен, 1942), французский (Брюссель, 1942) и немецкий (Брюссель, 1944). «Рука адмирала» вышла дважды по-французски (Брюссель, 1942 и 1943). Кроме того, в 1941 году в Берлине вышла отдельной брошюрой глава из «Молодежи и ГПУ», а в 1942-м — второе полное издание книги на немецком языке (первое было в 1938 году).

Автор пребывал в заключении, а на страницах пронацистских эмигрантских изданий — «Парижского вестника» и берлинского «Нового слова» — преспокойно рекламировали его только что вышедшие книги. Борис оставался в заключении в замке Бриндонк, превращенном в каторжную тюрьму, до самого ухода немцев, то есть до сентября 1944 г. После освобождения он издал на французском языке книгу воспоминаний о пережитом[19]. А в декабре 1945 г. СССР объявил его «военным преступником» и потребовал выдачи у Бельгии. Выдачи удалось избежать, но уже в январе 1946-го за публикацию антисоветских книг

[18] См.: Маньков С.А. Арест Бориса Солоневича в 1941 году: к вопросу о возможных причинах // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: материалы IX науч.-практ. конф: СПб. 10 апреля 2011 года. СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2012. С. 22–28.

[19] Solonevitch B. Breendonck. Camp de tortures et de mort. Bruxelles: Goemaere, 1944. 112 p.

во время войны Военный суд Бельгии приговорил Бориса Солоневича к году тюрьмы. Впрочем, уже через три недели он был освобожден, но автоматически потерял все гражданские права — в том числе право на участие в прессе.

Этот запрет был нарушен. В августе 1950 г. вышел первый номер журнала «Родина». Родившись как информационный бюллетень Союза Андреевского Флага, «Родина» скоро перешла на более широкую платформу и стала журналом для подсоветской эмиграции — с подзаголовком «Независимый антикоммунистический орган. На правах рукописи». Основатель и редактор журнала — Борис Солоневич, который со временем остался единственным автором, периодически в собственные рассуждения вставляющим фрагменты из книг и статей брата.

Положение редактора Бориса Солоневича было двусмысленным, при той активной полемике, которую он вел с различными политическими группировками, всегда можно было ждать доноса властям. Поэтому скоро, в 1952 г., пришлось передать издание журнала в руки смелой девушки антикоммунистки Матильды Лефевр (официальный издатель).

Настоящим скандалом окончилась полемика с журналом «Часовой», выходившим под редакцией капитана В.В. Орехова, которого поддержали РОВС, НТС и Российское Национальное Объединение, со взаимным обвинением в работе на МГБ. В 1953 г. Орехов подал в суд на Бориса Солоневича с указанием, что тот фактически редактирует журнал, чего по бельгийским законам делать не имел права. В 1954 г. суд приговорил Бориса Лукьяновича к году тюрьмы за нарушение закона. В наручниках он был из зала суда отправлен в тюрьму. Через полтора месяца Апелляционный суд отменил решение, и его вновь освободили. В это время «Родина» продолжала выходить — частично уже в Германии в Мюнхене[20].

Все эти приговоры не помешали американскому консулу выдать Солоневичу визу в США, и с 1957 г. «Родина» возобновила свое издание в Нью-Йорке. «Американская» «Родина» уже не была типографской, а печаталась на мимеографе. Борис Солоневич сам карандашом вписывал заголовки. Упал и тираж журнала, существование удавалось поддерживать за счет благотворительности читателей, набиравших для каждого номера 50 долларов. Не было ни подписки, ни розничной продажи, журнал рассылался бесплатно. Редактор писал: «Честно признаться, тираж "Родины" в среднем 200 экз. В Нью-Йорке расходится штук 40»[21].

[20] Базанов П.Н. Иван и Борис Солоневичи и их журналы «Родина» // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии:материалы VII науч.-практ. конф.: СПб. 26 апреля 2009 года. СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2010. С. 5.

[21] Там же.

В 1955 г. в Буэнос-Айресе вышел исторический роман Бориса Солоневича «Женщина с винтовкой», работу над которым он закончил еще в 1946 г. в бельгийской тюрьме. Это даже не роман, а литературная обработка воспоминаний Нины Крыловой, поручика «Женского батальона смерти», кавалера ордена Св. Георгия.

Еще один роман — «Заговор красного Бонапарта» о маршале Тухачевском — издательство «Сеятель» выпустило тоже в Буэнос-Айресе в 1958 г.

По просьбе издательства журнала «Свободное слово Карпатской Руси» Борис дописал концовку для посмертного издания незаконченного романа Ивана Солоневича «Две силы». Двухтомник вышел в 1968-м. Впрочем, эта работа была встречена неоднозначно, а уже в наше время, после переиздания книги на Родине, известный критик писал: «Окончание, приделанное к роману братом писателя, Борисом Солоневичем, к сожалению, безнадежно слабее остального»[22].

В 1969 г., после очередной операции на глазах, в доме Бориса Солоневича случился пожар, в результате которого его левый глаз совсем перестал видеть[23]. Правым, с помощью сильных очков, он еще мог читать одну страницу текста в час и слегка стучал на машинке с помощью своего доверенного Бориса Ганусовского. Он по-прежнему не мог спокойно доживать свой век, поэтому издавал свою «Родину».

Борис Солоневич всегда помнил о том, что он скаут. Именно он организовал установку знаменитой мемориальной бронзовой доски в честь русских скаутов, погибших во время революции в России, в штаб-квартире Национального штаба бойскаутов США в пригороде Далласа, штат Техас: «Светлой памяти русских бой-скаутов, погибших в период красного террора, защищая свои идеи Бога, Родины и свободы»[24].

Последний номер «Родины» (№ 256) вышел в 1979 г., это был спецвыпуск на английском языке. Слепой и больной, с помощью друзей (деньги на лечение собирали по объявлениям в эмигрантской прессе, а также скауты по подписным листам) Борис еще в 1970 г. был помещен в дом престарелых Русско-американского союза в городе Глен-Ков на Лонг-Айленде, где и скончался 24 февраля 1989 г. Похоронен в Ново-Дивеево под Нью-Йорком.

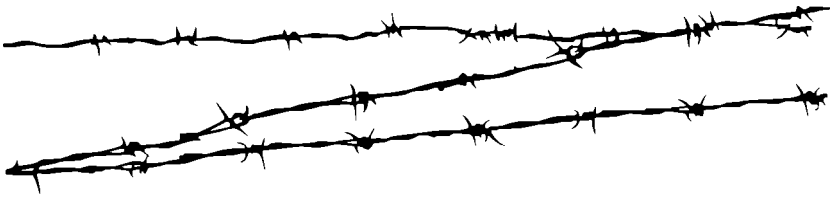
Публикации, вошедшие в сборник «Воспоминаний соловецких узников», — первые, открывающие современным русским читателям новое для них имя.

[22] Рудинский В. Иван Солоневич. «Две силы» (Москва, 2002) // Наша Страна. 2012. № 2719–2720.
[23] Солоневич Б. Письмо в редакцию // Наша Страна. 1970. № 1080.
[24] Кудряшов Ю.В. Указ. соч.

«Молодежь и ГПУ» и «Тайна Соловков» при жизни автора вышли на нескольких иностранных языках, а вот после его смерти, несмотря на падение советского режима, борьбе с которым он посвятил всю свою жизнь, на Родине не было переиздано ни одной его книги.

✠

Молодежь и ГПУ (Жизнь и борьба советской молодежи)[1]

Глава IV
ЗА РЕШЕТКАМИ

...Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

<...>

Парадоксы «âme slave»[2]

Опять «Черный Ворон». Поздно вечером нас привозят на Николаевский вокзал и поочередно, между санками из конвоиров, проводят в арестантские вагоны. Сбоку от конвоиров видна стена молчаливо стоящих людей. Это все — родные и друзья, с раннего утра толпившиеся у ворот тюрьмы и с трудом узнавшие, на каком вокзале будут «грузить этап».

Все они молчаливо теснятся за цепью часовых и с жадностью вглядываются в каждого арестанта, выходящего из «Ворона».

Вот выхожу оттуда и я со своей сумкой и под наведенными стволами винтовок шагаю к новой тюрьме на колесах.

Внезапно среди давящей тишины этого мрачного церемониала из толпы раздается звонкий и спокойный голос Ирины.

— До свиданья, Боб, до свиданья!..

Опять волна радостной благодарности заливает мое сердце. Я вглядываюсь в толпу и в первых ее рядах вижу брата и Ирину с каким-то свертком на руках.

---

[1] Публикуется по: Солоневич Б.Л. Молодежь и ГПУ (Жизнь и борьба советской молодежи). София, Голос России, 1937. С. 285–374.

[2] Славянская душа (фр.).

Как неизмеримо ценны эти последние взгляды и последние ободряющие слова!..

Я хочу ответить, но сбоку уже раздаются понукания чекистов и меня почти вталкивают в вагон. Я уже исчезаю в дверях, когда до меня доносится громкий голос брата: — Cheer up, Bobby![3] Маленькое купе. Две полки вверху, две внизу. В одной стене маленькое оконце с решеткой. Со стороны коридора купе закрывается решетчатой дверью.

Мест — 4, а нас уже 9.

Вагон окружен шумом и суматохой последних распоряжений. В темноте не видно, кто мои спутники. Придавленные впечатлениями окружающего, мы обмениваемся односложными замечаниями или молчим. Через полчаса суматоха стихает. Видимо, все уже погружены. В купе совсем темно, и только через окно в коридоре льется свет вокзальных фонарей.

Внезапно в коридоре звучат чьи-то тяжелые шаги, и хриплый начальнический голос возглашает:

— Эй, граждане, кто здесь моряк Солоневич?

Я торопливо отзываюсь.

У решётки вырастает высокая фигура конвоира. В руках у него белый сверток, который он как-то странно неуклюже несет обеими руками.

— На, гляди, эй, ты, папаша! — с благодушной насмешливостью говорит он, подсовывая к решетке сверток, откуда раздается чуть слышный писк.

«Сынишка!» вспыхивает у меня радостная догадка. И в самом деле, в одеяле, среди всяких оберток, шевелится что-то живое, что нельзя увидеть из-за решетки.

— Товарищ, — умоляюще говорю я. — Разрешите открыть дверь. Дайте поглядеть, как следует. Это — мой первенец. Родился, когда я еще на Лубянке сидел...

— Ладно, ладно, — добродушно ворчит «начальство», обдавая меня легким спиртным духом. — Чорт с тобой. Очень уж твоя баба упрашивала. Эй, Федосеев, открой тут.

Меня выпускают в коридор, и я наклоняюсь над сонной мордочкой своего сынишки. При тусклом свете фонарей я вижу, как он внимательно оглядывает меня своими спокойными глазенками, чмокает губами и покачивает головой, как бы укоризненно говоря: «И как это тебя, батька, угораздило так влипнуть? А мне, как видишь, везде хорошо...»

— Поглядел — ну и ладно. Давай, я понесу обратно. У меня в деревне тоже, почитай такие же остались, — уже улыбаясь, говорит конвоир, сам немного растроганный этой сценой и своей добротой.

[3] Держись, Боб (англ.).

О, благословенное русское добродушие, парадоксально совмещающееся с крайностями стихийной жестокости! Что было бы с несчастной Россией, если бы сквозь стену материалистического бездушия, гнета и террора не прорывались бы вот такие ростки чисто русской славянской доброты и мягкости!..

Вот и сейчас в привычной к виду страданий, загрубелой душе цепного пса ГПУ все-таки каким-то чудом шевельнулся росток ласки и добра...

А еще через час этот самый чекист где-то рядом до полусмерти исколотил рукояткой револьвера за какую-то провинность маленького воришку, почти мальчика...

Туда, где нет закона и жалости

Через двое суток мы были в Ленинграде и там в тюрьме узнали, что весь наш этап направляется в Соловки... Дрожь прошла по телу, при этом известии и этом слове. Из многих десятков советских концентрационных лагерей Соловецкий по праву мог считаться самым суровым, и его имя было овеяно страшной славой.

Расположенный на островах Белого моря, на линии северного полярного круга, он был оторван не только от всех законов страны, но, казалось, издевался и над всеми законами человечности. Нигде не погибло столько жизней, нигде не был сильнее террор и откровеннее произвол, нигде не был более беспомощней заключенный, чем на острове Соловки.

«Остров пыток и смерти» — так назвали этот остров белые офицеры, бежавшие уже с материка за границу в 1925 году, и это название не было поэтическим преувеличением...

Долг скаута

Две недели держали нас, москвичей, в Ленинградской тюрьме, пока не составили нового этапа. Этап — это целый эшелон в 30—40 товарных вагонов, набитых арестованными, направляющимися в лагерь. Так сказать, «новое пополнение» — смена каторги...

Среди этого нового пополнения оказалось несколько скаутов — южан, ленинградцев, нижегородцев. Некоторых из них приходилось встречать на воле и раньше. И грустно, и одновременно радостно было пожать руку старым друзьям, исхудавшим, обросшим, грязным после месяцев тюрьмы, но неизменно по старой скаутской традиции находившим в себе силы бодро улыбнуться при встрече...

Вот, наконец, нас, громадную толпу заключенных, вывели на широкий тюремный двор для погрузки в этап. По капризу списка я очутился в одной группе с ленинградским скаутом Димой, арестованным в Москве, где он учился в какой-то художе-

ственной школе. Мы с ним встретились уже в Бутырке и поэтому сразу составили «коммуну». Поделились продовольственными запасами, оставшимися от полученной мной при отъезде из Москвы передачи, и стали ждать вызова.

— Знаешь что, Дима, — предложил я. — Ты пока побудь около вещей, а я пойду погляжу — может быть, и еще кого-нибудь из скаутов выужу в этой каше. Вместе в один вагон, Бог даст, устроимся...

— Так сказать, создание скаутской секции великого интернационала советских каторжан, — засмеялся Дима. — Вали, брат, ищи...

Я оставил свою сумку и нырнул в массу людей, согнанных сюда со всех концов многострадальной русской земли.

Кого только нет в этой многоликой толпе! Старики и дети, рабочие и крестьяне, беспризорники и профессора, священники и студенты, военные и воры, киргизы и иностранцы... Всех их уравняло звание «классового врага»...

Шум, крики. Где-то рядом идет обыск. Конвой отбирает у заключенных все, что ему вздумается. Разве можно жаловаться? Да и кому? Да и кто верит в то, что жалоба достигнет цели, а не ухудшит и без того бесправного положения советского каторжника?..

Испуганные нервные лица. Многие и до сих пор не знают не только своей вины, но даже и своего приговора...

Не найдя никого из скаутов в этом этапе, я уже возвращался к Диме, когда до моего слуха донеслись какие-то крики.

Подбежав к шумящей группе, я увидал старика-священника и Диму, рвавших из рук высокого оборванца какой-то мешок.

Маленький седой священник умоляющим срывающимся голосом просил:

— Оставьте... Вы же видите — я старик. Это у меня последнее... Я поделюсь с вами...

Дима молча, всеми своими юношескими силами боролся за обладание мешком.

Сбоку от этих трех фигур беспомощной кучкой стояло еще несколько священников, и все они были окружены стеной воров, оборванных и раздетых.

Мое прибытие изменило соотношение сил. Я оттолкнул оборванца и вырвал из его рук мешок.

— Ты что, сволочь, мешаешься не в свои дела? — злобно вскрикнул он, оскаливая гнилые зубы. — Ножа попробовать захотел? Катись к чертовой матери, пока кишки не выпустили...

Кругом раздались угрозы его товарищей. Я оглянулся. Везде были видны мрачные, злые лица. Кольцо смыкалось. Конвойные были далеко. Да и какое им до нас дело? Лишь бы никто не убежал. А если там кто-нибудь кого-нибудь убьет — ну так что ж! Меньше хлопот!..

Священник с растерянным видом сидел на земле, обхватив свой мешок с вещами, а Дима со сверкающими глазами и сжатыми кулаками готов был к бою.

Босяк-зачинщик почувствовал поддержку своей волчьей стаи и опять рванул мешок из рук старика.

— Оставьте! — простонал испуганный священник, защищая свое добро. Для него, старика, очутиться на далеком суровом севере без теплых вещей было равносильно гибели, и он, очевидно, понимал это. Я опять резко оттолкнул грабителя.

— Лучше брось, товарищ! — решительно сказал я, стараясь все-таки не ввязываться в драку при таком соотношении сил. — Мы не дадим обидеть священника!

Босяк молча, быстро оглянулся по сторонам и, не видя кругом ни одного солдата, бросился на меня. В его руке сверкнул клинок ножа.

Во мне вспыхнула глухо клокотавшая до сих пор ярость против насилия, гнета и издевательства. Этот вор, сам арестант, даже здесь, среди заключенных, собирается ограбить седого, слабого старика... Неужели даже здесь, среди несчастных, едущих, может быть, на свою гибель, всякий вор будет безнаказанно пользоваться своим правом сильного? И старики будут гибнуть только потому, что они не приспособлены к такой звериной борьбе за свое существование? Я вообще — сдержанный человек. Никогда еще ни в боксерских матчах, ни в многочисленных драках я не бил со злобой. Моим кулаком управлял либо спортивный азарт, либо чувство самозащиты. Но на этот раз я ударил не только со всей силой, но и от всего своего сердца, со всей яростью, облегчая этим свою душу от невысказанного протеста.

О, благословенная одна тысячная доля секунды, когда в мозгу боксера молнией вспыхивает ощущение хорошо попавшего удара!..

Плоскость моего кулака достигла цели с точностью до миллиметра, а вытянутая рука передала не только силу резкого поворота плеч, но и всю тяжесть рванувшегося вперед тела и распрямленной стальной пружины ног.

Удар попал по челюсти в момент нападения моего противника. Его тело было резко остановлено в воздухе и тяжело рухнуло на землю.

Со сжатыми кулаками и с тяжелым ощущением неравного боя я повернулся к Диме и крикнул:

— Спина к спине, Дим... Смотри за ножами...

Но что мог бы сделать слабенький юноша против опытных хулиганов, привыкших к ножевой расправе? Результат драки был ясен заранее. Но побледневшее лицо Димы было решительно, и глаза его с вызовом смотрели на толпу воров.

Еще секунда-две — и мы были бы смяты массой наших противников, но в этот момент в тесно обступившей нас толпе раздался громкий, решительный крик:

— Стой, ребята!

«Неужели помощь?» мелькнуло у меня в голове.

— Стой, братва, стой! — продолжал кричать тот же голос, и из обступившей нас человеческой стены вырвался какой-то паренек с копной черных волос на голове и вихрем бросился ко мне. Я напрягся для удара...

— Это я, дядя Боб, я — Митька с Одессы! — радостно воскликнул парень, подскочил ко мне и, повернувшись к ворам, твердо и повелительно сказал: — Этого моряка я знаю. Свой в доску. Откатывай, ребята...

К крайнему моему удивленно, воры отступили.

— Эй, расходись! Что там собрались в кучу? — крикнул в этот момент издалека конвойный, и толпа поредела.

Солдат увидел лежащее тело и заспешил к нам. Митька тоже благоразумно исчез.

— Что тут у вас? — с досадой спросил солдат.

— Да вот, товарищ красноармеец... — взволнованным голосом начал священник. — Этот, вот, молодой человек...

— Погодите, батюшка, — я сам все объясню, — прервал я его. — Больной, вот, тут упал. Видно, припадок. И лицо, вот, в кровь разбил. Разрешите я его в здание внесу?

— Ладно, неси, пока пересчета не было...

Я поднял бесчувственное тело вора, внес его в здание тюрьмы и вернулся на свое место.

Позже, уже перед самой посадкой в вагоны, ко мне подошла группа урок.

Митьки среди них по-прежнему не было. Один из них выделился из группы и подошел ко мне вплотную. Вид у него был мирный, но я все же внимательно следил за его руками. Мне не раз уже приходилось видеть молниеносное движение руки с клинком ножа и слышать безнадежный в этих условиях крик — «Держи, держи!» — после падения жертвы.

К моему удивленно, вор не проявил никаких враждебных намерений.

— Ну, вот, — укоризненно сказал он. — Счастье твое, что Митька-одессист тут попался. А то был бы ты вспоротый... И не стыдно тебе, а? Ну, за что ты нашего Ваньку так вдарил? Ну, бил бы, как человек... Дал бы раза по морде и все тут. А то, вот, переломал парню все кости... Разве так бьют? Совести в тебе нет! А еще интеллигент!

Я невольно рассмеялся от неожиданности такого упрека.

— Ладно, ладно... В следующий раз буду бить уж не так сильно. А вы лучше со мной не ссорьтесь, ребята. Давайте по-хорошему жить...

Эта история, как это ни может показаться странным, создала мне большой авторитет среди воров и бандитов. В Соловки я приехал с ореолом человека, который зря не донесет, не «стукнет», но с которым выгоднее жить в ладу...

Невеселый путь

На грязной узкой улице, ведущей из тюрьмы, к вокзалу, длинной лентой вытянулся наш этап — более 500 человек. Живая лента арестантов тесно окружена конвоем. Их винтовки угрожающе направлены на нас. Впереди идет специальный патруль, разгоняющий пешеходов.

— Эй, там! Не высовывайся из рядов... Шаг вправо, шаг влево — будем стрелять! — кричит конвоир...

Понуро и медленно двигается человеческая масса. У каждого свое горе и свои невеселые мысли...

Вот, впереди — выстрел... Через минуту мы проходим мимо лежащего неподвижно человека, руки которого еще конвульсивно вздрагивают... Что он — пытался бежать в самом деле, или, увидя на тротуаре родное лицо, не удержал радостного шага в сторону?.. Или просто этот выстрел — месть чекиста? Ведь фраза — «убит при попытке к бегству» — покроет все.

Из задних рядов к нам проталкивается подвижная фигура Митьки. За эти 4 года он вырос и возмужал. Черная копна волос разрослась еще больше, но лицо его словно сделалось измятым и покрылось морщинами. Видно, пришлось видеть невеселые дни... Мы радостно здороваемся, как старые друзья.

— Ну, спасибо, Митя, что выручили... А я уже думал сам себе «Вечную Память» петь, когда ваши ребята нас окружили...

— Это подходяще вышло, что я здесь очутился, — сияя, отозвался Митька. — А то ребята освирепели... Шутка сказать — так Ваньку-Пугача угробить... Он у нас ведь первым силачом считался...

— А почему это они вас послушали?

— А я у них вроде короля. В нашем деле без дисциплины никак нельзя — моментом засыпаешься. Ну, а я — старый урка. Почет имею. В Соловки уже по второй еду...

— Это после Одесского приюта?

— Ну, да... Я ведь оттуда разом сбежал, как, помните, Влад-Иваныча выставили. Буду я ихних комсомольцев слушать!.. Как же, нашли тоже дурака...

— А того комсомольца-оратора не встречали? — спросил я, вспомнив рассказ о мести Митьки.

— Как же... Как же! Встречал! — усмехнулся юноша. — Помню... Вряд ли только он что помнит. Нечем помнить-то...

— С ума сошел, что ли? — спросил Дима.

— Нет... Но уж ежели кирпич об голову разобьется, то уж не только памяти, а и от головы-то мало что остается... А вы — тоже скаут, как и дядя Боба?

— Да...

— Ну... Ну... Добрались, значит, и до вашей шатии. Что ж, там, в Соловках, кого хочешь, встретишь...

— А вы там как очутились?

— Как? Да очень просто — раз, два в тюрьму попал, а оттуда прямой путь в Соловки... Рецидивист, а по-нашему — старый уркан... Ну, да я недолго там был...

— Амнистия была?

— Амнистия? Ну, это только дураки в советские амнистии верят. Бумага все терпит. Я сам себя амнистировал.

— Как это?

— А так — до острова меня так и не довезли. Я еще с Кеми смылся. Да, вот, не повезло — опять по новой засыпался...

— Много дали?

— Да трояк. А вам?

— Пять лет.

— Ишь ты... За очки, значит, добавили... А вам?

— Три.

— Ну, что ж, — философски заметил Митя. — Трудновато вам будет... Я уж вижу, что вы тут как какие иностранцы. Вот, к примеру, вы, вот — вас тоже Дмитрием звать?

— Да.

— Тезки, значит... Да, так вот, вмешались вы за этого попа. В другой раз лучше и не думайте.

— Почему это?

— Да, вот, дядю Боба еще малость спугаются. А вас-то живым манером на тот свет без пересадки пустят. Тут ребята аховые. Им и своя, и чужая жизнь — копейка.

— Так, значит, молчать и смотреть, как старика грабят?

— А что ж делать-то? Жадные сволочи везде есть. Мешай, не мешай — все едино ограбят. Не один, так другой... Везде теперь так. Разве только в

Соловках? А тут слабым — могила. Да и сильным-то, по совести говоря, тоже не лучше.

— Почему это?

— А потому — на них самую тяжелую работу в лагере валят. Не дай Бог! Полгода еще от силы отработать можно, а потом либо в яму, либо инвалид... Могильное заведение... А у вас какая специальности?

— Я — художник, — ответил Дима.

— Вот это — дело, — обрадовался Митька. — Вид-то у вас щуплый. Вы на врачебной комиссии в лагере кашляйте и стоните побольше, что б в слабосильные записали... А потом, значит, плакаты рисуйте... Знаете, которые вроде насмешки висят: Как это там?.. Да... «Коммунизм — путь к счастью...» А то вот еще: «Труд без творчества есть рабство...» Карьеру сделать можно!

— Противно это.

— Ну, а что ж делать то? Разве ж лучше в болоте или лесу погибнуть? Вот сами увидите, какое там дело делается, какое там «трудовое перевоспитание» идет. Ну, а у вас, дядя Боб, какая специальность?

— Да теперь врач.

— Избави вас Бог говорить про это, — серьезно предупредил Митя. — Живут-то врачи еще ничего — сытней и чище, чем другие, но работа уж совсем каторжная. В гною, да в крови купаться придется. Люди с ума сходят. Лучше уж в канцелярию куда идите...

— Разве можно выбирать?

— Ну, первые месяцы трудно будет. Но знакомых там, на Соловках, обязательно встретите — помогут. Тут такая, вот, помощь — друг друга вытаскивать — по нашему блату — первое дело. Да потом вы этак, по одесски знаете: «а идише Копф» — по-жидовски. Изворачиваться нужно, ничего не сделаешь...

— Ну, а вы сами-то как?

— Я-то? — старый беспризорник уверенно усмехнулся. — Мне бы только до весны, да что б на самый остров не угнали. А там — пишите письма...

— Сбежите?

— Ясно, как самовар.

— И опять на воровство?

— А что ж мне больше делать-то? — с неожиданной грустью сказал Митя. — Вот, я в Одессе думал со скаутами пожить — в люди выбиться. Да сами знаете, как с нашим братом обращаются. А теперь уже поздно. Засосало. Да и куда мне идти? Эх, все равно, вся наша жизнь уже пропащая...

Шедший рядом солдат неожиданно крикнул:

— Эй, ты, шпана, иди на свое место, а то враз прикладом огрею!

Митька мгновенно скользнул в задние ряды этапа. Несколько минут мы шли молча, думая о неприглядном будущем.

— Да, Диминуэндо, попались, видно, мы в переделку. Таким бывалым ребятам, как Митька, еще ничего, а нам туговато придется.

— Ну, и что ж? — бодро откликнулся Дима. — Бог даст, как-нибудь выкрутимся. ГПУ туда скаутов порядочно нагонит — будем изворачиваться — все за одного, один за всех. Ладно! Бог не выдаст, ЧК не съест...

Старые друзья

Мы подходили к вокзалу, когда меня с тротуара кто-то окликнул. Уже смеркалось, и я не мог узнать человека, крикнувшего мне «дядя Боб!» Я приветственно махнул рукой в пространство и с медленно ползущим этапом пошел дальше.

Когда мы уже грузились в товарные вагоны, я услышал звуки спорящих голосов. К нам подходил начальник конвоя и рядом с ним высокий человек в черном костюме, с дамой под руку.

— Тов. Начальник! Вы не можете мне отказать в этом, — говорил незнакомец. — Я только что прибыл с плаванья и завтра опять ухожу в море. Мне нету времени бегать за разрешениями. А это — мой старый командир. Я ему должен 100 рублей. Не обращаться же мне, в самом деле, сейчас к Начгару[4] или коменданту станции только для этого пустяка.

Начальник конвоя колебался. Но тут раздался знакомый голос:

— Ну, пожалуйста, товарищ Начальник! — упрашивал он. — Разве командиры Красной Армии отказывают в просьбе женщинам?

Боже мой! Голос Оли!..

— Ну ладно, давайте, — сдался конвоир. — Только я сам передам.

В это время мы подошли к станционному фонарю, и при его свете я узнал Володю в костюме командира флота — такого же стройного и с той же бравой выправкой. Рядом с ним стояла Оля.

Начальник караула передал мне деньги и, торопясь замять свой поступок, приказал немедленно лезть в вагон. Я махнул рукой, Володя ответил тем же, и последним моим впечатлением были широко открытые голубые глаза Оли, из которых медленно текли слезы...

[4] Начальник Гарнизона. — Здесь и далее примеч. авт.

Преддверие ада

Маленький скалистый островок, болотистый и угрюмый, невдалеке от города Кемь, на Белом море. Два десятка деревянных бараков, оплетенных колючей проволокой. Это — «Кемперпункт», самое проклятое место на всем земном шаре — Кемский Пересыльный Пункт, откуда заключенных развозят по всему «СЛОН'у» — Соловецкому Лагерю Принудительных Работ Особого Назначения. А лагерь этот раскинулся от Петрозаводска до Мурманска. На самый остров Соловки попадают только особо опасные и важные преступники...[5]

И здесь, на Поповом острове, в Кемперпункте наш этап начал отбывать свою каторжную работу.

Представьте себе работу изо дня в день, из ночи в ночь, без праздников и отдыха, на низком скалистом берегу моря. Из этого моря нужно вытаскивать и складывать в штабеля мокрые бревна, так называемые, баланы. Эти баланы, добытые в лесу силами заключенных, потом идут на экспорт. И не раз где-нибудь под корой бревна иностранцы находили слова мольбы о помощи, написанные кровью рабов советской страны. Против покупки таких бревен, ценой которых реально является человеческая жизнь, уже не раз протестовали люди, в погоне за наживой не потерявшие чувства жалости к человеку...

Может быть, «торговать можно и с каннибалами»... Может быть, и можно...

Но можно ли покупать у них человеческие черепа для подсвечников — я не знаю.

И можно ли покупать бревна, пропитанные потом, кровью и слезами рабов ОГПУ — я тоже не знаю. Велика гибкость современной человеческой морали! И все-таки, как радостно, когда не умолкают голоса, протестующие во имя гуманности против поддержки т а к о й т о р г о в л и не с каннибалами, а с палачами...

Я не только видел, но и на себе испытал всю бесчеловечность эксплуатации человеческого труда тех миллионов заключенных, которых советская власть бросила в лагеря, как «классовых врагов».

Изо дня в день не по 8, а по 14, по 16 часов в сутки, голодными и замерзающими, работали мы поздней осенью в ледяной воде Белого моря. В ботинках и легких брюках по колено в воде я часами вытаскивал багром из воды мокрые бревна и, уходя в нетопленый барак, на себе самом сушил мокрую обувь и одежду...

---

[5] В эмиграции есть не более 5 человек, бывших на самом острове. Из них русский офицер Седергольм пробыл на Соловках только несколько месяцев, потом был спасен финским правительством и умер в Финляндии, помешавшись после всего им испытанного. Он написал книгу «В разбойном Стане». Я прибыл в лагерь через месяц после его отъезда. Другой соловчанин — генерал Зайцев был в мое время в Соловках, и я помню его. Он потом, после конца срока бежал в Манчжурию, написал там книгу о Соловках, правдивость которой я подтверждаю, но его нервная система была уже настолько потрясена, что он скоро застрелился.

И за эту работу мы получали фунт хлеба, тарелку каши (стакан, полтора) утром и миску рыбного супа днем...

Мне страшно вспомнить этот период... Однажды, когда пришлось ликвидировать какой-то прорыв в снабжении бревнами, я проработал под угрозой штыков без отдыха и сна т р и д ц а т ь в о с е м ь ч а с о в подряд..

Я выжил, благодаря своему крепкому организму, закаленному спортом, но потерял почти все свое зрение... А сколько более слабых людей и погибло, и гибнет теперь во всех уголках России, изнемогая в нечеловеческих условиях советских каторжных работ?.. То, чего лучше никогда не видеть человеческому глазу.

Однажды, после утомительного дня работы, нашу группу вели под конвоем обратно в барак. У ворот лагерного пункта задержка — там принимают очередной этап: сотни две оборванных грязных людей. По их виду заметно, что они прибыли не из тюрьмы: оттуда люди прибывают как-то немного чище и не такими измученными.

Глядя на прибывших, которых поодиночке впускали в ограду, я внезапно услышал радостный окрик:

— Дядя Боб — неужели ты?

Из толпы весело кивали мне трое нижегородских скаутов, с которыми мне довелось раза два-три встречаться на воле. Несмотря на улыбающиеся лица, вид у них — страшно истомленный. Обросшие, похудевшие лица, оборванная одежда, дырявые сапоги...

— Откуда это, ребята?

— С Кемь-Ухтинского тракта. Дорогу, браток, строили!

Ну, тогда не удивительно, что этап имел такой плачевный вид. Работы по прокладке шоссе через болота и скалы — считались одними из труднейших в лагере. Еще удивительно, что ребята остались на ногах и сохранили силы для смеха и бодрости. Теплое чувство согрело сердце, когда я глядел на эти улыбающиеся мне лица. Крепкая скаутская закваска! По Баден-Паулю, они и на этот, тяжелый и опасный, период жизни смотрели, как на момент суровой жизненной игры, жизненного спорта...

Неразлучная тройка нижегородцев — это скаут-масторское ядро известной дружины «Арго», одной из наиболее ярких в истории русского скаутинга эпохи подполья. Силой событий эта дружина осталась совсем без взрослых руководителей и сформировалась в оригинальную, чисто демократическую семью, с выборным началом и принципом — все равны, и есть только первые среди равных.

По всем отзывам, которые доходили до меня, и собственным наблюдениям, этот скаутский коллектив прекрасно справлялся с работой и в самые тяжелые времена проявил удивительную спайку и мужество. Трое старших, которые теперь оборван-

ными бродягами стояли передо мной, были арестованы в первые дни «выкорчевывания скаутинга» и попали в лагерь раньше нас, «столичных преступников».

Старший по чину из них был мой тезка, Борис, живой худощавый паренек, экономист по образованию, прирожденный организатор и руководитель. Его ртутная энергия и жизнерадостность заражали всех, и хотя его ворчливо-добродушно поругивали и «непоседой», и «юлой», и «нашим несчастьем», и «горчичником», — все любили его искренно и горячо.

Второй — Юрий, студент, был юношей-мечтателем со спокойным мягким характером, уступчивым в житейских мелочах, но твердым, как кремень, в вопросах чести и идеи.

Третий — Сема, техник-строитель, был старшим по возрасту среди нас.

Это был молчаливый и медлительный еврей с характерным задумчиво-печальным взглядом. Сейчас, приветствуя меня, он улыбался, и эта трогательная полудетская открытая улыбка как-то удивительно преобразила его сумрачное лицо.

Мы уже достаточно освоились с лагерной жизнью, и через часа два, в результате нашего коллективного опыта, уже помещались в одном бараке и устраивались на верхних нарах, среди десятков других, таких же вшивых и грязных людей, как и мы.

Но мы были вместе, и эта радость скрашивала всю неприглядность окружающей обстановки. Были вытащены наши немудреные продовольственные запасы — черный хлеб и треска, достали воды и приступили к «пиру».

— Как ты здесь устроился? — начал Борис, беря сухую треску за хвост и стукая ею по столбу «для мягкости».

— Да что ж?... Уныло... Каждый день часов по 12, по 14 втыкать приходится... Попались мы в переделку, ребята.

— Ну, брат, это ничего!.. Вот на Кемь-Ухте, — вот там — это да!.. Нам и раньше рассказывали, да мы верить не хотели. А потом сами влипли...

— Да ты расскажи толком! — попросил я, наливая теплой воды в старую консервную банку.

— Прежде всего, жизнь там прямо-таки доисторическая — шалаши или навесы из веток. Внизу болото, сверху комары. Еда, сам знаешь, какая — и без работы едва ноги волочишь. А тут такие «уроки» — прямо гроб: только здоровому сытому парню впору... Мы-то на первое время норму выполняли, часов этак в 10 — в 12, хоть и трудно было. А потом и мы сдали, хотя сравнительно с другими и сытые были: и кое-какие деньжата были, и остатки посылок из дому. А потом, крутишь, крутишь лопатой часов 14 или 16 — и никак — сил нет...

— А работа там какая?

— Да работа, по существу, простая: копать длинные рвы по обеим сторонам будущей дороги. Но копать, знаешь как? По колена в воде.

— То-то, я и вижу, что сапоги-то у вас разлезлись, — сочувственно посмотрел я на торчащие из сапог босые пальцы ног.

— Ну, брат, мы и сами-то разлезлись бы. Да, к счастью, нас скоро по канцелярскому делу забрали работать. Сему — десятником, а он нас счетчиками устроил. Грамотных-то почти нет. Больше все крестьяне. А если б не это — мы оттуда живыми-то, вероятно, и не ушли.

— Неужели норма так трудна?

— Нет, если бы кормежка, да платье, да сапоги — то еще как-нибудь можно было бы работать. Но из тюрем все истощенные прибыли, многие в лаптях, да в рванье. Паек — только-только чтоб не умереть. Кругом вода, болото... От комаров все опухли... А пока нормы не выполнишь — торчи на работе, хоть умри. Да еще хлеба не дадут... Ну, вот, и торчит парень часов 16. А на следующий день — пожалуйте — опять такая же норма... Откуда же сил взять?.. Ну, и валятся, как мухи... Ведь все без сил, истощенные, больные...

Цинготных — уйма...

Да, так вот, продвигается партия вперед, а сзади ослабевшие и больные так вповалку на земле и остаются. Может, их подбирали потом, но я не видел... Что-то не верится... А к нам все новые и новые пополнения идут: одни, значит, в могилу, а другие на смену.

Вот там, брат, мы поняли, что действительно значит — «жизнь копейка». Там, что конвой ВОХР'а захочет, — все сделает. Сколько людей там перестреляли! Не раз было — повздорит кто с чекистом, а на следующий день его уже и нет. Оказывается, «убит при попытке к бегству»... Да это что — вот пусть тебе Сема расскажет, как там с «отказчиками» поступают. Он видел больше нас...

Губы Семы болезненно искривились, и он не сразу начал:

— Эх, ребята, лучше бы и не рассказывать, не трогать наболевшего. Прямо не верится самому, что такая гнусность на свете делается...

— Вот посмотри, Борис, — он нагнул голову. — Видишь? — На висках были седые пряди, резко заметные на его черных кудрях...

— Это, вот, следы пережитого. Не дай Бог никому такое видеть. Помню, раз идем мы на работу — часов 5 утра было. А как раз накануне какой-то черкес, они ведь народ горячий, отказался от работы, да еще в морду кому-то дал, охраннику, что ли: «Бей меня на месте, — кричит, — не могу больше! Палачи, мерзавцы». Ну, словом, сам можешь понять, что измученный, доведенный до отчаяния человек может кричать... Увели его вечером. А утром, идем мы, значит, светло

было уже. Смотрим — стоит кто-то у дерева, согнувшись. Мы хотели было подойти, да веховцы кричат: «Не подходи близко — стрелять будем!»

Пригляделись мы — Боже мой! — а это наш черкес, привязанный к дереву... Сперва показалось нам, что он одет, а потом смотрим, а он голый, только весь черный от слоя комаров... Распух. Лица уже почти узнать нельзя было...

Страшно всем стало. Отшатнулись мы. Думали, что он мертвый, да только глядим, а у него колено еще вздрагивает... Жив...

А конвоиры кричат: «Гляди получше! Так со всеми отказчиками будет... Мы вас, сволочи, научим, как работать»...

Сема замолчал, и щека его нервно задергалась.

— А потом еще хуже пришлось увидеть, — тихо, как бы выдавливая из себя слова, продолжал он. — Один там паренек сбежать вздумал, живой, смелый был... Думал, видно, до железной дороги добраться, а потом как-нибудь в Питер. Да болота там везде топкие, только по некоторым тропинкам пройти и можно. А на них охрана с собаками. Псы — как телята, специально на заключенных тренированные, чтобы беглецов ловить... Поймали, очевидно... И, вот, тоже мы наткнулись. Думали, нечаянно, а потом догадались — конвой нарочно привел — посмотрите, мол, на бегунка... Знаешь, в лесу муравейники большие — с метр вышиной? Так парня этого раздели и привязали к дереву так, чтобы он ногами в муравейнике стоял... Умирать буду, а этой картины не забуду.

Голос Семы дрогнул, и он опять прервал свой рассказ.

— Мертвый он уже был, — шепотом закончил он. — Муравьи мясо разъели... Кровь запеклась... Страшно вспомнить. Со многими обморок был... Да что — прикладами в чувство привели... Помню, как пришли мы в шалаш — никто ни есть, ни спать не мог. Только то здесь, то там трясутся от истерик...

Мы замолчали. В синем тумане барака едва мигал маленький огонек керосиновой лампочки. Несколько сот усталых людей вповалку лежали на нарах в тяжелом сне, чтобы завтра чуть свет опять выйти на свою каторжную работу. И так — изо дня в день...

Скольким из них суждено лечь в сырую землю далекого севера, так и не дождавшись желанной воли? Ни есть, ни спать не хотелось. Перед мысленным взором каждого из нас проходили мрачные перспективы нескольких лет такой жизни...

На остров

Но вот, наконец, наступила желанная минута, когда меня вызвали для отправки на Соловецкий остров. Перспективы и там были нерадостные, но все-таки там, вероятно, можно было найти друзей и что-то строить в расчет на длительное пребывание. Поэтому в Соловки я ехал в надежде на что-то новое и лучшее...

После утомительного морского пути и качки, на горизонте показалась длинная темная линия острова. И, странное дело, казалось, что я еду «домой», туда, где — хочешь, не хочешь — придется пробыть несколько лет...

Все ближе. Наконец, при свете догорающего ноябрьского дня показались купола и башни Соловецкого монастыря. Под лучами бледного северного солнца все яснее вырисовывались высокие колокольни уже без крестов, своеобразной архитектуры громадные старинные соборы с потрескавшимися стенками, башни кремлевской стены и вот, наконец, и она сама — могучая стена-крепость, сложенная из гигантских валунов.

На берегу, около Кремля приютилось несколько зданий, а весь горизонт вокруг был покрыт печальным темным северным лесом.

Былое величие святой обители и страшная современная слава острова, красота самого монастыря и суровая скудость природы, мягкое спокойствие нежно-опаловых тонов высокого полярного неба и комок горя и страданий, клокочущий около меня, — все эти контрасты путали мысль и давили на душу...

Глава V
СОЛОВКИ

«...знай, что больше не бледнеют
Люди, видевшие Соловки».
(Из стихотворения)

Полярный монастырь

Давно, давно, ровно 5 веков тому назад, трое бедных монахов, отчаявшихся найти покой и уединение среди жестоких войн и волнений того времени, прибыли, в поисках новых мест для молитвы и одиночества, на суровые, негостеприимные берега Белого моря.

Там они узнали от местных рыбаков, что далеко на севере, в открытом море лежит пустынный, скалистый остров, на который еще не ступала человеческая нога. И вот туда, на этот остров, направили свои утлые челны монахи-подвижники. Там в 1437 году среди диких скал, мшистых болот и мохнатых елей возник первый «скит» — первая бревенчатая часовенка — прообраз будущего могучего и славного монастыря.

Из века в век в этот монастырь стекались люди, жаждавшие вдали от суеты и греха мира, в постоянном труде и молитве, среди суровой северной природы найти душевный покой и стать ближе к Престолу Всевышнего.

Проходили века, сменялись Цари и Императоры, кровавые волны жестоких войн прокатывались по стране, периоды цветущего мира и периоды военных гроз

шли своей недоступной объяснению чередой, росли дети, уходили в вечный покой старики, люди смеялись и плакали, рождались и умирали, богатели и беднели, любили и горевали, наслаждались жизнью и проклинали ее, а на далеком севере, вдали от мирских бурь и страстей, рос и креп особый мир — мир монастырского братства, спаянного глубокой верой в Бога и в то, что покой и спасение смятенной человеческой души возможны только в одиночестве, молитве, посте и работе.

В неустанном подвижническом труде на заброшенном в полярном море, бедном островке росла и ширилась Святая Обитель — Соловецкий Монастырь.

И здесь люди умирали, но на их место приходили другие — такие же простые, суровые и чистые душой. Строгие правила монастырской жизни, идея подвижничества вдали от сует мира, великая слава новой обители — все это привлекало новые кадры верующих и паломников со всех концов Русской земли.

Сколько поколений монахов вложило свой незаметный труд в строительство монастыря и его славы? Сколько их спокойно спит в холодной земле севера, честно и просто пройдя свой чистый жизненный путь?..

Невдалеке от могучего монастырского кремля, у опушки леса, около Святого озера лежит старое монастырское кладбище. Место упокоения монахов давно уже осквернено новыми хозяевами — большевиками. Разбита ограда, засорены могилы, сломаны и сожжены многие кресты...

Но и теперь еще видны строгие ряды могильных холмов, да сохранились старинные надписи на некоторых ветхих, полуистлевших от времени крестах:

«...Смиренный инок Андроний. Потрудился в сей святой обители 76 лет...»

«...Смиренный инок Пимен. Потрудился в сей обители 95 лет...»

Как нам, людям XX века, века аэропланов, радио, междупланетных ракет, теорий Эйнштейна и Павлова, мировых войн и мирового безумия, как нам понять весь величественный и простой, трогательный и наивный мир души этих подвижников? У кого не звучат в душе нотки зависти по тому благодатному душевному спокойствию, с которым уходили эти старики в иной, неведомый и поэтому страшный для нас, мир?..

Кто из нас, современников, изломанных и смятых грохочущим темпом жизни нашего века, не преклонит мысленно колен перед чистой верой и великим спокойствием души этих монахов-христиан, ложившихся в гроб с радостной улыбкой и безмятежным сердцем...

Пусть скептик и философ нашего века снисходительно обронят небрежные слова: «Взрослые дети!..»

Но я, перевоплощаясь в своем воображении в такого старика монаха, «потрудившегося в сей святой обители 95 лет» и, умирая, благостно взирающего на ку-

пола родного монастыря, — я смиренно склоняю свои колена и мятущуюся душу и молюсь: «Удостой и меня, о Господи, умереть с такой же спокойной душой, как умирали тысячи Твоих слуг в святом Соловецком монастыре...»

***

Соловецкий остров равен по своему размеру площади большого города.

Диаметр его — приблизительно 10—15 км. Сердцем острова является кремль со своими старинными соборами.

Когда смотришь на кремлевскую стену, пятиугольником окаймившую монастырь, диву даешься: какие великаны смогли сложить из гигантских валунов эти мощные башни и эту стену в километр длиной?... С высоты этой массивной стены становится понятным, как в течение стольких веков монахи могли с презрением смотреть на многочисленные попытки многочисленных врагов взять монастырь силой.

Помню, наш скаут — нижегородец, Сема, техник-строитель, впервые увидав эту стену, покачал головой и сказал:

— Ну и ну... Ведь экую махину состряпали!.. Чтобы ее пробить, ей-Богу, нужны тонны динамита или эскадра с 15-дюймовыми орудиями...

И, действительно, Московский кремль, при всей своей монументальности, кажется хрупкой скорлупкой по сравнению с массивностью соловецких стен... И история говорит, что монастырь веками был опорным пунктом Руси на крайнем севере. Много раз у стен Кремля гремели вражеские пушки, много раз тесным кольцом смыкались вражеские силы, но монастырь только смеялся над их атаками, и его твердыня казалась несокрушимой.

Для всей России Соловецкий монастырь был не только крепостью, но и оплотом чистой веры и подвижничества. Утомленные государственными трудами и тяготами, в стенах монастыря отдыхали цари и императоры. Много знаменитых русских людей на склоне лет уезжали в Соловки, чтобы умереть там, среди величественного покоя. Здесь окончил свои дни один из спасителей Руси в смутное время, Авраамий Палицын, здесь умер последний гетман казачьей вольницы — Сечи Запорожской. Здесь замаливал свои грехи легендарный атаман Кудеяр, имя которого до сих пор прославляет народная песня-былина:

Сам Кудеяр в монастырь ушел,
Богу и людям служить...
Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим...
Так в Соловках нам рассказывал
Инок святой Питирим...

За 500 лет неустанной работы монахи превратили скалистую, пустынную землю в образцовое хозяйство. Сеть дорог покрыла остров. Многочисленные озера были соединены каналами и шлюзами. У Кремля было устроено искусственное озеро, вода которого наполняла док и давала источник энергии для электростанции. Собственное пароходство, железная дорога, заводы и мастерские, рыболовные промыслы и солеварни, образцовое молочное хозяйство — вся эта картина процветающего монашеского труда издавна привлекала в монастырь многочисленных гостей.

Богатые величественные соборы, десятки скромных часовен и скитов, разбросанных в самых глухих уголках острова, суровая красота и своеобразие природы — все это влекло к себе тысячи богомольцев со всех концов земли.

И слава могучего старинного монастыря гремела по всей России.

Но вот, в 1917 году вздрогнула вся страна от революционного взрыва. Стремительно, как на экране, замелькали события. Зашатались вековые устои...

Буря гражданских войн донеслась и до спокойных берегов Белаго моря. Разрушительная волна залила и великан-монастырь.

Расстреляли, замучили в тюрьмах и ссылках монахов, разгромили, ограбили и осквернили церкви, разрушили хозяйство, и на несколько лет обезлюдел остров, словно и не было никогда пяти веков славы и величия...

В 1923 году вспомнили в кабинетах ВЧК о монастыре... Но уж лучше бы не вспоминали!..

Из места молитвы и покоя монастырь сделали концентрационным лагерем — местом заключения тысяч и тысяч «классовых врагов» советской власти. Соловки превратились в «остров пыток и смерти...»

Кровь жертв красного террора окропила мирные могилы монахов-подвижников...

Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей

«Верь мне, мальчик, что когда все вокруг тебя
кажется совсем уж мрачным — верный знак,
что счастье повернуло на твою дорогу.
Будь только тверд, спокоен и добр,
и непременно случится что-нибудь,
что приведет снова все в порядок».
Э. Сетон-Томсон

Громадный полутемный собор. Массивные его стены, сходясь, поднимаются вверх и там исчезают во мраке. На этих стенах еще сохранились пятнами следы

икон старинного письма... Алтарь, иконостас и все убранство этого старинного величественного собора уже давно расхищено.

На всей площади пола идут длинные деревянные лежанки, заполненные пестрым месивом людей. Здесь никак не меньше 500–600 человек. Несколько маленьких дымящихся печурок с длинными тонкими трубами тесно облеплены сушащимися людьми. Едва мерцают несколько электрических лампочек, оставляя всю эту безотрадную картину в серой полутьме...

Когда меня поздно вечером привели в этот собор, мне показалось на мгновенье, что вся эта человеческая масса — не люди, а клубок серых грязных червей, копошащихся на падали... Впечатление было настолько жутким, что невольная дрожь пробежала по телу...

Поужинав кусочком черного хлеба, я втиснулся на грязные доски, между спящими телами и задремал.

Утром всех нас выстроили «для развода» на работы. Пришел «нарядчик», высокий, прямо держащийся человек с военной выправкой.

Он быстро отсчитал группы:

— 30 человек — дрова пилить... 40 — на кирпичный завод. 80 — чистка помойных ям. 50 — на погрузку бревен и т.д.

— А вы, моряк, станьте в сторону, — бросил он мне, и уголки его губ чуть улыбнулись. Назначенные группы под конвоем ушли.

Нарядчик кивнул мне головой и пошел к выходу.

— Этот — со мной по требованию командира полка, — бросил он часовому, и мы вышли из собора.

— Что, т. Солоневич, не понравилось? — неожиданно спросил он меня во дворе Кремля. Я удивленно оглянулся на него.

— Вы меня знаете?

— Ну как же... Тут целый военный совет собрался, чтобы вас выцарапать... Вот сейчас всех друзей встретите... Как это говорится: без блата не до порога, а с блатом хоть за Белое море...

Действительно, в Отделе Труда меня окружили знакомые лица: тут были и Дима, и Вася, и Серж, и несколько морских офицеров, с которыми я плавал в Черном море.

— Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей, — шутливо сказал Серж, сердечно пожимая мне руку. — Мы тут уже обдумали твою карьеру. Насчет врачебного дела — а ну его к чорту, сгниешь там... Ты стрелковое дело понимаешь?

— Есть грех.

— Тиры можешь строить?

— Могу.

— Ну, вот, и ладно. Тут чекистский полк себе тир строит. Тебя туда и направят.

— А что я там делать буду?

— Пока рабочим. А дальше, как говорят, «по способности». Комбинируй там, что сможешь, проявляй инициативу и пока осматривайся... Из собора мы тебя на днях переведем.

— Да тут целый заговор в мою пользу!

— Иначе тут нельзя. Мы тебе — а ты нам. Великий закон блата. Иначе тут все голову сложим. Ну, пока... В добрый час...

Применение к каторжной местности

— «Смирно!..»

Мы оторвались от копанья вала и вытянулись. К строящемуся тиру подходил командир чекистского полка, низкий коренастый человек, с суровым жестким лицом и щетинистыми усами, типичный унтер-офицер старой армии. Он недовольно махнул рукой, и заключенные взялись за лопаты.

Хмурые глаза чекиста остановились на мне, одетом в форму командира морского флота.

— Вы кто такой? — резко спросил он.

— Моряк, т. командир.

— Откуда?

— Из штаба флота из Москвы. Раньше в Черноморском флоте плавал.

— Т-а-а-а-к. Вы, как военный, стрелковое дело, вероятно, понимаете?

— Понимаю. Имею звание снайпера и инструктора по стрелковому делу. Приходилось и тиры строить.

— Ах, вот как? Ну-ка, пойдемте со мной...

Мы обошли место строящегося тира, и я дал свои соображения относительно его устройства.

— Падающие мишени? — с интересом переспросил командир. — Это дело. А вы беретесь это устроить?

— Конечно. Я бы даже сказал, что местность позволяет устроить здесь не только тир, но и спорт-городок, футбольную площадку, водную станцию на озере и ряд физкультурных развлечений. Для красноармейцев и вольнонаемных лагеря это было бы и интересным, и полезным занятием. Да и потом, это для лагеря по-ка-за-тель-но вообще...

Угрюмый чекист внимательно посмотрел на меня.

— Это верно... А вы, кстати, за что сидите?

— За контрреволюцию.

— Ну, да, да. Это-то ясно. Такие люди... А за что именно?

— За старую принадлежность к скаутской организации.

— Та-а-а-ак... — Чекист усмехнулся. — А сколько?

— Пять.

— Угу. Ну, мы посмотрим. Собственно, каэров мы не можем подпускать к нашим красноармейцам, но я просмотрю ваше дело. А пока напишите-ка мне доклад обо всем проекте.

— Товарищ командир, я в соборе живу. Там не только писать, но и дышать трудно...

— Ну, это пустяк. Доложите Завотделом труда, что я приказал перевести вас в нормальные условия. Завтра в 12 придите доложить.

— Есть...

Советская халтура

Так была создана на Соловках спорт-станция. Разумеется, ни о какой серьезной постановке спорта среди заключенных и речи не поднималось, но станция была нужна для чекистов и, главное, являлась прекрасным рекламным штрихом в общей картине СЛОНа.

Когда в 1927 году Соловки были увековечены на кинопленке, наша спорт-станция фигурировала в качестве чуть ли не главного довода в доказательствах «счастливой жизни» заключенных.

Под видом заключенных подобранные красноармейцы демонстрировали «с радостной улыбкой» упражнения и игры; площадки были окаймлены тысячами согнанных зрителей. Потом кинообъектив заснял все красоты и исторические достопримечательности острова, «полныя энтузиазма и высокой производительности труда» лагерные работы, счастливые сытые лица хорошо одетых заключенных (тоже переодетых красноармейцев и чекистов), и когда мне через несколько лет в Сибири довелось увидеть этот фильм, — я должен сознаться, что впечатление от него оставалось прекрасное: курорт, а не лагерь...

Голодных лиц, истощенных, полураздетых людей и ям с трупами видно, конечно, не было...

В тоскливую жизнь лагерного кремля спорт-станция вносила свою капельку радости: в праздник усталые люди приходили сыграть в городки или просто поговорить друг с другом, не боясь на открытом воздухе вездесущих шпионских ушей, а зимой — отдохнуть от гама, скученности и спёртого воздуха своих общежитий. Спортом занимались почти исключительно одни красноармейцы, что не помешало мне для укрепления своего положения написать целый советский «на-

учный труд»: «Физическая культура, как метод пенитенциарии». В нем я доказывал, что советская физкультура в лагере перековывает анархистские инстинкты уголовника и злобную враждебность контрреволюционера в светлый тип социалистического строителя, с соответствующим энтузиазмом, жертвенностью, дисциплиной, коллективным духом и другими необходимыми советскому гражданину качествами. Этот мой доклад был торжественно встречен начальством и напечатан в научном журнале «Криминологический Вестник».

Я приобрел репутацию «научного работника с советской точкой зрения»...

Человек, оседлавший Соловки[6]

— Товарищ Заведующий! Не хотите ли поглядеть, как человек полетит?

— Куда полетит?

— Да вниз, с колокольни. Идите скорее!

Я вышел из нашего сарая, гордо именовавшегося «спорт-станцией». Рабочие собрались в кучку и с интересом смотрели, как на высоком шпиле центральная собора карабкалась маленькая человеческая фигурка.

— Что ему там нужно?

— А это, т. Заведующий, — объяснил мне Грищук, староста нашей рабочей артели, худенький польский мужичок, — это намедни ночью ветром флаг сорвало. Так вот, и полезли, значит, новый чеплять...

— Полсрока обещали скинуть за это, — объяснил другой рабочий. — Б-р-р... Я бы ни в жисть не согласился. Себе дороже стоит. Как шмякнешься оттеда — хоронить нечего будет.

Фигурка медленно подвигалась вверх. С берега нашего Святого озера кремль представлялся каким-то грузным массивом, над которым возвышались купола церквей. Остроконечный шпиль, на котором вчера еще развевался красный флаг, высоко царил над всем кремлем. Наиболее зоркие глаза передавали мне, полуслепому человеку, подробности подвига.

— Он гвозди в щели бьет и по им лезет... Молодец!..

— А с поясу веревка вниз висит...

— А для чего это? Что бы не упал?

— Эх, ты, — презрительно отозвался Грищук... — Умная у тебя башка, да только дураку досталась. Чего-ж ему флаг с собой-то тащить? По веревке, видать, флаг этот и наверх и потянет...

---

[6] Этот эпизод послужил темой повести «Тайна Соловков». Здесь он изложен так, как это было в реальности, только предполагаемое место клада законспирировано, чтобы не дать следа чекистам, которые и без того будут тщательно изучать каждую строчку этой книги.

Скоро маленькая фигурка добралась до острия шпиля и махнула рукой.

Снизу к нему пополз флагшток с полотнищем флага.

А еще через час свежий ветер развевал над кремлем новый красный флаг.

— Если кто из вас, ребята, узнает фамилию этого парня, который лазил, — скажите мне, — попросил я рабочих.

Вечером мне доложили: смельчак, влезший на шпиль, был мой старый знакомец — Митька из Одессы...

Тайна монастыря

Я знал, что Митьке не удалось на этот раз «смыться» из Кеми. Его, как раз уже бежавшего, сразу же послали на остров, откуда побег был невозможен. Там он, как человек бывалый и «король», мигом устроился на кухне и не унывал. Что же понесло его на шпиль собора?

Утром мы с Димой, проходя мимо кремля, встретили нашего героя, важно шествовавшего в величии своей славы. — «Человек, оседлавший Соловки» — шутка сказать!..

Увидев нас, Митька мигом сбросил свой важный вид и радостно, по приятельски поздоровался.

— Что это вам, Митя, взбрело в ум на собор лезть? Жизнь, что ли, надоела, или красный флаг везде захотелось увидеть?

— Да, ну его к чорту, красный флаг этот!.. Осточертел он мне!.. А насчет собора — дело иное. Во-первых, полтора года скинули и опять же — слава... Да, кроме того, у меня «особые политические соображения» были! — с самым таинственным видом подчеркнул он.

Мы рассмеялись.

— Ну, ну... Какие же это особые соображения? — с шутливым интересом спросил Дима.

— Да, дело-то, ей Богу, не шуточное! — серьезно ответит Митя. И оглянувшись по сторонам, он таинственным шепотом добавил: — Если хотите, расскажу. Вам-то я верю. А дело аховое!..

Мы отошли в сторонку и присели на камни. Митя помолчал с минуту и начал.

— Ладно... Так такое дело, значит. Вы, дядя Боб, конечно, слыхали, что монастырь этот только в 1920 году бы занят красными. Так что монахи уже раньше успели узнать, что им скоро крышка. Ну, а вы сами, небось, читали: монастырь-то богатейший был... Шутки сказать — 500 лет копили... Ну, а вы где слухом слыхали, чтоб отсюда деньги, да сокровища реквизнули? А? Нет? Ну, вот, и я тоже не слыхал, хоть у всех расспрашивал... Тут, знаете, несколько монахов осталось, не

схотели на материк ехать, отсюда вытряхаться. Сказали — здесь нас расстреливай... Ну, которых шлепнули, а которых и оставили, как спецов по рыбной ловле... Ну, я и у них спрашивал. Никто не слыхивал, чтоб кто из красных деньги получил... Так что-ж это все значит? Ясно — деньги здесь спрятаны. Верно? — Щеки Митьки разгорелись, и глаза блестели из-под спутанных черных кудрей.

— Ну, вот, значит, меня и заело, — продолжал он, все понижая голос. — Раз клад здесь, так почему мне, елки-палки, не попытаться найти его? А? Я и туда, и сюда... Один монах мне совсем другом стал. Я к нему, значит, и присосался. А тут, знаете, в Савватевском скиту, на краю острова, еще два схимника живут. Обоим вместе лет что-то под 300. Оставлены помирать. Да их тронуть уж нельзя — рассыплются по дороге. Я, значит, и удумал, что у них узнать... Со мной, щенком, они, ясно, разговаривать не станут, а монаху, может, что и скажут... А мой приятель-то — простой парень... Он как-то и спросил в подходящую минуту насчет клада. А старикан-то тот, схимник-то, поднял этак голову к верху, ткнул пальцем в небо и сказал: «Высоко сокровище наше...» И больше ни хрена, старый хрыч, не сказал!..

Мы невольно рассмеялись. Митька присоединился к нашему смеху, но потом деловито продолжал:

— Тут смешки, али нет, а может, этот старикан, что и вправду сказал. Говорят, что все они, попы эти, загадками объясняться любят. Вот я и задумался... А может, он, чорт старый, про колокольню этую говорил... «Высоко сокровище наше...» Внизу-то чекисты все поразрушили, пораскрали. А наверх-то кто догадается взлезть?.. Да, так вот, когда объявили желающего флаг ставить, так я — тут как тут... Вот он — я...

— Ну, и как, что-нибудь разнюхал? — с живым интересом спросил Дима.

Митя помолчал секунду и потом утвердительно кивнул головой.

— Был грех. Подозрение есть крепкое. В одном там местечке изнутри цемент новый меж камней, а собор-то, почитай, с сотворения мира стоит... Словом, я туда еще полезу... Ходы все уже высмотрел...

— А зачем тебе это нужно?

— Как это зачем? — опешил Митя. — А клад-то?

— А клад тебе зачем?

— Вот, чудак! Как это зачем? Я и вас хотел в долю взять. Всем, Бог даст, хватит... А я вас, скаутов, ей Богу люблю... Хорошие вы ребята, царствие вам небесное...

— Спасибо на добром слове, Митя! — Дима похлопал беспризорника по плечу. — Но вот, скажи мне — найдешь ты клад — что ты с ним думаешь делать? Если скажешь ГПУ...

— Ну, вот еще!.. Чорта с два... Им-то — а ни полкопейки...

— Ну, а сам-то разве сможешь забрать его?

— Сам? — Митя задумался. — Теперь-то навряд... А потом...

— Когда это «потом»?

— Да вот, когда красных не будет.

— А когда их не будет?

— А я знаю? Не век же им нашу жизнь портить-то? Сами не сдохнут, так их пришибут...

— Ну, ладно... Но если не будет красных, то ведь монастырь опять будет существовать. А деньги-то ведь эти не твои?

— А чьи?

— Монашеские... Монахи спрятали их и теперь, вероятно, секрет передают от одного к другому. Дело пахнет не находкой старого клада, а кражей спрятанных монастырских денег... Верно?

— Да, нехорошо, Митя, что-то выходит. Да и потом, ты только наведешь чекистов на след клада. Тебя расстреляют, а деньги пойдут просто в ГПУ. Только и всего.

Митя задумался, и морщины избороздили его лоб.

— Так-то оно так... Так вы, видно, в долю не хотите идти?

— Совесть не позволяет у монахов деньги грабить.

— Гм... гм... пожалуй, что оно и верно... Кошелек спереть или там пальто — это, признаться, для меня нипочем. Чем я виноват в такой жизни?.. Надо же мне тоже что-нибудь жрать?.. А вот монашеское, — вроде как святое... Вот так закавыка... Ну, да ладно, — внезапно оживился он. — Здорово уж все это интересно... Меня ведь не так сокровища интересуют, как тайна эта... Тут и со слитком золота с голоду сдохнуть можно... Попробую все-таки проверить, а там будет видно. Я ведь все-таки не совсем сволочь, ей-Богу...

И с успокоенным лицом Митя исчез в кремлевских воротах.

Патруль имени царя Соломона

Передо мной записка:

— Борис. Зайди, пожалуйста, к Лёне, он что-то заболел. Погляди, как там и что. Лучше мы сами его поставим на ноги, чем класть в лазарет. Серж».

Я прекрасно понимаю, почему Серж против того, чтобы Лёню перевезти в лазарет. Там столько больных, лежащих вповалку, где только есть кусочек свободного места, что каждый стремится отлежаться «дома», какой бы этот «дом» ни был. Я взял свою нехитрую аптечку и направился к Лёне.

В нескольких километрах от кремля — 2—3 маленьких домика, — какой-то старый «скит». Там несколько старых профессоров заключенных, оборванных и голодных, изучают флору и фауну острова. Перед учеными теперь поставлена задача: изучить вопрос — могут ли беломорские водоросли дать йод?

На Соловках их решения ждут с трепетом. Неужели это решение будет положительным? Избави Бог! Это будет обозначать, что тысячи несчастных заключенных будут замерзать в ледяной воде Белаго моря в поисках этих «йодоносных водорослей». И капля йоду будет стоить капли человеческой крови...

К этим профессорам в помощники мы пристроили нашего скаута Лёню, 16-летнего мальчика, сорванного со школьной скамьи и брошенного на каторгу. Лёня еще так юн и так похож на девушку своим розовым и нежным лицом, что не раз, когда он был в пальто, нас задерживали чекисты за «нелегальное свидание», принимая его за женщину (такие встречи караются несколькими неделями карцера).

Лёня вырван из счастливой дружной семьи, привезен к нам из Крыма, и в его сердце еще так много детского любопытства и дружелюбия, как у щенка, ко всему окружающему, что его любят все, даже грубые чекисты. Когда я вижу его молодое славное лицо, я всегда вспоминаю слова поэта, сказанные как будто как раз о Лёне в теперешнем периоде его жизни:

«В те дни, когда мне были новы все впечатленья бытия...»

Жизнь не только не сломала, но даже и не согнула его. Он еще не может осознать всего ужаса окружающего, и для нас всех, напряженных и настороженных, его ясные восторженные глаза и открытая всем, чистая душа — отдых и радость... И его, этого мальчика, сочли опасным преступником и приговорили к 3 годам каторжных работ?..

Лёня, вместе с другим скаутом, москвичом Ваней, метеорологом по специальности, живет в маленькой комнате рядом с профессорами. Вся эта «биологическая станция» — маленький мирок, живущий, как и все, впроголодь, но оторванный территориально от кремля, с его атмосферой произвола и гнета.

Тревожное лицо Вани, стоявшего у постели больного мальчика, прояснилось при моем появлении.

— Лёнич, голуба, что это с тобой?

— Да вот умирать собрался, дядя Боб, — слабым голосом ответил мальчик, протягивая мне свою горячую руку. Лицо его пылало и губы потрескались от жара.

Оказывается, биологической станции было дано какое-то срочное задание, достать какие-то редкие сорта водорослей. Дни были морозные и ветреные, и

ребята решили освободить от этой обязанности стариков-профессоров и произвести разведку самим. В тяжелой работе, пробивая во льду отверстия, они, видимо, разгорячились не в меру и простудились. Ваня, как более взрослый и крепкий отделался кашлем, а Леня слег.

— Ничего, Лёнич, — успокоил я его после осмотра. — До свадьбы наверняка выздоровеешь. Хотя больше 100 лет и не проживешь. Вот тебе, Ваня, рецепт, передай его Васе, он там в санчасти санитаром, он достанет по блату, что нужно.

В комнатку к нам вошел седой, как лунь, высокий старик — заведующий метеорологической станцией, профессор Кривош-Ниманич.

Его специальностью была филология. Он в совершенстве знал 18 языков и был выдающимся специалистом по всяким шифрам. Но он отказался работать для ГПУ и очутился на Соловках с приговором в 10 лет. Слишком много он знал, чтобы его оставить на свободе...

— Ну, как наш болящий? — ласково спросил он, здороваясь со мной. — Так, так... — качнул он головой, выслушав мой диагноз. — Понятно... Откуда, кстати, у вас такие медицинские знания?

— Да вот, таскался по белу-свету — набрался осколков всяких знаний...

Старик пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Угу... Я понимаю... В санчасти очень неуютно, что и говорить... Ну что-ж, лечите его здесь. Как-нибудь соединенными усилиями выходим мальчика. Так заразного, по вашему мнению, ничего?

— Пока данных за это нет.

— Я ведь спрашиваю это не потому, чтобы Лёню в лазарет класть... Этого-то мы, во всяком случае, не сделаем... Но режим другой установим. Обидно ведь все-таки в лагере болеть...

— Обычные гигиенические условия, конечно, должны быть соблюдены.

— Это мы сделаем. Ребята у нас хорошие, толковые. Ничего, мальчики, не унывайте. То ли еще бывает! Главное — берегите нервы. Верьте старику: в нервах — все. Не унывайте сами и не давайте, вот, всем этим ужасам царапать душу. Будьте спокойней. У вас, скаутов, я слышал, в каждом патруле специальность есть. Пожарный, прачка или что там еще... Ну, вот вы и сформируйте из Соловецких ребят патруль скаутов-философов... А патрульным — почетным патрульным выберите — самого царя Соломона. У него такой посох был с набалдашником; когда он сердился или огорчался — опускал свои глаза на набалдашник. А там было написано по-древнееврейски: «Ям зе явоир». — «И это пройдет»...

Глаза старого профессора были полны мягкого, мудрого покоя.

Но нет ли усталости в этом покое? Легко ему, на пороге девятого десятка лет, быть созерцателем жизни. А каково нам, теряющим на каторге те неповторимые годы возмужания, когда темп жизни похож на кипучий, клокочущий и сверкающий на веселом весеннем солнце всеми цветами радуги, пенистый, мощный горный поток...

Мужское рукопожатие

Ваня провожает меня. Его напряженное лицо с нахмуренным лбом немного прояснилось. Он как будто стыдится своей братской нежности к Лёне. В нем вообще есть какой-то болезненный надлом, словно его подло и исподтишка ударили по струнам открытого сердца. В свое время он был энтузиастом скаутом, потом увлекся комсомольскими лозунгами и стал работать с пионерами. Но своим чутким сердцем он скоро понял всю ложь и притворство воспитания «красной смены», порвал с ней связь, опять вернулся в нашу семью и в итоге очутился на Соловках. Потеря веры в коммунистические идеалы и раскрытая им ложь потрясала его прямую и честную натуру. В нем чувствуется скрываемая от людских глаз боль обманутого в своих лучших надеждах человека и гордость сильного мужчины. Его от всей души жаль, но, вместе с тем, чувствуется, что высказать ему этого сострадания нельзя. Это человек, привыкший в одиночестве переживать свою душевную боль...

— Так ты говоришь — эта штука у Лёнича не опасна? — с оттенком еще не улегшейся тревоги еще раз спросил он, прощаясь.

— Если температура к завтрашнему дню не спадет, — сообщи мне. Но я уверен, что все будет all right!

Как много может сказать мужское рукопожатие! Секундное прикосновение ладоней, встреча глаз, и как будто мы уже поговорили «по душам» друг с другом, облегчили свою боль и тревогу, обменялись запасом бодрости и словно услышали слова:

— Трудно, брат, здорово трудно! Но я держусь, держись и ты!

О местонахождении ума

На лесной дороге, засыпанной снегом, сияющим под яркими лучами морозного солнца, я обогнал тяжело идущего с палкой старика.

— Здравствуйте, товарищ Солоневич, — остановил он меня. — Разве не узнали?

Я вгляделся в бледное, изборожденное морщинами усталости и заботы, лицо старика и ответил:

Вид на церковь святителя Филиппа, Спасо-Преображенский собор и келейные корпуса с южной стороны. *Фото Я. Лейцингера. 1888 г.*

Спасо-Преображенский собор. Почтовая карточка. *1920-е гг.*
Из коллекции П. Ф. Флоренского

Вид на центральный двор монастыря
с Корожной башни. *Фото нач. XX в.*

Памятник постриженнику Соловецкого монастыря
Авраамию Палицыну в центральном дворе обители. *Фото нач. XX в.*

Монастырская пристань с Преображенской гостиницей, где в лагерные годы размещалось Управление СЛОНа. *Фото нач. XX в.*

Прибытие новой партии заключенных.
Сер. 1920-х гг. Из фондов СГИАПМЗ

шественными сосѣдями, онѣ никогда не были способны обезпечить свою безопасность собственными силами. Для ограниченія отъ внѣшнихъ нападеній, онѣ болѣе другихъ нуждаются въ гарантіяхъ своей безопасности, полученія которыхъ онѣ и ожидаютъ отъ великихъ державъ, одновременно съ весьма общаго разоруженія. По отсутствію финансовыхъ средствъ и другимъ соображеніямъ, эти же малыя государства болѣе другихъ жаждутъ сокращенія вооруженій мирнаго времени и возможности перехода къ системѣ народной милиціи.

піи объ обязательномъ арбитражѣ, общее собраніе Лиги Наній дало порученіе комиссіи по разоруженію подготовить образованіе особого комитета для изученія мѣръ по расширенію области арбитражныхъ рѣшеній.

Извѣстно, что на предстоящую сессію комиссіи по разоруженію московскіе большевики командируютъ свою делегацію. Составъ ея уже опредѣлился. Каковы будутъ позиціи этой делегаціи и не усложнитъ ли она еще болѣе и безъ того трудную задачу комиссіи — покажетъ ближайшее будущее.

Юрій Данидовъ.

другой свидѣтельницы разсказали исторію дѣятельности совѣтскаго дип

РУССКОЙ КОЛОНІИ ПАРИЖА!!!

Кто хочетъ встрѣтить своихъ друзей или знак... отдохнуть отъ житейск. заботъ, тотъ дол... быть въ ресторанѣ "ПРАДО" 41, Av. Wag... Здѣсь онъ, отъ 4 ч. дня до 2 ч. утра, ... все и забудется, слушая оркестръ балалаекъ. ...

Упр. Георгій ЧЕРНОЯРОВА

КОНЦЕРТЪ - БАЛЪ

ОДЕССКАГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Суббота 26 ноября 1927 г.

Залъ Victor-Hugo (46-bis, r. St-Di...

Выступленіе артистовъ театра "Маски"

Пять лѣтъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ

Предисловіе

Съ января 1922 г. я томился въ 18 тюрьмахъ и въ концентраціонномъ лагерѣ СССР. Судьбѣ было угодно послать на меня эти испытанія, дать мнѣ силы перенести всѣ терзанія и, наконецъ, возможность вырваться на свободу.

Моя индусская національность ставила меня въ особо благопріятныя условія — но мнѣ очень сердечно относились мои собратья по заключенію. Мнѣ пришлось сидѣть съ массой весьма интересныхъ людей и изъ откровенныхъ бесѣдъ съ ними въ камерахъ узнать многое о положеніи СССР.

Обладая исключительно хорошей памятью, немедленно по прибытіи въ Берлинъ, я записалъ свои воспоминанія, изъ которыхъ подробно изложилъ все, мною видѣнное, слышанное и пережитое.

Могу сказать, что въ концѣ своей «Одиссеи» я былъ въ настоящемъ «аду» — въ «концентраціонномъ лагерѣ ГПУ, въ Соловкахъ».

На основаніи всего того, что я видѣлъ и слышалъ, я утверждаю, что въ бывшей Россіи не существуетъ «національной» власти и что несчастный, обманутый русскій народъ находится въ полномъ рабствѣ ГПУ — исполнительнаго органа III Интернаціонала.

Глава I.

Я происхожу изъ древняго арабскаго рода Курейши. Мои предки 700 лѣтъ тому назадъ выселились въ Индію и занимали въ этой странѣ видное положеніе. Родился я въ Бомбеѣ въ 1887 году. Я покинулъ родину, когда мнѣ было 20 лѣтъ, и занялся коммерческими предпріятіями, которыя заставили меня много путешествовать. Меня влекло въ Америку, но судьбѣ было угодно, чтобы я основался въ Японіи, гдѣ я занялся автомобильными дѣлами и былъ иниціаторомъ устройства въ этой странѣ автомобильныхъ гаражей. Женившись, я постепенно расширялъ свою дѣятельность, открылъ контору экспорта и импорта, завелъ сношенія съ Индіей, Америкой, Англіей, Германіей, Россіей (Харбинъ), Китаемъ, Манчжуріей и другими странами.

Въ концѣ 1920 года, въ виду политическаго положенія, я принужденъ былъ прекратить всякія дѣла съ Россіей. Въ 1921 году образовалось буферное государство, которое получило названіе Д.В.Р. (Дальне-Восточная Республика) и заключило торговые договоры съ иностранными государствами.

Такъ какъ у меня осталось много знакомыхъ въ Читѣ и другихъ городахъ Россіи, я рѣшилъ завязать снова съ ними дѣловыя отношенія, а потому пріѣхалъ въ Читу, получивъ визу отъ представителя Д.В.Р. 10-го января 1922 года я прибылъ въ Читу и остановился въ гостиницѣ «Эрмитажъ». Повидавъ друзей и знакомыхъ, я заключилъ нѣсколько договоровъ и, въ обмѣнъ на пушнину и лѣсъ, обязался доставить хлѣбъ на ст. Манчжурію, пограничный пунктъ между Д.В.Р. и Восточно-Китайской ж. д.

До 17-го января я жилъ въ Читѣ совершенно спокойно. Вечеромъ этого дня я былъ приглашенъ своими пріятелями ужинать. Вернулся я въ гостиницу въ 4 часа утра. Хорошо помню это проклятое утро: мой «кисметъ» (судьба) отъ меня отвернулся. Увы, я и представить себѣ не могъ, что меня впослѣдствіи ожидаетъ. Когда я теперь вспоминаю пережитое, я не знаю, видѣлъ-ли я все это во снѣ или на яву.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія съ ужина ко мнѣ въ номеръ вошли 3 человѣка съ револьверами, приказали мнѣ сидѣть смирно и не двигать ими.

Зная плохо русскій языкъ, я не понималъ, чего они отъ меня хотятъ, и не могъ ничего имъ объяснить. Я вызвалъ коими на гостиницы, который переговорилъ съ ними и вызвалъ милиціонера; но все было безполезно, такъ какъ эти люди оказались агентами всесильной Г.П.У. (Госуд. Полит. Охраны).

Ни мои протесты, ни мой великотанскій паспортъ мнѣ не помогли: произвели обыскъ, причемъ всѣ бу... и деньги были секвестрованы (одежу тронули); затѣмъ комнату мою зап... ли, а меня взяли съ собой.

Идти было тяжело, и я потребовалъ ... возчика, — мнѣ отказали; предлагал... нять на свои деньги, также не разр... ли. На улицѣ было много снѣга; я нѣс... ко разъ падалъ во время пути и сил... ушибъ колѣно и руку.

Въ первый разъ въ жизни попалъ ... комендатуру: меня раздѣли до гола, ... кали и ничего, понятно, преступнаго ... подозрительнаго не нашли. У меня ... хорошая шуба и доха, впослѣдствіи ... го разъ спасавшая меня отъ 50-ти ... душнаго сибирскаго мороза.

Затѣмъ меня посадили въ подвалъ.

Какъ бы ярко я ни описывалъ ужа... этого подвала, все будетъ мало: муч... и страданія, которыя я перенесъ, ни... не пойметъ, развѣ только тотъ, кто ... пять пережилъ.

Условія жизни въ подвалѣ были ... марныя: ни отопленія, ни свѣта; я сид... совершенно одинъ, въ полномъ мракѣ. ... знаю, благодаря-ли сильному возд... или чему другому, но все послѣдую... что я видѣлъ и что мнѣ видѣлось, я ... вершенно ясно помню. Черезъ нѣкото... время я былъ не въ состояніи больше ... реносить эти мученія; я снялъ поясъ ... пижамы и уже завязалъ его вокругъ ш... рѣшилъ покончить съ собой. Точно ч... не помню, но, мнѣ кажется, было что... 6 утра. Я сидѣлъ, по своему восточ... обычаю, на полу съ закрытыми глаз... и ясно помню, какъ мнѣ было гр... и невыносимо тяжело разстаться навс... со своей дорогой семьей.

Я уже затягивалъ шнуръ на шеѣ, ... вдругъ увидѣлъ передъ собой образ ... рогой матери. Я былъ самый младшій ... семьѣ — отца я потерялъ очень р... жать же умерла, когда мнѣ было 20 л... Я ясно услышалъ ея голосъ и почувст... валъ ея руку на моей головѣ: «Что ты ... лаешь, Сашуръ? Этотъ поступокъ зна... стоитъ тебя, терпи, и все окончится ... рошо.»

Я открылъ глаза и успокоился, что я ... дусъ-мусульманинъ, а потому знаю, ... такихъ случаяхъ не допускается самоу...

Царь Борисъ—машинистъ

Вѣна, 24 ноября.

Вчера въ Болгаріи была открыта новая желѣзнодорожная линія Левикъ—Ловечъ. На торжествѣ присутствовалъ царь Борисъ, который самъ велъ локомотивъ перваго поѣзда на всемъ протяженіи пути.

Отецъ нынѣшняго царя — Фердинандъ также очень любилъ механику, и въ молодости не упускалъ случая управлять паровозомъ.

принявшіе участіе въ покушеніи на ген. Обрегона.

— Болдвинъ отказался принять депутацію шахтеровъ изъ Уэльса, пришедшую пѣшкомъ въ Лондонъ съ цѣлью обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на свое тяжелое положеніе.

Лондонъ, 24 ноября.

Изъ Виллинга (Западная Виргинія) сообщаютъ, что авіаторъ Дотерти, лишенный ногъ и руки и управляющій своимъ аппаратомъ при помощи спеціальнаго механизма, готовится къ полету черезъ океанъ. Онъ получилъ уже необходимыя для этого средства.

МРАМОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Edouard SCHNEEBERG et ses Fils

43, rue de la Victoire. Tél. Trud. 64-52; 64-53; 69-64.

беретъ на себя постройку склеповъ на всѣхъ кладбищахъ. Бюро похоронныхъ процессій и перевозки

ства. Любовь и предостереженіе матери заставили меня взять себя въ руки. Ея любовь поддерживала меня все время, я вышелъ побѣдителемъ и вотъ я теперь далеко отъ ужасовъ Г.П.У.

Въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, я былъ вызванъ на допросъ. Я недостаточно хорошо владѣлъ тогда русскимъ языкомъ, чтобъ говорить со слѣдователемъ, молодымъ человѣкомъ, 23-25 лѣтъ, очень грубымъ и рѣзкимъ, по фамиліи Клингъ. Присутствовала при допросѣ женщина-переводчица, которой слѣдователь ставилъ вопросы, а она переводила ихъ мнѣ по англійски.

Первый вопросъ слѣдователя былъ, знаю-ли я Дальбюро (дальневосточное бюро). Я отвѣтилъ, что даже не понимаю, что это слово значитъ. «А Коминтернъ» — спросилъ онъ. — Понятія о немъ не имѣю, — отвѣтилъ я.

— Кого же вы знаете?

Я назвалъ фамиліи многихъ лицъ, которыхъ я зналъ.

— Сознайтесь, какое вы имѣете порученіе отъ японскаго правительства?—продолжалъ онъ.

Я разсмѣялся и отвѣтилъ, что я не военный, а коммерсантъ и, кромѣ коммерческихъ цѣлей, у меня другихъ нѣтъ. Онъ спросилъ у меня еще нѣсколько фамилій англійскихъ, американскихъ, японскихъ фирмъ и старыхъ русскихъ офицеровъ, которыхъ я зналъ. Затѣмъ назвалъ мнѣ нѣсколько англійскихъ и американскихъ фирмъ, которыхъ я не зналъ, и я отвѣтилъ совершенно чистосердечно, что ихъ не знаю, но что никакого намѣренія отрицать знакомство съ ними, друзьями не имѣю.

Меня промучили на допросѣ до 3 часовъ дня, послѣ чего я былъ отведенъ обратно въ подвалъ.

Кормили меня ужасно: вечеромъ, въ 5 или 6 часовъ, дали 1 фунтъ чернаго хлѣба; я никогда въ жизни такого дурного хлѣба не видѣлъ. Затѣмъ дали миску горячей воды съ запахомъ селедки. Я этой воды не пробовалъ и вкуса ея не знаю, но она должна была быть безусловно отвратительной.

Я не имѣю достаточно словъ, чтобы благодарить тѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей, которые прислали мнѣ тогда постель и передачу; у меня оказалось даже двѣ постели, много продуктовъ, свѣчи и спички. Видно, мои знакомые были люди опытные и знали, что нужно послать арестованному. Однако, зажечь свѣчи мнѣ не разрѣшали, а кровать постелять было не гдѣ: ни койки, ни досокъ не было; только къ 7 часамъ вечера, съ большимъ трудомъ, я получилъ нѣсколько досокъ.

Въ тотъ же день, около 9 час. веч., я снова былъ вызванъ на допросъ. Вопросы были поставлены слѣдователемъ почти тѣ же, что и днемъ. Второй допросъ длился пять часовъ и только въ 2 часа ночи я былъ приведенъ обратно въ подвалъ.

На слѣдующее утро я заболѣлъ, температура повысилась, рука распухла. Я потребовалъ врача, но вмѣсто присылки врача, меня вновь вызвали на допросъ. Снова задавались тѣ же вопросы, и снова я вернулся въ подвалъ.

На 3-й день, слѣдователь сказалъ мнѣ: «Если вы коммерсантъ, отчего вы были знакомы съ японскими офицерами?».

Я разсмѣялся и ничего не отвѣтилъ.

Тогда онъ мнѣ заявилъ, что я долженъ сознаться, какія инструкціи я получилъ отъ японскаго правительства, и если я чистосердечно во всемъ признаюсь, то на меня будетъ наложено легкое наказаніе. Если же я буду продолжать отрицать, то въ 10 час. вечера меня разстрѣляютъ.

Я ему повторилъ, что я индусъ, великобританскій подданный, и никакого отношенія къ японскому правительству не имѣю.

Вновь возвратъ въ подвалъ и новый вызовъ къ допросу вечеромъ.

Въ этотъ разъ слѣдователь спросилъ меня, что если я не имѣю отношенія къ японскому правительству, то какія инструкціи я получилъ отъ великобританскаго консула въ Харбинѣ.

Я повторилъ, что я коммерсантъ, а не правительственный чиновникъ и не агентъ.

Тогда онъ попросилъ переводчицу выйти изъ комнаты, закрылъ за ней дверь, вынулъ изъ письменнаго стола револьверъ, подошелъ ко мнѣ и приложилъ его къ моему виску.

— Вы знаете, чей это портретъ, — спросилъ онъ меня, указывая на портретъ Троцкаго, висѣвшій на стѣнѣ.

Я отвѣтилъ, что это Троцкій.

Затѣмъ онъ что-то мнѣ сказалъ, чего я понять не могъ. Помню только слова: «разстрѣлъ, разстрѣлъ». Нервы мои не выдержали, я вскочилъ со стула съ намѣреніемъ вырвать у слѣдователя револьверъ, но, по счастью, удержался.

Тогда онъ положилъ револьверъ обратно въ ящикъ стола, позвалъ переводчицу и передалъ мнѣ черезъ нее, чтобы я сѣлъ, успокоился и отвѣчалъ на вопросы. Я отказался отвѣчать.

Тогда онъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ и повелъ въ другой подвалъ, который былъ хорошо освѣщенъ, что дало мнѣ возможность разсмотрѣть слѣды револьверныхъ пуль на стѣнѣ и пятенъ крови на полу и на стѣнахъ.

Кромѣ насъ двоихъ, въ этомъ подвалѣ находились еще два человѣка, вооруженныхъ револьверами.

Слѣдователь вынулъ изъ кармана часы и что-то отъ меня потребовалъ, чего я не понялъ. Онъ объяснилъ мнѣ знаками, чтобы я повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Въ сильномъ возбужденіи, я вырвалъ у него часы, бросилъ ихъ на полъ, разорвалъ на себѣ рубашку и закричалъ: «Я индусъ и не боюсь смотрѣть смерти въ глаза. Если вы имѣете право меня пристрѣлить, то стрѣляйте, а поворачивать вамъ спину я не стану.»

Въ это время раздался выстрѣлъ. Нервы мои не выдержали, и я упалъ безъ чувствъ.

Очнулся я уже на койкѣ: по лицу текла какая-то влага; вспомнивъ выстрѣлъ, я подумалъ, что это кровь. Однако, дотронувшись, убѣдился, что на голову положенъ холодный компрессъ, который въ эту минуту поправляла молодая женщина, участливо на меня смотрѣвшая.

— Что со мной? — спросилъ я.

— Не бойтесь, съ вами ничего не случилось. Слѣдователь хотѣлъ васъ попугать, чтобы добиться отъ васъ сознанія, — тихо проговорила она, боясь, вѣроятно, быть услышанной находившимися въ комнатѣ чекистами.

Благодаря уходу за мной этой милой женщины, я скоро оправился.

Черезъ нѣсколько дней, меня снова перевели въ прежній подвалъ.

(Продолженіе въ воскресенье).

Самуилъ Куршинъ.

Предисловие к воспоминаниям «Пять лет в советских тюрьмах».
Газета «Последние новости» № 2438 от 25 ноября 1927 г.

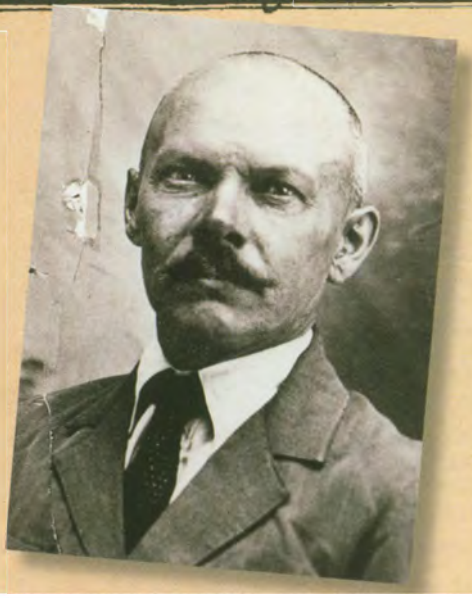
Фото Ивана Зайцева из книги
«Четыре года в стране смерти»
и обложки его книг

«Предсмертное заклятіе.»

Отходя въ загробный Міръ, я заклинаю всѣхъ тѣхъ, кто преслѣдуя матеріальныя выгоды, будутъ осаждать совѣтскія тюрьмы, концлагеря, ссылки, каторги и прочія мѣста заточенія христіанъ-коммунистовъ, какъ главныхъ представителей въры въ Единаго Спасителя Бога, что проклятія изъ загробнаго міра будутъ посылаемы на головы большевистскихъ доброжелателей. Аминь!"

Добровольно" осознающій
Зеленоградецъ
И. М. Зайцевъ.

Предсмертная записка
И. М. Зайцева

И. М. Зайцев.
Фото 1930-х гг.

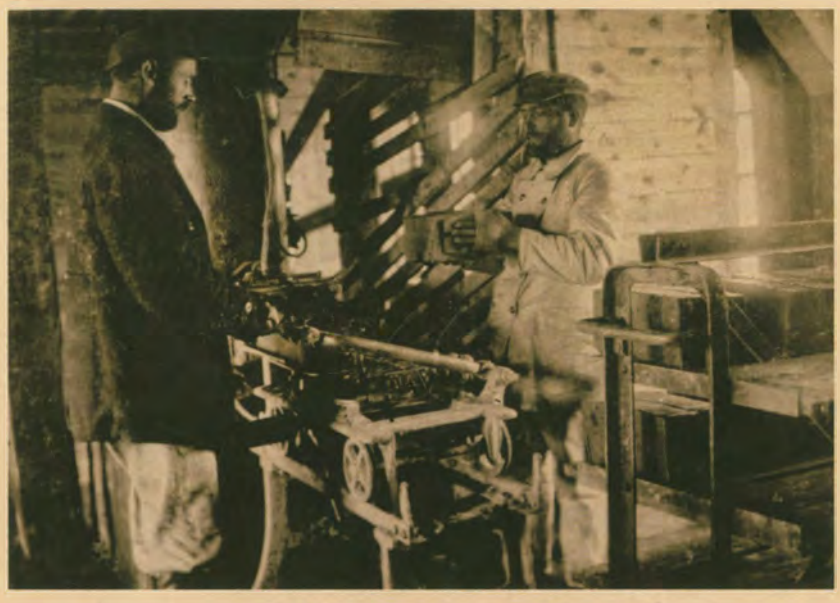
Отправка заключенных из Кемперпункта.
Кадр из фильма «Соловки» (1928)

На торфоразработках. За смену женщина должна была перевернуть 7000 тяжелых торфяных кирпичей. *Кадр из фильма «Соловки» (1928)*

Укладка булыжником дороги около Святых врат.
Кадр из фильма «Соловки» (1928)

На кирпичном заводе.
Кадр из фильма «Соловки» (1928)

Вход в лазарет

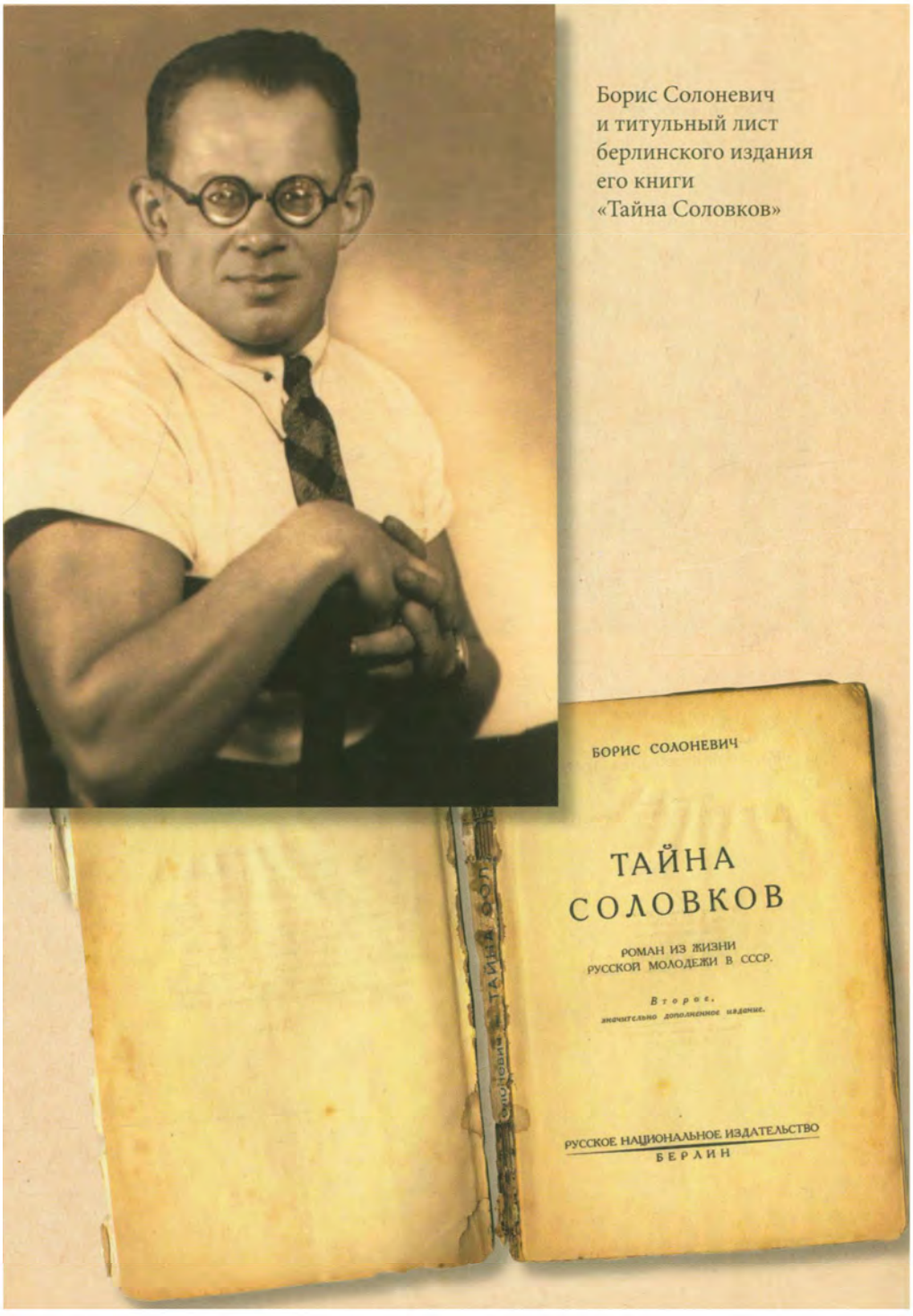

Группа медиков с пациентом в лагерной больнице

В лагерной библиотеке

Борис Солоневич
и титульный лист
берлинского издания
его книги
«Тайна Соловков»

Б. Солоневич с группой скаутов

Б. Солоневич с моряками Черноморского флота

Полицейское фото Б. Солоневича

Среди заключенных футболистов на Соловках

С. А. Грабовский

Д. В. Шипчинский

Различные издания книг Б. Солоневича на немецком, французском, русском языках

— Стыдно признаться, но, право, не узнаю. Уж не обижайтесь. Как будто где-то встречались.

— Ну, что там!.. Я понимаю... С вашими-то глазами? Да и я, верно, изменился — родные бы и то не узнали. Помните, как в Петербурге на этапе с ворами дрались из-за моего мешка? С вами скаут ваш еще был...

Я сразу вспомнил забитый людьми двор ленинградской тюрьмы, драки и грабежи, короткую свалку из-за мешка священника, и на руке словно опять заныл разбитый о чью-то челюсть сустав...

Мы разговорились. Теперь старик, как инвалид, служил сторожем на кирпичном заводе.

— Там, где честность нужна, туда нас и ставят — больше сторожами, да кладовщиками, — объяснил мой спутник. — На работах с нас прок-то не велик. Сил-то у нас немного. Вот и ставят на такие посты...

— А много священников сейчас на острове?

— Да, как сказать... Да и слова-то такого нет теперь. «Служители культа» называемся... Да, много... Митрополит, вот, Илларион, архиепископов несколько, архиереи... Православных священников в общем что-то больше 200 человек... Да и других религий много — ксендзы, пасторы, муллы. Раввинов даже несколько есть... Всех строптивых прислали.

— Прижали вас, о. Михаил, что и говорить!..

Старик опять усмехнулся своей кроткой улыбкой.

— Да что ж... Оно дело-то и понятное. Слова не скажешь... Враги... Они, большевики, не столько оружия боятся, как веры, да идеи... А как же настоящий священник не будет их врагом? Вот, смешно сказать, а нас, стариков, сильно они боятся. Да разве вас, вот, скаутов, они не боятся? Молодежи зеленой?... А почему? — Идея. Как это кто-то хорошо сказал: самое взрывчатое вещество в мире — это мысль и вера... Так оно и выходит. А нельзя заглушить плевелами — так сюда, вот, и шлют.

— Скажите, батюшка, если вам не тяжело, вот, вы сами сюда за что попали?

— Почему же?.. Я расскажу... Дело у меня любопытное. Пострадал, так сказать, за свое красноречие. Хотя, с другой стороны, так или иначе — все равно посадили бы...

Я в Москве священствовал. На Замоскворечье. Ну, вот, как-то и сообщили мне, что в театре диспут открывается на религиозную тему — тогда еще свободнее было. Да что «сам» наркомпрос Луначарский выступать будет... Прихожане — а хороший у меня приход был — и стали просить: пойдите, да пойдите. За души, мол, молодежи бороться нужно. А то скажут, что уклоняются — сказать, мол, нечего... Сдаются...

Не хотелось, помню, мне идти, чувствовал, что ничего доброго из этого выйти не может. Но ведь и то верно — долг-то свой выполнить нужно ведь... Словом, пошел я. Народу набилось видимо-невидимо, словно в церкви на Пасху. Яблоку, как говорится, упасть негде. Ну, Луначарский, конечно, рвет и мечет против религии и Бога. Доводы его, конечно, старые, затрепанные.

Вот, помню, о душе он заговорил.

«Все это чепуха и детские сказки, кричит с трибуны. Все это выдумано буржуазией для околпачивания трудящихся масс. Все эти глупые разговоры о душе — остатки веры дикарей. Ни одна точная наука не подтверждает существования души. Смешно в наш век радио и электричества верить в то, что не найдено и не может быть доказано. Только материалистическое миропонимание правильно. А разговоры о духе, о душе — бред дураков...»

Ну, и так далее. Сами, вероятно, слыхали, как они по заученным шаблонам твердят... Взорвало меня. Каюсь, что тут греха таить... Выступил я в прениях и сказал этак по-стариковски:

— Позвольте мне, друзья мои, говорю, рассказывать вам мой недавнишний сон. Снился мне наш глубокоуважаемый комиссар, Анатолий Васильич Луначарский, которого я, избави Бог, ничем не хочу обидеть в своем рассказе. Знаю его, как умнейшего человека и никогда в этих его замечательных качествах у меня не было ни тени сомнений...

Ну-с, так вот, приснилось мне это, что наш дорогой Анатолий Васильич умер. Сказал я это и, помню вот как сейчас, тишина стала, как в церкви. А я, этак не торопясь, и продолжаю:

Ведь, говорю, этакое горе-то присниться может, скажите на милость... Ну, хорошо. А завещал-то наш Анатолий Васильич свое тело анатомическому театру — все равно ведь материя-то у всех одна — так пусть, мол, на моем мертвом теле поучатся советские студенты...

Так вот, положили, значит, бренные останки того, чем был когда-то наш дорогой Анатолий Васильич, на анатомический стол и стали резать, да на кусочки расчленять.

Долго ли молодым, да любознательным рукам разрезать тело? Да опять же не каждый день ведь комиссар попадается... Ну-с, скоро все на составные части разделили. И желудок нашли, и сердце, и язык, и мозг. А вот души-то и ума искали, да так и не нашли... Ведь этакая коллизия вышла!..

Ну, пусть в мертвом теле души-то уже нет, но кажись, ум-то, ум можно было найти! Ведь всем ясно было, что наш дорогой покойник, Царство ему... гм... гм... Небесное, очень, очень умный был. Да как не искали — а ума-то никак найти

и не могли. Вот и говори после этого про ум... Такой конфуз вышел, что и не рассказать! Прямо в поту весь проснулся... Вот, прости Господи, какие сны-то глупые бывают...»

Я невольно рассмеялся от всего сердца. Очень уж тонко, ядовито и комично поддел старик Луначарского.

— Вот так-то и весь зал, — с веселым огоньком в усталых глазах сказал священник. — Минуты две хохот стоял. Очень это не понравилось Луначарскому. Да и другие стали возражать. Словом, не вышло посрамления религии, как он рассчитывал... Ну, а дальше что и рассказывать? Дня через два ночью — чекисты с ордером: пожалуйте... А теперь, вот видите, век свой сторожем доживаю.

— Почему доживаете?

— Да разве нам, старикам, отсюда живыми выйти? Среди этих ужасов год за 10 может считаться... Да потом — разве дадут нам спокойно умереть?..

***

Старик оказался прав. Ему не суждено было ни уехать из Соловков, ни спокойно умереть на руках у друзей. Осенью 1929 года его расстреляли.

Расстрел в рассрочку

Мы вышли из леса и на пересечении дорог увидали толпу людей, плотно окруженную конвоем.

Мой спутник испуганно схватил меня за руку.

— Посмотрите — это на Секиру ведут.

«Секирная гора» — самый высокий пункт острова. Когда-то монахи выстроили там каменную церковь, превращенную теперь в карцер-изолятор. Заключенные этого изолятора и шли теперь нам навстречу. Их было человек 50—60, измученных, озлобленных, посиневших от холода. Одежда их представляла собой фантастическое рванье, в дыры которого видно было голое тело. Ноги у большинства едва были обмотаны тряпьем. А на дороге выл ветер, бросая тучи снега. Мороз был не менее 15 градусов.

Медленно плелось это мрачное шествие, окруженное охранниками с винтовками на изготовку. Один из охраны, видимо, знал моего спутника и кивнул ему головой.

— Откуда ведете?

— Да ямы гоняли рыть, — неохотно ответил тот.

Из молчаливой толпы неожиданно прозвучало два голоса:

— Яму для людей... Себе же могилу...

— Молчать, сукины дети, — злобно крикнул солдат и угрожающе поднял винтовку. — Не разговаривать! Как собаку застрелю...

Шествие медленно ползло мимо нас.

Неожиданно из толпы «секирников» раздался негромкий хриплый голос:

— Здравствуйте, дядя Боб!

Я вгляделся и едва узнал в согнувшемся посиневшем человечке раньше бодрого, жизнерадостного Митю.

— Митя — вы?

— Не полагается разговаривать с штрафниками! — грубо окликнул меня конвоир.

— Да, да я знаю! — любезно ответил я. — Но это мой рабочий со спортстанции. Меня ведь вы знаете? (часовой кивнул головой). Ну, вот, этому пареньку я премиальные выхлопотал за работу, а он как раз куда-то и пропал. Разрешите через вас передать ему эти 3 рубля.

— Да не разрешается!

— Но ведь это не передача, а его собственные деньги. Он их заработал, как ударник, и получит их все равно, когда выйдет. Пожалуйста, уж вы передайте. — И я добавил вполголоса: — А будете на спорт-станции — тогда сочтемся...

Часовой нерешительно взял бумажку и передал ее Мите.

— Ну, ступай, нечего смотреть! — закричал он, и шествие проползло мимо.

— Спасибо, дядя Боб! — донесся издали слабый голос Мити.

— Вот несчастные, — вздохнул мой спутник. — Я ведь знаю, каково им там. Сам недавно там две недели просидел!

— Вы? За что вы туда попали?

— За что? Разве в такой жизни знаешь, за что не только на Секирную попадешь, а и жизнь потеряешь? Недавно, вот, один наш священник в лазарете умер от истощения. Ну, конечно, назвали какую-то ученую болезнь. Но мы уж видели, что жизнь его едва теплилась. Старики ведь все... Хотели мы его соборовать перед смертью, да не разрешили. Когда он умер, хотели мы его схоронить своими силами. Да разве ж и это можно? Тело его попросту кинули голым в яму — вот и все похороны... Нас трое, которые давно с ним жили и еще по воле знали, решили по нему панихиду отслужить. Собрались вечером в самом пустынном сарае, деревянный крест сделали. У одного каким-то чудом образок нашелся — в посылке как-то не заметили, пропустили... Вот, поставили свечку и панихиду отслужили по умершем... Да, вот, кто-то увидел, донес и всех нас, конечно, на Секиру. Но все-таки осенью как-то еще можно было прожить. Правда, сидели мы без одежды — такое там правило, только в белье — у кого белье-то осталось.

Ну, а у многих здесь белье есть? Так, почти все голиком и сидели. Пищи — граммов 200 хлеба в день и вода. За две недели, помню, человек 10 мертвыми унесли.

— А больные как?

Священник махнул рукой.

— Больные? Выживет — его счастье. А умрет — в яму... Эх... Так то — осенью... А теперь, не дай Бог! Стекол нет, церковь не топится, нар нет. Прямо на каменном полу все лежат.

— Так как же они выживают?

— Да мало кто и выживает, особенно из образованных. Так и называется — «расстрел в рассрочку»... Есть там такие — «ягуары» их зовут — старые урки, уголовники. Так они ко всему приучены — прямо, как звери, живучие. Сил у них нет, но выносливость, действительно, как у ягуаров... Так те, вот, еще выживают. А знаете, как они там спят? А так «поленницей» — друг на друга ложатся большой кучей поперек. А потом каждый час меняются. Кто замерз — внутрь лезет, а согревшиеся на край кучи. Так и греют друг друга...

— Но мрут, вероятно, сильно?

— Ну, конечно. Только уж самые сильные выживают. Да вы, вероятно, везде ведали: еще с осени ямы готовятся — братские могилы. Туда всю зиму мертвых и бросают. Закапывают только весной... Вот и сейчас, видно, где-то за кладбищем новую яму рыли. Старых-то уже, видно, не хватило... Как это, по-советски говорится, — старик невесело усмехнулся, — «смерть перевыполнила свой промфинплан»...

Я невольно оглянулся в сторону ушедшей колонны, хвост которой уже скрывался за поворотом дороги. Резкий морской ветер пронизывал насквозь и осыпал колючим снегом. Полураздетые голодные люди медленно ползли обратно в изолятор, где от них отберут и эту рваную одежду и втолкнут в большой каменный зал.

И там, проклиная свою жизнь, расталкивая других, они вползут в человеческое месиво, чтобы отогреть хоть немножко окоченевшие свои тела...

«РОДНОЙ ДОМ» ПО-СОВЕТСКИ...

Юный рыцарь, без страха и упрека

Первые морозы... Громадное, искусственно созданное «Святое озеро» уже покрылось льдом. Недавно красноармейцы охраны получили из Москвы партию коньков, и нашей спорт-станции дано срочное задание устроить каток на этом озере. По приказу свыше, Отдел Труда прислал в распоряжение станции для

расчистки снега около 100 человек — новичков из числа недавно прибывшего на Соловки этапа.

Старое деревянное здание нашего сарая дрожит под ударами ледяного декабрьского ветра. На льду метет вьюга, и Дима, который сегодня распоряжается чисткой, дает рабочим частые передышки. Дима — это тот ленинградский скаут, с которым мы чуть не были убиты беспризорниками в Ленинграде. Он теперь состоит в штате нашей спорт-станции, и мы живем вместе в небольшой пристройке рядом с сараем. Я очень доволен тем, что Дима вместе со мной. Его кипучая порывистость, жизнерадостность и бодрость помогают легче переносить тяжелые минуты тревог и печали. Когда в свободное от работы время другие наши скауты ухитрялись заглянуть в нашу кабинку, оттуда неизменно несся веселый смех; это Дима что-нибудь рассказывал или шутил. Он был душой нашей семьи. У него, кажется, почти не было родных, и он сросся со скаутами всеми нитями своей души. Его натура была изумительно талантлива. Он писал стихи и рассказы, прекрасно рисовал и был незаурядным актером... Худенький и туберкулезный юноша, он, вопреки своей физической слабости, не знал страха, и это свое бесстрашие часто проявлял в таких задорных и неосторожных формах, что нам всем страшно становилось за его жизнь...

Сейчас Дима — вместе со своими рабочими. Они сгруппировались около железной печурки. Часть лежит, прикорнув около гудящего пламени, часть сидит, а остальные, плотной стеной наклонившись над товарищами, протягивают к теплу свои окоченевшие пальцы. Наши рабочие — это в большинстве простые крестьяне, высланные ОГПУ по простому подозрению во враждебности советской власти с кратким приговором — «социально-опасный». За время тюрем, этапов, работ их одежда превратилась в одни лохмотья. На ногах многих — только старые, дырявые лапти. Немудрено, что Дима часто дает им передышки... Сейчас он рассказывает им о лагере, об условиях местной жизни, отвечает на вопросы, подбадривает...

Внезапно в дверях сарая показываются две фигуры в военной форме — это командир полка охраны и Новиков — комендант лагеря. Они в полушубках и валенках, с плотно застегнутыми шлемами.

— Смирно, — командует Дима, и все замолкает.

— Почему не на работе? — недовольным тоном спрашивает командир полка.

— Только что пришли со льда, т. командир. Рабочие отогреваются.

— Вишь ты, какие неженки выискались! — кривит губы Новиков. Его холодные, равнодушные глаза обводят испуганные лица крестьян. — Ни черта, не подохнут. А если и подохнут — убыток не велик. Гоните их на работу!

— Но у людей нет ни валенок, ни рукавиц, ни платья. При таком морозе они только окоченеют и ничего не сделают. Мы с перерывами работаем...

— Прошу без объяснений! Нечего тут интеллигентские сопли разводить. Гоните их сейчас же, и пусть работают без всяких перерывов и грелок. А померзнут — на то лазарет и кладбище есть...

По звуку голоса я слышу, что разговор начинает обостряться. Зная горячий характер Димы, я выхожу в сарай, спеша на помощь. Но уже поздно. Дима, возмущенный жестокостью Новикова, с решительным лицом и сверкающими глазами чеканит:

— Я не могу гнать раздетых людей на мороз. Весь этот каток не стоит одной человеческой жизни. Да потом вы, т. комендант, и не вправе давать мне распоряжения. Т. командир, — обращается Дима к охраннику, — позвольте мне возражать против распоряжения т. коменданта.

— Ах, вот как? — вспыхивает Новиков, и глубокий шрам, пересекающий его лицо, начинает наливаться кровью. Старые соловчане говорили, что этот шрам — след удара какой-то жертвы, вырвавшейся из рук палачей за несколько секунд до момента расстрела. Сейчас лицо Новикова, с кровавым рубцом и мрачными глазами, страшно.

— Ну, ну, Новиков, не бузи, — благодушно говорит командир полка. Ему, старому военному, участнику мировой и гражданской войны, нравится смелость тоненького, бледного юноши. Он с улыбкой, как старый волк на молодого петушенка, смотрит на побледневшего Диму. Я спешу вмешаться:

— Т. командир, вы приказали, чтобы каток был готов завтра, к 12. Мы ручаемся, что все будет готово к назначенному времени. Мы переждем метель, и каток будет расчищен. Доверьте нам самим выполнение работ на катке.

— Ладно, ладно, — смеется командир. Чуть заметный запах спирта доносится до меня. Так вот отчего он сегодня так благодушен! — Пойдем, пойдем Новиков. А то того и гляди выгонят, брат, нас. Скажут еще — мешают работать. Ха, ха, вот, чорт побери, смелые ребята. Эти, вот, попы, да еще скауты — прямо, как гвозди... В прошлом году один такой малец был, тоже из скаутов.

— Вербицкий, вероятно?

— Да, да. Вот, дьяволы, как своих-то знают! Так тот тоже, как насчет того, чтобы прижать заключенных, так никакая гайка... Вот жуки... Так каток будет, т. Солоневич?

— Будет, т. командир.

— Ну и ладно. Пойдем, Новиков. А тебе верно, брат, непривычно, что, вот, такой шкет тебя ни хрена не боится? А молодец парнишка! Люблю таких.

Продолжая смеяться, командир полка шагнул в дверь. Новиков последовал за ним, но в дверях оглянулся. Недобрый взгляд как-то зловеще окинул тоненькую фигурку Димы, лицо его как-то судорожно перекосилось, и он вышел, хлопнув дверью.

Несколько секунд все молчали. Страшная слава Новикова слишком хорошо была известна всем, чтобы кто-нибудь мог не придать значения его угрожающему взгляду. Сотни заключенных погибли под пулями его нагана... Его утонченная, болезненная жестокость, пытки, произвол, самодурство — все это создало ему репутацию человека, поссориться с которым в обстановке лагеря значило почти подписать себе самому смертный приговор.

Новикова боялись и ненавидели смертельной ненавистью. Уже много лет он не смел, несмотря на то, что был «вольным чекистом», никуда уехать с острова. На острове он был еще как-то спокоен за свою жизнь, он был уверен, что ни у кого не поднимется рука, чтобы убить его, зная, что сотни и тысячи заключенных заплатят за это своей жизнью. На советском языке такие массовые убийства ни в чем неповинных людей называются «актом классовой мести»... Но Новиков знал, что вне Соловков, на воле, его за каждым углом может ждать нож или выстрел — месть друзей и товарищей тех, кого расстрелял он на острове, где нет закона и человечности... Первым пришел в себя я.

— Ах, Дима. Зачем это тебе понадобилось дразнить Новикова? Отговорился бы и все тут... Ну, на крайний случай, вышли бы все на лед, а потом обратно. А то, вот, сделал из Новикова себе врага. Ей-Богу, только этого недоставало для твоего счастья.

— Ну, и чорт с ним! — Губы юноши еще взволнованно дрожали и кулаки были крепко сжаты. — Буду я тут отмалчиваться перед всякой чекистской сволочью. Для меня человеческие жизни — не песок под ногами. А насчет врага — все равно. Одним больше, одним меньше. Все равно ведь: если я отсюда живым и выйду, — мало мне жить останется. Смотри вот. Я тебе не показывал, не хотел тревожить...

Он достал платок, кашлянул в него и протянул мне. На платке расплывалось красное пятно.

— Вот, видишь, что тюрьмы да этапы сделали. Так, вот, ты же врач, скажи мне, только честно, разве мне выжить еще несколько лет в таком климате, да при таком питании? А после ведь еще и Сибирь. Так чем напугает меня Новиков после этого? Своим наганом? Молчать я буду перед палачом? Никогда!.. Все равно погибать...

Нервным жестом он отбросил платок в сторону, прошел сквозь толпу молчаливо расступившихся перед ним рабочих и вышел на озеро.

Все молчали.

— Эх, лучше бы мы на работу вышли. А то, вот, погибнет малец, — сказал, наконец, чей-то тихий голос из толпы.

— Тут, видно, жизнь — копейка. Пропадет паренек ни за понюшку табаку, — раздались восклицания среди рабочих, и в уме каждого промелькнувшая картинка озарилась каким-то трагическим светом...

***

Новиков не забыл смелого юношеского лица. В 1929 году, уже в Сибири, я узнал, что в списке группы, обвиненной в каком-то фантастическом заговоре, очутилось и имя Димы, который через несколько месяцев должен был закончить срок своего заключения.

Предчувствие не обмануло Диму; не суждено было ему выйти живым со страшного острова. Ранней весной, тихой северной ночью повели его в иной, последний путь — из лагерной тюрьмы к месту расстрела...

Погиб Дима, наш огонек, наша улыбка...

Вот написал эти слова, и на сердце опять навалилась какая-то тяжесть, и судорога рыдания свела горло...

На далеком суровом севере, у угрюмых стен седого кремля, в холодной яме лежит худенькое тело нашего братика. Его голова разбита выстрелом нагана, плясавшего в торжествующих руках пьяного Новикова, но я верю, я верю всем сердцем, что его губы смело улыбнулись даже в лицо смерти...

Боже мой, Боже мой!.. Дима, братик мой милый! Кому нужна была твоя молодая кровь? Кому нужно было прервать твою яркую, полную сверканья, молодую жизнь? За что?..

Скаутская спайка

Весна, суровая полярная весна. Только в конце мая пробиваются сквозь льды к Соловкам первые пароходы... Первые пароходы и новые этапы... Новые сотни и тысячи советских каторжников наполняют старинные соборы кремля, превращенные в казармы. На смену рядам, плотно уложенным в холодные ямы, прибыли новые, истомленные многими месяцами пребывания в тюрьме и Кемперпункте — «самом гнусном месте во всем мире». В один из июньских вечеров, когда солнце еще высоко сияло в небе и красноармейцы назначали начало футбольного матча в 10 часов вечера, ко мне вбежал Вася.

— Слушай, Борис, — торопливо сказал он. — В этапе только что прибыли наши ребята: Коля — помнишь, жених наш и какой-то питерец. Я прорвался к

ним в своем санитарном халате и записал их роту и имена. Выручай, брат, а то, кажется, всех их завтра в лес гонят...

Через минуту было готово официальное требование:

«В Отдел Труда.

С последним этапом прибыло двое специалистов по физической культуре, такие-то... которых прошу срочно направить в мое распоряжение для внеочередных работ по устройству революционных торжеств...»

Зав. Отделом Труда — морской офицер, Н.Н. Знаменский, на судне которого я плавал когда-то в Черном море[7]. Разумеется, он прекрасно понимает, что затребованные мною люди вовсе не специалисты, а что все это чистейшей воды «блат», что это нужно для того, чтобы выручить «своих» от тяжелых физических работ. К сожалению, многих выручить мы не можем, но «своих», честных, интеллигентных людей, стариков, инженеров, врачей, священников, профессоров — словом, тех культурных людей, которых ГПУ назвало контрреволюционерами за нежелание перерождаться по его образу и подобию, — их мы выручали по мер своих сил.

На следующее утро наши новые соловчане прибыли на спорт-станцию. Москвич Коля был печален и замкнут. Судьба уж очень больно ударила его в самый неожиданный момент, счастливый жених, страстно влюбленный, он накануне свадьбы был на целых 8 месяцев брошен в одиночную камеру, причем его, кроме обвинения в скаутской работе, заподозрили еще и в анархизме...

Для Коли три года лагеря — не веселое приключение бурной молодости, а надлом, и, может быть, смертельный... Что я могу сказать его честному сердцу? Чем теплым я могу смягчить грустный холод его взгляда? С его надтреснутым сердцем, может быть, уже не ожить... Весна сердца бывает только раз в жизни...

Ленинградец Володя — бодрее. Это человек, много испытавший в своей жизни. По специальности он — пожарный. Он прошел все ступени этого дела, начиная от значка пожарника в своем скаут-отряде и кончая званием инспектора пожарного дела в городе. Он — крупнейший ленинградский скаутмастор, в самые тяжелые периоды жизни бывший стержнем всей работы. Где-то в Ленинграде воюет и голодает его жена, герль-скаут, с маленькой дочерью. Она работает где-то на фабрике и тщательно скрывает, что ее муж в Соловках. Если узнают — уволят, как жену соловецкого ссыльного...

Когда замолкли первые радостные приветствия, Дима спросил:

— А в Кемперпункте, небось, туговато пришлось?

---

[7] Вообще на острове на 5000–6000 заключенных — всего 200 красноармейцев охраны и 20–30 «вольных» чекистов. Остальные руководящие посты занимают заключенные из числа наиболее квалифицированных и знающих.

— Не спрашивай!.. Чем скорее забыть, тем лучше. Хорошо еще, что сюда, к своим, живыми попали...

— Ну, а что нового на воле? Мы ведь почти 7 месяцев — без газет и без новых людей... Только радио. Ну, а оно — известно, врет, как «Правда».

— Наши скаутские новости кислые. Приезжали люди в Кемь — рассказывали. Наших ребят по СССР больше 1000 арестовали. Сотни 2—3 послали в ссылки — среди них даже лет по 15, по 16 есть девчата!

— Как, и герлей тоже?

— Конечно! Сорвали с учебы, вырвали из семьи и послали в тундры, в тайгу, в пески юга... Врагов тоже отыскали!.. А нашей братии здесь сколько?

— Да с вами — 15.

— Так. Ну и в Кеми двое наших герлей сидит.

— Слыхали. Кажется, к счастью, их не послали ни в лес, ни в болото?

— Нет, Бог миловал — одна санитаркой работает, другая машинисткой.

— Ну, а с нами-то что думаете делать?

— Не дрейфьте — устроим... Прежде всего, прямой вопрос — жрать хотите?

— В любое время, любую пищу и в любом количестве... Усвояемость 105 процентов.

— Митя, а Митя, — позвал я. — Черная всклокоченная голова Мити высунулась из двери.

— Есть, дядя Боб.

— Митя, дружок, тут еще пара наших ребят прибыла. Голодны, как волки. Не выдумаешь ли чего-нибудь?

— Через час будет все. Выдержат час? С голода не помрут? — И голова Мити исчезла.

Через час в нашей комнате вкусно пахло жареным мясом. Это Митя готовил что-то на тюленьей ворвани.

— Что это ты жаришь, Митя? — поинтересовался Коля.

Беспризорник лукаво подмигнул мне и самым серьезным тоном ответил:

— Фазанов.

— Ну, будет тебе шутить! Откуда здесь фазаны?

— Ну, почти что фазаны, — охотно отступил Митя. — Тоже летали и тоже кричали.

— Вороны?

— Ну, вот еще... Откуда летом около жилья воронам взяться? Выше бери.

— Куропатки?

Митя усмехнулся.

— И чем это тебя кормили, что ты такой умный? Откуда через час на сковороде куропаткам взяться?

— Ага... Чайки, значит?

— Угу...

— А как ты их поймал?

— Эва! Как поймал?.. На приманку, как большевики Рассею. И среди птиц дураки жадные есть... Дело плевое... Пара рыбешек, крючки и шпагат. Рыбка лежит себе и лежит у моря, на камушке. Ну, а я — в кустах. А чаек здесь — как собак нерезаных... 500 лет ведь никто не пугал... Глаза-то у них, что твои телескопы — куда там дяди Боба очкулярам! Чайка — животина прожорливая, жадная... Видит — рыбка блестит на берегу: ага, думает, волна, значит, выбросила даровой завтрак... Как бы только волна обратно не слизнула! Ну, и цоп ее! А дальше — все понятно...

— Но ведь за это сажают в изолятор?

— Эх, сажают за все, за что ни захотят... Вот, дядя Боб как-то подсчитывал — ему за все преступления против правил еще лет 200 сидеть здесь, если б все наказывалось...

— В самом деле?

— Конечно. Такая уж наша жизнь. Тут силой взять нельзя — тут надобна ухватка... Уж за одно то, скажем, что я вас вытащил сюда, как спецов по физкультуре, тоже по головке бы не погладили. Шутка сказать — «обман пролетарского учреждения». Кумовство, протекция... Или, вот, скажем, чайка — за каждую по месяцу. А сколько их мы уже слопали? Без риска тут не проживешь...

Как вкусно хрустели косточки чайки на зубах у голодных ребят! Митя живо устроил чайник, и по мер того, как наполнялся наш желудок, розовели и прояснялись перспективы нашей жизни.

Когда Митя ставил на стол шумящий чайник, Коля заметил, что у паренька на левой руке только два пальца.

— Где это ты пальцы свои потерял?

— Потерял? Не, братишек, не потерял я свои пальчики, а продал, — насмешливо ответил Митя.

— Продал? Что ты все шутишь!

— А очень просто, друг. У меня тут с чортом в лесу торг такой был — либо ему жизнь свою отдай, либо пальцы. Ну, так я решился жизнь пальцами откупить...

— Да ты брось, Митя... Не говори загадками. Мы же свои ребята.

— Ну, ладно. Дело-то проще простого. Было такое дело — вот, дядя Боб знает — дернула меня нелегкая на колокольню здесь полезть. Зачем? Дело было...

Ну, так вот — не повезло мне. Засыпался. Спрашивают меня, значит, «зачем лазил?» А, я — «Флаг, говорю, снять на портянки — дюже холодно»...

— А ты и в самом деле за флагом лазил? — Митя хитро прищурился...

— Много знать будешь — скоро облысеешь... Ну, хоть бы за яйцами чаячьими... Все едино... Не в том дело... За это на Секирную меня и поперли. Там как-то еще выжил, а вот от леса потом никак не выкрутился... Та-а-а-ак... А как попал я, значит, раб Божий, в лес, так вижу — все равно здеся я не вытяну... Силенок у меня, сами видите, — как кот наплакал или курица начихала. А тут еще прямо с Секирки да в лес... Ну, вам сказывали, верно, как там людей мучат... Я и вижу — амба приходит. Либо пальцев лишиться, либо жизни. Эх, где наша не пропадала!.. Я выбрал минуту, когда охрана не ведала, руку на бревно и хрясь топором...

— Ух!.. — невольно вскрикнул Коля и вздрогнул. В наступившем молчании кто-то глухо спросил:

— Больно здорово было?

— А ты как думаешь? — насмешливо огрызнулся Митя. — Это тебе не полбутылки хлопнуть... Ну, я руку в снег. Кровь струей хлещет. Руку, как огнем, жгут. Да я слабый был... На счастье, и сомлел. А дальше уж и не помню. Подняли меня ребята, руку в тряпку закрутили, повели к охране. А те не верят. Прикладами по спине... «Саморуб, сволочь, — кричат. — Лежи здесь, говорят, до конца работы»... Так и пролежал. Да зато потом в кремль послали. А в санчасти перевязывать отказались: «Саморубов, говорят, запрещено перевязывать... Много вас таких»... — «Что ж, так и гнить?» — спрашиваю. «Дело ваше»... Ну, я к дяде Бобу — по старой памяти. Он мне кое-что тут еще оттяпал и перевязал. А потом — хотишь, не хотишь — пришлось меня в инвалиды записать. Это уже не филон[8] — дело чистое. Но зато от леса избавился. Вот, Бог даст, живым и останусь. Как это поется:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога:
И сапог-то меньше рвется,
И портошина одна...

— Ну, а рука-то как, действует?

— Рука? А что ж, приноровился. Тяжелой работы делать не могу, а так — справляюсь... Вот у дяди Боба вроде повара...

И Митя, торжествующе улыбаясь, начал сворачивать «козью ножку», ловко пользуясь оставшимися от выгодной коммерческой сделки с чортом двумя пальцами.

[8] Фальшивый Инвалид Лагерей Особого Назначения.

СОЧЕЛЬНИК

Соловецкий дом

Сегодня канун Рождества Христова... Мы уже давно мечтали провести этот вечер по-праздничному. Всем друзьям передано приглашение «на елку». Собраться вместе и трудно, и опасно, но уж куда ни шло...

Вечером я только поздно освобождаюсь от какого-то заседания в кремле. На дворе воет и рвется вьюга. В воротах кремля тусклая лампочка едва освещает фигуру часового, кивающего мне головой. Он знает меня, и пропуска предъявлять не нужно. Я прохожу через громадные чугунные ворота кремля под массивом старинной башни и выхожу на простор острова.

Ветер валит с ног. Тучи снега облепляют со всех сторон, и я медленно иду привычной дорогой около темнеющей стены, борясь с вихрем и напряженно вглядываясь в темноту сквозь завесу метели... Вот, наконец, и наш сарай...

В кабинке, пристроенной к сараю нашими руками, меня оглушает приветственный гул дружеских голосов. Печь пылает. В комнатке светло, тепло и уютно. Атмосфера молодости, смеха и оживления охватывает меня.

На столике уже стоит наше «роскошное» рождественское угощение — черный хлеб, селедка и котелок каши. Сегодня мы будем сыты — редкая радость в нашей жизни...

Всем сесть некуда. Поэтому часть «пирующих», как древние римляне, «возлежат» на койках, приделанных в два яруса к стене, и оттуда свешиваются их головы со смеющимися лицами.

Многие не смогли прийти на приглашение. Вырваться вечером из кремля не так-то легко. Но все-таки у столика улыбается всегда спокойное, твердое лицо Сержа, блестят молодые, веселые глаза Лени. Здесь и Борис, и Сема, и Володя...

Пришел к нам и одесский маккабист Иося. Их спортивные и скаутские отряды тоже были везде ликвидированы «на корню». Разве, с точки зрения совласти, мечтать об еврейском государстве не предательство перед «пролетариатом всего мира», не имеющим права иметь другого отечества, кроме СССР?..

Кроме нас, в кабинке и наши инструктора спорта: Вячеслав, Саныч и Сергей.

Дядя Вяча

Вячеслав Вихра — мой помощник по спорт-станции. Его худощавая, стройная фигура обманывает — может показаться, что перед вами юноша. Но вот он обернулся, и вы с удивлением замечаете его седые волосы...

Вячеслав — старый чех-«сокол». В том году, когда я имел удовольствие осчастливить мир своим появлением на свет, Вячеслав приехал из родной славянской страны — Чехии, чтобы создать в стране старшего брата — России — Сокольскую организацию. 30 лет провел он здесь, честно отдавая свои силы физическому и нравственному воспитанию русской молодежи. Но вот грянула большевистская революция, и он оказался «классовым врагом» только за то, что воспитывал в молодежи любовь к Родине-России...

Общество «Сокол», объединяющее много тысяч молодежи и взрослых, было подвергнуто разгрому одновременно с Маккаби и скаутами. Несколько сот соколов было брошено в тюрьмы, лагеря и ссылки. Старших послали в Соловки. В их числе и нашего «дядю Вячу», который теперь обучает сторожей своей неволи — красноармейцев — лыжному делу...

Саныч

Саныч — наш инструктор спорта, в прошлом — офицер поручик. Красивое, породистое лицо. Крепкая изящная фигура. Он поверил амнистиям советской власти и вернулся после конца гражданской войны из-за границы в СССР. Итог ясен — Соловки.

Благодаря смешной случайности, он в Соловках попал под «высокое» покровительство командира полка местной охраны и был назначен инструктором спорта среди красноармейцев.

Как-то случайно этот командир мимоходом бросил Санычу какой-то вопрос. По старой военной привычке поручик мгновенно вытянулся в струнку и механически четко ответил:

— Точно так, господин полковник!

Угрюмая, зверская рожа чекиста расплылась в довольной улыбке. Его, старого безграмотного фельдфебеля, назвали «полковником»!.. И назвал один из тех офицеров, перед которыми он сам столько раз стоял навытяжку... Как ласкает ухо такой почетный титул, пусть даже незаслуженный!..

— Ну, ну!.. Не «господин полковник», а только «товарищ командир», — снисходительно улыбаясь, сказал он, но с тех пор его сердце было покорено Санычем...

Сломанный бурей молодой дуб

Крепкая, квадратно сколоченная фигура. Твердое, красивое лицо со смелыми глазами. Прямая, военная выправка... Это другой наш инструктор, Сережа Грабовский. Он, как и многие другие здесь, — белый офицер, попавшийся на провокацию... В конце гражданской войны он эвакуировался вместе с армией и потом тоже поддался уговорам советских агентов и вернулся...

Теперь он в Соловках на 10 лет.

Сережа — мой старый друг и товарищ по виленской гимназии. Мы вместе с ним учились, вместе проходили первые ступени сокольского воспитания. Уже и тогда одними из характернейших его качеств были смелость и упорство.

Помню, как-то в гимнастическом зале он, великолепный гимнаст, делал велеоборот («солнце») на турнике. Турник был технически неверно установлен, шатнулся, и Сережа, сорвавшись на полном махе, пролетел несколько метров в воздухе и ударился грудью о печку. Все ахнули и бросились к нему. Лицо Сережи было окровавлено и, видимо, он сильно расшибся. Мы подняли его и стали расспрашивать о повреждениях. Крепко сжав губы, он подвигал руками словно для того, чтобы убедиться, что они целы, потом ладонью обтер струившуюся по лицу кровь и решительно направился к турнику.

Прежде чем мы успели его остановить, Сережа был уже наверху, и опять его тело стало описывать плавные круги велеоборота.

Все мы замерли. Начальник «Сокола» и наш преподаватель, Карл Старый (впоследствии погибший в гражданской войне) бросился вперед, чтобы подхватить тело Сережи, если он сорвется. Наступил момент страшного напряжения, и в глубокой тишине слышался только скрип турника под руками гимнаста. А он все взлетал наверх, вытянутый в струнку, и опять плавно летел вниз, чтобы вновь красивым движением выйти в стойку на прямых руках. Нам всем казалось, что вот-вот тело Сережи сорвется и расшибется уже на смерть...

Еще два-три взмаха — и гимнаст плавно опустился на мат. Помню, никто не остался равнодушным перед такой смелостью. С радостными криками и поздравлениями мы окружили Сережу, пожимая ему руку, но вдруг его замазанное кровью лицо побледнело, и он в обмороке упал на пол...

Впоследствии Сережа прошел полностью тернистый путь бойца за Родину.

В первые же годы войны он, как сокол, ушел на фронт и сделался летчиком.

В 1919 году в Екатеринодаре я встретил его уже штабс-капитаном с Георгиевским крестом. И там, в Екатеринодаре, он по мере своих сил бывал и тренировался в местном «Соколе». Потом мне довелось встретиться с ним уже в 1926 году в Соловках... Он прошел всю эпопею гражданской войны, получил одним из первых орден Св. Николая за бесстрашный полет под Перекопом. Потом эвакуация, чужбина, соблазн вернуться, политическая близорукость, возвращение и Соловки и 10-летний срок заключения...

В лагере его мужественную, бесстрашную и прямую натуру давило бесправие, гнет и издевательство. И на оскорбление он отвечал оскорблением, на вызов — вызовом, на издевательство — яростным взглядом своих смелых глаз.

Он первый шел на защиту слабого и несчастного и не раз резко сталкивался с чекистами...

Сережа был из тех людей, кто не мог гнуться, не умел обходить подводных камней и не хотел изворачиваться. Он мог только сломаться, и он был сломан...

Уже после своего отъезда в Сибирь я узнал, что его вместе с десятками других людей обвинили в каком-то контрреволюционном заговоре и расстреляли.

Многие из моих друзей и знакомых погибли в ту ночь... Погиб юноша-скаут — Дима Шипчинский, погиб инженер Коротков, священник отец Михаил Глаголев.

И по этому страшному пути прошел к яме со связанными руками и наш сокол Сергей Грабовский.

Вероятно, он не сопротивлялся, но в чем я глубоко уверен, он прошел этот свой последний путь спокойным шагом, с высоко поднятой головой...

И после толчка пули он не поник всем телом, а упал в яму, полную окровавленных, еще трепещущих тел — так же, как и жил — прямо и гордо, как молодой дуб...

***

Все в сборе. Хаим, наш инвалид-завхоз, маленький пожилой еврей, юркий и веселый, торжественно достает из-под койки три бутылки пива, встреченные возгласами удивления.

— Хаим, где это вы достали такое чудо?

Наш завхоз хитро улыбается.

— Откудова? Это, господа, маленький гешефт на чувствах одного тут красноармейца.

— На нежных чувствах?

— Ну да... У него там, на родине, невеста осталась.. Верно, этакая птичка, пудов этак на 8. Так он ко мне и пристал: «Напиши, говорит, Хаим, ей письмецо, а то я, говорит, к политруку боюсь обращаться — засмеет. "Какой ты, скажет, железный чекист-дзержинец, если бабам нежные письма пишешь..." Ну я, и взялся».

— Хорошо вышло? — засмеялся Дима, хлопотавший около столика с видом заправского метр-д-отеля.

— Ох, и накрутил же я там!.. Боже-ж мой... «О, ты, которая пронзила мое больное сердце стрелой неземной страсти»... Или еще: «Скоро на крыльях своей души я полечу, чтобы прижать тебя навек к своей пламенной груди»... Ей-Богу, прочесть и умереть...

Все рассмеялись.

— Здорово запущено, — одобрительно крякнул Серж. — Как это говорится:

Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната...

— Его, положим, не Игнат, а Софрон звать, но гешефт все-таки вышел выгодный; видите — пиво из чекистского распределителя!..

Когда бокалы — старые консервные банки — были наполнены, Дима предложил:

— Ну, дядя Боб, ты, как старшой, запузыривай тост...

— Нет, нет... Довольно наговорился я на своем веку. Давайте иначе — по возрасту: старшему и младшему слово. По возрасту Сема старшой — ему и слово.

Небритый исхудавший Сема, с темными пятнами на подмороженных щеках, посмотрел на меня и укоризненно покачал головой.

— Ну, уж от тебя, Борис, я не ждал такого подвоха!..

— Ничего, ничего. Крой. Компания-то ведь своя... Гони тост, а то газ из пива уходит!

На несколько секунд Сема задумался. Среди молчания послышался жалобный вой вьюги, и внезапно сверкающая струйка снега скользнула сквозь щель рассохшейся стены и зашипела на гудящей печке.

— Ну, ладно, — сказал, наконец, нижегородец. — Не мастер я, правда, тосты говорить, но уж куда ни шло...

Он медленно приподнялся, и все приумолкли, глядя на его сосредоточенное, печальное лицо. Потом Сема тряхнул головой, как бы отгоняя мрачные мысли.

— Ну что ж, друзья! Странный тост я предложу... Выпьем за то, что привело нас сюда...

Он замолчал, обвел всех взглядом и слабо улыбнулся.

— Не за ГПУ, не бойтесь... Выпьем за те пружины души, которые не согнулись в нас, несмотря на давление. Я не философ. Но ведь есть что-то во всех нас, что стало выше страха перед тюрьмой, перед Соловками, и, может быть, даже перед смертью. Вот за это «ч т о - т о», друзья, и выпьем! Может быть, это «что-то» — это идея, может быть, — совесть, может быть, — искра Божья... Я знаю только, что это «что-то» есть во всех нас, и этим можно гордиться. Пусть мы зажаты теперь лапой ОГПУ, но все-таки мы не сломаны...

Глаза Семы блестели, и на бледных, впалых щеках появился румянец. Он медленно поднял вверх жестянку с пивом и торжественно сказал:

— Итак, — за это «ч т о - т о», что отличает нас от чекиста и коммуниста. Да здравствует «ч т о - т о»!

Никто не закричал «ура». Все как-то на несколько секунд ушли в самих себя, в глубину своей души, словно проверяя наличие этого таинственного «что-то» и стремясь найти ему определение...

В молчании глухо звякнули жестянки-бокалы.

Потом, подталкиваемый дружескими руками, поднялся покрасневший Леня.

— Ну, а я что ж, — запинаясь, начал он. — Мой тост короткий. Дай Бог, чтобы мы скоро встретились на воле живыми и здоровыми... И тогда соберемся при свете лагерного костра и вспомним этот вечер соловецкого сочельника. Братцы! Мы еще повоюем, чорт возьми... Ну, вот, ей-Богу же!

Звучат шутки, звенит смех, и мы забываем, что кругом воет буря, и мы находимся на страшном острове...

Кто мог бы тогда подумать, что двоим из нас, тоненькому, кипящему оживлением Диме и мужественному, суровому Сергею суждено остаться навек лежать в холодной земле этого острова...

Но сегодня мы живем полной жизнью! Сочельник бывает один раз в году, а мы — молоды. Чему быть — тому не миновать!..

Внезапно в сарае звучат тяжелые шаги. Чья-то рука ищет дверную щеколду. Мгновенно со стола исчезают и елочка, и бутылки, и к тому моменту, как дверь раскрывается, пропуская военный патруль, я уже держу в руках программу новогодних спортивных состязаний и делаю вид, что мы ее обсуждаем.

Старший из красноармейцев, сам спортсмен, благодушно улыбается:

— Ладно, ладно, ребята! Я знаю — у вас завсегда порядок. Сидите, сидите. Только смотрите, чтобы никто ни в коем случае не выходил из станции — сегодня запрещено.

Патруль уходит, а мы торжественно вытаскиваем из тайника бочонок с брагой. Там и мука, и сахар, и изюм, и хмель, и всякие другие специи. Все это с громадными трудностями собиралось и копилось специально для сочельника и варилось Хаимом с видом средневекового алхимика. Теперь настал торжественный момент откупоривания заповедного бочонка... Круглое лицо Хаима, нашего виночерпия, сосредоточено. Всеобщее молчание придает особую значительность этому моменту.

Пробка скрипит, свист газа проносится по комнате, вслед за этим происходит маленький взрыв, и пенистая брага, при общих ликующих возгласах, шипящим потоком льется в подставляемые кружки...

Как мало, собственно, нужно, чтобы доставить радость усталым, забывшим об уюте и беззаботной улыбке, сердцам! Одно дело — заставить себя улыбнуться, другое дело — улыбнуться от всего сердца...

Саныч вытаскивает «одолженную» у жены какого-то чекиста гитару, и под вой вьюги в трубе и треск пылающих поленьев тихо льются мягкие аккорды струн и слова чудесной песни:

Замело тебя снегом, Россия...
Запуржило седою пургой...
И печальные ветры степные
Панихиды поют над тобой...

А непокорная фантазия опять несется к иному миру, где нет гнетущих картин голода и террора...

Вот сейчас во всем мире празднуют Рождение Христа. Везде сияют радостные лица, звучат сердечные тосты, мягко светят камины, горят традиционные рождественские свечи...

Я выхожу из сарая. Буря уже прекратилась, и в небе плавно колыхаются чудесные снопы и полосы северного сияния. Розовые, красные, фиолетовые, голубые... Они беззвучно скользят и сияют в неизмеримой вышине, мягко освещая снежные поля... Сбоку неясно вырисовывается темный и величественный силуэт башен, соборов и стен кремля...

Все тихо. Сегодня ночь Рождества Христова...

«На земле мир и в человецех благоволение...»

Внезапно недалеко за кладбищем раздаются выстрелы... Волна холодной дрожи проходит по моему телу...

Так вот что обозначало приказание военного патруля «не выходить!»

Сегодня — ночь расстрелов...

Яма

Как-то, выходя из кремля, я столкнулся с низеньким человечком.

— Ба, товарищ Гай! Как живете?

Лицо Гая расплывается в улыбку. Еще бы! Наше знакомство началось с одиночной камеры на Лубянке... Это его довели до полусумасшествия и заставили подписать приготовленные следователями показания. Некоторые его приятели были расстреляны, часть ушла по тюрьмам и ссылкам, а его, уже ненужного свидетеля, послали в Соловки с приговором в 10 лет.

И здесь Гай своими глазами наблюдал оборотную сторону советской действительности.

— Ну, как дела, товарищ Гай? Да здравствует генеральная линия великой партии и социалистическое перевоспитание народа путем концлагерей?

— Да бросьте, т. Солоневич, — мягким тоном просит Гай. — Довольно насмехаться. Вижу я этот социализм.

— Ладно, ладно, раскаявшийся грешник, — шутливо говорю я, беря его под руку. — Чтобы окончательно избавить вас от иллюзий, давайте пойдемте

со мной сюда, на кладбище. Я вам там кое-что покажу, что закрепит ваше раскаяние.

За кладбищем, у леса мы подходим к большой прямоугольной яме, вырытой еще осенью. Яма до половины чем-то наполнена, и это «что-то» полузанесено снегом... Из-под белого савана, наброшенного милосердным небом на этот страшный прямоугольник, синеватыми пятнами торчат скрюченные руки и ноги мертвецов...

Сколько их здесь, этих жертв бесчеловечного лагерного режима, безвременно погибших на этом забытом Богом островке?

В середине ямы, где порыв ветра сорвал снег, обнажен почти целый труп — изможденный, страшный, костлявый. А у самых наших ног из-под снега высовывается голова с синими губами, искривившимися в страшной гримасе, и холодным блеском остановившихся зрачков.

— Вот цена «достижений революции»! — с горечью говорю я.

— Ах, оставьте, Солоневич, оставьте, — истерически вскрикивает Гай и лихорадочно тащит меня назад. — Зачем вы меня мучите всем этим?.. Боже мой! Не напоминайте мне никогда, что я был с ними... Я уже довольно заплатил за свою ошибку...

— Да, но за вашу ошибку другие, там в я м е, заплатили еще больше!..

23 АПРЕЛЯ 1928 ГОДА

Парад в розницу

Полярный апрель... Наступили чудесные белые ночи. Еще холодные лучи солнца сияют до позднего вечера, и снег слепит глаза своей нестерпимой белизной.

Сегодня 23 апреля — день св. Георгия Победоносца. В прошлом году мы собрались вместе, но в этом году этот сбор особенно опасен... По лагерю прошла волна «зажима» и преследований контрреволюционеров.

Несколько недель тому назад группа священников, собравшаяся помолиться вместе, была арестована и посажена в изолятор по обвинению в контрреволюционном заговоре...

И на предварительном совещании мы, по меткому выражению Димы, решили отпраздновать наш день «не оптом, а в розницу» — ограничиться только посещениями друг друга...

На дворе — мороз и ветер. Северный полярный круг не шутит и не сдается весне. Я нахлобучиваю свою волчью шапку и отправляюсь в поход.

В нашем сарае Дима отплясывает какой-то замысловатый индийский танец, стараясь согреть застывшие ноги. Он только что принес из починочной мастерской несколько пар красноармейских лыж и продрог до костей.

— Ты это куда, дядя Боб? Ей-Богу, в сосульку превратился!

— Надо, братишечка, ребят-то наших повидать...

— Ах, парадный обход! Постой, пойдем вместе. Вот только отогреюсь немного.

— Никак нельзя, Димочка. Пропуска для хождения по острову у тебя ведь нет. А теперь такие строгости — как раз в карцер угодишь. Да и тут кому-то нужно остаться...

— Ладно, ладно, катись, Баден-Пауль Соловецкий... Что ж делать? Только ты там и за меня хорошенько потряси лапы ребятам...

Человек долга

Недалеко от нас к стене Кремля прислонилось маленькое здание — это наше пожарное депо. Ленинградский скаут Володя поступил в депо простым пожарным, но скоро зарекомендовал себя таким специалистом, что он теперь уже начальник пожарной охраны.

В дежурке — темно. Володя крутит ручку старого телефона и с трудом узнает меня. Лицо его помято, и на щеке полоса сажи.

Я молча протягиваю ему левую руку. Несколько недоумевая, он дружески пожимает ее, а потом, переводя глаза на зеленую веточку в петлице моей тужурки (по традиции русских скаутов 23 апреля каждый скаут должен в петлице иметь цветок или простую зеленую веточку) и радостно вскрикивает:

— А ведь и верно, чорт побери... Ведь сегодня же двадцать третье! И как это я проворонил? Голова, правда, совсем заморочена; всю ночь не спал. Только что с пожара приехали! Деревянный барак у Савватьева горел. Сам знаешь, какие у нас порядки — ни воды, ни огнетушителей. Люди после работы спали все, как убитые, и дневальный, видно, — тоже... Там все лесорубы... Шестеро и сгорело, пока мы подоспели... Видишь, — сказал он, протягивая ко мне свои почерневшие от сажи и угля руки, — самому пришлось работать в огне...

— Да у тебя, брат, и на роже-то следы геройства...

Володя рассмеялся.

— А хорошо, что ты все-таки зашел, напомнил. Надо и мне нашу славную традицию выполнить.

Он оглянулся. На стенке дежурки висел портрет недавно умершего основателя ЧК, Дзержинского, отличавшегося фанатичной жестокостью. Портрет был окружен венком из золотых веток...

— Вот это кстати! Выручил, значит, «железный чекист» скаута!

Володя отламывает веточку от «венка» и, торжествующе улыбаясь, вдевает ее в петлицу тужурки.

— Пусть эта сволочь перевернется в гробу.

— Да он ведь в крематории сожжен...

— Ну, так пусть черти его в аду лишний разок за мой счет припекут... Тьфу, какие глупости в голову лезут, — сам над собой рассмеялся Володя. — Но в нашем положении даже шиш в кармане показать, и то приятно. Все-таки как-то на душе легче...

Его утомленное лицо оживляется лукавой усмешкой...

На грани сдачи

В маленькой комнатке ВПО (Воспитательно-Просветительный Отдел), окутанный табачным дымом и гомоном спорящих голосов, над столом склонился наш художник Игорь. Перед ним длинная полоса бумаги, на которой вчерне уже выведено: «Труд без творчества есть рабство». Игорь накладывает краски на буквы, изредка нервным движением откидывает со лба длинные волосы и от старанья незаметно для самого себя высовывает кончик языка.

— Здорово, Игорь!

Среди окружающего шума, поглощенный своей работой, Игорь не сразу откликается. Я трясу его за плечо.

— Эй, очухайся, мазилка. Я к тебе с поздравлением пришел.

— Это дело, — ласково отвечает он, крепко пожимая мне руку. — В ответ на твое поздравление я тебя сразу же и ограблю, — он быстрым движением выхватывает мою веточку и прикрепляет ее к своей рубашке.

— Ты себе еще достанешь, а мне отсюда никак не выбраться. Видишь, какой лозунг малюю. Как раз соответствующий для концлагеря...

— Да, лозунг подходящий. Вот его бы на лесозаготовки или на Кемь-Ухту — сразу бы энтузиазм поднялся...

Улыбающееся лицо Игоря покрыто какой-то зеленоватой бледностью. Он совсем истощен и, вдобавок, каждой весной его мучат приступы цинги.

В Москве он был кормильцем большой семьи, которая теперь живет впроголодь и не может помочь ему ни деньгами, ни посылками. Мы все стараемся поделиться с ним, чем можем. Но велика ли может быть наша помощь? Все мы живем полуголодными...

Разгром скаутов, может быть, наиболее тяжело ударил именно по Игорю. Почти у всех из нас там, на воле, остались родные, которые из-за нашего аре-

ста все-таки не голодают, а как-то перебиваются. А семья Игоря бедствует по-настоящему... А в перспективе у него — еще долгие годы ссылки, разлука с родными, лишение избирательных прав, невозможность учиться и свободно работать, словом, невеселая карьера контрреволюционера, сидящего «на карандашике» у ГПУ. Впереди разбитая жизнь, а Игорь весь кипит желанием работать и творить... И мы не уверены, что он не сдастся под давлением всех этих невеселых обстоятельств. Может быть, он подаст заявление покаянного типа и пойдет работать к пионерам, только бы не сломать себе жизни. Конечно, его выпустят и дадут возможность работать.

Все мы понимаем его положение и его настроение, и, если он даже и сдастся, никто из нас не кинет в него камнем осуждения:

«Не осилили его сильные,

Так дорезала осень черная...»

Но Игорь не трус. При прощанье он церемонно салютует мне, и его левая рука смело тянется к моей через стол, заваленный коммунистическими лозунгами...

О, это скаутское рукопожатие! Думал ли когда-нибудь Баден-Пауль, что по этому рукопожатию не только скауты будут узнавать друг друга, но и враги, настоящие, не игрушечные враги, будут вылавливать и ликвидировать скаутов, как преступников!..

Представитель СММ

Заглядываю в библиотеку. Там, уйдя с головой в свое дело, просматривает какую-то книгу низенький, южного типа паренек Николай, коренастый, заросший волосами, одетый в остатки того, что в дни «империалистической бойни» именовалось бы солдатской шинелью... Николай в Соловках — на особом положении. Его и боятся, и держат под особым контролем. Его отец — видный московский чекист, и на Николая смотрят, некоторым образом, как на «блудного сына».

Он уже давно порвал со своим отцом. Идея коммунизма, диктатуры и террора, в которых хотел воспитать его отец, чтобы подготовить себе достойную смену, вызвали в душе Николая только отвращение и жажду найти иные, более справедливые формы социальной жизни.

Николай был крепко привязан к нашему братству, хотя скаутинг и не дал ему ответа на волнующие его политические вопросы. Когда девятый вал разгромов пронесся над нашими головами, он резко отказался от помощи и связей отца и вместе с нами очутился на Соловках.

Николай у нас — резко выраженный политик. Он проповедует мысль, что управлять страной должны не профессионалы политики, не невежественная мас-

са, не финансовые дельцы, не военная сила, не фанатики социализма, а люди науки и знания. Его idea fixe — власть культурных и знающих людей.

Он хорошо знал подпольную жизнь советской молодежи, ее стремления, искания и недовольство советской жизнью. Это он впервые рассказал мне о могучей юношеской подпольной политической организации — «Союзе Мыслящей Молодежи», на которую ГПУ смотрит с такой тревогой и ненавистью...

— Борис, Борис, — даже не здороваясь со мной, восклицает он. — Гляди-ка, что я тут, в старых монастырских фолиантах вычитал: тут у монахов настоящий НОТ[9] был, когда еще дедушки Тейлора и на свете не было. Тут, брат, описаны производственные процессы солеварен и молочного хозяйства. Прямо чудеса! Знаешь, оказывается, еще в конце XIX века англичане сюда ездили учиться постановке молочного дела!..

Он опустил свою книгу и взглянул на меня сквозь космы своих иссиня-черных волос.

— Вот это, брат, — да!.. Я, признаться, думал, что монахи, как это в советских книгах пишут, — так себе — лежебоки были, только молиться, да каяться умели, а вот, поди-ж ты... Молодцы! Вот это, верно, настоящая коммуна была — не чета нынешним, социалистическим... Вот что значит спаивающая идея!.. Вера в Бога, да альтруизм... Чорт побери!.. Мне только сейчас пришло в голову — как много общего, вот, в общих установках монашества, рыцарства и скаутинга... У всех разная линия в жизни, а истоки-то одинаковые... Слушай, Борис. Ты, брат, не обижайся. Катись себе дальше — я сейчас слишком взволнован этими мыслями, чтобы с тобой калякать... Вот, как в голове все сляжется, тогда потолкуем...

Пожав мне руку, он поворачивается к полкам со старинными монастырскими книгами, недоступными другим заключенным, а только ему, как библиотекарю.

Счастливец! Его мысль горит и сверкает, и его жизнь полна содержанием даже здесь, в условиях лагеря...

«Профессор кислых щей»

В одном из зданий кремля, в бывшей монастырской келье, ныне красочно именуемой «комнатой научных работников», почти безвылазно сидит наша «ученая крыса», бородатый сосредоточенный Сережа. Он немного не от мира сего. Его внимание и силы ушли в разработку абстрактных проблем математики

[9] Научная Организация Труда.

и астрономии. Когда он был еще на воле, выдающиеся профессора пророчили ему блестящую карьеру, но волей ГПУ эта карьера была прервана.

Сейчас он предложил ВПО разработать вопрос о влиянии климатических перемен на ход рыбы по метеорологическим данным, сводкам рыбных артелей и старинным монастырским источникам.

ВПО ухватилось за эту мысль: вот-де, можно щегольнуть перед наивными читателями советских газет: «Посмотрите, мол. У нас, на Соловках, даже наука процветает!..»

И Сережа был немедленно снят с укладки кирпичей и поставлен на «научную работу».

Когда видишь его за письменным столом, заваленным книгами и бумагами, ясно ощущается, что это — его сфера. И, действительно, Серж несколько оторван от жизни и от нашей семьи. Его интересы выше и шире рамок настоящего. Он не замечает окружающего. Ему почти все равно, когда, как и что он будет есть, сколько разнообразных дыр в его костюме и что будет через год-два. Но память и точность нашего будущего профессора замечательны, и свежая еловая веточка весело зеленеет в петлице его старого, рваного пиджака.

— Слушай, Серж! Пройдемся-ка по свежему воздуху, а то у тебя, как у Фридриха Барбароссы, борода сквозь стол прорастет...

— Нет, Борис, спасибо. Тут у меня как раз мысли ядовитые назрели, да и Николай со старых полок где-то выкопал книгу о монастырском рыболовстве XVII века. Я уж посижу, а ты там от моего имени попережми лапы ребятам. Это как раз по тебе — циркулировать по разным местам. А у меня темперамент книжный. Кстати, вот: получил я каким-то чудом письмо от Риммы, пишет, что и она, и твоя Ирина, и бедняга невеста Сени — Ниночка, и другие наши вдовые жены основали в Москве что-то вроде содружества скаутских жен и налаживают планомерную помощь и нам, мужьям-неудачникам, и холостякам-скаутам. Так что с первыми пароходами ждем прежде всего противоцинготных средств. Ты уж там по своей врачебной части распредели, что кому, да заодно и бодрость поддержи. Не зря же тебя Валерьянкой Лукьянычем зовут. А я уж за твое здоровье посижу — работа заела.

Апостолы скаутизма

В строительном отделе — низком деревянном бараке, наскоро сколоченном из «горбылей», за чертежным столом склонились рядом две головы — Петро и Саша. Их положение в нашей скаутской семье исключительное — это наш «суд чести», наша скаутская совесть. Их моральный авторитет стоит так высоко в

наших глазах, что каждый из нас старается оценить свои поступки и решения под их углом зрения. И если лица Петро и Саши омрачаются, каждый из нас чувствует себя пристыженным.

Сколько раз вопрос: «а как бы посмотрели на это "наши судьи"?» — останавливал многих из нас от поступка, спорного с точки зрения морали скаута.

Нижегородец Саша — это тип русского идеалиста. Худощавый и нежный, с большими серыми глазами и мягкой улыбкой, он всегда невольно напоминал мне Алешу Карамазова, который, по образному выражению нашего скаутского поэта:

С отчаянием во взоре
У Бога вопрошает,
Зачем Он создал мир,
Во зле погрязший?..
Его душа, как нежная мимоза,
Его вопрос, как острая стрела...

Ложь и неправда жизни жестоко бьют и ранят его душу. Трудно живется ему среди окружающего гнета и произвола, и ему больно видеть, как некоторые из нас ищут и находят компромиссные пути для деятельности даже в этих условиях...

Я часто чувствую и на себе его грустный испытывающий взгляд и знаю, что ему больно видеть меня в кругу тюремщиков, чекистов и наших «красных жандармов». Он согласен с тем, что занимаемое мной положение дает мне возможность помогать многим, что это неизбежный компромисс в суровых условиях лагеря, но он не боец, а идеалист-мечтатель, и его душе тяжело. Инстинкт борьбы ему чужд.

Другой чертежник — Петро, такой же славный юноша, прямой и стройный, с ясным бесхитростным умом и безмятежным сердцем. К нему как-то не пристает грязь жизни. Он находит силы в самом себе, чтобы спокойно переносить свое положение. Никто не слыхал от него ни одной жалобы и резкого слова осуждения. Он всегда старается вдуматься в причины поступка, в причины ошибки, и его мнения, в противоположность суровому суждению Саши, всегда снисходительны и человечны. Саша судит поступки с точки зрения скаутской морали, Петро оценивает их, еще и снисходя к человеческой слабости, учитывая ненормальную обстановку жизни и считая наши скаутские законы только недостижимым идеалом, уклонения от пути к которым неизбежны.

И резкость и некоторая нетерпимость Саши удивительно сочетаются с человечностью и снисходительностью Петро, и многие из нас, после разговора с нашим

«судом чести», уходили как будто морально просветленные... Когда я вспоминаю об этих цельных натурах, в ушах невольно звучат стихи московского скаута:

Ни горы, ни море,
Ни небо, ни степи,
Ни лица людей и ни тело;
Самое прекрасное,
Что есть на земле и в искусстве,
Это — душа человека...

Ребята встречают меня ликующе, и их рукопожатие особенно сердечно. Ведь сегодня день нашей радости, праздник скаутов всего мира, и их глаза сияют...

И, уже уходя, я вижу с дороги, как через грязное стекло, заткнутое сбоку куском пакли, кивают мне радостные лица наших «апостолов скаутизма», как с ласковым уважением зовем мы Сашу и Петро...

Медвежий тюлень

У большого буксирного парохода, ремонтирующегося и вытащенного на берег, раньше, в дни славы монастыря, называвшегося «Архистратигом Михаилом», а теперь переименованного в «Энгельса», я не без труда нахожу нашего славного Глеба.

Он у нас штурман дальнего плаванья... Да и кого только нет среди скаутов, сосланных на Соловки! Мы частенько смеемся, что если бы ГПУ, вместо Соловков, послало нас с нашими герлями на какой-нибудь необитаемый остров, наша республика была бы лучшей в мире...

Судьба нашего Глеба сложилась особенно обидно. Сын адмирала (И.Ф. Бострем), он кончил курс учебы в Англии и приехал перед самой революцией в Россию, чтобы отдать свои знания родному флоту. Но не довелось ему поплавать на вольных кораблях по свободным волнам со своей молодой, женой-скаутом... Теперь он плавает на баржах, катерах и пароходах, принадлежащих ГПУ, и по морю, которое с полным правом можно бы было назвать морем «полярной каторги»...

Широкоплечая, медвежья фигура Глеба рисует его каким-то увальнем, каким-то моржом. И, действительно, на суше он как-то вял, неповоротлив и почти сонлив. Но как-то мне довелось видеть его на воде: он преобразился в родной стихии, стал совсем иным — быстрым, точным, стремительным, настоящим «морским волком». Помню, как весело сияло его лицо, когда его буксир в шторм точно развернулся и цепко пришвартовался к пристани...

Но сейчас он на берегу. Он медленно откладывает в сторону английский ключ, методически и аккуратно вытирает куском пакли свою ладонь от масла и копоти и долго и крепко трясет мою руку, весело улыбаясь. Он, наш Глеба, не

разговорчив. Да и все понятно в день 23 апреля в крепком рукопожатии двух скаутов, запертых на страшном острове...

***

Измученным и продрогшим возвращался я домой после своего «парада в рассрочку». Но на душе было светло и радостно.

Медленно шел я мимо величественной кремлевской стены, пытаясь проанализировать всколыхнувшие мою душу впечатления сегодняшнего дня...

Вот сколько их, моих братьев по скаут-значку и Соловкам! Все разные, каждый характерен по-своему, а вместе с тем, в каждом из них есть что-то одинаковое, что-то душевно высокое и крепкое. Недаром ведь со всех концов России прислали сюда, в этот полярный лагерь, самый суровый и страшный, именно эту молодежь...

Что же заставило их не сдаться перед мощью ГПУ? Что дало им силы не отступить перед перспективой исковеркать свое будущее и, может быть, даже заплатить головой за свое сопротивление?

Да, все они скауты... Но как могло случиться, что идея воспитания молодежи, брошенная почти 30 лет тому назад не педагогом, не ученым, не философом, не учителем жизни, а простым боевым английским офицером, так овладела молодыми сердцами, что в дни испытаний подняла тысячи их на геройские подвиги? Ведь вся безнадежность и опасность сопротивления была ясна каждому.

Идти со своей идеей и молодым задором против колоссальной мощи ОГПУ было как будто бы так легкомысленно. Так что же питало гордость и несгибаемость этой молодежи в ее заранее обреченной на неудачу борьбе против давящей лапы ГПУ?..

Эта мысль захватила меня. В самом деле, как определить ту силу, которая побудила безоружную молодежь бесстрашно смотреть в свирепые глаза террора и даже здесь, в самой пасти ГПУ, не признавать себя побежденной и раздавленной?..

Я вспомнил сотни и сотни скаутов, их жизнь, их чувства, надежды, стремления, еще раз мысленно пробежал глазами по рядам моих соловецких друзей, заглянул вглубь своей души и уверенно ответил:

Мы не сдались потому, что нам было противно насилие над нашими убеждениями; потому, что мы не хотели согнуться перед властью грубой силы; потому, наконец, что никто из нас не чувствовал себя виновным перед своей Родиной-Россией, которой мы служили...

Мы не отозвались на предложение Комсомола — калечить детские души в отрядах пионеров, и не порвали нашей братской связи из-за страха перед ре-

прессиями ГПУ. Мы честно и прямо называли себя скаутами и так же прямо выполняли свой долг, как мы его понимали.

Наша совесть и гордость не позволили нам понести к ногам ГПУ покаянной мольбы о прощении. Она диктовала нам прямой путь. Этот путь привел нас в Соловки. Ну, так что ж? Может быть, какой-нибудь скептик, волосы которого убелены пылью длинной жизненной дороги, и мог бы сказать нам тоном мягкого упрека:

— Разве стоило коверкать свою молодую жизнь из-за юной задорности и несгибаемости? Это ведь — детское донкихотство.

Но ведь мы боролись не за скаутскую организацию, не за право детей собираться в патрули, носить широкополые шляпы и ходить в походы.

Мы были солдатами великой армии молодежи, которая не пошла ни под угрозой нагана, ни за приманкой пайка по пути безбожия, интернационала и крови... В этой армии были бойцы разных степеней активности. Были и террористы, и боевики, и подпольщики, и политики. Скаутский отряд оказался носителем моральной силы нашей идеи. Он не успел сплотиться в кулак для политического сопротивления, но в сотнях и тысячах городов России он показал свою несгибаемость, свою моральную силу и с честью вынес первое испытание, которое судьба поставила на пути скаутского братства всего мира. Русские скауты показали, что Россия, национальная Россия, может поставить их в ряды тех сыновей, которые остались до конца на русском посту...

Мы не сдались, и грубая сила могла только разметать нас по всему лицу нашей Родины. Многие погибли под ударами террора, но в душе оставшихся, закаленных испытаниями, по-прежнему горит Огонек России.

И если когда-нибудь будет подсчитываться количество погибших на великом пути прогресса человечества, количество жертв в борьбе за идею правды и любви, — тогда молодежь всего мира с чувством гордости и уважения склонится перед памятью русских скаутов.

Ибо русские скауты даже в вихре пожара революции не склонили перед грубой силой своих знамен...

Последний взгляд на Соловки

«Бог не без милости,
Казак не без счастья...»

Все испытания последних лет все больше отражались на состоянии моих больных глаз. Закон Locus minoris resistentiae[10] сказывался в полной мере. В моем

[10] Место наименьшего сопротивления (лат.)

организме оказалось наследственно слабое место — глаза, и по этому месту ударили все невзгоды.

Думать о лечении и уходе здесь, на Соловках, было бы наивностью. Люди с последними степенями туберкулеза посылались сюда и гибли сотнями от лагерных условий, от работы, от цинги, от полярного климата... Где мне, контрреволюционеру, было мечтать о том, что вопрос о моем гаснущем зрении обеспокоит кого-либо из чекистов?.. Меня спасла помощь брата и жены. Где-то там, в Москве, от скромного бюджета отрывались крохи и посылались мне... Не будь этого — не уйти бы мне с Соловков живым и зрячим...

Но я боролся за зрение со всей своей изворотливостью, и так же боролись за это и в Москве. Я не могу писать, как удалось мне добиться успеха, но неожиданно в конце апреля 1928 г. разразился гром среди ясного неба. Пришла бумажка:

«Заключенного Солоневича Б.Л. направить в Ленинград, в тюремную больницу имени д-ра Гааза...»

И вот, как-то вечером мне объявили, что рано утром я на лодке отправляюсь на материк...

Пароходное сообщение между Соловками и материком поддерживается только около 6 месяцев в году. Остальное время гавани замерзают, и около острова образуется полоса льда в 3—4 километра шириной. Само море целиком не замерзает, и в хорошие дни на лодке можно проскочить, хотя и с большим риском, в Кемь. И вот, единственным пассажиром такой лодки в апреле 1928 года оказался я.

Рано утром шел я со своей сумкой, постоянной спутницей моих странствований, дошедшей вместе с хозяином и до Финляндии, по льду к лодке.

День обещал быть тихим и морозным. Солнце где-то уже поднялось, но было скрыто в розовом тумане. Бледно-голубое, какое-то призрачное небо светлело все больше. Мы подошли к краю ледяной каемки и стали грузить вещи на лодку.

Солнце показало, наконец, свой бледно-красный, матовый край над завесой тумана, и дальний монастырь внезапно расцветился мягкими красками. Покрытые инеем и снегом стены Кремля засияли каким-то розовым блеском. Крыши башен темней обрисовались на светлом небе, а громады соборов как бы поднялись во весь свой величественный рост, доминируя над окружающей картиной...

Мы сели в лодку и оттолкнулись от льда.

Прощай, старый монастырь!.. Много видел я на твоей груди такого, что лучше бы никогда не видеть человеческому глазу...

Прощайте, Соловки, остров пыток и смерти!..

Но тебе, Святая вековая твердыня, тебе — до свиданья... Если, Бог даст, я еще вернусь к тебе — вернусь тогда, когда опять будут сиять твои кресты, гудеть

колокола, а о мрачном прошлом напоминать будут только памятники на братских могилах-ямах...

Я приеду склонить свои колена перед памятью жертв, заливших своей кровью и слезами твою грудь и твое святое имя...

Глава VII
СИБИРЬ

«Помню, помню, помню я,
Как мене мать любила,
И не раз, и не два
Она мне говорила:
Срежут волос твой густой
Вплоть до самой шеи,
Поведет тебя конвой
По матушке Расее...»
Арестантская песня

Во льдах

Двое суток пробивалась наша лодка через морские льды. Сверкающие ледяные массивы с угрожающим скрипом окружали нашу скорлупку, как бы сознательно стремясь раздавить нарушителей полярного покоя. Усатые морды тюленей с любопытством глядели на нас с высоты причудливых изломов ледяных гор, а белая ночь окружала нас своим мягким полумраком.

На середине пути громадный обломок ледяной горы с грохотом упал в море за кормой нашей лодки, и взмывшая волна залила до половины нашу шлюпку. Застревая среди льдин, волоча лодку по плоским массивам, со всем напряжением гребя в узких коридорах между льдинами, чтобы успеть прорваться в открытое место из суживающегося капкана, без сна и горячей пищи, мы медленно пробивались к берегу.

Полузамерзшими, мокрыми и истомленными мы все-таки благополучно прибыли, наконец, на материк. Опять гнусный Кемперпункт... Но сознание того, что остров Соловки остался позади и впереди намечаются какие-то новые перспективы, оживляло меня и наполняло новыми надеждами.

Сильней дружбы

В Кемперпункте мне пришлось около недели ожидать отправки в Ленинград. Пересыльный пункт продолжал оставаться самым гнусным местом во всем мире,

но на этот раз мое положение было совсем иным: я был уже старым заключенным, с опытом и связями, легко увильнул от лагерных работ и изредка даже получал отпуск в «вольный город» Кемь, расположенный в 10 км от пункта. И с чудесным ощущением вырвавшегося из клетки зверя я гулял по кемским улицам — мосткам из досок, проложенным на болотах и скалах — и с интересом осматривал старинные бревенчатыя часовенки и избы карелов и единственный в городе двухэтажный каменный дом управления лагеря.

Как-то раз вечером, во время такой прогулки, когда редкие снежинки крутились в струях морского ветра, до моего слуха донесся веселый, жизнерадостный смех. В этом сером, мрачном городе у полярного моря, рядом с Соловецким лагерем, задушевный смех был настолько редким явлением, что я невольно направился в сторону, где впереди меня раздавались чьи-то шаги, говор и смех. Скоро в тумане сверкающих снежинок (несмотря на вечернее время, солнце было еще высоко) я различил фигуры смеющихся людей — слитый силуэт мужчины и женщины — вернее, девушки, — тесно прижавшихся друг к другу и, видимо, всецело поглощенных своими разговорами и делами. Я медленно шел за этой парочкой, чувствуя себя немного виноватым за подглядывание, но искренно наслаждаясь взрывами веселого смеха, то и дело долетавшими до меня сквозь порывы ветра.

На перекрестке пустынной улицы мужчина оглянулся по сторонам, и, видимо, никого не заметив, нежно обнял девушку за талию. В следующий момент, поддетый ловкой подножкой, он уже лежал в сугробе снега, и его спутница со смехом сыпала ему за воротник пригоршни снега. Бой разгорался. Звуки веселой возни как-то странно раздавались среди безмолвия покосившихся от времени, почерневших изб.

Наконец, мужчина поднялся и, к моему удивлению, победительница нежно его поцеловала и стала заботливо счищать с его куртки следы снежного купанья.

В этот момент «пострадавший» повернулся в мою сторону и удивленно вскрикнул:

— Боже мой! Дядя Боб! Неужели ты?

И оставив удивленную девушку, он бросился ко мне. Мы сердечно обнялись. Это был нижегородский скаут Борис, еще осенью отправленный в Кемь в управление СЛОНа.

Схватив за рукав, он стремительно потащил меня к девушке.

— Вот, знакомься, Надя, — скаутмастор Солоневич. Проще говоря, дядя Боб, о котором ты, конечно, не раз и не два, и не три слыхала. А это, Борис Лукьянович, — наша машинистка Надя, московская герль. Мы тут в управлении на пару работаем.

— Вижу, вижу, что на пару, — рассмеялся я, пожимая руку девушке. — Я уж тут, грешным делом, подглядывал, как это вы тут дрались...

Надя, одетая в старую, заплатанную жакетку, видимо, еще времен тюрьмы и этапов, чуть покраснела и, поправляя выбившиеся из-под платочка волосы, засмеялась.

— Да мы это так — дурили.

— И вроде, как Борис был положен на обе лопатки?

— Да ведь ты, конечно, сам знаешь, что между герлей и змеей подколодной, собственно, большой разницы-то и нет. У нее и патруль так звался...

— Ах, ты, негодный! — замахнулась на него Надя. — Вот я тебе...

Но мой тезка мигом спрятался за мою спину и шутливо высунул язык.

— Шалишь, Наденька, теперь не достанешь. Мы за дядей Бобом, как за стеной соловецкой.

— Ладно, ладно, ребята. Да воссияет мир в ваших сердцах. Чтобы вы не дрались, позвольте я вас разделю. Вы, Надя, берите меня под руку с этой стороны, а ты, побежденный, — с этой.

— Есть, капитан... А скажи, прежде всего, какими ветрами тебя сюда занесло?

— Ветры, по совести сказать, прямо с неба свалившиеся. Еду в Питер глаза лечить!

— Вот это здорово! Как же тебе это удалось?

— Это, братишка, длинная история. Тут все: и блат, и связи, и собственный напор, и счастье — все есть.

— А вы, дядя Боб, сейчас свободны?

— Как птичка небесная. Ехать мне только через несколько дней.

— Вечерок с нами проведете?

— Если угостите старого мрачного соловчанина своим смехом — с наслаждением.

— Ну, этого товара у нас миллионы тонн.

— Весной особенно — я вижу. А тебе, Борис, можно выкрутиться на вечер?

— Да я пробуду поверку и опять ходу дам. Я ведь в общежитии ответственных работников живу — вне Кемперпункта... Ребята вместо меня куклу на кровати сделают на случай обхода... Это все проработано. А тебе ничего поздно вернуться?

— Малахова помнишь?

— Комзвода? Капитана футбольной команды «Динамо»?

— Да. Ну, так он дежурный по пункту... Свой в доску и брюки в полоску.

— Так пойдемте ко мне? — сказала Надя.

— Как это к вам? Куда?

— Да ко мне, в комнатку. Я здесь комнатку снимаю у одного рыбака.

— Комнатку? Разве вы не в бараке заключенных живете?

Девушка с шуточным презрением выпятила нижнюю губку:

— Заключенных? Ах, что вы, Борис Лукьяныч? За кого вы меня принимаете? Вы имеете дело не с какой-нибудь лишенной всех прав заключенной, а с вольной гражданкой!

Я удивленно поглядел на Бориса.

— Верно, верно. Надя теперь вольная!

— Да, да, конечно, — вспомнил я. — Вы же только 2 года имели и, вероятно, уже срок-то закончили.

— Давно уже...

— Так почему же вы не уехали? Вам ведь верно «-6» дали?[11]

— Да. Но я не знаю еще, куда ехать. Вот, куда Борю пошлют!..

Я опять удивленно взглянул на нижегородца.

— Да, да, — опечаленным тоном сказал Борис. — Ничего, брат, не сделаешь — заболела Надя.

— Чем заболела? — не понял я шутки.

— Да вот, Boriscarditis'ом.

— Чем, чем?

— Да вот, тяжелым, воспалением сердечно-суставной сумки на почве ранения сердца bacillus boy-scouticus.

— Ах, ты, насмешник! — притворно разъярилась Надя и, бросившись к сугробу, стала скатывать снежок.

— Не буду. Ей-Богу, не буду, Наденька, — стал Борис на колени. — Сам болен, мое золотко, сам болен. Не убивай меня. Дай пожить еще какую-нибудь сотенку лет...

— А будешь издеваться над бедной беззащитной девочкой? — сурово спросила Надя, стоя над нижегородцем с поднятых снежком.

— Вот, лопни мои глаза!.. Вот, ни в жисть! Вот, провалиться мне на этом самом месте...

— Ну, ладно, так уж и быть. На этот раз прощаю! — с видом милостивой королевы сказала Надя. Борис мигом вскочил и быстро чмокнул Надю в губы.

— Вот, и мудрый д'Артаньян говорил: «Всегда можно сладить с женщинами и дверьми, если действовать с ними нежно».

---

[11] Минус 6 — это род ссылки, при которой административно высылаемый сам выбирает себе место ссылки, не имея права въезжать в 6 главных городов СССР. Бывает еще - 12, - 24 и даже - 36. Это — одна из мягких видов советских ссылок.

— Ах ты!.. — хотела опять протестовать Надя, но Борис уже говорил мне серьезно.

— Это мы, дядя Боб, так себе — дурачимся от полноты сердец: мы теперь жених и невеста...

Когда затихли поздравительные слова и ответы, я спросил:

— Так почему же вы все-таки не уехали?

— Да вот, что с ней сделаешь! Вбила себе в голову: вместе, да вместе ехать. Ну, хоть ты что хочешь!.. Бабья логика!.. Я ей сколько раз доказывал, что если она сейчас уедет, то к моменту моего освобождения она может деньгу подмолотить и потом приехать ко мне в ссылку... Так вот, нет — опять свое: «вместе да вместе»...

— Опять ты, Боря, решенные вопросы перерешать хочешь. Вот уж эти мне мужчины. Как будто бы их логика только и есть на Божьем свете. А у нас — все бабьи капризы...

— Так почему же вы, в самом деле, остались?

— Ну, как же, Борис Лукьянович, — серьезно ответила девушка. — Вы ведь знаете, где мы находимся. Мало ли что может случиться — я все-таки здесь, под боком, и на положении почти вольного человека — могу помочь... А мало ли что может случиться — болезнь, тюрьма, какая-нибудь отправка. Ведь бывал же он на страшной этой Кемь-Ухте... А тогда еще хоть силы были... А теперь, после двух лет такой, вот, жизни... Каково мне будет там, в России, быть «вольной» и думать о его положении? Нет, уж я лучше подожду, а потом вместе поедем...

— Ну вот, что вы сделаете с таким женским упрямством? — отозвался Борис, но, несмотря на взятый им шутливый тон, нотка растроганности прозвучала в его голосе. — Видите сами... Безнадежно... Как окончила свой срок, так пошла к самому Эйхмансу (Начальник Управления СЛОН'а). Как она там к нему прорвалась — спросите у нее. Ведь недаром говорят — пьяным да влюбленным судьба ворожит. А тот в хорошем подвыпившем настроении был — растрогался, разрешил на общих основаниях остаться, даже еще паек выписал... Ах, ты, чудачечка моя милая!..

— Почему же чудачечка?

— Да вот — целый год потеряешь!

— Много ты понимаешь! — тихо ответила девушка. — Да ведь этот год, Бог даст, мы будем вместе...

Ленинградский ДПЗ

Ленинградские профессора решили, что болезнь моих глаз неизлечима и что возвращение в климат и условия жизни в Соловках грозит мне слепотой[12]. Этот

[12] Мой status praesens: Myopia magna gravis — 23, O D. Visus sine correctiae — 3/200 cum correctiae — 0,3 Chorioretinitis gravis chronica cum staphylomae posteriori utrii oculis.

медицинский акт был направлен в Москву, а я переведен из больницы в тюрьму (раз неизлечим — так чего же держать в больнице?).

Очень трудно было рассчитывать, что московское ГПУ примет во внимание угрозу слепоты и не пошлет меня обратно в Соловки. В многочисленных лагерях ОГПУ погибали тысячи и тысячи тяжелобольных, особенно туберкулезных, и я не мог рассчитывать на благоприятный исход. Мои родные в Москве, как говорят, «нажали все кнопки», и мне в ожидании ответа из Москвы пришлось провести несколько томительных месяцев в общей камере Ленинградского ДПЗ (Дома Предварительного Заключения).

Столетний узник

«Боль жизни сильнее интереса к жизни.
Вот поэтому религия всегда будет побеждать философию».
В. Розанов

В нашей тюремной камере — 18 «штатных» мест: 18 железных привинченных к стенам коек. Теперь эти койки стоят вертикально, словно ржавые, погнутые обломки старого забора. Эти койки уже много лет не опускались на пол, ибо советский «жилкризис» не выпускает из своих лап и тюрьмы, и население этих тюрем спит по-иному, не на койках, этих «пережитках проклятого буржуазного прошлого...»

Только что прошла вечерняя поверка, и в строю у нас оказалось 57 человек... «Перевыполнение социалистического плана», что и говорить...

После поверки мы дожевывали корочки хлеба — остатки фунтового пайка — и стали готовиться ко сну. Дежурные внесли из коридора два десятка деревянных щитов и разложили их рядышком на полу. На этих щитах, соблюдая нехитрые арестантские правила общежития, стало размещаться все пестрое, разноплеменно население нашей камеры. На этом «Ноевом ковчеге» для всех места не хватило, и человек 15 (из числа прибывших последними) стали заботливо расстилать на холодном цементном полу свои пиджаки и куртки, устраивая себе ночное логово по образцу диких зверей.

Кого только нет в числе моих товарищей по камере! Старики и подростки, крестьяне и рабочие, несколько студентов, седой профессор, несколько истощенных интеллигентных лиц, люди с военной выправкой, измученный старый еврей, кучка шумливых беспризорников, для которых тюрьма и улица — их привычное местопребывание... И всех нас спаяло положение узника советской тюрьмы, звание «классового врага и социально-опасного элемента» и трагическая перспектива многих лет каторжного труда в концентрационных лагерях.

Постепенно шум стал стихать. Каждый как-то нашел себе место, и вскрики и ругань все реже перекатывались над серой массой лежащих людей. Сон — единственная радость узника — стал понемногу овладевать голодными и измученными людьми.

Поудобнее приладив в виде подушки свою спинную сумку и накрывшись курткой, я сам стал дремать, когда внезапно в тишине коридора раздались шаги нескольких людей. Еще десяток секунд — и шаги остановились у дверей нашей камеры. С противным лязгом звякнул замок, и двое надзирателей ввели в двери высокого человека с длинной седой бородой.

Старик этот ступал как-то неуверенно, и было странно видеть, как наши, обычно грубые, сторожа бережно поддерживали его под руки. В полумраке камеры, освещенной только одной тусклой лампочкой в потолке, можно было с трудом различить бледное лицо старика, обращенное прямо вперед, словно он не смотрел на лежавших перед ним людей.

— Эй, кто у вас тут староста? — спросил один из надзирателей.

Я вышел вперед.

— На, вот, принимай-ка старика.

В грубом, резком голосе надзирателя слышалась какая-то странная сдержанность, словно он чувствовал себя неловко.

— Устрой его тута как-нибудь получше... Ежели что нужно будет — позови кого из наших... Для такого случая...

Он запнулся и, просовывая мою руку под руку старика, сурово, как бы стыдясь мягких ноток голоса, добавил:

— Ну, держи, чего там...

Я удивленно взял протянутую руку, и старик тяжело оперся на нее. Опять звякнул замок камеры, и мы остались одни с новым товарищем по несчастью.

Затем старик медленно повернул голову ко мне, и только тогда я увидел, что он слеп...

По неуверенным движениям старика и, вероятно, по направлению моего взгляда и выражению лица и все остальные заключенные заметили это, и гудевшая тихими разговорами камера как-то сразу смолкла, волна ветра задула всякий шум...

Несколько секунд все молчали. Потом старик медленно поклонился в пояс и тихо, но внятно сказал:

— Мир дому сему...

Это старинное полуцерковное приветствие, обращенное к нам, узникам, оторванным от настоящего дома и семьи, показалось настолько странным, что никто

не нашелся сразу, что ответить. Всем нам казалось, что появление этого старика — какой-то сон.

Что-то непередаваемо благостное было в выражении его спокойного, обрамленного седой бородой лица, и мне в первые секунды показалось, что передо мной какой-то угодник Божий, каких когда-то, еще мальчиком, я видел на старинных иконах. И теперь казалось, что этот угодник чудом перенесен в нашу камеру, и что наша тоскливая тюремная жизнь прорезана каким-то лучом сказочной легенды...

Но эти несколько секунд растерянности прошли. Живой старик тяжело опирался на мою руку и молчал. Жизнь требовала своего...

— Спасибо, дедушка, — несколько опомнившись, невпопад отвечал я. — Пойдемте, я вас как-нибудь устрою на ночь.

Осторожно проведя старика между лежавшими людьми, я привел его в свой угол. Там, рядом со мной лежал и теперь сладко спал Петька-Шкет, молодой вор, паренек, никогда не знавший дома и семьи, отчаянная башка, драчун и хулиган, в вечерние часы рассказывавший мне всякие случаи своей беспризорной жизни.

— Слушай, Петька, потеснись-ка малость! — толкнул я парнишку. — Тут, вот, старика привели. Нужно место дать...

Заспанное лицо Петьки недовольно поморщилось. Не открывая глаз, он раздраженно заворчал:

— К чортовой матери... Пущай под парашей ложится... Я не обязан...

Сосед сердито толкнул его кулаком в бок:

— Да ты посмотри, хрен собачий, кого привели-то!

Петька приподнялся с явным намерением испустить поток ругательств, но слова замерли у него на языке. Он увидел перед собой высокую, величавую фигуру старика, и остатки сна мигом слетели с него. Он удивленно вытаращил глаза и выразительно свистнул.

— Ого-го-го!.. Вот это — да!..

И, не прибавив больше ни слова, паренек молча свернул свой рваный пиджак и уступил место «товарищу». Я помог старику опуститься на щит и положить под голову маленькую котомку. Устроившись немного поудобнее, мой новый сосед перекрестился и неторопливо сказал:

— Ну вот, Бог даст, и отдохну несколько деньков... А то два месяца, как все везут и везут...

— А откуда вас, дедушка, везут-то? — несмело спросил кто-то из лежавших.

— Да издалека, сынок, издалека. С Афона... С Нового Афона, святого монастыря Божьего...

— А за что это вас?

— Не знаю, сынок. По правде сказать, сам не знаю, — спокойно и мягко ответил старик. — Мне не сказали. Прямо со скита взяли. Я там схимником, монахом в горах жил. Монастырь-то самый давно уже забрали, но меня, вот, пока не трогали... Разве ж я кому мешаю?..

Старик говорил медленно, и к мягкому звуку его голоса с затаенным дыханием прислушивалась вся камера. Каким-то миром веяло от слов старика, хотя эти простые слова были полны трагического смысла. Но в его голосе чувствовалась какая-то примиренность с жизнью, какое-то глубокое душевное спокойствие, умиротворяюще действовавшее на всех нас, напряженных и озлобленных.

— А где это вы, батюшка, глаза-то свои потеряли? — с живым сочувствием спросил какой-то маленький крестьянин.

— Эх, давно, сынок, давно дело было... После войны. Годочков этак с десять тому назад. Когда голод-то первый был, наказание за грехи наши... Да и то сказать, глаза-то у меня, верно, уж некрепкие были. Много лет на Божьем свете прожил. Уж и забыл точно... Кажись, как бы 108 или 109 годов живу. Теперь Божьему свету уж только по памяти радуюсь. Ночь вечная перед глазами...

На бледном лице монаха под седыми усами появилась едва заметная грустная улыбка. Но глаза его смотрели по-прежнему в одну точку немигающим мутным взглядом.

— Господи Боже! — не выдержал кто-то. — Да за что ж вас сюда послали?

— Да я уж говорил, сынок, что не знаю. Какой с меня вред? А вот, все возят по тюрьмам разным. Три годочка какого-то лагеря назначили...

— Соловки, верно?

— Не знаю, сынок, и этого не знаю... Дал бы то Господь, чтобы туда послали. В молодые годы был я в этом святом месте. Видал все благолепие монастыря-то Соловецкого. У нас, на Новом-то Афоне, скалы дикие, юг, море синее... А там, на Соловках, тихо все, бедно. А монаху-то суровое, да бедное — для души-то легче. Да... Думал я еще раз съездить туда перед смертью, да вот не привел Господь... А теперь, вот, за решетками везут. Как зверя, али убийцу лютого! Ну, что ж! На все Божия воля! Без Его святой воли и волос с головы не упадет... Не ведают бо, что творят.

На несколько секунд воцарилась мертвая тишина. Для всех нас, столько слышавших про ужасы Соловецкого концлагеря, было ясно, что старику не выйти оттуда живым. Недаром Соловки, превращенные в самый суровый застенок красного террора, называли «островом пыток и смерти». Я сам, только что, вырвавшись оттуда и направляясь в Сибирскую ссылку, знал лучше многих, что для старика заключение в Соловки — замаскированная смертная казнь...

Видимо, монах понял наше молчание.

— Да... В Соловки, значит, — медленно повторил он. — Ну, что ж... Там и умереть легче будет. Благодать-то Божья незримо витает в святом месте. И злым людям не очернить святыни. Только бы, вот, доехать живым туда, а там... Это вам, молодым, смерть страшна. А нам, старикам, служителям Божьим... Мы как с трудной дороги домой возвращаемся, когда час последний пробьет. С чистой совестью, да с именем Божьим везде смерть легка...

Слова старика, сказанные с невыразимой простотой, произвели необычайное впечатление на всех нас, измученных, голодных, оторванных от дома и семьи, у кого они были, видящих впереди тернистый путь советского заключения — бесконечные тюрьмы, каторжный труд и ссылки... Каждый из нас чувствовал себя невинным или не заслуживающим такого сурового наказания. И всех нас, людей с надломленной, озлобленной душой, как-то смягчила и одновременно пристыдила картина этой величественной скорби и смирения... И фигура старика-монаха словно опять выросла в дверях тюрьмы и мягко сказала всем нам:

— Мир дому сему...

И, действительно, какой-то мир, какая-то светлая мягкая грусть стали заменять в душе озлобленность и боль.

И все мы не могли оторвать глаз от лица слепого старика, и когда он, съев кусок черного хлеба и запив его водой, тяжело повернулся и стал на колени, в камере настала такая тишина, что казалось — никто не дышит. В этом мертвенном молчании обреченный на смерть старик стал молиться...

И все мы почувствовали, что не только между ним и Божьим миром нет преград в виде каменных стен и толстых железных решеток, но что эта молитва величавого страдальца приближает и нас к Престолу Всевышнего и облегчает у Его ног наше горе и нашу боль...

Я оглянулся... Десятки напряженных лиц с широко раскрытыми глазами, не отрываясь, смотрели на поднятую вверх голову старика с невидящими глазами, и всем чудилось, что он, этот слепой монах, видит там, вверху, то, что недоступно нам, жалким песчинкам мирового хаоса...

И в необычайной тишине тюремной клетки простые, бесхитростные слова молитвы старика четко разносились по всем углам и, как мне казалось, вливались в раскрытое сердце каждого из нас...

Тусклая лампочка оставляла в полумраке ободранные стены нашей камеры, через окно на фоне темного переплета решеток виднелось синее летнее небо, и слабые лучи лунного света мягко серебрили голову коленопреклоненного монаха...

Петька-Шкет, лихой жулик и бесшабашный вор, стоял у стены, опершись на одно колено, не замечая, что одна рука его так и осталась протянутой в воздухе, и с напряженным, замершим лицом слушал слова молитвы старика.

И на его глазах, глазах юноши, выросшего без ласки матери и уюта дома, видевшего в жизни только брань, побои, тюрьмы и голод, затравленного, как дикий волчонок, — на его глазах стояли слезы, скатываясь по щекам... Но он не замечал этого.

Для него, как и для остальных беспризорников, детей, раздавленных безжалостной колесницей социализма, это была первая молитва, которую они услышали в своей исковерканной жизни...

***

Перевернулась еще одна страница моей истории:

— Солоневич здесь?

Я отозвался.

— Прочтите и распишитесь, — надзиратель протянул мне бумажку.

«Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ...» Сердце у меня екнуло. Как-то решилась моя судьба?

«...Постановили: заменить гр. Солоневичу Б.Л. заключение в концлагере ссылкой в Сибирь...»

Фу... Слава Тебе, Господи! В памяти почему-то, как мгновенное видение пронеслась величественная картина Соловецкого монастыря и одновременно почувствовалось громадное облегчение — возвращаться не придется. Соловки твердо ушли в прошлое.

Впереди — Сибирь, суровая страна ссылки. Ну, что ж! Посмотрим, каковато она будет мне, эта Сибирь.

— А когда отправят?

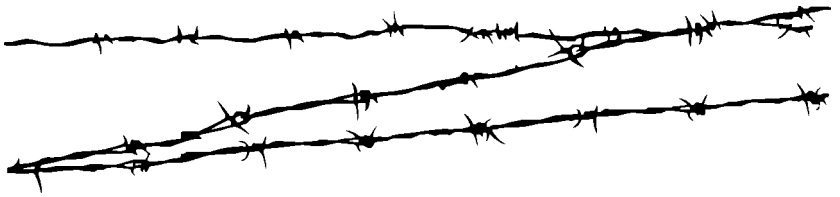
— Вот, цельный этап наберут — тогда и отправят, — устало буркнул тюремщик, принимая бумажку.

— А скоро?

— В свое время. Ни раньше, ни позже...

✠

Тайна Соловков[1]

Когда б шепнула Рать Святая:
«Оставь ты мир! Живи в раю!»
Сказал бы я: «Не надо рая —
Верните Родину мою».
Сергей Есенин

Глава I
СВЯТОЙ ОСТРОВ

Крест и флаг

Зимней ночью полярная буря казалась торжеством каких-то злых одушевленных сил.

Яростный ледяной ветер, сорвав снеговые шапки с хмурых северных елей, выносился из тайги на простор незамерзшего моря и там злобно сталкивал ледяные горы, казавшиеся призраками в ночной тьме.

Поднятые вихрем снежные смерчи казались живыми. Когда из-за мчащихся по небу разорванных туч мельком проглядывала луна, эти смерчи словно плясали какой-то бесовский танец и увлекали в свой хоровод одинокие ледяные скалы. Но те оставались почти недвижимыми среди вьющихся столбов снежной пыли. Тогда, как будто в досаде на их медлительность, вихри рушили ледяные призраки, и хрустальный звон ломающегося льда врывался рыдающими звуками в песни вьюги, а смерчи, в гуле и стоне бури, танцуя и перевиваясь друг с другом,

[1] Публикуется по: Солоневич Б.Л. Тайна Соловков : роман из жизни русской молодежи в СССР. Брюссель, 1942.

торжествующе мчались дальше и со всего размаха налетали на скалы небольшого островка, на котором высились темные громады каменных стен и башен.

Перед этими стенами ярость бури как будто утихала, словно она знала по старому опыту, что против них она — бессильна...

Эти стены и башни защищали когда-то самый славный в России монастырь — Соловецкий, и не полярной буре можно было поколебать эти вековые каменные башни, чудовищную мощь кремля и массивы высоко вздымавшихся в небо старинных соборов.

И снежные вихри, припав к подножию Святой Обители, вздымали там только кучи снежной пыли и потом, словно в гневном и мучительном бессилии, взвивались вверх туда, где они в течение пяти веков привыкли встречать золотое сияние крестов.

Но наверху колоколен и соборов уже не было святых крестов, около которых в сиянии луны можно было спеть заунывную песнь полярной вьюги и сплясать танец снежных струй. Теперь кресты были сорваны, и над шпилем самого высокого собора развевался кроваво-красный флаг.

Соловки уже были не монастырем, местом молитвы и покоя, а самым страшным в мире концентрационным лагерем...

И гудящий вихрь, привыкший смиряться перед стенами Святой Обители, теперь словно чувствовал сквозь толстые каменные стены боль и страдания тысяч и тысяч живых людей, и с яростным неистовством опять и опять взвивался вверх и со всей своей силой обрушивался на флаг, осквернивший Святыню России.

И алый флаг судорожно бился и трепетал под жестокими ударами разъяренного ледяного ветра...

Что видел северный ветер

Ровно полтысячи лет тому назад северный ветер впервые встретил в этих местах людей.

Как-то ранним утром из устья пустынной реки выплыла простая рыбачья лодка и, выйдя в море, подняла парус. Любопытный ветер метнулся к новым пришельцам, надул этот парус попутным дыханием и с интересом вгляделся в невиданных гостей.

В лодке сидело двое монахов. Они были просто и бедно одеты, в черных монашеских скуфьях, с большими медными крестами на груди. В лодке у них было только: бережно завернутое в мешок рукописное Евангелие, несколько караваев хлеба, да топоры. Но в глазах у них светилась такая вера в Бога и такое стремление к подвижничеству, что, очевидно, опасности пути и трудности отшельнической жизни казались им желанной радостью.

Тогда на Соловецкий остров еще не ступала ни одна человеческая нога. И первыми людьми, не побоявшимися остаться навсегда среди угрюмых скал и хмурых елей, были монахи Зосима и Савватий. Именно они срубили здесь небольшую часовенку — скит — и положили начало впоследствии славнейшему в России Соловецкому Монастырю.

***

Это были годы, когда Франция и Англия решали свой старинный спор о власти над севером Франции. Именно в эти годы новый Главнокомандующий всеми вооруженными силами Франции, 17-летняя деревенская девушка Жанна д'Арк, в грохоте боев под Орлеаном подняла знамя первых побед за свободу своей страны.

В это же время в Германии в полутьме своей мастерской вдумчивый печатник, Иоганн Гутенберг, вырезывал на дереве первые буквы — создавал книгопечатание, которому суждено было перевернуть историю человечества больше, чем все завоевания всех полководцев мира...

Именно в эту эпоху напряженных исканий новых форм государственной и духовной жизни, на востоке, словно бабочка из кокона, с трудом и мукой из Великого Княжества Московского рождалось Русское Царство. Веками русские племена были живым, постоянно борющимся и кровоточащим в этих боях барьером между Европой и бесчисленными ордами монголов. И как раз в этот период перелом свершился: русские племена свергли трехсотлетнее татарское иго и стали собираться под мощную руку Московских Князей.

Трудной и тяжелой была тогда жизнь страны. Вся Русь постоянно стояла под угрозой новых и новых войн. И почти не было периода, когда войны затихали. Завоевав последнее татарское царство — Казань, Русь вынуждена была защищать себя на всех границах: и против незамиренных еще татар, и против турок, и против поляков, и против Литвы — тогда мощного государства, — и против шведов, и против финских племен. Но, мало помалу, в напряжении борьбы за свое существование, Русь раздвигала свои пределы. Народная воля не ослабевала после неудач и не успокаивалась после побед. И скоро Московский Князь сделался Русским Царем.

Донской казак Ермак завоевал для Руси Сибирское царство, размером почти в 4 раза больше всех европейских государств, взятых вместе. Отброшены к югу были турки, усмирены татары, отжаты на север шведы, на запад — поляки и литовцы. Русь превращалась из Княжества в Царство, из Царства в Империю.

Первый Российский Император, Петр Великий, пробил путь к Балтийскому морю, и мощь великой Империи росла не по дням, а по часам. Прошло еще сто

лет, и омываемая двумя океанами и одиннадцатью морями, одна шестая часть земной суши была под скипетром Российского Императора...

История шла своим непонятным для людей путем и на этом пути строила неожиданные комбинации из народов и государств. Миллионы людей думали, что они самостоятельны в своих действиях, что именно они «творят историю». На самом же деле они были только мелкими песчинками в кирпичах того здания, которое история воздвигала на своем непостижимом для человеческого разума пути...

Иная жизнь

Но среди миллионов человеческих существ, инстинктивно стремившихся строить внешнюю жизнь народов и государств, были и другие: люди, жаждавшие иной жизни, построения внутреннего храма, где было бы возможным соединение человеческой души с Вечностью Всевышнего. Эти люди, иногда молодыми по врожденному зову, иногда после бурной жизни, битв, побед и ударов судьбы, стремились уйти от мира, остаться наедине с собой и в общении с Божьим Словом найти мир и покой своей душе. Иные из них посвящали себя служению ближнему своему, другие, более суровые, стремились уйти от людей и в трудных условиях жизни, в одиночестве и подвижническом труде найти душевный покой.

Такие люди уходили в отдаленнейшие «пустынные» монастыри, из которых самым северным, самым суровым, самым оторванным от суетного мира был Соловецкий.

И именно туда, на далекий угрюмый каменистый островок, шли самые твердые, самые самоотверженные, самые жертвенные русские люди, чтобы на заброшенном за Северный полярный круг клочке земли, вдали от суеты и греха мира, в постоянном труде и молитве, среди суровой и бедной северной природы обрести желанный душевный покой и стать ближе к Престолу Всевышнего.

Внешняя жизнь страны почти не затрагивала Обители. Проходили века. На русском престоле сменялись Цари и Императоры. Как гибкая лента, то сжималась, то расширялась граница русских владений. Росло и крепло государство. Кровавые волны внутренних потрясений и внешних войн судорогами прокатывались по стране, — а монастырь жил своей размеренной, устремленной к Богу жизнью, далекой от бурного роста России...

Прогрохотали пушки Полтавы, где была разгромлена военная мощь величайшего полководца XVII века — шведского короля Карла XII. Потом отзвучали орудия Бородина и рассеялся дым сожженной Москвы, где был нанесен смертельный удар гению Наполеона. Церемониальным маршем победителей прошли

русские войска по Варшаве и Вене, Берлину и Парижу. А там, на далеком севере, далекий от волнующих событий, рос и креп молчаливый мир подвига и труда. Этот мир сторонился от государства, но не раз бывало, что в трудные времена жизни Руси монастырь давал русским царям свои сбережения, и казна страны оживала.

Соловецкий монастырь собирал колоссальные богатства — и трудом своей братии, и правильно поставленным хозяйством, рыболовством, солеварением, и, главное, постоянным притоком пожертвований богомольцев. Паломники со всей Руси — начиная от Императоров и кончая простыми крестьянами, посещая Обитель, приносили ей свою скромную лепту, свой вклад в сокровищницу монастыря. Именно это золото потом не раз в трудные времена России вливалось в артерии государства и укрепляло промышленность и снабжение армий.

Помогая стране в ее строительстве и в ее борьбе, монастырь и сам был сильной крепостью, оплотом России на далеком Севере. Не раз армии шведов, некогда властителей полярных стран, воинственных завоевателей половины Европы, окружали монастырь крепким кольцом. Но монастырь только смеялся над их атаками, и его каменные твердыни казались несокрушимыми. В последний раз монастырю предложила сдаться англо-французская эскадра в 1854 году и после гордого отказа подвергла обитель сильной бомбардировке. Но ни одно из многих тысяч ядер не только не повредило колоссальных стен, но даже никого не убило. Монастырь еще раз показал себя достойным имени русской твердыни...

Для всей России Соловки были не только крепостью и монастырем, но и оплотом чистой православной веры и подвижничества. Суровость и бедность северной природы и необычайная красота полярного неба, казалось, привлекали взоры людей ко всему духовному, святому, стоящему неизмеримо выше грешной земли. Вот почему многие государственные деятели, цари, императоры, поэты, писатели, ученые и музыканты стремились в Соловки, чтобы там отдохнуть душой от тягот и забот. А многие из них на склоне лет оставляли свой дом и семью и уезжали в монастырь, чтобы там среди величественного покоя тихо окончить свою полную бурь и тревог жизнь. Именно там они находили тот душевный мир, который помогает человеку светло и спокойно встретить приближение своего неизбежного смертного часа.

Величие и падение

Таков был Соловецкий Монастырь, слава о котором гремела по всей стране.

Шло своей неумолимой поступью Время, родились дети, уходили в вечность старики, люди смеялись и плакали, богатели и беднели, любили и горевали, на-

слаждались жизнью и проклинали ее, а на далеком угрюмом севере, вдали от мирских бурь и страстей, рос и креп особый мир, внешне оторванный от общей жизни народа, мир монастырского братства, подвига и самоотречения. Этот мир был спаян несокрушимой верой в Бога и в то, что покой и спасение смятенной человеческой души возможны только в одиночестве, молитве, посте и работе.

Из шумного житейского моря постоянно выплескивались новые люди, которые сменяли уходящих в могилу старых монахов. И на место умерших приходили новые, такие же суровые, простые и чистые душой.

Их никогда не было много — не больше тысячи человек. Часть из них жила в кремле, часть в крошечных скитах, разбросанных в лесах острова. Строгие отшельнические правила монастыря, идея подвижничества на далеком севере, великая слава Святой Обители — все это веками привлекало новые кадры верующих и паломников со всех концов русской земли.

Многие поколения монахов вложили свой незаметный труд в строительство монастыря. Пустынный скалистый остров превратился в образцовое хозяйство. Каналы и дороги покрыли его поверхность. Собственный док, пароходство, солеварни, электростанция, железная дорога, рыболовные промыслы, животноводство, образцовое сельское хозяйство, типография, заводы и мастерские — такова была картина процветающего монастыря, имя которого с благоговением произносилось по всей Руси.

Казалось, ничто не могло сокрушить вековой твердыни... Но вот истомленная четырехлетней войной вздрогнула Россия от революционного взрыва. Стремительно, как на экране, замелькали события. Зашатались вековые устои. Вихри гражданской войны забушевали на необъятных просторах страны. Кровавые смерчи понеслись по полям и лесам России...

Донеслись эти смерчи и до глубокого севера, до берегов Белого моря. Большевицкая волна залила и великан-монастырь и там закружилась в водовороте злобы и ненависти...

Святая Обитель в глазах большевиков была оплотом народной веры в Бога. А религия и большевизм — непримиримые, смертельные враги.

Вот почему расстреляли, замучили в тюрьмах и ссылках монахов, ограбили и осквернили церкви, разрушили хозяйство, и на несколько лет обезлюдел святой остров, словно и не было никогда пяти веков величия и славы...

Через несколько лет вспомнили в кабинетах страшной ВЧК о монастыре... Но уж лучше бы и не вспоминали!

Из места молитвы и покоя монастырь сделался концентрационным лагерем — местом заключения особо опасных для большевиков людей. Десятки тысяч «врагов советской власти» — от подростков 12—14 лет до столетних стариков — были

привезены сюда со всех концов страны. Соловки превратились в «остров пыток и смерти». Оторванный от материка, этот клочок земли ушел, казалось, и из-под власти человеческих законов. Бежать с острова было невозможно. И крики страдающих, их предсмертные стоны не доходили до страны и до всего мира.

На месте, где пятьсот лет чувствовалось дыхание Всевышнего, теперь лилась кровь невинных, и дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти...

Кровь жертв красного террора окропила мирные могилы монахов-подвижников.

Слово «Соловки» из символа светильника веры и подвижничества стало «Самым Страшным Словом России» — С. С. С. Р...

Вот что видали северные бури, проносясь над маленьким скалистым островком Белого моря. Вот почему струи ветра, словно живые негодующие руки, яростно рвали и комкали красный флаг, поднятый теперь над Святой Обителью...

Глава II
«ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ!»

Жизнь — копейка[2]

— Эй, куды пошел?

Грубый солдатский окрик не подействовал. Высокий худой человек в рваном пальто, шатаясь, подошел к небольшому каменному кресту, стоявшему у перекрестка тропинок, упал перед ним на колени и обнял руками его подножие.

— Эй, ты, пальто! Тебе говорят! Возвернись, а то стрелять буду!

Люди, складывавшие бревна на берегу моря, прекратили свою работу и с бессильной тревогой смотрели на происходящее. Десятки бледных, изможденных лиц замерли.

Человек у креста словно не слышал крика. Его руки впились в камень подножия креста, и он не двигался. По тому, как была согнута его спина, как дрожали его обнаженные на холодном ветре руки — видно было, что человек находится в последней степени отчаяния, что он смертельно устал и не понимает даже, что ему кричат.

Рыжий конвоир, одетый в шубу, шлем и валенки, злобно выругался и решительно поднял винтовку.

— Горло еще тута на тебя рвать, сволочь!

Щелкнул затвор. Желтый патрон вороватым движением скользнул в ствол. Дуло винтовки направилось в спину отошедшему. Все затаили дыхание. Глаза

[2] Все бытовые, исторические и политические детали этого романа строго соответствуют действительности. Автор пробыл в заключении на Соловках около трех лет и только недавно бежал из советского концлагеря в Финляндию. — Здесь и далее прим. авт.

устремились не на черную фигуру на фоне снега, а на конец винтовки, откуда смерть уже занесла свою руку над человеком, прильнувшим к кресту...

— Стой, товарищ! — внезапно раздалось среди напряженной тишины, и этот смелый юношеский голос, казалось, остановил выстрел.

— Не стреляй, дурья твоя башка! Он же вовсе не плитует[3], а просто опупел...[4] Стой!

Прежде чем все успели сообразить что-нибудь, паренек небольшого роста быстро выскочил из толпы и в несколько прыжков был около креста. Рванув за рукав, этот паренек силой поднял человека в пальто, оторвал его от креста и потащил в общую толпу заключенных.

— Ну, счастье твое, шпана, — угрюмо сказал конвойный солдат, опуская винтовку, — что ты и сам лишнего шага не сделал. Был бы и ты тоже там падалью...

Паренек ощерился, как злой волчонок. Из-под шапки его черных всколоченных волос глаза блеснули зло и презрительно.

— А ты и рад бы по живой цели пострелять? На двадцать шагов промашки, небось, не дал бы?

— А мне что? Без разрешения в сторону не отходи. Должон знать сам!

— Да аль ты не видишь сам — это ж с новеньких! Поп, видать. Превозмогся, опупел... Разве ж он куда драпал?

— А мое которое дело? — раздраженно бросил рыжий солдат. — Тута ему не церква и не молебны. Тута — Соловки. Тута богословцам всяким на тот свет — ход укороченного образца. В следующий раз держи своего попа за штаны покрепчае. Ежли хоть шаг в сторону сделает — и предупреждать больше не буду!

Паренек, видимо, готов был ругаться с солдатом еще дольше, но какой-то широкоплечий молодой человек втащил его за руку в толпу.

— Ну, давай!.. Чего стали? Пошел! — раздались окрики десятников, и работа возобновилась.

Человек, бывший на волосок от смерти, сидел на бревне и с тупым равнодушием смотрел на окружающее. Это действительно был священник, но трудно было теперь узнать в его лохмотьях священническую рясу: видно было, что долгие месяцы скитаний по тюрьмам и этапам не прошли даром ни для него, ни для его одежды. Вместо последней были почти лохмотья, прикрытые старым пальто. А на лицо голод и страдания наложили еще более заметную печать: впалые щеки, покрытые поседевшей бородой, да усталые глаза, полные невысказанной тоски и горечи.

---

[3] Удирает (жаргон беспризорников).

[4] Одурел.

Какой-то маленький обросший волосами крестьянин подошел к нему, сочувственно произнес несколько ободряющих слов и свернул ему «козью ножку». Через несколько минут священник стал приходить в себя.

Вокруг него работа продолжалась. Около ста заключенных под охраной и понуканиями конвойных солдат вытаскивали из полузамерзшего моря «баланы»[5] и складывали их в штабеля. В этой разношерстной оборванной толпе были и подростки 12—14 лет и седые старики, люди интеллигентного вида и крестьяне. Всех их уравняло положение «классовых врагов советской власти», страдания и общая горькая участь.

Небольшая бухта была покрыта льдом, в который вмерзли бревна, пригнанные, очевидно, из другого места. Неглубокий снежок покрывал берег, усеянный валунами. Низкорослые прибрежные северные ели, выросшие на камнях, словно еще одна линия сурового конвоя окружала работавших. За их тощими верхушками, невдалеке, освещенные бледным северным солнцем, поднимались серые массивы соборов Соловецкого Монастыря.

Широкая полоса мрачного неприветливого моря и громады монастыря были словно какими-то угрюмыми границами, барьерами, между которыми копошились люди на берегу. И усилия, чувства и жизни этих маленьких черных пятнышек на снеговой пелене казались какими-то муравьиными перед величием старинных каменных стен и холодным равнодушием северного моря...

«Моральный карантин»

— Шабаш... Перекурить! — раздалась команда.

Люди бросили работу. Те бригады, которые по колено в воде вытаскивали баграми бревна, разувались и выкручивали свои носки и портянки, чтобы не замерзнуть. Кое-кто из них, позапасливей, оборачивали ноги газетами. Другие отрывали рукава рубах, чтобы завернуть ноги во что-нибудь сухое, ибо холодный ветер быстро превращал мокрую одежду в слой льда. Несколько человек в полном изнеможении растянулись на бревнах, и их глаза без мысли и цели устремились в бледное северное небо, такое чистое и спокойное, и такое далекое от боли и мук людей.

— Такие вот недолго здесь вытянут! — заметил кто-то негромким голосом.

Говорил тот небольшой черноволосый паренек, почти мальчик, который недавно выручил священника. Он вытряхнул из своих мокрых рваных ботинок какие-то лоскутья и потом стал старательно в виде стельки укладывать туда сухой мох и белые листики березовой коры.

---

[5] Баланы — короткие сосновые и еловые бревна, в большом количестве экспортирующиеся за границу советской Россией. Эти бревна заготовляются заключенными на севере России в многочисленных концлагерях.

Рядом с ним на бревнах сидел молодой человек, который втянул паренька в толпу, прервав опасную дискуссию с солдатом. Он был много старше — лет этак 22—23, высокого роста, с широкими плечами и круглым русским лицом, теперь обросшим давно небритой белокурой щетиной.

В ответ на замечание черноволосого подростка он бросил на него вопросительный взгляд.

— Чего ты глаза пялишь, Димка? — заметил тот. — Это, милок, все ведь кандидаты в шестнадцатую роту.

— Куда, куда?

— Неужто не понимаешь? Ах, да ты же здесь впервой! — покровительственно произнес паренек. — Ты еще не знаешь! А тут, видишь ли, у нас на Соловках — пятнадцать рот, где заключенные живут. Есть и малые — по сто - двести голов. А такие вот, как наша тринадцатая — там ку-у-уда за тысячу! Ну, а шестнадцатая рота — это, по-нашему, просто кладбище. Эти вот, что там залегли, — это, значит, и есть кандидаты в шестнадцатую.

— А почему ты их, Сенька, так рано хоронить вздумал? Может быть, они еще и нас с тобой переживут!

— Ну что ж... Ежели той вот рыжей сволочи с винтом попасться — живым манером на тот свет спровадит. Ему человека ликвиднуть — что зайца: проще простого. Это уж, конечно, как повезет... Но только что эти уже сдали. Гайка ослабла. Тут, видишь ли, о курортах там всяких и ниверситетах мигом забыть надо. Тут другая жизнь. Как это говорят: не жисть, а сплошная жестянка. Распускаться тута никак нельзя. Видишь того вот на бревнах? Сосульки на штанинах? А, небось, не выкрутит, не переобуется! Устал?.. Это-то не диво: мы все, милок, устали. Только дело-то не в этом — у них, видать, дух подорвался. Им уже все равно. Ну, и не вытянут: пороху в печенках не хватит. Скоро загнутся[6] в такой жизни, да на такой работе. Жисть ведь тут звериная — никаких законов нет...

Юноша, которого назвали Димой, покачал головой. Он был на Соловках только несколько недель, но уже начинал понимать, что это за остров, на котором ему нужно было пробыть в заключении целых три страшных года...

Он вынул платок, разослал его на коленях и, достав из кармана кусок хлеба, стал завтракать. «Шоколадное пирожное», как с юмористической горечью называли черный хлеб в тюрьме, был необыкновенно вкусен. Каждый его кусочек медленно таял во рту и, действительно, казался шоколадным пирожным. Дима ел хлеб, как его везде стараются есть в Советской России — только жуя, но не глотая. Хлебная кашица во рту постепенно становилась все слаще и исчезала сама, без глотков. Каждая крошка,

[6] Умрут.

падавшая на платок, тщательно подбиралась. Казалось, что этот вкусный хлеб можно есть до бесконечности, и когда юноша уничтожил отломанный кусок и остальное стал прятать в карман, невольно тяжелый вздох вырвался из его груди.

В это время он заметил, что едва не погибший священник в той же унылой усталой позе сидит неподалеку.

— А вы, батюшка, — обратился к нему Дима, — может быть, вы голодны? Скушайте с нами кусок хлеба!

Старик медленно повернул голову в их сторону, устало покачал ею и уткнул лицо в руки в той же позе, полной безнадежного отчаяния.

— Вот видишь, — тихо сказал Сенька. — У него что-то, видать, внутре надорвалось. Его уже не вытянешь. Ко дну пойдет... А где, кстати, твой-то старикан, с которым ты завсегда на пару сюда приходил?

— Тот? Монах? Он в роте остался. Сил никаких у него уже нет больше. Шутки сказать — ему уже под восемьдесят!

— А откудова он такой взялся?

— Он не с воли. Это — старый монах соловецкий. Тут из них кое-кого, как спецов по ловле рыбы и тюленей оставили живыми. Вроде инструкторов, что ли. Вот он с ними и был. А потом чем-то не понравился — вот его в нашу тринадцатую роту и сплавили. Плохо его дело.

Сеня испытующе поглядел на приятеля.

— Так ты, видать, ему там свое пальто оставил? — Юноша кивнул головой.

— Ну, и зря, ей-Бо, зря! — упрекнул Сенька. — Его все едино уже не спасешь, а сам застудишься к чортовой матери. Тут жисть такая: не до других. Хоть бы самому за собой доглядеть — и то хлеб... Как это говорят старые соловчане : «Жаль человека, а как подумаешь, так... хрен с ним»... Кому охота, да время — топись. А мы на песочек...

— Все ведь люди, — тихо ответил Дима.

— Э, милок! Очень уж ты, видать, мягкий еще, жальливый. Сразу видно: недавно с воли. Все бы тебе помогать кому! А для этих вот стариков, может, сразу сыграть в яму[7] — так оно даже и лучше, чем такой вон расстрел в рассрочку...

— А чего же ты тогда сам пошел батю вот этого выручать?

Беспризорник чуть запнулся, и лицо его смущенно осклабилось.

— А чорт его знает! Просто злость на того рыжего взяла. В спину человека запалить на двадцать шагов! Вот сволочь!.. Хотя, и то верно: со стариканов энтих работы — как с козла — молока.

— Так на кой же чорт губить их на такой работе?

Паренек покачал всклокоченной головой.

[7] Умереть.

— А это, милок, такая уж тут политика. «Моральный карантин»!

Дима опустил руку, которой он растирал обмороженную щеку, и удивленно переспросил:

— Как? Как ты сказал?

— Да это «они» так называют. Не слыхал разве? Тут по их правилам, чтобы, значит, вышибить из людей сразу все вольное, чтобы придавить и зажмать, все вот заключенные должны пройти обязательно общие физические работы. Это вот и называется «моральный карантин». Сюда пхают и новичков, и тех, кто чем малость провинился. Так сказать, что б не забывали, что они на родимой каторге... Но это страшно только потому, что с непривычки. Тут что: не работа, а, можно сказать, пустяк. А вот, не дай Бог, в лес попасть, где вот этые самые балаганы рубят — там вот наплачешься на снегу-то!.. Ежели, конечно, слез-то хватит...

Приятели замолчали и вытянулись на бревнах. Уставшие мускулы ныли. Раньше синие на морозе руки теперь побагровели и горели. Но все-таки молодость спасала: она черпала силы из своего скрытого запасного резервуара и поддерживала горение жизни. Старикам и пожилым этого не было дано...

— Слушай, Сенька... Ты видно — парень опытный...

— Ну, еще бы! — ухмыльнулся беспризорник. — Я, милок, — старый уркан[8]. Почетный сорокдевятник[9]. Одних только приводов[10] — 12 штук имею. На Соловках — по второй сижу. Старая беспризорная шатия!

— Ну, уж и «старая». Тебе сколько лет?

— Дело, дорогуша, не в летах. Есть такие лета, что десятка стоят. По бумагам мне, кажись, годов за 15 насчитали. А точно — никто не знает. По зубам, как у лошадей, не определишь. Ежели бы мамку да папку спросить — они сказали бы. Да только далеко спрашивать — на тот свет. А туда, пока там что, даже советская почта не ходит. А самому мне — откуда знать? Я и фамилии-то своей не знаю. Меня больше Сенькой Щербатым зовут.

— А где ты свои зубы потерял? В драке?

— В драке? — медленно переспросил он. — Нет, не в драке. В Чеке на допросе...

Опять, как раньше в разговоре с красноармейцем, на молодом курносом обычно оживленном лице Сени промелькнуло что-то жестокое и мстительное.

— Кончай перекурку! — раздалась команда десятника. Приятели поднялись.

— Да вот, Сенька, что я у тебя хотел спросить: не знаешь ли случайно, куда эти чортовы бревна пойдут?

---

[8] Жулик.

[9] 49 статья Советского Уголовного Кодекса, карающая воровство.

[10] Арест с обвинением.

— Эти? А хрен их знает! Говорили ребята — сперва в Архангельск. А там, верно, иностранцам по дешевке продадут.

Сидевший неподалеку священник был неподвижен и как будто не слушал разговоров наших приятелей. Его обросшее бородой лицо казалось окаменевшим, словно у него не было уже даже сил, чтобы думать. Но при последних словах беспризорника он внезапно оживился.

— Куда, куда, вы сказали, бревна эти пойдут? — Его голос прозвучал резко и хрипло. Мальчик удивленно поглядел на него.

— Бревна то? — переспросил он. — Да, кажись, загармоницу поплывут. На нашем дешевом поту, да кровушке советчики подторгуют. А вам то, Чудак Иванович, какое до этого дело? С вами, небось, прибылью никто не поделится!

Тень какой-то напряженной мысли прошла по лицу священника, но он не успел ответить. Послышались новые команды, и бригады пошли по своим местам.

«S.O.S.»

От штабелей к берегу были протянуты линии длинных бревен. Когда люди, стоявшие в воде, баграми подталкивали бревно к берегу, другие подхватывали его петлями канатов за концы, а третьи на берегу тащили бревно по деревянным рельсам наверх к штабелю. Там новая бригада укладывала бревна в ряды. Несколько десятников руководили работой, а пять или шесть солдат с винтовками лениво ходили около работавших и ругательствами, а часто и прикладами, подгоняли отстававших.

Дима с Сеней были назначены в бригаду, тянущую бревна наверх. Эта бригада называлась на языке лагеря «вридло» — «ВРеменно Исполняющие Должность ЛОшади» — ибо на севере эту работу обычно выполняли лошади.

Юноша впрягся в свою лямку и механически вместе с другими тянул бревна наверх. Он так уставал, что часто не мог ни о чем думать. Одеревеневшие руки и ноги сгибались с трудом. Мокрый обледеневший канат выскальзывал из посиневших пальцев. У Димы, как почти у всех работавших, не было ни рукавиц, ни теплой шапки. Ночная вьюга прекратилась, мороз был невелик — градуса 3-4, но все-таки налетавший с моря ветер жестоко жег обнаженную кожу рук и лица. Ощущение голода как-то притупилось, словно перешло в постоянную тянущую мучительную пустоту в желудке. Сытость казалась какой-то далекой чудесной сказкой, а спускавшиеся сумерки (в декабре на широте Полярного Круга они наступают быстро) напоминали только о горячем супе из ржавой трески, который ждал в роте после конца работ.

Отупевшим и безразличным ко всему тащил Дима какое то очередное бревно наверх, когда до его слуха донеслось замечание:

— Ишь, поп-то наш как старается!

— А что ж! Понюхал дуло, так теперя во как забегал. Оно, дуло-то, завсегда здорово уговаривает!

Говорил тот же злобный рыжий солдат. Обернувшись по направлению его взгляда, Дима увидел старика священника, старательно тащившего на верх штабеля большое березовое бревно. Бревно было тяжелым и явно не под силу старику. Но, тем не менее, тот старался изо всей мочи. Скользя ногами по краю штабеля, старик хотел уложить «балан» повыше, но в этот момент силы ему изменили, и белый ствол березы покатился вниз, стуча и громыхая по склону штабеля. Бывшие внизу люди метнулись в сторону, и бревно, никого не задев, подпрыгнуло несколько раз и остановилось.

Кривоногий маленький десятник, только что говоривший с солдатом, подошел к штабелю и насмешливо крикнул наверх:

— Эй ты... Батя! Задарма старался! Опять тебе балан этот наверх тянуть придется!

Внезапно десятник замер. Его глаза уперлись в ствол березы. Удары валунов не прошли для дерева даром: большая белая полоса коры отвалилась, и там, написанные чем-то черно-рыжим, стояли большие буквы: S.O.S.

А ниже было приписано мельче: Solovky.

Маленький десятник испуганно оглянулся и хотел закрыть корой написанные буквы. Но было уже поздно. Рыжий солдат, видимо, желавший поиздеваться над священником и его усилиями, был уже рядом. Его глаза тоже устремились на странные буквы.

— Это еще что такое за причта? — Густые брови: его нахмурились. — Что это тута не по-нашему написано?

Он поднял голову.

— Эй ты, опиюм Царя Небесного! Поповская душа! Иди сюды!

Пока священник спускался со штабеля, солдата с десятником окружили рабочие. Охранник был так занят расшифровыванием непонятных знаков, что даже не обратил внимания на прекращение работ.

— Что это тута поп написал? — недоумевающе спрашивал он десятника. — И чтой-то ему на балане вздумалось упражняться? Вот гидра! Даже тут, в лагере, и то что-то непонятное исделает. Ну, — сурово обратился он к подошедшему священнику. — Это что за хреновина?

Священник не отвечал.

— Что ж ты, стерва, молчишь? — прикрикнул солдат. — Тебя ведь пока што языком, не штыком, спрашивают. Или ты, как тогда под крестом, так запупел, что и сам не знаешь, что делаешь?

Рыжее лицо было зло и неумолимо.

— Да разве вы не видите, товарищ, — вмешался Дима, — что священник этот того... немного тронутый? Он здесь, вероятно, высчитывал, сколько дней ему

осталось сидеть. Видите вот (он показал на буквы) — здесь написано «пятьсот пять». Это, верно, ему столько срока осталось.

Это объяснение показалось солдату хорошим поводом для издевки.

— Пятьсот пять денечков? — насмешливо переспросил он. — Ну, ну... А мне что-то кажется, что ему даже до смерти ближе осталось, чем пятьсот пять денечков. А до конца срока? Чистый наивняк, поп-то наш!..

Дима подхватил шутку.

— Ну, конечно же, товарищ красноармеец! Стоит ли обращать внимание? То он неизвестно куда идет, ничего не слышит... То он каракули какие-то пишет. Ненормальный... Что от него требовать?

— Ох, попы мне энтие, — уже благодушно-насмешливо произнес солдат. — Чудят, чудят, а чего — неизвестно. Ну, что ж, пущай прет свои «пятьсот пять дней» опять наверх!

В этот момент, когда, казалось, все было улажено, из толпы вынырнул какой-то маленький плюгавый человечек в старых перевязанных веревочкой очках и скользнул к солдату.

— Разрешите мне, товарищ командир, объяснить вам точнее, что поп тут написал, — заискивающе обратился он к охраннику. — Вы, видно, не понимаете, а вас тут обманывают...

— Ишь ты какой тута выискался? — грубо сказал солдат. — А ты, очкастый, разве больше понимаешь?

— Ну, а как же!.. Конечно же... Это вовсе не «пятьсот пять», как вам тот парень объяснил... Тут по-иностранному...

В этот момент Сенька подтолкнул Диму, и оба спрятались в толпе.

— Это вот, — продолжал человечек, — это вот вовсе не «пять», а буква «S». А все это по-английски так значит: «S.O.S.» — «Save our souls». А перевести: «Спасите наши души!»

— Какие такие души?

— А это, товарищ командир, такое сокращение по радио есть во всем мире... Когда корабль тонет, или так какое еще несчастье, так дают, значит, этот сигнал бедствия: Помогите, мол! А тут дальше видите, по-иностранному написано «Соловки». Значит, бедствуем, мол, на Соловках. Спасите!

Тугой ум солдата, наконец, понял. Его лицо побагровело.

— Ах, стерва! Так он думал, значит, что это бревно с Архангельска в заграницу пойдет? Сигналы своим давал, сукин сын? А ну-ка, подь сюды, товарищ поп!

Священник подошел к солдату. Тот схватил его за обшлаг пальто.

— Так с буржуями, значит, переписку затеял, поп треклятый? Сигналы давать? Я тебе покажу сигналы!

Рыжий охранник злобно тряс священника, но раньше серое от усталости лицо того изменилось, словно старик почувствовал, что он все равно уже обречен и терять ему больше ничего.

— Ну да, — дрожащим голосом ответил он. — Сигнал хотел подать туда, в Европу. Пусть знают там, как мы тут мучаемся... Кровью своей писал я эти буквы! Все равно погибать! Будьте вы прок....

— Молчать, контра несчастная! — заорал рыжий. — Агитировать еще тут надумал? Я тебе покажу агитацию да сигналы!.. Эй, товарищ Шустров, — крикнул он другому красноармейцу. — Сведи ка энтого в третью часть[11]. Да и с писаниями евонными. А вы, — обратился он к молчаливо стоявшим рабочим, — взвалите-ка писаницу эту попу на горб. Пущай сам тащит в виде донесения в Кремль!

Пока рабочие поднимали балан, Сенька озабоченно шепнул Диме.

— Ты, милок, переодень-ка пока мой пиджак. Он большой, для меня вроде пальто служит. Как бы тебя не узнали!.. А то неравно и тебя к этому темному делу пришьют!

Когда бревно подняли священнику на плечо, старик шагнул с ним несколько шагов и упал под громадной тяжестью.

— Эй, которые там! — крикнул солдат десятнику. — Не допрет, видать, этот поп балана до Кремля. Кишка слаба. Отпиляйте ему кусок с евонными писаниями. Пусть хоть сигнал свой донесет... А вы, товарищ Шустров, помните устав? За невыполнение заключенными приказаний охраны — применяется оружие.

И он многозначительно добавил:

— И ежели там что... Идти не за-хо-чет... Сам, небось, знаешь...

— Знамо дело, товарищ, отделком, — сурово отозвался худой длинный солдат. — Разве ж впервой? Ну, вали вперед, товарищ поп. Волоки свой сигнал. А не доволокешь — пеняй на себя сам...

Согнутая под тяжестью бревна фигура священника и солдат с винтовкой наперевес скрылись в лесу. Все молча смотрели им вслед.

Люди разных миров

— Ну, чего стали? Принимайсь за работу!

Рабочие стали медленно расходиться. Высокий человек с печальным суровым лицом, стоявший в толпе, долго не отрывал глаз от того места, где скрылись священник с солдатом. Потом он тяжело вздохнул и, подняв руку, послал благословение ушедшему. Сенька, случайно очутившийся рядом, удивленно воззрился на него.

[11] Отдел ГПУ в самих лагерях.

— Ты чего это, дед?

Печальное лицо высокого человека повернулось к беспризорнику. В этом лице с ясными, чуть грустными глазами, крупным носом и широкой седоватой бородой чувствовалось что-то сильное, русское. Серые глаза пристально взглянули на мальчика.

— Ты меня спрашиваешь, сынок? — негромко переспросил он.

— Ну да... Что это ты рукой сделал? Знак какой подавал, или что?

В голосе Сеньки не было насмешки. Он глядел на своего соседа с любопытством и недоумением.

— Это я благословил ушедшего, — объяснил высокий человек. — Не знаю, увидимся ли с ним на этом свете.

— Если насчет того, чтоб увидеться — так навряд ли. Дело его табак! А что это такое: «богословил»?

— А это я призвал имя Божье на помощь тому старику, которого увели.

Глаза беспризорника широко раскрылись.

— Имя Божье? Так ты, старикан, в Бога, что ль, веруешь?

Высокий человек чуть улыбнулся вопросу.

— Верую, сынок.

— А грамотный?

Высокий человек улыбнулся еще шире. Видимо, вопросы беспризорника начинали его забавлять.

— Грамотный, сынок. И писать и читать умею.

— С кулачья, что ль?

— Нет, не из кулаков, но из крестьян.

— Ну, вот оно и видать, — презрительно протянул Сенька. — То-то я и гляжу! В Бога веровать! Эх ты, мымра! Серость крестьянская! Темнота!..

Он насмешливо сплюнул через выбитые зубы и с видом превосходства отошел к своей бригаде.

Приятели снова впряглись в свои лямки и потянули бревна наверх к штабелям. Когда бригады принимали балан у моря или сдавали его наверху, всегда перепадала минутка отдыха, пока бревно вкладывалось или освобождалось от петель. В эти минуты можно было выпрямиться и передохнуть.

В одну из таких сладостных минут Сенька заметил, что на другой стороне деревянных рельс к высокому бородатому человеку подошел какой-то другой и, сняв шапку, низко склонился под благословением.

Беспризорник дернул Диму за рукав.

— Слышь! Что тот бородач делает?

— А это он благословение кому-то дал. Сенька недоумевающе поглядел на приятеля.

— Да, да... Я видал. Он и того попа, которого увели, тоже богосло... как это... Ну, в общем, рукой крест сделал. А, кто он такой, бородач этот самый?

— Разве ты не знаешь? Это — митрополит Иннокентий.

Это имя ничего не объяснило Сеньке. Он по-прежнему недоумевающе глядел на Диму.

— Ну, как бы тебе проще сказать? Митрополит — это священник высшего звания. Ну, вроде... генерала в церкви.

— Генерала? Так он, значит, здорово грамотный? Не кулак?

Дима рассмеялся.

— Ну вот еще — бахнул! Он, брат, не только грамотный, а магистр, профессор всяких там наук. Его во всем мире знают, и книги его везде есть. А сидит он здесь потому, что не признал советской власти.

Беспризорник виновато почесал взлохмаченную голову.

— Что это ты, Сенька?

— Да я, Димка, видать, в глыбокую калошу сел. Чорт же его знал, главпопа этого, какой он такой есть. С виду вроде заправского кулака — борода-то, вишь, какой лопатой! Он и сам сказал — с крестьян. Ну, и в Бога верует. А где ж это видано, что грамотные люди богомолами были? Ну, я и подъязвил малость.

Лицо юноши сделалось серьезным.

— Это ты, Сеня, здорово маху дал. Этот митрополит — один из наших героев. Многие перед нажимом советской власти сдались, пошли ей на службу. А этот — ни в какую. Он, говорят, здесь уже много лет сидит, и его здесь все на тяжелых работах держат. А он все-таки не сдается.

— Вишь ты, какой он, поповский-то твой генерал? Значит — наш парень? Свой в доску, брюки в полоску?

— Ну, конечно. Я вот сам, если можно будет, к нему под благословение подойду. Он подвижник наш... А насчет веры в Бога ты совсем уже глупо пошутил. Я тоже в Бога верю!

Сенька удивленно поглядел на приятеля.

— Ишь ты? И ты тоже? А ведь ты парень, кажись, толковый... Гм... Видать, тут что-то и верно есть, раз такие гвозди — парни, вот вроде тебя, в Бога веруют.

Дима улыбнулся.

— Еще бы! Конечно, есть! А ты, братишечка, хорошо бы сделал, если бы извинился перед митрополитом за свою насмешку!

— Да я, ей-Богу же, не хотел этого старикана обижать! Просто для меня это вроде, как говорят, китайская политграмота. Я, милок, знаешь, за всю жисть,

кажись, ни разу и в церкви то не был. А о Боге, сам знаешь, как наша шатия комсомольская отзывается. Откуда же мне знать-то было? Ах, чорт! И как же я так дал маху насчет главпопа этого? Вот досада-то!

Грязные обмороженные пальцы беспризорника чесали спутанные черные волосы на затылке, словно стремясь найти там выход из «галошного положения».

Месть

Опять зазвучали команды, и опять мокрые обледеневшие бревна нескончаемой чередой потянулись с моря на берег. Смеркалось все больше, но белизна снега все еще боролась с наступавшей темнотой.

Когда бригада, в которой работали Дима и Сеня, ждала у берега нового бревна, Сеня неожиданно толкнул приятеля локтем.

— Чего ты?

— А вот направо... Видишь? Гад, который попа выдал...

Действительно, у самого моря с багром в руке стоял тот маленький человечек в очках и с бородкой, который объяснил красноармейцу значение букв «S.O.S». Этот человечек, устало согнувшись, едва ворочал тяжелым багром и стоял как-то в стороне от других. Видно было, что с ним никто не хочет ни разговаривать, ни работать рядом.

Когда очередной балан был вложен в петли, Дима заметил, что беспризорник почему-то замешкался, стал в конце шеренги бурлаков и потянул веревку как-то странно, обернувшись лицом к морю.

Когда бригада прошла уже полпути, Сеня оглянулся по сторонам, нагнулся к медленно ползшему наверх бревну и быстрым ударом ноги сбил веревочную петлю с мокрого скользкого конца. Тяжелый ствол выскользнул из одной петли, качнулся в сторону и, освободившись от обоих пут, покатился обратно.

Догадавшись, в чем дело, Дима с судорожно сжатыми челюстями и остановившимся дыханием смотрел, как тяжелое бревно неслось вниз.

Прошло несколько секунд, пока раздался первый предостерегающий крик. Стоявший одиноко у берега человечек оглянулся и с неожиданной быстротой прыгнул в сторону. Но было уже поздно. Конец бревна ударил его по ногам и сбил в воду. А за ним, вспенивая кашу из обломков льда, тяжело упало в воду и само бревно-мститель.

Когда человечка вытащили из воды, он не шевелился и был в жалком состоянии. Его перенесли повыше на берег, и десятник стал щупать его руки и ноги.

— Как это его угораздило? — спросил подошедший начальник охраны.

— Да вот, товарищ красноармеец, бревно сорвалось...

— Сорвалось? — промычал солдат и взглядом полным подозрения оглянул окружающих. — Не-ча-ян-но, говорите? А впрочем, — он пожал плечами, — мое

какое дело? Пущай сам за собой смотрит. Тут нянек ему нету. Вот пошабашим скоро — понесем в Кремль. Там и акт составим.

Он еще раз оглядел заключенных и покосился на неподвижно лежащего человека.

— Ну, ладно. Чего стали? Эка невидаль: бревном тяпнуло! Не зевай, значит. Очкастым тута плоховато живется... Ну, катай дальше. Еще минут с двадцать...

Молчаливые рабочие пригнали упавшее бревно к рельсам, петли были накинуты, и бревно опять медленно поползло вверх. Когда его наверху укладывали в штабель, приятели переглянулись.

— Ну что ж! — Сенька злобно усмехнулся. — Хоть заплачено! У нас, знаешь, у старых урканов, закон такой есть: два ока за око, челюсть за зуб... Мы, милок, ничего не забываем!.. Как это поется:

Гадом буду,
Не забуду,
Прикалечу я Иуду.
Пусть, стервоза, нас не предает!..

***

Уже совсем стемнело, когда работавшие у моря заключенные под конвоем подошли к Кремлю. Такие же группы измученных продрогших людей тянулись к Кремлю по всем дорогам и ждали пропуска в ворота.

Ветер свежел все больше. К ночи опять поднималась вьюга. Люди старались плотнее прижаться друг к другу, чтобы хоть сколько-нибудь уберечь себя от укусов ледяного ветра.

Сеня воспользовался темнотой и пробрался к митрополиту. Тот тихо разговаривал со своим соседом и не сразу заметил паренька, нерешительно вертевшегося сбоку.

— Тебе что, мальчик? — ласково спросил он.

— Да вот, батя, я дурака малость свалял...

Митрополит вгляделся в лицо беспризорника и узнал его.

— Ах, это ты спас нашего священника от выстрела? Это ты?

— Я, батя. Обидно было. Что ж они: по живым мишениям пулять будут?.. Только я по другому делу... Я вот давеча смешки над вами устроил... Насчет Бога-то. Так вы того... батя, уж не серчайте. Это я не по злобе, ей-Бо, не по злобе.

— Ну, Бог с тобой, мальчик, — сердечно ответил митрополит. — Разве я обиделся? Дай тебе Бог сил еще помогать слабым и несчастным...

Митрополит не благословил мальчика. Он понимал, что это будет непонятно беспризорнику, выросшему без Бога, без семьи, на улице и в тюрьмах. Он только просто положил на несколько секунд свою руку на его всклокоченные волосы.

— Ну, а теперь беги на место. Еще, Бог даст, поговорим. Беги!

Сенька стал протискиваться на свое место. На душе у него было какое-то непривычное спокойствие, и губы его невольно кривились в счастливой усмешке, словно это прикосновение руки внесло в его душу что-то радостное и светлое.

***

Толпа перед воротами таяла. Подошла очередь и нашей группы. Начальник охраны предъявил свою препроводительную.

— Принято на работу 104. В строю — 102. Одного волокут — сдыхает. Один зачислен за третьей частью.

— Знаю, — коротко ответил часовой. — А ну, разберись, которые там, по четыре! Эй вы там!.. Проходи по малу...

В воротах стоял длинный худой солдат, посланный для конвоирования священника с бревном.

— Ну как, Шустров? — окликнул его рыжий начальник охраны. — Акт составил?

— А как же, товарищ отделком! Все «на ять»[12] сделано...

Серый поток заключенных лился сквозь ворота «домой»...

Глава III
РОТА № 13

Лагерная жизнь

В громадном Преображенском соборе царила полутьма. Несколько тусклых электрических лампочек едва освещали длинные ряды сплошных нар, заваленных спящими человеческими телами. За грязными абажурами ламп вверх к куполу тянулась жуткая тьма, казавшаяся небом безлунной ночи.

В соборе было холодно. Несколько железных печурок с длинными жестяными трубами нагревали только небольшое пространство около себя. Около каждой такой печурки группировались оборванные люди, старавшиеся высушить свои лохмотья и согреть окоченевшие тела. Изредка гудевшая извне вьюга проникала в собор через какие-то разбитые окна или щели, и тогда сверкающие серебром струйки снежинок проносились около лампочек и шипели на трубах печей.

В роте № 13 было тихо. Только кое-где заглушенный гул разговоров нарушал эту тишину. Большинство уже спало мертвым сном усталости.

[12] «На ять» — советское выражение, обозначающее высшее качество выполнения какого-нибудь дела.

На крайних нарах, на возвышении бывшего алтаря лежала небольшая человеческая фигура, прикрытая пальто. Иногда лежащий медленно поворачивался, и тогда из-под края пальто показывалось измученное лицо седого старика. В полумраке собора это лицо часто казалось мертвым, и только порывистые движения да изредка тихие стоны показывали, что старик еще жив. Вот почему, когда стоны прекращались и тело замирало, сидевший рядом юноша тревожно наклонялся к больному и вглядывался в его лицо.

Беспризорник Сеня был прав, догадавшись, что Дима отдал свое пальто старику. Действительно, в то время, когда на нарах каждый старался прикрыться от холода всем, что попадалось под руку, юноша сидел в одной рубашке, и когда по собору проносились струи холодного ветра, еще широкие плечи невольно вздрагивали, и он ежился.

От кучки людей, гревшихся около печки, отошел паренек с взлохмаченной головой и направился к нарам. В полутьме Дима узнал своего приятеля Сеньку.

— Ну что? — тихо спросил тот. — Слабо дело со стариком-то?

Юноша покачал головой.

— Ох, плохо... — еще тише ответил он. — Боюсь, не доживет он, видно, до утра...

— А доктора ты не вызывал?

— Куда там! Сегодня какая-то генеральная поверка назначена или что-то вроде. Разве упросишь? Я уже ругался с часовым у ворот. «Ну и пущай дохнет» — так и ответил. Разве мы для них — люди?

В голосе Димы прозвучали нотки бессильной горечи.

— Вот если бы сторонкой в Санчасть сообщить, — помолчав, добавил он. — Оттуда, верно, пришли бы. Там ведь свои — заключенные. Не это зверье.

Беспризорник почесал свою грязную взлохмаченную шевелюру.

— Н... да... Табак его дело. Гм... А, пожалуй, что с Санчастью и в самделе сварганить что и можно б. Нешто слетать туда?

— А как ты выберешься из роты? Часовой, ведь, не пустит.

Сенька беззаботно тряхнул головой.

— Наплевать! Что ж — я у него спрашивать буду, что ль? Как выбраться — это дело нашинское. Мы, шатия беспризорная, везде себе свой лаз найдем. Мы тут наверху давно уже окно дырявое присмотрели. Гвоздей в дырья понабили, и такой лаз вышел, что разлюли малина. Вроде потайного хода — высший сорт третий Б, экстра...

— Вот это бы дело! Сенька, голуба, устрой-ка это. Извести Санчасть. Помоги! Ей-Богу, жаль старика этого!

Беспризорник посмотрел куда-то в темный угол собора, словно представляя себе, как под снегом и вьюгой он будет лезть по стене. Он поежился, но потом по своей постоянной привычке опять тряхнул головой.

— Ну, куда там ни шло! Раз жить, два раза помирать. А и верно: жаль старикана-то. Хороший он был. Намедни ногу мне перевязал, когда бревном невзначай тяпнуло... Ладно. Дай пять.

Дима радостно пожал ему руку.

— Вали, вали, Сень. Выручай, браток. Скажи там, что старый монах соловецкий умирает в тринадцатой роте. Пусть хоть кто-нибудь придет.

Беспризорник опять посмотрел в темноту собора.

— Ладно... Чем чорт не шутит, когда Бог спит! Ежели попадусь — выручай тогда. Старикану этому помочь — это, пожалуй, все равно, как мертвому припарки ставить. Ему, пожалуй, гробовщик, а не доктор нужон. Но тут, главное дело, чтоб этим вот сволочам нос утереть. Показать, что мы тоже не сапогом сморкаемся и без их разрешениев все сами смахлевать можем. Ладно. Так я, значит, потопал. Шрайб открыткес!

Сенька закатал рукава старого пиджака, доходившего ему почти до колен, нырнул в сторону и скрылся в темном углу.

Дима заботливо поправил пальто на ногах старика, тяжело вздохнул и задумался. Его исхудавшее лицо было утомлено и нахмурено.

Ему каждый день казалось, что он больше уже не выдержит. Каждый день, придя с работы и поев супу из ржавой трески с остатком хлебной «пайки», он бросался на нары и был уверен, что ему больше не встать на следующий день. Но приходил этот новый день, звучали грубые окрики конвоя, раздавались по соседству удары прикладов, сжимались зубы от горечи и негодования и опять откуда-то находились новые силы, чтобы продолжать безрадостную жизнь.

Только теперь, сидя около больного старика, Дима начинал понимать, сколько сил вливало в него присутствие этого 80-летнего соловецкого монаха, случайно оказавшегося его соседом по нарам. В своей беспросветной тяжкой жизни лагерного раба Дима находился то на грани потери душевных сил, то на грани яростной вспышки. Ему то хотелось прекратить борьбу за жизнь, опустить руки и умереть, то хотелось взорваться яростно и слепо, убить какого-нибудь своего палача и, таким образом, мстя, прекратить свои мучения. Волны ярости и упадка духа поднимались в нем своей чередой, и вот в эти минуты много бодрости находил юноша в ласковой улыбке старика, в его неторопливой речи, в его спокойной, ясной вере в Бога.

Монах, проживший в Соловецком монастыре более полувека, рассказывал Диме о прошлом величии Обители, о дружном неустанном труде «черной пехоты», о процветании хозяйства, о покое, мире и славе, царивших в этих массивных

стенах, о тысячах паломников, со всех концов России притекавших в Обитель и находивших здесь, на глубоком севере, покой своей смятенной душе.

Старик словно восстанавливал перед глазами юноши все благолепие монастыря, и Диме казалось, что он видит перед собой гордые высокие соборы, увенчанные сияющими крестами, слышит мягкий перезвон колоколов, присутствует на торжественных богослужениях и сливается с атмосферой молитвы и любви, царивших в этом святом месте.

В такие минуты Дима оглядывался кругом и уже не видал перед собой грязных деревянных нар, покрытых человеческим месивом. Фантазия рисовала перед ним все былое величие этого старинного собора, и он думал, что вот, может быть, здесь на этом самом месте, где теперь в грязи и полутьме он лежит со своим другом, старым монахом, когда-то смиренно стояли на коленях в жаркой молитве Царь Иван Грозный, Император Петр Великий или тысячи других лучших сыновей Великой России... И юноша чувствовал, что эти мысли позволяют ему легче переносить страдания сегодняшних дней, ибо он верил, что в истории России эти кровавые годы — только грязные секунды, что они минут, как сон, и опять засияет этот когда-то великолепный храм, и «Соловки» опять станут светочем веры и молитвы...

Со своей стороны в перерывах между работой и вечерами Дима рассказывал старику о жизни на «воле», зажатой тисками ГПУ, о смелой русской молодежи, которая ощупью, инстинктом боролась с коммунизмом и хотела трудиться не для СССР, а для России. Юноша рассказывал о попытках этой молодежи защищать свою душу и об свирепых ударах красного террора, сломавших не одну тысячу жизней...

В числе этих сломанных молодых ростков оказался и он, Дима Зеленов, техник-строитель, начальник одного из московских скаут-отрядов. За свою работу с молодежью, как «контрреволюцию», он получил три года каторжных работ.

Три года... Как это легко пишется и еще легче выговаривается! А как эти слова кажутся кошмарными для молодости! Три года каторжных работ на страшном острове, среди смертей и издевательств, в положении бесправного голодного раба... Старикам, с их примиренностью к жизни, с их более глубокой верой в Бога, с их философским миросозерцанием, может быть, было легче. Но молодому, полному сил, молодому человеку, как молодому зверю в клетке, было много тяжелее. Беспомощность угнетала душу. Надо было терпеть. Но разве слово «терпение» — это слово из лексикона юности?..

Вот почему так тяжко вздыхала молодая грудь и с такой тоской глядел юноша на каменные стены своей тюрьмы...

Тайна

Движение больного вывело юношу из печальной задумчивости.

— Ну, как, батюшка? — тихо спросил он, нагнувшись над стариком.

— Плохо, родной мой, — с трудом прошептал монах. — Видно, смерть моя пришла!

Он хотел поднять голову, но сил на это у него уже не хватило. Дима помог ему приподняться и сесть на нарах, и старик с невыразимой грустью оглядел невеселую картину.

В тумане табачного дыма и в чаду испарений, на каменных стенах собора еще можно было кое-где различить следы священных надписей и икон. От алтаря и царских врат не осталось и следа, и казалось, что все пространство этого некогда великолепного храма теперь наполнено серым человеческим месивом, в полутьме странно напоминавшим кучу червей, копошащихся в грязи.

Монах тяжело вздохнул, и лицо его дрогнуло.

— Осквернили святыню, — чуть слышно прошептал он. — Не ведают бо, что творят.

— А вы, дедушка, не думайте об этом... Может быть, вам воды принести?

— Нет, сынок. Мне вода уже не поможет. Видно, Бог к себе зовет.

Он долго и пристально вглядывался в открытое правдивое лицо юноши, словно стремясь проникнуть своим пытливым взором в его душу, и потом слабым движением руки привлек его к себе.

— Вот что, сынок, — медленно проговорил он. — Мне, видно, уже не дожить до лучших времен... Сломали меня... А ты, ты — молод. Бог тебя поддержит...

Опираясь рукой на плечо Димы, старик медленно с трудом поднял голову вверх.

— Боже Милосердый... Увиждь душу мою и прости ми... В руки сии младые передаю я тайну Святой Обители Твоей... Вразуми отрока сего и даждь ему сил против искуса и страха...

Прошептав это, монах вздохнул и с просветленным лицом осенил себя крестным знамением. Казалось, что он решил какую-то трудную и мучительную задачу, которая давно тяжелым камнем лежала на его душе.

Дима с беспокойством смотрел на лицо старика, не понимая, о чем он говорит, и с состраданием думая, что больной уже начал бредить.

Монах тихо опустился на нары.

— Склонись ко мне, сын мой... Ближе... Вот так. — Юноша приблизил свое лицо к бледным губам больного старика.

— Слушай... И не проронi ни слова, ибо слабеет голос мой. Я открою тебе великую тайну обители нашей Соловецкой. Если останешься жить — передай ее

настоятелю монастыря, когда он возродится. Или — патриарху вселенскому... А если не даст тебе Господь счастья дожить до победы Креста Святого или увидеть патриарха — передай эту тайну другой верной душе... Как я вот... Умираю и доверяю тебе, сын мой. Вижу душу твою чистую и крепкую...

Монах сжал руку юноши и еще более понизив голос, стал прерывающимся голосом шептать ему на ухо:

— Я открою тебе тайну сокровищ нашей обители... 500 лет копил богатства монастырь Соловецкий. Не для себя — для государей христианских... Не раз помогал монастырь России. И много сокровищ было собрано в стенах обители... И когда наступила злая година, наказание за грехи наши... Когда стали разрушать и грабить церкви и святыни... решили мы не отдавать сокровищ наших в руки поносителей имени Христа... И замуровали мы эти сокровища в нескольких местах острова... Долго искали их новые властители... Убили многих из братии, заключили в тюрьму остальных, осквернили святыни... Искали везде. Но Господь сохранил тайну нашу... Не достались им сокровища святого монастыря... Немногие знали тайну кладов... Не знаю, остался ли кто-либо в живых из тех, кто был посвящен в тайну обители... Я был в числе удостоенных. И вот теперь я передаю эту тайну тебе, сын мой...

Старик утомленно замолчал.

— Батюшка, — несмело сказал Дима. — Может быть... Тут у нас в соборе митрополит один есть. Может быть, вы ему сказали бы? Я же — почти мальчик еще. Я... я... боюсь, выдержу ли я...

Монах опять пристально посмотрел ему в глаза.

— Нет... Бог наставил меня... Прав выбор мой. А митрополит Иннокентий... он тоже старик... Он — обреченный. Ему не вынести пытки этой... И уже не выйти ему живому из ада этого. А ты, ты молод... Ты — не только кровью, но и душой — русский. Господь даст тебе сил... Но слушай, сын мой. Чувствую я, последние минуты мои наступают. Слушай!

Голос монаха прозвучал с какой-то силой, почти сурово и гневно, словно он приказывал.

— Слушай... В нескольких местах скрыты сокровища наши. Один клад, небольшой, там вот... Наверху...

Желтая иссохшаяся рука протянулась вверх и указала куда-то в мрачную пустоту скрытого во тьме купола, который теперь гудел под порывами яростного ветра.

— Там, ближе к Богу, скрыта небольшая часть сокровищ наших... Под южным окном купола... Третий камень сверху... Надавить восточный конец... Главные же сокровища и планы остальных кладов лежат...

Внезапно голос старика словно сломался. От его силы, казалось, не осталось и следа. Голова бессильно упала на нары, и он из последних уходящих сил тихо прошептал :

— Там... там... наверху камень есть... Изголовье Святителя Филиппа... Там указания... План...

Опять голос старика прервался. Рот его судорожно хватал воздух, а пальцы сжались у горла, чтобы, казалось, вырвать оттуда еще несколько слов. Наклонившись к самому лицу умиравшего, Дима с трудом расслышал еще три странных слова:

— Повернуть... Посолонь... Кудеяр...

И все стихло. Старик замолк, и по его лицу прошла судорога.

Ошеломленный юноша слушал, едва дыша, и не верил своим ушам. Когда монах ясно и точно объяснял местоположение клада в куполе собора, Дима начинал верить его словам. Но когда усилие сломило силы умирающего, когда опять непонятными и странными показались его слова, опять скорбная догадка о предсмертном бреде овладела умом юноши.

Он с грустью наклонился над монахом и бережно поправил сползавшее одеяло. Когда его лицо приблизилось к лицу старика, по которому ходили какие-то тени, их глаза встретились. К удивлению Димы, глаза лежащего были ясными и светлыми и, казалось, опять проникли ему в душу. Но сил уже не было... Тщетно старался умиравший произнести какие то последние слова, касающиеся тайны, но голос его уже не слушался. Выражение смертельной тоски пронеслось по его лицу, и внезапно, словно собрав каким-то чудовищным напряжением остатки своих сил, он судорожно приподнялся и внятно и торжественно произнес:

— Да почиет Благодать Божия на тебе и даст тебе силы нести крест тайны сей...

В голосе старика было столько силы и величия, что Дима невольно опустился на колени перед нарами и склонил свою голову перед монахом. Тот медленно и величественно, словно он не был узником, умиравшим в осквернённом соборе, а владыкой на торжественном богослужении, благословил юношу:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Смерть

По заметенным снегом ступенькам собора поспешно застучали легкие шаги. Задремавший было китаец-часовой открыл глаза. Перед ним стояла тонкая фигура женщины с санитарной сумкой.

— Откройте, товарищ часовой. Я — из Санитарной части. Там тяжелобольной один есть...

— А плопуска есть? — лениво спросил китаец.

— Тут не до пропусков, — решительно ответил молодой голос. — Тут — скорая помощь.

— А мине дела нет... Плопуска есть?

— Что вы тут много разговариваете? — Капюшон плаща откинулся, и часовой увидел решительное молодое лицо с нахмуренными бровями. — Сказано вам — там тяжелобольной. Может быть, даже заразный! Каждая минута на счету... Вы обязаны знать, что скорая помощь везде пропускается беспрепятственно... Откройте сейчас же, иначе я протелефонирую командиру полка, что вы мешаете санитарной службе. Я не за пустяками пришла сюда ночью... Спорить тут буду с каждым солдатом...

С этими словами девушка решительно взялась за ручку большой чугунной двери и с трудом приоткрыла ее. Китаец что-то проворчал, но отступил...

***

Теплые пальчики девушки коснулись холодной руки старика. Тоненькая струйка пульса билась медленно и слабо. Порой эта струйка прерывалась совсем. Порой несколько волн, словно обгоняя друг друга, стучались под пальцами. Но эти волны становились все слабее и слабее...

— Ну что? — шопотом спросил Дима, тревожно наклоняясь к лицу сестры милосердия. Та с молчаливой печалью покачала головой и посмотрела на юношу. Несколько секунд она вглядывалась в это взволнованное лицо, а потом нерешительно спросила:

— Скажите... Вы — не Зеленов? Скаут-мастор Зеленов?

Юноша удивленно выпрямился.

— Да... А откуда вы меня знаете?

Не отвечая на вопрос, девушка слабо улыбнулась.

— Ну вот, значит, еще один скаут отыскался... Вы уже пятнадцатый на Соловках. А меня не помните?

Дима всмотрелся в лицо сестры милосердия. Серые глаза смело взглянули на него. Толстые жгуты темных кос выбивались из-под форменной косынки. Было что-то странно знакомое в этом спокойном привлекательном лице.

— Я видел вас когда-то... — неуверенно ответил юноша. Но где — ей Богу, не могу вспомнить... Да и темно тут.

— А разве вы не помните похорон знамени под Кусковым?

Эти слова словно сорвали серую пелену перед памятью юноши. И он мгновенно вспомнил недавнюю картину, когда, спасая свое старое знамя от поруга-

ния, московские скауты хоронили его в запаянном ящике под старым дубом. И тогда, в тот сиявший солнцем день, в строю последнего парада со старым знаменем стояла именно эта вот девушка, которая теперь была перед ним в темном соборе страшного острова.

Но сейчас было не до воспоминаний. Дима молча крепко пожал руку девушки и опять тревожно склонился над умиравшим стариком.

К их молчаливой группе незаметно приблизилась фигура другого старика в крестьянском платье... Это был митрополит Иннокентий. Он узнал Диму, кивнул ему головой и положил руку на лоб монаха. Потом он тревожно и вопросительно взглянул на юношу и перевел глаза на сестру милосердия. Дима печально кивнул головой, и митрополит, опустившись на колени, стал молиться.

Незаметно подошел и Сенька. На его плечах еще виднелся слой снега, и голова была мокра.

— Ну как? — переводя дыхание после лазания по стенам собора, спросил он. — Выходим старикана-то?

Стоявший на коленях юноша покачал головой.

— Поздно уже... А ты вот что, Сеня. Принеси, пожалуйста, от печки две палочки... Таких вот, что ли... Веток или щепок.

Беспризорник удивленно поглядел на приятеля, но послушно нырнул в темноту. Через несколько минут он вернулся, передал ветки и, видя, что окружающие стали на колени, секунду поколебался и потом сам опустился на колени перед умиравшим.

Все слабее и слабее становились вздохи. Все слабее удары сердца. Еще и еще раз вздрогнуло тело старого монаха, пальцы рук крепче сжали связанный Димой из двух палочек крест и, наконец, все затихло.

На губах старика, раздавленного бездушной машиной красного террора, словно затеплилась мягкая улыбка прощения и вечного покоя...

***

А вверху над куполом собора все яростней и яростней гудел ветер, обрывая края красного флага. Еще и еще... Последний рывок, смутный треск, и алый огонек флага метнулся в пространство...

Злобный вихрь подхватил его и понес, сминая и кувыркая на своих струях. Потом бросил его в снег, опять, как бы издеваясь и торжествуя, выхватил его оттуда, донес до моря, перебросил с волны на волну, ударил о ледяную гору, потом залил гребнем седого сердитого вала и, наконец, смешал с обломками сверкающего звенящего льда.

Словно удовлетворив этим свою ярость, ветер стих. Скоро за пронесшимися тучами показалось высокое небо, расцвеченное яркими полосами северного сияния. В бездонной вышине, свиваясь и размыкаясь, беззвучно ходили синие, пурпурные, розовые и голубые полосы и занавесы. Оснеженные башни и крыши могучего Кремля и его соборов казались сделанными из серебра и украшенными драгоценными камнями.

Над телами мучеников Господь воздвиг величественную гробницу...

Глава IV
ЗАОЧНАЯ ПАНИХИДА

Соловецкие похороны

На следующий день погода резко переменилась. Солнце мягко сияло на бледном северном небе. Ветер стих. Небольшой пухлый снежок прикрыл грязь человеческих следов, и даже угрюмые, утомленные лица работавших на берегу как-то просветлели.

В перерыве между работой Сенька дружески хлопнул по плечу печального скаута.

— Да брось ты, Димка, слезы пущать! Ну, перекинулся старикан. Сыграл в ящик[13]. Может, и мы все там скоро будем. Ужо там поцелуешься со стариканом на том свете.

Неуклюжая шутка приятеля не развеселила Диму.

— Да я словно отца потерял, — признался он. — Около монаха этого как-то душа отогревалась. Забыть его не могу. Жалко... Хорошо еще, что он у нас на руках умер. С крестом в руках и с молитвой.

Сенька удивленно поглядел на юношу.

— Тю!.. Вот еще нашел, чем утешаться! Будто не все равно, милок, как умирать: с крестом там или без креста. Все едино, верно, здорово скушно. Хоть я до сих пор еще ни разу не помирал, но видать — видал много. Кислое это занятие!..

Дима покачал головой.

— Ах ты, Сенька, беспризорная твоя душа! Не понимаешь еще ты этого! Надо, чтобы перед смертью душа спокойной была...

Но неунывающий паренек продолжал по-своему утешать.

— Да брось ты, товарищок! Душа! Душа! А с чем ее едят, душу эту? Мало, видать, мертвяков встречал ты на своем веку. Душа... Вот стащат твоего старикана за ноги в общую яму — вот и вся недолга...

— Как «в яму»?

[13] Умер.

— И очень, милок, это у нас здесь просто. Тут с осени завсегда копают большие такие ямы, и потом зимой туда сваливают тех, которые «были, да все вышли»... Без «деревянного пальта»[14]. Просто тут, брат, все это...

Мысль о том, что тело монаха будет брошено в яму, словно наэлектризовала Диму.

Его круглое, обычно такое спокойное лицо сжалось гримасой боли и гнева. Сильные кулаки напряглись, как перед дракой.

— Неужели, чорт их побери, не могут даже похоронить по-человечьи?

— Ну, вот еще? Держи карман ширше! Сколько тут у нас на Соловках народу? Тысяч с двадцать? Ну, так, значит, за зиму, худо-мало, тысячи две-три перемрут. А если сыпнячок пожалует — то и побольше. Так что ж ты — смеешься, что ль, откентелева на этакую ораву мертвяков гробов столько напастись?.. Но чего это тебя так перевернуло?

— Ну, как же ты, Сеня, не понимаешь, как это противно и больно? Ведь словно собаку в яму голым бросят!

Беспризорник удивленно поднял брови и хотел что съязвить. Но, поглядев на расстроенное лицо приятеля, только пожал плечами.

— Ах, вот оно что тебя заело? Пожалуй, что и верно. Это, может, когда кто чужой, тогда все равно. Вот ежели бы ты к примеру скапустился, так ей-Бо, вот гадом буду, а я б тебя честь честью похоронил.

Голос Сени был серьезен и важен. Дима невольно улыбнулся.

— Спасибо хоть на этом, Сеня. А как ты думаешь, со стариканом теперь можно такое же сделать? Вроде похорон?

— Брось и думать-то! — махнул рукой беспризорник. — Теперя он поплыл прямо в яму и тут уже ничем не остановить. Если бы мы еще за Кремлем жили — может, можно бы из ямы достать. Да и то: там такая уйма мертвяков понавалена — найди там кого!.. Да и еще: где же похоронишь? Все снегом завалено. Земля промерзла. Лопат не достанешь...

Дима задумался, и губы его сжались в решительной складке.

— Ну, если так, то мы, ему по крайней мере заочную панихиду отслужим!

— Вот это лучше! — удовлетворенно отозвался Сенька, хотя толком и не понял, что такое «заочная». — Главное — это, чтобы им, гадам, не податься, а хотя и в кармане, да показать им шиш : на-ко-ся выкуси!

— Ну тебя к чорту, Сенька, — сердито оборвал его Дима. — Вечно ты что-нибудь невпопад сбалаганишь. Тут о печальном разговор, а ты дурака валяешь!

— Так что ж? — оправдывался Сеня. — Ты тут еще молодой. Ты, милок, соловецкой жизни еще, как следует, и не нюхал. А тут, милок, только балаганом и

[14] Гроба.

выжить. Если тут все этакое в душу пропускать — никаких душей не хватит: все закровянишь. Тут только дуростью да смешками выжить и можно. Без мозолей на душе пропадешь тут к чортовой матери без пересадки... Да ты не серчай, Дим: я ведь не по злобе. А пока там что — айда баланы таскать, а то гавкалы прикладом огреют. Команда давно уж была...

***

Вечером после обеда Дима расцарапал себе руку и постарался размазать кровь, как можно внушительнее. И когда вызвали больных в амбулаторию, он подошел к дежурному с жалобой на рану. Тот мельком поглядел на окровавленную руку.

— Фамилия как?

— Зеленов.

— Становись в строй.

Через полчаса Дима был в амбулатории. Там, отделившись от остальных, он остановил проходившего лекпома[15].

— Товарищ, будьте добры. Вызовите мне Старцева, санитара хирургического отделения.

Через несколько минут веселый круглолицый паренек крепко целовал его. Это был молоденький московский скаут лет 16, сорванный со школьной семьи и брошенный в Соловки на каторгу только за то, что вопреки запрещению он не перестал вести свой подпольный патруль «Тигр».

Мальчик был счастлив видеть знакомое дружеское лицо и весь сиял от радости.

— Зверски рад видеть тебя, Дим. Мы ведь после парохода так и не видались? Что это у тебя с рукой-то?

— Ни черта. Это я так — симульнул. Слушай, Ленич. Тут, говорят, кто-то из наших девчат работает сестрой милосердия. Не знаешь ли кто?

Мальчик радостно закивал головой.

— Ну, как же! Оля Букреева. С Москвы. Она там студенткой медичкой была, и тут ее тоже по специальности назначили.

— Вот и ладно. Вызови-ка ее, брат, сюда как-нибудь. Дело есть.

Мальчик вихрем умчался и скоро вернулся с Олей.

— Что это вы в крови? — заботливо спросила девушка, сердечно, как старому знакомому, пожимая руку Диме. — Поранились?

— Нет, это только, чтобы сюда вырваться. Вот что, Оля, мне знать нужно: того старика, кого вы вчера осматривали... Который при нас умер... Где он теперь?

[15] Фельдшера.

— Как это: «где»?

— Ну, куда его тело перенесли?

Девушка печально усмехнулась.

— Перенесли? У нас так не делается. Покойники хоронятся в общей могиле... Без одежды... Даже без белья... Разве вы не знали?

Дима сжал зубы, и желваки выступили у него на щеках.

— Да... мне говорили, — с трудом выдавил он, и щека его дернулась. — Но мне нужно бы знать, куда именно направлено его тело?

— Последние партии умерших хоронились в ямах за монастырским кладбищем, — ответила девушка, а потом, с внезапной тревогой спросила:

— А вам зачем, Дима, знать это? Что вы думаете делать?

Лицо юноши было сурово и решительно.

— Мы отпевание решили сделать.

Девушка невольным движением тронула Диму за рукав.

— Да, я понимаю... — тихо сказала она. — Только... Только, Дима, смотрите, будьте осторожней. Тут столько шпионов!

Дима молча пожал Оле и Лене руки и повернулся к выходу. Девушка проводила его тревожным взглядом и тяжело вздохнула. Она знала, на какой риск идет молодой скаут-мастор.

За горстью земли

— Ну, как? Узнал что? — лицо Димы было сумрачным.

— Да. Тело нашего монаха брошено в яму за монастырским кладбищем.

— Так что ж ты хочешь делать?

— А я вот ночью проберусь и возьму горсть земли оттуда. А митрополит тут тайком отслужит панихиду. Идем!

Митрополит Иннокентий уже дремал на своем месте на нарах, когда молодые люди подошли к: нему. По взволнованному решительному лицу юноши старик увидал, что дело идет о чем-то серьезном. Дима шепотом объяснил ему свой план: достать горсть земли с братской могилы, где теперь покоится тело монаха.

Митрополит минутку молчал.

— Да, я понимаю, — тихо ответил он наконец. — Вы — смелый юноша. Мне, старику, это было бы не под силу, но, как пастырь, я буду счастлив отдать последний долг покойному... Но только как вы это сделаете?

— Да пока точно еще не знаю... Может быть, можно будет днем как-нибудь отстать от партии рабочих и пробраться на кладбище. А, может быть, из кремля ночью вылезу.

Молчавший до сих пор Сеня неожиданно прервал его.

— Да брось ты трепаться[16], Димка. Ни в жисть тебе этого не сделать. Ты же тут ни черта не знаешь. Засыпешься на первом же шагу... Ты же — фраер[17].

— Ну так что ж? Может, и засыплюсь. Надо рискнуть. Что ж иначе делать-то?

— А оченно даже просто. Ты ведь — шляпа по таким делам. Я же вижу — ты тута совсем растерялся. Может, где на воле — ты и подходящий парень. А тут — балда балдой... Тебе тут такая вот нянька, как я, нужна... И пойду туда — я!

— Ты?

— Ну да. Я, милок, все, которые ни на есть, медные трубы и чортовы зубы тут прошел наскрозь. Я там пролезу, где тебе ни в жисть не пропихнуться.

— Это, конечно, верно. Но, Сеня, если ты попадешься... шутки плохие выйдут!

Беспризорник беспечно тряхнул копной волос.

— Эва! Экие подумаешь, страсти! Жуть!.. Ни хрена, милок! Бог не выдаст, Чека не съест... Может, стерва, мной подавится. Словом — заметано. Идем!

Митрополит, внимательно вглядывавшийся в грязное лицо воришки, остановил его.

— Значит, мальчик, ты поможешь нам? Не побоишься?

— Тю! Вот еще? Неужто Сенька Щербатый когда труса праздновал? Димку я здорово люблю, да и тот старикан хороший был. Если ему на том свету легче от этого будет — то и нехай...

Под седыми усами митрополита показалась ласковая улыбка, словно за грубыми словами беспризорника и его грязной внешностью он где-то там внутри разглядел что-то светлое.

— Ну, тогда иди, мальчик. Бог да поможет тебе.

Неожиданно для Сеньки старик перекрестил его и поцеловал в лоб. Несколько секунд мальчик стоял удивленный, но потом, когда Дима крепко пожал ему руку, он взволнованно воскликнул:

— Ну, ей же Богу... Гадом буду, если все не сделаю! Спасибо, батя, за крест за энтот... Верите — это в первый раз в жизни... А то все, как собака жил... А теперь сдохну, а достану земли этой. Пусть знает старик покойный, что Сенька Щербатый добра его не забыл!

В простуженном хриплом голосе беспризорника дрогнули нотки непривычного волнения.

***

Целый час носился Сенька по своим приятелям в роте и собирал пояса. Потом, когда все уснули, он с Димой через окно собора выбрались во двор Кремля.

---

[16] Бесцельно врать, хвастать.

[17] Фраер — человек, не принадлежащий к миру воров. Синоним неопытности, неприспособленности к тюремным условиям жизни.

Была тихая морозная ночь. Тяжелые тучи медленно ползли по небу, и в просветы облаков изредка проглядывала луна. Соловки спали. Не было ни огоньков, ни шума, словно великан-монастырь был мертв.

Приятели осторожно взобрались на крепостную стену и там быстро прилади-ли к одной из амбразур свою импровизированную веревку из поясов. Когда все было готово, и Сенька уже готовился спускаться, какие-то приглушенные шаги раздались около сторожевой башни, темной громадой высившейся неподалеку. Приятели быстро скользнули за выступ стены и, прижавшись к холодному камню, смотрели, как медленно внизу у стены прошел часовой с винтовкой.

Когда скрип шагов по снегу смолк в отдалении, Сенька лихорадочно сказал:

— Ну-ка, Дим. Дай пять на счастье! Пора! — Но юноша не ограничился рукопожатием. Он крепко обнял и поцеловал беспризорника. Тот неуклюже ответил тем же и схватился за веревку.

— Ну, с Богом! — тихо проговорил Дима. — Значит, как уговорились: я жду тебя здесь час...

Сенька кивнул головой и, упираясь коленями и руками в выступы громадных камней, из которых была сложена монастырская стена, ловко пополз вниз. Потом его небольшая фигурка мелькнула внизу, и снова прежняя тишина воцарилась на кремлевских стенах.

Минут через сорок сильно продрогший Дима услышал снизу тихий свист: там стоял Сеня. Дима уперся ногами в край стены и потянул веревку. Беспризорник, цепляясь за выступы камней, быстро влез наверх.

— Достал?

Сенька перевел дыхание.

— Ну, вот еще? Что за еврейский вопрос? Ясно — достал... А знаешь что, Дим? Там и тот поп, что, помнишь, намедни на балане писал — тоже рядышком валяется. С дыркой в спине. Пристрелили, значит, сволочи, не довели... Ну, пойдем. Отвязывай веревку.

Дима покачал головой.

— Рано еще!

— Как так рано? Все уже сделано. Земля вот она — в платке за пазухой.

— Но ведь после освящения ее нужно доставить обратно.

— Ах, вот оно что? Как же я, дурак, раньше не догадался? Ну, конечно же. Что ж: мы ее в соборе хранить будем, что ль? Ясно, надо обратно на могилу. Для упокоя души.

— Но второй раз я сам пойду на кладбище!

Сеня рассердился.

— Не треплись, трепло трепливое! Есть трепло трепливее тебя! Ну, тебя ко всем дьяволам, Димка! Как же ты не понимаешь, что тебя, такого бугая здорового, никакие пояса не выдержат? Да и дороги ты ни хрена не знаешь... Ладно, ни черта. Слазим еще разик. Мы, милок, тоже не пальцем деланные. Я же понимаю, что тот мин... мит... Как ты его назвал?

— Митрополит.

— Ну да... Минтрополит. Так он вдесятеро больше меня рискует. Да и ты тоже. А мне — что же? Ну, в карцер меня попрут, ну в лес. А ему, старикану, капут махен будет, ежели накроют. Да и тебе тоже. Вы же гидры контрреволюции. А я что ж — шпана! Как тут говорится: «социально близкий элемент»... Мне ни черта особого не будет! Так неужто ж я сдрефлю? Идем... А знаешь что, Димка?

— Что?

— А ей-Богу, страшно там коло ямы. Ежели б там крест был, то, может, святое место было б. А так — жуть. Вот когда со святой землей туда буду переться — легче будет. А то — бррррр! Печенки за селезенки захлестывает со страха!..

Чувство долга

Тринадцатая рота молчала. Тысячи людей, вернувшихся с работ на морозе около моря и в лесу, плотно прижавшись друг к другу, спали на нарах тяжелым сном. Только у печей в полутьме собора дремали дежурные.

Дима и Сеня тихонько спустились по стенке из разбитого окна собора и прокрались к нарам, где лежал митрополит. Потом все трое направились в самый темный уголок роты, где когда-то был алтарь. Дима достал табуретку, и там перед разложенной на платке горстью могильной земли митрополит стал служить панихиду.

Сеня с напряженным вниманием всматривался в лица владыки и Димы и, казалось, начинал понимать душевную связь, которая существовала между горстью мерзлой земли и чувствами этих людей. И вопросы Бога, души и смерти вставали перед сознанием беспризорника в ином свете.

— Во блаженном успении вечный покой... — тихо начал митрополит, опускаясь на колени, и вслед за Димой стал на колени и Сеня. — Подаждь, Господи, усопшим рабем твоим, Варсонофию и Павлу... и сотвори им... вечную память...

Голос владыки был едва слышен и в нем чувствовалось глубокое волнение. Сосредоточенное лицо Димы словно окаменело и только по углам молодого рта набежали морщины боли и горечи.

Митрополит поднялся, широким жестом благословил горсть могильной земли и положил туда небольшой деревянный крестик, сделанный из деревянных планок.

— Положите туда в могилу и крест этот, — медленно и тихо сказал он молодым людям. — И да почиют усопшие с миром...

***

Тихо скользил Сеня по уступам каменной стены. Дима с тревогой следил, как в темноте ночи все ниже спускалась ловкая фигура его друга. Еще несколько метров... И вдруг:

— Эй!.. Стой!

Резкий крик раздался где-то внизу от стены. Фигура солдата в шубе отделилась от камней. Сенька выпустил веревку и прыгнул вниз.

— Беги, Димка! — донесся снизу отчаянный вскрик, и маленькая фигурка метнулась в сторону.

— Стой! — раздалось еще раз, и морозную тишину ночи прорезал звук выстрела... Тяжелые шаги солдата прошумели внизу. Кто-то откликнулся и наверху стены, и, сорвав веревку из поясов, Дима бросился в роту. Помочь другу он больше не мог ничем.

Сенька, между тем, мчался во всю прыть, а за ним, сопя и ругаясь, бежал громадный солдат.

Если бы беспризорник не был изголодавшимся и усталым — для него было бы детской забавой удрать от солдата. Но охранник был сытым, отоспавшимся и отъевшимся в казарме. Силы были неравны.

Сердце Сеньки разрывалось от напряжения. Ноги скользили по неровностям дороги, и ветер свистел в ушах.

— Только бы добежать!.. Только бы бросить горсть этой освященной земли в могилу!.. А там — что Бог даст... Там — все равно... — Мальчику казалось, что лица погибших монаха и священника с надеждой и мольбой смотрят на него.

— Только бы добежать!..

Вот уже сломанные, срубленные кресты старого монастырского кладбища... Еще сто метров...

Тяжелые шаги солдата слышались все ближе.

— Стой, сволочь, убью!

Эта угроза не остановила мальчика. Он мчался из последних сил и чувствовал, что силы эти его оставляют... Последним страшным усилием он рванулся к открытой яме, в которой в беспорядке были набросаны полузанесенные снегом человеческие тела, бросил в нее платок с землей и рванулся в сторону под какой-то старый крест...

Тяжелая лапа солдата упала ему на плечо, но Сеня уже не чувствовал ее прикосновения. Он без сознания лежал в снегу. Последней мыслью, мелькнувшей в его голове, было торжество:

— А все таки успел!..

***

— Так что, товарищ комендант, этот вот шкет бег от стены прямо на кладбище... А апосля повернул в сторону, да я его тут и застукал.

Мрачное твердое лицо Новикова, знаменитого палача Соловков, повернулось к Сеньке.

— Ну, шпана, — резко сказал он, — сказывай, куда бег ночью?

Сенька уже пришел в себя, но лицо его после пережитого было еще бледным и взволнованным. Мысль о том, что он может выдать свою тайну, даже не приходила ему в голову.

— Да я, товарищ комендант, на свидание бег. Там меня краля одна ждать должна была.

— Брось ты арапа заправлять, — скривился комендант. — Я, брат, вас всех насквозь знаю... Кто ночью зимой коло кладбища свиданки назначает? Будя врать-то. Сказывай правду — куда бег-то?

— Да ей-Богу, же! — привычно врал Сенька. — Да разрази меня громом на этом на самом на месте, ежели я вру. Вот лопни мои глазья...

— Так что ж ты, сучья твоя душа, не знал, что там могилы есть? Ты что ж — тама вздумал целоваться с кралей со своей?

— Да я не знал, товарищ, что там мертвяки лежат...

— Что ты чушь порешь, щенок? — начал сердиться Новиков. — Говори прямо, что тебе там нужно было, а то сгною на Секирке[18].

— Да, ей-Богу же...

Тяжелая рука коменданта ударила Сеньку по уху. Измученный паренек упал на пол. Новиков сердился не на шутку. Его истрепанные водкой, кокаином и убийствами нервы уже не переносили возражений. Шрам, пересекавший его лицо, стал медленно багроветь. Старые соловчане рассказывали, что когда-то во время одного из расстрелов какой-то ловкий малый освободился от веревок и в отчаянии ударил Новикова камнем по лицу. И хотя через минуту он был мертв, но длинный шрам на лице палача остался памятью этой яростной вспышки жертвы. И когда Новиков сердился, багровая полоса наливалась кровью и темнела.

[18] Секирная гора, старинный скит на Соловках. Теперь там помещается карцер, знаменитый своим жестоким режимом.

— Опять? — угрожающе переспросил он, когда поднявшийся беспризорник продолжал упорствовать в своих показаниях. — Опять врешь? Последний раз спрашиваю: чего бегал к кладбищу? Не скажешь? А кто с тобой наверху стены был? Кто тебе помогал?

— Да, ей-Бо, товарищ комендант, никого там не было...

— Да вот же красноармеец видал. Так врать будешь, стерва?

Новые удары посыпались на мальчика. Он падал, поднимался, закрывал голову руками, но упорствовал в своих показаниях. Наконец, после одного сильного удара ослабевший Сенька потерял сознание и лежал на полу неподвижно.

— Вот сволочь! — злобно пнул ногой его тело Новиков. — Молчит! А? Давай его на Секирную, а если и там не признается — пошлем его в лес на штрафную... Пущай там баланы порубает... Сволочь!..

Глава V
ТЕ, КТО НЕ СОГНУЛИСЬ

На следующий день вечером в темноте тринадцатой роты раздался возглас :

— Колесов?.. Эй, кто тут Колесов?

Уже дремавший на своих нарах митрополит Иннокентий приподнялся.

— Тут.

— Иди сюда.

Красноармеец с винтовкой ждал его у дверей.

— Идем, товарищ поп, — сухо приказал он.

В то время, когда митрополита вели по двору, в кабинете начальника лагеря шло совещание. Комендант Новиков что-то тихо докладывал, склонившись к самому лицу грузного латыша. Последний казался заинтересованным и озабоченным. Рядом с начальником лагерей сидел толстый еврей, начальник В.П.О.[19], и с горящими от любопытства и жадности глазами глядел на Новикова.

Когда тот закончил свой доклад, начальник лагеря покачал головой в знак согласия.

— Это, Новиков, ты, брат, прав. Тут дело нечисто. Монах тот, пожалуй, и в самом деле что-то знал про клады эти. Так ты думаешь, что без митрополита этого не обошлось?

— Тут, товарищ начальник, дело темное. Наши сексоты донесли: когда монах тот помирал, коло него был митрополит этот. Вроде как на исповеди. Подслушать нель-

[19] В.П.О. — воспитательно-просветительный отдел в лагерях. Занимается «перековкой» социально-вредного элемента путем радио, газет, театра, демонстраций, митингов и прочих советских средств пропаганды.

зя было. Да и старикан-то тот верно тихо говорил — кишка тонка уже была: загибался. Но, похоже, что они про тайну эту говорили. Про что иное? Не про девочек же?

Эйхманс усмехнулся своими жестокими твердыми губами.

— Это ты гениально догадался, Новиков. Уж что верно — так что не про девочек говорили святые наши... Но как бы вскрыть это дело? А то сколько уже лет — больше пятнадцати, что ли? — нюхаем везде — и ни в какую. Как были сокровища спрятаны, так и лежат по сей день. Стыдно даже... А нам, браток, ох как бы пригодились сокровища эти. И нам лично хватило бы, — многозначительно добавил он, — и Наркомфин не внакладе был бы... А то вот, чтоб деньги достать, займы всякие выдумывают или вот еще нэпманов бывших просвечивают[20]. Это что? Копеечное дело! А нам бы вот тайну эту Соловецкую просветить бы!.. Верно, Рубинчик?

Толстый еврей провел языком по губам.

— Не вредно бы... А много там золота есть?

— Да пока никто не считал, не мерил. Однако хватило бы всем... Самый богатый монастырь был. Столько лет копил. Надо полагать, что миллиарды и миллиарды...

— А точно никто не знает?

— Нет. Известно, что с острова этого богатства увезены не были. Это-то уж мы знаем точно. А как наши заняли остров — сразу кинулись в кладовые — ан — нигде ни хрена[21].

— А обыски делали? — Эйхманс презрительно фыркнул.

— Нет, не делали!.. Тебя не спросили!.. Вот тоже чудак нашелся с такими вопросами... Конечно же, делали! И пару десятков дармоедов этих расстреляли, и все прочее, только так ни чорта и не узнали. Все молчали, сукины дети. Прощупали мы все, что можно было. Даже стены исковыряли. И ничего!.. А ведь должны же где-то быть сокровища эти. Не в море же их выбросили?

— Тут, товарищ Эйхманс, надо среди попов и монахов щупать. Только в их среде где-нибудь и можно найти хвостик тайны.

— Да вот так мы и делаем. Новиков этим теперь и занят. Он раскинул сеть своих сексотов и следит. Кажется, кое-что и наклевывается.

— Вот и я говорю, товарищ начальник. Я полагаю, что около этого монаха, который перекинулся, что-то очень сильно кладом пахнет...

В дверь постучали.

---

[20] Технический термин, обозначающий в СССР метод своеобразного грабежа тех, у кого подозревали наличие золота или валюты. После длительного заключения, сопровождавшегося различными мучениями, арестованный вынужден был отдать все, что у него было. Тюрьма и мучения словно рентгеновскими лучами «просвечивала» человека и выдавала тайны спрятанного им золота.

[21] Исторический факт.

— Да?

В кабинет вошел секретарь.

— Митрополита привели, товарищ начальник.

— Ага... Это дело. Может быть, от него какие-нибудь новости узнаем. Давай его сюда.

В рамке раскрытой двери показалась высокая фигура митрополита. Он вошел в кабинет начальника лагеря не как обреченный мученик, заключенный, преступник или приниженный человек. Его полная достоинства фигура выражала уверенность, словно он и здесь чувствовал себя пастырем и свободным.

Эйхманс привстал и кивнул вошедшему головой. В ответ на это неожиданное приветствие митрополит чуть поклонился со спокойным вежливым видом.

— Садитесь, пожалуйста, товарищ Колесов.

— Будьте добры, гражданин Эйхманс, — холодно ответил митрополит, называть меня иначе. — В противном случае я не буду вам отвечать.

— А как же прикажете вас называть?

— Как это надлежит по моему сану: владыка.

— Но ведь вы для нас — не митрополит и не владыка. Вы для нас — контрреволюционер, один из наших заключенных.

— Тогда называйте — «господин Колесов».

Латыш насмешливо усмехнулся.

— Ну, ладно. Сойдемся на «гражданин Колесов». Садитесь, гражданин Колесов.

Митрополит, не спеша, сел.

— Я вызвал вас вот по какому делу, — подчеркивая свои слова, начал начальник лагеря. — Недавно закончился ваш второй срок. Всего, значит, вы провели у нас в гостях уже шесть лет. Я получил из Москвы вчера новый проект относительно вас. Теперь от вас самих зависит ваша свобода.

— Какой же это проект? — спокойно спросил митрополит.

— В прошлый раз, вы, вероятно, помните, мы требовали от вас, чтобы вы признали советскую власть и работали с нами под общим управлением митрополита Сергия. Вошли бы в гм... гм... нашу «советскую церковь»... Ведь так сказать: «несь власти, аще не от Бога»... Так, Рубинчик, кажется, говорится? А?

Рубинчик молчаливо усмехнулся.

— Ну так вот. Теперь нам этого уже не нужно. Мы с митрополитом Сергием сами сошлись... полюбовно... Хотя, конечно, пришлось для его убеждения отправить кое-кого срочно на тот свет: «в рай», как вы, вероятно, сказали бы. Но, так или иначе — у-бе-ди-ли... Так что вы нам, как руководитель «нашей» церкви, больше не так уж и нужны. Мы и без вас с нею неплохо управляемся... Но мы

очень хотели бы, чтобы вы сообщили иностранным журналистам, как это сделал и Сергий, что в СССР нет никаких религиозных преследований. Это только и всего, что нам от вас нужно... Если вы согласны, мы предоставим в ваше распоряжение самолет, в Москве вы заявите иностранным журналистам, что вы всецело согласны с митрополитом Сергием и подтверждаете его слова... А затем мы направим вас в провинцию на свободу... Как вы отнесетесь к такому проекту?

Чекист замолчал и испытующе взглянул на владыку. Тот ответил не сразу. Выражение боли и гнева прошло по его спокойному лицу.

— Как я отнесся бы? — медленно и тихо переспросил он. — Да очень просто. Отнесся бы так же, как относился и в прошлом к подобным гнусным предложениям ГПУ. Как вы не понимаете такой простой вещи, что не всех пастырей Церкви Христовой можно купить, запугать или обмануть! Ведь все равно — Церкви этим вам не победить. Ваши преследования для Нее — не новость. Церковь переносила уже не раз свирепые удары своих врагов. Результаты — всем известны... Церковь вышла победительницей... Не мне судить митрополита Сергия. Бог ему Судья... Мы только можем молиться о ниспослании просветления и покоя его измученной совести... Но я, лично я, особенно после того, что за эти страшные шесть лет мне довелось видеть на Соловках, никаких заявлений, что в СССР нет преследований религии — я подписывать не буду.

— Значит, вы не согласны?

— Нет.

Латыш несколько секунд промолчал.

— Вы даете себе отчет, — медленно и веско произнес он, — во всей ответственности вашего заявления? Понимаете ли вы, чем для вас лично этот отказ пахнет?

— Погоди, товарищ Эйхманс, — вмешался начальник В.П.О. — Дай-ка мне потолковать с господином митрополитом.

Облизнув свои жирные толстые губы, он продолжал мягким вкрадчивым тоном, обращаясь к владыке :

— Видите ли, господин владыка. Мы все очень ценим вашу твердость в отстаивании ваших убеждений. Но позвольте вам сказать, что тут вы не правы. Вы ведь знаете, что после смерти патриарха Тихона и его заместителя митрополита Крутицкого, законным наследником главы церкви является Сергий. Он — так же как и вы — митрополит, человек глубоко образованный и умный. И поскольку он признал советскую власть и решил работать с ней в контакте — вам не следовало бы нарушать законов подчинения. Он старше вас по положению, и вы можете показать очень дурной пример непослушания для остальных иерархов. Если вы признаете иерархию и дисциплину — вы обязаны последовать примеру Сергия.

— Вы ошибаетесь, гражданин... простите, не знаю вашей фамилии.

— Рубинчик.

— Гражданин Рубинчик, — холодно повторил митрополит. — Вы ошибаетесь, полагая, что я буду огорчен, если духовенство последует моему примеру. Есть области, где командует только совесть, и никакие законы иерархии недействительны. Пример погибшего в ссылке митрополита Петра — местоблюстителя патриаршего престола — для нас не урок, а светлый образец подвига...

— Позвольте, господин владыка, — прервал его еврей. — Пфе!.. Ведь от вас и не требуют ничего особенного. Только повторить иностранным журналистам то, что уже сказал Сергий. Ваше имя известно за границей, и это ваше заявление произведет впечатление на... на массы.

— Я не возьму на свою душу греха лжи перед всем миром.

— Ну, какой там грех? — презрительно сощурился еврей, махнув рукой. — Иностранцам ведь — все равно. Им бы только торговать, да зарабатывать. Что ж вы думаете, они, например, не знают, какие бревна они покупают у нас? Что ж, по-вашему, они не знают, кто рубит эти бревна? Эх, господин владыка! Не надо бы быть наивняком. Иностранцы — ведь они даже и с каннибалами торговать будут. Продырявленные черепа расстрелянных для подсвечников покупать будут... Стоит ли из-за такого пустяка губить себя? Вы уже стары. Мы дадим вам большую денежную награду, полную материальную обеспеченность, мягкую постель, сытый стол, небольшой приход. Будете там служить, как в старину... Эх, господин митрополит!.. Бросьте биться лбом в каменную стену. Мы, ну, ей-Богу же, вам добра желаем (на сухом лице Эйхманса мелькнула одобрительная усмешка). Скажите только слово — и через несколько часов вы будете в самолете. И все испытания сразу прекратятся. Вы будете свободны, среди вашей паствы... Согласитесь!

Митрополит молча покачал головой.

— Тогда можно и потверже поговорить, — вмешался Новиков. — Если товарищ владыка себя спасать не хочет, то, может быть, он все-таки пожалеет своих попов? Их тут, попов-то евонных, у нас на острове больше тыщи. А что, ежели вы своим отказом их головами порискуете? Это ведь тоже может быть! Правда, товарищ начальник?

Эйхманс кивнул головой и сухо усмехнулся.

— Вот и товарищ начальник подтверждает. Это что — самому одному пойти под расстрел? Это кажный упрямый дурак может. Ерунда! А вот ежели вы, товарищ владыка, за собой тыщу ваших попов потянете? А? Как тогда? Если мы перед вами, понимаете, перед вами, кажный Божий день по паре попов будем расстреливать для вашего у-беж-де-ни-я... Неужто вы тоже будете упрямиться? А ежели и пару детишек при-

хватим в общую кучу? А? Как тогда? И так кажный день, понимаете, кажный день... перед глазами... Тогда как? Долго упорствовать будете, товарищ владыка?

Лицо Новикова выражало торжество. Его лицо с покрасневшим рубцом хищно наклонилось вперед, и он считал, что такой удар неотразим. Все с любопытством смотрели на бледное лицо митрополита.

— Да, я знаю, — с трудом ответил тот, опуская голову. Бледные его пальцы, потонувшие в прядях седоватой бороды, дрожали. На высоком лбе медленно налились вены. Грудь несколько раз судорожно вздохнула, и он не сразу продолжал:

— Я знаю... вы можете и детей передо мной пытать... Это вы можете... Но заставить сдаться нас, пастырей церкви Христовой, вам не удастся... Кровь мучеников падет на ваши головы, но зова Бога в душе русского народа вы не заглушите.

— Значит, вы все-таки не согласны? — резко спросил Эйхманс.

Митрополит поднял голову. Лицо его было взволнованным и бледным.

— Нет.

— И вы понимаете, что вы делаете?

— Понимаю.

Чекисты переглянулись.

— Ну, что ж, — усмехнулся Эйхманс. — Тогда нечего делать. Прочтите эту вот бумажку. Срок вашего пребывания в Соловках продлевается еще на два года. Распишитесь, что это вам объявлено.

Митрополит молча подписался.

— Это все?

— Нет, гражданин Колесов. У нас к вам есть еще кое-какие вопросы. Если вы чистосердечно ответите на них, ваше положение, хотя бы здесь, резко изменится к лучшему... Недавно вы присутствовали в тринадцатой роте при смерти старого соловецкого монаха. Скажите, пожалуйста, не передавал ли он вам чего нибудь о тайне соловецких кладов?

— Нет.

— Таааааак. Значит, не передавал? А вы исповедывали его?

— Нет. К сожалению, он уже был без памяти.

— А не заметили ли вы, не говорил ли он перед смертью с кем-нибудь?

Митрополит вспомнил, как низко склонялась голова Димы Зеленова к лицу старого монаха, но твердо ответил:

— Это меня не касалось.

— Таааак, — снова протянул Эйхманс. — Не касалось, значит?.. А вот еще один вопрос. Вчера ночью вы что-то там делали в углу собора. И с вами были еще какие-то двое. Что именно вы там делали и кто были те двое?

— Мы молились, — просто ответил митрополит. — Тех, кто были со мной, привело к молитве стремление их души. И я не могу назвать вам их имен.

— Таааак. Ну, что ж?.. Мы, собственно, и должны были ждать от вас таких ответов. Характер ваш нам достаточно известен. Задать вам первые вопросы — было требование Москвы. И мы хотели, так сказать, успокоить свою коммунистическую совесть. Формальная сторона кончена. И поскольку вы отказались от ответов и предложений, мы, к нашему великому и глубочайшему сожалению, считаем себя вынужденными применить к вам известные репрессии. Как вы к этому отнесетесь?

Митрополит молчал.

— Ну-с, будем считать, — прервал молчание Эйхманс, — как в доброе старое время, когда, как это говорилось, «кремлевские колокола гудели над святой матушкой Москвой», что молчание — знак согласия. Верно, Новиков?

Мрачное лицо Новикова осклабилось. Его грубый ум оценил ядовитую вежливость и шутку начальника, как самое утонченное издевательство.

— Правильно, товарищ начальник. Я так полагаю даже, что товарищ митрополит будет вполне подходящим ударником-лесорубом...

Чекисты разразились грубым смехом. Митрополит молча поднялся и направился к дверям. Эйхманс позвонил, и владыка в дверях столкнулся с секретарем.

— На Секирку этого, — коротко приказал начальник лагеря. — А через месяц — в лес на штрафной пункт.

Когда молчаливая прямая фигура митрополита скрылась в дверях, Эйхманс обратился к своим товарищам.

— А? Каков гусь? Не сдается ни в какую...

— А скажите, товарищ Эйхманс, — спросил Рубинчик. — Нет ли у митрополита этого на воле семьи?

— Ах, вот ты куда загнул? Его собственных детишек попытать? Я знаю: дай вам с Новиковым эту семью — вы бы перед его глазами все жилы бы им вытянули... Такой марки никто не выдержит... Да вот то-то и беда, что он один, как бобыль. Не ущучишь его семьей.

— А если б, товарищ начальник, — вмешался Новиков, — действительно парочку попов перед ним расстрелять? Может, он бы пе-ре-ду-мал бы?..

— Нет, Новиков. Плохо ты, братишка, людей знаешь. Это не таковский парень. Его и самого пытать можно, а ни черта не добьешься. Чем больше около него крови пролить — тем он тверже будет... Ну, пока чорт с ним, с митрополитом. Жаль вот, что он нам насчет клада ничего не сказал нового. Но ты, Новиков, не оставляй все-таки дела этого с кладом-то. Нажми на все кнопки. Нюхай везде.

Если надо — расстреляй парочку каких там нибудь, но, конечно, не тех, на кого подозрение падает. С дохлых-то толку мало. А я тебя, живодера, знаю. Тебе пулю в затылок ввинтить — первое удовольствие! На славу революции!.. Ха, ха, ха...

Да, вот кстати, чуть было не забыл. Насчет флага на соборе надо расстараться. А то скандал — над Соловками красного флага нет, словно большевики тут сдались... Позаботься, Новиков! Обещай что-нибудь тому, кто полезет. Не жалей обещаний!.. Потом увидим...

— Есть, товарищ начальник. А как с долгогривым-то?

— С митрополитом? У меня распоряжение из Москвы: если он не согласится — цацкаться больше не надо.

Рука латыша сделала в воздухе знак креста.

— Аминь ему, значит, устроить, товарищ начальник? — переспросил Новиков. — Тихий расстрел?

Чекист молча кивнул головой.

Глава VI
ЧЕЛОВЕК, ОСЕДЛАВШИЙ СОЛОВКИ

Выручим!

Протяжный гудок старой монастырской электростанции дал сигнал к концу работы. Партия рабочих, среди которых был и Дима, устало поплелась под конвоем солдат от берега в Кремль. Под сводами ворот группа, как всегда, была остановлена для пересчета.

Дима стоял в заднем ряду, сгорбившись, ежась от порывов холодного ветра, с ноющими от усталости мускулами, и мечтал о часе отдыха и миске горячего супа с хлебом, которые ждали его в тринадцатой роте. Он чувствовал себя забытым и одиноким. После исчезновения Сеньки и митрополита Иннокентия он был один среди чужих и стал как-то тупеть. День за днем работал он на берегу, почти ничего не думая, и вечером засыпал тяжелым сном вконец измученного человека. Ему уже казалось, что свобода, сытость, кровать, книги, друзья — все это было несколько веков тому назад, стало какой-то сказкой, а мрачное настоящее — это что-то неизменное, что останется до конца его жизни.

— Эй, Димка! Как дела? — прервал его невеселые мысли чей-то молодой голос. — Чего это ты так нос повесил?

Юноша встрепенулся и оглянулся. Розовое лицо Лёни дружелюбно улыбалось ему в тени стены.

— В самом деле? А, Дим? — участливо спросил мальчик, видя унылое лицо своего старого скаут-мастора. — Так трудно, что ли?

— Трудновато, Лёнич, — вздохнул юноша. — Попались мы в переделку...

— Ну, ничего, Дим. Это тебе пока что просто не везет, что ты удрать не можешь с общих работ. Потом, Бог даст, устроишься по специальности — строить что-либо будешь. Я вот еще поговорю с доктором Яхонтовым. У него блат[22] есть — может, он тебе поможет. Тут у нас, сам знаешь, без взаимной помощи не обойтись. Все друг другу блат делаем.

— Поговори, Лёнич. А то часто совсем невмоготу бывает!

— Ладно, я постараюсь. А насчет Оли Букреевой слыхал?

Сердце Димы как то странно дрогнуло, и он внезапно понял, чего и кого ему не хватало в эти дни. Еще так недавно Оля часто встречала его в воротах кремля и ободряюще улыбалась ему издали. А в последние дни девушки не было, и из жизни Димы исчезли даже эти блестки дружбы и сердечности. Звериная жизнь окружала его со всех сторон, и в ней нигде не оставалось ничего светлого.

— Нет, не знаю... — ответил он. — А что с ней?

— Да вот свалилась от цынги.

— И... — голос юноши дрогнул. — И... опасно?

— А чорт его знает, что здесь опасно, что не опасно! Беда то в том, что ни ухода, ни питания толкового нет. Ви-та-ми-нов бы ей, — важно добавил мальчик. — А то иначе, пожалуй, и не встанет!

***

Тяжело было на сердце у Димы в этот вечер. После обеда, который являлся в то же время и ужином, и после поверки, он лег на свое место на нарах и задумался. И опять и опять в его памяти вставал образ Оли. И с необычной четкостью вспомнилось все: и мягкий овал лица, и ясные серые глаза, и густые решительные брови, и тонкие подвижные ноздри, и крутой изгиб капризного рта, и темные змеи волос, обвивавшие голову, и вся небольшая стройная фигура этой девушки, ставшей уже больше, чем другом.

И юноша видел ее лежащей на больничной койке, бледной, умирающей, и чувствовал, что его сердце сжималось еще никогда не испытанной болью.

Поздно ночью в толстую чугунную дверь собора раздался тихий стук. Часовой, стоявший извне, встрепенулся.

— Кого там черти носят? — сердито воскликнул он. — Чего надо?

[22] «Блат» — взаимная поддержка заключенными друг друга, обычно в обход всяких законов. «Закон блата» существует везде в СССР.

— Дело есть к вам, товарищ красноармеец, — тихо ответил голос из собора.

— Какое еще там такое дело? — огрызнулся солдат.

— Да вы откройте щелочку. Я купить кое-что хочу!

В приоткрытую дверь выглянуло недоверчивое лицо часового.

— Что ты там дурака валяешь? Чего там купить-то?

Под слабым светом электрической лампочки на протянутой руке Димы блеснул кусочек золота.

— Вот, товарищ, хочу купить у вас пару луковиц или чесноку. У вас в полку все это есть... Против цынги надо. А за это я золотом заплачу...

На лице солдата промелькнул след борьбы жадности с недоверием. Потом, очевидно, жадность победила.

— Ладно! Чорт с тобой! Давай!

— Как же так — «давай»? Вы принесите сперва луку, а потом я вам заплачу.

— Ладно, — сдался солдат. — А золото-то не фальшивое? Да это, видать, коронка с зуба, что ль? Откуда взял?

Вместо ответа Дима раскрыл рот и показал ранку в десне, откуда еще сочилась кровь.

***

В приемной лазарета Леня шопотом давал указания переодетому санитаром Диме.

— Катись, значит, так: второй этаж, первый корридор налево, третья палата. Если кто спросит — скажи: грелку несу. Новый санитар. Вот тебе она... А в палате Оля на койке у самого окна; сам, небось, найдешь... Ну, счастливо...

На соломенном тюфяке без простынь, прикрытая тонким лазаретным одеялом, с уже опухшими ногами и кровоточащими деснами, лежала Оля. В скаутские времена она вела санитарный патруль, а потом была студенткой медицинского факультета. И она знала, что в условиях полярного климата, в лагере, без достаточного питания и свежих овощей — ей уже не встать...

Кое-кто из заключенных еще с осени, когда была почтовая связь с материком, сумел получить в посылке с «воли» хоть немного лука или чеснока. Но Оля была сирота. Друзья были тоже арестованы или высланы. Просить же помощи у товарищей по университету было очень опасно: за связь с «контрреволюционером» каждый студент рисковал быть сейчас же исключенным из ВУЗ'а. Помощи с «воли» нельзя было ждать никакой...

А здесь в лагерном лазарете не было ни масла, ни молока, ни овощей, ни ягод. Гнилая треска и каша... И с каждым днем таяли силы, с каждым днем становилось все больнее при мысли, что молодая жизнь может замереть так вот — обидно,

на заре юности, в бедном лазарете Соловецкого лагеря, без единого родного лица кругом, без ласки и участия... И больное воображение девушки уже видело свое обнаженное тело брошенным в общую яму и полузасыпанным холодным снегом...

Чьи-то шаги вывели ее из задумчивости, и к ней склонилось лицо какого-то нового санитара. Она вгляделась в это лицо и радостно вспыхнула.

— Вы!? Дима?..

Слабая похудевшая рука сердечно ответила на пожатие, и несколько секунд молодые люди молча взволнованно глядели в глаза друг другу, не находя даже слов для начала разговора.

— Я вот вам, Оля, немного лука достал, — смущенно начал, наконец, Дима. — Поправляйтесь поскорее!

Он вынул из кармана три луковицы. Глаза девушки радостно блеснули. Эти луковицы были не только надеждой на спасение, шансами на жизнь, но и знаком внимания, дружбы и любви.

— Спасибо, спасибо, Дима! — тихо сказала больная. — Спасибо, родной, что не забыли меня...

Дима взял в свои сильные огрубевшие руки тоненькую, руку девушки и с болью всмотрелся в ее бледное лицо, впавшие глаза и осунувшиеся щеки. Ему внезапно стало бесконечно жаль эту одинокую девочку, заброшенную на остров, где царил произвол и неоткуда было ждать защиты, где каждый чекист смотрел за женщину, как на свою законную добычу. Как тяжело приходилось ей, вероятно, бороться за свое достоинство! Бороться всегда одной против жадных рук... Как должно было оледенеть и ожесточиться ее сердце!

И Диме захотелось ласково протянуть свои большие руки к ее груди, вынуть оттуда это маленькое сердечко, приблизить осторожно и бережно свои ладони ко рту, и нежным, теплым дыханием согреть его, как полузамерзшую маленькую птичку...

Ему хотелось сказать Оле много задушевных ласковых слов, но эти кипевшие на сердце слова не шли с языка. Дима успел только пробормотать несколько несвязных ободрений, и появившийся Леня увел его обратно: готовился какой то обход больных.

— Не унывайте, Оля. Выручим! — сказал он на прощанье, и сияющие радостью глаза девушки ответили ему нежным и благодарным взглядом...

Борьба за жизнь друга

На следующий день, когда Дима возвращался с работы, у ворот Кремля его ждал Леня. Вид у него был какой-то растерянный, и круглое мальчишеское лицо его на этот раз было бледно и встревожено.

— Паршивое дело, Дим, — сказал он, вытащив юношу за рукав из толпы. — Знаешь, ночью у Оли из-под подушки вытащили твои луковицы...

— Как так?

— Видно, ночью у нее обморок был или что... Может быть, ты не поостерегся, когда ей отдавал. Кто-нибудь видел, а потом и спер... Плакала она целое утро...

— Вот сволочи... А кто, неизвестно?

Мальчик покачал головой.

— Разве узнаешь? Ты ведь понимаешь — тут головка лука — на вес золота. Каждому нужно. Украли, чтобы свою жизнь спасти. Какое кому дело до Оли?..

Острое чувство досады и жалости охватило Диму. С таким трудом были добыты эти луковицы, последнее спасение, и вот...

— А что: ей — хуже?

— Сам ведь знаешь, — при цинге бодрость — первое дело. Я уже говорил сегодня с доктором. Так он ответил, что теперь ни за что не ручается... Эта неудача очень уж Олю потрясла...

— Вот чертовщина!.. Что ж бы такое сделать?

— Не знаю... Надо бы во что бы то ни стало что-нибудь против цынги достать... Боже мой! Неужели из-за такого пустяка нашу Олю хоронить придется?..

На глазах мальчика стояли слезы.

***

Ночью Дима тщетно ворочался на своих нарах, пытаясь уснуть. Мысли все возвращались к одинокой девушке, лежащей в лазарете под угрозой смерти, и он все яснее чувствовал, как она близка и дорога ему.

Юноша лежал на спине на досках, прикрывшись своим пальто, под которым так недавно умер монах, пристально смотрел в глубину купола, и в его памяти вставали картины прошлого.

Вот последний скаутский парад около Москвы. Высокое ясное небо, зеленая полянка в лесу и громадный корявый замшелый дуб. Шеренга грустных скаутов, выстроившихся против своего старого знамени. Шелест ветра в ветвях деревьев и шелест шелка разворачиваемого знамени. Последняя присяга перед изображением Св. Георгия Победоносца... Потом — прощание... И тоненькая девушка, с задумчиво печальным лицом, дрожащими руками зашивает в клеенку полотнище знамени... Лучше самим похоронить старого друга, чем дать возможность комсомольцам подметать им заплеванный пол или положить освященное знамя около порога для вытирания грязных ног.

Потом другая картина всплыла в памяти. Здесь же, недавно, у тела умиравшего монаха... Как больно было чувствовать себя таким беспомощным, таким

придавленным около этих грязных нар, где умирал единственный близкий ему здесь на Соловках человек... Оля почувствовала тяжесть на его душе. Она взяла его тогда за руку, и это движение и ее присутствие облегчило его горе.

Потом ее стройная фигура вырисовалась на фоне могучих стен старого Кремля, когда часто вечером она встречала возвращавшихся с берега рабочих и приветствовала Диму своей жизнерадостной улыбкой и веселым движением поднятой руки... И тогда усталость как-то слетала с тела юноши, и его сердце наполнялось бодростью и верой в лучшее будущее... Чувство давящего одиночества заменялось чем-то светлым и греющим сердце.

И вот, два дня тому назад... Бледное лицо лежащей на лазаретной койке Оли... Тоска и отчаяние в глазах... Улыбка. Да, конечно: «Скаут улыбается, когда больно, и насвистывает, когда тяжело»! Но как жалка была она, улыбка милой девушки!.. С каким трудом удержал тогда Дима судорогу рыдания, готового вырваться из его груди! Как много сил потребовалось от него, чтобы естественным тоном произнести слова бодрого привета и вызвать настоящую улыбку на милые губы!..

И вот теперь... Последние шансы на спасение, кажется, уже потеряны. То, что Оле нужно — простые свежие овощи, есть только в чекистском полку, охраняющем Соловки. Но как достать эти драгоценные овощи? Он вот только что купил три луковицы на вырванный зуб с золотой коронкой. Но на что купить еще? На это старое пальто? Кому же оно нужно? Да и необходимые продукты есть только в полку... Украсть оттуда?

Украсть? Боже мой! Для спасения Оли он готов был на любую кражу у своих тюремщиков. Но откуда? Как выйти из Кремля и найти неизвестный ему склад полка?.. А помощь нужна срочно! Еще несколько дней и будет уже поздно!..

Несмотря на всю свою усталость, юноша не мог уснуть. Широко открытыми глазами он смотрел вверх в темноту купола, и мысль его лихорадочно искала выхода.

Дима не знал, спит он или бодрствует. Но как-то незаметно и внезапно из-за темной кучки лежавших сбоку людей протянулась вверх дрожащая старческая рука, и около своего уха он услышал тихий шепот монаха:

— Там высоко, сокровище наше...

Боже мой! Вот выход!.. Если старик не бредил, где-то там вверху, выше купола этого громадного собора, там, где в небо вздымается остроконечный шпиль, там лежит какая-то часть сокровищ монастыря... И от кусочка лежащего там золота зависит жизнь любимой девушки...

— А можешь ли ты взять этот кусочек золота? — спросил у Димы голос его совести. Но в душе юноши было только горячее желание спасти жизнь человеку,

без вины умирающему в тюремном лазарете. Это желание было чистым и шло из глубины любящего сердца. И голос совести замолк.

Волна радости залила сердце Димы. Решение было принято...

— Завтра! — мелькнула в его сознании последняя мысль, и он крепко заснул.

***

— Что, дрейфишь?

— Пошел к всем чертям! А сам-то что?

— Ну, вот еще? Шкура у меня казенная, что ль? Оттеда шмякнешься, не только кишек не сосчитаешь, а почитай и хоронить-то нечего будет. Разве что ложками кой-что соберут!..

Два разговаривавших беспризорника, как по уговору, оглянулись на Кремль.

— Ишь, вонзилась, стерва, под облаки! Тоже выдумали — наверх лезть. В Соловках дураков по штату нету!..

Дима, во время перерыва сидевший с беспризорниками на бревнах, повернулся к разговаривавшим.

— О чем это вы, ребята? Куда лезть-то собираетесь?

Старший беспризорник, худой с длинным испитым лицом, презрительно сплюнул.

— Никуда не собираемся, — коротко ответил он. — А вот дураков все-таки ищут.

— Для чего?

— Али ты не читал объявления насчет флага-то?

— Нет.

— Ну, вот, а еще грамотный. Эх ты, профессор кислых щей! Да там возле Кремля еще со вчера объявление висит: тому, кто флаг на шпиле снова повесит — полсрока обещали скинуть.

— Флаг энтот, — добавил другой, — давеча буря сорвала.

У Димы замерло дыхание. Вот — случай быть у купола!.. Прямо судьба!.. Он с трудом подавил свое волнение и спросил:

— А разве никто не соглашается? Ведь полсрока!

Беспризорник негодующе пожал плечами и усмехнулся.

— Умная у тебя голова, товарищок, только, видать, дураку досталась! Чего ж на верную смерть идти то? По морозу то и ветру живым манером в сосульку обратишься и оттеда загремишь — лучше не надо... Полсрока, — фыркнул он. — Да тут и за мильон рублей никто не полезет. Своя шкура дороже!

Дима передернул плечами. Его голубые глаза оживились, и белокурый чуб словно бодрее поднялся на всколокоченной голове. Сеня правильно подметил,

что в лагере юноша был как бы придавленным новыми необычными условиями жизни. Но теперь перед ним было простое, хотя и безмерно опасное и трудное, задание. Здесь нужна была только смелость и счастье. А Дима был человеком действия, а не размышления...

— Ну, а я вот, ребята, полезу!

Физиономии беспризорников выразили крайнее изумление. Старший из них нерешительно переспросил :

— Полезешь? Ты?

— Я!

— Ты?

— Я!

— Брось трепаться! Неужто в самделе полезешь?

— Да.

***

Суровое лицо начальника лагеря довольно улыбалось. Он развалился в кожаном кресле и с интересом оглядывал стоявшего перед ним Диму.

— Ну что ж... Давайте. Смелый вы паренек, как я погляжу. Удастся вам — полсрока скинем. Кстати, по какой вы статье?

— 58, 4.

— Ого! — брови латыша поднялись. — Так сказать — «гидра контрреволюции»?

— По бумаге выходит так.

— Ах, «по бумаге»? — иронически протянул латыш. — Угнетенная невинность, подумаешь! А на деле за что?

— Скаут.

— Ах, вот что? Знаю, знаю... Боженька, Россия — матушка и любовь к ближним... Так, так... Это нам не ко двору теперь. У нас — коммунизм, мировая революция и ненависть к классовому врагу. Чуть наоборот. А?

— Потому-то я и здесь, — коротко ответил Дима.

— Ну, ладно, ладно. Не будем дискуссировать. Полезайте. Пусть вас там на шпиле Георгий Победоносец своим копьем поддержит, в случае чего... Ха, ха, ха... Он ведь, кажись, у скаутов главный патрон?

Дима не ответил.

— Ну, ну. А что вам нужно для вашего горного спорта?

— Веревки, блоки, костыли, шпагат, молоток... — перечислял Дима.

— Все это возьмете у завхоза... Скажите, что я приказал.

— Еще одно, — замялся Дима.

— Ну, выпаливайте... Чего там?

— Нельзя ли мне, товарищ Эйхманс, поесть, как следует, перед влезаньем? А то я боюсь, в критический момент сил может не хватить.

Чекист рассмеялся.

— Ладно, ладно, я звякну в полк. Для такого случая вас покормят, что надо. Так сказать, для прославления революционного флага... Будем надеяться, что от лишней тяжести обеда собор не обвалится... Ха, ха! Ну, полезайте... Люблю я смелых. А то, может быть, подождали бы дня два — морозы спали бы?

Дима вспомнил бледное лицо больной Оли и решительно покачал головой.

— Ладно — дело ваше. Я сам выйду, посмотрю... Зрелище будет занятное. Кстати, если там что — вы не беспокойтесь: похороны — за наш счет...

Сытые щеки латыша колебались от смеха.

Под куполом собора

Несмотря на яркость солнечного дня, внутри собора было темно. Обернув свое тело под платьем «для тепла» старыми газетами, Дима смело полез вверх к куполу по старой узкой винтовой лестнице. Через несколько минут он был у основания купола, откуда в виде высокого чердака наклонно поднимались стены соборного шпиля. Далеко вверху сквозь переплет балок виднелись три маленьких окошка, а еще дальше шел узкий деревянный шпиль, когда-то увенчанный крестом.

Закидывая веревки за поперечные балки, Дима медленно поднимался вверх. Несмотря на большую физическую слабость после года пребывания в тюрьме и лагере, привычные приемы гимнаста выручали его. Тщательно ощупывая каждую запыленную изъеденную временем балку, Дима перебрасывал веревки все выше, подтягивался на руках, лез по веревке, цеплялся за уступы каменной стены и настойчиво подвигался кверху.

Каменные стены шпиля сдвигались все ближе и ближе. Наконец, в узкое боковое оконце сверкнул кусочек синего неба... Сердце Димы забилось еще сильнее. Неужели старик монах не бредил? Неужели вот здесь, в несколько метрах выше, у того вот окна лежат сокровища монастыря?..

Юноша влез на последнюю балку, вытер пот и осмотрелся. Каменная стена кончилась. Вниз уходил переплетенный серыми балками пролет, казавшийся темной жуткой пропастью. Вверх шел узкий деревянный шпиль, чуть поскрипывавший под напором свежего ветра.

— Боже мой! Неужели в самом деле здесь?.. Тот вот камень, про который говорил умиравший монах?

Дрожащими руками Дима отсчитал нужное количество камней и надавил рукой. Большая серая плита скрипнула и повернулась на оси, открыв какое-то отверстие.

Сердце юноши билось, как молот, а лоб опять покрылся испариной. Он просунул руку в темное отверстие и нащупал там с краю какую-то книгу. Огонек спички осветил что-то вроде небольшого внутристенного шкафа, в котором лежала большая книга в кожаном переплете с золотыми застежками. На книге лежал черный камень, похожий на какой-то клин. Это, очевидно, и было изголовье Святителя Филиппа, на котором он спал 70 лет. За книгой и камнем виднелись несколько небольших кожаных мешков.

Тайна, значит, была! Клад был не сказкой, не бредом умиравшего, а действительностью!..

Дима был до такой степени загипнотизирован видом тайника, книги, камня и мешков, что только обжегшая пальцы спичка привела его в себя.

Он сел на балку и прислонился к стене, охваченный сонливой слабостью. Ему казалось, что он спит, и что все это: и арест, и этап, и Соловки, и старик монах, и Оля, и флаг, и клад — все это только детали какого-то сказочного сна. И что вот, вот, как это бывает и в снах — что-то оборвется, и вместо захватывающей яркой сказки, он очнется у себя в постели...

Но порыв ветра бросил ему через окно в лицо горсть снежной пыли, и юноша очнулся. Опасности и тревоги настоящего опять стали перед ним со всей своей неотвратимостью. Нет, — увы — это был не сон!..

Дима вздохнул и перекрестился. Мысли его снова вернулись к реальности.

«На камне том... указания»... вспомнил он предсмертные слова монаха. Не без труда вынул он из тайника тяжелый камень. На нижней его стороне были выбиты какие-то странные буквы, вероятно, староцерковной азбуки. И, кроме того, сбоку от этих букв виднелся какой-то полурисунок, получертеж, похожий на ветку со сломанными концами.

Юноша не мог понять значения ни букв, ни рисунка. Но какой-то смысл, очевидно, в них был, ибо слова старика были правдой. Сейчас разгадывать этот ребус было невозможно. Надо было просто запомнить все это. Но как это сделать? У Димы не было с собой ни карандаша, ни бумаги. Не долго думая, он засучил рукав и острием перочинного ножа стал выцарапывать значки и рисунок на коже руки. Когда он, сжав зубы, копировал все надписи, из нескольких царапин полились тонкие струйки крови. Но это не остановило скаута. Закончив «запись» букв и рисунка, он перевязал руку носовым платком, положил камень на место и еще раз перекрестился.

— Господи, прости меня! — прошептал он и опять засунул руку в тайник. В темноте он не сразу нащупал первый кожаный мешок. Развязав полуистлевший ремешок, Дима просунул руку внутрь и ощутил холод металла. Там были какие-то монеты. Захватив целую горсть, юноша поднес их к свету. Это было золото!

Пока горсти было довольно. Дима высыпал дрожащей рукой золотые монеты в карман гимнастерки, тщательно задвинул камень тайника и с облегченным сердцем выглянул из окна.

Освещенная спускающимся солнцем, перед ним расстилалась необыкновенная картина. Далеко внизу виднелись купола других соборов, крыши домов, длинные линии и узлы кремлевских стен и башен... Темные пятна лесов шли на север неровными горбами. А к югу на несколько километров простиралась белоснежная полоса замерзшего у берега моря, а там еще дальше чернели полосы воды с вкрапленными в нее, как бриллианты, сверкающими иглами ледяных гор...

Но Диме было не до красоты этой картины. Он осмотрел свое снаряжение, привязал петлей молоток к руке, передвинул наперед сумку с костылями, еще раз перекрестился и высунулся из окна.

Сейчас же над окном поднимался деревянный шпиль собора, покрытый трещинами и пятнами. Выше на самом острие, виднелся сломанный бурей флагшток.

Юноша вбил между камнями стены первый костыль и вылез из окна. Держась за его край, он вбил второй, потом третий костыль и медленно стал подниматься выше, пользуясь ими, как опорой для рук и ног. Ветер леденил его лицо, рвал платье и злобно гудел вокруг, словно стараясь сбросить жалкого пигмея, осмелившегося нарушить его монопольные права двигаться над Соловками. Но Дима не обращал внимания на ярость ветра и работал весело и быстро. Сытный красноармейский обед, и сознание того, что клад оказался не сказкой и что в грудном кармане лежит спасение Олиной жизни — окрыляли его и поддерживали силы.

Юноша не глядел вниз, боясь, что при его слабости у него может закружиться голова. Вбивая костыли все выше, он прежде всего цеплял за них веревку, прикрепленную к поясу (чтобы не погибнуть от простого секундного обморока), подтягивался вперед и таким образом добрался, наконец, до основания сломанного флагштока.

Там он привязал себя к верхушке шпиля и только тогда посмотрел вниз и махнул рукой.

Толпа людей, казавшаяся сверху кучкой муравьев, ответила ему едва слышным «ура».

Дима вытащил из сумки сверток крепкой бечевы с грузом и стал спускать его вниз. Через несколько минут оттуда махнули флагом, и юноша стал осторожно втаскивать этот шпагат вверх. Медленно и плавно, стоя на вздрагивавших под

ногами костылях, под жестокими ударами леденящего ветра, чувствуя за спиной покачивание шпиля собора, Дима втащил, наконец, наверх конец крепкой веревки. Пропустив ее через привязанный к шпилю блок, он опустил ее обратно. Проверив все, Дима сигнализировал по семафору:

— «Тащи»!

И тогда снизу пополз наверх новый флагшток с уже готовым флагом.

Прошло еще полчаса напряженной работы, и флагшток, закрепленный скобами, проволокой и пластинками, опять возвышался над Кремлем.

Когда, наконец, все было готово, Дима разрезал веревки, сильный ветер развернул алое полотнище флага и бурно заиграл им в воздухе. Снизу ответили хором приветственных кликов.

Стоявший в углу двора с группой чекистов начальник лагеря довольно улыбался.

— Вот стервец!.. Установил-таки! А как он вниз слезет? Старым путем?

— Да по той же веревке его и спустят, товарищ начальник, — объяснил Леня, переводивший семафор Димы на «человеческий язык». — Все предусмотрено.

— Вот это здорово! Как по нотам... А что это он там руками машет?

— Пишите, товарищ красноармеец, — распорядился Леня, отмахнул: «принимаю» и стал диктовать по буквам:

«Г-о-т-о-в-о... Когда махну рукой, начинайте спускать. Скажи Оле — спасена».

— Что, что такое? Какой Оле?

Леня, и сам не менее его удивленный, не нашелся, что ответить.

— Это я, верно, сам ошибся... Ну, майна помалу...

Несколько рабочих стали понемногу отпускать веревку, и тело Димы поползло вниз. Впившись пальцами в узел и заплетя ноги в петле, закоченевший юноша медленно скользил по скату шпиля, отталкиваясь ногами от его изъеденной бурями поверхности... Вот кончился деревянный шпиль. Ушло вверх первое окно... Все ниже...

Вот, наконец, и вертикальная стена собора. Кончился упор. Тело повисло и медленно закрутилось в воздухе.

«Лишь бы только веревка не перетерлась или не лопнула», мелькнула мысль в голове юноши, и сознание его начало путаться. Испытания последних дней и часов оказались слишком сильными для утомленных нервов. Дима не слышал приветственных криков и шума собравшейся толпы. Руки его закостенели на веревке, голова кружилась от качаний под ударами ветра, и когда, наконец, ноги его коснулись земли, смельчак без сил мешком свалился в снег.

— Дайте ему три дня отдыха, — сказал подошедший начальник лагеря. — Молодец, сукин сын! Шутка ли: Соловки оседлал!..

Или-или!

Черное дуло револьвера прыгало и качалось-перед лицом Димы.

— Сознавайся, сволочь, — кричал с перекошенным лицом комендант Соловков, заслуженный палач Новиков. — Сознавайся вчистую сразу, а то иначе застрелю, как дохлую собаку... Отвечай, откуда монету эту взял?

Дима прижался к сырой стене карцера и с побледневшим лицом смотрел на судорожно подергивавшиеся губы Новикова.

— Мне... Мне мать зашила в платье... перед арестом...

— Врешь, щенок! — со злобой вскрикнул Новиков. — Откудова твоей матке такую монету было взять? Смотри сам, сволочь.

На широкой ладони коменданта появилась знакомая монета.

— Видишь? «Николай Первый... Император и Самодержец Всероссийский»... Тогда еще и деда твоей матки на свете не было. Сознавайся, где клад нашел?

Дима сжал зубы.

— Не находил я никакого клада, товарищ комендат. А монета эта — от моей матери...

— Ах вот как? — прошипел Новиков и шрам, пересекавший его лицо, побагровел. Лицо его сделалось страшным. — Значит — запираться будешь? Думаешь тута в Соловках : «захочу полюблю, захочу — разлюблю»? Забыл, где ты находишься? В последний раз тебе говорю — сознавайся! Что ж ты думал: тот красноармеец, которому ты эту монету дал, в сапог ее зашьет? Он же знает, что это ему шлепкой пахнет... Мы ведь за тобой недаром следили! Вот теперь ты и попался с поличным... В последний раз тебе говорю — сознавайся, где соловецкий клад нашел?

Дима молчал.

— Ну, хорошо же, — с мрачной угрозой сказал комендант. — Даю ночь на размышление, а потом пошлю на штрафной пункт в лес... Там-то, небось, передумаешь, бросишь дурака валять... А не скажешь — так и сгниешь там!..

Лязгнула дверь карцера, и Дима остался один в каменной клетке. Руки у него еще дрожали, но на душе было светло и спокойно. Он вспомнил сияющее лицо Лени, когда тот вчера получил от него корзинку с луком, чесноком, сырой картошкой и клюквенным экстрактом. Теперь он был уверен, что Оля будет спасена.

Пусть красноармеец потом и выдал его, но ведь нет никаких точных доказательств, что он нашел клад. Другие монеты из взятой наверху горсти были им предусмотрительно тщательно спрятаны в щели соборной стены.

Пусть грозят, сколько хотят! Тайну старика-монаха, тайну Соловецкой Обители он не выдаст!

Глава VII
В ЛЕСУ, ГДЕ НЕТ ЗАКОНА

Обреченный

— Вставай!.. Вылетай пулей на поверку!

Вот уже несколько дней, как в ушах Димы в 5 часов утра раздавалась такая команда. Истомленные люди медленно слезали с нар и шли строиться, чтобы потом после завтрака — ничтожной порции тухлой каши, идти на работу в лес.

В этот день Диме было особенно трудно встать. Все тело ныло, как избитое, голова гудела, и хотелось лежать на этих грязных нарах и спать и спать целую вечность... Казалось, что не было силы, которая заставила бы его подняться. Но вот где-то сбоку в полутьме барака раздались ругательства и звуки ударов. Это конвой сгонял людей с нар.

Мысль о том, что и его сейчас будут бить прикладами, подействовала на скаута, как удар хлыстом, и он решительно приподнялся.

— Ну, Димушка, как сегодня? — ласково спросил его давно проснувшийся сосед по нарам, высокий человек, с большой разросшейся бородой, закрывавшей ему полгруди. Это был митрополит Иннокентий, который раньше Димы попал на лесные работы.

Дима с трудом распрямился.

— Ох, трудно, батюшка... Все тело ломит. Сил никаких нет...

— Что ж делать-то, сыночек? И у меня силы давно уже на исходе. Надо крест свой нести...

Через час группа лесорубов, окруженная конвоем, направлялась в лес. Стояла еще ночь, и только на востоке чуть розовели первые проблески зари. До лесосеки было километра четыре. Когда группа пришла к месту, стало уже рассветать. Громадные сосны и ели, осыпанные снежным убором, высоко вздымались к небу, и первые лучи зари начинали расцвечивать их белые короны нежно розовым цветом.

Все вокруг было мирно и величаво. Могучему северному лесу не было дела до страданий человеческих существ...

Усталые, голодные, поеживаясь от сильного мороза и порывов холодного ветра, Дима и митрополит отгребли снег от корней большой сосны и своей тупой пилой с трудом свалили великана. Потом как будто по какой-то неслышной команде, прекратили работу и сели на ствол поваленного дерева.

— Нету больше сил моих, — с трудом произнес митрополит, и зубы его вдруг застучали. Только теперь Дима заметил, что под темным слоем обмороженной кожи на его лице под всклокоченной бородой пылает лихорадочный румянец.

— Да вы больны совсем, отец Иннокентий?

— Нога как в огне горит, — простонал митрополит. — Отморозил... Гнить начала. Видно, отсюда и лихорадка...

— Так вы уж отдыхайте, батюшка. Может быть, я как-нибудь и сам справлюсь.

Митрополит хотел что-то ответить, но в это время из-за деревьев раздался грубый окрик.

— Нечего тут лодыря гонять! Что расселись? — Широко шагая по снегу, в валенках и шубе подошел солдат. Его равнодушное лицо было тупо и сонно.

— Ну, берись за работу, сукины дети. Рубайте теперь сучки и пиляйте ствол!

— Да вот товарищ мой болен совсем.

— А мне какое дело? Пущай сперва норму сполнит, а потом уже и болеет. Все едино — пока нормы не будет — никуда отседа не уйдете. Знаем мы вас, дармоедов долгогривых!

— Попробуем еще, Дима, — с трудом прошептал митрополит, и лесорубы молча принялись за работу.

Ветер все усиливался. Сухой мелкий снег начинал тонкими и колющими струйками пробиваться между деревьями. Поднималась вьюга.

— Давайте позавтракаем, — предложил Дима через некоторое время, видя с каким трудом двигается митрополит. — Может быть, после отдыха вам легче будет.

Тот молча кивнул головой. Дима быстро очистил снег с подветренной стороны дерева и накидал туда веток. Друзья достали по куску черного хлеба и принялись завтракать.

Старик ел через силу, и руки его дрожали.

— Что, плохо вам? — участливо спросил юноша. Митрополит повернулся к нему лицом, и в глазах больного Дима увидел столько страдания, что и у него самого невольно заныло сердце.

Так молча просидели они с полчаса, прислушиваясь к тонкому свисту ветра и шуму сосен.

— Ну, как, батюшка, — несмело спросил, наконец, Дима. — Попробуем поработать дальше?

Митрополит молча покачал головой.

— Но, отец Иннокентий. Надо ведь... Опять придут эти звери...

— Не могу... Я ведь знаю — меня сюда на смерть послали. За то, что душу свою я не согнул перед ними... Мне все равно выхода нет...

Митрополит повернул свое измученное лицо к юноше, увидел его встревоженные глаза и вдруг мягко улыбнулся.

— А тебе, сын мой... Тебе жить надо... Ты — обязан! Понимаешь ли: обязан жить!.. По велению Божию тебе вверена тайна Обители этой.

Дима почувствовал, что его сердце на миг остановилось. Неужели его тайна — уже перестала быть тайной?

Митрополит заметил этот испуг и опять через силу светло и грустно улыбнулся.

— Не бойся, Дима. Я знаю... Меня Эйхманс допрашивал о смерти того соловецкого монаха. Да ты во сне на нарах тоже что-то бормотал... Но не бойся — тайна остается твоей. Береги ее... Мы, мы — обреченные. Мы боремся за Дело Божье своим мученичеством, своей смертью. А ты, ты — молод. Ты обязан, понимаешь ли — обязан перед Богом, Россией и Святой Обителью остаться живым и донести тайну эту до светлого дня воскресения России...

В голосе митрополита, как недавно в голосе соловецкого монаха, прозвучало суровое приказание. Эти два старика напоминали Диме об его долге и о том, что он обязан быть сильным. Их мужественные слова как-то вынесли в его памяти сильные строчки советского поэта:

Смерть — выход из всякого положения,

Но положение, из которого выхода нет!

Старики требовали, чтобы он остался жить. Они словно по наследству передавали юноше свое духовное оружие и запас сил. И Дима понял это приказание. Он покорно склонил голову перед этой высшей силой и тихо ответил:

— Слаб я, Владыка, для такого подвига. Но да пошлет мне Господь сил...

Они замолчали. Несмотря на свист ветра, Дима слышал тяжелое прерывистое дыхание митрополита. Он хотел сказать что участливое, но внезапно звук разговора донесся издали. Шел патруль охранников.

— Владыка, — дрожащим голосом стал упрашивать Дима. — Ну, пойдемте, голубчик. Я уж самое главное сам сделаю... Вы уж чуть-чуть только — для вида постойте. А то это, верно, обход идет. Увидят опять, что мы сидим...

Но предупреждение юноши запоздало. Перед ними внезапно появились фигуры двух солдат.

— Что, опять здесь дурака валяете? — сердито крикнул один из них. — Саботаж устраивать вздумали?

Дима вскочил на ноги и стал помогать митрополиту подняться... Тот медленно с большим трудом стал на одно колено.

— Ну, ну... Нечего. Тут, поп, тебе не обедня! — насмешливо крикнул красноармеец и толкнул митрополита ногой.

— Что вы делаете, товарищ? — нервно вскрикнул Дима. — Он же болен!

— Ништо... Будя тут симуляцию разводить... Видывали мы и не таких. Да встанешь ли ты, наконец, сволочь, али нет?

Митрополит повернул свое измученное лицо к солдату и покачал головой.

— Сил больше уже нет, — тихо ответил он.

— Ишь ты, какая нежная роза с Ерусалима!.. Подумаешь? Вставай! Нечего тут с тобой тары-бары растабарывать! Вот тебе для бодрости!

Тяжелый приклад ударил митрополита в плечо. Дима в бессильной ярости рванулся к солдату, но, сбитый с ног толчком, полетел в снег.

— Вот то же еще, гад молодой!.. Постой — доберемся и до тебя... — злобно кинул солдат. — Ну, а ты, долгогривый, раз больше не можешь работать, так идем с нами.

Солдаты подхватили больного под руки и повели в лес.

— Куда вы ведете его? — в отчаянии крикнул Дима.

— А тута недалече, поближе к яме! — с усмешкой бросил один из них. — И тебя, гадючье семя, тоже — погоди — не забудем!

Бледное лицо митрополита в последний раз обернулось к юноше. В страдальчески светлой улыбке дрогнули губы. Юноше показалось, что схваченный за обе руки митрополит перекрестил его едва заметным движением головы и глаз.

Темные фигуры скрылись за деревьями. Через несколько минут до слуха Димы донесся звук выстрела.

Страшный выход

Юноша в отчаянии бросился на колени, и перепутанные слова давно позабытой детской молитвы пронеслись в его памяти. Он пытался молиться, но не мог: душа его была слишком смятена... Глазами, полными слез, он оглядел полузанесенные снегом бревна, поваленное дерево, темный равнодушный лес, и внезапно словно последняя струна бодрости лопнула в его душе. Юноша почувствовал себя бесконечно одиноким, бессильным существом, попавшим во власть безжалостной, бездушной машины, которая готова была раздавить его между своими железными зубцами...

Крупные слезы безысходной тоски поползли по его исхудавшим щекам.

— Боже мой, Боже мой, — простонал он, прислонившись к стволу ели. — Когда же конец всему этому?

Неужели ему суждено здесь погибнуть среди сугробов или быть застреленным этими людьми-зверями?

Или, может быть — выдать тайну?

Волна бессильной ярости опять поднялась в нем из глубины души, и он сжал зубы: Нет, что бы ни случилось, он не сдастся! Он не может сдаться!..

Может быть, уже не один монах убит здесь, на этом страшном острове, не выдав тайны монастыря. Неужели он, молодой сильный парень, скаут и спортсмен, неужели он не выдержит тяжести испытаний и согнется?

Нет. Он должен выдержать! Выдержать во что бы то ни стало! Выдержать... и спастись...

Но как вырваться из этого страшного капкана? Как уйти из этого мертвого леса, от этой сверхкаторжной работы? Неужели и ему суждена судьба митрополита?.. Но ведь он — носитель тайны. Он обязан спастись — не для себя, для России...

Внезапно дикая мысль молнией пронеслась в голове скаута, и глаза его сверкнули. *Ведь дикие звери вырываются из капкана, отгрызая себе лапу...*

Надо самому сделать себя неспособным к такой работе! Спастись страшной ценой...

Как в каком-то сне, Дима схватил лежавший на стволе дерева топор, положил пальцы руки на пень и замахнулся.

— Ну, теперь то меня уже больше не заставишь работать! Теперь я вырвусь отсюда! — мелькнула у него злорадная мысль, и он ударил. Ударил с отчаянием, со всей яростной злобой, со всей ненавистью к этой системе гнета и пыток, ударил так, как будто он бил не себя, а своих палачей...

Искра острой боли пронизала его руку... Из-под глубоко вонзившегося в дерево топора скользнули в снег отрубленные пальцы. Струя яркой крови брызнула на белый снег.

Юноша посмотрел какими-то изумленными глазами на спокойный лес, на маленькие нежные елочки, осыпанные пушистыми белыми шапочками, потом перевел свой взор на вздрагивавшую окровавленную руку и потерял сознание.

«Ничего!»

Очнулся он от жгучей боли. Кто-то сидел рядом и чем-то перевязывал ему кисть левой руки. Дима невольно застонал.

— Сейчас, сейчас, — отозвался глухой голос, и к Диме обернулось знакомое лицо Сеньки. Это лицо было полным сочувствия и тревоги.

— Ну, поднимайся, милок. Поднимайсь, да живо, покуда обход не пошел обратно... Счастье твое, что я здесь случился — шел пилу одолжить... Ну, вставай.

— Не могу, — простонал Дима.

— А ты — через «не могу». А то пойдут менты[23] и пропадешь ты, паря, к чортовой матери без пересадки. Пристрелят, как собаку. Тут, милок, жисть — копейка. Тут надо уметь туфту заряжать[24]. Ловчиться, а не надрываться, да руки себе калечить. Здеся, таким нестреляным сосункам, как ты, жизни никоторой нет... И как это я раньше не узнал, что ты тута на баланах втыкаешь? Ах ты, бедолага... Вот беда... Ну, давай, давай... Ужо я тебе подмогну!

---

[23] Тюремная охрана вообще.

[24] Уменье, ничего не выполняя, делать вид, что работа в порядке.

Поддерживаемый другом, Дима медленно поднялся и направился из лесу.

— Да ты не унывай, дорогуша! Ты вот покеда дырок в лагере не знаешь, куда бы сунуться, да спрятаться. К примеру, конвою вот не надо попадаться — там самая сволота. Ее, почитай, со всей Расеи собирают в эти чекистские полки. Заслуженная сволочь, которые уже деревню и город грабили, да насиловали. Что ты для них?.. А в бараке — своя шатия — каторжная. Оттуда тебе сопроводительную дадут в Кремль в лазарет. Вроде выйдет, как несчастный случай... Ничего, милок. И без пальцев люди — человеки как-то живут... Тут, главное — живым выйти. Дух надо крепко в себе держать. Не горюй, Дима, ничего!

Слова долетали до сознания Димы, словно издалека. Он шел, покачиваясь, и перед ним сверкали огненные круги и точки. Рука была налита свинцом, и каждое биение пульса казалось мучительным ударом по свежей ране. Юноша спотыкался, и каждый шаг казался ему последним усилием.

И когда почувствовал он, что уже совсем исчерпаны силы — перед ним смутным видением пронеслось лицо старика монаха, озаренное улыбкой одобрения. И юноше почудилось, что старик склонился к нему и бережно поддерживает его шатающееся тело... Потом из тумана выплыло родное ласковое лицо девушки. И она тоже улыбнулась... И на душе у него внезапно стало так легко и светло, словно ее ясные глаза заглянули куда-то в глубину и там растопили какой-то комок тяжелого льда.

И еще одно виденье смутно пронеслось перед глазами — суровое лицо только что погибшего на посту христианина митрополита. Серые глаза пристально взглянули в его глаза и опять приказали:

— Иди!.. Не сдавайся!

— Надо жить! — прозвучал внутри какой-то голос, и поддерживавший падающее тело беспризорник с удивлением почувствовал, как юноша внезапно окреп и выпрямился.

— Ну, вот, оно и лучше так то, — одобрительно сказал он. — Ни хрена, милок. Бог не выдаст, чека не съест! Ничего!

Глава VIII
ЮНОШЕСКАЯ ДРУЖБА

Право на смерть

Усталый амбулаторный врач, не глядя на Диму, коротко спросил:

— Откуда?

— Из Савватьева...

Это слово в Соловках было известно всем. Штрафной пункт, расположенный в этом бывшем монашеском скиту, пользовался на острове недоброй славой...

Врач поднял голову, и его взгляд упал на руку юноши, завернутую в окровавленные тряпки. Лицо его передернулось.

— Несчастный случай?

Дима с трудом кивнул головой. Он едва стоял на ногах, пройдя с раненой рукой больше 15 километров. Зубы его выбивали нервную дробь, и он чувствовал себя близким к обмороку.

— Ничего не могу сделать для вас, товарищ, — глухо сказал врач. — Нам запрещено оказывать медицинскую помочь тем, кто приходит с лесозаготовок с ранеными конечностями... Борьба с саморубами.

— Доктор, — умоляюще произнес Дима. — Ради Бога!..

— Ничего не могу, — повторил врач, отвернувшись. — Что ж, думаете — вы первый? Многие так вот — топором — пытаются себе жизнь спасти за счет рук или ног... Ничего не могу. Иначе меня самого в лес отправят... Приказ.

Он тяжело вздохнул и крикнул в приемную:

— Следующий!

Дима с отчаянием в душе вышел из кабинета. Перед глазами его плыл какой-то туман, и ноги едва слушались. В приемной он зашатался, но в этот момент его поддержала чья-то рука.

— Дима... Ты? — спросил его знакомый голос. Человек в белом халате заглядывал ему в глаза. — Неужели ты? Что с тобой, дорогой мой?

Это был Леня, испуганный видом своего приятеля. Действительно, Диму трудно было узнать: заросший давно небритой бородой, с лицом, покрытым обмороженной кожей, с рукой, обернутой окровавленными тряпками — он так не был похож на когда-то всегда подтянутого крепкого скаутмастора-спортсмена.

Леня усадил больного на стул и принес ему воды. С трудом, лязгая зубами по краю стакана, Дима выпил воду и немного оправился.

— Ну вот, Ленич... Вырвался я из лесу, да только не весь, — криво усмехнувшись прошептал он. — А теперь вот выгнали из амбулатории.

— А что с рукой то твоей?

— Топором... Сам...

— Господи Боже!..

Лицо мальчика побледнело, и слезы показались на испуганных глазах. Но он сделал усилие над собой и тихо сказал:

— Я понимаю... Слушай, Дим... Полчаса вытерпишь?

Дима слабо улыбнулся и кивнул головой.

— Ну, так вот что, — озабоченно продолжал мальчик. — Иди тогда в Кремль к могиле Кудеяра и там жди... А я мигом...

***

В дальнем углу монастырского двора уже несколько веков лежала тяжелая каменная могильная плита. Надписи на ней не было, но те, кто был знаком с историей монастыря, говорили, что здесь похоронен некогда знаменитый разбойник Кудеяр, покровитель бедных и гроза богатых, который потом окончил свою жизнь в Соловецком монастыре.

Дима с трудом добрался до этого глухого уголка и присел на плиту. Раненая рука казалась чужой и только ныла какой то щемящей тупой болью.

Сознание опять затуманилось. Покачиваясь из стороны в сторону, юноша сидел на плите, и ему хотелось заснуть навсегда, чтобы не видеть этих решеток, тюрем, Соловков, леса, всех этих ужасов.

Ему казалось, что тяжелая полная лишений жизнь, которую он вел в Москве, время, когда он жил с матерью и маленькой сестричкой — было много тысячелетий тому назад. Впечатления настоящего было настолько сильны и подавляющи, что казалось то время уже не вернется никогда, и что его жизнь в будущем только и будет состоять из цепочки страданий и неудач...

Чьи-то быстрые шаги по скрипящему снегу вывели его из отупения. Он оглянулся, и волна радости охватила его. Сердце дрогнуло и забилось сильнее... Девушка в белом халате бежала к нему. Дима не заметил ни ее бледного испуганного лица, ни дрожащих губ, ни волос, выбившихся из-под косынки. Он видел только ее глаза, расширенные испугом и состраданием, и в этих глазах юноша прочел то, что отдалось ликованием в его измученном сердце... Он поднялся, шагнул навстречу девушке, ощутил на своих губах прикосновение ее губ и потерял сознание...

***

Когда Дима очнулся, он увидел себя лежащим в какой-то комнатке, более похожей на сарай. Около него хлопотали Оля и Леня. Мальчик осторожно разматывал темные тряпки, и острая боль, как огнем, опять пронеслась по нервам руки. Он застонал. Теплая рука Оли легла ему на лоб, и ее тихий голос умоляюще прошептал:

— Потерпи, пожалуйста, Димушка, дорогой... Голубчик... Ну, пожалуйста... А то, если нас тут найдут...

Упала на пол последняя окровавленная тряпка, и показалась кисть руки с отрубленными пальцами, сине-багровая, опухшая, покрытая сгустками крови. Вместо трех пальцев торчали бесформенные темные обрубки. В одном из них виднелся осколок белой кости...

— Ну, держи руку, Ленич, — сказала Оля, и решительная складка ее губ обозначилась почти, как мучительная гримаса. — А ты, Дима — потерпи минутку! Врач ни один не решился придти, только инструменты кое-какие дали... Придется уж самим....

С окаменевшим бледным лицом и закушенной губой девушка взялась за скальпель, и острая боль, заставила измученного и ослабевшего юношу опять потерять сознание.

Когда он очнулся, рука была уже перевязана, и Леня помогал ему приподняться на лежанке. Запах йода еще носился в воздухе, и Оля подносила к его губам стакан с какой-то жидкостью.

— Ну, вот, все и хорошо, — взволнованно говорила она. Дима слышал звук ее голоса, чувствовал ласку и сочувствие, но не понимал самих слов... — Пей, милый! А Леня принесет тебе сейчас чего-либо поесть. Ну, успокойся, успокойся, голубчик. Худшее, Бог даст, уже сзади. Теперь ты в инвалиды попадешь и в лес уже больше не вернешься...

— Держись, Димка... Сейчас жрать принесу! Вчера на складе жи-и-и-рную крысу поймал. Такое жаркое вышло — на ять... Не унывай!

Маленькая фигурка скрылась за дверью.

— Ну, а как рука? — слабо спросил юноша. Девушка поправила забинтованную руку и тихо ответила:

— Один... Один палец еще, может быть, удастся спасти... А остальные... Остальные...

Она взглянула на Диму полными слез глазами, и внезапно голос ее оборвался. Дима видел, что она из последних сил сдерживает рыдания. С какой-то чудесной ясностью он почувствовал, что и его силы исчерпаны до конца, но что теперь ему уже не нужно напрягать свою гордость, чтобы это скрыть.. Перед любимой девушкой он мог теперь быть самим собой — молодым ростком, смятым уродливой жизнью...

И вся боль, все испытания последних лет, тревога за Олю, вся горечь разбитых молодых надежд, мрачные перспективы будущего — все это сломало, наконец, его силы и его мужскую гордость. Он опустил голову и заплакал, вздрагивая и всхлипывая, прижавшись к плечу родного человека...

Оля успокаивала его какими-то бессвязными словами, гладила его спутанные волосы, и ее слезы падали на голову юноши. И на душе у каждого светлело,

словно эти слезы смывали самое страшное, что было на этом мрачном острове — чувство беспомощного одиночества... И оба они почувствовали, как близки они друг другу и как спаяла их нависшая над головами угроза гибели на этом забытом всеми островке, где нет ни закона, ни человечности, где жизнь любого из них — песчинка под ногами чекистов...

В зубах волка

— Стой! Кто идет?

Грубый окрик звучно раздался в ночной тишине, и затвор винтовки угрожающе звякнул.

— Из кремля к начальнику лагеря, — ответил из тьмы смелый голос, и из тумана появилась какая-то фигура... Часовой, стоявший около дома, с подозрением оглядел подошедшую женщину и опустил винтовку.

— Ладно... Стой здеся!

Он свистнул и через минуту из дома вышел какой-то военный.

— Что там? — недовольно спросил он.

— Из кремля к начальнику лагеря со срочным делом.

— Какой дьявол носит вас ночью? — раздраженно буркнул чекист. — С каким таким делом?

— По личному вопросу.

— Что за чорт? — удивился военный. — Кажись, — баба?

— Да.

— Ишь ты... А ну, подойди ка...

***

В большой комнате веселилась компания начальства лагеря. За столом, заставленным бутылками и закусками, виднелись беззаботные покрасневшие лица чекистов. Пир был в самом разгаре.

Грубый хохот и визг нескольких накрашенных женщин то и дело звучал под аккомпанемент звона стаканов и гремящего радио.

В дверях комнаты показался начальник охраны дома.

— Чего тебе, Василько? — недовольно спросил Эйхманс, протягивая руку к очередной бутылке.

— Так что, товарищ начальник, девочка тут одна очень хотит вас видеть.

— Девочка? — удивился латыш. — Какая такая девочка?

— Заключенная, кажись...

— Гони ее в шею... Пусть днем в управление придет или ночью, когда я один буду...

— Да я так и говорил... Только что она дюже просит. Важное дело говорит. С Санчасти она... Меня когда то сь лечила. Ладная заботливая сестрица... И хорошенькая, стерва!..

Пирующие рассмеялись.

— Ай да Василько!.. Разглядел!.. Вот так хват!..

— Ну, ладно, — благодушно махнул рукой грузный латыш, оглядев хохочущих приятелей. — Чорт с ней! Давай ее сюда. Может быть, что-нибудь интересное скажет...

Через минуту на пороге комнаты показалась стройная фигура Оли. Она была в костюме сестры милосердия. Форменная косынка обрамляла мягкий овал ее лица, и глаза спокойно смотрели на дикую картину разгульного пьянства.

Все замолчали.

— Ну с? В чем дело, прекрасная незнакомка? — шутливо спросил начальник лагеря, придвигая себе рюмку.

— У меня к вам большая личная просьба, товарищ начальник, — твердо начала Оля. — Простите, что я решила придти к вам на дом, но дело это для меня очень важно.

— А вы кто такая?

— Букреева, сестра милосердия.

— Заключенная, очевидно?

— Да.

Чекист недовольно скривился.

— Так какого же вы чорта сюда пришли, а не в управление?

Недоброжелательные взгляды кололи Олю, но она не смущалась.

— Прошу прощения, товарищ начальник. Но в управлении все ваши секретари никак меня к вам не пропускали. Все спрашивали: в чем дело, да почему... И... приставали ко мне. Вот я и решила прямо к вам на дом придти.

Эйхманс не спеша выпил рюмку водки.

— Т-а-а-ак... — протянул он. — Похоже на правду. А что приставали — на то и весна... Щепка, как говорится, и то преет... Смелая вы баба, что пришли прямо сюда... Отсюда многие ногами вперед обратно выходят... Ну, да ладно. Заткни ка радио, Новиков! В чем же все-таки дело?

Все смолкли. Покрасневшие пьяные лица на миг замерли, ожидая ответа от заключенной, так дерзко ворвавшейся к ним на пир. Оля почувствовала это напряжение и риск, но внешне осталась спокойной.

— Я вам уже сказала, товарищ начальник, что просьба моя личная. Через несколько месяцев кончается срок моего заключения. И я прошу у вас разрешения остаться здесь еще на один год.

За столом воцарилось удивленное молчание. Чекисты переглянулись.

— Вот это так здорово! — с оттенком пьяного восхищения тихо прервал общее молчание какой то низенький широкоплечий чекист. — Ну и ну...

— Понравилось так, что ль? — с насмешливой язвительностью спросил Новиков.

Оля не ответила и продолжала смотреть в глаза начальнику.

— Т-а-а-а-ак, — не спеша протянул он. — А нельзя ли узнать, с чего, собственно, у вас появилось такое похвальное желание?

— Я присуждена на два года заключения, а мои друзья — на три. Вот я и хочу вместе с ними освободиться.

— Ну, ну... Вы мне тут, пожайлуста, прелестная незнакомка, пуговки не вкручивайте! Этому-то я в жисть не поверю... Нет уж, моя милая. Говорить, так уж говорить начистоту... Ну ка, выпаливайте настоящую причину!

— Я говорю вам правду, товарищ начальник, — твердо сказала Оля.

— Ну, ладно, ладно, симпатичное дите... Я вовсе не про то, что вы врете. Но все-таки кое-что здесь еще неясно... Давайте, не будем в дипломаты играться... В чем дело?

Голос латыша сделался холоден и сух.

— Я полагаю, что вы не для того побеспокоили меня на дому, чтобы уверить меня, что вы остаетесь на Соловках исключительно из альтруизма.

— Хорошо. Я скажу подробнее... — Щеки девушки зарумянились, но глаза по-прежнему смело смотрели на начальника. — Я люблю одного человека и хочу уехать из лагеря вместе с ним.

— Ах, вот оно что? — расплылся в улыбке толстый латыш. — Горячая любовь на холодном севере!.. Прямо, как в романе! Вот елки-палки, Новиков, куда романтика-то забралась!.. А позвольте узнать, товарищ, кого это вы изволили осчастливить своею любовью?

— Если вы, товарищ начальник, будете издеваться — я уйду, — смело ответила Оля, и лицо ее сделалось еще решительнее. Вокруг раздался грубый хохот.

— Прямо герой в юбке!.. Так и режет!.. Ай да цыпочка!.. Вот это да!..

Девушка холодно посмотрела на шутивших.

— Так прикажете уйти, товарищ начальник?

— Ишь кипятильник-то какой, — с пьяным добродушием ответил чекист. — Никто вас не обижает. А ежели ребята малость пошутили — ну, так что ж? Это только в сказках царевны-недотроги бывают... А у нас, в Соловках?.. Ну, так выкладывайте, кто там у вас суженый?

Оля секунду колебалась, но потом подняла голову.

— Один скаут московский... Когда-то вместе работали...

— Ах, вот оно что? Одного, так сказать, помету? Вот это здорово! Знаешь, Новиков, — обратился он к коменданту. — Эти скауты, сукины дети, прямо, как гвозди... Помнишь, как один Соловки оседлал? Где-то он теперь?

Новиков нагнулся к уху латыша и стал ему что-то шептать. На лице того отразилось сперва удивление, а потом одобрение.

— Вот это ты здорово удумал, Новиков! Ну, и хитрая же ты бестия... У лисы хвост скрадешь, да ей же и продашь. Молодец!

Потом, повернувшись к Оле, он сказал сухо, деловым тоном:

— Ну что ж! Это дело можно устроить. Мы вас оставим в той же должности в Санчасти. Но за это вы обязаны будете выполнить одно наше секретное поручение... Там у вас скаут один есть, Зеленов. Знаете его?

Девушка чуть вздрогнула.

— Зеленов? — переспросила она, стараясь остаться спокойной. — Кажется, знаю.

— Ну так вот... Вы за ним будете следить. Есть у нас подозрения, что он к кладу какому-то монастырскому подобрался. Тут ведь угоднички-то наши все припрятали — не найти никак. А сами, может быть, все давно уже попередохли. И сам — не гам, и другому — не дам... А этот вот Зеленов уперся, как бык. Новиков уже нажимал на него, да, видно, наганом не всегда чего добьешься... Вот вы и познакомьтесь с ним поближе. Если удастся вам узнать эту тайну — мы вас и вашего жениха немедленно освободим, дадим службу в Москве и... ха, ха, ха... процент с клада... Ну, как: идет?

Оля сделала вид, что колеблется.

— Как же я это сделаю? — нерешительно произнесла она.

— Эва! С вашими-то глазками?.. «Если баба что захочет — сам тут дьявол захохочет»... Дело ваше — женское.

Чекист выпил еще одну рюмку и с усмешкой посмотрел на Олю.

— Этот... этот Зеленов... Какой он срок имеет?

— Какой срок? Он у нас тут бессрочно сидеть будет. И сгниет тут, если секрета не выдаст... Цацкаться то мы с ним не очень-то будем.

— А, может быть, он и не знает-то ничего?

— Это нам все равно. В порядке профилактики посидит. Если есть хоть один шанс из ста, что он кое-что знает о кладе — он из наших рук не уйдет никуда. Слишком для нас это дело важно. Мы все меры применим, чтобы высосать у него все... Но пока там до сильных мер — мы хотим, так сказать... ха, ха, ха!.. весенние способы попробовать: потоньше! С другой стороны подобраться. Со стороны сердца... И если вы действительно любите вашего жениха и хотите с ним поскорее выйти на свободу с

деньгой и хорошим положением — помогите нам. Убивать никого не нужно, и красть тоже... Просто только выудить секрет... Ну, так как: согласны?

Опять все чекистские лица обернулись к Оле. Пировавшие понимали все значение клада и ловкий ход Новикова и Эйхманса. Минуту все молчали. Оля опустила голову, словно колеблясь. Потом она резко выпрямилась и твердо ответила, по-прежнему глядя прямо в глаза латышу.

— Хорошо... Я согласна!

Одобрительный шум раздался вокруг. Опять зазвенели бутылки и стаканы, и развязались пьяные языки.

— Ай да дивчина!.. Нашего помету бабочка! Молодец!.. Вот так бабенция!..

— Ну, вот и ладно, — довольным тоном сказал начальник лагеря. — А теперь, раз вы вошли, так сказать, в нашу чекистскую семью, нашим сексотом задела-лись — оставайтесь с нами. Спрыснем вашу горячую любовь!

— Я очень вам благодарна, товарищ начальник, но меня ждут больные.

— Ну, и чорт с ними... Одним больше, одним меньше — не все ли равно?

— Для меня это не все равно.

— Да брось ты ломаться, цыпочка, — хрипло сказал Новиков и, пошатываясь, подошел к Оле. — Оставайся с нами! Ведь этакий бутончик Соловецкий... Выпьем, пупсик! А потом мы тут генеральную репетицию твоей свадьбы проведем!

Раздался грубый хохот, и польщенный комендант протянул свои корявые пальцы к подбородку девушки.

Та отступила и с побледневшим лицом резко сказала:

— Если вы меня тронете, товарищ комендант, я вам дам пощечину!

Новиков вспыхнул, и кулаки его сжались. Он так привык к тому, что перед ним и его властью все трепетали, что резкость девушки-заключенной взорвала его. Но начальник лагеря, которому не хотелось нарушать спокойного ритма привычной попойки насилием и скандалом, потянул его за рукав.

— Брось, Новиков! Мало тебе баб, что ли? Чорт с ней! Она ведь теперь уже наша чекистка: взяла секретное поручение. Так что не тронь ее... Пока!.. Ну, раз не хотите остаться — катитесь подобру-поздорову, мимоза колючая. И радуйтесь, что живой отсюда выскочили. Нам баб с рыбьей кровью — не нужно. А насчет моего поручения: выполните — на всю жизнь себя устроите. А подведете нас — Новиков с вами иным тоном по-го-во-рит... Все вспомнит... И смотрите, кстати — никому ни — гу-гу ! А то...

Чекист угрожающе стукнул по столу рукой, в которой была зажата рюмка со сверкающей водкой.

Решение

Свинцовые воды Белого моря медленно ползли на скалы острова, еще закованного в береговой лед. От этих валов веяло не вольным простором могучей стихии, а холодом негостеприимного сурового севера. Чахлые береговые сосенки и ели, казалось, не радовались северной весне, а однотонно и печально стонали под напором свежего ветра.

На скале над морем сидели Оля и Дима. Вид у обоих был какой-то придавленный и грустный.

— Так Эйхманс и сказал: «будет сидеть здесь без срока»? — переспросил Дима.

— Так и сказал, — тихо ответила Оля, — расплетая свои косы. — Пока ты своего секрета не выдашь. — Она помолчала. — Слушай, Дима, дорогой, — я у тебя еще ничего не спрашивала до сих пор... Скажи, если можешь, ты действительно знаешь секрет клада?

Юноша задумчиво посмотрел на линию горизонта, где серое небо сливалось с серым морем, перевел взор на угрюмые стены монастырского кремля, несколько секунд вглядывался в высокий шпиль собора, на котором развевался красный флаг и тяжело вздохнул. Его добродушное веснушчатое лицо как-то сразу помрачнело. Он долго молчал. Потом повернулся к девушке и криво усмехнулся.

— Знаю... Ох, не на радость дан мне этот секрет!..

— Но это правда, насчет клада?

— Правда, Оля. Ты думаешь, зачем я лазил на собор? Так себе — для удали, для славы?

— А для чего?

— Тебя надо было выручать. Доктор сказал — без витаминов ты погибнешь.

Девушка удивленно взглянула на него.

— Так ты купил все это для меня на ценности клада? И туда на шпиль ты лазил для меня?

Дима, не глядя на нее, кивнул головой. Девушка молча прислонилась к нему и нежно положила пальцы на искалеченную руку.

— Но ведь они тебя подозревают!.. Ты знаешь — я, правда, дала обязательство молчать, но это ерунда — меня сам Эйхманс вызывал и предложил следить за тобой... Они тебя отсюда никогда не выпустят! Понимаешь ли — ни-ког-да!

Юноша упрямо тряхнул головой и резко повернулся.

— Ну, так что? Так, значит, выдать?

Девушка молчала, потупив голову. Распущенные волосы упали вниз и скрыли ее расстроенное лицо.

— Выдать? — все более оживляясь, взволнованно продолжал Дима. — Мне перед смертью старик сообщил тайну монастыря, а я ее выдам? Тут сколько монахов молча погибали, ничего не сказав. Старики, слабые. А я, здоровый русский парень — я выдам все, чтобы спасти свою драгоценную шкуру? Да пропади они пропадом!.. Да никогда!..

Юноша на секунду замолчал, как бы задохнувшись. Губы его вздрагивали. Порыв ветра разметал белокурые волосы, и бледное лицо покрылось румянцем волнения.

— Нет, Оля! Это уже дело решенное. Уж и так столько лжи, предательства и подлости кругом. Неужели и я — Я сдамся?.. Нет, такой ценой жизни купить я не могу...

Он сжал свой искалеченный кулак, и щека его задергалась. Оля, встревоженная этой вспышкой, прижалась к нему еще плотнее.

— Да я же, Дима...

— Ничего, ничего, Оля. Что ж делать!.. Жалко будет мне с тобой расстаться. Крепко мы сдружились... Но ты уедешь и, Бог даст, меня не забудешь? Пришлешь мне кое-когда письмецо?

Девушка не заметила волнения, проскользнувшего в последних словах Димы. Она над чем-то напряженно думала. Ее лицо замерло. Густые брови нахмурились, и губы были твердо сжаты. Мягкие пушистые еще незаплетенные косы красиво легли на плече, и в голове юноши совершенно непоследовательно мелькнула мысль, как это хорошо Господь Бог придумал, дав любимым женщинам нежные волнистые волосы, в прохладу которых, вероятно, было бы так чудесно погрузить лицо и не думать ни о чем... Он уже протянул против воли свою руку, чтобы незаметно погладить эти чудесные волосы, но в этот момент лицо Оли словно осветилось. Она вскочила на ноги и, глядя на юношу вспыхнувшими глазами, решительно сказала:

— В таком случае — нужно бежать отсюда! — Дима снизу удивленно и растерянно посмотрел на нее.

— Бежать? Отсюда? Да ты, Оля, кажется, с мозгов слезла! Сорок километров от берега. А там — патрули, собаки, заставы. Что за фантазия?

— Ничего! Я знаю — трудновато это. Но нам ли отступать? Видишь сам, какое у тебя положение. Другого-то выхода ведь и нет? Надо же вырваться... Ничего! Я вот присмотрюсь — у меня свободы больше. Неужели же нам с тобой не удастся сбежать?

Брови девушки были нахмурены, и губы сжались в решительной складке.

— Как это так: «нам»? — Дима опять удивленно посмотрел на стоявшую на скале Олю. — Что ж — ты тоже хочешь бежать, что ли? Ты ведь и так скоро можешь уехать? Зачем же тебе рисковать?

— Ах ты, дурень, Димушка. Да ведь сбежим то мы не в Москву, где нас сейчас же поймают. Бежать надо прямо за границу!

— Это, конечно, все верно. Но разве ты решаешь бежать со мной вместе?

— Что вы, мужчины, в дружбе понимаете? — с досадой отозвалась девушка. — Как я могу бросить тебя здесь одного?

На эти слова мог бы быть только один ответ — молчаливый и простой. Дима крепко пожал руку девушки, чувствуя, что его сердце переполняется чувством преклонения перед силой женской привязанности и дружбы.

Несколько минут оба молчали, думая о важности своего решения и чувствуя себя едиными перед будущими испытаниями.

— Да, это что и говорить: бежать — единственный выход, — тихо сказал, наконец, Дима. — Ладно... Только вот что, дорогая моя. Я тебе еще кое-что должен сказать: я не могу бежать, не проверив места клада... Там ведь наверху только немного сокровищ было. Мне и монах говорил — это не главное место. А так что ж — бежать и придти к патриарху с непроверенными сведениями?

Девушка молчала.

— Так что же ты хочешь, Дима? — наконец, спросила она. — Еще рисковать? Ты ведь и так под подозрением. А будешь клад отыскивать — совсем погибнешь...

— Ну так что ж? Может быть, и погибну... А ты знаешь, Оль? У меня теперь такое ощущение, что я — не я. Что я — не Дима Зеленов, которому жить хочется, а — Носитель Тайны... Звено какой-то цепи, которое должно тащить общую тяжесть... Я обязан, понимаешь ли, Оля, такое слово — обязан перед теми стариками выполнить свой долг.

— Так что же ты хочешь делать?

— Видишь ли... Когда старик тот сообщал мне о кладе — он был уже при смерти. О том маленьком тайнике на шпиле — он еще рассказал точно. Сил хватило... А вот о главном месте — язык его, очевидно, уже холодел, и он пробормотал только несколько непонятных слов. Я все над ними думаю, думаю, но никак не могу понять.

— А какие же это слова?

Юноша промолчал, видимо, колеблясь.

— Ну, что ж, Оля... так и быть — я скажу тебе. Мне и монах разрешил: «открой, если надо будет, верной душе». А я, Оля, чувствую — верная у тебя душа...

В голосе Димы что-то дрогнуло. И это дрожанье внезапно отозвалось в сердце девушки. Она быстро взглянула в честные открытые глаза юноши и ясно прочла в них и доверие, и любовь.

Теплое чувство: не дружбы, не привязанности, а незнакомое до сих пор чувство сердца горячей волной поднялось в ней. Что-то словно проснулось и запело внутри. Прикосновение плеча юноши показалось ей теперь иным. В нем она почувствовала не только товарища, друга, мужчину — покровителя, но и своего, милого, родного, любимого...

Она отвела глаза от лица Димы, и каменные стены великана монастыря, и суровое море, и свист ветра, и шум елей — все это показалось ей теперь полным скрытого до сих пор величия, красоты и яркости, словно внезапно эта теплая волна сердца растопила какую-то серую холодную пелену перед глазами, и Божий мир показался вдруг расцвеченным в иные, радостные и яркие цвета.

«Сердце в сердце вложит провод,

Сердце в сердце пустит ток»...

неожиданно всплыли в ее памяти слова какого-то поэта, и эти слова теперь сделались близкими и понятными. Волна любви юноши заставила вздрогнуть и ее сердце.

Какой-то горячий комок подкатился к горлу, перехватив дыхание. Оля уже была готова повернуть свое смущенное и пылающее лицо к Диме и протянуть к нему руки, но в этот момент взор ее упал на искалеченную руку юноши, и она с горечью поняла, что еще не время пускать в душу ликующих волн любви, что еще нужно жить, сжав зубы, и драться за эту жизнь.

Вот почему после нескольких секунд молчания, в течение которых так много было пережито, голос девушки прозвучал почти спокойно, когда она ответила:

— Ну, конечно, же, Димушка, дорогой. Можешь мне верить до конца, как лучшему другу!.. А вместе, Бог даст, мы скорее откроем тайну.

Услышав этот спокойный голос, юноша вздохнул. Волнение сжало его горло, и в свою очередь он не сразу заговорил:

— Ну, ладно, Оля... Будем, значит, вместе тащить тяжесть этой тайны... Так вот. Слова монаха были, что и говорить, здорово непонятными. Но я их хорошо запомнил. Вот они: «Камень. Изголовье Святителя Филиппа. Повернуть. Посолонь. Кудеяр». Вот и все. Весь ребус.

— Да-а-а-а, — задумчиво протянула девушка. — Действительно, загадочка... А ты что-нибудь уже разгадал?

— Думал-то, конечно, над этим много. Но узнать что-нибудь до сих пор было очень трудно. Кое-что, все-таки, выяснилось. Изголовье Святителя Филиппа — это, так сказать, штука историческая. Я еще где-то на воле, читал, что святитель этот чуть ли не 70 лет спал головой на камне, как на подушке.

— А где этот камень теперь?

— Наверху в тайнике у купола собора.

— Ты смотрел его? На нем ничего нет?

— Есть... На оборотной стороне выдолблены какие-то значки и рисунок.

— Ты запомнил их?

— Это было невозможно. Я сделал иначе. Я их записал. Но там наверху, сама понимаешь, у меня не было ни бумаги, ни карандаша. Так я сделал проще — записал эти значки ножом на руке.

Девушка невольно вздрогнула.

— Б-р-р-р-р... Но потом эти значки, ведь, исчезли?

— Ну, вот еще? Наивняка тоже нашла! Я ухитрился достать чертежной туши и в тот же вечер вытатуировал их иголкой на коже. Вот смотри!

Оля невольно улыбнулась, глядя на рисунок на руке.

— Ты, выходит, теперь живой ходячий документ. Ну, хорошо, а что такое... как ты назвал — соло... Как?

— Посолонь. А чорт его знает, что это такое.

— А причем тут Кудеяр? — Дима опять пожал плечами.

— Ну и загадочка, — задумчиво повторила девушка. — Да что ж? Попробуем все-таки разгадать ее. Но ты прав, Дима. Обидно удрать, не открыв значения этих слов.

— Вот и я говорю. Надо перед побегом все сделать, что можно... А только тебе... тебе не жалко будет покидать Россию? И дом?

Лицо Оли омрачилось.

— Делать больше нечего... Но ведь своим побегом мы тоже будем служить России. А насчет родных, — девушка печально усмехнулась, — ты ведь знаешь: я — сирота... Для меня, кроме скаутской семьи — ничего на свете и не было... Так что мне теперь — все равно... Дома у меня нигде в мире нет...

Печаль прозвучала в ее голосе. Диме, привыкшему всегда видеть Олю бодрой и веселой, почудилось внезапно, что с ее лица словно упала маска, и под ней оказалось огорченное личико маленькой слабой беззащитной девочки, такой одинокой во всем мире... Как и когда-то в лазарете Кремля, ему захотелось инстинктивным мужским движением протянуть свою сильную покровительственную руку к слабым плечам этой девочки, несущим на себе такой тяжелый жизненный крест. Но Оля тряхнула головой, и прежнее выражение твердой ясности вернулось на ее лицо. И Дима смущенно опустил свою руку. Оля не заметила этого движения.

— Ну, а как у тебя, Дима?

Тот перевел глаза на угрюмую ленту серого моря и вздохнул.

— Как? Да, паршиво. У меня в Москве мама-старушка, да сестра 15 лет... Конечно, если бы я мог им помочь — было бы обидно покидать Родину, или, если не удастся — на

тот свет пойти. А так? Ведь, даже если я и выкручусь живым с Соловков, потом, знаешь сама — Сибирь, ссылка и прочие удовольствия. С карандашика ГПУ не сорвешься! Так что помощи теперь от меня семье — никакой. Зато забот — миллион. Так что, пожалуй, оно и лучше, если я скроюсь с горизонта — компрометировать, по крайней мере, не буду «честных советских граждан». Знаешь ведь, как в Москве относятся к семьям каторжников?.. А как, кстати, с твоим сроком? Ты ведь два года имела?

— Да.

— И села раньше меня?.. Так что тебе через пару месяцев освобождаться. Как же с побегом, если тебя в Сибирь погонят?

— Не погонят, — тихо ответила девушка, отвернувшись. — Я пока тут останусь.

— Как это — «останусь»?

— Я получила на это разрешение Эйхманса...

— Эйхманса? Значит, ты за этим к нему и ходила?

Девушка внезапно рассердилась.

— Ходила, не ходила... Он же мне ведь поручил следить за тобой? А у меня только два года срока... Вот я и решила остаться... Что ж ты глаза выпучил? Экая невидаль, подумаешь! Ты же меня не бросил, когда я в цынге лежала? Спас? На колокольню лазил? Шкурой рисковал? Так неужели же я тебя теперь брошу одного здесь, тебя, калеку?.. Что я — русская девушка или комсомолка?.. И, пожалуйста, Димка, не строй растроганных глазок в мою сторону. Вместе под знаменем Георгия стояли, вместе на Соловках мучились — вместе и выкручиваться будем. Ничего!..

Оля сурово взглянула на взволнованное лицо юноши, словно хотела оборвать дружеские излияния. Но за ее резкими, почти вызывающими словами Дима почувствовал волнение и нежность. В глазах девушки он увидел какие-то золотые огоньки и выражение чего-то большего, чем только дружба и преданность.

Дима не понял толком значения этих огоньков, этого взгляда, но почему-то кровь отхлынула от лица к сердцу, и оно забилось судорожными: толчками...

Глава IX
В ПОИСКАХ РАЗГАДКИ

Первая веха

Нелегко было начать расшифровку ребуса. Дима подозревал, что, так или иначе, но он находится под постоянным присмотром и слежкой. Неловкое слово, неосторожный шаг мог погубить и его самого и все дело. Приходилось быть поэтому очень осторожным.

Из-за своей искалеченной руки Дима числился теперь инвалидом-сторожем и жил в отдельном помещении в Кремле. Вместе с ним там жило около тысячи стариков, в подавляющем большинстве священников, ксендзов, мулл, пасторов и монахов.

Разгадку значков на камне надо было искать прежде всего в среде этих монахов и священников, ибо монастырь, вероятно, для шифра использовал свои привычные церковные формы.

Случай начать разгадку ребуса представился скоро. Как-то Диме пришлось ночью сторожить какой-то склад вместе с одним из монахов, болезненным, небольшого роста, с умным мягким выражением худого лица. Это был еще не старый человек, недавно профессор университета в одном южном провинциальном городке.

Его история была достаточно необычайна даже для полной контрастов советской жизни. Этот профессор вместе с небольшой группой верующих организовал небольшой подпольный монастырь, какого, вероятно, еще никогда не существовало в истории христианской церкви. Вся их группа — преподаватели, инженеры, студенты, рабочие, служащие — все они были монахами не существовавшей в природе обители. Каждый из них вел какую-то свою работу «в миру» и внешне был вполне «советским человеком». Некоторые были даже, кажется, членами коммунистической партии. И лишь внутренне по своему миросозерцанию и правилам внутреннего поведения они были монахами. В свободное время они превращались в «христову пехоту» — в странствующих проповедников. Некоторые из них, кто чувствовал себя достойными, были «попами-самосвятами» — то есть, священниками, официально не имевшими сана. В дни своих отпусков они посещали рабочие дома, деревни, поселки и там служили разнообразные службы в самых невероятных условиях.

Раз-два в году, на большие церковные праздники все тайно собирались где-нибудь в лесной глуши и тогда вместе под открытым небом проводили торжественное богослужение и исповедывались у своего настоятеля-профессора.

Но, как водится, какой-то шпион выдал их тайну, и все монахи этого «заочного» монастыря (как их зовут в СССР) были, разумеется, арестованы. Сам профессор получил 10 лет Соловков; остальные отделались меньшими сроками заключения.

Этот настоятель был уже явно умиравшим человеком. Сырые туманы и холодные ветры севера надломили его здоровье. Часто при кашле его платок окрашивался кровью, лицо бледнело все больше, но никогда от него нельзя было услышать ни жалобы, ни стона. Обреченный на гибель, этот монах был другом всех обездолен-

ных и несчастных и старался быть полезным каждому. К нему часто обращались за советом самые забубенные бандиты и воры, ожесточенные и обозленные на весь мир, и после беседы с настоятелем отходили, успокоенные и просветленные.

В одну из ночей, когда случай свел профессора и Диму вместе, последний решил спросить своего старшего друга:

— Вот что еще, отец Михаил... Не можете ли вы сказать мне, что это за штука?

Он засучил рукав и показал вытатуированные на руке значки изголовья Святителя Филиппа.

Профессору достаточно было одного взгляда, чтобы понять их.

— Эти? Ну, это очень просто. Это — буквы и цифры церковно-славянской азбуки.

— А что они обозначают?

— Это вот — семь и семь. В старинной азбуке буква «а» обозначала 1, «б» — 2 и так далее. Только над буквами тогда ставили специальный значок «титл». Здесь, видите, буква «З» со значком. Если между ними была точка — то это просто — 7 и 7. Если точки не было — то это 77, так как составители этой азбуки, св. Кирилл и Мефодий, почти тысячу лет тому назад взяли арабскую десятеричную систему счисления.

Дима старался вспомнить, была ли точка между буквами «з» и «з», но не мог.

— Ну, а эти вот буквы?

— Это еще проще. Это буквы МѲ — сокращенное обозначение Евангелия св. Матѳея.

— Это разве буква «ф»? удивился юноша, указав на «ѳ».

— Ну да. Вы изучали, очевидно, только советскую орфографию и не знаете, что и Матѳей, и Ѳедор, и Ѳеодосия — все эти слова пишутся через букву «Ѳ». Тем более, конечно, так писали в старом монастыре... А это что у вас за странный рисунок, — спросил профессор, указывая на линии, похожие на дерево с ветвями, вытатуированные на коже около букв.

— Это? — юноша невольно смутился. — Это я и сам хорошенько не знаю...

— Не знаете? Откуда же они взялись у вас на руке?

Диме было тяжело лгать своему другу. Но он вспомнил, что тайна принадлежит не ему, и уклончиво ответил :

— А это, отец, мы еще в школе баловались. Выдумывали всякие таинственные знаки для нашей рыцарской группы. У каждого должны были быть свои отличительные гербы. Мне кто-то из товарищей и выдумал эти вот...

Настоятель пристально взглянул на смущенное лицо юноши, покачал головой, но ничего не сказал.

***

Очевидно было, что цифры 7 и 7 или 77 были связаны с Евангелием Св. Матфея. Но как именно? Дима решил прежде всего просмотреть это Евангелие, надеясь найти там какой-нибудь ключ к пониманию всего ребуса. Но задача достать эту книгу на страшном острове была не из легких. Привезти с собой или получить в посылке Евангелие не разрешалось, как книгу «контрреволюционную». Если у кого-либо эта книга и была, он всеми мерами старался скрыть это от посторонних взглядов, чтобы ее не реквизировали.

Очевидно, Евангелие нужно было искать среди книг, бывших ранее в монастыре.

В свободную минуту Дима зашел в лагерную библиотеку. В ней было масса ценнейших научных книг, собранных монастырем, и, кроме того, она пополнялась специально советским способом. Если заключенный привозил с собой или получал в посылке какую-либо книгу, она после тщательного просмотра выдавалась ему на руки. Но увозить с собой книг заключенный не имел права. Таким образом, библиотека лагеря все время пополнялась такими «приобретенными» книгами.

Мало кто из заключенных мог пользоваться библиотекой — было не до чтения, когда над каждым постоянно висела угроза голода, переброс и гибели. Но тысячи интеллигентных людей, запертых на острове в качестве злостных врагов советской власти, все-таки тянулись к книге, чтобы хоть немного забыть о настоящем...

В этой библиотеке были полки, откуда книги вообще не выдавались. В этом «Index librorum prohibitorum»[25] было и Евангелие.

На вопрос Димы об этой Святой Книге, ему сухо отрезали:

— Религиозного опиума не выдаем!

— Но у вас-то вообще в библиотеке есть Евангелие?

— Что за дурацкий вопрос, товарищ? — еще суше ответил еврей библиотекарь. — Да у нас старая монастырская библиотека только и состоит из этой чепухи... А вам бы, товарищ, сочинения Ленина и Сталина почитать надо бы вместо этого опиума. Вы ведь грамотный?

— Грамота и политграмота — вещи разные, — отрубил Дима и, резко повернувшись, ушел.

В поисках «запрещенной книги»

Евангелие оказалось вне пределов досягаемости Димы. Он тщетно искал способов достать эту книгу, но не мог ничего придумать. Выручил его неожиданно появившийся на его горизонте неунывающий Сеня.

---

[25] Список запрещенных книг.

В один из солнечных весенних дней приятели неожиданно встретились во дворе Кремля.

— Але, Димка! Ты живой, сукин сын? — радостно приветствовал юношу беспризорник. — Из лесу, значит, совсем выкрутился?

Сенька изо всей силы тряс руку Димы, и рот его с выбитыми зубами осклабился до ушей.

— Выкрутился, Сеня. Спасибо тебе, что тогда помог... после топора...

— Ну, это что? Разве я твоего добра не помню? Как ты меня в тюряге, да на этапе жратвой выручал. Я ведь тогда как тень слабый был и совсем было уже загибался... А ты помог мне, хоть у самого в животе черти свистели... А теперь — слава Богу, что ты живой оттуда вылез!

— Живой-то живой, но дороговато пришлось заплатить — два с половиной пальца оставил в уплату чорту.

Беспризорник поглядел на искалеченную руку юноши и сплюнул в сторону.

— Ну, это что? Это разве плата? За свою голову многие и цельную руку или ногу отдали бы. Жизнь, милок, дороже... А тут — так же, как около машин — надо беречься, чтобы шестернями не зацепило. Потом втащит и каюк... Ты вот не словчился — и вот и зацепило за пальцы. Ну да ничего! Живой — и то хлеб!..

— Пока — живой. Сторожем работаю. А ты как?

Беспризорник беззаботно тряхнул головой.

— А мне что ж? Мне — хоть бы хны! Я ведь в своем море плаваю... Правда, когда тогда со святой землей вляпался — хреново пришлось. А потом в лесу — там своя брашка выручила. Помощником повара устроился в бараке в лесу. Пусть на них волки работают!.. От работы, знаешь, как здесь говорят — даже лошади дохнут! Буду я им надрываться в лесу: держи карман ширше... И тебя бы выручил, если б знал раньше...

— А что это у тебя с ухом?

Действительно, ухо беспризорника теперь представляло собой бесформенный комок, который в просторечии зовется «цветной капустой».

— Это? — переспросил Сеня, и его веселое всегда готовое ухмыльнуться лицо приняло жестокое, мстительное выражение. — Это? Это Новиков до-пра-ши-вал... Кулаком навернул...

— Вот сволочь! — вырвалось у Димы.

— Да, не без того. Ну, ничего, отольются кошке мышиные слезки! Попадется быстрая вошка на гребешок... Да что об этом толковать?.. А я, милок, страшно рад, что твою рожу опять вижу. Ей же Богу, соскучился по тебе, как по братишке родному. Как, все-таки, живешь? Как Олька, маруха-то твоя?

— Что за «маруха»?

— Да девчонка-то твоя с Санчасти? Та, с длинными патлами?

В голосе беспризорника была дружелюбная насмешка. Он говорил об Оле, как это было принято в его среде, и Дима не мог обидеться на своего приятеля. Иное отношение к женщине было непонятно этому человеческому волченку.

— Вот что, Сеня, дорогуша, — серьезно ответил он. — У меня нет друзей, которые называются «Олька» и, тем более, «маруха». Есть — Оля Букреева, мой большой и верный друг, которую я очень уважаю и про которую ты не должен говорить таким тоном и такими словами.

Беспризорник присвистнул.

— Да ты, видать, Димка, совсем втюрился в нее? — весело бросил он. — Так, что ли, милок? Да ты только не злись, дорогуша. Ей же Богу, я тебе не соперник! Я люблю таких баб, чтобы издаля не разобрать было, баба это или пушка... Что б по крайности было за что подержаться... Ну, ну не сердись — я ведь треплюсь... А что ты такой обидчивый вдруг стал? Аль заело? Не клюет?

— Видишь ли, Сень, — сдерживая раздражение, спокойно ответил Дима. — Ты, брат, все время жил среди воров, беспризорников, по тюрьмам и лагерям. Ты там видал другой сорт женщин и другое к ним отношение. Вот, Бог даст, познакомишься с Олей поближе — и сам увидишь, что она сперва Человек и Друг, а потом только Женщина. Тебе пока это, вероятно, непонятно, но, пожалуйста, если хочешь дружить со мной — никогда не забывай этого.

— Ишь ты? — покрутил головой Сеня. — Век живи, век учись, а все едино дураком помирать придется. И, правда, трудно мне все это. Тут тебе: не опиум, а Боженька; не попы, а священники; не бабы, а женщины; не мертвяки, а покойники... Прямо мозгов моих не хватает... Но ты не серчай, Димка. Я ведь тебя, задрыга моей жизни, очень даже люблю и поучиться чему хорошему завсегда рад. И тебе завсегда помогу. Ей же Бо! Хороший ты парень, царство тебе поднебесное...

В голосе Сеньки было столько задора, плутовские его глаза сощурились так насмешливо, круглая рожа сияла так дружелюбно, что Дима не выдержал и облапил приятеля.

— Да я же знаю, Сенька. Душа у тебя золотая!

— Эва: сказал тоже «душа»! С чем ее едят, душу-то твою? А нам бы вот не душу золотую найти, а клад соловецкий!

Дима вздрогнул.

— Чего это ты вздумал?

— Да вот многие говорили. Даже в полку соловецком солдат один монету старинную откентелева-то добыл. Говорили: кто-то что-то разнюхал и теперя его на прицел си-и-и-и-ильно взяли!

— А... А кого, не слыхал?

— Чорт его знает! Но говорили, что там, наверху, главковерхи-то нашие сильно думают насчет клада. А и верно — монахи золота подходяще насобирали. Вот бы слямзить!

— А тебе зачем это золото?

Сенька с удивлением поглядел на приятеля.

— Тю!.. Как это «зачем»? Да ты что: сбрендил, милок? Эва, зажить-то как можно было б на денежки этые!

— Подожди-ка, Сень. Деньги-то эти ведь не твои?

Беспризорник удивленно взглянул на скаута. Такая мысль, видимо, ему никогда не приходила в голову.

— Эва, куда ты завернул? У нас, милок, только смерть своя, а все остальное казенное, советское. Как это говорится: не зевай, не клади плохо и не зевай, когда что плохо лежит.

— Но ведь монахи спрятали эти деньги от чекистов, от грабежа. Это — святое, монастырское... Таких вот стариканов, какой, помнишь, умер у нас в тринадцатой роте. Неужели ты бы у него что-нибудь украл?

Беспризорник озадаченно потер себе нос.

— У того старикана-то? А ведь, пожалуй, что и нет. Совесть заэрила бы. Стыдно было бы.

— Вот видишь. А как же ты хочешь у монастыря, где были такие стариканы, деньги украсть? А потом, даже если и украдешь — как ты ими воспользуешься? Увезти — никуда не удастся — тут везде обыски. А если сообщишь начальству — тебя сейчас же прямым порядком на луну, а такие вот, как Новиков, попьянствуют на эти монастырские деньги!

— А подходящая у тебя голова, Димка! — с восхищением сказал Сеня. — Ты завсегда так ясно все выложишь, что и укусить некуда. Пожалуй, что и верно: деньги этые заклятые. Даже если и найти, то молчать надо. Пока там что... Пока Новиковы командуют... А вот если б деньги эти против Новиковых пустить — вот это бы дело было б!

— Умные речи приятно и слушать. А то ты, Сеня, смотришь, а дальше своего носа или брюха и не видишь.

— А что ж ты хочешь? — не обиделся Сеня. — Я, милок, мало что не от мамкиной титьки в беспризорники попал. Откуда мне время было обо всем думать? Мне бы только, чтобы сегодня прожить и самому не сдохнуть. А насчет там завтра и других — не до того было. А я тебе, кстати, не рассказывал, какую подножку мне жисть сделала?

— Нет.

— Ну, как-нибудь расскажу на свободе. А пока, милок, я потопал. Мне надо здесь блат обновить, свою шпанку повидать.

— Постой-ка, дружище. Мне твоя помощь нужна.

— Давай! Что: угробить кого надо, своровать что или обдурить? Это я мигом...

— Почти и угадал. Мне надо в библиотеке книгу одну найти. А ее на руки не дают. Вот и надо расстараться ее спереть.

— А какую книгу то?

— Евангелие.

Брови беспризорника поднялись.

— Е-ван-ге-ли-е? Кажись, я что-то слышал про ее. Это не насчет Боженьки?

Дима невольно засмеялся. Он ясно видел, что Сеня совсем не хотел оскорбить Святую Книгу своим замечанием. Просто он, очевидно, не понимал ни ее значения, ни ее истории.

— Ну да, вроде того. Я тебе потом все объясню про книгу эту. Обмозгуй это дело, Сеня, дорогуша. Мне очень нужно.

— Ладно. А тебе ее насовсем спереть надо или как?

— Нет. Довольно бы хоть поглядеть несколько минут.

— Ладно. Я обмозгую. Сегодня приходи, милок, сюда часов в 9. Я побываю в библиотеке и разнюхаю, как там и что. Так сказать, выработаю промфинплан. Со мной, браток, не пропадешь. Мы — стреляные воробьи с гарниром!..

***

— Ну, милок, и была же потеха! — весело рассказывал Сеня вечером, когда приятели встретились. — Как я спросил того библиотекаря насчет Евангелия, так я думал, что он тута и сдохнет. Вот глаза-то выпучил! Морда — словно жабой подавился... Видно — это у него чесночная душа взвинтилась... Словом — смеху было, как на похоронах. Ну да ладно — не в том дело. Потом он там что-то переворачивал на полках. Большие такие книги в бархате. Ежели это и есть твое Евангелие — ни в какую не спереть. В ем, чорте, право слово — больше пуда весу будет.

— Так что же ты надумал?

— А очень просто. Ежели Евангелие к нам не идет, так мы к нему в гости заглянем. План у меня такой. Библиотека в 10 запирается. Тот работник, верно, к себе в роту пойдет. Я с ним тут и увяжусь: пущай расскажет мне что безбожное. А там уже дело — плевое. Разыграю как по нотам!

— А зачем тебе нужно это?

Сеня удивленно поглядел на скаута.

— Чорт тебя знает, Дим, какой ты наивняк! Ясно, я с ним не целоваться же буду. А просто у него в это время ключи от библиотеки слизну. Правда, можно бы и гвоздиком открыть — я в этом: деле шибко спец — но только зачем мозоли набивать, когда ключи тут рядом в кармане лежат?

— А не попадешься?

Сеня самоуверенно тряхнул головой.

— Ну вот еще! Такие ли еще дела обделывали? А даже, ежели и вляпаюсь — так что? Для ругани у него телосложение неподходящее, а больше что ж он мне сделает? Насчет драки — он же знает, что я ему кишки мигом выпущу... Словом, ни черта. Жди меня тут часам к двенадцати — потопаем в твое Евангелие.

***

Сеня не ошибся. Заведующий библиотекой, молодой худосочный еврей, был ошеломлен просьбой беспризорника. Он прежде всего подумал, что паренек его разыгрывает, и поэтому, встретив Сеню около дверей библиотеки, взглянув на него не без злобы. Но Сеня был кроток, как ягненок.

— Товарищок!.. Уж простите, что я вас беспокою. Но я к вам, как к образованному... Видите ли... Это Вангелье мне один поп поручил достать. Полпайки хлеба обещал... Я и взялся... Но мне самому сумлительно что-то насчет этой книги...

— Так что ж тебе надо? — сурово прервал его завбиб.

— Да вот, как вы, товарищок, значит, ученый, может, вы мне малость объясните насчет книги этой? А то попы, известное дело, разве они что понимают?..

Еврей растаял. Он раньше был секретарем комсомольской ячейки в каком-то маленьком городке, проворовался, пропил казенные деньги, не поделившись с другими, и в назидание партийному потомству был сослан на покаяние на Соловки. Здесь он старался выдвинуться и загладить свою пропойную вину. Поэтому для него беспризорник с его религиозными вопросами был, так сказать, ступенькой для создания лагерной карьеры. Вот, де, какой он идейный коммунист: даже в лагере ведет антирелигиозную пропаганду!

Вот почему через полчаса Сеня сидел в монастырской келье, где размещались привилегированные заключенные, пил чай и слушал разглагольствования комсомольца.

— Это вы хорошо сделали, товарищ, что ко мне обратились. А то эти попы совсем бы вам голову задурили своим религиозным опиумом. А вы человек молодой, энергичный. Вот амнистирует вас советская власть, поступите в комсомол и сделаетесь настоящим безбожником.

— А почему вы, товарищ завбиб, так удивились, когда я давеча книгу эту — Вангелье, что ли? — попросил?

— А потому, что там всякие сказки понаписаны. Только голову людям попы дурачат.

— Ну, а почему, говорят, вот пятьсот лет монахи всему этому верили?

Губы еврея презрительно искривились.

— Дуракам закон не писан! Темные люди все были!

— А ведь, говорят, здеся и Цари и Императоры и ученые бывали. Что ж, они тоже все неграмотные, да темные были?

Еврей чуть запнулся.

— Нет они, конечное дело, грамотные. Но в те времена им религиозный дурман сильно голову морочил. Путаница в мозгах была, пока ученье Маркса — Ленина — Сталина все это не разъяснило.

— А попы да митрополиты, значит, и теперя не слушаются, да в Бога веруют?

— Вот, вот. Их за это сюда и сажают.

— А вас, товарищок, простите, за что сюда посадили? — невинным тоном спросил Сеня, жадно жуя кусок хлеба.

— Это не относится к разговору, — оборвал еврей. — А что вас еще интересует по безбожному вопросу?

— А может, у вас какая литература безбожная есть, товарищ заведующий? Я бы почитал...

— А вот придите завтра в библиотеку — я вам дам.

— Да неужто тута нет? — умоляюще попросил Сеня, уголком глаза прицеливаясь к карману пальто, куда еврей опустил ключи. — Я ведь, товарищ, не с кремля, а с Савватьева... Мне уходить надо. Уж, пожалуста, товарищ начальник, будьте мне вроде, как папаша — политрук. Дайте что просветиться...

Сердце еврея растаяло. Он нагнулся к столу, чтобы там поискать что-либо агитационное, а в это время быстрая рука Сени сделала свое дело.

Когда библиотекарь достал несколько брошюр, Сеня поблагодарил и решил закончить разговор. Он был уже сыт, и ключи лежали в кармане.

— Вот спасибо, товарищок, за бумагу эту... А то часто, верите — селедку пайковую завернуть не во что. А я вот вам хотел еще один важный вопрос задать. Насчет души. Есть она или нету?

— Ну, конечно же, нету. Это только бред попов этих. Они награду душе на том свете обещают, чтобы люди на этом свете против капитала не боролись. А души никто никогда не видал, и никакая, наука не может определить, что душа есть в теле человека.

— Значит, если мертвяка резать, то души никак не найти?

— Никак.

— Ну, а ежели скажем вас, товарищ заведующий, порезать?.. Ну, вы не обижайтесь. Дай вам Маркс сто лет с хвостиком еще прожить... А я так только к примеру... У вас тоже души не найти?

— Души вообще нет ни у кого.

— Ну, а ежели вот насчет ума? Как с ним? Его, ежели порезать мертвяка, можно найти?

Еврей почувствовал в словах беспризорника какой-то подвох и злобно взглянул на него.

— Что это ты дурака стал валять?

— А я так... Ведь ежели у вас, товарищ начальник, нельзя души найти, то вы, значит, бездушный. А ежели к тому же и ума не найти — то ясно выходит, что вы крутлый дурак. Мое вам наркомпочтение.

Беспризорник насмешливо сплюнул в угол комнаты и выскользнул из дверей раньше, чем еврей успел сообразить что-нибудь.

Голод души

Глаза Сени видели в темноте, как у кошки. Он уверенно вел Диму по низким сводчатым залам и, наконец, привел его к полкам запрещенных книг.

— Вот тут, Дим, — сказал он. — Но беда то в том, что огня зажигать нельзя — со двора видно будет. На наше счастье ночь сегодня светлая — около окошка прочесть можно. Давай разбираться.

Приятели подошли к полкам, стали по очереди вынимать старинные массивные книги и рассматривать их у маленького окна с цветными стеклами, выходившего во двор кремля.

Так проработали они с час. Среди книг были разные издания Библии, Жития святых отцов, история монастырей, но Евангелия не попадалось. Наконец, Сенька, развернув какую то книгу в бархатном зеленом переплете, с торжеством воскликнул:

— Есть... Попался, который кусался! — Действительно, это было старинное Евангелие.

Дима притащил какой-то столик к окну, положил на него громадную тяжелую книгу и стал с нетерпением ее перелистывать.

Но увы — на страницах Евангелия от Матфея сверху были совсем иные значки, чем у него на руке, Перелистывая страницы он, правда, наконец, наткнулся на такие же значки, но это уже не было Евангелием св. Матфея.

В полутьме было очень трудно разбираться в сложной вязи старинных славянских букв, и юноша долго бился, перелистывая страницу за страницей, чтобы

понять указания на каменной подушке святителя Филиппа. Наконец, он заметил, что такого же стиля буквы со значком сверху (то есть, по объяснению настоятеля-профессора — цифры) стоят не только в углах страниц, но и перед каждой главой и стихом. Дима опять развернул страницы Евангелия от Матфея и стал присматриваться к цифрам внутри текста. Наконец, он облегченно вздохнул. Цифра «7» стояла перед одной из глав. Подвинув книгу ближе к скудному свету окна, Дима, наконец, нашел и отдельный стих, обозначенный той же буквой. Он гласил:

— «Ищите и обрящете. Просите и дастся вамъ. Толцыте и отверзется вамъ»[26].

Раздумье охватило юношу. Какое отношение имели эти слова к тайне монастыря? Вихрь мыслей и догадок пронесся в его мозгу, но еще не все звенья ребуса были расшифрованы и готовы для вывода. Поэтому он еще раз внимательно прочел этот стих Евангелия и закрыл книгу.

Молчаливо наблюдавший за ним Сеня спросил:

— Ну как? Отыскал, что было нужно?

— Да... Спасибо тебе за помощь!

— Ну, брось. Разве это помощь? Пустяки! «Мелочи жизни», как говаривал у нас в лесу один профессор, пока не сыграл в ящик. А все-таки до конца веселый был. Пружина у него в душе была эдо-о-о-рово закручена. Вот мы с ним ржали!.. Ну, а все-таки идем, милок. Как бы не засыпаться...[27]

Когда приятели подошли к двери библиотеки, Сеня прислушался. Во дворе был слышен какой-то шум, движение людей, разговоры.

— Постой, Димка. Слышишь — шухер![28] Видно, облава, арест или обыск идет в какой-нибудь роте. Надо переждать, а то неравно вляпаемся. А пока там что, посидим, потолкуем.

Когда приятели уселись у окна, Сеня с каким-то колебанием начал:

— Слышь-ка, Дим... Вот что я давно уже хотел у тебя спросить... Объясни ка ты мне толком по-человечески, насчет Бога... Я в Савватьеве спрашивал у батей, но, признаться, ни черта не понял. То ли они очень умные, то ли я дурак. А только ихнего языка я не понимаю. А ты парень свойский, ты человечьим языком трепаться можешь. Так объясни мне по-хорошему, что такое Бог... Я, право слово, не понимаю.

— Это, Сеня, и не удивительно, — улыбнулся Дима. — Может быть, миллионы людей пытались понять, что такое Бог и не могли. Бога не понимать надо, а чувствовать.

— Ну вот, — недовольно скривился беспризорник. — И ты туда же! Воду в ступе толочь стал и туману напущать. Да ты понятнее как-нибудь скажи! Мне,

[26] Мф 7. 7.
[27] Попасться.
[28] Тревога, скандал.

милок, никоторое не утешение, что столько-то там милльонов людей не понимали. Мне надо, чтобы я понял. Ну не будь же сволочью, Димка, объясни по-хорошему!.. Люди говорят — я не дурак, и мозги мои неплохо варят. Я, по тюрьмам сидючи, даже читать выучился. И кое-что читал... Ей-Богу! А только тут никак в толк не возьму. Чувствую — тут что-то не так, как тот мне с библиотеки объяснял. Но какая тут косточка внутре — никак ухватить не могу.

Беспризорник помолчал.

— И сказать тебе еще по правде— вот гад буду, не вру — страсть хочется мне что-то ухватить в этом деле. Словно... ну... голод какой-то внутре появился... Вот видал я, как тот старикан монах помирал. Не так, как все. А я, милок, смертей, да мертвяков навидался всласть. И сам не одного пришил на своем веку. А тут — на-ко-ся! Старик умирал, словно домой счастливый уходил, а не голый в яму. Вот те и фунт!.. С чего бы это? А то вот еще, помнишь, мы с тобой землю с могилы воровали? Так тоже — словно на душе тепло было. Кажись, не первое воровство — видывали мы, слава Богу, виды! А только тут я словно что повыше делал. Этакой Герой Иванович, что ли... А то вот еще митрополит-то твой, кого в Савватьеве шлепнули... Да и ты тоже. Косточка какая-то в вас есть. Сломать вас можно, а согнуть вот никак...

Сеня беспомощно махнул рукой.

— Ты, слышь, того... Не серчай... Я, конечно, толком сказать не могу, — я ведь почти что неграмотный. Такой шпаны, как я, в нашей Расее мно-о-о-го мильонов. Все мы словно заплутались в жизни. День прожил — и ладно. А про то, что дальше, да что в человеке, да что после смерти — про то не думаем. Наше дело — вот: угробить кого, стырить, смахлевать. Конечно, может, это и неладно, да что ж делать-то? Не мы такую жисть сляпали, а помирать, милок, никому не охота... Но только как-то пусто так вот жить, как собака или там воробей — только для брюха. Пока крутишься среди шпаны всякой — так и не замечаешь. А вот соткнешься с другими — и сразу видишь: что-то не то. Так, да не так... И даже скажу — завидно: вы все, вот монах тот, бати, вы вот, скауты — вы внутре спокойны. А с чего — чорт вас знает. Я вот и думаю — это потому, что вы в Бога веруете... Это верно ваша косточка в жизни и есть. Так я вот, Димка, и прошу тебя по-хорошему — объясни мне что про Бога. Неужто же я понять не смогу?..

В полумраке и тишине монастырских сводов несвязная речь беспризорника звучала отрывисто и странно. Лицо его раскраснелось и было взволнованным. Он умоляюще глядел на Диму, и юноша чувствовал, что он обязан был что-то ответить на эти вопросы.

Скаут беспомощно оглянулся кругом, словно ища помощи. Он знал: нет в мире слов, которые могли бы объяснить человеку, что такое Бог. Юноша чув-

ствовал: нельзя объяснить словами, почему любишь, почему ненавидишь, почему жалеешь, почему веришь, ибо есть что-то в человеке, что выше его несовершенного ума, выше его способностей к мышлению. Как объяснить необъяснимое?..

Но мальчик, его маленький друг, смелый, прямой и по-своему честный, сидел рядом и доверчиво и жадно ждал ответа. И он обязан был найти понятные этому мальчику слова, пусть даже самые несовершенные...

Несколько минут длилось молчание. Наконец, Дима вздохнул.

— Ну, ладно, Сеня. Попробую я, хотя зверски трудно это. Часто так вот бывает: чувствуешь, понимаешь душой, а на словах — никак не объяснишь... Но я тебе расскажу просто, как я сам про это все думаю. Может, это не очень по-научному, по-церковному, но, Бог даст, ты поймешь хоть немного...

Прежде всего, Сеня, человеческий ум никак не может переварить того, что вот *раньше*, мол, ничего не было и *потом* тоже ничего не будет. Как это так «*ничего*»?.. Ученые объясняют, что наша земля создалась из какой-то там звездной пыли. Было ее скопление, потом все сгустилось, образовалось что-то твердое, ну и пошла шараманка вертеться. А сама звездная пыль, наша папаша, так сказать, образовалась от столкновения других планет. Все это очень красиво и понятно. Но откуда, чорт побери, те планеты-то взялись? Тоже из какой-то там звездной пыли? Ну, а та пыль — откуда взялась?.. Словом, должно же где-то быть начало всего этого, что-то вечное, что всегда было и всегда останется, хотя брат, мы с тобой помрем, и земля опять рассыплется в какую-то там очередную пыль... Потом, погляди дальше. Вот «сгустилась» наша земля. Была она в начале огненной, потом остыла, а потом — глянь — на ней жизнь появилась. То ли она сама собой зародилась, то ли со звездной пылью откуда-то принесена. А ведь жизнь — это прямо чудо! И вся она устроена по законам. Взять какую-либо пылинку или атом (это — в тысячу раз меньше пылинки), и оказывается, что они управляются теми же точными законами, что и солнечная система... И законы эти куда выше и мудрее, чем могли бы создать наши человеческие мозги... Ты спрашиваешь, что такое солнечная система? А это вот что: около земли крутится луна. Это, выходит, наша система. Земля с луной крутятся — и точно, куда точнее любых часов! — около солнца. Это солнечная система. В ней есть и еще планеты. А эта система крутится еще около какой-то точки, кажется, около созвездия Геркулеса. А это созвездие еще около там чего-то... Но есть ли начало и конец этим всяким «системам»?.. Вот теперь ты, Сеня, понимаешь, что я хочу сказать: это вот *начало* и *конец*, *вечность* и *движение*, *жизнь* и *разум* — это вот все вместе и есть Бог. Он везде в мире: и в пылинке, и в солнце. А больше всего его в нашей душе, в совести, словно там какая-то искра всегда горит и все освещает: и — «для чего ты живешь», и — «правильно ли поступаешь». Вот поэтому-то и тебе на душе хорошо

было, когда ты землю на могилу относил: совесть довольна была. Вот потому и у нашего старика монаха внутри светло было... А, помнишь, мы раз спорили, что, мол, все равно, как умирать. Нет, брат — далеко не все равно. Нужно жить по Правде, по Справедливости. И вот эта искра Божья внутри всегда подскажет, что бело, что черно... Нужно только не тушить ее. И вот еще что важно: без любви, без доброты искра эта не горит... Без любви никогда ни черта хорошего не сделать. Что ж, потвоему, монастырь этот столько веков существовал, потому что принуждение было? Вовсе нет — тут была великая сила веры в Бога и любви... Вот ты говоришь, у тебя на душе пусто. А это потому, что тебе нечем жить, нечего и некого любить. А вот появится кто-то или что-то — и сразу теплее будет на сердце. И надо, чтобы всегда была прежде всего любовь к Богу, ибо он есть источник Любви и Правды в мире.

Юноша замолчал и с волнением оглядел монастырские своды, словно они тоже впитали в себя все тепло веры в Бога тысяч и тысяч людей. Какая-то искра все ярче разгоралась в его душе, и голос звучал все взволнованнее. В этот момент он на миг понял чувство пророка и проповедника, творца и ловца человеческих душ. Величавые звенящие строки Пушкина мелькнули в его памяти:

Восстань, Пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!..

Как он понимал теперь это: «жги сердца людей»! И каким беспомощным, немым чувствовал он себя перед величием заданного ему вопроса. А человеческий волчонок, израненный и исковерканный советской жизнью, жадно слушал его слова, и видно было, что в его душе идет напряженная работа.

— А если нет в душе любви, если нет чистой совести — вся жизнь пуста и холодна. И никогда счастья не будет. Счастье внутри нас... Возьми к примеру Новикова: что ему? Сыт, пьян и нос в табаке. А что у него на душе? Тьма и грязь... А, помнишь, наш старик умирал? Нищий, больной... А какое у него счастливое лицо было? Значит, внутри светло было... Нет, брат, не все равно, как и за что умирать... А потом вот еще что: ну, умрешь, ну, а что дальше? В яму закопают? И ни черта не останется? Не верится этому. Есть что-то в человеке, что не умирает. В это верить надо, тогда и умирать легче будет, и сила будет к концу жизни придти со спокойной душой — совестью. Поэтому-то нужно веру в Бога иметь и любовь к людям... Помогать им, прощать нужно...

— Как так: прощать? — вдруг спросил Сеня. — Всем? Всем? Новикову тоже? И его любить нужно?

— Ну, это то уж я не знаю... Может быть, такой вот святой старикан, как наш монах, простил бы даже Новикову. Я — ясное дело — не прощу...

— Фу, ну и то слава тебе Богу! А то на такой любве ко всем далеко не уедешь. Не дальше ямы. А какой-нибудь сволочь Новиков тут пьяный сбоку стоять будет, да смеяться?

Дима не нашелся, что ответить по существу.

— Да, конечно. Ко всем любви не напасешься. Но не в том дело. Если не ко всем, то хоть своим близким нужно душевно помогать. А то без любви, да тепла — жить нечем...

— Это вот ты здорово сказанул, Димка! Это вот верно: нужно, чтобы внутре тепло было. А то живешь, словно где-то под печенкой холодный лягушонок какой-то сидит... Крутишься, как навоз в проруби, а там внутри словно душно... Вот, браток, спасибо! Ты хоть и сам, видно, не так чтобы все это здорово понимаешь, но я все-таки все ухватил, что нужно... Спасибо тебе. Там насчет началов, да умов всяких — путанно что-то, а вот насчет тепла, да любви, — это вот и я понимаю. Это вот, значит, и есть главное Божье — своим помогать по-хорошему: блат оказывать. Это вот и я понимаю!..

ГПУ не забывает!

— Вот что, товарищ Букреева! Я позвал вас для отчета по возложенному на вас поручению. Докладайте, что вы вынюхали?

Голос Новикова был сух и жесток. Он сидел за своим письменным столом в комендатуре кремля, а перед ним стояла Оля, вызванная из лазарета.

— Я, товарищ комендант, не собака, чтобы вынюхивать что-либо! — холодно ответила Оля на слова коменданта.

— Чорт вас знает, обидчивые все какие-то нонеча пошли! — проворчал Новиков. — Что ж я — переучиваться языку буду для вас, что ли? Со всеми одинаково говорю. Понятно, и баста. Не треплитесь и не забудьте, с кем дело-то имеете. Ну, так что узнали?

Оля понимала, что раздражать коменданта было слишком опасно. От его каприза зависела жизнь и ее и Димы. Надо было играть в какую-то игру, игру слабого. Она сдержалась и ответила:

— Пока еще точно ничего не узнала. Но, кажется, он действительно подозревает что-то насчет клада. Мне надо бы с ним почаще встречаться, товарищ комендант. По правилам лагеря встречи мужчин и женщин запрещены под страхом карцера. Я прошу, чтобы это правило было ослаблено в отношении нас.

Новиков насмешливо усмехнулся.

— Это-то можно. Я скажу кой кому. А если все-таки вас где-нибудь накроют — звякните мне, я вас сейчас же освобожу. А что — паренек-то втюрился, кажись, всерьез? Жених № 2? А?

Несмотря на все свое хладнокровие, девушка почувствовала, что кровь приливает к ее щекам.

— Это не имеет отношения к делу, товарищ комендант.

— Погодите, погодите, распрекрасная моя. Именно имеет. Вам надо задурить его голову и выпытать у него все, что он знает или подозревает о кладе. Как это сделать, какой ценой — дело ваше. Хоть натурой! Хоть вы и мне здорово нравитесь, но ревновать я не буду. Может, вас и для меня хватит? А как ты на этот счет думаешь, цыпочка? Закрутим с тобой, что ль?

Глаза коменданта замаслились, он подошел к девушке и хотел ее обнять. Та побледнела, отшатнулась и отвела его руку.

— Товарищ Новиков... Я уже раз вам сказала у начальника, что я сделаю, если вы будете ко мне приставать... Я вам — не лагерная проститутка...

Толстая морда палача залилась кровью от досады, но он сдержался, вспомнив, что девушке поручено важное задание. Губы его искривились в деланной усмешке.

— Ну, ну... Мы потом на этот счет с вами еще поговорим, милашка, — угрожающе сказал он. — Чорт вас знает, какие вы недотроги! Да бросьте вы принцессу разыгрывать, гражданочка! Раз навсегда не забывайте: вы — на Соловках, а не где-нибудь. Тут от вас самой зависит быть живой и целой. Вам дано задание — выследить человека и узнать у него тайну клада. Вы взялись, и точка. До сих пор с вас пользы, как с козла молока, ну или... с коровы яиц. Ха, ха, ха... А надо действовать! Весна идет, сердца тают... Да, да, еще раз говорю — бросьте вы раз навсегда привычку делать гордый вид. Плевать я на него хочу! Вы обязаны понимать — с вами я могу сделать все, что захочу!

Новиков угрожающе приподнялся из-за стола.

— Понимаете это? Все, что за-хо-чу... Вы уже не первый год на Соловках — пора это понимать и не драть носа кверху, невинность разыгрывать... Мы вами недовольны — пока никаких сведений от вас не получено. Теперь — март. Даю вам три месяца сроку. Если к первому июля вы ничего не узнаете — пеняйте на себя... Можете идти.

Девушка молча повернулась и вышла.

— Эй, дежурный! — заорал Новиков. Вошел солдат.

— Вызови-ка ко мне сейчас же из 4 роты Кубрина.

— Есть, товарищ комендант!

Через несколько минут перед Новиковым стоял высокий худой парень с острыми воровато бегающими глазками и длинным узким лицом.

— Вот что, Кубрин, — медленно сказал Новиков. — Дело тебе есть. И дело важнецкое. Провернешь — не только срок скинем, но и к себе опять на службу возьмем. Как сыр в водке кататься будешь. А прошляпишь — последний твой

гешефт будет... Дело вот в чем. Надо хорошенько наладить слежку за двумя заключенными — вот тебе их имена, фотографии и места работы. Хотя они и молодые, можно допускать их встречаться, сколько им хочется. Но не упускай их с вида. Если подслушаешь что важное — при сразу же ко мне — ночью и днем. Если они станут что предпринимать — следи и нюхай. Что вынюхаешь — докладай мне. Только имей в виду — в чем там дело — тебя не касается. Ежели что догадаешься — сообщи мне и забудь моментом. Иначе шлепка в сей же минут. Короче — задание самое боевое. Выполнишь — начальством будешь. Прокакаешь — голову с тебя сорву. Дело первейшей важности. Да вот что еще — ежели ты по своей палестинской натуре захочешь на этом деле руки погреть — я тебе до шлепки еще и все жилы вымотаю. Мое слово — сам знаешь, крепкое! Ну, а теперь — катись катышком!

Решение ребуса

Днем сторожевая рота почти вся спала. Ее работа начиналась большей частью с вечера.

В разных пунктах кремля и около него помещались многочисленные продовольственные, вещевые и иные склады. За кремлем было много и простых сараев со всякими запасами лагеря. Замки и запоры этих складов были пустяшным делом для специалистов воров, присланных на остров со всех концов СССР. Любой гвоздь или проволка в их опытных руках легко открывали всякий замок. Поэтому около складов ставились сторожа. Но и сторожа должны были быть честными, иначе все было бы мигом раскрадено. И по парадоксу советской действительности этими честными людьми были прежде всего, по официальной терминологии — «служители культа» — священники всех родов вероисповеданий, в большинстве случаев, старики. Между ними было и несколько скаутов, негодных по болезни на другие работы.

На воле честность и идейность этих людей была опасна и вредна для советской власти. Но в концлагере на этих стариков были возложены обязанности охраны, и чекисты знали — эти не украдут.

Вот почему Дима в тот вечер не спеша завернул в платок кусок хлеба, потеплее обернул ноги газетной бумагой, взял пропуск и медленно вышел из кремля. Сегодня ему предстояло сторожить склады корабельных материалов, расположенные у Святых Ворот.

Он сообщил об этом через Леню Оле и ждал ее посещения. Надо было обо многом поговорить и решить.

Друзья встретились радостно. Между ними все росло и крепло чувство доверия и неразрывной спайки. Решение найти клад и бежать связало их еще и

каким-то новым ощущением боевого братства людей, которые рано или поздно станут лицом к лицу со смертельными опасностями.

— Ну, что нового, Дим?

— Нового — миллион. Прежде всего, я добрался-таки до Евангелия и узнал все, что можно было. В нашем ребусе остается только непонятным слово «посолонь».

Девушка торжествующе улыбнулась.

— В этом деле мне, Дима, повезло. Это я узнала!

— Ну? А как?

— У нас в лазарете больной профессор богословия лежал. Я затеяла с ним что-то вроде спора на высокие материи и незаметно выудила у него то, что нужно.

— Это здорово! Так что же значит это слово?

— А это, видишь ли, лет, вероятно, этак с триста тому назад еще во времена церковных расколов, когда от Православной Церкви откололись старообрядцы, был такой догматический вопрос: в каком направлении идти с крестным ходом вокруг церкви?

Дима поднял на девушку удивленно-недоумевающий взор.

— Постой, Дима. Не делай такого вида! В старину, дорогой мой, и не такие странные вопросы люди стремились решать. А дело практически стояло так. Ты знаешь, алтарь православных церквей всегда обращен на восток. Вот так, — она взяла щепку и, присев на борт опрокинутой на берегу барки, стала рисовать на снегу. Никто из них не заметил, как в это время серая тень, незаметно скользившая за Олей из кремля, осторожно приблизилась и притаилась с другой стороны барки.

— Видишь? Вот это церковь, вот алтарь. Вот восток, вот запад. И был, значит, такой вопрос: в какую сторону повернуть крестный ход, выйдя из ворот церкви? Так вот, в сторону севера, и называлось посолонь, то есть, по ходу солнца. В общем «посолонь» — это поворот по кругу от запада к северу. Понятно?

— Ну, конечно. Это тебе здорово удалось. Молодец, Олик! А то я был прямо в унынии. Знаешь сама — кому доверишься? Тот настоятель, у кого я про значки узнал, уже слег — тбц[29] последней степени...

— Но все-таки, что ты узнал?

— Мне до Евангелия не легко было добраться. Если бы не Сенькина хитрая башка — так, может быть, и не добрался бы. Тут в Соловках Евангелие, кажется, труднее достать, чем скрижали Моисея...

— Но все-таки?..

— Вот тот стих Евангелия Матфея, на который было указание на камне: «Просите и дастся вам. Ищите и обрящете. Толцыте и отверзется вам».

— И больше там ничего нет?

[29] Туберкулез.

— Там дальше — философия идет. И под другими буквами. Но этот стих — точен.

— Ну и загадочка, — задумчиво произнесла девушка. — Гм... Теперь давай, Дим, по методу Шерлока Холмса рассуждать последовательно. Что тут за намек в этом стихе Евангелия?.. «Просите и дастся вам»?

— Ну уж, здесь насчет «просите» — забыть надо, — усмехнулся Дима. — Тут иначе, по-боевому: «Проси, а не дают — бери сам».

— Конечно. Значит «просите» отпадает. Дальше: «Ищите и обрящете».

— Мы и ищем... Но вот насчет того, обрящем ли — сумлительно штоп...

— Все таки «искать» — дельный совет. Послушаем Святого Матфея. Старик, вероятно, умный был. Зря не писал... Как ты сказал там еще?

— «Толцыте и отверзется вам».

— Это яснее... Тут, ей-Богу, уже что-то есть... — Девушка опустила голову на руки в раздумьи. — Да, — тут что-то есть... Указание более ясное и практическое — «толцыте и отверзится вам». А к этому и направление указано — «посолонь»... Но что «толцыте»?

— А ведь монах еще слово — «Кудеяр» сказал. Тут ясно, как апельсин, что он на могилу Кудеяра намекал.

— Там, где я тебя перевязывала?

— Надо полагать. Другой же могилы Кудеяра нет. Нельзя же похоронить Кудеяра молодого в деревне, разбойника Кудеяра где-нибудь на Волге, а монаха Кудеяра в Соловках!

Девушка не обратила внимания на шутку Димы. Брови ее были нахмурены, и мысль напряженно работала над разгадкой ребуса. Несколько минут оба молчали.

— Вот так задача?.. Но элементы, Дима, для решения у нас, кажется, все есть: Толцыте, посолонь и могила... Что бы это могло обозначать? Гм...

— Тут я, Оля — пасс. Если настоящее дело делать, зубы кому-либо вывернуть, или человека из винта на полкилометра срезать — это по моей части. А вот насчет выдумок — я не спец. Как это Сенька говорил — мозговой извилинки не хватает.

— Да будет тебе шутить, Дим... Давай лучше думать: нужно же!

Внезапно складка раздумья на ее лбе разгладилась и с порывистым движением, как бы приглашая юношу помолчать, она воскликнула:

— Господи!.. Да ведь ясно!.. Не «могила», а «могилу». Боже мой! Ну, конечно же! Толцыте могилу Кудеяра посолонь — и она отверзется вам. Могильную плиту... Ведь это так просто!

Дима радостными глазами смотрел на оживившееся Олино лицо и не сразу понял ход мыслей и доказательств девушки. Зато реагировал он много бурней.

— Чорт его раздери, Олька! А ведь и верно! Все одно к одному так и пристает. Ах ты, Господи! Да как это мне раньше самому в голову не пришло?.. Ей Богу, дорогуша, без тебя я бы никогда до сути сам бы не докопался... Ты у меня вумная, как Соломоновы штаны... Тут, ей Богу же, «неумолимая жжже-лезная марксическая логика»...

— Так ты тоже думаешь, что это верно?

— Да, Господи! Конечно же!.. Теперь дело только за проверкой. Подождем хорошей бурной ночки и попробуем... «Толцыте»... Ха, ха, ха... Ну, что ж — мы и толкнем! На это пороху хватит с избытком.

Оля с ласковой усмешкой следила за взволнованной речью Димы, за его оживленным лицом и взрывом энергии. Что-то материнское промелькнуло, в ее глазах, словно крепкий мужественный юноша показался ей на минутку расшалившимся самоуверенным ребенком.

— Ладно, ладно, Димушка... Весенних бурь еще, Бог даст, хватит, но чтобы не напороться на кого-либо!

— Ну вот еще! — самоуверенно отозвался Дима. — А святой Георгий Победоносец то на что? Неужели он на Соловках своих скаутов оставит без покровительства?

Оля звонко рассмеялась, и ее обычно серьезное спокойное лицо внезапно преобразилось — сделалось мягким и веселым.

— Славный ты, Димушка мой. Сколько в тебе жизнерадостности!

— А ты... ты... одолжи ее у меня, Олик... Я ведь — с радостью...

— Я знаю, голубчик, — ласково ответила девушка, прощаясь, и невольно в ее голосе ясно дрогнули нотки нежности.

Глава X
МОГИЛА КУДЕЯРА

Песня русская

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим...
Так в Соловках нам рассказывал
Инок честной Питирим...

Как часто из ящика радио по разным волнам и из разных станций по всему миру прокатывается могучий и мягкий напев этой знаменитой русской песни! Старинная легенда о разбойнике Кудеяре, переложенная в стих и музыку, звучит и очаровывает весь мир.

Наша русская песня, совершая свое триумфальное шествие по всем странам, имеет в «Кудеяре» один из лучших образцов национального музыкального твор-

чества, овеянного тем неуловимым ароматом «ame slave»[30], который так неотразимо, «наповал», пленяет душу европейца.

«*Что-то*» есть в наших песнях: что-то от шири наших бескрайних степей, что-то от величия наших суровых гор, что-то от тиши наших могучих лесов, что-то от несравненной духовной стойкости нашего русского племени. И все это завораживает мелочную сантимо — реалистическую душу современного европейца. Ведь, что ни говори, внутренние сокровища знаменитого русского писателя «Толстоеффски» доступны немногим, а очарование русской песни легко покоряет душу любого...

Сила этой песни непонятна европейцу. Да ему никогда и не понять, что именно пленяет его узкую душу: этот ли размах чувства, эта ли глубь тоски, этот ли разлив заразительного веселья, этот ли разгул безудержной удали? Но это «*что-то*» пьянит и завораживает с неотразимой силой.

Так это — иностранца! Что же говорить про нас, русских? И может ли существовать Россия без русской песни? И не она ли, эта песня, является тем мощным магнитом, который (особенно теперь!) спаивает нас всех душевно в единый русский монолит?

А ведь и правда:

— Чья песня, кроме русской, может овеять нашу душу мягким покровом светлой печали?

— Чья песня может сжать наше сердце благородной освежающей болью?

— Чья песня может волшебно перенести нас в мир бескрайней трепетной любви или в мир огневой, ни перед чем не останавливающейся страсти?

— Чья песня, наконец, может зажечь усталые глаза, выпрямить согнутую спину и забыть серое «сегодня» в вихре веселых удалых звуков?

Чудесна русская песня! И нельзя верить, чтобы такая песня не была дана великому народу...

Легенда

«Жили двенадцать разбойничков, Жил атаман Кудеяр»...

Жили они не мало веков тому назад — в те далекие годы, когда государственные формы были еще не установившимися, и все виды неизбежных социальных несправедливостей были тогда рельефнее и резче, чем теперь. Эти несправедливости вызывали волнения и бунты — и стихийные массовые, вот вроде Стеньки Разина или Емельки Пугачева, или более мелкие, когда появлялись разбойнички вроде Булавина или Кудеяра.

Отметьте сразу же большую разницу между «разбойником» и «разбойничком». Одна буква в этом слове меняет весь его облик. В России далекого про-

[30] Славянская душа (фран.).

шлого «разбойничек» вовсе не был грабителем на большой дороге или бандитом, преследующим свои личные цели наживы. Для таких у народа был специальный клеймящий термин — «душегуб». А почти сердечное слово «разбойничек» в глазах народа определяло борца за какие-то идеалы, за народные интересы, словом, тот тип, которым когда-то в средневековой Англии был Робин-Гуд. Да и у нас, в России, разве не овеяно имя какого-нибудь Стеньки Разина ореолом романтизма великой борьбы «за правду»? Разве не окрашено оно фантастическими красками народной симпатии, не окружено оно уважением к гордой, не сгибавшейся и не согнувшейся душе человека, голова которого скатилась на Красной Площади?

Пусть с тех пор каждый год
По церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ
О нем песни поет
И с любовью его вспоминает...

Пусть по тому времени идеалы таких «разбойничков» были примитивны и государственно ошибочны. Пусть борьба за них шла грубая и кровавая, но идеалы эти — пусть даже смутные — были. Немного имен таких борцов сохранила нам народная память, еще меньше — история, но имени Кудеяра почему-то повезло: он стал как бы символом, типом такого «разбойничка» — сурового и свирепого борца за народ.

История не сохранила нам, конечно, ни его настоящего облика, ни его «curriculum vitae»[31]. Народные легенды рисуют его как неустрашимого врага богатеев и насильников. Кудеяр грабил и уничтожал злых купцов, жадных целовальников[32], воевод-мздоимцев, и деньги эти раздавал беднякам. Именно поэтому народная память с такой любовью сохранила в своем сердце это имя, как человека, близкого народной боли и народным страданиям.

Много разбойнички грабили,
Жили в дремучем лесу... —

поет песня. Из таких вот дремучих, Брянских лесов смелые разбойнички делали свои набеги и жестоко карали тех, кого они по своей упрощенной «политграмоте» считали кровососами народа.

Много разбойнички пролили
Крови людей христиан...

Легенда, как и всегда полагается легенде, тянется к театральным эффектам и неожиданно резко обрывает рассказ о своем любимом герое:

[31] Описания жизни.
[32] Владельцев кабаков.

Вдруг у разбойничка лютого
Совесть Господь пробудил...

Не об этом ли «вдруг», не об этом ли душевном переломе поет другая народная песня?

На старой Калужской дороге
На сорок девятой версте...

стоял дом какого-то лиходея-купца, против которого атаман направил свой удар. Этот удар «ватаги» был, как всегда, молниеносным и кровавым. В течение нескольких минут погиб купец и вся его семья: Кудеяр был беспощаден и не оставлял никого в живых из «злого семени». И, движимый силой этого своего правила, он бросился и к колыбели, в которой спал маленький ребенок.

От шума около колыбели дитя проснулось. Его светлые доверчивые глазки встретились со зловещим взором атамана. Кудеяр поднял окровавленную руку...

В этот миг первый луч утреннего солнца пробился через окно и сверкнул на лезвии ножа. Ребенок радостно засмеялся, и его маленькие розовые лапки потянулись к блеску стали, как к занятной игрушке.

И... выпал нож из руки сурового атамана...

Ame slave

Душа русского человека, рожденная среди необъятных просторов великой страны, впитавшая в себя качества многих воинственных поколений и всего лучшего, что только есть в многочисленных народах Империи — эта душа всегда склонна к широкому размаху чувств и поступков. В этой душе часто так причудливо совмещаются: великодушие и жестокость, любовь и ненависть, фатализм и предприимчивость, подвижничество и разгул, богема и трезвость, покорность и бунтарство, ярость преступления и искренность покаяния, глубокая задушевность и стихийный масштаб эмоций...

Нет половинчатости в душе русского человека! И чудесно описал это чувство — «или-или» наш; русский поэт гр. А.К. Толстой:

Коль любить — так без рассудку,
Коль грозить — так не на шутку,
Коль ругнуть — так сгоряча,
Коль рубнуть — так уж сплеча.
Коли спорить — так уж смело,
Коль карать — так уж за дело,
Коль простить — так всей душой.
Коли пир — так пир горой!..

Велики контрасты в душе русского человека, и мало в ней чувства меры. В этом — ее обаяние, но в этом, отчасти, и ее проклятие, ибо, повинуясь властному зову своей широкой души, русский человек может творить и великие дела и совершать великие преступления...

Много смолоду было бито-граблено,

Под конец надо душу спасти...

Русский маятник качнулся в русской душе Кудеяра из одной крайности в другую. Светлые невинные глазки ребенка пробудили в его полной противоречий душе иные чувства, иные импульсы...

Бросил своих он товарищей,

Бросил набеги творить.

Сам Кудеяр в монастырь ушел,

Богу и людям служить...

В Соловках Кудеяр сделался монахом-подвижником. Много, много лет провел он там в посте и молитве, и когда столетним стариком умер он в тишине и покое Северной Обители, его похоронили во дворе кремля у стены Преображенского Собора. Такое почетное место для могилы было своеобразной данью уважения монахов суровому отшельнику, носившему в монастыре имя инока Питирима. Но не начертали никакой надписи монахи на могильной плите Кудеяра. Монашеское имя его не было известно паломникам монастыря. А само слово «Кудеяр» было именем великого грешника, кровавая память о котором еще и после его смерти долгое время волнами прокатывалась по стране.

Память эта вылилась и в чудесной песне:

Жили двенадцать разбойничков,

Жил атаман Кудеяр...

Песня про простых разбойничков! Но почему не может не вздрогнуть русское сердце при звуке этой величественной песни? Почему затихает, как завороженный, заграничный зал, когда с мягким рокотом мощно прокатятся по нему первые торжественные волны этой нашей, нашей русской песни?

Кто вызовется объяснить это?..

Душа сексота

Молодые люди не подозревали, что их разговор подслушан шпионом.

Когда девушка ушла, Кубрин подождал, пока Дима не отойдет в сторону, и вынырнул из-под барки. Его лицо сияло — сведения, которые он подслушал, были, несомненно, очень ценны.

Радостно и весело шел он к коменданту, предвкушая его похвалу и награду. Но чем дольше думал еврей над подслушанными словами, тем медленнее делались его шаги.

Он признавался себе, что немного понял из разговоров молодых людей. Но, тем не менее, он был уверен, что принесенные им сведения в сумме тех данных, которые, вероятно, имеются у Новикова, дадут возможность раскрыть какую-то тайну. Какую — он точно не знал, ибо ни Оля, ни Дима не упомянули о кладе. Шпион знал только вывод — надо что-то, зачем-то сделать в кремле у могилы Кудеяра. Но ни слова «посолонь», ни текста Евангелия он не понял.

Кубрин думал над всеми этими вопросами все напряженнее, и в связи с этим его шаги становились все медленнее. Наконец, озаренный какой-то догадкой, он совсем остановился.

— Ах, чорт! — воскликнул он. — Да тут, пожалуй, и в самом деле ничем другим, как кладом пахнет! Не зря ведь столько лет все говорят о сокровищах монахов! Новиков тоже зря не стал бы меня на слежку ставить по пустяшному делу... Вот оно что? Тут, значит, Новиков хочет моими руками жар загрести? Я, мол, ему подмогну открыть эту тайну, он меня тут же пошлет на луну без пересадки, а сам всем попользуется? Так, так... — Лисья физиономия еврея исказилась злобной усмешечкой. — Не на дурака напал, наш Новиков-то. Я и сам сумею присмотреть за этими щенятами. Мне и самому бы невредно пенки снять. Зачем себя обижать? Открой им только эту тайну — поделятся они со мной. Как же!.. Держи карман шире!.. Каждый прежде всего сам о себе думать должен!.. Ха, ха. Как это поется:

— *Мы сами — одессисты,*

И знаем все до чиста!

Без денег этот номер не пройде-е-ет!..

А тут хорошим гешефтом за 2 версты пахнет!

И мечтая о грабеже клада, шпион пошел прямо в свою роту, решив пока что ничего не открывать Новикову.

Соловецкое подземелье

Снежная вьюга металась в каменных проходах Соловецкого кремля. В низкие арки монастырских ворот она то наметала высокие острые сугробы, то капризно рассыпала эти сугробы снежной пылью и белыми смерчами.

В кремле уже давно прекратилось всякое движение. Старый монастырь спал. Громады его соборов, зданий и башен были овеяны какой-то торжественною печалью северного холода. Люди словно инстинктивно чувствовали, что теперь вне

стен зданий имеет право царствовать только полярная вьюга, и там нет места ничему живому. Поэтому редким запоздавшим прохожим и часовым казалось, что свирепый ветер нарочно бьет их по лицу ледяными руками за нарушение исключительного права только вьюжным струям двигаться в эту ночь в кремле. Все живое встречало в эту ночь яростный отпор гневно гудящего ветра и старалось скрыться в каменные монастырские здания.

Белая весенняя северная ночь была темной из-за тяжелых туч и снежной пыли.

Дима, назначенный сторожем у склада внутри кремля, медленно ходил вдоль стены одного из соборов и думал о судьбе многих тысяч людей, запертых в этих стенах старого монастыря, ставшего теперь тюрьмой. Ему казалось, что каждый камень этих твердынь, который раньше говорил о прежнем величии и славе, теперь пропитан кровью и слезами страдающих тут людей. Он вспоминал, как в такую вьюгу он сам работал в лесу, и невольно струйки дрожи пробегали по его спине...

К двум часам ночи вьюга разбушевалась с полной силой. Снег носился горизонтальными струями по всем направлениям, и в нескольких шагах не было ничего видно.

В такую минуту сквозь снежную мутную пелену к Диме направилась какая-то темная фигура. Это была Оля.

— Ну как, Дим? Лучше погоды и не придумаешь? — прокричала она ему на ухо. — Попробуем?

— Погодушка по спецзаказу! Для свадьб ведьм и наших планов. Идем, Оля. Тут вот за углом...

У высокой наклонно поднимавшейся стены Преображенского собора на открытом месте ветер выл еще яростнее. Темная надгробная плита на могиле Кудеяра была окружена спиралями сухой снежной пыли. Дима наклонился к ней и стал толкать северный конец продолговатого камня в сторону востока. Долгое время камень не поддавался. Дима налег еще сильнее, всем своим весом, и тогда что-то скрипнуло, и плита стала медленно поворачиваться.

Юноша с удвоенными от радости силами налег еще и еще раз, и, наконец, плита полностью повернулась около своей невидимой оси, открыв небольшое темное отверстие. Дима опустил туда руку и нащупал железную лесенку.

— Ну, Оля, тебе первой! У нас теперь опасности в арьергарде, а не впереди. С Богом!

С помощью Димы девушка без колебания скользнула в темное отверстие. В полной темноте ноги ощупью находили ступеньки лестнички и скоро достигли какого-то пола. Следом за девушкой спустился и Дима.

Когда он был на последней ступеньке, он заметил сбоку в стене каменного колодца чугунное колесо с ручкой. Было очевидно, что это механизм, закрывающий вход. И, действительно, тяжелое ржавое колесо со скрипом повернулось, и каменная плита мало-помалу закрыла отверстие наверху. Скауты остались одни в подземелье монастыря.

В это время наверху какая-то длинная фигура в белом балахоне, выглядывавшая из за угла собора, подошла к закрывшейся могиле, тревожно оглянулась вокруг и притаилась за ближайшим памятником.

***

Слабый свет зажженной Олей свечи осветил подземелье, похожее на небольшой каменный колодезь, стены которого были сложены из громадных неотесанных камней. В одном углу этого колодца высилась каменная плита, вероятно, над перенесенным сюда прахом Кудеяра. В другой стене, напротив могилы, было вделано большое чугунное колесо с ручкой. Над ним была надпись, высеченная крупными буквами на камне: «Аще кто верою войдетъ — спасенъ будетъ. Аще кто силою — смерть прииметъ».

Около самого колеса на медной покрытой зеленым налетом пластинке было выгравировано: «Рцы чадо, молитву Отче Нашъ, исповедуй Символ Веры Православной и тогда токмо твори свой трудъ съ именемъ Божиимъ».

Дима уже взялся было за ручку колеса, готовясь к первому повороту, когда Оля, словно придавленная каким-то мистическим уважением к суровому предостережению надписи, взмолилась:

— Постой, Дима... Ради Бога, прочти сперва эти молитвы!

— Да ведь у нас, Оля, времени нет, — запротестовал юноша. — Надо побыстрее все это сделать!

— Нет, нет... Уж, пожалуйста, сделай это для меня. У меня на душе что-то неспокойно...

Диме не терпелось двинуться дальше. Он с досадой пожал плечами, но Оля была неумолимой. А уже давно во всех вопросах, требовавших сообразительности и силы духа, юноша привык подчиняться своему другу. Вот почему он с гримасой, но послушно оставил колесо и начал читать молитву. С помощью Оли он вспомнил и Символ Веры, позабытый с времен детства, и потом опять взялся за ручку.

— Ну, а вот теперь — с Богом! — прошептала девушка.

Большое колесо скрипело и визжало. Повернув его несколько раз, юноша стал уставать. В этот момент что-то скрипнуло в стене, и большой боковой камень начал поворачиваться. Юноша удвоил усилия, и скоро в стене открылось

узкое отверстие. Молодые люди протиснулись в него и попали в длинный каменный коридор, высеченный в скале. Коридор этот имел какие-то разветвления, тупики, и повороты. Дима сейчас же догадался, что выбитый на камне-изголовии Святителя Филиппа рисунок и был планом этого лабиринта.

Засучив рукав своей рубашки, он поднес свечу к татуировке. От главной линии сразу же отходил какой-то тупик, здесь представлявшийся в виде отверстия какой-то пещеры.

— Заглянем туда, Оля?

Тупик оказался чем-то вроде длинного коридора, почти комнаты, тоже высеченной в скале. У стены стоял каменный гроб, над которым висела давно потухшая лампада перед старинной иконой. В призрачном свете свечей молодые люди с трудом прочли надпись на гробнице: «Вы, сущие въ суете мира, пребываете въ мученiях и взыскуете Града. Азъ же, многогрешный, обрелъ домъ свой, миръ и покой, предстоя предъ Лицемъ Бога Творца и Промыслителя».

Прочтя эту надпись, девушка невольно вздохнула.

— Вот где и когда люди спокойно умирали!.. А когда Бог нам с тобой пошлет мирную жизнь и светлую смерть?.. Что-то еще предстоит впереди?

— Э, Оля... Нам теперь пока что о смерти врагов нужно думать, а не о своей... Что будет — то будет, а будет то, что Бог даст...

Немного придавленные тишиной подземелья, Дима и Оля медленно пошли вперед, руководствуясь планом на обнаженной руке юноши. В некоторых тупиках при свете свечей тусклой ржавчиной мелькнули старинные решетки — память средних веков, когда Соловки были местом заключения важных еретиков.

Коридор шел все дальше и, казалось, ему нет конца. План точно указывал на тупики и повороты и, наконец, привел скаутов в большую пустую комнату. Три стены этой комнаты были высечены в сплошной скале. Четвертая была сложена из больших каменных плит. В комнате не было никаких дверей, рычагов, колес или чего-либо, указывающего на наличие других помещений.

Дима и Оля с удивлением и тревогой переглянулись.

— Тут что-то не так, — тихо сказал Дима. — Давай осмотрим, как следует, стены и пол. Не может быть, чтобы этой пустой комнатой заканчивалось все наше путешествие!

Разойдясь в разные стороны, молодые люди стали тщательно осматривать при свете свечей странную комнату. Через несколько минут Оля воскликнула:

— Дима... Вот здесь знаки какие-то! — Действительно, на большой каменной плите были вырублены знакомые значки, те самые, которые были и на каменном изголовии и на коже руки.

— Это опять указание на текст Евангелия, — в раздумье сказал Дима. — Очевидно, в этом тексте опять надо искать разгадки.

— Это уже не трудно. «Толцыте и отверзется вам». И все. Очень умно придумано. Без знания этого текста Евангелия никто ничего не мог бы догадаться. А ну-ка, Дим! Поднапри!

Дима передал свечу Оле и нажал плечом сперва на один, потом на другой конец плиты. Что-то скрипнуло, и в стене образовалась щель. Оля с боязливым любопытством просунула туда руку и голову, но вдруг внезапно выпустила свечу и в страхе откинулась назад. Юноша поддержал ее своими сильными руками.

— Что с тобой?

Девушка дрожала всем телом, и голос ее не слушался. Очевидно, страшное напряжение нервов последних дней и часов не прошло даром.

— Там... Там... — прошептала она прерывающимся голосом. — Там монах сидит.

— Да не может быть?.. Тебе, верно, померещилось!

Девушка прижалась к Диме.

— Сидит... Посмотри сам... Мне страшно!

В ее голосе было столько ужаса, что он невольно передался и юноше. Он покровительственно обнял Олю свободной рукой и поднял свечу выше. Тело испуганной девушки, прижавшееся к нему, почему-то влило в него волну смелости и задора. Странная и юмористическая мысль мелькнула в его голове:

«Да, собственно говоря, не будь здесь Оли, я и сам здорово сдрейфил бы!»

Но он был не один. В его силе и смелости нуждалась милая его сердцу женщина, и он почувствовал себя теперь мужчиной-покровителем слабой испуганной подруги.

Он еще крепче обнял Олю и спокойно сказал самым беззаботным тоном:

— Ну и что ж?.. Монах, так монах... Чего же нам беспокоиться? Пойдем, поздороваемся. Мы ведь не грабители с большой дороги. Мы — русские скауты.

И просунув плечо в отверстие, юноша сильным движением повернул плиту еще дальше и смело пролез в таинственную комнату.

Оле не почудилось. Действительно, первое, что бросилось Диме в глаза — это была фигура монаха с желтым восковым лицом, сидевшего в кресле перед столом и, казалось, сурово смотревшего на нарушителей тайны этой комнаты... Юноше и самому сделалось жутко, и он невольно отшатнулся назад. Но через несколько секунд он понял, что монах давно уже мертв. Ему почему-то сделалось легче.

Он поднял упавшую из рук Оли вторую свечу, зажег ее о свою и повернулся к отверстию.

— Не бойся, Оля! Этот монах давно уже умер. Иди сюда.

Немного оправившаяся девушка присоединилась к нему. Их две свечи лучше осветили большую комнату, и молодым людям сразу сделалось ясно, что именно здесь и хранится монастырский клад. По сторонам сводчатого подземелья стояли громадные кованые сундуки, а у одной из стен на каменных полках сияли золотом и драгоценностями старинные кресты и иконы...

Несколько минут Оля и Дима стояли неподвижно. Замогильная тишина этой таинственной комнаты, мертвый старик монах, сияние драгоценностей монастыря — все это казалось сном. Страшная действительность, клубок человеческих страданий где-то над их головами, их собственные опасности и усилия — все это стало на минуту нереальностью, чем-то вроде полузабытого кошмара. Течение жизни, казалось, остановилось. Существовал только этот заколдованный сказочный мир, огражденный от всего остального серыми каменными стенами и мистикой тайны...

Но вот Дима шевельнулся, поднял выше свою свечу, и очарование исчезло. Вместо сказки и сна, двое русских скаутов взволнованными стояли в подземелье перед мертвым стариком.

— Я думаю, этот монах остался на страже клада, — шепотом сказал Дима. — Думали — скоро кончится все это. Так, здесь он и умер у монастырских сокровищ!

— Вероятно, — согласилась Оля... — Но как здесь жутко, Дима.

— Ну, ничего. Наша совесть спокойна. Мы ведь не грабить сюда пришли. Пойдем, посмотрим, что там.

Юноша подошел к первому попавшемуся сундуку. Он был закрыт. Дима оглянулся в поисках ключей и только тогда заметил, что в окостеневших руках старика, лежавших на коленях, была большая связка ключей.

— Посмотрим, Оля, что там в сундуках?

— Ах, нет, нет Дима... — нервно поежилась девушка. — Нельзя брать ключей из его рук! Он — хранитель сокровищ и пусть им и остается... Не будем оскорблять его смерти... Он ведь, как часовой на посту...

— Но как сохранилось его тело! Вероятно, это старый аскет, схимник. Тело его так и застыло и высохло в этом сухом холодном подземелье...

Друзья подошли к полкам. Уборы икон, золотые сосуды, различные кресты засияли тысячами драгоценных камней. Громадные подсвечники из чистого серебра, золотые массивные лампады, жезлы патриархов, митры и облачения занимали несколько полок. К удивлению Димы, внизу на каменном полу лежали старинные шлемы и панцыри, украшенные драгоценностями и золотом. Отдельно лежала великолепная шашка.

Юноша не выдержал. Даже здесь воинственные мужские инстинкты дали себя знать.

— Оля, — умоляюще произнес он. — Подержи-ка мою свечу. Я — на секунду...

Сверкающая сталь шашки казалась изогнутым лунным лучом. Несколько вмятин на ее острие показывали, что это не парадное оружие, а боевой товарищ какого-то воина. Рукоятка шашки была украшена изумительными драгоценными камнями, которые, казалось, сами светились в темноте.

Поднеся клинок к свече, Дима прочел надпись на клинке: «Кошевому Отаману Сичи Запорижской».

Дима сейчас же вспомнил, что тут на Соловках когда-то умер Кальнишевский — последний атаман воинственной днепровской республики — Сечи Запорожской, уничтоженной Императрицей Екатериной II. Атаман прожил в монастыре до 119-летнего возраста и умер на острове, отказавшись отсюда уехать... Он-то, вероятно, и передал в сокровищницу монастыря эту драгоценную шашку...

Отдельно на полке стояла незапертая шкатулка. Дима открыл крышку, и взорам молодых людей представилась коллекция старинных перстней: золотых и серебряных, массивных и тонких, с драгоценными камнями, печатями и знаками.

Дима вынул одно кольцо, которое показалось ему самым замечательным. Это был, видимо, очень старинный серебряный перстень в форме печати с несколькими громадными бриллиантами.

— А знаешь что? Надо бы взять собой это замечательное кольцо, как доказательство того, что мы действительно видели клад.

— А разве это не будет святотатством?

— Почему же? Ведь мы не для продажи его берем! Вот гляди — я даже перекрещусь... Бог мне свидетель — я с чистой душой делаю это. А ведь мы обязаны предусмотреть все, что можем, для успеха своей задачи...

Девушка вздрогнула.

— Ну, хорошо... Только идем отсюда, Дима. Мои нервы не выдерживают больше...

Пятясь к выходу, молодые люди опять невольно встретились с мертвым взором монаха. Но теперь им уже не казалось, что старик смотрит на них гневно и сурово. Теперь желтое лицо мертвеца выглядело мягким и благожелательным, словно он, страж клада, рад был видеть в этой таинственной комнате не грабителей, а русских людей, верящих в Бога.

У отверстия в стене Оля и Дима перекрестились и быстро вылезли из тайника. Дима нажал плечом на каменную плиту, и она тихо стала на свое место.

Обратный путь был уже знакомым, и скоро скауты стояли в каменном колодце у могилы Кудеяра.

— Дай, Дима, немного посидеть, — взмолилась Оля. — Столько впечатлений... Неужели это правда? Неужели это не сон?.. И тайна клада в наших руках?

— Ну вот, какой там сон!.. У меня даже плечи ноют от этих колес, да поворачиваний плит... А как все-таки здорово монахи все устроили! Таких секретов наворотили, что без знания разгадки — ни в какую никому клада не найти.

— А все-таки, Дима, я никогда не решилась бы ограбить такое место. Тут словно заклятье какое-то лежит!

— Конечно. Мы потому и можем быть спокойны, что совесть у нас чиста.

Внезапно шепот Димы прервался. Быстрым движением он нагнулся к свече девушки и потушил ее. Дунув и на свою, юноша потащил Олю за могильную плиту.

— Что?.. Что там такое?

— Ш-ш-ш-ш-ш!

В наступившей тишине где-то наверху послышался скрип поворачивающейся плиты. Потом в темноте раздался шум спускающихся по лестнице осторожных шагов и треск зажигаемой спички.

Молодые люди теснее прижались к каменной стене и со страхом смотрели, как зажженная свечка озарила какую-то белую фигуру. С первого взгляда ее можно было принять за какое-нибудь привидение соловецких подземелий, но скудное пламя осветило худое напряженное лицо еврея. Это был Кубрин, шпион Новикова. Он наблюдал исчезновение наших друзей, прождал час и решил сам тоже спуститься в подземелье.

Теперь Кубрин испытующе огляделся вокруг, повернул колесо, закрыв плиту, и подошел к другому колесу в стене. Там он при свете тонкой свечки прочел надпись на стене, презрительно фыркнул и взялся за рукоятку. Она не поддавалась силе одной руки. Тогда Кубрин, вставил свечку в щель стены, положил рядом с собой на пол что-то тяжелое металлическое и взялся за колесо двумя руками. Колесо скрипнуло и повернулось. В тот же момент что-то резко звякнуло, серый камень под ногами шпиона внезапно опустился, и его тело скользнуло вниз. Донесся заглушенный вскрик, глухой удар, и серая каменная плита равнодушно вернулась на свое место...

Оля и Дима с бьющимися сердцами смотрели на эту короткую драматическую сцену и долго не могли шевельнуться.

— Боже мой... Кто это?

— Да, вероятно, шпион какой-нибудь... Выследил нас... И погиб... Фу-у-у! А ведь правильно было сказано: «кто силой войдет — смерть»... Он не прочел молитвы и погиб. Тут верно, какой-то механизм есть. Кто стоял на одном месте, молясь несколько минут — тот ничем не рисковал. А кто спешил — тот погибал. Спасибо, Олик, что ты меня заставила все выполнить...

Он поглядел на побледневшее лицо девушки и ободряюще похлопал ее по плечу.

— Ну, ничего, ничего, Оля! Все уже прошло... Давай теперь удирать отсюда.

Дима осторожно вышел на средину комнаты и зажег свою свечу. При ее свете он разглядел на каменном полу револьвер.

— Вот это удачно! Чека предоставляет нам оружие. Вот спасибо... Ну, а теперь топаем, Оля. Довольно нам сильных ощущений. Идем!

Когда молодые люди были уже на лестнице, Дима остановил девушку:

— Еще одно, Оля. Наган я спрячу сам в надежное место, там где остальные золотые монеты. А вот кольцо — я думаю, пусть оно лучше у тебя будет. Ты в меньшем подозрении. Ты не испугаешься риска?

Оля молча взглянула на юношу, и тот понял свою бестактность.

— Прости, дружище, за глупый вопрос... Так, значит, и решим. Теперь дело за планом побега. Если Бог поможет — сбежим!

На дворе по-прежнему свистела и бушевала вьюга. Начинало чуть светать. Никто в кремле не знал о происшедших событиях. Единственный человек, пытавшийся грязной рукой коснуться святых сокровищ монастыря, лежал мертвый в колодце подземелья. А два русских скаута, которым судьбой была вверена тайна Соловков, с еще бьющимися сердцами пожимали друг другу руки, прощаясь под ударами вьюги.

Глава XI
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Угроза

Весна побеждала даже в Соловках. Снег слепил глаза под яркими лучами солнца. Ночи сменились прозрачными сумерками. В защищенных от ветра местах снег уже начинал таять. Какие-то ранние пичуги уже прилетели с юга и наполнили своим гомоном хмурые соловецкие леса. Бухты еще были покрыты льдом, и только радио, да изредка самолет поддерживали связь с материком.

Истощенные весенним недоеданием и цингой, заключенные жадно ждали свежих продуктов с «воли», первых посылок, новых людей и новостей из «другого мира». Северная весна, мягкая и лирическая, будила жизнь и надежды в утомленных людях. А чем было жить десяткам тысяч запертых на острове людей, как не надеждами?

В один из таких мягких светлых вечеров Дима медленно ходил около каких-то складов у кремля и тоже мечтал о «другой жизни». Он знал, что, оставшись в СССР, он после трех лет заключения на Соловках должен пробыть еще три года ссылки в Сибири и потом еще три года не сможет вернуться в родные места. Итого — 9 лет сурового наказания... И за что?..

Конечно, нужно было бежать за границу. Но как легко было это сказать и как трудно было выполнить!.. Юноша думал о трудностях побега, и невольно сердце

его сжималось. Если бы он был один — было бы как-то морально легче. Но идти на такой риск с Олей?..

— Что, молодой человек? Задумались? Склад у вас прямо из-под носа уворовать можно?

Дима вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял Новиков. Он был без шинели, в традиционной чекистской кожаной куртке с неразлучным наганом на боку. От него несло спиртом, и физиономия его была довольной.

— Сторожим, говорите? Ну, что ж, и это дело... Лучше, чем антисоветскими делами заниматься... Ха, ха, ха... А хорошо на солнышке? Верно, товарищок? Особенно, когда кишки водочкой сполоснуты! Ха, ха, ха... Ну, а как ваши дела, дорогая гидра контрреволюции? Вас что-то частенько с девочкой какой-то видят. Ухаживаете по малости? Как успехи?

Потом его настроение резко изменилось, словно он что-то внезапно вспомнил. С нахмуренным лицом комендант подошел к Диме и, схватив его за плечо, многозначительно спросил:

— А где Кубрин?

Юноша никак не ожидал такого вопроса.

— Какой Кубрин?

— Будто не знаешь? Длинный такой, худой... С лисьим носом... Где он?

В памяти Димы, как молния, пронеслась картина, как в подземелье спичка осветила худое лицо шпиона. И как потом его тело неслышно скользнуло в колодезь... Так вот откуда шла слежка!

Очевидно, на лице юноши что-то промелькнуло, так как комендант еще грубее тряхнул его за плечо и опять спросил:

— Что вы с ним сделали?

Но юноша уже оправился. Он спокойно взглянул на Новикова и удивленно повторил:

— Какой Кубрин? В первый раз слышу, товарищ комендант...

Новиков отвел руку и опять испытующе поглядел на скаута.

— В первый раз? Ну, ну... А что-то мне кажется, молодой человек, что вы о Кубрине нам кое-что могли бы порассказать... Да, да! Не прикидывайтесь простачком — мы и сами не пальцем деланные. И нас не так-то легко провести... Я так думаю, что вы мнооооооогое знаете. Только вытянуть с вас это трудно... Но ничего — вытянем все, что надо... Если надо будет — то и с жилами... Здесь *наша власть*. И если бы вы были потолковее — вы сами бы открыли, что знаете, и давно уже, как сыр в водке, катались бы!..

— Да что открыть-то, товарищ комендант?

— Что? — медленно повторил Новиков. — Вам лучше знать — что.

— Да я ничего не знаю... Вы, вероятно, опять насчет той монеты, которую мне мать дала перед арестом?.. Вам везде клады мерещатся...

— Чорт вас знает, Зеленов, — усмехнулся Новиков. — Парень вы, кажется, не дурак, а никак не можете сообразить, что мы вас как под стекльшком держим и никуда вам ходу больше нет. И пока вы будете дурака валять — вам же хуже будет. Сами себе петлю на шее затягиваете... Пальцы-то вы уже потеряли? Я то знаю — парень вы не из трусливых, но на кой чорт вам головой о стенку биться? Лучше уж выдайте тайну...

— Какую тайну?

— Ну вот, опять... У попа была собака, поп ее любил... Вот баранья башка!.. Не хотел бы я быть на вашем месте...

И он повернулся уходить.

— И я на вашем месте тоже не хотел бы быть... — негромко сказал ему вдогонку Дима. Новиков услышал эти слова и обернулся. К удивлению скаута, он не рассердился. Наоборот, его лицо искривилось подобием какой-то благодушной усмешки.

— А ты, паренек, ей-Богу, молодец! Люблю смелых! Столько гнили теперь на свете развелось, что часто на них патрона жалко. А ты, ты парень — что надо... Тебя, пожалуй, даже жалко и расстреливать будет. А видно — придется... Ну, что ж... Сам захотел!..

Душа беспризорника

...Господу Богу не молимся,
Бога в республике нет.
С ним пролетарии борются,
Чтобы не правил кадет!

Дима глядел вслед ушедшему Новикову и был так погружен в смысл сказанных им зловещих слов, что не сразу услышал звуков песни. Подошедшему Сене нужно было хлопнуть приятеля по плечу, чтобы вывести его из задумчивости.

— Что это ты, Димка? Невры расшалились или весенняя грусть одолела? А?

— В голове туман, Сеня. Мыслей много... И решить никак не могу...

— Эва, — засмеялся Сеня. — Тоже заботу себе выискал! А ты попросту не думай, вот тебе и весь сказ. Много думать будешь — скоро шлепнут. Это, милок, верная тюремная примета. А ты живи себе, как пташка Божия: поел, поел и спать... И горюшка ей мало!

— Тебе легко здесь, Сеня. У тебя и компания своя везде и ответственности никакой. Ты — пташка Божия одиночная. Тебе что?

— Ишь, как ты мудрено заговорил? А все-таки — ей-Богу же, ты бы поменьше думал. Облысеешь, а все равно ни черта не выдумаешь! Сказал ведь какой-то смешняк: когда, говорит, в голове заведутся вши — это, конечно, паршиво, но жить еще можно. А вот когда мысли заведутся — погиб человек совсем!..

— Хороший у тебя характер, Сенька! Тебе все нипочем!

— Это уж что и говорить!.. Если человек столько, как я, навидается — ему все нипочем... Я, милок, тебя старше лет этак на полста. Сколько уж лет живу, как пташка советская: где спер, где сбондил, где извернулся, где ужулил. Мудрено ли этакий характер выработать? У нас, милок, ежели не извернешься — никакой поправки нет: сразу амба! Из нашей беспризорной шатии, из урок, может, из ста какой пяток выживает. Но зато этот пяток — гвозди — не люди: зубами не перегрызешь. В воде не горят, в огне не тонут...

— Еще бы!.. По тебе, Сень, видно... Садись, если время есть. Ты как-то обещал мне рассказать, как ты в беспризорники попал. Тебе не больно об этом вспоминать?

Сеня медленно поднял голову и задумчиво посмотрел на бледное северное небо.

— Больно? Нет, чтобы больно — так нет... Но и забыть этого тоже нельзя, хоть и просто все это было... Я сам, видишь, деревенский. Мы — с Тамбовской губернии, деревня Михайловка. Семья крепкая у нас была. Хорошо жили... А потом, помнишь сам, раскулачивание пошло. Вот раз ночью и к нам приперлись комсомольцы, да сельсоветчики. Стали перво-наперво выгонять с дома. А в ту пору мать больна была... Как стали ее стаскивать с полатей, папка-то и не выдержал. И за топор. Вывели его, ясно, во двор и пустили в расход...

Беспризорник рассказывал свою трагическую историю просто и обыденно. Но в его памяти, как волны в бурю, поднимались одна за другой картины, которые жгли душу, как каленое железо...

Холодная осенняя ночь. Плач детей в полутемной избе, наполненной чужими людьми. Тяжелые ругательства и удары. Стон больной матери. Пьяные крики раскулачивателей. Побледневшее лицо отца. Огонек бессильной ярости в его глазах. Сверканье топора. Страшная борьба в полумраке хаты. Окровавленное лицо отца, и его последний взгляд. Минута придавленного молчания в хате, и треск выстрелов во дворе. Потом — долгий путь на вокзал, посадка раскулаченных в поезд, вспышка отчаяния и побег.

Сенька с рельефной яркостью, словно это было вчера, помнил, как бросали детей в товарные вагоны, как схватили и его, как злобно вонзил он свои зубы в грязную волосатую руку чекиста, как на секунду почувствовал себя свободным и нырнул под вагон в темноту...

Но у беспризорника не хватало слов, чтобы нарисовать все эти страшные картины. Он только просто закончил:

— А как стали нас сажать в вагоны, я вжалил зубами какого-то гада в руку и смылся. Вот и все...

Приятели помолчали.

— А что потом сталось с твоей семьей, не знаешь?

— Не... Если б теперь дело было, может, я б и остался с ними — помочь чем. А тогда я что ж — щенок малый был: про себя только и думал. Однако, думаю, в Сибирь живым никто не доехал... А если и доехал — куда ж там выжить? Да и что бабы с ребятами сами сделают? А мужиков ведь — либо на тот свет, альбо в лагерь... Всем — могила...

Лицо Сеньки сделалось мрачным.

— Ладно, — угрожающе закончил он. — Народ ничего этого не забудет. Бог даст — настанет время — все попомним!

На лице беспризорника не было видно никакого волнения. Он говорил твердо и жестко, как о чем-то само собой разумеющемся. В голосе мальчика были нотки взрослого человека, твердо знающего, кому и за что он будет мстить.

Дима с новым интересом вгляделся в открытое лицо Сени, в его твердо сжатые губы, и почувствовал, что этот паренек может быть опорой и настоящим товарищем в жизни. И внезапно ему пришло в голову, что этого крепкого друга было бы так хорошо иметь своим спутником в побеге.

Дима знал, сколько риска в этом побеге за границу, как мало смогут помочь ему в лесу и во время опасностей слабые силы Оли, и понял, каким драгоценным товарищем может быть ему Сеня.

В его памяти с необычайной яркостью вспыхнули строфы песни пиратов из «Сердца Трех» Джека Лондона:

— Ветра свист, и глубь морская.

Жизнь недорога! И — гей!

Там, спина к спине, у грота

Отражаем мы врага...

Сеня был таким именно товарищем. В минуту опасности к нему можно было повернуться спиной в полной уверенности, что он не изменит, не предаст, что он там, сзади, может погибнуть, но не уйдет, не убежит в страхе и не дрогнет душой... С такими друзьями, как Оля и Сеня, можно было рискнуть на любые дела.

Юноша опять взглянул на Сеню, словно с новым интересом. Тот заметил его испытующий взгляд.

— Чего ты воззрился? А ты что ж — Новикова забудешь, что ли? Ежели там что — какого цвета у него печенка — не поглядишь?

— Я не про то... Про Новикова, конечно, не забудем. Но я тебе про иное хотел сказать... Мне, видишь ли, совсем невмоготу стало. Знаешь сам — после лагеря — Сибирь, потом — «6», потом опять все начнется. С карандашика ГПУ не так легко сорваться... А я уже и без того мало что не инвалид... И задумал я, знаешь что?

Глаза беспризорника оживились догадкой.

— А что? Сдрапать? К нашей шатии пристать? Сламщиком со мной быть?

Дима недоуменно отшатнулся.

— Каким сламщиком?

— Да на пару со мной работать?.. Верно, Димка, брось свои книги — не доведут они тебя до добра. А ежели мы вместе сдрапаем — мы такого наделаем, что небу жарко будет! Вот это ты здорово удумал! Дай пять!

— Погоди, Сеня! Не так-то это все просто. Ведь удрать отсюда вовсе не так легко.

— Вот еще? Правда, с Соловков еще покамест никто не драпал, но почему, чорт его раздери, нам-то с тобой не быть именно первыми? Я спрашивал: пытались отсюдова удирать люди прижматые — перед самой шлепкой. А знаешь, что я тебе скажу? Эта, как ее там — судьба, что ль? — не любит она мрачности да отчаяния. Ей, милок, подавай таких людей, чтобы все зубы были видны — со смешками, да весельем. Тогда и она тебе дорожку подмажет. Такие вот мы с тобой и есть. Димка. Нам судьба подмогнет! Ей-Богу, пра!..

— Ну, а ты думал, как бежать?

— Думать, признаться, не думал. Однако ж, ежели башку взять как следует в оборот — она, стерва, все придумает. Не только ведь она для этой пакли предназначена, да для цели Новиковскому нагану...

Сеня провел пальцами, как граблями, по своей спутанной черной шевелюре и весело оскалил рот выбитыми зубами.

— Ей-Богу, Димка, ты не дрефь! Одному завсегда тоскливо на большое дело идти. А вдвоем, с таким вот гвоздем, как ты — отчего и не попробовать?

— Ну, а если нас будет больше, чем двое? — Сеня поглядел на приятеля с тревожным удивлением.

— Кого ж еще? Тут, милок, доверяться никому нельзя. А на такое дело, как драпеж, надо только своих людей иметь.

— Я про своих-то и говорю.

— Так кого же?

— Да вот — Олю Букрееву.

Беспризорник даже привстал от неожиданности.

— Бабу то? Да ты что, Димка, сбрендил, что ли? Да разве ж можно с юбкой на такое дело идти?

— Нужно, Сеня, — твердо ответил юноша. — И вот еще почему: бежать мы хотим не только из лагеря, но и за границу.

Сеня удивленно замолчал и поднял брови.

— Ага, вот оно что? — протянул он. — Это, конечно, другое дело, если за границу. А только на кой тебе дьявол туда переться? Что ты там забыл? Что ты там делать-то будешь? Там, говорят, голод почище нашего, мертвяки прямо на улицах валяются, рабочего брата даже в трамваи не пускают, фашисты там разные зверствуют, мировая революция — вот-вот — бахнет. Чего тебе туда лезть?

— А видишь ли, Сеня... Думаю я, что все эти рассказы про заграницу — враки. У нас тут белые офицеры в Соловках есть. Они, дураки, всяким амнистиям поверили и вернулись оттуда в СССР. Так они рассказывали совсем другое. И голода там нет, и людей не расстреливают за здорово живешь. Словом, там иная жизнь. Но я не потому решил драпать, что там лучше. Митрополит Иннокентий, которого убили в лесу, поручил мне передать за границу, как он погиб... и всякие там церковные дела.

— Ага... Тот старикан, кого в Савватиеве шлепнули? Помню... Душа человек был. Значит, он тебе и поручил такое сделать?

— Да.

— Ну, тогда совсем другое дело. Ежели такой старикан приказал — делать нечего. Надо, значит, жисть на попа поставить...

— А ты как — согласен?

Сеня почесал затылок.

— Оно, конечно, это много опасней. Если поймают на побеге в Расею — это еще куда там ни шло. Может, только срок добавят. А если за границу — тут, милок, ссылка прямо в могилевскую губернию... А потом, говорят, из заграницы буржуи всех беглецов обратно выдают...

— Так что ты решаешь? — с затаенным волнением спросил Дима.

Беспризорник медленно поднялся с бревна.

— Ладно, Димка! Погибать, так уже с музыкой и вместях. Люблю я тебя, буржуя недорезанного! Чорт с тобой, драпаем!

— Значит, ты не сдрейфишь? Ведь не забудь — за побег за границу расстрел неминуемый.

— Тю!.. Нашел, чем пугать! Нас, милок, советских, шлепкой не напугаешь. Нас скорей жизнью советской напугать можно... А это даже занятно там рассказать об нашей жизни. Только ведь не поверят, сволочи. Животы у них, верно, жирком обросли — куда им понять нашу жизнь?..

— Значит, я на тебя могу твердо рассчитывать?

— Ну, что еще за еврейский вопрос? Я своему слову хозяин. Сказано и баста. Самое трудное — решить. А потом что? Пустяк! Шлепкой меня не спугаешь. Раз уж родился — о чем тут горевать? Поглядим, какая она такая — твоя загармоница. Заметано! Дай пять!

Напоследок!

— Тебе к кому, шпаненок?

Лицо секретаря начальника В.П.О. было сурово. Грязный оборванный посетитель, стоявший перед ним, оскорблял его взор.

— К начальнику, товарищу Рубинчику!

— Он таких, как ты, не принимает. Говори, в чем дело?

Наш приятель Сеня не смутился суровым приемом.

— Мне надо говорить с самим начальником. По личному государственному делу.

— Говори прямо, что нужно, — с досадой огрызнулся секретарь. — А то вышибу в два счета. Брось дурака валять!

— Зачем бросать: поднимать некому... А только что к начальнику мне в самделе очень нужно. Ежели потом он узнает, что вы меня сейчас к нему не пустили — он вас, товарищ секретарь, вышибет в два счета...

— Ах ты, щенок! — вскипел чекист.

— А вы не волнуйтесь, товарищок, а то молоко в голову бросится! А только я вам всерьез говорю. Дело такой важности, что я начальника все равно где-нибудь увижу. И тогда скажу ему, как вы со мной обошлись... Ваша обязанность — не вышибать, а докладывать начальнику о важных посетителях!

Сеня был важен, невозмутим и настойчив. Секретарь, не ожидавший такого отпора, подумал, кисло усмехнулся и встал.

— Ну, ладно... Чорт с тобой... Я доложу.

***

На лице начальника В.П.О. Рубинчика было ясно написано удивление. Он с любопытством оглядывал Сеню и улыбался.

— Так какое же у тебя «государственное дело» ко мне?

Сеня невозмутимо повернулся к секретарю.

— Вы, товарищ, не очень обидитесь, если я попрошу вас выйти вон?

— Это почему?

— А видите ли, товарищ начальник, дело у меня к вам строго секретное. Не для всяких там секретарей.

Толстый еврей улыбнулся еще шире. Поведение Сени забавляло его.

— Вот это да... Ничего не сделать, Круглов. Оставь-ка нас... Ну, а теперь рассказывай, парень, что у тебя за секретные дела.

— Разрешите сесть, товарищ начальник.

— Как бы тебе в карцер не сесть, — нахмурился Рубинчик. — Что ты нахалом себя держишь! Имей в виду: если вздумал меня разыгрывать — это тебе дорого обойдется! Отсюда прямо на Секирку попадешь...

Сеня усмехнулся.

— Не пугайте, товарищ начальник. Для меня Секирка — вроде дома отдыха. Я не с слабонервных... А дело у меня к вам теперь самое пустяковое. Мне нужно получить пропуск к вам на квартиру на сегодня вечером.

Дома, где жило все лагерное начальство, помещались невдалеке от кремля, были обнесены проволокой и охранялись часовыми. Доступ туда заключенным был запрещен. Поэтому неудивительно, что просьба Сени изумила Рубинчика. Он даже вынул сигару изо рта.

— На квартиру? Ко мне? Да, ты паренек, с ума слез, что ли?

— Пока что еще нет. И вам не советую, товарищ начальник. А только вы мне сейчас дайте пропуск и сигару.

— Это что еще за безобразие? — рассердился еврей, думая, что над ним издеваются. — Да я тебе сейчас!..

— Не волнуйтесь, товарищ начальник. Потому, что у нас с вами дела посерьезнее будут, чем карцерами пугать... Нагнитесь ко мне через стол — я не хочу громко говорить. И без того, верно, секретарь за дверями слушает...

Рубинчик сдержался и наклонился к Сене через стол. Его толстое лицо было нахмурено, и видно было, что он находится на грани вспышки.

— Ну?

— Ну, ну... А дело, товарищ начальник, касается... со-ло-вец-ко-го кла-да... Я напал на след... Но тут говорить об этом не хочу — не дай Бог подслушают!.. Потому-то я и хочу к вам придти на дом, рассказать все...

Лицо Рубинчика изменилось и выразило глубокий интерес. Он хорошо помнил разговор с митрополитом у Эйхманса и знал, что вопрос о кладе для лагеря — вопрос чрезвычайной важности. Может быть, и в самом деле этот грязный воришка кое-что отыскал?..

— Это другое дело. А больше про это дело никто не знает? Новикову ты не говорил?

— Эва! Неужто я на дурака похож?.. Ведь Новиков клад слизнет, а мне в благодарность пулю в затылок ввинтит... Знаем мы его, Новикова-то!.. А вы,

товарищ Рубинчик — человек антилигентный, образованный. К вам вся наша шпана доверие питает. Вы меня не забудете!..

Толстый еврей мигом сообразил, какие выгоды несет ему лично открытие тайны монастыря. Он представил себе, как его руки первые касаются драгоценностей, и узенькие глаза его блеснули.

— Да, да... Конечно, конечно... Я понимаю... Так, ты, товарищ, значит, хочешь со мной дома обо всем этом потолковать?.. Здесь — конечно, не стоит... Вот тебе пропуск. Сегодня в 19. Ты знаешь, куда?

— Ну ясно... А теперя, товарищ начальник, угостите сигарой.

Через минуту Сеня с самым гордым видом прошел мимо секретаря. На секунду остановившись у его стола, он не спеша вынул сигару изо рта и кинул пренебрежительно:

— Адью, товарищ вышибала!

Ошеломленный секретарь не нашелся, что ответить...

***

Вечером Сеня сидел на квартире у Рубинчика и таинственным шепотом врал:

— Когда я был на Савватиевской командировке, туда пригнали митрополита какого-то... Я уж не помню, как его звали... Высокий такой с бородой...

— Может быть, Иннокентий?

— Во, во... В самую точку попали... Иннокентий... Так он там, ясное дело, перво-наперво с попами снюхался. А сам скисать стал. Вот раз и было дело. Как-то, помню — долго толковал он с какими-то двумя попами в уголке. И, видать, серьезно — те бороды так и выпятили. А потом стали на коленки, словно малые дети. Мне что — каждый с ума сходит по-своему. Я и внимания, как следует, не обратил. А потом митрополит этот куда-то запропал. Загнулся, что ли — я уж и не знаю... Как-то ночью вышел я с барака до ветру, слышу за мной какие то двое идут. Я в сторонку и за пень. А ночь темная была... Сели те двое на бревно и давай говорить. А это те попы-то и были. Много я не понял с их разговора, но кое-что ухватил. Видно, им митрополит что-то о кладе открыл. Как я понял — где-то в кремлевской стене он спрятан, возле Святых Ворот... А те удумали проверить это. И договорились они встретиться первого, второго али третьего июня — через, значит, два дня. Почему в этые дни? А очень просто: никто из них не знал, когда он опять в кремль с леса попадет... Словом, решили они встретиться за Варваринской часовней, возле складика там сзади... Вот я и надумал, товарищ начальник, вам объявиться за помощью. Если бы вы мне устроили освобождение от работ на три дня — я бы там засаду сделал, выслушал бы, высмотрел, а потом вам и доложил бы... Как вы думаете?

— А ты знаешь попов этих?

— Ну ясно, что знаю.

— Так, может, проще было бы их арестовать и попытать?

— Э, бросьте, товарищ начальник! Эти попы ведь, как гвозди. Их голыми руками не возьмешь. Тут хитрость нужна. А то они упрутся, как бараны в стену, и ни в какую. Все дело пропадет. Шлепнуть их — дело нехитрое, но вместе с ними и тайна в яму пойдет... Вы не знаете их — они ведь сокровища эти святыми считают...

Рубинчик вспомнил поведение митрополита Иннокентия и не мог не признать, что опасения беспризорника справедливы. Насилие тут могло испортить все.

— Это ты, мальчик, верно говоришь. А только... ты не врешь?

— Товарищ начальник. Да на кой хрен мне врать-то? Вы же меня знаете — я Сенька Щербатый. И в лицо меня уже помните. Ведь если я вам совру — вы меня на Секирке сгноите, а то и шлепнете... А мне что? Все едино мне самому кладом попользоваться нельзя — я же заключенный. Какой же мне расчет вам врать или разыгрывать? А если я вам помогу клад открыть — вы меня в люди выведете!

— Ну, конечно. И денежную награду получишь и освобождение.

— Вот видите. Так на кой же чорт мне вам врать? А надумал я так: на том складике есть вроде чердачка. Я туда заберусь заранее и проторчу там все эти два, три дня. И все подслушаю. Если попы эти куда пойдут — вы мне записочку дадите насчет телефона — я вам тогда мигом звякну: вы попов этих на месте и накроете...

— Ну что ж... Это ты правильно придумал. А если они пока не решат клад проверить?

— Тогда подождем, а я следить буду. Только мне к вам ходить много нельзя, товарищ начальник. Неравно кто увидит — стукнут попам, и мне больше доверия не будет. А пока они мне верят, потому что меня митрополит тот шибко любил... Так что, если я вам позвонить не смогу — то записку оставлю где-нибудь.

— А это не опасно?

— Ну вот еще? Мы так уговоримся: вместо слова «попы» я вам напишу «бутылки». А вместо слова «клад» — «картошка». Вот и вся недолга. Разберись-ка! А спрячу записку я вот как. Перед тем складом за Варваринской часовней перед самой дверью каменная плита лежит. Так я под нее записку и подсуну...

Рассказ беспризорника был очень похож на правду. Слишком рисковал он своей шкурой, если бы все это было враньем. А с другой стороны, он ничего не просил и сам вызывался быть шпионом. Гешефт был явно выгодный для Рубинчика. Поэтому тот и не колебался, не подозревая, разумеется, что Сеня через несколько дней собирается бежать.

— Ну, ладно... Я согласен. Если ты меня не обманешь и что-нибудь откроешь — будешь на всю жизнь устроен. Паренек ты, я вижу, сообразительный. Что же тебе нужно?

— Да вот записочка насчет освобождения от работ на несколько дней и насчет телефона: чтобы меня всюду допускали с вами говорить.

— Ладно. Это все?

Сеня словно бы замялся.

— Да мне совестно сказать!

— Ну что там? Выпаливай!..

— Да вот, товарищ Рубинчик... Я уж не хотел, признаваться... А только, если мне придется там трое суток сидеть, так ведь... голод не тетка.... Живот подведет...

— Стало быть, тебя жратвой снабдить?

Вид у Сени был сконфуженный и чуть ли не застенчивый.

— Да уж, пожалуйста, товарищ начальник. Я ведь знаю — сердце у вас золотое!.. Вы понимаете пролетарский народ! Мне было совестно просить, но если что-нибудь мне дадите — век за вас буду Бога молить...

Сердце Рубинчика расплылось от комплиментов.

— Ладно, ладно... Молиться за меня, товарищ, не надо. Обойдусь и без твоих молитв. А жратвы я тебе дам. Идем на кухню!

***

Через несколько минут Сеня нес с собой мешок с продовольствием. Там были консервы, хлеб, сало, сахар. Рубинчик в припадке великодушия дал даже бутылку вина. Великодушие это было понятным — на затраченные копейки можно было выиграть миллионы.

Сеня не сразу пошел к выходу. Он некоторое время путался между домами, где жили чекисты, и что-то там высматривал. Неожиданно кто-то окликнул его.

— Это кто тут бродит? А ну, подойди! — Сеня смело подошел и узнал командира полка, бывшего унтер-офицера Петрова. Тот смотрел на мальчика с подозрением и держал руку на кобуре револьвера.

— Кто ты такой?

— Товарищ командир... Я у товарища Рубинчика был... Он меня к себе вызывал... А потом он поручил мне товарища Новикова позвать для совещания... Вот я и ищу Новикова.

Командир полка оглянулся на какие-то окна.

— Нет дома Новикова. Видишь, окна у него темные. А ты катись отсюдова, шпана. Если нужно будет, Рубинчик по телефону Новикова достанет. Что это у тебя в мешке?

— А это, товарищ командир, мне премиальные...

— А ну покажь!

Сеня вывернул содержимое мешка. Чекист удивился.

— За что тебе Рубинчик таких вещей надавал?

— За службу революции! — важно ответил Сеня. Командир полка рассмеялся.

— Ишь ты? А не врешь?

— Ну, как можно? Вот у меня и пропуск есть.

Чекист взял бумажку и зажег карманный фонарик. Бумажка трепалась на ветру.

— Дайте, товарищ командир, я вам фонарик подержу, — предложил Сеня, подойдя вплотную к Петрову.

— «Пропустить з/к Щербатого с премиальными. НачВПО Рубинчик», — читал командир полка.

— Чорт его знает, Рубинчика этого, — проворчал он. — Нашел тоже, где выдавать?.. Ну ладно, шпана. Выкатывайся отсюдова быстрее!

— Сей минут, товарищ командир, — отозвался Сеня и, пряча что-то в карман, нырнул за угол дома.

***

Рубинчик с лихорадочным нетерпением ждал телефонного звонка все три дня. Но звонка не было. Наконец, утром на четвертый день он решил сам пойти проверить то место, про которое говорил беспризорник.

За Варваринской часовней он действительно нашел небольшой склад, перед дверями которого лежала каменная плита. Но кругом ходили люди, и Рубинчик не решился при всех доставать оттуда записку. С трудом дождавшись вечера, он улучил минуту, когда кругом никого не было, осторожно приподнял плиту и засунул туда руку. Пальцы его ушли во что-то мягкое. Он пощупал везде. Записки не было. Когда он разочарованный вытащил вымазанную руку и поднес ее к носу — он яростно выругался и с остервенением стал вытирать пальцы о мох...

Глава XII
ПОБЕГ

Военная хитрость

Полупрозрачная белая ночь надвигалась на остров. Хотя весна уже победила, но с моря дул холодный порывистый ветер. Прибрежные елочки, уже покрывшиеся нежно-зелеными метелками свежей хвои, качались и шумели. Под ними

кое-где еще виднелись грязно-серые пласты уцелевшего снега, словно упрямая зима хотела показать, что здесь, на далеком севере, даже в начале июня ее власть только на несколько коротких летних месяцев отодвинута весенним солнцем.

На берегу серого неприветливого моря, около низенькой деревянной пристани, покачивались несколько лодок и баркасов. Перед ними лениво и медленно ходил часовой.

Непрерывный рокот моря, холодный ветер, серый унылый пейзаж — все это навевало сонное тоскливое настроение. Солдат опустил края шлема на лицо, и в воображении его вставали залитые солнцем родные ему поля Украины, цветущие степи, пьянящий воздух южной весны... А вместо этого он был тюремщиком на этом проклятом острове...

Часовой вздохнул и поправил винтовку. В этот момент до его слуха донеслись странные звуки, словно где-то невдалеке плакала девочка. Сонное настроение мигом слетело с него. Он встряхнулся и пытливо вгляделся в темноту еловой поросли.

Звук рыдания повторился, и скоро небольшая темная женская фигурка, шатаясь, вышла на опушку леса и там бессильно опустилась на мох.

— Эй, что за человек? — громко окликнул солдат. Всхлипывающий голосок ответил не сразу.

— Это я, товарищ красноармеец... Я... заблудилась...

Маленькая согнутая фигурка плачущей не внушала опасений. Солдат снял винтовку с плеча и медленно подошел. Перед ним у ели лежала небольшого роста девушка, закутанная в платок. Плечи ее вздрагивали от рыданий.

— Чего это ты? Откудова ты взялась, гражданка?

— Я... я к командиру полка приехала... Племянница... Вышла погулять и заблудилась... Мне страшно тут... Скажите, товарищ, куда мне идти?

При словах «командир полка» красноармеец опустил винтовку. Хотя по правилам он обязан был держать ее наперевес и поднять тревогу, но тут дело было такое пустяшное...

— Ишь ты? Товарища Петрова, значит, племянница? Какого же лешего он вас пустил одну?

— Да мы компанией были... Я отбилась... Помогите мне...

Рыдания девушки усилились. Солдат подошел к ней ближе. Девушка все еще плакала, закрыв лицо руками, и при свете светлого полярного вечера часовой заметил у нее на пальце крупное кольцо с драгоценным камнем. Последние его подозрения отпали: как у заключенной могли быть на руках такие богатые кольца? Было очевидно, что девушка была из своих, из семьи чекиста.

— Ну, так чего ж плакать-то?.. Я вот сейчас караул вызову и...

В этот момент что-то прошумело сверху в ветвях ели, свалилось ему на голову, сбило с ног и навалилось на лицо.

Через несколько минут солдат был связан по рукам и по ногам.

— Разыграли, как по нотам! — раздался довольный голос Сени. — Молодец вы, товарищ Оля!.. Такие слезы развели, что аж меня наверху чуть не разобрало... Ну, Димка, бери шинель и винт. Ходу!..

Наши приятели оттащили связанного солдата в глубину леса.

— Полежи пока тута, милок, покорми комариков. А я покеда с тебя сапоги сниму. Тебе, небось, за хорошую караульную службу другие выдадут, а мне по болотам эти — ах, как еще, пригодятся!.. Ну, айда, робя... Адью, Новиков! Шрайб открыткес!

— Рано еще балагурить! — серьезно заметила, видимо, еще волновавшаяся девушка.

— Чего ж так? Ничего, товарищ племянница комполка. Тут без шуток пропадешь в таких делах-то. А зубоскальство делу совсем не мешает. Айда!

Беглецы выбрали быстроходную лодочку, служившую комсоставу полка для прогулок, и стали усаживаться.

— Постой-ка, Дим. А как ты думаешь, не угробить ли остальные лодки? Все меньше погони будет!

Беспризорник быстро прорубил топором днища остальных лодок и вернулся к спутникам.

— Поехали!

Оля достала из сумки большую госпитальную простыню, приятели приладили ее в виде паруса, сели за весла, и скоро рокот небольших волн под носом шлюпки стал все усиливаться.

Серый, покрытый валунами, берег с темной линией елей и массивом старого монастыря стал уходить вдаль. Беглецы, как по команде, повернули головы в сторону покидаемого острова. Сенька задумчиво поскреб в затылке и потом, к большому удивлению своих друзей, широким неумелым движением перекрестился. Дима снял взятый у солдата шлем и вместе с Олей последовал примеру Сени.

— С Богом! — тихо сказала Оля.

Как ни был тих ее голос, беспризорник услышал его и широко осклабился.

— Это вот верно сказано, товарищ Оля! «Без блата ни до порога, а с Богом — хоть за море!» Мы вот за море и топаем... Эх, Боженька, Бог даст, не выдаст, Новиков не съест!.. Здорово мы у них из-под носа когти подорвали![33] Вот Новиков под собой со злости землю рыть-то будет!

[33] Удрали.

Сенька опять радостно ухмыльнулся и виртуозно сплюнул через выбитые зубы.

— «Не кажи "гоп", покуль не перескочив», — откликнулся Дима. — Еще, брат, до успеха дале-е-е-е-ко!

— Ну, и что ж? «Увидим», сказал слепой! А мне как раз пора была смываться.

— Почему это?

— А я вчерась на кухне тому безбожнику на ноги цельный котел кипятку уронил. Пусть, гад, помнит Сеньку Щербатого!

— Это же страшно больно, Сеня! — с тихим упреком сказала Оля.

— Больно? — глаза беспризорника блеснули. — Больно? А когда такие вот по деревням раскулачивают — другим не больно? Их бы давить как клопов надо, гадов... Я ведь и Новикову памятку оставил!..

— Самому Новикову? Ведь его же тронуть нельзя — за него тысячу расстреляют! Как «классовая месть»!

Сеня рассмеялся.

— Это-то я знаю. Только потому он здесь живой и ходит. Ему на материке и двух дней прожить бы не дали — кишки выпустили бы... Но я другое удумал. Я в четырнадцатую роту, где люди в сыпняке лежат, пробрался и с них цельную коробочку вшей и клопов насобирал. Хороших, поядренее!

— Вшей? На кой чорт?..

— А на это, милок, у меня свой расчет был. Я потом эту коробочку Новикову через фортку в квартиру забросил. Угощайтесь, мол, милые...

Друзья рассмеялись.

— Вот это так месть!

— Да не хуже ни которой другой. И, главное, никто не в ответе. Куда пойдешь, кому скажешь? Не блох же расстреливать... Заболел, и все тут! Разве кто на пустую спичечную коробку обратит внимание? А гости оттедова живо по комнате расползутся. После худого арестантского мяса — почему бы откормленного коменданта не попробовать?.. Верно, вкусно!.. А, между прочим, ребята, у меня тут хорошая жратва в сумке есть.

Сеня вынул запасы, данные ему Рубинчиком.

— Откуда это у тебя?

— А это я у начальника ВПО «купил». — И Сеня рассказал друзьям, как он одурачил Рубинчика.

Веселый смех раздался на лодке, затерянной среди моря.

— Но почему же ты сказал: «купил»?

— А я ему заплатил...

— Чем же?

— Да кила с два платы оставил под камнем, где записку он искать будет.

— Но чего именно?

Сеня сконфуженно покосился на Олю.

— Ну так чего?

— Стыдно сказать... Навоза человечьего...

Оля, придавленная впечатлениями первых шагов побега, всеми этими опасностями и риском, неприязненным звуком волн у борта, спускающимся на море туманом, все-таки не могла удержаться от смеха.

— А хорошо, что вы с нами, Сеня! Бодрости и смеха в вас много.

— Ну, и слава Богу!.. Мы с Димкой завсегда так — как соберемся вместе, так зубы и скалим. И на свете легче живется. Только вот что, товарищ Оля. Зовите меня на «ты». Меня отродясь никто не «выкал».

— Согласна. Но и ты меня тоже на «ты» должен звать.

Беспризорник отрицательно замотал головой.

— Никак это не выгорит! Ежели бы вы просто баба были — тогда еще другое дело. А то вы — жен-щи-на...

Дима и Оля рассмеялись.

— Право слово! Я таких еще не видывал... Правильный вы человек. Есть за что подержаться!

— Как это?

— Да тут ничего плохого нет, в словах этих. Просто косточка в вас внутре есть. С вами и в бой и в пекло пойти можно. Теперь я понимаю, почему Димка...

— Заткнись, Сеня!..

— Ну не буду, не буду... А ты здорово выглядишь, Димка! Такой красноиндеец, что дальше некуда. Вроде, как нас этапом сопровождаешь. А винт хороший попался?

Дима тщательно осмотрел винтовку.

— Машина на ять. Люблю я, грешный человек, пострелять!

— А маракуешь по этому делу?

Юноша удовлетворенно качнул головой.

— Есть такой грех! Теперь мне — сам чорт не брат. С винтом теперь мы в каждой деревне жратвы достанем: я стесняться не буду. Все равно: возврата назад нет. Пан или пропал. А ко мне на мушку не попадайся. У меня так: куда глаз въестся — туда мигом и пуля сядет!

— Возражений, товарищи, нет? Принято, значит, единогласно! Мы влезаем под твою охрану. Ну, а пуль-то много?

Лицо Димы немного омрачилось.

— Только один подсумок. 30 штук...

— Ну и что ж? Это только значит, что тебе мазать нельзя ни в какую. Кажную пулю в пуп класть надо. Только и всего... А мы скоро, Дим, у берега будем?

— Надо полагать, к утру. Тут километров 40-45. Лодочка быстрая!

Жизнь на попа

Утренние лучи все сильнее пробивались сквозь волны тумана. Белая пелена делалась все прозрачнее, и скоро перед глазами продрогших беглецов выплыла темная линия далекого материка.

— Ну, слава Богу... Сколько еще, по-твоему, до берега, Дима?

— Километров, вероятно, пять - шесть. Если ветер не сдаст — часа через два, три будем там.

Сеня порылся в кармане и достал оттуда золотые часы.

— Значит, товарищи, к шести утра будем на месте! — важно сказал он.

— Это у тебя откуда? — удивился Дима.

— А это мне комполка... гм, гм... подарил за спасение своей племянницы!

— Да будет тебе трепаться!

— А в самом деле. Гляди!

Действительно, на крышке часов было выгравировано:

«Командиру Соловецкого полка, заслуженному чекисту А. Петрову в день XX-летия ВЧК-ОГПУ-НКВД от Коллегии НКВД».

— Вот это здорово! Ну и спец же ты!

— Не без того. Ты стрелок по мишеням, а я — по карманам!.. А все-таки хорошо, что мы скоро пристанем. А то наша Оля совсем укачалась.

Действительно, Оля была бледна и бессильно сидела на дне лодки.

— А вы знаете, Оля, какое сходство между пароходом и советской властью?

Девушка слабо улыбнулась.

— Нет, Сеня. Расскажите!

— А вот какое сходство: кругом громадные виды, все шатается, всех тошнит, а удрать некуда...

Друзья рассмеялись.

— Ядовито сказано. А мы вот, Бог даст, удрапаем. Погони уже как будто...

Голос юноши вдруг прервался, и лицо его замерло. Его спутники быстро повернулись в направлении его взгляда и тоже застыли. Сзади невдалеке, километрах в двух, виднелся какой-то катер. То скрываясь, то появляясь в волнах тумана, этот катер шел прямо к беглецам, и белые буруны под килем показывали на быстроту его хода. Первым нарушил напряженное подавленное молчание Сеня:

— Ах ты, совдеп твою прабабушку... Ах ты, ангидрит твою перекись марганца!.. Ах, чтобы тебе ежа против шерсти родить... Ах, чтобы ты маленьким сдох, стерва... Влипли! И плотно!.. Тут уж, кажись, никуда не удрать... Ну, отец командир, что делать-то?

Лицо Димы сделалось суровым, щека задергалась, и он потянулся за винтовкой.

— Сдаваться не будем, — глухо сказал он, пристально глядя на девушку. — Верно, Оля?

Та вгляделась в какое-то новое, словно более мужественное лицо юноши, поняла, что происходит у него на душе, и медленно кивнула головой.

— А ты, Сеня, ты — как хочешь... Бери этот вот пробковый пояс и прыгай в воду... Тебя подберут живого.

Беспризорник удивленно перевел глаза с лица Димы на Олю.

— Я?.. Я — сдаваться? Вы драться будете, а я — в кусты? Ну, и сволочь же ты, Димка, после этого. Да неужто я такое дерьмо советское, что б товарищей в беде покидать? А на что у меня наган?

Дима не слышал вэрыва негодования беспризорника. Его глаза, с тоской глядевшие на такой уже близкий спасительный берег, внезапно вспыхнули.

— Оля, — охрипшим от волнения голосом приказал он. — Право руля!.. К тому вот островку... Да скорее!..

Девушка послушно повернула руль, и лодка направилась к крошечному каменистому островку, покрытому осокой.

— Ну, счастье наше, ребята, что островок этот попался. А то кормили бы мы рыб...

— Вот на, — фыркнул Сеня. — Чего ты сдуру обрадовался? Разве мы там все упрячемся?

— Ладно, Сенька, слушай...

Дима в двух словах объяснил свой план и выпрыгнул с винтовкой на островок. Лодка отошла на десяток метров, словно спрятавшись от погони за осоку.

Минут через десять, огибая островок, показался преследователь. Это был сторожевой моторный катер ГПУ с пулеметом на баке. Медленно, ворча мотором, он направился к «спрятавшейся» лодке, в которой сидели Оля и Сеня.

— Эй, на лодке! — крикнули в рупор. Сеня поднялся.

— Какого дьявола вам надо, черти полосатые? — заорал он.

— Сдавайся!

Сенька насмешливо фыркнул.

— Это мы могем! Оля, выкидывайте-ка белый флаг.

Девушка порылась в своей сумке и взмахнула чем-то белым. Катер стал медленно приближаться к островку.

Лежа среди прошлогодней сухой травы, Дима, казалось, замер со своей винтовкой. Левый его локоть медленными круговыми движениями рыл под собой ямку. Тяжелое оружие плотно лежало в руке, и ноздри юноши раздувались. Приближался момент настоящего стрелкового матча...

До чекистского катера было метров около 200. Легкие полупрозрачные волны тумана еще временами скрывали людей на палубе, но мушка винтовки уже жадно ползала по живым теням... Дима уже был хозяином нескольких жизней. На душе его было торжество. Винтовка его была обыкновенной военной и должна была бить точно. Его положение на твердой земле было много более выигрышным, чем людей на качающемся катере... И Диме казалось, что он участвует в каком-то состязании. В руках «винт», впереди движущиеся мишени, и вот-вот сейчас сзади прозвучит знакомый сигнал — «огонь».

Катер подходил все ближе. Все ясней были люди на палубе. Один из них в черном стоял на небольшом мостике. Двое других в военной форме склонились на носу над пулеметом.

Дима уверенно навел винтовку на пулеметчика. В неясной прорези прицела четким черным прямоугольником встал силуэт мушки. И над ним вдали, то уходя ниже в такт морской качке, то чуть поднимаясь, показывалась фигура солдата за пулеметом.

Нервы Димы были напряжены до крайности, но он знал — промахнуться он не имеет права. От его выстрела зависела не только его жизнь, но и жизнь его друзей... Палец его спокойно лежал на холодном металле спуска, выжидая момента. И казалось, черная мушка злорадно гладит солдата по груди...

Все ближе... 150 метров. 100...

— Эй, на лодке!

— Чего тебе?

— Встаньте и поднимите руки, иначе будем стрелять!

В этот момент на уровне головы человека на капитанском мостике блеснули стекла бинокля. Очевидно, заметив лежащего среди осоки Диму, человек этот испуганно крикнул что-то вниз. В тот же миг загрохотал пулемет. Пули со свистом пронеслись над лодкой. Тогда палец Димы спокойно и плавно надавил на спуск. Грохнул выстрел. Винтовка рванула плечо, и правая рука мгновенно лязгнула затвором. Новый патрон скользнул в ствол.

Пулемет замолчал. Другой солдат кинулся вперед, оттолкнул лежащего ничком товарища и схватился за ручки пулемета... Темная мушка винтовки медленно легла на серо-зеленое пятно его груди. Опять плавно и спокойно согнулся палец,

и второй солдат остался неподвижным на носу катера. Черная фигура на мостике крикнула что-то вниз, очевидно, в машинное отделение, и заворочала штурвалом. Дима быстро перевел ствол винтовки выше, и в третий раз гул выстрела пронесся над серым морем. Темная фигура качнулась и упала за борт.

Со стиснутыми до боли зубами, почти не дыша. Дима ждал дальнейших событий. На катере должны были быть еще люди. И вороненая сталь винтовочной мушки, спокойно ожидая, ползала по опустевшей палубе.

Через несколько минут, действительно, какая-то серая фигура появилась на палубе.

— Э-эй... Не стреляй! — донесся крик.

Дима прицелился, но в этот момент человек на палубе поднял руки вверх.

— Не надо, Дима! — вскрикнула Оля, и палец юноши остался неподвижным.

— Сеня, — крикнул он, не отрывая щеки от винтовки.

— Есть, капитан!

— Оставь тут Олю и поезжай с наганом на катер. Свяжи там механика и вези его сюда. Погляди, нет ли там еще кого. Предупреди — я держу катер на мушке и чуть что — стреляю...

— Есть, капитан. Эй ты там, фигура! Не шевелись, а то дырку в печенке получишь! Стой, как стоишь!

Минут через двадцать Сеня привез механика, забрызганного маслом пожилого человека, испуганного и умоляющего.

— Товарищи... Да ей же Богу!.. Я — не чекист. Я — заключенный!

— Какой роты? — стал проверять Дима.

— Сводной.

— Кто командир роты?

— Князь Оболенский... Я на мехзаводе работал, пока на катер не мобилизнули. А сам я — питерский рабочий. У меня дома — семья, дети... Пощадите товарищи...

Дима пристально смотрел на механика и что-то обдумывал.

— А как катер этот сюда попал? Погоня за нами?

— Не знаю... Похоже, что нет. Мы из Сороки шли, когда вас в бинокль завидали. Я толком ничего не знаю, только приказ был — полный ход, и повернули мы. А потом, пулемет заговорил, команды перестали, я и выскочил наверх.

— Таааак... Ну, что ж! Я вас оставлю в живых, но с условием: вы нас по реке Суне провезете, сколько можно, наверх...

Оля с удивлением поглядела на юношу и потом поняла. Действительно, это был редкий случай использовать катер. Суна, большая полноводная река, брала свое начало в Финляндии, прорезала всю Карелию и впадала в Белое море. При удаче катер мог почти на три четверти сократить им путь в Финляндию.

— Я, товарищи, завсегда готов, — ответил механик уже более спокойно. — Не знаю только, как бензину хватит...

— Должно хватить! А не хватит — я вас расстреляю, — сурово ответил Дима. — Если попробуете нас выдать — вам первая пуля... А теперь в лодку. Сеня, держи наган наготове...

Но механик, видимо, не думал о сопротивлении и рад был, что останется живым... Когда лодка приблизилась к катеру, Дима скомандовал:

— Ну-ка, Сеня, полезай наверх, очисть палубу!

Когда через минуту два тяжелых всплеска раздались по другую сторону борта, Оля вздрогнула и жалобно поглядела на юношу.

— Что ж делать было, Оля?.. Было так: или их жизни или твоя. Я выбрал — их...

Через несколько минут мотор заворчал, и суденышко быстро направилось к материку.

Взбунтовавшийся катер

— Товарищ командир, — раздалось со сторожевой вышки.

— Что там?

— Так что с моря лодка какая-то идет.

Начальник поста ГПУ в устье реки Суны был удивлен.

— Откуда ей взяться? Никто меня не предупреждал... Да ты не врешь ли, Петрушенко? Может, что мерещится с перепою?

— Ну, как можно, товарищ командир? Мне сдается, что это «Дзержинец», сторожевой катер с Соловков.

— Чего ему тут надо? — проворчал начальник поста. — Странно: хотя по телефону звякнули бы... Видно, что спешное...

Он взял рупор и вышел на пристань. Катер быстро приближался. Минут через десять на носу его можно было различить фигуры двух военных.

— Куда их нелегкая несет? — Он поднял рупор.

— Эй, на катере!

— Есть, на катере!

— Куда идете?

— Срочно — оперативное задание.

— Подойдите к пристани.

С катера не ответили, и он, усилив ход, прошел мимо вверх по реке.

— Тут что-то не то! — озабоченно сказал начальник поста. — Эй, дежурный, вызови-ка Поросозеро. Надо задержать катер и проверить. Тут что-то неладно!..

***

Выше по реке, километрах в 40, помещался еще один пост ГПУ. Получив телефонограмму снизу с требованием задержать катер, начальник поста удивился, но ему и в голову не пришло заподозрить что-либо неладное.

— Эк их заело, что катер не остановился! Стало быть, задание спешное было. Небось, у нас задержится...

Он приказал вывесить сигнал: «Катеру подойти к пристани».

Когда через несколько часов «Дзержинец» показался на реке, начальник верхнего поста, приведя все в боевую готовность, — приказ есть приказ! — сам на лодке выехал навстречу и стал сигнализировать флажками.

Катер не отвечал и шел вперед.

— Стой! — заорал начальник поста. — Заворачивай!

На катере не отвечали, и острый нос его повернулся к лодке.

— Куда прешь, раззява? — в страхе закричал начальник и бросился к гребцу, чтобы помочь ему быстрее повернуть лодку... Но в этот момент быстрый катер уже врезался в борт лодки. Раздался треск, и люди исчезли в воде. На берегу поняли, что произошло что-то неладное, и оттуда раздалась команда:

— Эй, на катере! Стой или стрелять будем!..

Дима, присев за пулеметом, ждал залпа. Он знал, что катер — слишком легкая цель. В ответ на ультиматум его пулемет с грохотом заговорил. Несколько фигур на берегу упали, остальные бросились в стороны. Еще минута, и под пенье нескольких пуль «Дзержинец» скрылся за поворотом.

— Ну, а теперь что? — с облегчением вздыхая, спросил Сеня.

— Теперь самое трудное, кажется, позади... Скоро мы выйдем в небольшое озеро. Оттуда до границы километров 60—80. Надо будет высадиться. Дальше не пройдем — начинаются пороги...

Уже начинало темнеть, когда катер медленно подошел к берегу и остановился. Механик, вытирая руки от масла, вылез на палубу.

— Ну, спасибо вам, товарищ, — обратился к нему Дима. — Сильно вы нам помогли... Хотите — идем с нами вместе за границу? Продовольствия, Бог даст, хватит на всех...

— Не могу, товарищи, — серьезно ответил механик. — У меня семья в Питере: четверо — мал мала меньше... А сроку только полгода осталось. Не могу я бросить их...

— Так что же нам с вами делать?

— А вот что, товарищи. Я запущу мотор, а вы закрепите руль, меня свяжите и пустите мотор на ход. Он пойдет через озеро и воткнется в берег. Назавтра меня

найдут — я и объясню — что меня силой заставили... Я же без оружия... А пока там что, вы, Бог даст, уже в глуши будете...

— А вы нас не выдадите?

Глаза рабочего честно и прямо взглянули в глаза Димы.

— Вот вам крест святой, товарищи, что я слова лишнего никому не скажу. Да разве ж я и сам не понимаю? Разве, не будь ребятенков дома, я бы задумался?.. Идите, да не поминайте лихом. Дай вам Бог теперь удачи... Расскажите там про это про все.

Охота на людей

— Вот чортова дубина!.. В жисть не думал, что она, проклятая, такая тяжелая...

Сенька со злостью перекинул винтовку с одного плеча на другое.

— Ну, давай, братва, отдохнем!

Беглецы сложили свое оружие и сумки и устроили привал. Вокруг них молчаливой высокой стеной возвышались дремучие северные ели, и в этой густой тайге никакого неожиданного нападения можно было не опасаться. Вот почему все трое с наслаждением растянулись на мхе и бездумно впитывали в себя минуты отдыха.

По внешнему виду из троих беглецов двое казались настоящими красноармейцами: Дима был в шинели и шлеме, снятом с солдата еще на острове, а Сеня тоже оделся в военную форму, найденную на катере. Оба были с винтовками.

Оля представляла собой довольно оригинальную фигуру, ибо Сеня заставил ее одеть солдатские сапоги, снятые им с убитого на катере. Сапоги были низкими и громадными. Чулки беглянки давно уже изодрались о сучья, низ юбки тоже был с сильной бахромой, и из-за этой бахромы виднелись голые коленки. Но зато сапоги солдата, одетые ею с таким отвращением, теперь выручали ее очень сильно, ибо под слоем растаявшей земли был еще лед. Хотя это сильно облегчало продвижение наших героев, ибо топкие летом болота теперь еще были проходимыми, но зато эта болотная вода была ледяной. И в этом пути по воде, шагая в непромокаемых солдатских сапогах, Оля с ужасом думала, что было бы с ее ногами, будь на ней ее старые продранные ботинки...

Взятый на катере запас хлеба и консервов, карта и компас, позволял им не бояться похода. Опасности были, главным образом, со стороны погони и встреч с пограничниками, ибо надо было ждать, что их дерзкий побег вызовет тревогу и мобилизацию всех воинских частей. Но и этих встреч наши приятели мало боялись.

— Э... — беззаботно махал рукой Сенька. — На открытом поле — дело наше было бы табак. А тута, в такой чаще — пойди, укуси. Тут в десяти метрах можно мимо пройти, никого не заметив... А ежели и придется пальнуть — ну, так что? Я шухеру наделаю, словно тут цельный полк. Патронов, слава Богу, много с катера

взяли, матери их чорт. Все плечи пообломали своим весом... А пока я грохот буду делать — Димка будет их жалить, как змея... А признаться, Димка, у меня сердце прямо в левую пятку ушло, когда тогда на море нас пулеметом чесанули. Как понеслись на нас этые сукины пули — я аж глаза закрыл: все, думаю, мне прямо в пуп летят... А потом, глядь, сзади что-то вякнуло и подавился наш пулемет. А потом опять — щелк-щелк — и аминь! Молодец ты, Димка, здорово сбрил тех чекистов. А что б было, не будь у нас винта?..

Дима не ответил на похвалу беспризорника. Сеня заметил это.

— Чего ж ты мрачный, командир-то наш? Что нос повесил?

Оля поняла настроение юноши.

— Людей убивать, Сеня — нелегкое дело...

— Ах, вот оно что? Совесть заиграла, что ли? Брось, Дима! Этих чекистов, как клопов, давить надо. Ты же и сам видал, как они с людьми расправляются. Не слыхал разве, как они голых людей на комары выставляют или на мороз выгоняют? Они, милок, и детей запросто пытать будут. Разве это — люди? Раз в ГПУ пошел — душу чорту продал... Да что там говорить — а мои выбитые зубы, а ухо?.. А твои пальцы? А митрополит? Нет, Димка! Таких жалеть — грех. Таких живыми оставлять — другим на погибель, как вшей сыпных...

— Так-то оно так... — сумрачно ответил Дима. — Но ведь в первый раз... Это тебе не мишени на стрельбище...

Приятели замолчали. В эту минуту где-то издалека послышался лай собаки. Беглецы встрепенулись и вскочили на ноги. Лай повторился.

— Вот чорт, — озабоченно проворчал Сеня. — Погоня, что ли?

— А, может быть, тут деревня?

— Откуда в этих дьявольских местах деревни будут? Тут давно уже повыселены все. Тут место глухое. Не иначе как за нами эти сволочи прутся. Верно, патруль какой. Ну, что будем делать, командир?

Дима уже надевал пояс с подсумками и проверял винтовку.

— Погоня? — сквозь зубы проговорил он. — Ладно... Я им покажу, как за людьми гоняться. Вперед!

Группа беглецов скорым шагом пошла дальше на запад. Минут через десять их путь пересекло небольшое болото, за которым опять начинался лес. Приятели скорым шагом перешли это болото и остановились в лесу. Дима решительно снял с плеча винтовку.

— Я им покажу охоту на людей! — опять злобно повторил он, и на его щеках заиграли желваки. Девушка с удивлением взглянула на него и опять почувствовала, что уходит куда-то милый, мягкий и славный юноша, и на его месте появ-

ляется другой — твердый жестокий мужчина — боец. Этот новый человек был ей как-то чужд, но одновременно и успокаивал ее в эти напряженные дни.

— Вот что, ребята. Ты, Сеня, заляжешь здесь и будешь палить по солдатам с этого места, но только тогда, когда я выстрелю три раза. Слышал? Не раньше! Ты, Оля, с наганом будь около него. Приготовь на всякий случай перевязки. А я им дам настоящий бой, чтобы вперед не повадно было больше охотиться за людьми. Ты, Сеня, стреляй почаще — куда попало, чтобы только их с толку сбить. Я с того вот лесочка подползу поближе и покажу, что иногда и зайцы больно кусаются... Ты все понял?

— Тут и козел поймет... Ежели насчет шума — это мы могем. Попасть я, верно, не попаду — по совести говоря, никогда в жизни с винта не стрелял... Но пальбу подниму, что надо... Так что будь спокоен, милок! Мы свое дело выполним... А теперь: «ваше слово, товарищ Маузер»!

Дима пожал руки друзьям и скрылся в кустах. Беспризорник удобно расположился за елью, положил винтовку на ее корни и приготовил патроны.

— «И грянул бой — Полтавский бой»... Так, кажись, где-то написано, Оля?.. Я забыл уже где...

— Да, да... — рассеянно отозвалась девушка, глядя на то место, где в кустах скрылся Дима. — Никогда не думала я, что будет столько опасностей...

— Да, это вам не кур доить! А только в Совдепии пора к таким штукам попривыкнуть. Как это у нас в тюряге брешут: «Это только первые 10 лет трудно, а потом — пустяк»... Ничего! Димка — парень аховый. Он им покажет! Никогда вот я не думал, что ежели человек винтом хорошо управляет — так он такой опасный. Он промашки не даст, это уж будьте покойнички. А вы, Оля, вот туда за большую ель спрятались бы. Если с вами что случится — Димка мне голову оторвет...

— Так ты, значит, полагаешь, Сеня, — спокойно ответила девушка, глядя прямо в глаза беспризорнику, — что ты и Дима будете под пулями, а я — за елью?

— А почему ж бы и нет? Нам такие штуки — дело привычное. А у вас, гляньте — губы белые и руки дрожат.

— Это, Сеня, не я боюсь. Это мое тело... Оно не привыкло к опасностям и крови. Но я, Я не боюсь!.. И никуда прятаться не буду...

Беспризорник с восхищением поглядел на нее.

— Вот это я понимаю — это — «бой-баба»... Да вы не обижайтесь, тетка, — это я по дружбе... (Оля слабо улыбнулась). Только теперя я и сам понимаю, почему Димка так...

Его слова прервал первый выстрел.

***

Попрощавшись с друзьями, Дима быстро скользнул в выдававшийся в глубину болота лесок и, выбрав там укромное место, залег с винтовкой. В нем кипела какая-то непонятная злоба, словно он был раненым тигром, притаившимся у тропинки и поджидавшим охотника.

— Я им покажу, как охотиться за нами! — опять со сдержанной яростью пробормотал он, сжимая винтовку. Дерево и металл оружия казались ему какими-то одушевленными. Он провел рукой по холодному стволу, проверил и вытер платком прицельную рамку и аккуратно разложил сбоку патроны. Все было, как на состязании. Только сердце билось более сильными толчками. Но Дима чувствовал, что нервы словно туго навинчены на какие-то колышки, зрение приобретает особенную остроту и что промахов у него не будет.

Перед ним на полкилометра во все три стороны расстилалось болото, покрытое прошлогодней редкой и чахлой травой. Линия леса была еще мертва. Юноша направил винтовку в ту сторону, откуда недавно вышли они сами, поправил погонный ремень, натянутый на левой руке, и замер.

Через несколько минут что-то мелькнуло за деревьями, и из-за кустов показалась большая сторожевая собака. В нескольких шагах за ней шел солдат, а за ним поодаль, рассыпавшись кучкой, вышел и весь патруль — еще 8 красноармейцев.

Собака быстро вела по следам беглецов. Дима решил не допускать погони до средины болота, опасаясь, что после начала стрельбы все бросятся не назад, а вперед и прорвутся, хотя бы и с потерями, к тому месту, где скрылись почти беззащитные Оля и Сеня. Поэтому, как только группа отошла от леса метров на двести, он прицелился в солдата, ведшего собаку. Цель была видна ясно, и когда Дима подвел мушку винтовки к фигуре солдата, невольно вздох облегчения вырвался из его груди. Но он затаил дыхание и, выждав, когда солдат чуть задержался перед какой-то кочкой, нажал на спуск. Короткая молния блеснула из ствола, и тело солдата мешком осело в болото. Остальные мгновенно легли, и высокая трава скрыла их. Только собака прыгнула обратно к своему хозяину, обнюхала его тело и, подняв голову, жалобно завыла.

Дима опять навел винтовку и невольно усмехнулся. Ему, чемпиону-стрелку, клавшему все пули на 300 метров в головную мишень, было детской забавой убить чекистского пса на расстоянии 100-120 метров. Конечно, пес был неповинен в кровавой погоне. Но он был оружием ГПУ. Скольких беззащитных беглецов рвали его зубы? Скольких людей поймала она, эта собака, может быть, на самой границе, у спасительной черты? Что делали бы наши беглецы, не будь у них оружия?..

Пуля прервала собачий вой. Собака резко крутнулась и упала.

Дима знал, с каким напряжением красноармейцы стараются теперь высмотреть что-либо из травы. Но увидеть что-нибудь было невозможно. Дима был расположен выше их, замаскирован, а выстрел винтовки не давал дыму... Все молчало несколько минут, словно не носилось над замершим болотом призраков смерти...

Дима отложил винтовку и поднес к глазам бинокль, взятый на чекистском катере. В круги стекол вплыло темное неподвижное тело убитого солдата и еще шевелящаяся собака. Чуть дальше за кочкой бинокль поймал в траве лицо другого солдата. Дима отложил бинокль и подвел мушку винтовки под ту кочку. Вслед за выстрелом там взметнулось человеческое тело и тяжело осело вниз. В этот момент с другой стороны болота затрещали выстрелы — это начал свою задачу Сеня.

Красноармейцы почувствовали, что тут дело идет всерьез, и невидимые враги начинают с двух сторон расстреливать их, как беззащитных куропаток. Поэтому они по какой-то команде поднялись и бегом пустились обратно в лес.

Этого момента и ждал Дима. С необыкновенным проворством, приобретенным большой тренировкой, он разряжал свою винтовку, и почти после каждого выстрела на земле оставался человек. Это напоминало ему скоростные состязания по падающим мишеням в тире, но только здесь тир был живым и кровавым...

Только трое из девяти добежало до леса. Залегши за стволами елей, они открыли ответный огонь. Но меткая винтовка уже молчала, и только Сеня не жалел патронов. Дима опять поднял бинокль. По огонькам выстрелов он определил приблизительное положение двух фигур и послал туда две пули. Стрельба прекратилась. Очевидно было, что оставшиеся в живых красноармейцы отступили.

— Теперь не скоро сунутся! — с удовлетворением сказал Дима и пошел к месту встречи. При виде его бледное лицо Оли покрылось румянцем радости, а Сеня ликующе заорал:

— Вот дали мы им перцу! У меня аж плечо вспухло от этой проклятой пушки! А сколько ты их там накрошил?

— Не считал, — рассеянно ответил Дима, глядя в сияющие глаза Оли. В этих глазах было что-то большее, чем только благодарность и поздравление...

Но юноша не мог долго думать над значением этого сияющего взгляда. Он был теперь не влюбленным юношей, а командиром людей, вверивших ему свои жизни. Он обязан был думать не о своих чувствах, а о своем долге. И тряхнув головой, он отдал приказ двигаться дальше.

Не везет!

По расчетам Димы граница должна была быть уже недалеко. Но начались небольшие холмы, покрытые сломанным бурей лесом, и идти стало все труднее. Опухшие от укусов комаров, исцарапанные и усталые, медленно двигались вперед наши друзья. Нужно было обходить озера с ледяной водой, вброд переходить бурные речки, спать под открытом небом на холодной земле. Все это истощало силы, но никто не унывал.

Сеня, шутливо проклиная свою тяжелую винтовку с запасом патронов, все чаще и чаще с удивлением поглядывал на Олю и втайне поражался ее выдержке. Девушка всегда была приветлива и спокойна, не раз шутила с беспризорником в самые тяжелые минуты и даже подзадоривала его. Как-то, оставшись наедине с Димой, Сеня не выдержал:

— Скажи-ка, Димка: скудова это в девке такой порох берется? Я сам — а я парень бывалый! — и то часто еле бреду. А она — что: соплей пополам перешибить можно (да, ты не сердись: я так только — для сравнения)... Откуда у ей силы? Намедни я совсем было сдох после длинного болота, так она потрепала меня по волосьям и, чорт е знает откудова — у меня опять силы взялись?..

— А я же, помнишь, еще в Соловках тебе говорил: она, брат, не баба, а женщина! И, вдобавок, русская женщина!

— Не в лоб, так по лбу! — покрутил головой Сеня. — Тут как ни называй, а факт на лице. Молодец она, право слово. Уж ты меня прости, Димка, что я когда-то там язвил. Потому что, ей-Богу, стоющая она баб... то есть, женщина!

— Это, браток, я и без тебя знаю. Она для меня самый главный друг...

— Ну и ладно... Совет да любовь. Целовались, небось?

Дима на секунду опять рассердился, но потом вздохнул.

— Дело-то, Сеня, не в поцелуях. Я теперь для нее — брат и покровитель. Экая невидаль, если после какой опасности или в беде она меня и поцеловала. Этак любая сестра или даже ты поцелуешь. Это не доказательство... Да и не время говорить, что я ее люблю. Еще драться за нее нужно. Спасти, выручить... Какая тут любовь?

Сеня с лукавой насмешкой поглядел на мрачное лицо юноши.

— Ах ты, убивец!.. Столько народу перестрелял, а у одной девочки сердце прострелить не можешь. Эх ты, шляпа!

— Брось, Сеня, шутить над этим.

— Да я и не шучу совсем. Только знаешь что, Дим? Вот лопни все какие ни на есть мои глазья, вот провалиться мне на этом на самом на месте, а только и она в тебя тоже втюрившись!

Юноша выпрямился, словно по его телу прошла волна электрического тока.

— Иди ты к чорту! Откуда тебе знать такие вещи?

— Э, милок! Язык может врать. А глаза ни в жисть не соврут. Ты ровно как обалделый теперь в этом деле, а я ви-и-и-жу...

Дима вспомнил про золотые огоньки в глазах девушки и хотел ответить, но в это время подошла Оля.

— Чего это вы, ребята, галдите?

— Да вот мы... — замялся Дима. Беспризорник усмехнулся.

— «Да вот мы», — передразнил он Диму... — Словом, открыл я, что в одном деле наш Герой Иванович, Дима, то есть, форменный трус!

— Дима — трус? — вскинулась девушка, удивленно глядя то на Сеню, то на Диму.

— А есть, оказывается, такой грех, — лукаво подмигнул беспризорник. — Но это — так: мелочи жизни... Что тут митинг открывать? Потопаем дальше...

***

Погруженные каждый в свои мысли трое беглецов, навьюченные сумками, медленно перелезали через лесные завалы, продирались через кусты, брели через ручьи и речки и с трудом пересекали болота. Солнце грело уже по-весеннему, и на вершинах холмов уже зеленела трава, и было совсем сухо. Лес оживал. Под влиянием солнечных лучей вылезали из мха какие-то козявки, ящерицы, лягушки. Весна пела свою песнь жизни и радости. Но нашим беглецам было не до этих песен. Усталые и измученные, брели они вперед на запад, и, казалось, их пути не будет конца.

На одном песчаном холме, где солнце высушило и нагрело уже открытые места, Оля, перелезая через какой-то поваленный ствол дерева, споткнулась и упала в кусты... В лесных дебрях такие падения случались постоянно, но на этот раз девушка вскрикнула.

— Что там у тебя? — наклонился к ней Дима.

Лицо девушки было непривычно бледным и перекошенным.

— Да вот ногу, кажется, сильно поранила... Больно.

— А где?

Девушка показала рукой на ногу выше колена. И, действительно, по оборванному чулку на колене медленно ползла тоненькая струйка алой крови.

— Вот дьявольщина! Эх, тебе не повезло! А ну, покажи. И брось смущаться, Олька. Мы — на фронте.

Девушка приподняла край оборванной юбки. Там выше красноармейского сапога над самым коленом на нежной коже бедра виднелась рваная рана. Очевидно, при падении какой-то острый сук глубоко вонзился в ногу.

— Вот так фунт! Везет, как утопленникам! — сказал подошедший Сеня. — Что мы будем теперь делать?

— Перевяжем, вот вся недолга. Ничего страшного нету. Экая невидаль! У нас тут не майская прогулочка, а боевой поход... Вынимай бинты и йод.

Дима уложил девушку на разосланную шинель, вытер струящуюся кровь тампоном ваты и с трудом подавил испуг. Рана была не пустяковая. Сук распорол не только кожу, но и глубоко проник в тело. Ходок из Оли теперь был плохой...

Скрывая свои опасения, юноша продолжал перевязку, и странное чувство поднялось в нем. Ему захотелось припасть своими губами к этой нежной коже, выпить всю боль любимой девушки, взять на себя ее страдания, ее опасности, ее тревогу. Он с необычайной четкостью почувствовал, что теперь уже совсем неясно, где кончается он, Дима Зеленов, и где начинается Оля Букреева. Ее боль была уже его болью, а его опасности — ее опасностями. Улыбаясь, он поднял на нее свои глаза и с каким-то новым для него сердечным спокойствием сказал:

— Ничего, Олик, пустяки! Без крови на свете ничего не бывает... Похромаешь немножко...

— Ну, ясно, — бодро поддакнул Сеня, видя бледное, испуганное лицо девушки. — Эта невидаль — верхняя рогожа прорвалась? Ничего! До свадьбы заживет. А если даже и не заживет — так это свадьбе вовсе не помешает... А пока там что, по случаю этого случайно случившегося случая, я чай сварганю и последнюю коробку консервов с катера открою. Ничего! Наплевать!..

На краю гибели

На следующее утро опухоль на ноге девушки усилилась, и температура оказалась повышенной. Идти Оля не могла.

Приятели устроили военное совещание. Продовольствия было не так уж и много. Но и граница была где-то недалеко. В этих местах постоянно курсировали патрули с собаками, и оставаться на одном месте было очень опасно. Кроме того, было ясно, что перестрелки с чекистами и пограничниками вызвали большую тревогу, и на поимку беглецов будут брошены большие силы. Словом, было необходимо двигаться вперед во что бы то ни стало.

Сеня срубил две молодых длинных елочки. Их положили параллельно и тонкие концы переплели веревками и ветками. Получилось что-то вроде носилок с тою только разницей, что две их ручки предназначались для скольжения по земле. Вышла, так называемая, сибирская волокуша, применяющаяся там, где не проходят колеса телеги.

Больную девушку положили на переплетенную ветками поверхность, приятели впряглись в толстые концы елок, как в оглобли, и группа беглецов опять двинулась к желанному и близкому западу, где была жизнь и свобода.

Ни один из молодых людей не показал вида, что ему тяжело. Напрасно девушка умоляла, чтобы ей дали возможность попытаться идти самой. «Мужчины» только молчаливо покачивали головами — в таком состоянии идти было невозможно даже при всей выдержке Оли. И в ответ на ее мольбы они молчаливо впрягались в волокушу и тянули ее по болотам, лесам и оврагам.

Скорость такого передвижения была черепашьей, а силы уходили с каждым часом. Хлеб скоро кончился. Осталось только немного взятых на катере сахару и сала... А холмы, болота и чащи вставали перед беглецами с неумолимой непрерывностью, и мертвое безмолвие северного леса давило на душу. Уже давно прекратились веселые шутки беспризорника и отклики Димы. На привалах они без сил бросались на землю и не в состоянии были встать. Тогда девушка, прихрамывая, с трудом собирала сучья и грела котелок с водой для чая.

Все старались держаться бодро, но где-то там в глубине души уже начинало прокрадываться отчаяние. Неужели после стольких усилий им не удастся дойти?..

***

Рано утром на одиннадцатый день, дрожа от холода после ночи, проведенной на сыром мху, Дима и Сеня, закинув винтовки за спину, молча впряглись в волокушу и потянули ее вперед.

Лес редел. Впереди опять открывалось длинное болото. Когда уставшие и обессилевшие друзья уже подходили к противоположному берегу, где-то сбоку неожиданно прогремел выстрел, потом другой. Пуля зашипела по траве.

Молодые люди последним усилием втащили волокушу в лес и сорвали винтовки. Выстрелы трещали, уже не переставая. Вдали в полукилометре показались человеческие фигуры.

— Засада! — сквозь зубы проговорил Дима. Верно, мобилизовали все пограничные части. — Ну, что ж!.. Будем прорываться, кусаясь!

Неожиданно для Оли и Сени он лег на землю и широко раскинул руки.

— Ты что ж это, Димка? Не будешь палить, что ли? Ведь на нас солдаты прут!

— Они еще далеко, — угрюмо ответил Дима. — А разве можно стрелять, когда все от усталости дрожит?.. Мне рука нужна верная. Я минутку отдохну... Все равно бежать поздно. Догонят!

Все замолкли и притаились. Сенька чувствовал, как бурно билось его сердце. Оля, лежа на волокуше, не отрывала глаз от нахмуренного лица юноши. А охотники за людьми были все ближе. Уже можно было различить их лица и блеск винтовок.

— Заходи слева! — донесся издали чей-то крик. Этот крик словно разбудил Диму. Он внимательно осмотрел винтовку, обтер пот с лица и прислонился к дереву.

— Ты, Сеня, смотри в бинокль, чтобы не было обхода. Хотя по таким кручам, вряд ли... Да, это дело потруднее будет, чем раньше...

Все понимали, что Дима прав. Опасность была грознее, чем когда-либо. Очевидно, отряды красноармейцев у границы были раскиданы по открытым болотам, ибо устраивать засаду в густом лесу было бесцельно: беглецы могли пройти в 20 метрах, не будучи замеченными. Но теперь, когда один из таких отрядов обнаружил преследуемых — он старался сразу же их атаковать, окружить и заставить сдаться...

Солдаты наступали...

— Ты бы лег, Дима!

— Никак нельзя! Я тогда из травы ничего не увижу. А их надо остановить издали.

— Эй, слышь-ка, Димка! Может, мне малость в стороне подняться у них на виду? Они по мне пальбу откроют, а ты тем часом их подсечешь? А? Я такой гром подниму, что они подумают — вот где главная контра засела. А ты тихим манером юшку[34] им тут и пустишь...

Сердце Димы наполнилось каким-то теплом. Он пристально поглядел на смелое лицо беспризорника и мягко покачал головой.

— Ничего, Сень. Не нужно... Я, брат, за твою голову сотни их голов не отдам...

— Ну, вот еще что? Моя голова крепко держится. Еще такая пуля, что б меня подстрелила, на заводе не сделана. Подстрелят? Ничего преподобного! Не попадут! Все равно, если не повезет — в своем носе, ковыряя, палец сломишь. А тут? Не попадут...

— Пока не надо, Сеня. Бог даст, и так отобьемся. Смотри лучше на ту вот просеку, чтобы нас не обошли... А ты, Оля, будешь мне подавать патроны... Тут все дело будет в скорости. Успеют ли они дойти до нас или... Сволочи!..

Оля знала сдержанность юноши. Поэтому в его устах это ругательство прозвучало, как признак последнего напряжения.

Красноармейцы были уже метрах в двухстах, когда раздались выстрелы Димы. Первым упал в траву человек с револьвером, очевидно, командир.

[34] Кровь.

Выстрелы затрещали не переставая, и после каждого из них в шеренге людей образовывалось пустое место.

До леса оставалось метров сто, когда атаковавшие решили залечь, ибо на таком расстоянии огонь неизвестного стрелка был совершенно губителен. Если бы им пришлось бежать по ровному твердому месту — это расстояние можно было преодолеть в полминуты. Но по болоту даже идти было очень трудно. А медленно продвигаться, подставляя свои головы под непромахивающиеся пули — было дорогим удовольствием.

Теперь положение изменилось. Теперь уже Дима не видал солдат, а те могли стрелять по огонькам его выстрелов на темном фоне леса. А стрелять было нужно, иначе атакующие могли ползком приблизиться вплотную и пойти в штыки. Надо было любым способом задержать их.

И Дима по-прежнему стоял за деревом, и, напрягая свое острое зрение, стрелял по плохо видным пятнам в траве. Дело было не столько в меткости, сколько в скорости. И Дима не жалел патронов. Ствол винтовки уже накалился, но зато все меньше становилось огоньков в траве, и все реже щелкали пули по деревьям стволов вокруг.

Но вдруг что-то случилось. Дима уронил винтовку и медленно опустился к подножию ели.

— Что с тобой? — испуганно рванулась к нему Оля.

— Плечо... сволочи... кажется... продырявили!.. — выдавил сквозь сжатые зубы юноша. И, действительно, на правом плече около шеи начало расплываться красное пятно.

— Сенька, — глухо приказал раненый. — Не давай перерыва. Стреляй! Больше не поднимутся... Мало там их, верно, и осталось... Ах, чорт, как больно...

Бледная девушка торопливо разрезала рубашку. Дима, сжав зубы, морщился от боли. Наконец, рана была обнажена: пуля пробила плечо чуть выше ключицы. Оля быстро и умело забинтовала рану и сверху перевязала ее еще каким-то белым полотном.

Выпив воды, Дима вздохнул.

— Ну... дети мои. Я уже не стрелок... Из нагана еще можно пальнуть левой рукой, но что это против винтовок? Довольно, Сеня. Больше, пожалуй, никто не полезет. Надо бежать, иначе подкрепления придут... Граница совсем где- то рядом...

— А вы, Оля, как? Можете идти?

— Дело не в том, могу ли. Раз нужно, о чем тут разговаривать?

— Ну, вот и ладно. Держись, Олик. Ты, Сеня, дай мне винтовку, а сам поддержи Олю.

— А твоя пушка тебе больше не нужна?

— Брось ее. Я уже все равно стрелковый инвалид...

Беспризорник с сожалением поглядел на винтовку.

— Эхма!.. Сколько она поработала, родимая, даром что со звездой! Ну, не нам — так и никому. — И он, размахнувшись, разбил приклад о ствол ели.

Беглецы с большим трудом прошли еще несколько километров. Девушка прихрамывая шла, видно, из последних сил. Дима с подвязанной рукой брел, пошатываясь, и Сеня с беспокойством поглядывал на них обоих. Когда они переходили какую-то небольшую полянку, где-то сбоку издалека опять раздались крики и стукнул выстрел.

— Вот, чорт, дались мы им!.. — проворчал Сенька. — Не будет нам покою, видно, до самой смерти!

Бежать группа беглецов уже не могла. Поддерживая друг друга, они вошли в лес, и там девушка выпрямилась, как-то жалобно поглядела на своих друзей и тихо опустилась на мох в обмороке. Силы ее были истощены.

— Вот так фунт!.. Что ж теперя делать, Димка? Опять волокушу?

Дима не ответил. Он наклонился к лежащей девушке и левой рукой гладил ее по лицу. Через несколько минут Оля пришла в себя и взглянула на склонившихся к ней друзей. Опять жалобная виноватая улыбка мелькнула на ее лице.

— Я уже не могу больше! — тихо прошептала она. — Бросьте меня и спасайтесь сами.

Дима презрительно усмехнулся и поглядел на Сеню. Тот не сразу понял смысл слов девушки, но потом лицо его налилось кровью.

— Как? — переспросил он, и хриплый голос его прервался. — Бросить тебя здесь одну? Да? — Сеня словно не находил слов, чтобы выразить свою ярость... — Так, что ли?.. Да за такие слова, тетка, у нас морду бьют!.. Ах ты, стерва! Я думал, ты — человек, а ты такие слова нам в рожу бросила! Димка, что ж это такое? Что ж мы — чекистские сволочи или кто? Неужели она, маруха твоя, думает, что мы гады какие? А? Димка?

Глаза беспризорника были широко открыты, и губы его дрожали. Он был вне себя. Дима тронул его за руку.

— Брось бузить, Сеня. Разве не видишь — она больная... Это от слабости у нее в голове помутилось. Ясно же, что мы ее не бросим...

Сеня отер вспотевший лоб.

— Ну, то-то же!.. А то за такие слова... Мы ведь тут все, как один. Выручать друг друга надо, а не бросать! Мы...

Он резко замолчал, словно какая-то неожиданная мысль поразила его воображение. Зубы его сжались в гримасе напряжения, и он со злобной решимостью тряхнул головой.

— А мы тут, знаешь что, Димка, сделаем? Тут у тебя два нагана еще есть — пальнуть есть из чего. А я с винтом к сволочам этим навстречу пойду, отвлечение сделаю. Пока я там шухер поднимать буду — вы дальше потопаете. Граница, видать, вот, вот. Дай мне только патроны, да компас — а я их попутаю.

— А как с тобой-то будет?

— А мне что? Да ты про меня не думай. Я — что: «дефективный переросток», как в детдоме говаривали... Я везде пройду. Спасай свою ба... то есть, женщину...

Сеня решительно стал рассовывать патроны по карманам и взял винтовку. Раненый юноша и больная девушка смотрели на него со сжавшимися от боли сердцами.

— Ну! — просто сказал беспризорник, пряча последнюю обойму, и исподлобья взглянул на своих друзей.

— Сеня! Милый! — тихо сказала Оля, и глаза ее сияли от слез. Беспризорник неуклюже, как-то боком подошел к ней. Дима помог девушке приподняться, и она неожиданным движением обняла маленького друга обеими руками и крепко его поцеловала.

— Идите, Сеня, и да спасет вас Бог!..

Дима молча обнял его в свою очередь. Все молчали. Да и о чем было говорить? Все было ясно и так. Никогда не читавший Евангелия бездомный мальчик душой понял заповедь Христа:

— «Больше сея любви никто же имат, аще кто душу свою положит за други своя»...[35]

Жертва была неизбежна. Раненые молодые люди были беспомощны перед опасностями. А великая тайна Соловков лежала на их душе тяжким святым долгом. Ее, эту тайну, они обязаны были доставить патриарху. Долг перед Святой Обителью, перед погибшими стариками, перед Россией обязывал их принять жертву маленького беспризорника.

Моргая глазами и скрывая свое волнение под маской нарочитой разухабистости, Сеня решительным движением нахлобучил на голову красноармейский шлем, презрительно сплюнул еще раз сквозь выбитые зубы в направлении, откуда раздались выстрелы, и направился в лес. Дима и Оля, прижавшись друг к другу, с острой болью в душе смотрели вслед удалявшейся маленькой фигурке с винтовкой...

У большого куста Сеня еще раз обернулся. Еще раз мелькнуло в кривой улыбке его круглое лицо, и все скрылось...

— Боже мой, Боже мой, — простонала Оля, прислонившись к плечу юноши. — Будет ли когда-нибудь конец всему этому?..

---

[35] Ин 15. 13

Дима с тоской оглянулся вокруг. Жертва, принесенная Сеней, обязывала его напрячь последние силы для спасения любимой девушки и своей тайны. Он мягко оторвал ее лицо от своего плеча и сурово сказал:

— Сожми зубы, Оля. Рано еще слезам волю давать. Идем...

Он решительно обнял девушку рукой, и оба медленно пошли вперед, на запад.

Это было плачевное зрелище. Скауты тащились из последних сил. Красное пятно на плечо Димы уже проступало через рубашку. С головы ветки давно сорвали шлем. Спинная сумка была брошена.

Оля с трудом ступала на больную ногу. Ее лицо было бледно, глаза красны, и по лбу струились капли пота. Оба плелись молча, изредка взглядывая друг на друга, словно для того, чтобы ободрить и себя самого и своего спутника.

Так протащились они еще около километра. Пройдя какую-то просеку, девушка опять вздохнула, словно с каким-то странным облегчением, и опустилась на землю. Диме нечего было спрашивать свою спутницу: он знал, что на этот раз силы были исчерпаны до дна. Девушка лежала и в полутьме северного леса казалась бы мертвой, если бы ее плечи не вздрагивали от подавленных рыданий. Она была сломана и физически и душевно.

Дима выпрямился и с тоской оглянулся кругом. Над ним шумели зеленые ветви могучих елей. Громадные стволы уходили ввысь, и где-то там вверху в просветах зелени виднелось синее, такое спокойное и такое свободное небо.

Юноша и сам был готов броситься на землю около Оли, забыть о борьбе и только сжимать рукоятку револьвера для последнего безнадежного боя и последних выстрелов в голову любимой девушки и свой висок. На душе у него было пусто и даже как-то спокойно. Все, что можно, было сделано. Значит — не судьба. Придется погибнуть на родной земле... Но за что?..

Он еще раз с тоской оглянулся, и в этот момент его взор упал на какое-то пестрое пятнышко, выглядывавшее на просеке из-за дальних кустов. Сердце его дрогнуло. Он проковылял несколько шагов и остановился, как вкопанный, не веря своим глазам: это был пограничный столб!

Из последних сил Дима рванулся назад к опушке леса.

— Сеня... Сенька! — отчаянным голосом закричал он, но вокруг уныло и как то угрожающе шумел лес. Сеня уже был далеко.

— Сеня! — еще раз крикнул Дима. Как бы в ответ ему вдали раздался выстрел. За ним другой.

Тогда юноша бросился к Оле. Он поднял ее одной рукой, крича на ухо о чудесной новости. Окрыленная этими словами, Оля прошла еще несколько сот метров, но потом опять опустилась на землю.

— Больше не могу, Дима, — простонала она.

— Ну, еще хоть немного, Оля... Ведь это уже Финляндия!.. Понимаешь ли — Финляндия... Мы — спасены...

— Видит Бог, Дима, не могу!

— Но нам нельзя здесь оставаться! Советские пограничники могут придти и сюда... Нас и здесь могут взять.

— Уходи сам, Дима!

— Опять ты эти дурацкие слова повторяешь! — рассердился Дима. — Эх, если б у меня рука здоровая была... Я бы тебя понес!

В эту минуту откуда-то с финской стороны раздался собачий лай. Юноша замер.

— Оля... Знаешь что? Там, видно, люди... Я сбегаю туда и приведу кого-нибудь на помощь. Ты... ты... не побоишься тут одна? Я тебе один наган оставлю...

— Иди, милый, — с трудом прошептала девушка. — Иди... Я знаю — ты меня не бросишь... А я... я... живой не дамся!..

Она протянула ему свои руки. Горячее облитое слезами лицо прижалось к его грязным небритым щекам, и Дима ощутил на своих губах соленый вкус слез. Сердце его дрогнуло от волны любви и жалости, я губы их слились. На миг голова закружилась, и он потерял счет времени. Но потом опять молнией вспыхнуло сознание грозящей опасности. Юноша с трудом оторвался от милого лица, торопливо и даже сурово махнул рукой на прощанье и рванулся туда, где был слышен собачий лай.

Последнее испытание

Двое финских пограничников с собакой медленно шли по тропинке, когда внезапно из-за кустов навстречу им показался бегущий человек. Солдаты мгновенно сбросили с плеч винтовки.

— Стой!

Жест и угроза: «стой» понятна на всех языках. Бежавший юноша остановился. Его лицо сияло. Он хотел подойти ближе к солдатам, но две винтовки уперлись ему в грудь.

— Руки вверх, — скомандовал старший солдат. Но юноша не понимал их языка. Он радостно кивал головой и показывал рукой назад.

Солдаты переглянулись. Потом один из них отошел назад, держа незнакомца под прицелом винтовки. Другой в это время обыскал одной рукой его платье. Из одного кармана был вытащен наган.

— Э-э-э! — протянул солдат, и лицо его нахмурилось. Он повернул юношу лицом от границы и подтолкнул его вперед.

— Товарищи, — закричал Дима. — Там женщина больная лежит! Помочь надо!

— Нет «товаришшш»! — резко ответил солдат, словно его оскорбили. — Эй юмаррэ![36] — И он опять толкнул юношу вперед.

Дима был в ужасе. Он видел, что финские пограничники приняли его за опасного вооруженного перебежчика и не понимают того, что он им говорит про Олю. Страшным усилием он подавил свое волнение.

— Вот что, товарищи, — уже спокойно произнес он. — Дайте-ка мне карандаш и бумагу.

— Нет «товаришш»! — опять сердито бросил старший солдат и показал на дорогу.

Младший оказался понятливее и сердечнее, и когда Дима жестами показал, что он хочет что-то написать, тот вынул записную книжку и карандаш и протянул беглецу. Тогда Дима нарисовал женщину в юбке с косами, лежащую под елью.

Рисунок заинтересовал солдат. Дима постарался жестами объяснить, что эта женщина осталась неподалеку.

Старший солдат поколебался, но потом, поговорив с младшим, решил повернуть по указанному Димой направлению. Но когда до Оли оставалось уже недалеко, где-то на советской стороне опять раздались выстрелы. Финны переглянулись и решительно повернули обратно. Дима был в отчаянии. Солдаты грубо тянули его в сторону от границы. Юноша понимал, что они по-своему правы, что они, боясь провокации, обязаны доставить беглеца на пост и не ввязываться в какую-то перестрелку на границе.

Но образ бледной одинокой лежащей в лесу Оли, приводил его в отчаяние. Он бросился на землю, отказываясь идти. Тогда старший солдат сердито ударил его прикладом. Юноша не поднялся. Тогда солдат пригрозил ему штыком.

Дима понял, что все погибло. Финны не пустят его вернуться к Оле, и сами туда не пойдут... Они не верят в ее существование! А собаки советских пограничников легко по следам найдут больную девушку и возьмут ее даже на финской земле.

Нервы его больше не выдержали. Отчаяние вскипело в нем, как порыв бури. Он метнулся к дереву и разорвал на себе воротник рубахи.

— Чорт с вами, стреляйте, если вы не люди, а звери, — в бессильном бешенстве закричал он. — Я не пойду!..

Он сорвал с себя полотно повязки и стал рвать бинт. Опять потекла кровь.

Вид юноши был страшен. Его измученное лицо исказилось, тело дрожало, глаза сверкали. Солдаты в нерешительности стояли перед ним, не зная, что делать. Внезапно младший из них наклонился к сорванной повязке. Он тронул ее

[36] «Не понимаю» (фин.).

сперва концом винтовки, потом поднял рукой. Оба пограничника о чем-то заговорили на своем языке, рассматривая повязку. Потом старший из них удовлетворенно кивнул головой и показал направление в сторону границы.

Потрясенный юноша ничего не понимал и с удивлением смотрел на них. Тогда младший солдат, улыбаясь, показал ему белое полотно. Это была ночная женская рубашка!..

Когда Дима с солдатами прошел несколько сот метров, вдали вновь раздались выстрелы. Солдаты опять с беспокойством остановились. Но Оля была уже где-то совсем близко.

— Оля... Оля... Откликнись!

Солдаты напряженно прислушивались, сжимая в руках винтовки. В лесной тишине слабо, но ясно, послышался ответный отклик:

— Дима... Милый... Я здесь!..

Сторожевая собака радостно залаяла и бросилась вперед.

Прощальный взгляд

Медленно шли по тропинке спасенные беглецы. Радость давала девушке новые силы, но оба скаута были еще слишком потрясены, чтобы обмениваться впечатлениями, и брели молча, растерянные и ошеломленные. Логика говорила, что опасности уже кончены, но сердце еще жило впечатлениями от ужаса только что пережитого. И только финские солдаты весело пересмеивались, добродушно угощали беглецов давно невиданным шоколадом и заботливо поддерживали ослабевшую девушку.

На одном пригорке все остановились. Солнце светило ярко, по-весеннему. Зеленеющий луг весело сбегал вниз к долине, где мирно серебрилась речка. На другом ее берегу сплошной стеной поднималась темная линия лесов.

Младший пограничник приветливо улыбнулся и показал рукой на речку.

— Суоми[37], — сказал он, топая ногой в землю, на которой они стояли.

— Венейя[38], — и он указал на лес за рекой.

Сердца беглецов сжались никогда еще не испытанной болью — самой страшной и самой благородной в мире — тоской по Родине. Девушка, не отрывая глаз от родной земли, медленно опустилась на колени. Дима стал рядом с ней. Минуту они молчали. Потом Оля перекрестилась.

— Господи Боже!.. Спаси нашу Россию! — тихо прошептала она.

Дима, дрогнув лицом от нестерпимой боли в растревоженной ране, с трудом поднял руку для крестного знамения.

---

[37] Финляндия (фин.).
[38] Россия (фин.).

Младший финн с уважением снял фуражку. Старший секунду поколебался, но потом, глядя на взволнованные лица скаутов, тоже медленно обнажил голову.

Дима и Оля невольным движением взяли друг друга за руки и с тоской вглядывались в расстилавшиеся вдали холмы и леса. Пусть не матерью, а мачехой оказалась для них родная страна, но она все равно была и оставалась их Родиной... Покинутой Родиной! Неужели навсегда?

Где-то вдали, каким-то одиноким печальным звуком слабо донесся и замер еще один выстрел. Не было мира и покоя на просторах страны. Борьба не затихала. В лице маленького упрямого беспризорника Россия не сдавалась...

— Неужели он не спасется? — с тоской в голосе тихо спросила Оля.

— Ну, вот еще? Конечно, выкрутится! — уверенно откликнулся Дима. — Сенька — парень бывалый. Он проскользнет везде. Еще, Бог даст, увидимся с ним!

— Ведь мы же вернемся в Россию, ведь правда, Дима?

— Ну, конечно же, родная! Как же иначе? Правда, Россия, может быть, обойдется и без нас, но нам без России все равно жизнь — не в жизнь. Конечно, мы еще вернемся!..

Глава XIII
ЛЮДИ «С ТОГО СВЕТА»

Седая голова патриарха устало склонилась перед иконой: восемь десятков лет давали себя знать... Все трудней было выстаивать длинные часы богослужений, все утомительнее было выслушивать сотни просьб простого люда, непрерывно шедшего со своими горестями и нуждами в гостеприимный патриарший двор. И к концу дня уже сгибалась от усталости раньше всегда прямая фигура, и все ниже клонилась серебристо-белая голова старика...

Вот и теперь патриарх перед сном с трудом опустился на колени перед образом Спасителя, мягко в полумраке комнаты освещенном лампадой.

Все было так мирно вокруг. Шум большого города уже затихал. В открытое окно из тенистого сада доносилось пенье соловья, и в патриаршем доме царила какая-то спокойная торжественная тишина.

Покойно было и на душе у старика. Тяжелый ежедневный долг был выполнен, и оставалась только вечерняя молитва, да мирный сон с чистой совестью...

Старик глубоко вздохнул, и его тонкая ссохшаяся рука уже поднялась было привычным движением для крестного знамения, как откуда-то, из глубины приемных комнат, донесся неясный шум.

Шум в полночь в патриаршем доме был явлением небывалым. Вот почему старик опустил руку и прислушался. Звуки какого-то далекого спора, какого-то движения не затихали, и патриарх, с трудом поднявшись с колен, нажал кнопку звонка.

Через полминуты в дверях показался монастырский служка.

— Что там за шум, Николай? — тихо спросил старик.

Бледное худое лицо служки было явно взволнованным.

— Ваше Святейшество... Уж не знаю, как и доложить... Пришли какие-то двое — юноша и девушка. Говорят только по-русски. Понять можно... Хотят видеть вас, Ваше Святейшество. Я сказал им, чтоб завтра в приемные часы зашли. Да куда там! Требуют видеть вас сейчас — говорят, что-то важное пришли вам сообщить. А кто они такие — неведомо...

— Русские? — переспросил патриарх. — Позови их сюда.

Служка потоптался в нерешительности.

— Да они, Владыка, оборванные, грязные... Такой трезвон подняли перед воротами. Я уж хотел за полицией — посылать... Ведь кто они такие — Бог весть... Теперь такие времена, Владыка. Уж пусть лучше завтра...

Патриарх спокойно взглянул на служку. Тот замолчал, склонился в низком поклоне и вышел. Он не удивился приказанию: по всей стране было известно, что патриарх Савва — покровитель русских и что к нему со своей нуждой и бедностью приходят сотни русских людей, оторванных от своей Родины.

И, действительно, патриарх искренно и глубоко любил Россию, как любили ее все иностранцы, побывавшие там в период ее мирного величия. В молодые годы он провел там несколько лет в Духовной Академии, потом много ездил по необъятным просторам великой страны и привязался к широте ее мирных полей и рек, к величию ее могучих гор и лесов, к теплому гостеприимству русских сердец и к глубокой задушевности русской народной песни.

Эти воспоминания молодых лет патриарх сохранил как драгоценность в своей душе и не изменил этим чувствам в течение своей долгой жизни. И теперь, когда уже не существовало гордого слова «Россия» и тысячи русских людей волной революции были отброшены на чужбину — глава православной церкви стал для них отцом и покровителем.

Старик патриарх обладал громадным моральным авторитетом в своей стране. В горниле политических страстей, в сложной жизни молодого государственного организма он воплощал в себе совесть народа, и к его редким словам прислушивались все, от министра до крестьянина. И часто патриарх смело вмешивался в государственные дела и побуждал руководителей своей страны смягчать жесто-

кие законы политического эгоизма и вносить в жизнь гуманность, справедливость и широкое милосердие.

Так добился он и улучшения положения русских эмигрантов. Слова «Россия» и «русский» неизменно будили в душе первосвященника тысячи лучших воспоминаний, и поэтому нужды русских людей были ему так же близки, как и нужды его родного народа. Вот почему он в эту полночь дал распоряжение привести к нему странных людей, почти насильно ворвавшихся к нему в дом.

Через несколько минут среди тишины ночи послышались шаги, и в дверях комнаты показался служка. За ним виднелись две незнакомых фигуры — мужчины и женщины.

— Подойдите ближе, — мягко пригласил патриарх. Гости повиновались.

— Можешь идти, Николай, — повернулся к служке старик.

— Ваше Святейшество, — нерешительно произнес тот. — Разрешите остаться тут с вами... Ночь на дворе.

— Нет, Николай... Спасибо. Иди!

Служка бросил тревожный взгляд на прибывших и медленно вышел. Патриарх спокойно подошел к стене и повернул кнопку выключателя. Люстра под потолком брызнула ярким светом, и сразу стало понятно, почему так беспокоился служка: гости были похожи больше на бродяг, чем на достойных доверия посетителей.

Их костюмы, странного, не европейского покроя, были измяты и изорваны. За спинами у обоих были сумки, как у туристов. Ноги юноши были мокры до колен, словно он только что вброд переходил реку. Девушка была без чулок, и ноги ее были исцарапаны. Лица у обоих были бледны и изнурены.

От внимательного взора патриарха не укрылось, что тоненькая и стройная девушка была, очевидно, на исходе своих сил. Юноша, крепкий и широкоплечий, держался бодрее, но и его давно небритое круглое лицо было сжато какой-то гримасой последнего усилия. Видно было, что и ему пришлось пережить тяжелые испытания за последнее время, и только большие усилия воли заставляют его держаться прямо и гордо. Но по судорогам молодого лица патриарх видел, что — вот вот — порвется последняя тоненькая нитка воли, и юноша тоже будет сломан...

Жест хозяина пригласил гостей сесть. И была пора: девушка качнулась и скорее упала, чем села в кресло.

— Вы — русские? — мягко и спокойно спросил старик, словно такие ночные посещения и такие гости были для него обычным явлением.

— Да, Владыка, — ответил юноша. — Мы — из России.

— Давно?

Патриарх привык иметь дело с политическими эмигрантами, покинувшими Россию около двадцати лет тому назад. Поэтому ответ юноши прозвучал для него неожиданно.

— Три недели...

Юноша сказал эти слова просто, без ударения, словно в этом ответе не было ничего необычайного. Старик с удивлением взглянул на него.

— Как это — «три недели»? Вы так недавно приехали оттуда?

— Нет, Владыка. Мы не приехали. Мы бежали из Советской России, чтобы увидеть вас.

— Меня? — В голосе патриарха было нескрываемое удивление. — Почему именно меня?

Тогда юноша выпрямился, как будто он стал в военный строй и вздрагивавшим голосом отчетливо произнес:

— Мы принесли вам, Владыка, тайну клада Соловецкого монастыря...

Едва замолкли эти странные слова, как к дверям комнаты стали приближаться чьи-то торопливые шаги. В тиши ночи казалось, что кто-то не идет, а бежит к кабинету патриарха. Юноша и девушка с тревогой поглядели на дверь, а старик нахмурился.

Дверь открылась без стука, и на пороге показался бледный взволнованный полицейский офицер. Увидев спокойно, сидящего патриарха и молодых людей рядом с ним, он с облегчением воскликнул:

— Слава Богу, Владыка, что я успел! Ради Бога простите, что я к вам так ворвался! — и, повернувшись к посетителям, он быстрым и ловким движением вытащил из кобуры парабеллум.

— А вы, вы арестованы. Не шевелитесь!

Патриарх медленно повернул голову к офицеру и тихо спросил :

— Что такое?

В этих простых словах, сказанных так спокойно, офицер почувствовал готовящуюся бурю.

— Простите, Ваше Святейшество, — нервно ответил он, не поворачивая головы к патриарху и держа гостей под прицелом своего пистолета. — Простите, Бога ради... Но мы знаем про них... Несколько дней тому назад сообщение было... К патриарху будут прорываться известные убийцы, террористы... Будут говорить, что они из России. Очень ловкие и опасные. Мы усилили охрану границы, но они все-таки пробрались... И когда мне ваш служка протелефонировал о странных посетителях — я догадался. И сразу к вам... Слава Богу — вовремя...

Офицер был уже почти спокоен. Очевидно, он был уверен в своем пистолете и в своем искусстве стрельбы. Молодые люди сидели неподвижно, и рука офицера с выпрямленного и напряженного положения перешла на полусогнутое. Но дуло пистолета и глаза офицера по-прежнему ни на секунду не отрывались от «террористов».

— А кто дал вам такие сведения об этих молодых людях?

— Это радио из Москвы сообщило всем полициям Европы.

— Вот оно что? — задумчиво промолвил патриарх и повернулся к юноше. Тот с тоской и болью смотрел на старика. Девушка опустила лицо в сложенные руки, и плечи ее вздрагивали.

— Владыка, — дрожащим голосом произнес юноша. — Богом клянусь — это неправда... Мы действительно только что бежали из Соловецкого концлагеря в Финляндию и пробрались сюда, чтобы сообщить, вам тай...

Старик остановил его речь простым движением руки и медленно встал. И когда он поднялся, и офицер и гости почувствовали, что поднялся не старик, не патриарх, а поднялся вождь и командир. Властный жест руки, заставивший юношу замолчать, был перенесен на офицера.

— Спрячь оружие!

— Ваше Святейшество... — запротестовал офицер.

— Я повторяю, — спрячь оружие, — так же неторопливо и властно повторил патриарх. Офицер повиновался и только тогда сообразил, что он в фуражке. Быстрым движением он снял ее и с недоумением и тревогой взглянул на патриарха. Но тот уже не обращал на него внимания. Повернувшись к своим гостям, он сделал шаг в их сторону.

Тогда чувство долга опять заставило офицера забыть о том, с кем он имеет дело. Он опять вытащил пистолет и решительно стал перед стариком. Он загораживал своим телом своего патриарха от «убийц». Старик заметил решительность офицера, понял его чувство и тихо усмехнулся.

— Не надо, сын мой... Кого Бог не обережет, того и твое оружие не спасет. Десница Господня — лучшая охрана старику.

Он мягко отстранил офицера, подошел к девушке и положил ей руку на голову. И словно повинуясь высшей духовной силе, девушка поднялась, и лицо ее приблизилось к лицу старика. Большие полные слез серые глаза открыто взглянули в спокойные, окруженные сетью усталых морщин, глаза первосвященника.

Старик взял ее за подбородок и несколько секунд вглядывался в эти глаза. Потом он медленно повернулся к офицеру.

— И ты можешь думать, что такие глаза могут быть глазами убийцы?.. Что эта русская молодежь способна убить меня? Нет, сын мой. Спасибо тебе за же-

лание закрыть меня своим телом. Но не эти молодые руки будут причиной моей близкой смерти. Можешь оставить их здесь.

— Но, Владыка... Я не имею права. Я обязан бояться за вас. Как мне посмотреть в глаза людям, если с вами что-нибудь случится?

— Не бойся!

— Теперь вся полиция на ногах. Кто может сказать — убийцы они или нет? Я имею формальный и категорический приказ арестовать их, где бы они ни были.

Высокий спокойный лоб старика прорезался морщиной.

— В моем доме приказы полиции недействительны, сын мой. Иди. А если хочешь быть спокойнее — подожди у меня в приемной. Я дам тебе потом свои распоряжения...

— Но, Ваше Святейшество...

В голосе патриарха были уже властные нотки, когда он повторил:

— Иди!

Полицейский офицер выпрямился, как бы получив распоряжение прямого начальства, низко склонился перед стариком и вышел. Юноша, с затаенным дыханием слушавший этот разговор, шумно вздохнул и вытер пот со лба. Старик заметил это и усмехнулся.

— Ну, дорогие гости, а теперь рассказывайте. — Потом, заметив необычайную бледность девушки, он добавил. — А, впрочем, погодите минутку.

Он опять позвонил, дал распоряжение, и через минуту перед гостями поставили по стакану красного вина и коробку с печеньем.

— Покрепитесь, мои дорогие... Как вас зовут?

— Меня Дмитрием, а товарища моего...

— Какого товарища? — удивленно переспросил патриарх.

Юноша немного смутился.

— Да я не знаю, Владыка, как здесь за границей надо сказать. Там в СССР, все друг друга «товарищами» зовут. Просто и понятно. А тут — уж я и не знаю. Я и Олю хотел по привычке «товарищем» назвать. А то как иначе: спутница, сказать, друг или подруга или как? Но, в общем, мы оба из Москвы.

Старик качнул головой.

— Ну, пока и хватит. Познакомились. Теперь немного помолчите, выпейте нашего вина и расскажите спокойно и толково, что привело вас сюда. И, главное — уже не бойтесь ничего: вы теперь — мои гости...

Молодые люди с жадностью принялись за вино и печенье. Легкий румянец стал окрашивать бледные щеки девушки, а юноша откровенно крякнул от удовольствия.

— Что, Оль - Оль, это тебе, брат, не тринадцатая соловецкая рота?

Старик патриарх с улыбкой смотрел, как быстро уничтожается угощение, и незаметно нажал на кнопку звонка еще раз.

— Принесите из столовой бутербродов или еще чего-нибудь, что осталось от ужина, — распорядился он.

— Вот спасибо, батюшка, — весело сказал юноша, когда перед ним поставили несколько тарелок с едой. — А то мы, ей-Богу, совсем отощали. Оля — так даже от ветра уже начала качаться. Верите, как перебежали в Финляндию, как нас там проверили и выпустили — так мы словно барьерным бегом занимаемся с Олей: все границы перепрыгиваем — то тайком, то ловкостью, то подкупом...

При слове «батюшка» патриарх с трудом скрыл свою улыбку. Этим словом в России называют скромного деревенского священника. Но ему, первосвященнику православной церкви, было, видимо, радостно слышать это простое и сердечное слово, обращенное к нему простодушным русским юношей, с таким аппетитом уплетавшим бутерброды.

— Ну, хорошо, хорошо... Это все уже в прошлом. А теперь начинайте свой рассказ.

— Я готов, Владыка. Только честно предупреждаю: рассказ будет казаться вам прямо невероятным. Вы, может быть, даже и не поверите, но это нам не так важно. Нам нужно выполнить долг русской молодежи и передать вам тайну Соловецкого клада. Бог помог спастись нам с этого страшного острова. Он довел нас Своей Рукой до вас, и теперь мы спокойны... Тайна Соловецкой обители, место, где спрятаны сокровища монастыря, будет теперь в верных руках...

— Соловки, — мягко повторил патриарх, и голос его чуть дрогнул. — Соловки, сердце русской веры... Был я там лет сорок тому назад. Видал суровое благолепие острова... Да, богатства там были великие. И если безбожная власть не нашла клада — я счастлив слышать это. А вы, значит, сами видели эти сокровища?

Вместо ответа юноша повернулся к своей спутнице.

— Дай-ка, Оля, то кольцо, что мы взяли из подземелья.

Девушка сняла с шейной цепочки какой-то предмет и протянула его патриарху. Это был большой серебряный перстень старинной работы с печатью в виде осьмиконечного креста, окаймленного бриллиантами.

Патриарх долго и внимательно рассматривал перстень. Наконец, он поднял голову.

— Это — необычайная редкость... Перстень этот принадлежал великому князю Владимиру Святому, Крестителю Руси. Этой печатью был скреплен брачный

договор между ним и византийской царевной Анной. Ему, значит, около тысячи лет... Об этом перстне писали некоторые летописцы, но все считали, что он утерян навсегда... Как он к вам попал?

Юноша стал рассказывать уже знакомую нам историю. Вначале он запинался, словно не находя слов, чтобы выразить сложность и яркость своих переживаний, но постепенно увлекся и, нервно и порывисто ходя по комнате, рассказал старику о себе, своих друзьях, о концлагере, о розысках клада, о приключениях побега, о тех, кто помог им бежать, и о тех, кто остался там страдать...

Наконец, юноша резко прервал свой рассказ. Словно очнувшись от пережитого, он с каким-то удивлением оглядел эту тихую комнату, спокойно сидевшего против него старика, девушку, дремавшую в кресле, и как будто еще раз понял, что все то, о чем он говорил, к счастью — прошлое.

— И вот, Владыка, — закончил он, — мы — здесь. В моем рассказе нет ни слова неправды. Но верно и то, что вы теперь не можете проверить моего рассказа. Но, Бог даст, наша Родина снова станет Великой Россией — тогда вы пошлете в Соловки кого-либо из верных людей, и они найдут сокровища. А теперь, чтобы закончить свой рапорт, я дам вам вот еще что...

Он сунул руку в боковой карман и, вынув оттуда какую-то бумагу, протянул ее патриарху.

— Вот, Ваше Святейшество, — сказал он, опять по-военному выпрямляясь. — Это план местонахождения клада монастыря. Последний человек, который знал эту тайну — умер, передав ее мне. И теперь перед лицом Бога и России я передаю эту тайну вам...

Дима волновался. Его плохо приглаженные белокурые волосы торчали во все стороны. Лицо было красно от волнения, слова часто неуклюжи и сбивчивы. Но в голосе этого «человека с того света» было столько непритворной искренности и торжества, что патриарх невольно привстал, принимая бумагу. Положив на стол, он развернул ее. На смятом грязном обрывке серой бумаги были грубо нарисованы линии какого-то лабиринта и стояло несколько букв древнеславянского алфавита.

Человеку, не слышавшему рассказа юноши, этот рисунок и буквы не сказали бы ничего. Но старик, внимательно слушавший своего гостя, с интересом склонился над бумагой.

— Разве эту бумагу вы несли с собой из Соловков?

— Нет, Владыка. Это срисовала Оля уже после перехода границы.

— Срисовала?

Вместо ответа юноша засучил рукав рубашки и показал старику вытатуированный на левой руке такой же рисунок и буквы.

— Это я еще в Соловках сделал, чтобы не полагаться только на память. А остальных планов мы не трогали. Они так и остались на столе перед мертвым монахом в подземелье.

Старый патриарх задумался. Все это было настолько невероятно, что казалось сказкой. Двое русских скаутов вырвались из самого страшного концлагеря СССР и чудесно вынесли оттуда тайну старого монастыря. И теперь эта тайна передана ему...

Патриарх переводил свой взор с окаменевшего от усталости лица девушки, сидевшей в кресле, на взволнованную фигуру юноши и поворачивал в руках старинный перстень. Да, сомнения быть не могло. Эти люди не лгали, и тайна несметных сокровищ Соловецкой Обители теперь вручена ему, православному патриарху...

И странным было наступившее молчание. Комната тонула в полумраке. Только электрическая лампочка над столом да лампада перед иконой освещали участников этого необычайного разговора. И, как прежде, все было тихо. Дремал старый сад, освещенный взошедшей луной. Откуда-то издалека доносились мягкие звуки пароходных гудков, но здесь, в этой комнате, уже не было покоя, словно сюда, в мир и тишину, ворвалась струя далекой, напряженной, стремительной жизни, полной бурь, страданий и борьбы... И внешне спокойно стоял этот юноша, и только учащенное дыхание указывало на его волнение, словно он, рассказывая, снова переживал свои тяжкие испытания...

— Но почему вы решили передать эту тайну именно мне? — тихо спросил патриарх после долгого молчания.

— А мне тот умерший старик монах указал. Да и потом — действительно: кому же еще? В Советской России за свою жизнь никто не может быть уверенным ни на один день. Вот несколько монахов еще недавно знали тайну эту... А где теперь они?.. А вы — вне советского ада, и вы — друг России. У вас тайна будет в верных руках. А после вас перейдет к вашему преемнику... А нам с Олей теперь даже и умереть можно. Если нас теперь даже и убьют большевики — все равно. Мы — люди незаметные, песчинки в русской буре... Но только все-таки я верю, что мы все еще увидим настоящую новую освобожденную Россию... А теперь — как легко на душе! Помнишь, Оля, — весело усмехнулся юноша в сторону своего друга, — как наш Сенька говаривал: «так легко стало, словно бы железный утюг отрыгнул»...

Внезапно юноша понял всю неуместность такой шутки в кабинете патриарха и чуть смутился.

— Вы простите мне, батюшка, что я так невпопад ляпнул. Но я ведь, по совести говоря, немного сам не в себе... Шутки сказать — сидим вот у вас... Ведь, ей Богу же, это истинное чудо! Уже то, что мы удачно сбежали — совершенно необычайная штука. Мы ведь — первые люди, бежавшие с Соловков! Звучит-то как гордо, а, Оля? А что если бы мы по дороге попались полицейским? Ведь Москва — вот офицер рассказывал — всюду дала телеграммы. Там ведь подозревали, что я знаю тайну... И здесь постарались бы подкупить кого надо, чтобы выдать нас обратно, как каких-либо бандитов или убийц. Или просто отравили бы в какой-либо тюрьме. И никогда не узнали бы вы, Владыка, что двое русских скаутов несут вам тайну Соловецкого монастыря... А теперь?.. Теперь на душе птички поют и незабудки расцветают. Тайна Соловков — в руках православного патриарха. Наш русский долг выполнен...

Старик поднялся, медленно подошел к юноше и положил ему руку на плечо.

— А почему вы придавали такое значение кладу этому? Почему пошли на такой смертельный риск с этой девушкой?

Юноша чуть вздрогнул и поморщился от боли, когда старик коснулся его раненого плеча, но справился и опять выпрямился.

— Почему, Владыка? Да потому что мы твердо верим в то, что скоро пройдут страшные годы, что кончится кровавый опыт над нашей Россией, и она станет снова Великой, Свободной и Счастливой... Пусть тогда сокровища монастыря будут ей лекарством от ран. Пусть тогда восстановление нашей Родины идет не на чужие, а на русские деньги святого монастыря...

Спокойное величавое лицо патриарха выразило непритворное волнение. В этих сбивчивых словах, в этом бессвязном волнующем рассказе, в этих утомленных взволнованных лицах, старик почувствовал что-то высокое и гордое. Эти почти ворвавшиеся к нему ночью русские скауты резко всколыхнули размеренную жизнь и показали, что и в этом материалистическом «сантимном» мире есть еще проблески героизма, чувства долга и жертвенной любви к Родине... Патриарх с любовью и симпатией вгляделся в честное открытое лицо юноши и все яснее видел за маской искусственной бодрости и нервного оживления печать пережитых страданий и тяжелой душевной борьбы.

«Если в России еще много таких — она не погибла»! — мелькнуло у него в голове, и с чувством восхищения и сердечной теплоты патриарх поднял свою благословляющую руку.

Юноша чуть растерялся. Он не сумел уставным движением сложить своих рук, склоняя голову под благословением. Он просто взял руку старика своими обеими руками и взволнованно поцеловал ее. И в этот момент первосвященник заметил, что на левой руке у юноши не хватает трех пальцев.

— Как это случилось с вашей рукой, Димитрий?

Юноша замялся, словно не хотел касаться этой темы. Но в этот момент девушка, почти дремавшая в своем кресле от слабости и утомления, выпрямилась, словно через ее тело прошла волна электрического тока.

— Этого, Владыка, он вам не расскажет. Знаю я его!.. Это Дима, спасая мою жизнь, попал в Соловецкий лес и там отрубил свои пальцы, чтобы не выдать тайны и выручить меня.

Эти слова вырвались у девушки с такой страстностью, что старик невольно улыбнулся, несмотря на трагичность этого восклицания. Юноша смутился.

— Ну, брось, Оль - Оль, — с упреком сказал он, положив свою искалеченную руку на плечо девушки. — Что это тебя прорвало?.. А вы, батюшка, ей не очень-то верьте — она готова из меня настоящего героя сделать...

— Чего это ты, Дима, скромничаешь? — с упреком сказала девушка. — Я ведь все знаю...

— Ну, хорошо, хорошо, дети мои. Потом все дорасскажете. А теперь идите на отдых.

Он позвонил, и через минуту в комнату вошел служка и полицейский офицер.

— Вот что, Николай. Приготовь комнаты для гостей и передай мое распоряжение отцу Мефодию, чтобы он дал возможность этим молодым людям получше отдохнуть и подкормиться. А вы, господин офицер, передайте своему начальнику, что я беру этих людей под свое личное покровительство. Сведения из Москвы прошу считать ложью.

— Простите, Ваше Святейшество... Я телефонировал начальнику политической полиции, и он настаивает...

— Мне нет дела, на чем он настаивает, — холодно прервал его патриарх. — Я, понимаете ли, я ручаюсь за них. И прошу полицию рассматривать этих молодых людей, как моих личных друзей и гостей. Можете выставить около них любую охрану, но имейте в виду — чтобы полиция их пальцем не тронула!.. Впрочем, утром я сам расскажу о них министру внутренних дел. А теперь можете идти.

Служка и офицер молча поклонились и вышли.

— Ну, вот, дети мои, и все. Сейчас вам приготовят комнаты. Пойдите и отдохните там от всех ваших трудов и страданий. Мы с вами еще о многом поговорим. И, главное — не тревожьтесь теперь ни о чем. Вы теперь под моим личным протекторатом.

Он положил руку на голову опять опустившейся в кресло девушки. В этом жесте было столько ласки и тепла, что холодное, словно заледеневшее лицо девушки как то странно дрогнуло. Эта конвульсия последнего усилия волной прошла по всему ее

телу, напряженному и как будто готовому каждый момент к борьбе. Ласка старика словно смела эту маску гордости и вызова с лица девушки. Из-за этой маски неожиданно выглянуло лицо молоденькой смертельно уставшей девочки, жаждущей не борьбы, не сильных переживаний, а простого человеческого тепла, ласки и любви... Старик заметил эту перемену и ласково улыбнулся ей. И в ответ на эту улыбку серые глаза девушки мгновенно наполнились слезами; она быстро уткнулась лицом в широкий рукав облачения патриарха, и ее плечи беззвучно затряслись от рыданий.

Старик не отнимал своей руки, которую судорожно схватила гостья. Он тихо гладил ее голову и не старался успокоить девушку.

— Плачь, плачь, девонька, — ласково приговаривал он. — Не стыдись... Трудно было тебе в той звериной жизни... Выплачь, доченька, свою боль, свою муку... Это — святые, облегчающие слезы... Теперь ты можешь плакать...

Юноша стоял неподвижно, и его веснушчатое круглое лицо выражало неприкрытое удивление. Очевидно, он так привык к выдержке своего друга, что этот перелом, эти слезы были для него неожиданностью. Но и он был взволнован этим порывом. Патриарх поманил его к себе и положил свободную руку ему на плечо.

— Это большое счастье для Оли, что она, наконец, заплакала, — тихо произнес он. — Теперь ей будет легче. Женские слезы, такие слезы, это — очищение души. Нам, мужчинам, не дано этого счастья...

Перед мысленным взором юноши мгновенно пронеслась картина недавнего прошлого, как на несколько тяжких секунд, там, с кровоточащей рукой на плите могилы Кудеяра, он и сам был сломан, и из его глаз жгучим свинцом катились слезы, и как эта девушка — такая маленькая и жалкая теперь — утешала его, мужчину. Волна любви и нежности поднялась в нем, и он потянулся к девушке.

Старик остановил его.

— Не нужно, Дима... Пусть само пройдет...

И, действительно, рыдания девушки уже затихали. Еще раз, еще дрогнули ее плечи и, наконец, она подняла заплаканное лицо.

— Простите, пожалуйста, батюшка, что я так сорвалась. Что-то словно лопнуло внутри... Спасибо вам за ласку!

Патриарх опять молча погладил ее голову.

— А ты... ты, Димка, — внезапно повернулась она к юноше, словно немного пристыженная и рассерженная. — Ты не думай, что я такая уж ревунья! Это... так... случайно...

Дима посмотрел в ее ясные серые глаза и не думая, не рассуждая, взял своими большими руками ее руку. Это движение было так стремительно и неожиданно, так искренно и сердечно, что девушка невольно улыбнулась сквозь слезы.

— Смотри, Димка! Не оторви или не поломай мне руки, — дрогнувшим голосом сказала она, пытаясь пошутить. — Знаю я твои лапы!..

Но юноша поступил еще более странно. Он быстро склонился на колено и поцеловал руку девушки. Эта рука дрогнула, но не отдернулась.

Старик смотрел на эту немного смешную и трогательную сцену, и под его седыми усами мелькала мягкая улыбка.

— Ну, хорошо, хорошо, дети мои... Вот, слава Богу, все и утряслось. Теперь самое страшное — уже в прошлом. Возьмите себя в руки и забудьте о напряжении. Отдыхайте, отъедайтесь и высыпайтесь вволю!

— Вот за это, Владыка, спасибо, — уже весело ответил юноша. — А то, верите ли — я уже и не помню, когда в последний раз сыт был... А Оля — так ее все ее косы мучили: вымыть негде было... Как звери жили... Эх, и посплю же я теперь, Олик!.. Двое суток без просыпа!.. Да вот еще, Владыка, просьба к вам будет от нас обоих.

— От обоих? — с едва заметным ударением переспросил патриарх и опять чуть усмехнулся, глядя на молодых людей. Юноша не заметил ударения.

— Ну да, от обоих. Завтра после обедни отслужите, пожалуйста, молебен о здравии и спасении Сени Щербатого.

— А кто он такой?

— Он, батюшка, помог нам бежать. И остался там, спасая нас. Может быть, только благодаря его героизму мы спасли и тайну клада и свои жизни...

Складка тревоги и боли прорезала чистый юношеский лоб. Старик одобрительно качнул головой.

— Хорошо. Завтра помолимся вместе Господу, чтобы Он его спас. А больше никакой молитвы церкви вам не нужно? Вам лично? Обоим?

Юноша с недоумением посмотрел на старика. Тот, улыбаясь, перевел глаза на лицо девушки, и та поняла. Ее лицо внезапно вспыхнуло румянцем, и рука инстинктивно потянулась к искалеченной руке юноши.

В это время на пороге комнаты появился служка.

— Покои готовы, господа!

Молодые люди попрощались и направились к дверям. На пороге комнаты провожавший их патриарх положил руку на плечо Димы.

— Ну, теперь отдохнете, наконец, всласть. Вероятно, после всего пережитого вы рады быть в покое и безопасности, в тепле и сытости?

Юноша обернулся к старику.

— Да, конечно, Владыка, — медленно ответил он. — Это что и говорить! И совесть у нас спокойна и даже гордость есть: и сами удрали и тайну унесли из-под носа у чекистов. Но, сказать по правде, тяжело все-таки на душе...

Патриарх внимательно посмотрел на омрачившееся лицо гостя.

— Тяжело? Почему же это? Долг свой вы честно выполнили, впереди у вас, Бог даст, вся жизнь и счастье. Почему же вам тяжело?

Дима ответил не сразу. Его лицо постепенно, словно светлый зеленый луг от набежавшей тучки, потемнело. Черты лица стали как-то жестче, морщины прорезали лоб. Углы рта сжались в горькой складке.

— Трудно так сразу сказать, батюшка, — медленно и тихо ответил он. — А все-таки тяжело на душе. Конечно, я понимаю — голод, страдания и ужасы — все это в прошлом. Но ведь в прошлом для нас... А остальные миллионы русских людей?.. Я знаю, Владыка, вы любите и жалеете русских. Но ведь одно дело — жалеть как-то издали, вот вроде китайцев в их наводнениях. А другое дело — видеть своих русских, умирающих и страдающих, своими глазами... Ведь вот теперь — вы думаете я могу с аппетитом есть какой-нибудь пудинг, забыв о беспризорнике Сеньке, который остался там?.. А потом — ведь, что ни говори — здесь чужбина... Вы Владыка, Есенина читали?

Патриарх удивленно поднял брови при этом неожиданном вопросе.

— Есенина? Советского поэта? Слыхать — слыхал, но не читал.

— Эх, батя... Ну, какой же он «советский»? По своему сердцу он наш — русский. Я вот никогда не задумывался над одними его стихами, а теперь они у меня словно раскаленным гвоздем на сердце написаны... Жгут... Мучат... Это не советские, это русские стихи! Крик русского человека, который в СССР потерял Россию... Все мы — и здесь, и там,— словно бездомные...

— А какие же это стихи? — тихо спросил патриарх, взволнованный выражением муки в голосе юноши.

Сдавленным глухим голосом скаут продекламировал:

Когда б шепнула Рать Святая:

— «Оставь ты мир! Живи в раю!»

Сказал бы я: — «Не надо рая,

Верните Родину мою»!..

Голос юноши дрогнул. Широкие плечи его согнулись, словно от новой тяжести. Махнув рукой, он, не оглядываясь, пошел за служкой.

Старик проводил его долгим взглядом и, когда шум шагов затих, повернулся к иконе. Несмотря на то, что рассказы гостей были полны трагизма, на душе у него было радостно.

Эти рассказы, словно биение пульса какой-то далекой напряженной, тяжкой жизни, вызвали в душе патриарха новый подъем веры в русский народ, в его творческие духовные силы, в его несравненную сопротивляемость и жизнеспособность. Эти русские молодые люди оживили его старое сердце радостной вестью, что Россия — не умерла, что она не сдается и что она не может не победить в той страшной борьбе, которую издавна Бог и дьявол ведут в душе отдельного человека и целого народа...

— Господи, Господи, — прошептал взволнованным голосом патриарх, глядя на Лик Спасителя. — Помилуй и воздвигни многострадальную Россию!..

И с задумчивым и просветленным лицом старик опустился на колени, чтобы продолжить прерванную молитву...

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александровская часовня, построена в 1858 г. в честь святого князя Александра Невского на берегу бухты Благополучия в память о визите на Соловки императора Александра II.

Анзер [Анзорский, Анзерский остров], второй по величине (47 кв. км) остров Соловецкого архипелага, название которого означает «вытянутый остров». Анзер начал осваиваться еще в XVI в., когда здесь действовали монастырские солеварни, и, возможно, уже тогда рыболовные тони в Троицкой и Кирилловской губе. Впоследствии здесь появились Свято-Троицкий и Голгофо-Распятские скиты, сыгравшие важную роль в духовной истории соловецкого монашества. В лагерный период на Анзере действовало VI отделение СЛОНа, где находились заключенные, неспособные трудиться на общих физических работах: старики, доходяги, женщины («мамки») с новорожденными детьми, православное и католическое духовенство. Здесь располагалось предприятие Кустпрома, тифозный изолятор и лазарет.

Архангельская гостиница, см. Женский барак.

Белое море, самое южное из морей Северного Ледовитого океана, представляет собой полузакрытый водоем площадью около 90 тыс. кв. км. Границей между Баренцевым и Белым морями считается линия, соединяющая мысы Святой Нос и Канин Нос. К югу от этой границы расположена расширенная часть моря, которую называют Воронкой, еще южнее — так называемое Горло, т.е. пролив, соединяющий Белое море с Баренцевым, а через него — с Мировым океаном. Белое море, глубоко вдаваясь в сушу, образует четыре губы (залива), называющиеся по именам впадающих в него крупных рек: Мезенский, Двинской, Онежский и Кандалакшский. Море ограничивают на севере Терский берег, на юге — Летний и Лямицкий, на западе — Кандалакшский, Карельский и Поморский, на востоке — Зимний и Канинский берега. Центральная часть Белого моря — это бассейн, в центре которого расположена большая впадина с глубинами свыше 100 м. Наибольшая глубина в Кандалакшском заливе — 340 м. Самый мелководный из заливов — Мезенский (средняя глубина его — около 25 м). Соловецкий архипелаг расположен в устье достаточно мелководного и хорошо прогревающегося Онежского залива. Но в северной своей части острова довольно близко соседствуют с более значительными глубинами (достигающими 100 м) центрального бассейна Белого моря. Начало навигации на Белом море приходится на июнь, когда сходит последний лед, и длится она до октября-ноября. При этом море никогда не замерзает полностью, что значительно затрудняет движение по нему судов и на многие месяцы отрезает островные территории от материка.

Белое озеро [Большое Белое озеро], крупнейшее озеро Соловецкого архипелага площадью в 258 га и глубиной до 30 м. Водоем расположен в северной части Большого Соловецкого острова и входит в озерно-канальную систему. В 1920-х гг. озеро было переименовано в Большое Красное.

Библиотеки лагерные, их было две, монастырская, она же библиотека при музее СОКа, содержавшая около 2000 книг и рукописей из местного книгохранилища и архи-

ва, и общелагерная, каталог которой к 1927 г. включал в себя 30 тыс. томов и несколько тысяч журналов по всем отраслям знаний. Основной книжный фонд общелагерной библиотеки был выделен Бутырской тюрьмой и постоянно пополнялся за счет личных книг соловецких заключенных. При ней функционировал читальный зал, в котором организовывалось чтение всевозможных докладов. Известны также общественные библиотеки, действующие на территории политскитов. Часть лагерной библиотеки СЛОН сохранилась в поселке Ерцево (бывший центр Каргопольлага).

Био-сад, одно из подразделений СОКа, был организован 13 мая 1925 г. Сад располагался в Филипповой пустыни на Большом Соловецком острове и специализировался на содержании и одомашнивании диких животных. В 1934–1936 гг. здесь находилась лаборатория Йодпрома.

Больница им. Ф.П. Гааза, начала действовать в 1918 г., как холерная больница для заключенных в помещении городского арестантского дома, построенного в Санкт-Петербурге в 1881 г. В 1919 г. больнице было присвоено имя доктора Ф.П. Гааза, врача и филантропа XIX века, директора попечительского тюремного комитета.

Больница Соловецкого кремля располагалась в Иконописной и Портной палатах на территории северного дворика монастыря. В Иконописной палате с 1905 г. действовали больница для братии и находящийся при ней храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Самыми распространенными заболеваниями среди осужденных в 1920-х гг. были туберкулез, цинга и тиф. Многие уголовники страдали венерическими заболеваниями.

Бутырская тюрьма [Бутырка], центральная пересыльная тюрьма в дореволюционной России, служила также местом заключения для подследственных и осужденных по политическим и уголовным делам. До 1917 г. при ней действовали переплетная, сапожная, портняжная, столярные мастерские, было организовано производство венских стульев и выжигание по дереву. Здесь же был организован Сергиево-Елисаветинский приют для жен и детей, добровольно следовавших за ссыльными в Сибирь. После октябрьского переворота Бутырская тюрьма стала принудительным пристанищем для многих неугодных Советской власти людей, в т.ч. видных государственных деятелей и священнослужителей, впоследствии прославленных в лике святых.

Бухта Благополучия [Кремлевская бухта], залив в южной части Большого Соловецкого острова, на берегу которого стоят основные монастырские строения.

Валдай озеро, входит в озерно-канальную систему, один из центров лесозаготовок.

Варваринская часовня, построена в 1857 г. в честь великомученицы Варвары в 3 км от центральной усадьбы Соловецкого монастыря близ морской пристани. В лагерный период в ее помещении располагалась контора лесничества СЛОНа. У Б.Л. Солоневича, видимо, речь идет о Петровской или Александровской часовнях.

Вишеры (Пермской губернии), Вишерский ИТЛ, организованный в 1928–1929 гг. на базе Вишерского отделения СЛОН ОГПУ

Гельсингфорс, шведское название г. Хельсинки.

Голгофо-Распятский скит на о. Анзер, был организован в 1713 г. на горе Голгофе (64 м) стараниями бывшего царского духовника преподобного Иова (в схиме Иисус). В лагерный период здесь располагались тифозный изолятор и лазарет.

Детская колония, городок из нескольких бараков, построенных в 1928 г. к югу от центральной усадьбы Соловецкого монастыря, за территорией братского кладбища, для не-

совершеннолетних заключенных. В 1929 г. колония была переведена на материк.

Железная дорога (узкоколейка), сеть железнодорожных путей сообщения, была построена на Большом Соловецком острове в лагерный период для перевозки грузов и заключенных. Первоначально в 1923 г. появилась рельсовая узкоколейная колея протяженностью 4,5 версты для ручной подачи вагонеток, спустя год на ней начали использовать паровозы. В 1924–1926 гг. железнодорожные ветки пролегли до Перт-озера и Кирпичного завода. В 1929 г. была запущена последняя ветка — Кремль-Филимоново, связавшая центр управления лагеря с торфоразработками. Последний раз железная дорога упоминается в официальных документах в конце 1931 г. По-видимому, ее тогда же разобрали и с началом навигации 1932 г. вывезли на строительство Беломорско-Балтийского канала.

Женский барак, бывшая Архангельская гостиница, была построена в 1836 г. к югу от центральной усадьбы Соловецкого монастыря. До середины 1920-х гг. в ней содержались заключенные женщины (кроме политических и оштрафованных). Позднее узниц стали направлять и в другие отделения Соловецкого лагеря (в Савватьево, на о-ва Анзер и Муксалма).

Заяцкие острова. [Большой] Заяцкий остров [Заячий остров, Зайчики], больший из группы Заяцких островов (площадь — 1,5 кв. км). В середине XVI в. здесь появилось «пристанище» для кораблей, включающее каменную гавань, людскую избу и поварню. В конце XVII в. сюда была перенесена Иоанно-Предтеченская часовня, которую в 1702 г. по приказу Петра I перестроили в церковь во имя апостола Андрея Первозванного. В XIX в. в Андреевской пустыне появились деревянный корпус с покоями для соловецкого архимандрита и некоторые хозяйственные сооружения. В лагерное время комплекс зданий использовался для нужд штрафного изолятора, в котором содержались беременные, женщины, страдающие венерическими заболеваниями, и узницы, наказанные в административном порядке. [Малый] Заяцкий остров [Заячий остров], меньший из группы Заяцких островов (площадь — около 1 кв. км), который — вероятно, из-за отсутствия на нем источников пресной воды — никогда не осваивался монастырем.

Запорожская Сечь, общее название центров казачества за днепровскими порогами в XVI–XVIII вв.

Зырянский край, место политических ссылок, расположенное на территории современной Республики Коми.

Исаково, одно из древнейших монастырских поселений, расположенное в 2 км от Секирной горы, на середине пути к Сосновой губе. Возникло не позднее второй половины XVI в., получив название по сооруженной здесь деревянной часовне во имя преподобного Исаакия Далматского. Здесь велось озерное рыболовство, в конце XVIII в. рядом с пустынью были устроены луга, на которых заготавливали сено. В 1920- х гг. Исаково вошло в состав II отделения СЛОНа и стало центром лесозаготовок, в 1930 г. превратилось в подразделение лагерного Сельхоза.

Кемский пересыльный пункт [Кемперпункт, Кемский лагерь, Кемский передаточный пункт], организован в 1923 г. на Поповом острове как транзитный пункт для размещения следующих на Соловки заключенных. Те, кто попадали сюда в период навигации, как правило, там не задерживались и отправлялись пароходами на Соловки. В зимнее время людей распределяли по материковым отделениям и командировкам. Структура пересыльного пункта изменялась по мере развития самого лагеря. В 1928 г. Кемперпункт делился на пять рот и три карантина, причем каждая рота была разбита на несколько командировок. В 1932 г. функции пересыльного пункта перешли к соседнему Морсплаву.

Кемь (с 1785 г.), райцентр в Карелии, расположенный на р. Кемь в месте ее впадения в Белое море, в 434 км от Петрозаводска. В средние века Кемь являлась центром волости, которая в XV в. стала вотчиной Соловецкого монастыря. В конце XVI в. здесь появился деревянный острог, который выдержал нападение шведов. Позднее в Кеми было устроено монастырское подворье, а в лагерный период — пересыльный пункт и Управление Соловецких лагерей.

Кирпичный завод, производственный комплекс, построенный в середине XVI в. в 2 км к востоку от центральной усадьбы Соловецкого монастыря рядом с глиняными карьерами. В 1924 г., после возобновления работы, на территории завода появились 18 сараев для сушки кирпича, шатер над печью для обжига, здесь было организовано машинное производство. В 1926 г. предприятие оснастили станками для механической формовки, к нему была проложена ветка железной дороги. В 1929 г. завод произвел полтора миллиона кирпичей, но к 1932 г. производство было свернуто. В 1938—1939 гг. на месте бывшего завода построили трехэтажное здание тюрьмы, которое так и не было введено в эксплуатацию.

Кожевенный завод, был основан в XVII в., действовал и в лагерный период. В 1935—1936 гг. в его помещении располагались Йодпром и Проектное бюро.

Кондостров [Конд, Кондо-остров, Конт] в южной части Онежского залива Белого моря в 90 км от Соловецкого монастыря. В 1898 г. состоялся землеотвод, и в 1909 г. находящийся на острове Никольский скит получил статус скита Соловецкого монастыря. В период существования скита его насельники добывали гранитный камень и заготавливали строевой лес. Подобная специализация сохранилась и в лагерный период, когда Кондостров стал V отделением СЛОНа. Здесь также изолировали больных, прежде всего заключенных, страдающих венерическими заболеваниями.

Кремль, советское название центральной усадьбы Соловецкого монастыря и окружающего его посада. После закрытия обители здесь размещались I Кремлевское отделение СЛОНа, Управление и главные административные подразделения Соловецкого лагеря и тюрьмы, действовали основные производства лагеря: кожевенное, швейное, столярное, лесопильное; известково-алебастровый, гончарный, механический заводы, электростанция, радиостанция, типография, базировался военный городок с казармами для солдат из полка охраны, домами для командиров и подсобными службами.

Крепость на Соловках была построена в 1582—1596 гг., при игумене Иакове, стараниями вологодского «городового мастера» Ивана Михайлова и соловецкого монаха Трифона Кологривова. Соловецкая крепость относится к типу регулярных (ее отличительные черты — равномерное распределение боевых башен по периметру, их значительный вынос за плоскость стен и наличие подошвенного пушечного боя). Общая протяженность стен — около 1200 м, их толщина у основания достигает 7 м, высота — 11 м, высота башен — 17 м. Крепость имеет форму вытянутого с севера на юг пятиугольника с круглыми боевыми башнями по углам — Архангельской, Никольской, Корожной, Прядильной, Белой. Западная стена, обращенная к морю, укреплена Успенской башней. На Святое озеро выходит пристенок с двумя башнями — Поваренной и Квасоваренной. В башнях и стенах крепости устроено десять проездов на территорию монастыря.

Кузовные острова, Кузова, группа из 16 беломорских островов между Кемью и Соловецким архипелагом.

Лесопильный завод был построен в 1813 г. рядом с южной стеной Соловецкого монастыря, на канале, отводящем воду из Святого озера в бухту Благополучия. В лагерный период продукция завода (брусья и доски) использовалась для внутренних нужд и частич-

но вывозилась на материк. С прекращением лесозаготовок и разборкой железной дороги в 1931–1932 гг. объемы производства лесопильного завода резко сократились, однако он продолжал действовать вплоть до ликвидации Соловецкой тюрьмы ГУГБ.

[Тюрьма] на **Лубянке**, внутренняя тюрьма органов государственной безопасности РСФСР и СССР с 1919 по 1991 г. В настоящее время тюрьма входит в комплекс зданий ФСБ РФ на Лубянской площади, что в начале улицы Большая Лубянка, д. 2.

Макарьевская пустынь (Хутор Горка) [Горка, Дворец ном. 1, Макарьевский скит], как место молитвенного уединения, была основана в 1822 г. архимандритом Макарием в 4 км от центральной усадьбы Соловецкого монастыря. В 1850-х гг. в живописной пустыни, лежащей между тремя холмами и двумя озерами, построили воскобелильный завод, позднее соорудили часовню во имя святого благоверного князя Александра Невского и так называемую «Дачу архимандрита». На окультуренной почве появились цветники, оранжереи и парники. В 1920-е гг. пустынь превратилась в резиденцию (усадьбу) начальника лагеря.

Муксаломские острова. Большая Муксалма [Муксульма, Муксальма, Муксолма], третий по величине (18 кв. км) остров Соловецкого архипелага, название которого означает «мелкий пролив». В 1866 г. остров, ради нужд молочного двора, который действовал на Муксалме с XVI в., был соединен с Большим Соловецким островом валунной дамбой. Спустя 10 лет на Большой Муксалме была построена каменная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, а в 1900 г. учрежден скит в честь этого святого. До 1927 г. на острове находилось III отделение СЛОНа, а затем командировка I отделения с несколькими лагпунктами. В разные годы здесь отбывали наказание политические заключенные, располагались сельхоз и химическая лаборатория, в 1937–1939 гг. — подразделение Соловецкой тюрьмы ГУГБ. Малая Муксалма, меньший (1 кв. км) из группы Муксаломских островов остров Соловецкого архипелага, где и в монастырские, и в лагерные времена находилась зверобойная тоня.

Мягостров [Мягкий остров] в Онежском заливе Белого моря, лагерная командировка.

Нарымский край, место политических ссылок, расположенное в Сибири по берегам р. Оби.

Новая Сосновая тоня, рыболовный участок на Большом Соловецком острове, место промысла сельди и трески. В XIX в. были построены деревянная часовня в честь Всех Соловецких чудотворцев, жилые дома, хозяйственные постройки, валунный причал. В лагерный период здесь продолжали добывать рыбу, в 1926–1929 гг. Новососновская тоня стала одним из центров лесозаготовок, в 1930-х гг. — местом сбора водорослей.

Овсянка, монастырское урочище на Большом Соловецком острове, место рыбного и зверобойного промысла. В 1926–1929 гг. Овсянка стала одним из центров лесозаготовок, в 1930-х гг. — местом сбора водорослей.

Октябрьский вокзал, в настоящее время Ленинградский вокзал в Москве

Перт-озеро [Пертозеро], расположено в 3 км к северу от центральной усадьбы Соловецкого монастыря, конечный пункт системы судоходных каналов, откуда сплавленные грузы перевозились на лошадях. В 1924 г. сюда провели ветку узкоколейной железной дороги, на озерном причале была устроена стоянка для двух паровых катеров, курсировавших по озерно-канальной системе.

Пертоминский [Портаминск] лагерь, место изоляции «враждебных Советской власти элементов», которое было организовано в 1920 г. в Архангельской губернии на территории упраздненного Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря. Здесь содержались прежде всего белые офицеры, участники

Кронштадтского восстания, а с осени 1922 г. до лета 1923-го — политзаключенные, которых впоследствии перевели на Соловки.

Петровская часовня, построена в 1855 г. в честь первоверховных апостолов Петра и Павла на берегу бухты Благополучия в память о визите на Соловки царя Петра I.

Попов [Попов-остров] остров (о-в Революции, Морсплав, Рабочеостровск), где изначально находилось подворье Соловецкого монастыря, а затем — пересыльный пункт Соловецкого лагеря, расположен в 13 км от Кеми. В 1923 г. через узкий пролив, отделяющий остров от материка, был построен свайный мост и проложена узкоколейная железная дорога, по которой перевозили заключенных.

Портаминск, см. Пертоминский лагерь

Ризница, ризничная палата Соловецкого монастыря, построенная в конце XVI в. С 1832 г. ризница стала занимать первый ярус Никольского храма. Во второй половине XIX в. соловецкая ризница представляла собой своеобразный монастырский музей, в котором были собраны древние иконы, облачения, рукописи, грамоты, вещи, принадлежавшие основателям обители, вклады, сделанные в Соловецкий монастырь российскими государями, церковными иерархами и знатными людьми. В 1920—1922 гг. все ценные предметы из ризничного собрания вывезли в Архангельск и Москву, оставшиеся на Соловках ценности поступили в лагерный музей. В 1923—1926 гг. в ризнице находился Центральный театр СЛОНа.

Савватиевский скит [Савватьевский скит, Савватьево], место поселения преподобных Савватия и Германа, расположен на севере Большого Соловецкого острова. Впоследствии здесь образовалась пустынь, в которой соорудили часовню во имя преподобного Савватия и несколько келий. В конце XVIII в. вокруг скита были устроены искусственные луга, на Долгом (Савватьевском) озере находился лодочный причал. В 1857—1860 гг. в скиту построили каменную церковь Смоленской Божией Матери, позднее — два деревянных келейных корпуса и один каменный, валунную баню, конюшню. В лагерный период Савватьево стало II отделением СЛОНа. В 1923—1925 гг. здесь располагался основной политизолятор, на территории которого 19 декабря 1923 г. произошел расстрел. В 1926—1929 гг. Савватьево — центр лесозаготовок, в начале 1930-х гг. там действовал сельхоз, с 1937 г. функционировало подразделением Соловецкой тюрьмы.

Святое озеро (4,5 га), находится у восточной стены монастырской крепости. В середине XVI в. озеро было соединено Филипповским каналом с системой озер на Большом Соловецком острове, а два канала, проложенные из озера в монастырь, подведены к поварне и мельнице.

Свято-Троицкая Зосимо-Савватиевская церковь построена в 1859 г. на месте Зосимо-Савватиевского придела Спасо-Преображенского собора. Храм имел три престола: в честь Святой Троицы, во имя преподобных Зосимы и Савватия и святого благоверного князя Александра Невского. В храме пребывали главные святыни монастыря — мощи святых Зосимы и Савватия. В 1923—1930 гг. здесь размещалась 13-я (карантинная) рота Кремлевского отделения СЛОНа, куда направлялись все вновь прибывшие заключенные. После прохождения карантина их направляли в отделения и командировки — в соответствии с имеющейся у них квалификацией и рабочей группой, присвоенной административной комиссией. В 1930 г. функции карантина стал выполнять специальный Карантинный городок.

Свято-Вознесенский скит на Секирной горе [Секирка] (74 м), расположенной в 11 км от центральной усадьбы Соловецкого монастыря, был организован в 1860 г. Здесь была каменная церковь в честь Вознесения Господня, спустя два года на куполе храма был устроен действующий и в наше время маяк. В 1920-х гг. на

территории скита действовал мужской штрафной изолятор, в котором в особо строгих условиях содержались узники, по преимуществу из числа уголовников, серьезно или неоднократно нарушившие правила, установленные для заключенных (отказывавшиеся работать на общих работах, пытавшиеся бежать из лагеря, уличенные в общении с женщинами). Здесь же нередко осуществлялись одиночные и групповые расстрелы. В 1930-х гг. штрафной изолятор был упразднен, но заключенные на Секирной горе содержались вплоть до ликвидации Соловецкой тюрьмы ГУГБ.

Свято-Троицкий скит на о. Анзер, был основан по указу царя Михаила Федоровича в 1620 г. преподобным Елеазаром, который в середине 30-х гг. XVII в. принял в этом месте монашеские обеты у будущего патриарха Никона. С 1924 г. здесь располагался политскит, впоследствии действовало предприятие Кустпрома.

Соловецкие острова [Соловки, Соловецкий архипелаг], крупнейший (300 кв. км) беломорский архипелаг, лежащий в северной части Онежского залива в 165 км к югу от Северного полярного круга на пересечении 65 с. ш. и 35 в. д. В его состав входят шесть достаточно крупных островов: Большой Соловецкий, Анзер, Большая и Малая Муксалма, Большой и Малый Заяцкие острова.

[Большой] Соловецкий остров, крупнейший (218 кв. км) беломорский остров, на котором с XVI в. располагалась значительная часть построек, скитов и пустыней Соловецкого монастыря. В 1920-е гг. на территории упраздненной обители располагалось Управление СЛОНа, основные лагерные отделения и рабочие командировки, а также большинство заключенных Соловецкого лагеря.

Сорока (с 1938 г. — Беломорск), старинное торговое поморское поселение, известное с XII в., расположенное на территории Карелии в 120 км от Соловков, где с XVI в. находился центр Сороцкой волости, являвшейся вотчиной Соловецкого монастыря.

Спасо-Преображенский [Преображенский] **собор**, центральный храм Соловецкого монастыря, был сооружен новгородскими мастерами в 1558—1566 гг. при игумене Филиппе. В 1925 г. собор был объявлен заповедником и для содержания заключенных не использовался. Здесь хранились ценности (прежде всего иконы), вывезенные сотрудниками СОКа из скитов и пустыней Соловецкого монастыря.

Старая Сосновая тоня, предположительное место прибытия преподобных Савватия и Германа, расположенное на севере-западе Большого Соловецкого острова. В XVII в. здесь была возведена деревянная часовня, велся рыболовный промысел. В лагерный период здесь продолжали добывать рыбу, в 1926—1929 гг. осуществлялись лесозаготовки.

Таганская тюрьма, построенная в Москве в 1804 г. по указу императора Александра I, находилась на пересечении улицы Малые Каменщики и Новоспасского переулка. Первоначально она использовалась только для содержания уголовников, была «рабочим домом с лишением свободы», но к концу XIX в. здесь содержались и политические заключенные. Осужденные работали в многочисленных мастерских — токарных, переплётных, слесарных, портновских — и в типографии. После 1917 г. в мастерских тюрьмы выполнялись срочные заказы для центрального карательного отдела НКЮ, войск внутренней охраны и внутренней службы. В XX в. тюрьма приобрела функции пересыльной, и к концу своего существования называлась Центральная таганская пересыльная тюрьма 8-го управления МВД СССР. В 1958 г. большинство корпусов тюрьмы снесли, на ее месте было построено несколько жилых пятиэтажных домов.

Туруханский край, место политических ссылок, расположенное в восточной Сибири по берегам Енисея.

Тюрьма на Шпалерной, первая в России следственная тюрьма, открытая 1 августа 1875 г. в Петербурге, на Шпалерной улице, 25.

В 1920-х гг. бывший Дом предварительного заключения стал следственной тюрьмой Ленинградского управления ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. В 1931–1932 гг. на Шпалерной, 25 действовала так называемая «шарага» ОКБ 12 — проектно-конструкторская организация, в которой работали заключенные-специалисты. В настоящее время бывшая тюрьма на Шпалерной официально называется СИЗО 3.

Управление лагерями особого назначения, размещалось в каменной Преображенской гостинице на берегу бухты Благополучия, где некогда останавливались паломники-мужчины. Второй этаж был отведен под канцелярию СЛОНа, на первом и третьем этажах жили с семьями чекисты и представители соловецкой администрации. На первом этаже Управления работал магазин розничной торговли — розмаг.

Успенский собор, первый каменный храм Соловецкого монастыря, был сооружен новгородскими мастерами в 1552–1557 гг. при игумене Филиппе. В лагерный период использовался для содержания заключенных.

Филимонова тоня, названа в честь апостола Филимона, в лагерный период центр лесо- и торфозаготовок, платформа железной дороги.

Филипповский скит (Филиппова [Иисусова] пустынь), расположен в 2 км от центральной усадьбы Соловецкого монастыря. Основание пустыни связано с именем святителя Филиппа, который избрал это место для своих молитвенных подвигов в 1540-х гг. В середине XIX в. здесь были построены церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник», две часовни и келейный корпус для братии. В 1920-х гг. в Филипповой пустыни был организован биосад для содержания и одомашнивания животных (гага, олень, лиса, соболь, песец). В 1935–1936 гг. в пустыни действовала лаборатория Йодпрома.

Холмогоры, село (до 1925 г. — город) в низовье Северной Двины, районный центр Архангельской области. В 1682 г. Холмогоры стали центром епархии, главным городом Двинской земли. В 1920–1923 гг. в Холмогорах, на территории архиерейского дома, находился лагерь принудительных работ.

Царская колокольня (не сохранилась), была построена в 1862–1863 гг. в центре монастырского двора для колокола «Благовестник», отлитого в 1859 г. по приказу императора Александра II в память о военных событиях 1854 г. Под колоколом в виде пирамиды были выложены ядра, собранные после английской бомбардировки.

Церковь на кладбище около Кремля [Соловецкое, Кремлевское кладбище], каменный храм преподобного Онуфрия Великого, построенный на монастырском кладбище в 1829 г. на месте деревянной церкви, где отпевали умерших братий и служили панихиды. После установления Советской власти Онуфриевская церковь была единственной, в которой проводились богослужения на Соловках. С 1925 г. в службах могли участвовать не только соловецкие иноки, но и некоторые заключенные — православные священники и миряне, арестованные по церковным делам. В 1931 г. службы в Онуфриевской церкви были запрещены.

Щучье озеро, входит в озерно-канальную систему, в лагерное время являлось одним из центров лесозаготовок.

Электростанция (гидроэлектростанция), была построена в 1912 г. рядом с южной стеной Соловецкого монастыря, на канале, отводящем воду из Святого озера в бухту Благополучия. В лагерный период электростанция была восстановлена. 10 апреля 1925 г. приступили к расширению электростанции: на остров прибыли две паровые машины мощностью 120 л/с, к концу года была закончена кладка нового здания. Станция функционировала до конца 1930-х гг.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Идентификация и аннотирование встречающихся в указателе имен произведены на основе информации, почерпнутой из энциклопедических словарей, электронных баз данных, справочников по истории ГУЛАГа и личных архивов членов редакционной коллегии, а также из воспоминаний как самих соловецких узников, так и не связанных с Соловками людей.

Случаи, когда сведения о том или ином человеке ограничены данными, представленными лишь на страницах мемуаров, говорят об отсутствии параллельных источников информации и указывают на возможные неточности.

В квадратных скобках указаны встречающиеся в воспоминаниях способы написания имен и фамилий, в круглых — способы написания, которые встречаются в справочных материалах.

Все даты приведены по новому стилю.

А

Авраамий Палицын (ум. 1626), соловецкий постриженник, келарь Свято-Троицкого Сергиева монастыря, публицист 56, 58, 373

Агуреева, см. Андреева

Адельский, лагерный фельдшер 122

Александр (Павлович Андроник Иванович; 1799 — 1874), епископ Полтавский и Переяславский. Игумен Соловецкого монастыря в годы Крымской войны 57

Александр, заключенный участник скаутского движения 410—412

Александров, заключенный штрафного изолятора на Секирной горе 305

Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; 1877 — 17 апреля 1970), Святейший Патриарх Московский и всея Руси 75

Алексий II (Ридигер Алексей Михайлович; 1929 — 5 декабря 2008), Святейший Патриарх Московский и всея Руси 54

Алеша Карамазов, литературный персонаж 411

Алмазов, сотрудник больницы им. Ф.П. Гааза 109

Амвросий (Полянский Александр Алексеевич; 1878 — 20 декабря 1932), священноисповедник, епископ Подольский и Брацлавский. Арестован в ноябре 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 74

Андреева (Андреева-Горбунова) Александра Азарьевна (1887 — 17 июля 1951), сотрудница Разведуправления РККА, ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Умерла в ИТЛ 38

Андреевский Иван Михайлович (1894 — 30 декабря 1976), публицист. Арестован в феврале 1927 г., приговорен к пяти годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Автор воспоминаний о Соловках 45

Андроний, почивший соловецкий монах 372

Анна (ум. 1011/1012), великая княгиня, жена киевского великого князя Владимира Святославича, крестителя Руси 583

Антипов, заведующий лагерными отделениями 35, 308

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863 — 10 августа 1936), митрополит, Первоиерарх Русской Православной Церкви заграницей 65, 168

Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865 — 14 января 1927), деятель обновленческого раскола 45—46

Антонин (Чубаров Александр Павлович; 1875—1926), архимандрит, последний настоятель Симонова монастыря в Москве. Погиб на Соловках 81

Асафов, заключенный чекист 327—328, 330

Аттила (ум. 453), вождь гуннов, объединивший варварские племена на большей части Европы 318

Ахшарумов, адвокат 129

Б

Б-нов, см. Бессонов

Бабенко Николай Артемьевич, участник неудачного побега из СССР 347

Баден Пауэлл [Баден-Пауль] Роберт (1857 — 8 января 1941), британский военачальник, основатель скаутского движения 367, 406, 408

Баден-Хан, афганец, заключенный Бутырской тюрьмы 86, 103

Баракатулла Мохаммед (1854 — 20 сентября 1927), деятель антибританского движения в Индии 105

Барбюс Анри (1873 — 30 августа 1935), французский писатель-коммунист 246

Баринов, начальник Кемперпункта, с 1925 г. начальник I Кремлевского отделения 257

Барков Е.С., заключенный начальник ЭКЧ 187, 277

Бельский, следователь ГПУ 94

Бессонов (Безсонов) Юрий Дмитриевич (1891—1959), офицер, заключенный Кемперпункта. Автор воспоминаний «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» (Париж, 1928) 9—10, 26, 28, 30—32, 84

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), фаворит русской императрицы Анны Иоанновны 173

Блок Александр Александрович (1880 — 7 августа 1921), поэт 23

Блюменау (Блуменау) Леонид Васильевич (1862 — 10 ноября 1931), сотрудник больницы им. Ф.П. Гааза 109

Богаевский Африкан Петрович (1872 — 21 октября 1934), один из руководителей Белого движения 168

Богданов Борис Осипович (1884 — 15 мая 1960), социал-демократ, на Соловках возглавлял старостат Савватьевского скита 38

Бокий Глеб Иванович (1879 — 15 ноября 1937), начальник УСЛОНа, руководитель шифровального отдела ОГПУ-НКВД, глава 9-го отделения ГУГБ НКВД. Расстрелян 134, 185, 254

Борман А., автор воспоминаний «На Соловках в Страстную седмицу» (1956) 156—157

Бострем Глеб Иванович (1898 — 9 декабря 1937), морской офицер, участник скаутского движения. В августе 1926 г. приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря в августе 1928 г. сослан в Сибирь. Расстрелян 346, 412

Бострем Иван Федорович (1857 — 2 января 1934), вице-адмирал, отец Г.И. Бострема 412

Брюсов Валерий Яковлевич (1873 — 9 октября 1924), писатель 24

Букреева Ольга, заключенная участница скаутского движения, героиня романа Б.Л. Солоневича 453—455, 458—459, 473—477, 480, 483—484, 492—504, 508—509, 519—524, 528—538, 541—543, 550—577, 579—589

Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660–1708), предводитель крестьянского восстания 525

Булич Вера Сергеевна (1898 – 21 июля 1954), поэтесса 28

Булыгин Александр Дмитриевич (1902–1986), арестован в мае 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Автор воспоминаний «Быль Соловецкая» (рукопись) 84

Бунин Иван Алексеевич (1870 – 8 ноября 1953), поэт 21

Быстров-Гаррах, см. Корнев

В

В., ссыльный доктор 242

Вадбольский Авенир Авенирович (1898 – 18 ноября 1930), князь. Арестован в 1924 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 152

Валя, литературный персонаж 25

Ванька-Пугач, заключенный уголовник 361–362

Варсонофий, почивший соловецкий монах, герой романа Б.Л. Солоневича 448–453, 455, 462, 470, 480–481, 484, 500–501, 516, 518, 585

Василий (Зеленцов Василий Иванович; 1870 – 7 февраля 1930), священномученик, епископ Прилукский. Арестован в сентябре 1926 г., приговорен к пяти годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря в октябре 1929 г. сослан в Иркутскую область. Расстрелян 261, 263

Василий, заключенный участник скаутского движения, санитар 375, 383, 393

Васильев, заключенный полковник 327

Василько, охранник 495

Васьков Родион Иванович (1891–1961), в сентябре 1923 г. по собственному желанию откомандирован на Соловки, где до 1926 г. занимал должность начальника I Кремлевского лагерного отделения. Заместитель начальника УСЛОНа по административной части, затем, до 1930 г. – секретарь УСЛОНа. Арестован в июле 1952 г., приговорен к пяти годам лишения свободы 33, 35, 119, 121, 128, 135–136, 267–268, 328

Васькова, жена Р.И. Васькова 119

Вексель, швед, погиб в больнице им. Ф.П. Гааза 110

Велар, см. Виолар

Вельчанский Станислав Иосифович (1884 – не ранее 15 сентября 1937), социалист-революционер. Арестован в сентябре 1922 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 62

Вениамин (Кононов Василий Васильевич; 1869 – 17 апреля 1928), преподобномученик, архимандрит, игумен Соловецкого монастыря (1917–1920) 153, 180

Вербицкий Евгений, участник скаутского движения. Арестован в 1924 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки 391

Веревкин, заключенный участник скаутского движения 346

Виктор (Святин Леонид Викторович; 1893 – 18 сентября 1966), митрополит, в 1930-е гг. епископ Китайский и Пекинский, начальник Российской Духовной миссии в Пекине 170

Виолар [Велар, Виллар], южноамериканский дипломат, муж грузинской княжны Караловой, по другим сведениям Чавчавадзе. Арестован в 1924 г. вместе с супругой по обвинению в шпионаже и отправлен на Соловки 126–129, 136, 223

Вихра Вячеслав Вячеславович (1880–?), чешский военнопленный, спортивный инструктор. Арестован в декабре 1926 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 398–399

Владимир Святославович († 28 июля 1015), равноапостольный, великий князь, креститель Руси 583

Владимир Иванович, воспитатель детского дома в Одессе 362

Владимир, заключенный участник скаутского движения 393–394, 398, 406–407

Владимир, участник скаутского движения, красный командир 365

Вовонин, охранник 329

Войков Петр Лазаревич (1888 – 7 июня 1927), один из организаторов расстрела царской семьи. Убит в результате покушения 194

Войцеховский Юрий Львович (1905 – 1 сентября 1944), общественный деятель русской эмиграции. Убит в результате покушения 352

Волков Олег Васильевич (1900 – 10 февраля 1996), публицист, на Соловках был дважды: в 1928–1929 и 1931–1933 гг. Автор воспоминаний «Погружение во тьму» 332, 337

Воровский Вацлав Вацлавович (1871 – 10 мая 1923), полпред РСФСР в Италии с 1921 г. Убит в результате покушения 112

Воронин, командир лагерной роты 221, 223, 285, 290–292

Воронов, охранник 285, 290

Г

Г.Б., автор воспоминаний «Страстная неделя и Пасха на Соловках» (1949) 152–156

Гавриил (Абалымов Николай Николаевич; 1881 – 31 июля 1958), епископ Осташковский. Арестован в 1926 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 74

Гай, заключенный журналист 404–405

Ганешин Дмитрий Сергеевич (1904–1979), участник скаутского движения. Арестован в апреле 1926 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346

Ганусовский Борис Казимирович (1908 – 5 ноября 1993), доверенное лицо Б.Л. Солоневича 354

Гарднер Вадим Данилович (полн. фам. де Пайва-Перера Гарднер; 1880 – 20 мая 1956), поэт 28

Георгий Победоносец († 6 мая 303), великомученик, небесный покровитель русских скаутов 405, 476, 479, 504, 524

Герман († 12 августа 1479), преподобный, один из основателей Соловецкого монастыря 56, 154, 179, 181

Гессен Иосиф Владимирович (1865 – 22 марта 1943), публицист 28

Глаголев Михаил (ум. ок. 1929), священник, погиб на Соловках 359–361, 384–389, 401

Глеб (Покровский Виталий Никитич; 1881 – 3 ноября 1937), архиепископ Свердловский. Арестован в сентябре 1925 г. в сане епископа Михайловского, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 74, 167, 216, 226, 261, 263

Гольман, сотрудник администрации ББК 332

Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868 – 18 июня 1936), писатель. Посетив Соловки летом 1929 г., написал одноименный очерк, опубликованный в пятом и шестом номерах журнала «Наши достижения» за 1930 г. 274

Грабовский Сергей Александрович (ок. 1897 – 29 октября 1929), офицер, погиб на Соловках 346, 398–401, 403

Греков Лонгин, диакон 73

Гривопотский, предприниматель, погиб на Соловках 327, 329

Григорий, соловецкий монах 263

Григорий (Козырев Сергей Алексеевич; 1882 – 9 февраля 1937), епископ Барнаульский и Бийский. Арестован в 1924 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 75

Грицук, заключенный староста рабочей артели 378

Грюнвальд, немец, погиб на Соловках 35–36

Гурвич Семен, заключенный участник скаутского движения 346, 367–370, 373, 398, 402

Гутенберг Иоганн (ок. 1399–1468), изобретатель книгопечатания 429

Гучков Александр Иванович (1862 – 14 февраля 1936), военный министр Временного правительства 163

Гюллинг Эдвард (1881 – 19 августа 1944), председатель Совнаркома Карельской АССР 14

Д

д'Артаньян, литературный персонаж 419

Даниил, деятель обновленческого раскола 73

Демин Александр Иванович, заключенный толстовец 337

Деникин Антон Иванович (1872 – 7 августа 1947), один из руководителей Белого движения 45

Джунаид-хан (наст. имя и фам. Мухаммед Курбан Сердар; 1862(57)–1938), один из руководителей басмаческого движения в Туркмении 163

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 – 20 июля 1926), советский государственный и партийный деятель 96, 112, 140, 166, 176, 326, 328, 406

Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (293–313), римский император (284–305), гонитель христиан 259

Дитерихс Михаил Константинович (1874 – 9 сентября 1937), участник Белого движения, председатель Дальневосточного отдела РОВС 168

Дмитрий, заключенный участник скаутского движения 375

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель 525

Драгун [Дорогун], контрабандист, погиб на Соловках 132, 234

Дукис [Дукс, Дуккис] Карл Янович (Яковлевич; 1890–1966), начальник Внутренней тюрьмы на Лубянке, начальник тюремного отдела ГПУ, начальник Внутренней тюрьмы и комендант Бутырской тюрьмы 38, 100, 205, 214

Думницкий, следователь ГПУ 48

Дутов Александр Ильич (1879 – 7 февраля 1921), один из руководителей Белого движения. Убит в результате покушения 165, 169, 171, 175

Е

Евгений (Зернов Семен Алексеевич; 1877 – 20 сентября 1937), священномученик, митрополит Горьковский. Приговорен в сане архиепископа Приамурского и Благовещенского в феврале 1924 г. к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 72–75, 152, 261

Езерская (Езерская-Вольф) Романа Давыдовна (1899 – 11 декабря 1937), сотрудница ВЧК–ГПУ, Коминтерна, заключенная польской тюрьмы (1926–1932). Расстреляна 38

Екатерина II (1729 – 1796), российская императрица с 1762 г. 535

Емелька Пугачев, см. Пугачев

Ермак Тимофеевич (ум. 1585), завоеватель Сибири 429

Есенин Сергей Александрович (1895 – 28 декабря 1925), поэт 427, 590

Ж

Жанна д'Арк († 1431), католическая святая, глава освободительного движения во Франции 429

З

Зайцев Иван Матвеевич (1879 – 22 ноября 1934), автор воспоминаний о Соловках 10, 84, 161–330, 332

Зайцев, погиб на Соловках 234

Захария (Лобов Захар Петрович; 1865 – 21 сентября 1937), священномученик, архиепископ Воронежский и Задонский. В Соловецком лагере был дважды: с сентября 1924 по ноябрь 1926 г. в сане епископа Нижне-Чирского, викария Донской епархии, затем – в ноябре 1935 г. Расстрелян 75

Зеленов Борис Иванович (1903–?), участник скаутского движения. Арестован в октябре 1926 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346

Зеленов Дмитрий, заключенный участник скаутского движения, герой романа Б.Л. Солоневича 436–446, 448–463, 472–494, 497, 499–519, 521–524, 528–544, 551–577, 579–590

Знаменский Н.Н., морской офицер, заключенный заместитель начальника лагерного Отдела труда 394

Зосима († 30 апреля 1478), преподобный, один из основателей Соловецкого монастыря 56, 154, 179, 181, 258, 271–272, 340, 429

Зотов Владимир Семенович (1904 – 14 мая 1978), участник скаутского движения. Арестован в ноябре 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346

И

Иван, заключенный участник скаутского движения 382–384

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), великий князь московский и всея Руси, первый русский царь. На Соловках никогда не был 56, 450

Иван Савин (наст. имя и фам. Иван Иванович Саволайнен; 1899 – 12 июля 1927), поэт, писатель, журналист 9, 19–42

Иванов, прапорщик, заведующий рабочей силой 35

Ивницкий Евгений, заключенный участник скаутского движения 346

Игнатий (Садковский Сергей Сергеевич; 1887 – 9 февраля 1938), священномученик, епископ Скопинский. Арестован в январе 1923 г. в сане епископа Белевского, викария Тульской епархии, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 75, 152

Игорь, заключенный участник скаутского движения 407–408

Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич; 1886 – 28 декабря 1929), священномученик, архиепископ Верейский, викарий Московской епархии. В Соловецком лагере был дважды: с января по июль 1924 г. в Кемперпункте, затем в течение года непосредственно на Соловках, откуда переведен в Ярославский изолятор. В июне 1926 г. архиепископа вернули на Соловки, где он пробыл до осени 1929 г., работая в лесничестве, сторожем биосада, вязчиком сетей на Филимоновской тоне. Умер от тифа в ленинградской пересыльной тюрьме при этапировании в алма-атинскую ссылку 10, 45, 49–50, 53, 59, 61, 64–71, 74, 77–78, 87, 134–135, 151, 157–160, 253–254, 261, 331–340, 385

Иларион, иеродиакон 160

Иннокентий, митрополит, герой романа Б.Л. Солоневича 337, 442–444, 446, 455, 459–460, 462, 465–472, 485–488, 516, 543, 546–547, 561

Иоаким (Благовидов Яков Алексеевич; ум. 9 декабря 1929), архиепископ Ульяновский. Арестован в сане епископа Алатырского, викария Симбирской епархии и отправлен в 1923 г. на Соловки, где находился до 1927 г. 75

Иоанн Златоуст († 27 сентября 407), святитель, Патриарх Константинопольский с 398 г. 66

Иосиф, заключенный член спортклуба «Маккаби» 398

Иувеналий (Масловский Евгений Александрович; 1878 – 24 октября 1937), священномученик, архиепископ Рязанский и

Шацкий. Арестован в 1925 г. в сане архиепископа Курского и Обоянского, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 74, 153, 167, 210, 225–226, 261, 271

К

К., см. Клингер

Кабир-Шах, см. Саид-Султан Кабир-Шах

Каганович Лазарь Моисеевич (1893 – 25 июля 1991), советский государственный и партийный деятель 151

Казачков Владимир Алексеевич (1902–1994), выпускник кадетского корпуса. Арестован в феврале 1925 г., приговорен к пяти годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря в ноябре 1928 г. сослан в Сибирь. Автор воспоминаний о Соловках 151–152

Каларов [Каралова], см. Чавчавадзе

Калинин Михаил Иванович (1875 – 3 июня 1946), советский государственный и партийный деятель 110

Кальнишевский [Кольнышевский] Петр Иванович (1691–1803), последний кошевой атаман Запорожской Сечи. В 1776 г. сослан на Соловки, где и скончался в возрасте 112 лет 56, 58, 373, 535

Карахан Лев Михайлович (1889 – 20 сентября 1937), советский дипломат, полномочный представитель в Пекине. Расстрелян 166

Карл XII (1682–1718), король Швеции 430

Катанян [Катаньян] Рубен Павлович (1881 – 6 июня 1966), глава внешней разведки РСФСР, помощник прокурора Верховного суда СССР П.А. Красикова, один из членов комиссии, посетившей Соловки в 1924 г. В 1938–1948 гг. и 1950–1955 гг. находился в заключении 106–108, 134

Кашавили, заключенный 136–142

Каштанов, заключенный инженер 59

Кериовский Иван Иванович, начальник Кемперпункта 33

Кетлевский Василий, священник, арестован в Благовещенске вместе со священномучеником Евгением (Зерновым) 73

Киприан [Соловьев] (Комаровский Константин Станиславович; 1876 – 11 декабря 1937), архиепископ Вятский. Арестован в декабре 1922 г. в сане епископа Семипалатинского, приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 75

Кирилл († 869), равноапостольный, учитель Словенский 506

Кирьянов Николай Борисович (1902 – 22 сентября 1988), келейник священномученика Илариона (Троицкого). Арестован в декабре 1924 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Досрочно освобожден из лагеря по состоянию здоровья в августе 1928 г. 338

Киселев, брат жены Р.И. Васькова 119

Клинг, следователь ГПУ 95

Клингер Александр, офицер, автор воспоминаний «Соловецкая каторга. Записки бежавшего» (Берлин, 1928) 10, 28, 34–36, 39–42, 84, 88, 332

Коган Д.Я., заключенный чекист 271–272

Колесников Николай Владимирович (1880 – 30 января 1937), издатель журнала «Армия и флот» 169

Колесов, см. Иннокентий, митрополит

Колчак Александр Васильевич (1874 – 7 февраля 1920), один из руководителей Белого движения. Расстрелян 101–102, 165

Конота, японский журналист, заключенный Бутырской тюрьмы 102

Конради, брат М.М. Конради, убившего советского дипломата В.В. Воровского в Лозанне, заключенный Бутырской тюрьмы 112

Корнев Павел Александрович (Гаррах Михаил Петрович, Быстров Виктор Владимирович; 1902 – не ранее 1942), заключенный анархист. Расстрелян 302, 327

Корнилова Александра Ивановна, заключенная сестра милосердия 122

Королев, заключенный уголовник 312

Коротков, инженер, погиб на Соловках 401

Красин Леонид Борисович (1870 – 24 ноября 1926), советский полпред в Великобритании и Франции 42

Краснушкин Евгений Константинович (1885 – 3 марта 1951), психиатр 103

Кривош-Неманич [Ниманич] Владимир Иванович (186(?)–1942), профессор-лингвист, криптограф. Арестован в марте 1923 г., приговорен к высшей мере наказания, которая была заменена 10 годами лишения свободы, и отправлен на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря в октябре 1928 г. вернулся в Москву и еще восемь лет работал в Наркомате иностранных дел. Умер в эвакуации в Уфе 383–384

Кромуль, лагерный цензор 38

Крылова Нина, поручик «Женского батальона смерти», кавалер ордена Св. Георгия, персонаж романа Б.Л. Солоневича 354

Крутлов, охранник 544–545

Крюков Петр Акимович (1891–?), социалист-революционер. Арестован в марте 1921 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен в Пертоминск, затем на Соловки. Досрочно освобожден из лагеря по состоянию здоровья в ноябре 1924 г. 38

Кубрин, сексот 520, 528–529, 531, 536, 538

Кудеяр, литературный персонаж 373, 492, 502–503, 523, 525–531, 588

Кузнецова, медсестра больницы им. Ф.П. Гааза 109

Курейши Саид Улам Ахмет (1887–?), автор воспоминаний о Соловках 10, 83–148, 332

Кутепов Александр Павлович (1882 – 26 января 1930), участник Белого движения 168, 351

Кучьма [Кучма], начальник лагерного отделения на Секирной горе 126, 274, 278, 307–308, 328–329

Л

Лапин Сергей Иванович, заключенный врач 116, 123–124

Лапина, жена С.И. Лапина 124

Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870 – 21 января 1924), организатор октябрьского переворота 66, 322, 513

Лефевр Матильда, официальный издатель журнала «Родина» 353

Лозина-Лозинский Владимир Константинович (1885 – 26 декабря 1937), священномученик. Арестован в 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 152

Ломоносов-Роланд, см. Ролан

Лондон Джек (наст. имя Джон Гриффит; 1876 – 22 ноября 1916), американский писатель 541

Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 26 декабря 1933), нарком просвещения РСФСР 385–387

М

М-ов, см. Мальсагов

Магомет 2-ой, см. Мехмед II

Малахов, командир взвода лагерной охраны 418

Маливанов, см. Милованов

Мальсагов Созерко Артаганович (1893 – 25 марта 1976), офицер, заключенный Кемперпункта. Автор воспоминаний «Адский остров: советская тюрьма на далеком севере» (Лондон, 1926) 10, 26, 28, 30–32, 39–40, 173, 332

Мандельштам Осип Эмильевич (1891 – 27 декабря 1938), поэт 24

Мануил (Лемешевский Виктор Викторович; 1884 – 12 августа 1968), митрополит. Арестован в сане епископа Лужского, викария Петроградской епархии в феврале 1924 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 75, 152, 167, 226, 261, 271, 332, 336

Мария Васильевна, лагерный врач 123

Мария Семеновна, заключенная социалист-революционер 108

Маркс Карл (1818 – 1883), основоположник теорий прибавочной стоимости и классовой борьбы 513–514

Мартин (Марков Василий Иванович; 1868 – не ранее 1929), иеромонах, уставщик Соловецкого монастыря 158

Масалов Илья, протоирей, арестован в Благовещенске вместе со священномучеником Евгением (Зерновым) 73

Матфей, заключенный деятель обновленческого раскола 261

Махно Нестор Иванович (1889 – 16 июля 1934), руководитель Революционной повстанческой армии Украины 215

Медведева, арестована в Благовещенске в числе группы женщин, протестовавших против гонений на священномученика Евгения (Зернова) 73

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874 – 10 мая 1934), председатель ОГПУ СССР 140

Менцель, заключенный корнет, адъютант гетмана П.П. Скоропадского 40

Метнева Александра Семеновна, жена И.М. Зайцева 162

Мефодий, († 885), равноапостольный, учитель Словенский 506

Мефодий, подопечный патриарха 587

Мехмед II Фатих (1431–1481), турецкий султан 256–257

Миллер Евгений Карлович (1867 – 11 мая 1939), один из руководителей Белого движения и РОВС. Расстрелян 351

Милованов (Ганц-Милованов) Яков Юльевич (1890–?), заключенный стоматолог, сотрудник ARA 36

Митрофан (Гринев Федор Васильевич; 1873 – 17 февраля 1938), епископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии. Арестован в январе 1923 г. сане епископа Аксайского, викария Донской епархии, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 75

Митька, заключенный уголовник 361–365, 379–381, 388, 395–397

Михаил, заключенный профессор 505–506, 522

Михаил, священник, см. Глаголев

Михайлов Николай (ум. 3 февраля 1938), секретарь редакции «Голос России», погиб в результате покушения 351

Миша, литературный персонаж 24–25

Моисей, еврейский пророк и законодатель 522

Н

Набоков Владимир Владимирович (1899 – 2 июля 1977), писатель 27

Надежда, заключенная участница скаутского движения 417–420

Наживина, заключенная жена офицера 266

Назарий, соловецкий монах 339

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император 430

Некрасов Митрофан Иванович (ум. ок. 1969), учитель биологии, в 1923 г. отправлен на Соловки, где был сотрудником СОКа 127–128

Нектарий (Трезвинский Нестор Константинович; 1889 – 8 сентября (2 августа) 1937), епископ Яранский, викарий Вятской епархии. В Соловецком лагере находился дважды: с 1925 по 1927 г., затем с 1932 г. до середины 1930-х гг., когда был сослан в Казахстан. Расстрелян 75, 261

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68), римский император, гонитель христиан 259

Никитин, участник неудачного побега из СССР 348

Никодим, архиепископ 157

Николаев, прокурор 110–111

Николай I Павлович (1796 – 2 марта 1855), российский император 484

Николай, заключенный 409

Николай, заключенный участник скаутского движения 393–394, 396–397, 408–409

Николай, подопечный патриарха 578–579, 587

Никон (Минов Никита; 1605–1681), российский патриарх, в 1633 г. был пострижен в монашество в Свято-Троицком скиту на Анзере преподобным Елеазаром 56–57

Никонов-Смородин Михаил Захарьевич (наст. имя и фам. Семен Васильевич Смородин; 1889–?), землемер, организатор крестьянского восстания. Арестован в августе 1927 г., приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Автор воспоминаний «Красная каторга (Записки соловчанина)» (София, 1938) 158, 332, 337

Нина, участница скаутского движения, невеста соловецкого заключенного 410

Новиков, сотрудник администрации Холмогорского, затем Соловецкого лагеря 390–393, 464–472, 484, 495–498, 508, 510, 518–521, 529, 536, 538–539, 541, 545, 548, 551–552

Ногтев Александр Петрович (1892 – 23 апреля 1947), балтийский матрос, начальник Управления Северных лагерей. В 1923–1930 гг. (с перерывом в 1928–1929 гг.) начальник УСЛОНа. В 1930 г. вышел на пенсию, жил в Москве, в 1932–1938 гг. работал управляющим трестом «Мосгортопа». Арестован в сентябре 1938 г., приговорен к 15 годам лишения свободы, отправлен в Норильсклаг, с 1944 г. переведен на поселение в Красноярском крае. Окончательно освобожден в декабре 1945 г. в связи с тяжелой болезнью 33–34, 37, 185, 257

О

Оба-Наке, японский журналист, заключенный Бутырской тюрьмы 102–103

Обер Теодор (1878 – 19 января 1963), швейцарский адвокат, основатель Международного соглашения против III Интернационала (Лига Обера) 320

Оболенский, князь, возможно, имеется в виду Петр Владимирович Оболенский (1906(1896) – 25 октября 1937), студент курса Кораблестроительного факультета Ленинградского Политехнического Института им. М.И. Калинина. Арестован в апреле 1927 г., приговорен к пяти годам лишения свободы и отправлен на Соловки, где работал по специальности. Расстрелян 557

Окерман, полковник, погиб на Соловках 133, 327, 329

Олейников Леонид Александрович, заключенный уголовник 277–278

Ольга, участница скаутского движения, жена красного командира 365

Орехов Василий Васильевич (1896 – 6 июля 1990), редактор журнала «Часовой» 353

Осипов Василий, священник, арестован в Благовещенске вместе со священномучеником Евгением (Зерновым) 73

Основа, ротный командир в Кемперпункте, лагерный староста 215–216, 274

Остен-Сакен Максимилиан Владимирович (1895 – 23 июня 1926), барон. Арестован в 1925 г. по «делу лицеистов», приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Погиб в лагере 133, 327

П

П., епископ, заключенный 260–261

Павел (Введенский Павел Андреевич; 1866 – 9 февраля 1937), епископ Моршан-

ский. Арестован в 1923 г. и отправлен на Соловки, где находился до 1926 г. 75

Павел, священник, литературный персонаж из романа Б.Л. Солоневича 433–435, 439–442, 462

Павлов, владелец хлебопекарни, заключенный 129

Павел († 12 июля 67), апостол 53

Павлов Иван Петрович (1849 – 27 февраля 1936), ученый 372

Павловский, председатель ГубЧК 95

Пантюхов Олег Иванович (1882 – 25 октября 1973), один из основателей скаутского движения в России 342, 344, 346

Пахомий (Кедров Петр Петрович; 1876 – 11 ноября 1937), архиепископ Черниговский. Арестован в ноябре 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и сослан в Зырянский край 74

Пелагея Т., заключенная 274

Пепеляев Анатолий Николаевич (1891 – 14 января 1938), участник Белого движения. Расстрелян 112

Перхуров Алексей Петрович (1876 – 21 июля 1922), участник Белого движения, руководитель антибольшевистского восстания в Ярославле 86, 100–101

Петр (Зверев Василий Константинович; 1876 – 7 февраля 1929), священномученик, архиепископ Воронежский и Задонский. Арестован в ноябре 1926 г., приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен на Соловки 158, 160

Петр (Полянский Петр Федорович; 1862 – 10 октября 1937), священномученик, митрополит Крутицкий, Местоблюститель Патриаршего Престола, с конца 1925 г. находился в заключении. Расстрелян 74, 468–469

Петр (Соколов Павел Иванович; 1863 – 16 мая 1937), архиепископ Воронежский. Арестован в 1923 г. в сане епископа Вольского, викария Саратовской епархии, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 156

Петр I Алексеевич (1672–1725), российский император 57, 429, 450

Петр, заключенный участник скаутского движения 410–412

Петров Павел Гаврилович, командир СОП 37, 39, 376–377, 390–392, 399, 548–550

Петрушенко, охранник 558

Петька-Шкет, заключенный ленинградского ДПЗ 423, 426

Пешкова Екатерина Павловна (1876 – 26 марта 1965), первая жена А.М. Горького, председатель организации «Е.П. Пешкова. Помощь политзаключенным» 142

Пильский Петр Моисеевич (1876 – 21 декабря 1941), журналист 27

Пимен, усопший соловецкий монах 372

Питерс, охранник 328

Питирим (Крылов Порфирий Семенович; 1895 – не ранее 10 августа 1937), архиепископ Велико-Устюжский. Арестован летом 1923 г. в Казани, будучи игуменом Иоанно-Предтеченского монастыря; приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Значится в расстрельном «сталинском списке» от 10 августа 1937 г. 71

Питирим, см. Кудеяр

Платон (Руднев Николай Николаевич; 1885 – январь 1936), епископ Богородский. Арестован в конце 1924 г. и отправлен на Соловки, где находился до 1927 г. 75, 261

Плотников, врач штрафного изолятора на Секирной горе 251, 311

Плохи, немец, заключенный Бутырской тюрьмы 141

Погодин, заключенный участник скаутского движения 346

Поддубный Иван Максимович (1871 – 8 августа 1949), спортсмен, артист 345

Покровский Алексий, священник, арестован в Благовещенске вместе со священномучеником Евгением (Зерновым) 73

Полевой, следователь 104

Польская Лидия Михайловна, дочь протопресвитера Михаила Польского 49

Польская Татьяна Васильевна, жена протопресвитера Михаила Польского 49

Польский Михаил Афанасьевич (1891 – 21 мая 1960), протопресвитер, автор воспоминаний о Соловках 10, 43–82, 332, 336

Понтий Пилат, префект Иудеи, судивший Иисуса Христа 157

Попов Иван Васильевич (1867 – 8 февраля 1938), мученик, богослов. Арестован в декабре 1924 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 71–72

Пржиялговская Елена Леонардовна (1888 – не ранее 1936), арестована по делу о побеге из СССР 347

Прокопий (Титов Петр Семенович; 1877 – 23 ноября 1937), священномученик, архиепископ Херсонский и Николаевский. Арестован в ноябре 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После освобождения из лагеря в декабре 1928 г. сослан в Сибирь. Расстрелян 74, 261

Прохоров, заключенный Бутырской тюрьмы 102

Путачев Емельян Иванович (1742–1775), предводитель Крестьянской войны 525

Путовкин, заведующий хозяйством СОП 128

Путилова, заключенная 277

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 518

Р

Рабиндранат Тагор (1861 – 7 августа 1941), индийский писатель, общественный деятель 112

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), предводитель Крестьянской войны 525–526

Райва И., ссыльный чекист, начальник лагерного отделения на Кондострове 190

Раковский Христиан Георгиевич (1873 – 11 сентября 1941), советский полпред в Англии и Франции, заместитель наркома иностранных дел СССР 42

Распутин Григорий Ефимович (1873 – 30 декабря 1916), человек из окружения царской семьи. Убит в результате покушения 254

Рафаил (Гумилевский Георгий Петрович; 1871 – 6 января 1938), епископ Александровский, викарий Ставропольской епархии. Арестован в марте 1925 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 75

Редигер, заведующий отделом труда 276

Ригин Аристарх Аристархович (1887 – 1 сентября 1938), разведчик, в 1922–1923 гг. под прикрытием должности атташе и заведующего консульской частью полпредства был резидентом в Пекине. Расстрелян 166

Римма, участница скаутского движения, жена соловецкого заключенного 410

Робин-Гуд, литературный персонаж 526

Розанов Василий Васильевич (1856 – 5 февраля 1919), философ 421

Розанов Михаил Михайлович (1902–1989), автор воспоминаний «Завоевание белых пятен» (Германия, 1951), «Соловецкий концлагерь в монастыре» (США, 1979) 169

Ролан (Ломоносов-Роланд) Франц Францевич (1890–?), заключенный анархист 293

Романов Кирилл Владимирович (1876 – 13 октября 1938), великий князь, двоюродный брат Николая II 168

Романова Ксения Александровна (1875 — 20 апреля 1960), великая княжна, родная сестра императора Николая II 52

Рубинчик, охранник 466—471, 544—549, 552

Рубцов Василий Иванович, директор петербургской гимназии 110

С

С., см. Сазонов

Сабинин Владимир (1906—?), заключенный участник скаутского движения 346

Савва, патриарх, возможно, имеется в виду Варнава (Петар Росич; 1880 — 23 июля 1937), выпускник петербургской Духовной академии, с 1930 г. Архиепископ Печский, Митрополит Белградский-Карловачский, Патриарх Сербский 577—591

Савватий († 10 октября 1435), преподобный, один из основателей Соловецкого монастыря 56, 154, 179, 181, 339, 429

Савенко С.Г., оператор документального фильма «Соловки» (1928) 16

Савина-Сулимовская Людмила Владимировна (1905 — 12 октября 1996), вдова Ивана Савина 26

Савицкий, заключенный адвокат 124—125

Саволайнен Йохан, дед Ивана Савина 20

Сазонов Матвей, участник группового побега из Кемперпункта 28, 30

Саид-Султан Кабир-Шах, заключенный афганский инженер 119, 136

Самохвалов Михаил Давидович (1892 — июнь 1942), социалист-революционер. Арестован в апреле 1923 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен в Пертоминск, затем на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря в 1925 г. сослан в Тобольск 38

Самсель Александр Федорович (1879 — 23 февраля 1938), священник, арестован в Благовещенске вместе со священномучеником Евгением (Зерновым). Расстрелян 73

Саныч, см. Грабовский

Сапир Борис Моисеевич (1902 — 11 декабря 1989), социал-демократ, в 1923 г. приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Автор воспоминаний «Путешествие в Северные лагеря» (США, 1947) 332—333

Сапруненко, заключенный 40

Седерхольм [Седергольм] Борис Леонидович (1884 — 30 мая 1933), морской офицер. Арестован в апреле 1924 г., с августа по декабрь 1925 г. находился на Соловках. Автор воспоминаний «В разбойном стане» (Рига, 1934) 84

Селецкий Иван Федорович, до 1917 г. начальник пересыльной тюрьмы в Сибири. В 1926 г. отправлен на Соловки, где был назначен уполномоченным по лесозаготовкам 188

Семенов Михаил Григорьевич (1890 — 30 августа 1946), участник Белого движения. Казнен в Москве 101

Сенька Щербатый, беспризорник, герой романа Б.Л. Солоневича 337—338, 434—449, 455—465, 472, 478, 489—490, 507—519, 522—523, 539—549, 551—572, 589—590

Серафим (Мещеряков Яков Михайлович; 1860 — 5 июля 1933), митрополит Ставропольский и Кавказский. Арестован в сентябре 1924 г. в сане архиепископа, приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 74, 261

Серафим (Протопопов Александр Алексеевич; 1894 — 8 августа 1937), архиепископ Елецкий и Задонский. Арестован в марте 1924 г. в сане епископа Колпинского, викария Петроградской епархии, приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 75, 261

Серафим (Тьевар Антоний Максимович; 1899 — 12 декабря 1931), преподобномученик. Арестован в декабре 1924 г., приговорен

к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После освобождения из лагеря принял тайный монашеский постриг 152

Серафим (Чичагов Леонид Михайлович; 1856 – 11 декабря 1937), священномученик, митрополит 71

Серафим, заключенный архимандрит 226

Сергей, заключенный участник скаутского движения 375, 381, 398, 409–410

Сергей, заключенный спортивный инструктор 398

Сергий (Старогородский Иван Николаевич; 1867 – 15 мая 1944), Патриарх Московский и всея Руси с 1943 г. 50, 52–53, 68–70, 254, 336, 467–469

Сергий (Лавров Алексей Петрович; 1878 – не ранее 1938), в 1920 г. епископ Кубанский 45

Сетон-Томпсон Эрнст (1860 – 23 октября 1946), канадский писатель 374

Сильвестр (ум. ок. 1566), протопоп, публицист 56

Симеон Бекбулатович (Саин-Булат; ум. 1616), касимовский хан, «великий князь всея Руси» номинальный правитель Русского государства с 1575 г. 56

Симонов, заключенный врач 112–113, 116, 122–123

Скоропадский Павел Петрович (1873 – 26 апреля 1945), гетман Украины 40

Слащев Яков Александрович (1885 – 11 января 1929), генерал царской армии, Белой гвардии и РККА, эмигрировал из Крыма в Константинополь. После возвращения в Россию стал агентом ГПУ. Убит 40

Смагин, заключенный генерал 41

Смирнов, охранник в Исааково 285, 290

Соколов Константин Николаевич, начальник лагерной финансовой части 137

Соколов, комендант Бутырской тюрьмы 100, 140

Соколовский Борис Александрович (1905–?), участник скаутского движения. Арестован в апреле 1926 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346, 367–370, 398, 417–420

Солженицын Александр Исаевич (1918 – 3 августа 2008), писатель 169

Соловьев Владимир Сергеевич (1853 – 31 августа 1900), философ 24

Соломон, еврейский царь, автор ветхозаветных книг 381, 383

Солоневич (урожд. Воскресенская) Тамара Владимировна (ум. 13 февраля 1938), жена И.Л. Солоневича. Погибла в результате покушения 351

Солоневич (урожд. Ярушевич) Юлия Викентьевна (ум. 1 мая 1915), мать Б.Л. Солоневича 342

Солоневич Борис Лукьянович (1898 – 26 февраля 1989), автор воспоминаний о Соловках 10, 332, 337, 341–591

Солоневич Всеволод Лукьянович (1895–1920), брат Б.Л. Солоневича 342, 344

Солоневич Георгий Борисович (1926–?), сын Б.Л. Солоневича 346, 348

Солоневич Евгений Лукьянович (1905 – 25 мая 1938), брат Б.Л. Солоневича. Расстрелян 342

Солоневич Иван Лукьянович (1891 – 27 апреля 1953), публицист 169, 332, 337, 342, 344–345, 347–352, 354, 356–357, 415

Солоневич (урожд. Пеллингер) Ирина Францисковна (1903 – 17 сентября 1938), участница скаутского движения, жена Б.Л. Солоневича. Расстреляна 346, 348, 356, 410, 415

Солоневич Лукьян Михайлович (1886 – 25 мая 1938), отец Б.Л. Солоневича. Расстрелян 342

Солоневич Нина Борисовна, дочь Б.Л. Солоневича 348

Солоневич Юрий Иванович (1915 – 21 февраля 2003), сын И.Л. Солоневича 348, 351

Софрон, охранник 402

Софроний (Арефьев Иван Алексеевич; 1879 – 23 декабря 1937), архиепископ Краснодарский и Кубанский. Арестован в декабре 1922 г. в сане епископа, приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 75

Софроний (Старков Сергий Прокопиевич; 1875 – 22 октября 1932), архиепископ Арзамасский. Арестован в 1923(24?) году в сане епископа, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 75, 81

Сталин (наст. фам. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878 – 5 марта 1953), руководитель советского государства 192, 513

Старцев Леонид, заключенный участник скаутского движения 346, 381–384, 398, 403, 458–459, 472–476, 483–484, 491–493, 521

Старый Карл, спортивный инструктор 400

Стародубцев, сотрудник администрации Свирского лагеря 332

Стеблин-Каменский Иоанн (1887 – 2 августа 1930), священномученик. Арестован в феврале 1924 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 152

Стейнер, заключенный московской тюрьмы 97, 101

Стенька Разин, см. Разин

Степанов Павел Васильевич, заключенный адвокат 129, 135

Степанова Галина Максимовна (ум. 1924), сотрудница больницы им. Ф.П. Гааза, 86–87, 114

Столыпин Петр Аркадьевич (1862 – 18 сентября 1911), государственный деятель. Погиб в результате покушения 342

Сукнс, сотрудник лагерной администрации 35–36

Т

Т., деятель обновленческого раскола 46–47

Таисия П., заключенная 274

Тейлор Фредерик Уинслоу (1856 – 21 марта 1915), американский инженер, основоположник научной организации труда 409

Тельнов [Тильнов] Иван Гаврилович, участник Белого движения, сотрудник лагерной администрации. Расстрелян 217

Тихон (Белавин Василий Иванович; 1865 – 7 апреля 1925), святитель, Всероссийский патриарх с 1917 г. 45–46, 48, 53, 73, 76, 101, 253, 261, 335, 468

Толстоеффски, см. Достоевский

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), писатель 527

Троцкий Лев Давыдович (наст. имя и фам. Лейба Давидович Бронштейн; 1879 – 21 августа 1940), советский государственный и партийный деятель. Убит в результате покушения 93, 112, 166

Тухачевский Михаил Николаевич (1893 – 12 июня 1937), маршал. Расстрелян 354

Тучков Евгений Александрович (1892 – 15 апреля 1957), секретарь Комиссии при ЦК РКП(б) по проведению декрета об отделении Церкви от государства, ответственный секретарь Центрального совета Союза воинствующих безбожников (1939–1947) 46–47, 68, 78, 253–254

Тьевар Антоний, см. Серафим (Тьевар)

У

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879 – 29 июля 1938), советский государственный и партийный деятель 96

Успенский Дмитрий Владимирович (1902–1989), заключенный, впоследствии вольнонаемный начальник Воспитательно-просветительского отдела УСЛОН, в 1930–1931 гг. начальник IV отделения УСЛОН (Соловки), начальник Северного

участка строительства ББК. После окончания этого строительства был переведен в Дмитровлаг на строительство канала Москва—Волга. В 1940—1950-е гг. начальник Заполярного лагеря и управления Сахалинского ИТЛ. С 1952 г. персональный пенсионер 332

Ф

Федосеев, охранник 357

Фельдман Владимир Дмитриевич (1894 — 10 января 1938), начальник юридического отдела ГПУ, член Кассационной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Расстрелян 34, 134

Феодосий (Алмазов Константин Захарьевич; 1870—?), архимандрит. Арестован в июне 1927 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря в 1926 г. сослан в Нарымский край. Автор воспоминаний «Мои Воспоминания (Записки соловецкого узника)» 158, 160, 332

Филимонов, начальник ЭКЧ 277

Филипп (Колычев; † 22 января 1569), святитель, митрополит Московский (с 1566 г.), игумен Соловецкого монастыря (1543—1566) 56, 60, 154, 453, 471, 502, 515, 532

Фосс Клавдий Александрович (1889 — 11 ноября 1991), участник Белого движения и РОВС, одноклассник Б.Л. Солоневича 349

Фредерикс Наталия Модестовна (1864 — 30 марта 1926), баронесса. Арестована в феврале 1924 г., как член приходского совета собора во имя преподобного Сергия Радонежского на Литейном проспекте, и в числе 35 человек отправлена на Соловки, где и скончалась 279

Френкель Нафталий Аронович (1887—1960), один из руководителей ГУЛАГа. Арестован в 1924 г., приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен на Соловки, где вскоре был назначен начальником Экономического отдела УСЛОНа. В 1928 г. переведен в Кемь, в 1931 г. — на строительство ББК помощником начальника Беломорстроя и начальником работ 187

Фридрих I Барбаросса (букв. красноборо-дый; ок. 1125—1190), император Священной Римской империи с 1155 г. 409

Х

Хаим, заключенный завхоз спорт-станции 401, 403

Ходжаев Убайдулла, министр Временного правительства Кокандской автономии 164

Хорановский, тюремный врач 106

Хорошавин, заключенный, погиб на Соловках 123

Ц

Цытович Эраст Платонович (1874—1941), один из основателей скаутского движения в России 343

Ч

Чавчавадзе, грузинская княжна, жена южно-американского дипломата Виолара. Арестована вместе с супругом в 1924 г. по обвинению в шпионаже и отправлена на Соловки 127—128, 223

Чарин Иван Александрович (1902—?), анархист. Арестован в декабре 1922 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен в Пертоминск. После неудачного побега из Архангельска, приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 36, 38

Черкасов Андрей А., режиссер документального фильма «Соловки» (1928) 16

Чернавина (урожд. Сапожникова) Татьяна Васильевна (1890—1971), искусствовед, участница группового побега из СССР. Автор воспоминаний о ГУЛАГе 350

Чернышев, полковник, погиб на Соловках 327

Чехранов Павел, священник, автор воспоминаний «Две тюремные Пасхи» 332

Чингиз-Хан (1162–1227), основатель Монгольской империи 318

Чичерин Георгий Васильевич (1872 – 7 июля 1936), нарком иностранных дел РСФСР и СССР 128

Чокаев (Шокай) Мустафа (1890 – 27 декабря 1941), министр Временного правительства Кокандской автономии 164

Ш

Шаламов Варлам Тихонович (1907 – 17 января 1987), автор воспоминаний о ГУЛАГе 8

Шамполянский, заключенный чекист 108

Шерлок Холмс, литературный персонаж 523

Шибанов Сергей Владимирович (1905–?), участник скаутского движения. Арестован в апреле 1926 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346

Шимбо, японский летчик, заключенный Бутырской тюрьмы 102

Шипчинский Дмитрий Валерьянович (1905(1) – 13 декабря (31 июня) 1931), участник скаутского движения. Арестован в апреле 1926 г., приговорен к пяти годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 346, 358–361, 363–365, 379–381, 390–394, 401, 403, 406

Шипчинский Юрий Владимирович (1904–?), участник скаутского движения. Арестован в мае 1926 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346

Ширяев Александр Абрамович, заведующий лагерным лазаретом 116

Ширяев Борис Николаевич (1889 – 17 апреля 1959), литератор. Арестован в 1922 г., приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен на Соловки. После досрочного освобождения из лагеря осенью 1927 г. сослан в Среднюю Азию. Автор воспоминаний «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк, 1954) 84, 88, 157, 332–333

Школьников Цезик Абрамович (1893–?), анархист. Арестован в августе 1921 г., приговорен к двум годам лишения свободы и отправлен в Холмогоры, затем в Пертоминск и Кемь 38

Шорыгин Сергей Александрович (1902–?), участник скаутского движения. Арестован в 1926 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки 346

Шпеликов, заключенный чекист 327

Шустров, охранник 442, 447

Э

Эйнштейн Альберт (1879 – 18 апреля 1955), ученый 372

Эйхманс [Эхман] Фриц Янович (Федор Иванович; 1897 – 3 сентября 1938), латышский стрелок, в разные годы начальник оперативной группы поезда Л.Д. Троцкого, сотрудник особого отдела Туркестанского фронта, председатель ЧК Туркестана. В 1923 г. заместитель начальника УСЛОНа, с ноября 1925 г. начальник Соловецкого отделения лагеря, с 1929 г. начальник 3-го спецотдела ОГПУ (внешняя разведка), 1930–1932 гг. начальник Вайгачской экспедиции ОГПУ, с 1933 г. заместитель начальника 9-го отделения ГУГБ НКВД. Расстрелян 71, 119, 127–128, 132, 136, 151, 157, 167, 173, 185, 231, 239, 268, 277–278, 301, 327–329, 420, 465–472, 479–480, 483, 487, 495–499, 504, 545

Ю

Ювеналий, Архиепископ Курский и Тульский, см. Иувеналий

Юпович Михаил Иванович (1897 – не ранее 26 августа 1937), заключенный чекист, заведующий собачьим питомником. Расстрелян 251–253

Юрий, заключенный участник скаутского движения 367–370

Юрканский Вячеслав, заключенный участник скаутского движения 346

Я

Яворский Михаил Семенович (1883 – 28 сентября 1937), протоирей. Арестован в феврале 1924 г., приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен на Соловки. Расстрелян 152

Ягода Генрих Григорьевич (наст. имя Енох Гершонович; 1891 – 15 марта 1938), нарком внутренних дел СССР. Расстрелян 112

Яновский, врач больницы им. Ф.П. Гааза 109

Яхонтов, заключенный врач 473

ГЛОССАРИЙ И СПИСОК АББРЕВИАТУР

ARA (от англ. American Relief Administration — Администрация Американской Помощи), негосударственная организация в США, осуществлявшая с 1919 г. до конца 1930-х гг. гуманитарную помощь пострадавшим от большевизма странам Европы.

Анархисты (от греч. безвластие), представители различных партий и толков, объединенных общей идеологией, в основе которой лежит ликвидация любых форм принудительного управления, в том числе государственной власти.

ВОХР, войска внутренней охраны НКВД СССР; военизированная охрана — вооруженное подразделение, несущее караульную службу по охране вверенного объекта.

ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти в России (1917–1937). Избирался Всероссийским съездом Советов и действовал в периоды между съездами.

ВЧК СНК РСФСР (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР), образована в декабре 1917 г., в феврале 1922 г. реорганизована в ГПУ НКВД РСФСР.

ГПУ НКВД РСФСР (Государственное политическое управление при Наркомате внутренних дел РСФСР), образовано в феврале 1922 г., в ноябре 1923 г. реорганизовано в ОГПУ СНК СССР.

ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения), фактически начало свое существование в апреле 1919 г. в момент создания Центрального управления лагерями принудительных работ, получило официальное название в 1931 г. и было упразднено в январе 1960 г. указом Президиума Верховного Совета СССР.

Д.В.Р. (Дальне-Восточная Республика), буферное государственное образование с демократическим устройством между РСФСР и Японией на территории Забайкалья и Дальнего Востока в 1920–1922 гг.

«Дело лицеистов», процесс против выпускников Александровского (с 1911 г. Царскосельского) лицея, которых обвиняли в создании монархической организации с целью свержения Советской власти. В ночь на 15 февраля 1925 г. были арестованы свыше 150 человек, среди которых помимо лицеистов значились выпускники Училища правоведения, бывшие офицеры Семеновского полка и др. Из проходивших по этому делу — 26 человек были расстреляны, 25 сосланы в лагеря, еще 29 осужденных оказались в ссылках.

Добровольческая армия, оперативно-стратегическое объединение белогвардейских войск на Юге России во время Гражданской войны.

Каэр (контрреволюционер), человек, осужденный за контрреволюционные действия, таковыми, согласно ст. 58.1 УК РСФСР в редакции 1926 г., признавалось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на

смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

Кокандская автономия, непризнанное государство, существовавшее в 1917—1918 гг. на территории современного Узбекистана, Казахстана, Киргизстана.

Коминтерн (Коммунистический III Интернационал), организация, объединявшая коммунистические партии различных стран. Действовала с марта 1919 г. до момента роспуска в мае 1943 г., когда компартии решили самостоятельно определять тактику действий, исходя из конкретной ситуации в их странах.

Концлагерь (концентрационный лагерь), общее понятие, обозначающее центры массового принудительного содержания различных категорий людей. В конце XIX в. первые концлагеря появились в ряде европейских колоний, как средство борьбы с местными повстанцами. Во время Первой мировой войны концлагеря активно создавались на территории Австро-Венгерской империи для содержания русинов и сербов. В Советской России первые концлагеря появились по инициативе Л. Троцкого в мае 1918 г. в местах, куда до этого заключали военнопленных. В них содержались заложники из числа лиц потенциально опасных для власти большевиков.

«Маккаби», международное еврейское спортивное общество, зародившееся в Турции в конце XIX в.

МГО ГПУ Московский губернский отдел ГПУ, иначе — МГПО (Московский губернский политический отдел). 6-отделение Секретной части МГПО, как и 6-е отделение Секретного отдела ГПУ, занималось борьбой с «церковниками».

Международная антикоммунистическая лига (Лига борьбы с III Интернационалом, Лига Обера), была учреждена в 1924 г. швейцарским адвокатом Т. Обером, как соглашение между действующими в разных странах организациями, выступавшими против распространения коммунизма. Организация выпускала периодическое издание, в котором публиковались материалы о жизни в СССР.

Монархисты, представители многочисленных партий, выступавших за самодержавную форму правления в России. Наиболее заметными среди партий монархического толка являлись «Русский монархический союз» и «Союз русских людей», которые были запрещены еще в феврале 1917 г.

Мусаватисты, члены азербайджанской буржуазно-националистической партии «Мусават» (от азерб. равенство), которая возникла в 1911 г. и выступала за создание единой мусульманской державы под эгидой Турции. Деятельность партии была запрещена в 1920 г.

Наркоминдел (Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР), отвечал за проведение внешней политики РСФСР и СССР в 1917—1946 гг.

Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения), орган государственного управления, контролирующий в 1920—1930-х гг. основные культурно-гуманитарные сферы в РСФСР и СССР: образование, библиотечное дело, книгоиздательство, музеи, театры и кино, клубы, парки культуры и отдыха, охрану памятников архитектуры и культуры, творческие объединения, международные культурные связи и др.

Наркомфин (Народный комиссариат финансов), отвечал за проведение финансовой политики РСФСР и СССР в 1917—1946 гг.

Наркомюст (Народный комиссариат юстиции), государственный орган, отвечавший за

общее руководство судебными учреждениями РСФСР и СССР в 1917–1946 гг.

НКВД РСФСР (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР), центральный орган государственного управления республики по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка. Образован в ноябре 1917 г., в декабре 1930 г. переименован в НКВД СССР.

НЭП (новая экономическая политика), политический курс Советского государства, последовавший за «политикой военного коммунизма». Осуществлялся в период с марта 1921 г. по октябрь 1931 г.

ОГПУ СНК СССР (Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР), образовано в ноябре 1923 на базе ГПУ НКВД РСФСР, в июле 1934 г. реорганизовано в ГУГБ НКВД СССР.

ОС КОГПУ (Особое совещание при Коллегии ГПУ, позже при Коллегии ОГПУ, НКВД СССР, МГБ СССР), внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в деяниях, угрожающих советскому строю, выносить приговоры, включая приговоры к высшей мере наказания в годы Великой Отечественной войны, и пересматривать решения Военной коллегии Верховного суда.

ОСВАГ (ОСВедомительное АГентство) – информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии, впоследствии – Вооруженных Сил Юга России во время Гражданской войны, наделенный монополией на предоставление информации о действиях официальных структур Белого Юга и распространение информации для масс-медиа на территориях, подконтрольных его власти.

Политический Красный Крест, общее название ряда организаций, оказывавших помощь политзаключенным в Российской империи, РСФСР и СССР. На базе Московского ПКК в 1922 г. была создана организация «Е.П. Пешкова. Помощь политзаключенным», которая действовала до 15 июля 1938 г.

Пункт 4 статьи 58 УК РСФСР в редакции 1926 г., предусматривающий наказание вплоть до расстрела за подготовку и совершение контрреволюционного преступления в составе организации.

РККА (Рабоче-Крестьянская Красная армия), образована в январе 1918 г., в феврале 1946 г. переименована в Советскую армию.

РОЭ (Рота отрицательного элемента), по словам М.М. Розанова, «последняя ступень перед Секиркой»; по свидетельству И.М. Зайцева место, куда помещали «тех, кто, по мнению администрации, совершенно не поддается исправлению».

РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика) (19 июля 1918 – 25 декабря 1991).

«Сексот» (секретный осведомитель), тайный сотрудник правоохранительных органов.

Скаутинг (от англ. разведчик), международное молодежное движение, зародившееся в Великобритании в начале XX в. В России первые скаутские отряды появились в 1909 г.

СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), в 1923–1929 гг. встречаются разные названия: Лагерь принудительных работ ГПУ на Соловецких островах, Соловецкие лагеря Особого назначения ГПУ, Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ГПУ, Соловецкий лагерь особого назначения ГПУ, Соловецкие концентрационные лагеря ОГПУ.

Совнарком (Совет народных комиссаров), высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти РСФСР, а с 1923 г. СССР, а также союзных и автономных республик. Образован в ноябре 1917 г., в 1946 г. реорганизован в Совет министров СССР, а СНК союзных и автономных республик – соответственно в Советы министров союзных и автономных республик.

СОАОК (Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения), организовано Приказом УСЛОНа № 56 от 13 марта 1925 г., в 1926 г. реорганизовано в Соловецкое общество краеведения (СОК).

«Сокол», международное славянское спортивное общество, зародившееся в Чехии в XIX в.

СОП (Соловецкий особый полк), военное подразделение, осуществлявшее охрану островов архипелага, доставку заключенных, их конвоирование на работу и поиск бежавших из лагеря.

Социал-демократы, меньшевики, представители Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), основанной в марте 1898 г. с целью объединения в единую организацию многочисленных социал-демократических групп, действующих на территории Российской империи. Весной 1917 г. фракция РСДРП, взявшая курс на осуществление пролетарской революции, выделилась в отдельную партию большевиков. Остальные социалисты-демократы выступали за созыв Учредительного собрания и коалиционное социалистическое правительство, но были против вооруженного восстания и впоследствии в той или иной мере стали противниками Советской власти. Весной 1919 г. большевики перешли к открытым репрессиям в отношении российских социалистов.

СССР (Союз Советских Социалистических республик) (30 декабря 1922 — 26 декабря 1991), создан путем объединения РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР.

Статьи советского уголовного кодекса в редакции 1922 г., предусматривающие высылку «социально опасных элементов» на срок до трех лет за «связь с преступной средой», «прошлую деятельность» (ст. 49) и карающие сроком заключения не ниже одного года за «укрывательство и пособничество всякого рода <контрпреступлениям>, не связанным с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях» (ст. 68).

УСЛОН (Управление Соловецкими лагерями особого назначения), широко истолковываемая система, выполнявшая административную, информационно-следственную, хозяйственную, финансовую, производственно-техническую, культурно-воспитательную и санитарную функции.

ЦИК, см. ВЦИК

Чека, см. ВЧК

ЧОН (Части особого назначения), военно-партийные отряды, создававшиеся на базе местных партийных отрядов на основании постановления ЦК РКП(б) в апреле 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией и для несения караульной службы у особо важных объектов. Части были расформированы в 1925 г. в связи с улучшением внутреннего и международного положения СССР.

Эсеры, представители Партии социалистов-революционеров (ПСР), которая возникла в 1902 г. и со временем стала наиболее многочисленной и влиятельной немарксистской социалистической партией в России, стоявшей на позициях террора. В октябре 1917 г. левое крыло ПСР поддержало большевиков, но в массе своей эсеры осудили октябрьские события и стали участниками антибольшевистских выступлений и правительств. В 1922 г. состоялся судебный процесс, на котором социалисты-революционеры были обвинены в организации покушений на лидеров советского государства. Впоследствии деятельность партии в основном была связана с работой находящихся за границей эсеров, тогда как большинство оставшихся в России представителей ПСР уничтожили в течение 1920—1930-х гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список, подготовленный ко второму тому «Воспоминаний соловецких узников», дополняет основной материал сборника. Публикации, представленные в списке, показывают жизнь Соловецких лагерей от их создания до 1929 г.

При отборе материала использовались издания лагерного периода — статьи из газеты «Новые Соловки», журналов «Слон», «Соловецкие острова», «Карело-Мурманский край», сборники трудов Соловецкого общества краеведения. Они выделены в рубрики «Дыхание времени...» и имеются почти во всех разделах списка. Сюда же включены современные публикации документов того периода.

Исследовательские материалы (рубрики «По следам...») анализируют события на основе раскрытых документов, воспоминаний. Хронологические рамки этих материалов иногда переходят за 1929 г., охватывают и более поздние годы, которые будут представлены в следующих выпусках книжной серии. Некоторые стороны лагерной жизни (Спорт, Общественная жизнь, СОП) специально не изучались, поэтому публикаций пока нет.

Внутри рубрик библиографические записи расположены по алфавиту. Список не претендует на полноту отбора, он лишь показывает основные вехи и может служить подспорьем в изучении истории Соловецких лагерей особого назначения.

ПРЕДЫСТОРИЯ СЛОН

Дыхание времени...

1. *Боговой, И.* В Соловецком монастыре : [экспедиция в Соловецкий монастырь во главе с М. Кедровым, С. Поповым и М. Морозовым] // Известия Архгубревкома и Архгубкома РКП. 1920. 4 мая.

2. *Зорин.* Соловецкий пожар 1923 года // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 39–51.

3. Описание построек на острове Анзер. 1923 год / подгот. Ю.М. Критский // Тогда на Анзерском острове...: сб. материалов по истории Соловецкого отшельничества / сост. С.В. Морозов. М.: Т-во сев. мореходства, 2000. С. 144–151 : рис.

По следам...

4. *Балан, С.Б.* Список монашествующей братии Соловецкого монастыря на юбилейный 500-й год (1429–1929) // Соловецкий сборник / Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 182–183 : 4 л. ил.

5. *Броникова, Е.П.* Обзор фотоисточников по Соловкам (1919–1926) в собрании Архангельского областного краеведческого музея // Соловецкий сборник. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 175–179: фот.

6. *Детчуев, Б.* Последний год : [1920–1923 гг.] // Север. 1990. № 9. С. 123–127.

7. Из воспоминаний Кононова / записано Н. Шиловым // Соловецкий вестник. 1993. № 12. С. 6.

8. *Критский, Ю.М.* Соловецкий монастырь в 1917–1920 гг. // Соловецкий вестник. 1993. № 12. С. 6.

9. *Кузнецова, Н.М., Матонин, В.Н.* Судьбы Соловецкого монашества после закрытия монастыря (1920–1939) // Михайловские чтения : Религиозно-культурное пространство региона: вчера, сегодня, завтра : сб. статей науч.-практ. конф. Архангельск, 2011. С. 68–73.

10. *Матонин, В.Н.* Соловки, 1920–1923: падение в будущее // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2009. Вып. 4: Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. С. 405–415.

11. *Мельник, Т.* «Соловецкие острова» о пожаре 1923 года // Соловецкое море. Архангельск; М., 2003. № 2. С. 147–148,149–153: ил. Прил.: Соловецкий пожар 1923 года / Зорин // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 39–51.

12. *Морозов, С.В.* Соловки в 1920–1939 гг. // Морозов, С.В. Постижение Соловков : очерки и материалы. М.: Т-во сев. мореходства, 2002. С. 64–66: рис.

13. *Осипенко, М.В.* Хранители веры : братия Соловецкого монастыря после Октябрьского переворота 1917 г. // Север. 2013. № 3/4. С. 31–59.

ОБЩИЕ МАТЕРИАЛЫ

Дыхание времени...

14. «Совет Народных Комиссаров постановляет...» / публ. С. Кривенко // Соловецкий вестник. 1994. № 8. С. 6–7. (Из архивов УСЛОНа).

15. О Соловках : [из протокола № 6 заседания бюро Архангельского губкома РКП(б) от 1 апр. 1923 г. о планах передачи Соловков в ГПУ] // Дойков, Ю.В. Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 23–24.

16. Соловецкие протоколы 1923 года // Соловецкий вестник. 1995. № 3. С. 5.

17. Об организации Соловецкого лагеря принудительных работ : постановление СНК СССР от 2 нояб. 1923 г. // Поморский мемориал : книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 757.

18. На Соловках : [о деятельности СЛОН] // Волна (Архангельск). 1924. 26 июня.

19. Положение о Соловецких лагерях особого назначения объединенного государственного политического управления, с приложением Постановления СНК СССР от 2 окт. 1924 г. // Поморский мемориал : книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 758–778.

20. *Красиков, П.А.* Соловки : [о положении политзаключенных в Соловецком лагере : ст. из газ. «Известия» (1924. 15 окт.)] / подгот. к печати, предисл. и примеч. В. Кривенького // Родина. 1993. № 11. С. 54–57.

21. *Красиков, П.А.* Соловки // СЛОН: полит.-обществ. и воспитат. журн. 1924. № 9/10. С. 13–20.

По следам...

22. *Бродский, Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.: ил.

23. *Бродский, Ю.А.* Соловецкие парадоксы // Соловецкое море. 2002. Вып. 1. С. 114–123 : фото.

24. *Кокурин, А., Петров, Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль – XXI. 1999.№ 8. С. 108–128; № 9. С. 110–123; 2000. № 2. С. 110–125; № 3. С. 105–123.

25. *Луговая, М.* Сам себе экскурсовод. С.Л.О.Н. : минимальный объем. Максимальная информация. Архангельск, 2011. 69 с. : ил.

26. *Мельгунов, С.П.* Красный террор в России, 1918–1923. М.: СП «PUICO», «P.S», 1990. 207 с. Из содерж.: О Соловецком лагере. С. 171–174.

27. *Мельник, А.* По следам СЛОНа // Соловецкий вестник. 1990. № 7. С. 2–3; № 8. С. 2; № 9. С. 2.

28. *Морозов, Н.А.* Развитие системы ГУЛАГа в Северном крае (1929–1956) // Покаяние : Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 55–59.

29. *Моруков, Ю.Н., Минин, Н.* Соловки, Соловки, не будите солдат ...: [Соловецкий лагерь особого назначения] // Мир Севера. 2004. № 2/3. С. 21–23 : ил.

30. *Моруков, Ю.Н.* Соловецкий лагерь особого назначения (1923–1933 гг.) // Соловецкое море. Архангельск; М., 2004. Вып. 3. С. 122–129: фот.

31. *Николаевский, П.* Соловецкий ГУЛАГ : страницы истории // Все о жизни Кемского района. Кемь, 2012. 29 нояб.–5 дек. (№ 30); 6–12 дек. (№ 31).

32. *Николаи, Б.Е.* Красный СЛОН на Белом море // Государство, религия и этносы на Севере, 700-1990. Архангельск, 1998. С. 25–27.

33. *Смыкалин, А.С.* ГУЛАГ на Соловецких островах в 20-е годы // Социокультурное пространство: традиции и инновации, глобальное и региональное измерение : материалы X Соловецкого форума. Архангельск, 2001. С. 74–81.

34. Соловецкие лагеря особого назначения: фотолетопись / авт.-сост. Т.А. Сухарникова; Гос. музей истории Санкт-Петербурга, Музей С.М. Кирова, СГИАПМЗ. СПб., 2004. 105 с. : фот.

35. *Сошина, А.А.* Из истории Соловецкого лагеря особого назначения, 1923–1939 гг. // Соловецкий общественно-политический форум, 1-й. Десталинизация сознания: проблемы и перспективы : тез. докл. межресп. науч.-практ. конф. Архангельск; Соловки, 1989. С. 63–64.

36. *Сошина, А.А.* Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.): основные события, статистика заключенных, организационная структура // Соловецкое море. 2010. Вып. 9. С. 122–134 : фото.

37. *Филюшкин, А.И.* Когда Соловки стали символом государственного произвола // Соловецкий форум, 5-й : тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию первого приезда Петра Великого в Архангельск и основанию Соломбальской верфи (1693–1862 гг.) – колыбели Российского флота. Архангельск, 1993. Ч. 1 : Архангельск в современном мире. С. 93–95.

38. *Чухин, И.* «Кремлевский заговор» : по следам СЛОНа // Соловецкий вестник. 1991. № 13.

39. Черная книга коммунизма : преступления, террор, репрессии : Пер. с фр. / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне и др. М.: Три века истории, 2001. 766 с. Из содерж.: [о Соловецких лагерях]. С. 129, 148–149.

40. *Шишкин, В.А.* Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 285 с. Из содерж.: О репрессивной политике: «Соловки», рецидив «красного террора», первые политические процессы. С. 144–171.

* * *

41. *Иофе, В.* Соловки. Большой побег 1928 года // Соловецкие острова. Большая Муксалма. М., 1996. С. 214–216.

42. *Кузовникова, Л., Мигунова, О.* Полет к свободе // Лос-Архангельск. 2005. № 7. С. 23 : цв.ил.

43. *Сойни, Е.* Побег в Финляндию // Север. 2009. № 3/4. С. 80–83.

44. *Сошина, А.А.* «Мутный призрак свободы» : о побегах с Соловков в 1923–1939 гг. // Соловецкое море. Архангельск; М., 2007. Вып. 6. С. 127–135 : фото.

45. *Сошина, А.А., Радикайнен, Л.А.* К 85-летию побега из Соловецкого лагеря особого назначения группы Ю.Д. Бессонова // Соловецкий сборник / Соловец. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник. Архангельск, 2011. Вып. 7. С. 181–186.

* * *

46. *Буров, В.* Соловецкие свинцовые пломбы эпохи ГУЛАГа : из истории советской сфрагистики // Соловецкое море. Архангельск; М., 2006. № 5. С. 103–106.

47. *Костыря, М.* Банкноты рассказывают // Наука и жизнь. 2013. № 10. С. 76–80, 4-я с. обл. : фото. цв.

48. *Критский, Ю.М.* Из «Обзора освоения и использования Соловецких островов с древнейших времен до наших дней» – Соловки в эпоху социализма (1917–1940 гг.) // Поморский летописец : альм. Архангельск, 2002. Вып. 1. С. 156–164.

49. *Куратов, А.А.* Соловецкие боны в 1929–1932 годах // Куратов, А.А. Хронология и метрология в истории России и Русского Севера. Архангельск : Помор. ун-т, 2006. С. 73–74.

50. *Полчанинов, Р.В.* Советские концлагерные деньги // Север. 1990. № 9. С. 121–122.

51. *Флоренский, В.П., Флоренский, П.В., Сидоров, А.И.* Почтовые карточки УСЛОН. Соловецкий лагерь // Полярный архив. М., 2003. Т.1. С. 232–260: фото.

ОТДЕЛЕНИЯ И КОМАНДИРОВКИ НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

Дыхание времени...

52. *Литвин, Н.* По островам Соловецким // Соловецкие острова. 1925. № 6. С. 56–64; № 8. С. 15–22.

53. *Литвин, Н.* Гора Секирная // Соловецкие острова. 1925. № 9. С. 20–27.

54. *Цвибельфиш.* На острове на Анзере // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 3–9.

По следам...

55. *Жуков, В.* Скиты, поселения и поселки Соловецких островов // Наука и бизнес на Мурмане. 1998. № 6(11). С. 46–59.

56. Материалы к историко-географическому атласу Соловков : две карты Соловецких островов лагерного периода / А. Мельник, А. Сошина, И. Резникова, А. Резников // Звенья : ист. альм. М., 1991. Вып. 1. С. 303–330 : карта.

57. По следам СЛОНа : материалы к историко-географическому атласу Соловков / А. Мельник, А. Сошина, И. Резникова, А. Резников // Соловецкий вестник. 1992. № 5–10.

58. *Резникова, И.* Материалы к истории лагерного периода Муксалмы, 1923–1939 гг. // Соловецкие острова. М., 1996. Т. 2 : Большая Муксалма. С. 28–34. (Тр. МАКЭ / под общ. ред. П.В. Боярского; вып. IX).

59. *Росси, Ж.* Справочник по ГУЛАГу : в 2 ч. Ч. 1–2. Изд. 2-е, доп. М.: Просвет, 1991. Из содерж.: Секир-гора, Секирская гора или Секирка. Ч. 2. С. 353.

60. *Столяров, В.П.* Голгофа Анзерская в XX веке // Светильник : религиозное искусство в прошлом и настоящем. 2002. № 6. С. 14–15.

ЛАГЕРНОЕ НАЧАЛЬСТВО

61. *Алексеева, Т.А., Матвеев, Н.* Доверено защищать революцию : [Г.И. Бокий]. М. : Политиздат, 1987. 252,[2] с., [2] л. ил.

62. *Бережков, В.И.* Искушения чекиста Бокия : вечный революционер. СПб. : ГИОРД, 1999. 67, [3] с. : ил., портр.

63. Мы должны знать своих героев : [соловецкие участники гражданской войны, награжденные орденом «Красного Знамени» — А.П. Ногтев, А.К. Мельников, Н.К. Ярошенко, С.М. Зубков] // Новые Соловки. 1925. 22 февр. (№ 8).

64. *Белоконь, А.* Начальник СЛОНа : [А.П. Ногтев] // Север. 1994. № 5/6. С. 163–168. (Годы, люди, события).

65. *Ногтева, М.* Невольник века : [А.П. Ногтев] // Северные просторы. 1994. № 4. С. 42–45.

66. *Моисеев, С.Л.* «Это был железный человек...» : [Н.А. Френкель] // Соловецкий вестник. 1994. № 82. С. 7.

67. *Флоренский, П.В.* Нафталий Френкель // Наш современник. 2010. № 7. С. 210–214.

68. *Соболева, Т.А.* История шифровального дела в России : [Г.И. Бокий, Ф.И Эйхманс, А.М. Горький]. М. : ОЛМА-пресс, 2002. 510,[1] с., [8] л. ил.

69. *Куратов, А.А.* Эйхманс Федор Иванович // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1 : История Архангельского Севера. С. 452.

70. Эйхманс Федор Иванович (1897–30.09.1938) : руководитель Вайгачской экспедиции // Календарь знаменательных и памятных дат, 2007 : [Ненецкий автономный округ]. Нарьян-Мар, 2006. С. 108–109.

ВИЗИТЫ В СЛОН

71. «Персей» у нас в гостях // Новые Соловки. 1926. 13 июня.

72. *Ширяев, Б.* Люди с моря: [экскурсия членов СОК на «Персей», стоящий на рейде Соловков] // Новые Соловки. 1926. 13 июня.

* * *

73. Научные работники центра в Соловках : [к дню празднования годовщины СОАОК прибыли на Соловки: от Акад. Наук — проф. П.Ю. Шмидт, от Центр. Бюро Краеведения — проф. Д.Д. Руднев, от Ленингр. ун-та им. Зиновьева и Парголовской биостанции — проф. А.Ф. Бенкен. Ученые осмотрели биолабораторию, биосад, музей, Преображенский заповедник, сельхоз в Муксальме и лисий питомник на Глубокой губе] // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 115–120.

74. *Простосердов, Н.* К приезду ленинградских гостей. Гости о Соловках // Новые Соловки. 1926. 4 июля.

75. Научные работники центра в Соловках // Новые Соловки. 1926. 4 июля. Содерж.: Посещение сельхоза; Торжественное заседание в день годовщины СОАОК / Краевед.

76. Работники центра о научных работах на Соловках. Письмо профессора Руднева // Новые Соловки. 1926. 15 авг.

* * *

77. Приезд В.Я. Генерозова на Соловки // Новые Соловки. 1926. 25 июля.

78. *Штильмарк, Ф.Р.* Две жизни — две судьбы: (В.Я. Генерозов и П.А. Мантейфель) // Охотничье дело. 1991. Вып. 48. С. 83–89.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

79. *Струкгоф, В.* Организационная работа в СЛОН // Соловецкие острова. 1925. № 1. С. 27–31.

80. *Сухов, И.* Жизнь политзаключенных на Соловках // Соловецкие острова. 1924. № 9/10. С. 26–28.

81. Работа санчасти УСЛОН // Соловецкие острова. 1925. № 1. С 58–60.

82. 28-го февраля : [передовая о классификации лагерных проступков и нарушений] // Новые Соловки. 1926. 28 февр.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛАГЕРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дыхание времени...

83. *Березин, А.* Прошлое и настоящее соловецкой промышленности : очерк по истории развития соловецкого хозяйства // Соловецкие острова. 1925. № 2. С. 63–70; № 3. С. 37–47.

84. *Льдов, П.* Соловецкое хозяйство и его значение для Севера // Карело-Мурманский край. 1930. № 3. С 5–7.

85. *Массальский, В.И.* Соловецкое хозяйство в цифрах // Соловецкие острова. 1925. № 9. С. 40–44.

86. *Струкгоф, В.* Вопросы по организации труда заключенных // Соловецкие острова. 1925. № 3. С. 65–67.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСОЗАГОТОВКИ

87. В лесах соловецких / П. Л. // Соловецкие острова. 1930. № 2/3. С. 49–53.

88. *Савчук, С.* Лесное хозяйство Соловецких островов // Карело-Мурманский край. 1927. № 10/11. С. 41–43.

СЕЛЬХОЗРАБОТЫ

89. *Барановский, А.* Научно-опытные элементы в практике соловецкого сельского хозяйства // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 135–144.

90. *Матвеев, Д.Н.* Земледелие на Соловках в прошлом и настоящем. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 14).

91. *Матвеев, Д.Н.* Опытно-культурные начинания сельхоза УСЛОН // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 105–108.

92. *Матвеев, Д.Н.* Сельское хозяйство на Соловецких островах // Карело-Мурманский край. 1927. № 5/6. С. 44–46.

93. *Матвеев, Д.Н.* Научно-опытные условия в с.-х. Соловецких островов // Карело-Мурманский край. 1927. № 7/8. С. 32–34.

РЫБНЫЕ И ЗВЕРИНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

94. *Доильницын, В.П.* Лов рыбы и зверя на Соловках // Соловецкое море. Архангельск; М., 2005. № 4. С. 24–28. Опубл. по: Новые Соловки. 1926. 7 нояб.

95. *Захваткин, А.* Новые орудия рыболовства на Белом море // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 97–99.

96. Рыбные промыслы нашего Севера / Н. П. // Соловецкие острова. 1925. № 2. С. 80–85.

ОХОТНИЧЬЕ И ПУШНОЕ ДЕЛО

97. *Некрасов, Н.* Наша промышленность : промышленное звероводство и птицеводство на Русском Севере // СЛОН: полит.-обществ. и воспитат. журн. 1924. № 9/10. С. 74–76.

98. *Генерозов, В.Я.* Соловки как опытно-показательное охотничье хозяйство // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 37–40.

99. *Генерозов, В.Я.* Ондатра – американская выхухоль – и ее акклиматизация на Соловецких островах. Соловки, 1927. 75 с. : 16 л. прил. : ил. (Материалы СОК; вып. 2).

100. *Генерозов, В.Я.* Пушное звероводство и его насаждение в районе Мурманской железной дороги // Карело-Мурманский край. 1927. № 7/8. С. 25–28.

ЗАВОДЫ, МАСТЕРСКИЕ, ПРОИЗВОДСТВА

101. Кондостровский смолокуренный завод // Новые Соловки. 1926. 12 дек.

102. На заводах // Новые Соловки. 1926. 3 янв. Содерж.: Кожевенный завод; Электростанция; Кирпичный завод.

103. На кирпзаводе / Б. Е. // Новые Соловки. 1926. 21 нояб.

104. *Простосердов, Н.* Завод сухой перегонки дерева // Соловецкие острова. 1925. № 2. С. 71–75.

105. *Простосердов, Н.* Очерки по технологии соловецких производств: группа производств по обработке ископаемых. Кирпичное производство // Соловецкие острова. 1925. № 6. С. 28–31.

106. *Простосердов, Н.* Технология соловецких производств: Кожевенное производство // Соловецкие острова. 1925. № 1.

ТРАНСПОРТ

107. *Смирнов, И.* Железнодорожный транспорт: о. Соловки // Соловецкие острова. 1925. № 8. С. 49–52 : 1 л. ил.

108. *Русаков, Г.* В железной паутине : [Соловецкая железная дорога] // Новые Соловки. 1926. 15 авг.

109. *Чихачев, Ф.* Соловецкая железная дорога // Карело-Мурманский край. 1927. № 9. С. 27–29.

110. «Корабли Курчевского» / лагкор «Икс» // Новые Соловки. 1926. 20 июня.

111. *Курчевский, Л.* Топливо будущего: к использованию приливов и отливов Белого моря // Новые Соловки. 1926. 21 нояб.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

112. *Ковач, И.* Электрификация Соловков // СЛОН: полит.-обществ. и воспитат. журн. 1924. № 9/10. С. 72–73.

113. *Скиф-Самохвалов, Н.* Электричество на Соловках // Соловецкие острова. 1925. № 8. С. 39–48.

114. Электрификация Соловков / В. К. // Карело-Мурманский край. 1927. № 7/8. С. 35–36.

По следам...

115. *Бороздинец, Л.Г.* Роль и значение массового применения труда уголовно осужденных в освоении природных богатств Печорского края в конце 20-х – конце 50-х гг. XX в. : [Чибью] // Гуманитарные исследования. 2008. № 3. С. 70–87 : табл.

116. *Макуров, В.Г.* Роль ГУЛАГа в хозяйственном освоении Севера в 1920–1930-х гг. (на материалах Карелии) // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития. Архангельск, 2010. С. 83–92.

117. *Шульгина, М.В.* Динамика хозяйственно-производственной деятельности Соловецких лагерей особого назначения (1923–1937 гг.) // Вестник Тюмен. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 95–101.

118. *Шульгина, М.В.* Эволюционирование системы принуждения и стимулирования труда заключенных в Соловецких лагерях особого назначения (1923–1933 гг.) // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2010. № 10. С. 61–67.

119. *Шульгина, М.В.* Концепт «труд» в языковой картине мира Соловецких лагерей // Поморские чтения по семиотике культуры : сб. науч. ст. / [отв. ред. Н.М. Теребихин]. Архангельск, 2012. Вып. 6 : Геоисторические и геоэтнокультурные образы и символы освоения арктического пространства. С. 374–384.

120. *Шульгина, М.В.* Развитие производственной деятельности Соловецких лагерей особого назначения в 1923–1930 годах: стратегии и дискуссии // Дорогой Ломоносова : материалы XI Ломонос. науч. чтений студентов, аспирантов и молодых ученых. Архангельск, 2011. С. 34–41.

* * *

121. *Соболев, А.Н.* Культурно-природный комплекс «Варварка» // Соловецкий сборник / Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 147–159 : фото; Соловецкое море. 2005. Вып. 4. С. 93–103 : фото.

122. *Шульгина, М.В.* Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923–1933 гг.) // Известия Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 2. С. 129–134.

* * *

123. *Бочкарева, О.В.* Железнодорожный транспорт на Соловках, 1920-е – 1932 гг. // Соловецкий сборник / Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник. Архангельск, 2007. Вып. 4. С. 5–25 : фото.

124. *Кулеба, А.* Под крылом – ГУЛАГ // Крылья Родины. 2012. № 10/11. С. 124–136 : ил. Содерж.: Воздухолиния Соловецких лагерей и Ухтпечлага; Первое десятилетие полетов на Севере ; Годы предвоенные и военные; Послевоенное десятилетие авиации ГУЛАГа на Севере.

* * *

125. *Зарайченко, А.Е.* Реконструкция Гончарного завода периода УСЛОН, 1923–1930 годы (о. Большой Соловецкий) // Ars Historica : альманах науч. студенч. о-ва ист. фак. ПГУ им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2010. Вып. 2. С. 69–72.

126. *Шульгина, М.В., Зарайченко, А.Е.* Реконструкция производственного центра Соловецкого лагеря особого назначения (Гончарный завод) // Ист. науки. 2010. № 2. С. 46–55.

НАУЧНАЯ И КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СОАОК, СОК)

См. также: Труды Соловецкого общества краеведения (1926–1929)

Дыхание времени...

127. Краеведение на Соловках / А. Э-н // Карело-Мурманский край. 1927. № 12. С. 10–13.

128. *Линевский, А.* Соловецкое общество краеведения : (из личных впечатлений) // Карело-Мурманский край. 1929. № 1.

129. Наука на Севере // Новые Соловки. 1926. 17 янв. Содерж.: Собрание кружка любителей природы и краеведения; Сибирская экспедиция Биосада / Б. Ш.

130. *Простосердов, Н.Н.* Ближайшие задачи краеведения на Соловках // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 109–112.

131. *Серебряков, А.* Исторический очерк краеведческой работы на Соловках // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 103–108.

132. Соловки : [краевед. работа] / Д. Р. // Известия Центр. бюро краеведения. 1926. № 6. С. 185–186.

133. Соловецкое общество краеведения // Новые Соловки. 1926. 3 окт.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. БИОСАД

134. *Глаголев, А.* Геология Соловецких островов : из предварит. отчета // Соловецкие острова. 1925. № 4/5. С. 11–14.

135. *Жуков, С.* Соловецкие луга // Соловецкие острова. 1930. № 2/3. С. 61–64.

136. *Захваткин, А.* Задачи Соловецкого Био-сада // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 123–129.

137. *Захваткин, А.* К восстановлению Соловецкой биологической станции // Карело-Мурманский край. 1927. № 2. С. 37–40.

138. *Иванов, Вс.* Отчет о деятельности кружка любителей природы и краеведения при Соловецком отделении АКО за январь–май 1926 г. // Соловецкие острова. 1926. № 5/6. С. 163–166.

139. *Иванов, В.* Полезные ископаемые Соловецкого острова // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 150–154.

140. *Кривош-Неманич, В.* О соловецком климате // СЛОН: полит.-обществ. и воспитат. журн. 1924. № 9/10. С. 105–108.

141. *Некрасов, М.К.* Опыт одомашнения гаги в Соловецком биосаде // Живая природа. 1925. № 23. С. 308–310.

142. *Некрасов, М.К.* История возникновения биосада на Соловках // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 171–174.

143. *Поляков, Гр.* Окольцовывание птиц и опыты его на Соловках // Соловецкие острова. 1930. № 2/3. С. 65–70.

144. *Простосердов, Н.Н.* Соловецкая химическая лаборатория на службе краеведения // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 130–134.

145. Соловецкая биологическая станция / Краевед // Новые Соловки. 1926. 31 окт.

146. *Хеладзе, И.* Краткий очерк геологического строения Соловецких островов // Материалы СО АОК. 2-е изд. Соловки, 1927. Вып. 1. С. 154–159 : ил.

147. Хроника естественно-научной деятельности Соловецкого отделения АКО // Соловецкие острова. 1926. № 5/6. С. 167–170.

148. *Чуднов, К.* Краткий обзор фауны Соловецких островов : из предварит. отчета // Соловецкие острова. 1925. № 4/5. С. 15–18.

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

149. *[Приклонский, А.].* Архивная деятельность СОАОК : архив б[ывшего] Пертоминского монастыря // Соловецкие острова. 1925. № 4/5. С. 24.

150. *Виноградов, Н.Н.* Соловецкие лабиринты // Новые Соловки. 1926. 5 сент.

151. *Виноградов, Н.Н.* Сказка Севера : [церковь Андрея Первозванного на Заяцком о-ве] // Новые Соловки. 1926. 26 сент.

152. *Виноградов, Н.Н.* Доисторическая археология на Соловках // Человек. 1928. № 1. С. 98.

153. *Иванов, А.* Соловецкий мятеж (1637–1676) // Новые Соловки. 1926. 3 янв.

154. *Иванов, А.* Преображенский музейный заповедник // Новые Соловки. 1926. 31 янв.

155. *Иванов, А.* Декабристы в Соловецкой тюрьме // Новые Соловки. 1926. 27 июня.

156. *Иванов, А.* Древности Поморья // Новые Соловки. 1926. 14 нояб. Содерж.: Лопарский замок; Сумский посад.

157. Хроника историко-археологической работы Соловецкого отделения АКО // Соловецкие острова. 1926. № 5/6. С. 180–186.

158. Соловецкие памятники : описания А.А. Евневича и П.К. Казаринова, 1934 г. / публ.: А.А. Куратов // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики : сб. науч. тр. М., 1990. С. 301–323.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

159. *Глубоковский, Б.* Криминология в Соловках // Новые Соловки. 1926. 3 окт.

160. Первое собрание криминологической секции // Новые Соловки. 1926. 31 окт.

161. Криминологическая работа на Соловках: [23 окт. 1926 г. начала работать Криминологическая секция СОК] / Б. Г-ский // Карело-Мурманский край. 1927. № 4. С. 37–38.

162. *Лихачев, Д.С.* Статьи ранних лет : сб. Тверь : Обл. отд-ние Рос. фонда культуры, 1993. 146 с. : ил.

163. *Лихачев, Д.С.* Картежные игры уголовников : [из работы, написанной автором в СЛОНе] // Символика тюрем : нравы уголовного мира всех стран и народов / сост. Н.В. Трус. Минск : Литература, 1996. С. 166–172.

164. *Смирнов, В.* Криминологические этюды // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 77–86.

165. Соловецкое «дно» : очерки по исследованию уголовного мира / Г.А. Б-ин // Соловецкие острова. 1925. № 1. С 51–54; № 2. С. 24–28; № 3. С. 62–64.

По следам...

166. Деятельность Соловецкого Общества Краеведения // Соловецкий лес / Л.Ф. Ипатов, В.П. Косарев, Л.И. Проурзин, С.В. Торхов. Архангельск, 2005. С. 32–37.

167. *Дряхлицын, Д.Н.* Архивные материалы по истории Соловецкого общества краеведения: источниковедческий анализ // Мир источниковедения : сб. в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 360–362.

168. *Дряхлицын, Д.Н.* Из истории Соловецкого общества краеведения (СОК) : по «Материалам СОК» // Анциферовские чтения : материалы и тез. конф. (20–22 дек. 1989 г.). Л., 1989. С. 68–71.

169. *Коваленко М.В.* Исследовательская работа и творчество заключённых Соловецкого лагеря особого назначения в 1920-е годы // Краеведческие чтения : материалы III науч. конф. (20 февр. 2009 г.). Петрозаводск, 2009. С. 72–76.

170. *Коваленко, М.* Развитие науки на Соловках в 1920-е гг. // Управление: история, наука, культура : тез. докл. 13-й межрегион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, 21–22 апр. 2009 года. Петрозаводск, 2009. С. 17–20.

171. *Мельник, А.* По следам СЛОНа : Соловецкое общество краеведения // Соловецкий вестник. 1990. № 7; 9.

172. *Резникова, И.* Научная и исследовательская деятельность [СОК] // Соловецкие острова. М., 1996. Т. 2 : Большая Муксалма. С. 31–32. (Тр. МАКЭ / под общ. ред. П.В. Боярского; вып. 9).

173. *Смирнова, М.А.* 80 лет Соловецкому обществу краеведения // Памятные даты Архангельской области, 2004 год. Архангельск, 2004. С. 81–85.

174. *Смирнова, М.А.* Деятельность научных краеведческих обществ на Европейском Севере России в 1920–1930-е годы : [в т.ч. СОАОК – СОК] // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 23–28.

175. *Смирнова, М.А.* Краеведы на службе тоталитарного режима // Отечественная и мировая интеллигенция в кризисные периоды истории : материалы XXI междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23–25 сент. 2010 г. Иваново, 2010. С. 195–197.

176. *Флейман, Е.А.* Ученые в условиях соловецкой ссылки в 1920–1930 гг. // Соловецкий общественно-политический форум, 4-й : Человек и общество: психическое здоровье и экология культуры : тез. докл. науч. конф. Архангельск; Соловки, 1992. С. 142–145.

* * *

177. *Горяшко, А.* Биостанция особого назначения // Московский журнал. 2007. № 11. С.17–23.

* * *

178. *Мартынов, А.Я.* Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. III тыс. до н. э. – XV в. Архангельск; Соловки, 2002. С. 9–14.

* * *

179. Секреты «Соловецкого Криминологического кабинета» / проф. И.С.; публ. Б.Н. Камова // Шпион : альм. писат. и журн. расследования. М., 1993. Вып. 1. С. 81-89.

180. *Соболева, Т.А.* История шифровального дела в России : [о Соловецком отделении Архангельского общества краеведения, о Г.И. Бокие, который возглавлял Спецотдел ВЧК, занимавшийся криптографией, Ф.И. Эйхмансе и пр. С. 456–459: фото: между с. 256–257]. М.: ОЛМА-пресс, 2002. 510, [1] с., [8] л. ил.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ МУЗЕЙ

Дыхание времени...

181. Как возник историко-археологический отдел музея: воспоминания одного из устроителей / В. Н.[икольский] // Новые Соловки. 1926. 18 июля.

182. *Виноградов, Н.Н.* Старинные металлические изделия Соловецкого монастыря в музее СОАОК // Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 123–126.

183. *Никольский, В.* Иконографическое собрание Соловецкого музея // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 145–149.

184. *Простосердов, Н.Н.* Естественно-историческое отделение Соловецкого музея // Соловецкие острова. 1926. № 2/3. С. 113–118.

По следам...

185. *Сошина, А.А.* Лагерный музей на Соловках (1924–1937 гг.) // Роль музеев в сохранении и изучении исторического и культурного наследия Русского Севера : тез. науч.-практ. конф. Сольвычегодск, 1994. С. 49–51.

186. *Сошина А.А.* Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937 гг.) // Соловецкое море : ист.-лит. альм. Архангельск; М., 2004. Вып. 3. С. 130–142: фот.

СОЛОВЕЦКАЯ ЛАГЕРНАЯ ПЕЧАТЬ

Дыхание времени...

Труды Соловецкого общества краеведения (1926–1929)

187. Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. Соловки, 1926. 183 с.: 4 л. ил. (Материалы СОАОК; вып. 1).

188. *Генерозов, В.Я.* Ондатра — американская выхухоль — и ее акклиматизация на Соловецких островах / Вл. Як. Генерозов. Соловки, 1927. 75 с.: 16 л. прил.: ил. (Материалы СОК; вып. 2).

189. Отчет Соловецкого Отделения Архангельского Общества Краеведения за 1924—26 годы. Соловки, 1927. 106 с. (Материалы СОК; вып. 3).

190. *Виноградов, Н.Н.* Соловецкие лабиринты: их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Соловки, 1927. 176 с.: 7 л. ил.— (Материалы СОК; вып. 4).

191. *Глаголев, А.* Особенности соловецкого климата / А. Глаголев. О климате города Кеми и острова Попова / С. Шорыгин. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 5).

192. *Иванов, А.П.* Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927. 47 с.: 6 л. ил. (Материалы СОК; вып. 6).

193. К познанию фауны Соловецких островов / авт.: А.А. Захваткин, Е.Г. Шерешевский, В.Н. Юрканский. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 7).

194. Из работ по прикладной ботанике / авт.: Д.Н. Матвеев, Б.А. Федулов. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 8).

195. *Захваткин, А.А.* Соловецкие озера : крат. гидробиолог. очерк. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 9).

196. *Иванов, В.Н.* Почвенно-геологические исследования Соловецкого острова : по материалам 1924, 1925 и 1926 гг. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 10);

197. *Никольский, В.П.* Обозрение отдела христианских древностей Музея СОК. Отдел I : Иконы. Соловки, 1927. 57 с.: 6 л. ил. (Материалы СОК; вып. 11).

198. *Виноградов, Н.Н.* Новые лабиринты Соловецкого архипелага: Лабиринт Б. Заяцкого острова. Соловки, 1927. 41 с.: ил. (Материалы СОК; вып. 12).

199. *Виноградов, Н.Н.* Обозрение христианских древностей Музея СОК. Отдел II : Заповедник Б.[ольшого] Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки, 1927. 132 с. (Материалы СОК; вып. 13).

200. *Матвеев, Д.Н.* Земледелие на Соловках в прошлом и настоящем. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. (Материалы СОК; вып. 14).

201. *Приклонский, А.П.* Пертоминский архив: Описание рукоп. Преображенского Пертоминского монастыря 1620—1796 гг. Соловки, 1927. (Материалы СОК; вып.15).

202. Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. 2-е изд. Соловки, 1927. 183 с.: 4 л. ил. (Материалы СОК; вып. 16).

203. Из работ Криминологической секции. Соловки, 1927. 151 с.: 13 с. табл. (Материалы СОК; вып.17).

204. *Захваткин, А.А., Сахаров, Н.В., Юрканский, В.Н.* К познанию природы Соловецких островов. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1928. 56, [5] с. (Материалы СОК; вып. 18).

205. *Дуров, И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. и с доп. Н. Виноградова. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1929. 180 с. (Материалы СОК; вып. 19).

206. *Поляков, Г.И.* К познанию орнитофауны Соловецких островов. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1929. 56 с. (Материалы СОК; вып. 20). Рец.: С.А. Бутурлин // Советский Север. 1930. № 3. С. 172.

207. *Санин, А.Г.* Из работ геофизического отделения. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1929. 47 с. (Материалы СОК; вып. 21).

208. *Виноградов Н.Н.* Каталог доисторических сооружений острова Анзер. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1929. ? с. (Материалы СОК; вып. 22).

209. Из работ фенологической комиссии. Соловки, 1929. 48 с. (Материалы СОК; вып. 23).

* * *

210. *Акаревич, А.* Мы : лит. наброски // Соловецкие острова. 1925. № 3. С. 23–31 : ил.

211. «Новые Соловки» — летопись мысли, работы и быта новых Соловков : [подборка материалов, посвящ. первой годовщине издания] // Новые Соловки. 1926. 10 янв.

212. Наборщик Костя : воспоминания из жизни печатников / записал Лагкор «Икс» // Новые Соловки. 1926. 10 янв.

213. *Ем[ельянов], Б.* Похождения соловецкого репортера / Бор. Ем. // Новые Соловки. 1926. 7, 14 февр.

214. *Петряев, П.* Соловецкая пресса на службе краеведения // Материалы Соловецкого отд-ния Арханг. о-ва краеведения. Соловки, 1927. Вып. 1. [2-е изд.]. С. 177–180.

215. Пожелания Администрации УСЛОН, командования СОП и организаций РКП и РКСМ к годичному юбилею журнала «Соловецкого острова» («СЛОН») // Соловецкие острова. 1925. № 3. С. 19–22.

216. Пресса заключенных // Новые Соловки. 1926. 17 янв.

217. *Шенберг, П.Э.* Соловецкая печать // Из работ криминологической секции. Соловки, 1927; То же : [перепеч.] // Вестник полит. информации. 1988. № 21/22. С. 10–11.

По следам...

218. *Горчева, А.Ю.* Пресса ГУЛАГа (1918–1955); Списки Е.П. Пешковой : [о фонде «Помощь политическим заключенным» : сб.]. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 222, [1] с. : ил., портр., факс.

219. *Дряхлицын, Д.* Периодическая печать архипелага (1924–1930) // Север. 1990. № 9. С. 128–137.

220. *Мельник, А.В.* Журнал «СЛОН» — «Соловецкие острова» (1924–1930) как источник для изучения темы «Соловецкие лагеря особого назначения» // Десталинизация сознания: проблемы и перспективы : тез. докл. межресп. науч.-практ. конф. Архангельск; Соловки,1989. С. 65–67.

221. *Толкачев, В.Ф.* Лагерная печать на Соловецких островах : (журнал «Соловецкие острова») // Современное гуманитарное знание: актуальные проблемы : материалы XI Ломоносовских науч. чтений аспирантов, студентов и молодых ученых / под общ. ред.: Е.Е. Котцовой, Т.Э. Шестаковой. Архангельск : Помор. ун-т, 2009. С. 112–116.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НА СОЛОВКАХ

222. Все о МОПР / Соловецкая ячейка МОПРа // Новые Соловки. 1925. 15 февр. (№ 7).

223. *Эйхманс, Ф.* К вопросу о лагерной общественности // Соловецкие острова. 1925. № 4/5. С. 38–40.

224. *Каменоградский, И.С.* О соловецкой общественности // Соловецкие острова. 1925. № 4/5. С. 41–44.

225. *Сухов, [И.Я.]* Соловецкий коллектив РКП(б): отчет. докл. секретаря бюро коллектива на собрании коллектива // Новые Соловки. 1926. 3 янв. (№ 1 (53). Содерж.: Условия работы отчетного периода; Состав нашей парторганизации; Реорганизации, происшедшие в отчетном периоде; Партдисциплина; Партпросвещение; Работа комсомольской организации.

226. *Сухов, [И.Я.]* Соловецкий коллектив РКП: работа среди беспартийных кр[асноармей]цев и сотрудников УСЛОН // Новые Соловки. 1926. 10 янв.

227. Партжизнь : Соловецкий коллектив РКП(б) // Новые Соловки. 1926. 17 янв.

228. *Чуркин.* Комсомолия: О председателе и секретаре // Новые Соловки. 1926. 14 февр.

ТВОРЧЕСКАЯ И СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ В СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

229. *Смирнова, В.С.* Культура и искусство Соловков периода СЛОНа // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1993. С. 140–147.

230. *Фурсей, Г.* Поиск пути // Невский альманах. 2011. № 5. С. 70–75 : ил.

Литературное творчество

231. *Адамова-Слиозберг, О.Л.* Путь : стихи. М. : Возвращение, 1992. 36 с. (Поэты-узники ГУЛАГа. Малая серия; вып. 3).

232. *Глубоковский, Б.* Путешествие из Москвы в Соловки // Соловецкие острова. 1925. № 10/11. С. 5–16; № 12. С. 3–9; 1926. № 1. С. 24–42.

233. *Кемецкий, В.С.* Белая ночь : [стихи]. М. : Возвращение, 1998. 34, [2] с. (Поэты-узники ГУЛАГа. Малая серия; вып. 30).

234. Разбиваются в море льды... : (стихи заключенных СЛОНа из архива А.В. Мельник) // Соловецкое море. 2004. Вып. 3. С. 177–181.

235. Соловецкая муза : стихи и песни заключенных СЛОНа / [сост. В.Б. Муравьев]. М. : Возвращение, 1992. 36 с. : ил. (Поэты-узники ГУЛАГа. Малая серия. 2). Авт.: М. Фроловский, Б. Евреинов, В. Харатчинский, о. Николай (В. Лозина-Лозинский), Г. Русаков, А. Вадбольский, В. Кемецкий, Ю. Казарновский, А. Панкратов, О. Второва-Яфа и др.

236. Стихотворения поэтов, репрессированных советской тиранией, помещенные в журнале «Соловецкие острова», газете «Новые Соловки», журнале «Карело-Мурманский край», газете «Советское Беломорье» : сб. / сост. А.Г. Белоконь. Архангельск, 2002. [103] с. : ил.

237. *Флоровский М.Н.* Северная весна : [стихи]. М. : Возвращение, 1992. 36 с. : ил. (Поэты-узники ГУЛАГа. Малая серия; вып. 8).

По следам...

238. *Попова, Ю.В.* «Голоса соловецких ночей» : (поэзия заключенных СЛОНа) // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1995. Вып. 2. С. 40–52.

239. *Тюкина, С.* Севера пронзительный язык : (поэзия на Соловках во время лагерей) // Соловецкое море. 2002. № 1. С. 124–129.

240. *Тюкина, С.* Теперь Вы в Соловках... : лирика времен СЛОНа // Соловецкое море. Архангельск; М., 2003. № 2. С. 180–186 : фото.

ТЕАТР

241. *Никитин, Г.И.* Соловецкий театр // Соловецкие острова. 1925. № 2. С. 103–107.

242. *Борин, М., Глубоковский Б.* Соловецкий театр // Соловецкие острова. 1926. № 1. С 79–81; № 2/3. С. 41–72

243. *Глубоковский, Б.* Цифры и факты: работа театра // Новые Соловки. 1926. 10 янв.

244. *Акарский, С.* Соловецкий рабочий театр / С. Акарский // Новые Соловки. 1926. 7 февр.

245. Театральная неделя // Новые Соловки. 1926. 7 февр. Содерж.: Т.Х.С; Советская оперетта; Сцена и экран; Опера на Соловках.

По следам...

246. *Кузякина, Н.Б.* Театр на Соловках, 1923–1937. СПб. : ДБ, 2009. 175 с., [8] л. ил.

247. Театр ГУЛАГа : воспоминания, очерки / сост. М.М. Кораллов. М.: Мемориал, 1995. 168 с., 12 л. ил.

СПОРТ

248. Спорт // Новые Соловки. 1926. 10 янв. Содерж.: Спорт-кружок СОП / Корнилов; Борьба и бокс / А. Ко-в; На катке.

249. Спорт / А. Т. // Новые Соловки. 1926. 17 янв.

250. Спорт // Новые Соловки. 1926. 22 янв. Содерж.: Физкультура; Шахматы.

СОЛОВЕЦКИЙ ОСОБЫЙ ПОЛК (СОП)

251. На наших островах : Жизнь особого Соловецкого полка // Новые Соловки. 1925. 1 марта (№ 9). Содерж.: День семилетней годовщины Красной Армии на Соловках / Тиберей; «Подтянемся ребята» / кр-ец М. Давыдов; Конкурс [карикатур]; День седьмой годовщины / кр-ец А. Поткин.

252. *Савельев.* О моральном воспитании бойца // Соловецкие острова. 1925. № 2. С. 57–60.

253. Пережитое : наброски из жизни СОП // Соловецкие острова. 1925. № 9. С. 6–8.

ПАМЯТЬ

254. *Баженов, А.В., Мельник, А.В., Сошина, А.А.* Из опыта проектирования выставки «Соловецкий лагерь особого назначения» // Десталинизация сознания: проблемы и перспективы : тез. докл. межресп. науч.-практ. конф. Архангельск; Соловки, 1989. С. 67–69.

255. Выставка «Соловецкие лагеря особого назначения, 1923–1939» : [кат.] / сост. А. Баженов; авт. выставки: А.В. Баженов, Ю.А. Бродский, А.В. Мельник, А.А. Сошина. Архангельск, 1990. 2 л. в 4 слож.

256. *Мартынов, А.Я., Сошина, А.А.* Музей Соловков как материализованная память о Соловецких лагерях особого назначения // Русское подвижничество : [сб.ст.: посвящ. 90-летию со дня рождения Д.С. Лихачева]. М. : Наука, 1996. С. 301–309.

257. *Сошина, А.А.* К 20-летию экспозиции «Соловецкие лагеря особого назначения» // Соловецкий сборник / Соловец. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник. Архангельск, 2010. Вып. 6. С. 167–173.

258. *Бочкарева, О.В.* Новая экспозиция Соловецкого музея-заповедника «Соловецкие лагеря и тюрьма. 1920–1939» // Соловецкий сборник / Соловец. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник. Архангельск, 2011. Вып. 7. С. 177–178.

* * *

259. Колосс Соловецкий : [о перспективе установки 100-метрового памятника Христу на Соловках в память узникам СЛОН] / рубрику ведет А. Рабина // Коммерсантъ-Деньги. 2008. № 15. С. 112 : цв. ил.

260. *Тюкина С.* Соловецкий крест: Вознесение : [фоторепортаж о возведении Креста на Соловках] // Поморская Столица. 2004. № 3. С. 55: цв. ил.

261. *Мейланд, В.* Тьма Соловецкая : [московский график Кирилл Мамонов и его работы, посвященные СЛОН] // Наше наследие. 2007. № 82. С. 142–143.

* * *

262. *Кравников, В.Г.* Дни памяти, 99 // Экология культуры. 2000. № 1(14). С. 60–63.

263. *Столяров, В.П.* Концлагерь в Соловецком монастыре: возвращение памяти : докл. на XII междунар. Рождеств. чтениях // Русский город и русский дом: опыт религ.-социол. ист. анализа для соврем. России. М., 2004. С. 198–211; То же // Сборник пленарных докладов XII международных Рождественских образовательных чтений. М., 2004. С. 298–309.

264. *Татьяничева, Т.* Французы, увлеченные Россией : [в центр. библиотеке Коноши состоялась встреча читателей с французским писателем Оливье Роленом и членами съемочной группы, которая готовит для фр.-нем. культур. канала Arte докум. фильм под предварит. названием «Соловки: в поисках утраченной библиотеки»] // Коношский курьер. 2013. 9 апр.

265. *Черенкова, С.* Сандармох – Соловки: память жива : ... 6–8 авг. прошли Дни памяти жертв политических репрессий // Карельский спорт. Петрозаводск, 2011. № 9. С. 7.

СОЛОВЕЦКИЕ ФОРУМЫ

266. Устав общественного движения «Соловецкий форум» : принят Общим собранием граждан-учредителей движения 17 июня 1992 г. // Архангельская область: социально-экономическое развитие, история, культура, образование. Архангельск, 1999. С. 209–212.

267. I Соловецкий форум. Десталинизация сознания: проблемы и перспективы : тез. докл. межресп. науч.-практ. конф., 12–17 июля 1989 г. / ред. Лукин Ю.Ф. Архангельск; Соловки : Изд-во АГПИ, 1989. 90 с.

268. II Соловецкий форум. Культура и политика в современном мире : тез. докл. Архангельск; Соловки, 1990. 233 с.

269. III Соловецкий форум. [Информация о проведении III Соловецкого форума «Соловки в прошлом, настоящем и будущем» (май 1991) и перечень докладов] // Соловецкий вестник. 1991. № 9/10. С. 2.

270. *Лукин, Ю.Ф., Сидоров, П.И.* Соловецкий форум // Ломоносовец. 1991. 14 мая.

271. IV Соловецкий форум : [материалы] // Ломоносовец. 1992. № 23 (спец. вып.). 4 с.: ил. Содерж.: Актуальные проблемы – сообща / [интервью с Ю.Ф. Лукиным]; «Человек и общество: психическое здоровье и экология культуры»: IV Соловецкий форум / П. Сидоров, Ю. Лукин, А. Соловьев; Обращение IV Соловецкого форума; Программа форума; Приглашаем принять участие в V Соловецком форуме.

272. IV Соловецкий общественно-политический форум «Человек и общество, психическое здоровье и экология культуры» : тез. докл. междунар. науч. конф. Архангельск : Изд-во Помор гос. пед. ун-та, 1992. 158, [1] с.

273. V Соловецкий форум. Россия. Север. Море : тез. докл. : в 4 ч. Архангельск; Соловки, 1993.

274. VI Международный Соловецкий форум «Социальная работа и социальное управление» : [тез. докл., июнь 1994 г. / под ред. П.И. Сидорова и др.]. Архангельск : Изд-во Арханг. гос. мед. ин-та, 1994. 455 с. Прил. к журн. «Экология человека».

275. VII Международный Соловецкий форум «Экология человека: будущее культуры и науки Севера» : тез. докл. / [под ред. П.И. Сидорова]. Архангельск : Изд-во Арханг. гос. мед. акад., 1995. 265,[1] с.

276. *Дранникова, Н.В., Разумова, И.А.* VII Международный Соловецкий форум // Живая старина. 1995. № 3. С. 63.

277. Архангельская область: социально-экономическое развитие, история, культура, образование / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1999. 273 с.

278. Социокультурное пространство: традиции и инновации, глобальное и региональное измерение : материалы X Соловецкого форума, Архангельск – Соловец. о-ва, 6–9 сент. 2001 г. и др.; / [отв. ред. Ю.Ф. Лукин]. Архангельск : РОД «Соловец. Форум», 2001. 435 с.

279. *Лукин, Ю.Ф.* К десятилетию (1989–1999) Соловецких форумов // Архангельская область: социально-экономическое развитие, история, культура, образование. Архангельск, 1999. С. 204–208.

280. XI Международный Соловецкий форум : сб. материалов / Арханг. регион. обществ. движение «Соловецкий форум», Президиум. прогр. подгот. управленч. кадров «Менеджмент в бизнесе»; отв. ред. Ю.Ф. Лукин. Архангельск; Соловецкие острова, 2003. 404 с. : ил.

281. *Лукин, Ю.Ф.* Ностальгия по Соловкам : [история проведения научно-практических конференций в рамках Соловецких форумов] // XI Международный Соловецкий форум : сб. материалов. Архангельск; Соловецкие острова, 2003. С. 169–172.

282. *Синицкая, Н.Я.* Одиннадцатый международный // Вестник Поморского университета : Серия: гуманитарные и социальные науки. 2004. № 1. С. 121.

283. *Лукин, Ю.Ф.* Соловецкий форум – 2011 «Геополитика Арктики» // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 159.

284. XV Международный Соловецкий форум «Российская Арктика: история, современность, перспективы : материалы XV междунар. Соловецкого форума. Архангельск; Соловецкие острова, 2012. 283 с.: ил. URL: narfu.ru/aan/

285. *Лукин, Ю.Ф., Нестеренко, М.Ю.* XV-летию Соловецкого форума // Вестник САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 149–153.

286. *Лаврентьева, А.Ю.* Соловецкий форум: на пути к гражданскому обществу (1989–2012) // Российская Арктика: история, современность, перспективы : материалы XV междунар. Соловецкого форума. Архангельск, 2012. С. 4–15 : ил.

Воспоминания соловецких узников

Том II

Ответственный редактор
иерей Вячеслав Умнягин

Дизайн и оригинал-макет
Михаил Скрипкин

Художник
Сергей Губин

Литературный редактор
Вениамин Слепков

Корректоры
Марина Смирнова
Ольга Сидорова

В оформлении обложки использован снимок
Юрия Бродского

Подписано в печать 16.07.2014
Формат 72 x 104 1/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42.
Заказ № 394 Тираж 2000 экз.
1-й завод: 1–500.

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)
164070, Архангельская обл., пос. Соловецкий,
наб. бухты Благополучия, д. 1, корп. 8
solovki-news@yandex.ru
http://solovki-monastyr.ru

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Первый том фундаментального проекта Издательского отдела Соловецкого монастыря. Издание посвящено памяти заключенных Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). В книгу вошли мемуары узников, находившихся в заключении в период с 1923 по 1927 г., а также справочные материалы по истории лагеря, его материковых и островных отделений.

Издание ориентировано на самый широкий круг читателей и специалистов, интересующихся отечественной историей.

* * *

ИЗДАНИЕ
СОЛОВЕЦКОГО
МОНАСТЫРЯ